

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Л. В. М.

Р 810-230.4 (1875-9)

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

НОЯ 1947

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Всесторонне
СЕНТЯБРЬ.

1875.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. СЪ СВЕРА НА ЮГЪ. Романъ. (Книга III,
гл. XIII — XXIII) Н. Н. КАРАИНА.
- II. ЖНИЦА. Стихотвореніе. (Изъ Уланда). П. Н. ВЕЙНБЕРГА.
- III. ИСПОВѢДЬ СТАРИКА. Романъ. (Гл. XII—XIV.) ИПОЛИТА НЬЕВО.
- IV. ПѢСНЯ. Стихотвореніе. ОМУЛЕВСКАГО.
- V. НѢМЕЦКАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ. В. Т.
- VI. КРАСАВЕЦЪ. Романъ. (Гл. XII — XIII.) ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.
- VII. ВЪ МОГИЛѢ. Стихотвореніе. И. СУРИКОВА.
- VIII. ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ ВЪ НАРОДНОМЪ
ОБРАЗОВАНИИ. А. МИХАЙЛОВА.
- IX. НА МОСТУ. Стихотвореніе. И. СУРИКОВА.
- X. ОСНОВНЫЙ ЗАКОНЪ МЕДИЦИНЫ. В. О. ПОРТУГАЛОВА.
- XI. НА ПУТИ ВЪ ПЕРСІЮ. II. Астрахань. П. ОГОРОДНИКОВА.
- XII. ПОДРУГЪ. Стихотвореніе. (Съ венгерскаго) М. П.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. ВПЕРЕДЪ ИЛИ НАЗАДЪ? И. ЯЗЫКОВ.

(„Новая азбука“ графа Л. Н. Толстаго. Москва, 1875 г.—*Руководство къ русской азбуке*“. Составилъ В. Водовозовъ. Изданіе первое. Спб. 1875.)

XIV. ПЕЧАТЬ ВЪ ПРОВИНЦІИ. Д. І. МОРДОВЦЕВ.

XV. РОЛЬ МЫСЛИ ВЪ ИСТОРИИ. (Ст. первая.) . . . И. НИКИТИНА.

(„Опытъ исторіи мысли“. Т. I, вып. I, изд. журнала „Званіе“.)

XVI. РОЗЫ ПРОГРЕСА 666.

Современный романъ-фельетонъ съ консерваторами, либералами, плутократами, жидами, адвокатами, прокурорами, художниками, журнальными антрепренерами и сотрудниками, спиритами, коготками, амурами, похищеніями, увеселительными и благотворительными вечерами и спектаклями, поединками, поджогами для полученія страховой преміи, торжествомъ добродѣтели, посрамленіемъ порока и проч., и проч., и проч.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. И.

Скудость вознагражденія литературнаго труда.—Какъ составляются иногда статьи газетъ и какъ онѣ оплачиваются. — Причины того или другого положенія литературы. — Демократизація умственнаго труда и спросъ на дешевый товаръ. — Недостатокъ изслѣдованія положенія умственнаго труда.—Экономическое положеніе людей умственнаго труда.—Сравненіе участи европейскаго писателя и нашего. — Наши отношенія къ грузинскимъ мыслямъ.—Печальная роль нашей сатиры въ отношенія къ писателямъ.—Статистическій сборникъ г. Гацискаго.—Какія свѣденія даетъ онъ о положеніи мускульнаго труда.—Средній доходъ крестьянина.—Сравненіе средствъ интеллектуальнаго и мускульнаго производителей.

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Проба общественнаго мнѣнія. — Король цивилизаціи. — Хитроумный проектъ.—Геніальный способъ покоренія Явы. — Поставщикъ новостей.—Облегченіе труда и издержекъ журналистовъ. — Политическое трасе.—Давленіе „бюро прессы“ на телеграфнаго агента и „конторы объявленій“. — Проектъ начальника почтоваго вѣдомства. — Значеніе современной политической газеты, какъ промышленнаго предпріятія. — Затруднительное положеніе оппозиціонной прессы въ Германіи. — Вліяніе берлинскаго „бюро“ на австрійскую прессу. — Дѣятельность корреспондентовъ заграницей. — Денежныя средства „бюро“. — „Свинопаска“. — Изобрѣтеніе ложныхъ событій. — Замѣчательный трудъ профессора Вутке.—Средство для образованія вѣнца послѣдней формаціи. — Опасность „системы“.—Упадокъ литературы, въ особенности политической, въ Германіи.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИИВ. № 24491

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1875.

Р. 16442.

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 сентября 1875 г.

СЪ СѢВЕРА НА ЮГЪ.

РОМАНЪ.

КНИГА III.

XIII.

Очнулся.

Брѣвко спалъ Степанъ-Малышъ на мокромъ пескѣ, ничкомъ распластавшись.

Да и спалъ-ли онъ еще? Можетъ такимъ сномъ уснулъ бѣдняга, отъ котораго нѣтъ и просыпу? Поглядѣть на него со стороны, — ну, совсѣмъ утопленникъ, волною на мель выброшенный.

Посинѣло тѣло голое, избитое, клейкая, ползучая водоросль ноги оплела, перепутала, иль съ пескомъ промежь пальцевъ набились... Ящерики крохотныя, желтенькія, — самая робкая тварь, чуткая ко всякому звуку легкому, — юреютъ около, копошатся, у самага тѣла бѣгаютъ, рѣзвятся; одна такъ даже на затылокъ Степановъ взобралась, свернулась тамъ кольцомъ золотистымъ, другая къ ней промежь лопатокъ ложбиною пробирается... Дохни только сонный, чуть-чуть шевельни ребрами, — такъ-бы и прыснули гадинки эти безвредныя во всѣ стороны.

Птица хищная — баклашки да чайки-падальники, давно уже сверху на поживу зарятся, круги все вокругъ да оволо описываютъ; то вотъ-вотъ насядутъ, близко, надъ самымъ тѣломъ черкнутъ, то опять въ высь умчатся... Близко подлетаютъ, приняться только вплотную, какъ слѣдуетъ, не рѣшаются.

А солнце давно уже изъ-за песчаной гряди наносной выглянуло, золотить гребень ея волнистый, сверкають на немъ острия, серебрястыя ракушки, косточки рыбы, Богъ вѣсть когда оголенные; отъ круглыхъ камней валуновъ, отъ острыхъ свалистыхъ выступовъ вплоть до самаго моря длинныя тѣни протянулись.

Прочистило небо. Опрокинулось оно надъ моремъ, такое прозрачное, синее, безконечное; бѣгутъ по немъ кое-гдѣ только легкія облачка, какъ снѣгъ бѣлыя. Плавно набѣгаетъ на берегъ волна морская, чуть-чуть только песокъ ополаскиваетъ, ласкаетъ его словно своею пѣнистою оторочкою...

Тихо такъ, свѣжо въ воздухѣ, туманъ знойный, мглу разнесло. Далеко-далеко вряя синеватыя пораздвинулись, изъ конца въ конецъ все какъ на ладони видно, словно и не далеко оно, а вотъ тутъ стоитъ передъ тобою, близехонько. Понатужься только, пройди впередъ маленько.

Всѣ страсти ночныя, всѣ ужасы могучей грозы ни вѣсть куда стгнули и смѣнило бурную ночь тихое, ясное, благодатное утро.

А Степанъ все спалъ...

Выше и выше солнце поднимается, короче да короче тѣни становятся. Вотъ уже къ ногамъ Степановымъ подбираются, вотъ уже и пятки его на свѣтъ выглянули, вотъ уже и икры нагреваться стали, поперегъ всего тѣла словно поясомъ охватило; залоснилась спина мокрая, покраснѣлся затылокъ загорѣлый. Шевельнулъ вѣтерокъ волоса свѣтло-русые, быстро на солнцѣ просохшіе...

Все спитъ мужикъ, не просыпается...

Очнулся Степанъ-Малышъ только подъ вечеръ.

Дохнулъ посиальнѣй, языкомъ поворотить хотѣлъ—не ворочается, что-то склеило его, связало чѣмъ-то тягучимъ, илистымъ... Голову приподнялъ немного — отяжелѣла совсѣмъ, свинцомъ будто кто ее налилъ; въ ухахъ гулъ стонѣть, глаза глядѣть не хотять, сами собою слипаются; разломило всего, распарило...

„Посплю еще съ часокъ, думалъ парень; — что-же, мое дѣло не горитъ, терпитъ... Ну, и умаялся-же я!“

Не сообразилъ Степанъ-Малышъ сразу-то, что съ нимъ да гдѣ онъ. Болша въ рыбацьемъ шалашѣ, на Косъ-Аралѣ, ему, знать,

померещилась или полати теплые, скамья избяная — мѣсто обычное... Память ему всю ночнымъ переполохомъ отшибло...

Сталъ онъ тутъ рукою шарить, полушубокъ потянуть на себя, знать, захотѣлъ. Что за диковина? Спина словно въ огнѣ горитъ, къ затылку будто кто желѣзо каленое прикладываетъ, а въ груди да брюхѣ морозъ стоитъ — на мокромъ пескѣ, что на ледникѣ, остыло, — невтерпежъ просто.

Поднялся Степанъ черезъ силу, сѣлъ. Самъ руками за землю хватается, чтобъ опять не запрокинуться. Озирается мужикъ вокругъ себя ошалѣлыми глазами, ворочается къ нему мало-по-малу память его отбитая.

— Не потонулъ, значить... выволокъ-таки на сухое мѣсто Микола милостивый!.. Таперича какъ-же?..

Стала тутъ его рука сама собою затылокъ скрести. Эвона! весь въ пузыряхъ. На плечахъ, на спинѣ какіе вонъ волдыри повскакали! Оттого и жжетъ такъ... Солнцемъ опалило, значить, пока лежалъ Степанъ въ своемъ забытѣ на самомъ припекѣ.

На непокрытое тѣло, особенно мокрое, Боже оборони сердито какъ лучи солнечные безошадные дѣйствуютъ.

Какъ припомнилъ да сообразилъ все Степанъ-Малышъ — живо на ноги поднялся.

Куда теперь?..

Сначала его къ водѣ словно качнуло. Объ дѣдѣ корнаухомъ вспомнилъ и о лодкѣ своей. Тутъ и они, должно быть; куда-жъ имъ дѣться? Коли его самого сюда выкинуло, надо полагать и дѣдко тутъ-же по-близости...

Побрелъ Степанъ вдоль берега, голову внизъ нагнувъ, словно землю подъ ногами разглядываетъ, самъ тоже согнулся, болитъ спина, нѣтъ силъ выпрямиться. Чуть-чуть переступаютъ слабыя ноги, колѣнки дрожатъ, сырой песокъ подъ ногами не вязнетъ хотя, а все словно цѣпляется, шагъ задерживаетъ... Рывинку пришлось переходить тутъ неглубокую — еле-еле Степанъ изъ нея, ползкомъ уже, выбрался... Пройдетъ такъ мужикъ шаговъ съ десятокъ, сядетъ, посадитъ малость, духъ переведетъ, опять пойдетъ. То на воду посмотреть изъ-нодъ руки, то въ глубину береговъ приглядывается...

Тихо, безмолвно такъ на морѣ. Легкая зыбъ чуть-чуть рябитъ его безконечную поверхность. Потухшее солнце, безъ лучей уже,

краснымъ шаромъ, большимъ такимъ, въ воду спускается. Широкая искрящаяся дорога, золотистыми блестящими вся усѣянная, черезъ все море, отъ солнца вплоть до берега, до самыхъ ногъ Степановыхъ протянулась. Чернѣетъ на ней что-то, и недалеко даже, рукою подать, — ужь не каишь-ли ихній? Нѣтъ, большой камень, гладко-на-гладко волною отесанный, изъ-подъ воды выглядываетъ; усѣяли его птицы морскія, сидятъ смирно, на ночлегъ, знать, сюда забрались... Нѣтъ, не лодка! А вотъ и еще что-то черное, косматое лежитъ у самой воды; вонъ пошевеливается никакъ, живое значить. Дѣдко, ты, что-ли?.. Нѣтъ. Сбились это въ кучу морскіе водоросли, пригнало ихъ къ берегу. Набѣгаетъ волна за волною, подталкиваетъ это гнилье, вотъ оно живымъ чѣмъ-то и кажется...

Глянулъ Степанъ въ другую сторону — еще тошнѣе ему стало. Уныло - безотрадно длинная песчаная коса безъ конца тянулась. Матерой-ли это берегъ, островъ-ли какой — кто его вѣдаетъ!.. Припомнились тутъ Степану всѣ розказни дѣдкины, самъ корнауухій, какъ живой, передъ его глазами грезится. „Вода — жизнь, безъ воды — смерть“, такъ вотъ и лѣзетъ въ уши. А припомнилась эта вода провлятая, все нутро перевернуло...

Попробоваль-было Степанъ глотнуть той, что у него подъ самыми ногами была, — сначала ничего, будто полегчало даже, а потомъ, — нѣтъ, съ души претъ подлая вода; чѣмъ это ее такъ испакостили? Забрель въ воду эту Степанъ по колѣна, потомъ еще дальше полѣзъ, присѣлъ это по шею, на голову полилъ руками — чудесно!.. Эхъ, кабы пить ее можно было...

Только пузыри на обожженныхъ мѣстахъ хуже прежняго разболѣлись, разѣло ихъ морскою солью, разбередило совсѣмъ, лопаться стали анафемскіе...

Бредеть дальше да дальше Степанъ... А солнце совсѣмъ уже за воду спряталось, потухла дорога къ нему золотая, мелкая зыбь улеглась на водѣ. Звѣзды на небѣ высыпали, звѣзды эти и море все сплошь усѣяли; на небѣ звѣздочка какая-нибудь съ мѣста сорвется, черкнетъ серебряною ниткою и внизъ куда-то свалится; и на морѣ такая-же звѣздочка летитъ къ ней на встрѣчу, словно вынырнуть изъ воды хочеть. Чу-кось! голоса никакъ... Люди заговорили словно... Чу-кось!

Въ жаръ кинуло Степана, духъ у него занялся; прислушивается парень, замеръ совсѣмъ на мѣстѣ, не заговорять-ли еще... Тсъ!

Нѣтъ, ничего больше не слышно... Какіе здѣсь люди! кому голоса подавать... Померещилось, знать, какъ-нибудь... Только явственно что-то уже очень, совсѣмъ какъ-будто... Ишь!.. опять... Владычица милостивая, царица небесная!..

Только откуда-же это голосъ слышится? Не то съ моря, по водѣ будто, низомъ доносится, не то совсѣмъ съ другой стороны, съ бугровъ тѣхъ вонъ... не разберешь совсѣмъ.

„Еще-бы голосъ подали — я-бы теперь разобралъ, думаетъ Степанъ.—Я-бы за него во какъ ухватился-бы... я-бы...“

Да только какъ замеръ этотъ звукъ послѣдній, такъ и не вторялся болѣе... Съ часъ добрый стоялъ Степанъ, ничего-то онъ больше, кромѣ легкаго плеска у берега, не слышалъ...

„Что-же теперь, дальше идти, что-ли? соображаетъ парень.— А ну, какъ я отъ него уходить стану?.. На мѣстѣ нѣшто стоять, дожидаться?.. А ну, какъ онъ отъ меня уйдетъ?..“

А ночь все темнѣе да темнѣе становится, звѣзды на небѣ все ярче да ярче разгораются. Сначала-то, пока заря вечерняя закаты золотила, наверху скопились звѣздочки, надъ головою больше, а теперь вонъ уже и по низамъ пошли, у самаго края искриться начали. Вонъ одна какая большущая! Какъ фонарь красная, огнемъ горитъ просто. Это оттого, что внизу пока она; выше поднимется—поблѣветъ, поменьше казаться будетъ, какъ и тѣ всѣ прочія...

Приглядѣлся тоже Степанъ-Малышъ къ небу звѣздному, зналъ уже, какъ и что тамъ дѣлается...

Присѣлъ Степанъ на несокъ — спряталась эта звѣзда яркая, заслонило ея темнымъ берегомъ, не видно. Посидѣлъ такъ онъ еще съ часъ времени. „Или нѣшто идти ужъ?“

Только на ноги мужикъ приподнялся — опять эта звѣзда въ глаза лѣзетъ; все на томъ-же мѣстѣ стоитъ, только больше стала, разгорѣлась словно, мерцаетъ такъ, вздрагиваетъ. Да полно, звѣзда-ли это?.. Можетъ...

Вонъ потухла, опять вспыхнула... огонь!.. Ей-же-богу, огонь!.. Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ самомъ!..

Зашагаль-было Степанъ во всю свою мочь, какая только у него береглась, осталась. Прямо держаль путь на ту точку огненную, что ему въ темнотѣ маячила...

А тутъ бѣда—въ гору пошло дѣло. Отъ берега подальше и песокъ посуше. Уходитъ ступня совѣмъ по щиколотку; ступить шагъ впередъ, да на пол-шага назадъ осунется, съѣзжаетъ.

Двойная работа идти по такому мѣсту неудобному, а силъ у Степана и на хорошій, легкій путь не хватаетъ. Въ потъ бѣднягу ударило, нуще жажда одолѣвать стала, хрипота въ горлѣ, въ бокахъ колотье...

Отдохнуть, присѣсть-бы—страшно тоже! Только это опустишь-ся, сейчасъ огонекъ этотъ изъ глазъ пропадаетъ. А что, если потомъ поднимешься, да и не увидишь его болѣе?

Идетъ Степанъ, работаетъ. Кажется ему, что даже ходко идетъ, такъ вотъ и отиѣриваетъ, только на дѣлѣ-то онъ чуть-чуть впередъ подвигается.

Оставляютъ бѣднягу его послѣднія силишки, опять мутить все въ головѣ начало, опять въ ухахъ загудѣлъ звонъ, — знакомый уже, нехорошій, — опять передъ глазами воспаленными уже не одинъ огонь—звѣзда путеводная, а цѣлые рои искръ огненныхъ запрыгали...

.

XIV.

Т о м а в ъ - А т л .

„Изъ прѣсной воды въ соленую“, прямо изъ широкаго устья „Улькунъ-Дарья“ (великой рѣки), самаго большого изъ рукавовъ-притоковъ аму-дарьинскихъ, въ открытое море вышли двѣ лодки.

Тихо идутъ каяки, лѣниво весла работаютъ, больше на теченье полагаются гребцы лѣнивые. Съ утра ранняго изъ-за камышей вышли, гдѣ ураганъ ночной пережидали, а вонъ и до сихъ поръ зеленая полоска зарослей прибрежныхъ за кормомъ виднѣется; немного, значить, отѣхали.

Впереди, какъ на носъ каяга взберешься, водораздѣлъ виднѣтъ двухцвѣтный — полоса, гдѣ прѣсная вода въ соленую входитъ...

Крѣпка тоже вода морская, свѣтлая, синяя, неохотно съ грязною водою рукавовъ мѣшается. Не то что, какъ теперь, въ тихую погоду, а и въ волну бурную водораздѣлъ этотъ издалека видѣть можно—гѣною густою онъ тогда на волнахъ обозначается...

Лѣвѣй немного этого водораздѣла желтая отмель, длинная такая, виднѣлась; за отмелью уже морская вода полоскою синѣла; тамъ опять земля какая-то видна была, словно облачко сѣроватое въ нитеу растянулось надъ водою. Вправо мелкія отмели вдоль береговъ цѣпью высыпали, которыя совсѣмъ голыя, чуть-чуть изподъ воды просвѣчиваютъ, которыя уже порости успѣли зеленою осокою. Усѣяны отмели эти всякою птицею водяною, стонъ стоитъ надъ моремъ отъ голосовъ птичьихъ, за версту плескъ по водѣ отъ крыльевъ слышится.

Не пошли каяки на водораздѣлъ, зная не въ море имъ дорога, влѣво свернули и длинную косу оглабають. На одномъ парусѣ было-поставили трехугольный, изъ циновокъ камышевыхъ связанный, да опять его прочь убрали — тихо, безвѣтріе, никакой пользы нѣтъ отъ этого паруса, развѣ что только тѣнь даетъ на лодку, отъ солнца закрываетъ; да народъ въ каякахъ сидитъ такой, что отъ жару не прячется, привычный тоже.

И каяки эти совсѣмъ особенные, а люди на нихъ такіе, что по Сыру-рѣкѣ, въ нашихъ мѣстахъ, совсѣмъ невиданные. Борты у лодокъ къ серединѣ низкіе, на поларшина до воды не достаютъ только, а къ кормѣ да къ носу высоко вверхъ вздернуты, съ обоихъ концовъ толстые брусья врублены, оболванены, закруглены шишками и въ красную краску окрашены; вдоль бортовъ пучки камыша навязаны. Поперегъ эти каяки тремя толстыми-же брусьями связаны, на четыре части каждую лодку брусья эти перерегаживаютъ; въ задней части глиняная печь устроена, котель въ нее вмазанъ для варки; надъ средними частями полога холщевые отъ комаровъ прилажены; на день ихъ сворачиваютъ, а къ вечеру на тонкихъ жердяхъ растагиваютъ; къ передней перекладинѣ, замѣсто мачты, обрубокъ короткій привязанъ, съ развилкою наверху, а то просто съ зарубкою, чтобы веревка не соскальзывала.

По мелкому мѣсту идутъ каяки, на бортахъ по два человѣка съ шестами стоятъ; упрутся въ дно песчаное шестами, поналягутъ на нихъ да и бѣгутъ такъ по бортамъ вплоть до кормы самой;

разгонять эдакимъ-то манеромъ лодку, уберутъ шесты и опять пойдутъ на носъ повторять ту-же самую работу.

Люди на лодкахъ все горбоносые, бороды длинныя, кудреватныя, какъ смоль черныя, тѣломъ смуглы, словно кожа у нихъ дубленая, а то и такіе есть, что совсѣмъ, почитай, черные, зеленю даже отъ нихъ на солнцѣ отсвѣчиваетъ. Кто въ большихъ шапкахъ бараньихъ, кто въ колпакахъ высокихъ цвѣтныхъ. На которомъ изъ нихъ рубаха надѣта долгополая, кто въ халатишкѣ рваномъ, стеганомъ, по темнокрасному полю полоски узенькія черныя, а кто совсѣмъ голый, штаны только надѣты на немъ коротенькіе, на четверть цѣлую до колѣнъ не хватаютъ.

На переднемъ какіѣ ребятъ двое есть, мальчишки оба, тѣ даже и безъ штановъ, совсѣмъ нагишемъ, черти-чертами сидятъ на бортахъ, ноги въ воду свѣсивши, а то купаться начнутъ. Ныряютъ вокругъ канка, плещутся; взлѣзутъ опять на борта, отряхнутся, какъ собаки, попросохнуть и опять летятъ въ воду кувиркомъ. Помѣшаютъ гребцу которому, подвернутся подъ шлепокъ весломъ—ничего, не режутъ, не обижаются, почесываются только да зубы скалятъ свои бѣлые, здоровые.

Есть и такой одинъ на переднемъ какіѣ, что поверхъ шапки бараньей бѣлое полотенце наворочено, а халатъ на немъ зеленый былъ смолоду, изъ полуселковой матеріи. Борода у того съдая, длинная; на одномъ глазу бѣлымъ съ горошину; въ рукахъ палка съ желѣзнымъ заостреннымъ наконечникомъ. Это мулла у нихъ, лицо духовное. Сидитъ онъ степенно, ни на кого не смотритъ, на воду глазами уставился и молитву бормочетъ.

Къ полудню огонь развели въ печкахъ, дымъ такой потянулся за лодками, что твои пароходы издали. Сало сомовье въ котелкахъ зашкворчало, за страпню принялись лодочники.

А тутъ и отмель-косу обогнули совсѣмъ, изъ прѣсной воды, почитай, уже выбрались, ближе къ землѣ той подходить стали, что прежде облачкомъ только казалась. Много виднѣе теперъ земля эта стала.

Вонъ островъ этотъ повыше будто къ одному краю, желтый обрывъ въ воду спускается, рѣзкими тѣнями залегли на немъ глубокія трещины-водоמוины. На самомъ гребнѣ обрыва не то куча какая-то сложена, не тостройка виднѣется. Прямо на нее теперъ оба канка путь свой держали.

„Давно это было *).

„Пришла бѣда на весь народъ кара-калпакскій, что сидѣлъ по рѣкамъ и озерамъ низовымъ аму-дарьинскимъ, отъ степныхъ береговъ, отъ туркмена, злого человѣка, прятался. На водѣ жилъ, водою только и прокармливался.

„Рыболовный народъ это былъ, а рыбы всякой много въ водахъ водилось, только знай запускай свои снаряды немудренны, да выбирай, что тебѣ милостью Аллаха великаго и пророковъ его святыхъ послано.

„Безъ нужды жилъ народъ, печалей не зналъ никакихъ, оттого больше и Бога забылъ, молиться пересталъ. Думалъ только, какъ-бы брюхо набить поплотнѣе да выспаться покрѣпче. Зазнался, значить.

„И послалъ имъ Аллахъ за то великое испытаніе.

„Послалъ онъ въ воды своихъ ангеловъ и велѣлъ имъ отогнать къ верховьямъ да въ морѣ глубокое всю рыбину, что на низахъ водилась, и запретить ей впередъ въ эти стороны заглядывать.

„Исполнили ангелы велѣніе Аллаха разгнѣваннаго — опустѣли, словно вымерли разомъ воды всѣ кара-калпакскія. Обезрыбѣли рѣки глубокія, озера разливыя, широкія.

„Опечалился народъ наказанный; сперва, пока запасы кое-какіе были не съѣдены, мало унывали, а послѣ видятъ — плохое со-всѣмъ дѣло; шибко всѣ приуныли. Смятеніе пошло по ауламъ, плачь и стенаніе.

„Да и какъ не печалиться, какъ не плакать, когда видятъ, что ничего въ сѣти, кромѣ травы подонной, не попадается, въ загороди ихъ да въ забойки ничего не заглядывается?

„Взялъ тутъ Голодъ, старикъ злой, беспощадный, свой „псякъ“ (ножъ) наостренный, пошелъ гулять по становищамъ да народъ въ нихъ вырѣзывать. По три души изъ каждаго десятка сразу выхватилъ.

„Вспомнилъ народъ Аллаха забытаго. Съ утра и до ночи молиться стали, намазъ за намазомъ творили, съ колѣнъ не вста-

*) Переводъ одной изъ легендъ народныхъ, записанныхъ мною во время по-слѣдняго путешествія моего на Аму-Дарью въ составѣ ученой экспедиціи для изученія дельты.

Прим. автора.

вали просто, гнойныя раны на колѣняхъ натерли, лица, груди ногтями истерзали. Муллу одного до смерти забили камнями за то, что молиться за народъ не хотѣлъ, требовалъ за каждую молитву по головѣ рыбы, а взять-то этой платы было не откуда.

„Ну и смиловился Аллахъ, наконецъ. „Дай-ко, думаетъ, — попытаю я, вполнѣ-ли они раскаялись“.

„Пришли на разливъ, гдѣ „Улькунъ“ съ „Кечкене“ воды свои о песчаный наносъ раздваиваютъ, два рода кара-калпакскихъ, „чимбайцы“ и „озерные“, поставили загородъ поперегъ всей рѣки, камышемъ загородили ее. Съ ночи поставили, до утра выждали, а тамъ обирать начали.

„Пусть въ снастяхъ, ничего нѣтъ, только семь змѣй желтыхъ попались и покусали рыбаковъ, когда тѣ въ воду съ лодокъ полѣзли.

„Еще разъ закинули, еще одну ночь ждать стали. Опять къ утру то-же самое. Только вмѣсто змѣй семь жабъ вытащили крупныхъ, спасибо хоть такихъ, что не кусаются.

„И еще разъ закинули, еще одну ночь подождали; поглядѣли утрожь... Аллахъ, Аллахъ, будетъ-ли конецъ гнѣву твоему? Семь червей волосатыхъ только и повисли на сѣткахъ.

„Ну, думаютъ, бѣда. Ножъ старика Голода къ кишкамъ добирается, мучительная смерть рыбакамъ готовится. День-то вытерпѣли, а къ ночи силы не хватило; привязали себѣ люди камни на шею, выѣхали въ лодкахъ на глубокое мѣсто.

„И видятъ—идетъ къ нимъ по водѣ старикъ длиннородный.

„Пѣшкомъ идетъ, вода подъ его ногами не разступается; палка въ рукахъ, по водѣ бьетъ — не брызгаетъ. Свѣтъ отъ него идетъ тремя лучами бѣлыми: одинъ прямо вверхъ, вплоть до небесъ доходить, два въ стороны, воду и берега далекіе заросшіе освѣщаютъ.

„Страхъ напалъ на народъ, сидятъ съ камнями на шеяхъ, какъ окаменѣлые, на старика чуднаго смотреть.

„Остановился старикъ недалеко. „Что вы тутъ дѣлаете?“ спрашиваетъ. Молчитъ народъ, языки будто у нихъ одеревенѣли, не ворочаются.

„Засмѣялся пришлецъ свѣтозарный. „Снимите камни, говоритъ, — бросьте ихъ въ воду, а сами къ сѣтямъ своимъ ступайте. Смотрите, онѣ прорвутся скоро отъ добычи; пѣна бьетъ около нихъ

отъ рыбихъ всплесковъ; въ годъ того не съѣдите, что теперь за одинъ разъ на берегъ вытасчете“.

„Кинулись рыбаки къ сѣтямъ, а тамъ уже трескъ идетъ, гнутся песты, трясутся, дрожать загороди крѣпкія, лопаются веревки волосяныя, какъ въ котлѣ вода кипитъ вокругъ нихъ, головы сомовы выскакиваютъ.

„Стали рыбу въ лодки накладывать, чуть не потопили свои каяки грузомъ непосильнымъ. До самаго утра на берегъ добычу возили, песку не видно на берегу подъ рыбою.

„Пропалъ тутъ старикъ изъ виду, такъ во всѣ три луча свои свѣтомъ разошелся, сгинулъ, только солнце изъ-за камышей выглянуло. И на мѣстѣ томъ, гдѣ стоялъ онъ, камень большой изъ-подъ воды высунулся.

„На другую ночь опять то-же видѣніе повторилось. Въ самую полночь на верхушкѣ камня того огонь вспыхнулъ, а изъ камышей старикъ пришелъ и сталъ, не глядя на людей, писать пальцемъ слова на камнѣ. Написалъ, что ему нужно было. „Пошлите за муллою знающимъ, говорить, — пускай прочтетъ вамъ, а вы то сдѣлайте. Сдѣлаете — хорошо вамъ будетъ, нѣтъ — новый гнѣвъ Аллаха заслужите. Прощайте!..“

„Горять огнями цвѣтными слова написанныя, горять и ночь всю, горять и днемъ, отъ солнечнаго свѣту даже не прячутся; глядятъ на нихъ рыбаки неграмотные, во всѣ концы гонцовъ разослали искать муллу этого свѣдущаго.

„Пришелъ мулла изъ „Чимбая-города“, разобралъ имъ, что на камнѣ было написано:

„Зовутъ меня Токмакъ; отсюда на западъ, на выходѣ къ морю, на голомъ островѣ лежатъ на пескѣ мои кости непогребенныя. И съ острова того не хотятъ уходить онѣ, и подъ камень этотъ просятся“.

„Вотъ и все, что было здѣсь написано. Какъ прочелъ, такъ и потухли разомъ буквы огненныя.

„Долго обдумывалъ народъ, что имъ дѣлать теперь, да и порѣшили плыть всѣмъ на западъ, искать островъ пустой на выходѣ къ морю, найти тамъ кости святныя непогребенныя, а камень этотъ съ собою взять и, похоронивъ кости, положить его поверхъ могилы.

„Собрали сюда весь народъ низовой, тридцать три дня, трид-

цать три ночи камень этотъ поднимали. На тридцати трехъ каякахъ большихъ, вмѣстѣ связанныхъ, его поставили и поплыли всѣ внизъ къ морскому выходу, къ острову пустому песчаному.

„Долго плыли, долго искали этого острова; доплыли, наконецъ, нашли, что имъ нужно было.

„Вырыли яму глубокую, вымазали стѣнки ея глиною, уложили въ нее кости святныя, засыпали и камень навалили сверху привезенный. Потомъ мазарку надъ нимъ глинобитную выложили, съ круглымъ сводчатымъ куполомъ, и постановили на будущія времена, изъ рода въ родъ, потомству своему, каждый годъ три раза сюда ѣздить и привозить святому въ даръ съ каждой семьи по три рыбины.

„Островъ-же этотъ съ тѣхъ поръ „Токмакъ-Ата“ назвали“.

Къ этому-то острову и плыли два каяка съ народомъ. Обычную поѣздку свою они дѣлали и везли на поклонъ святому Токмаку рыбу дарственную.

Еще высоко солнце было, какъ они къ острову стали подчаливать. Подойти вплотную невозможно было, потому съ этого берега мель далеко въ воду расплзается; остановились каяки съ полверсты не дойдя до сухого мѣста, вбили шесты въ песокъ, привязали къ нимъ лодки, а сами въ воду полѣзли, вбродъ что бы идти дальше.

Не глубока вода была, большимъ людямъ всего въ поясъ, а ребятамъ съ головою досталось-бы, да посадили ихъ на плечи пока, ну и пошли всѣ гурьбою такимъ манеромъ. Мулла тоже мочить ноги не хотѣлъ, взгромоздился на дюжую спину кара-капка, молодого еще, безбородаго. Рыбу со дна лодки повтыскали, нанизали ее на жерди, концы жердей на плечи; которая не умѣстилась, по водѣ волокомъ потащили. Одинъ семенокъ, небольшой такой, въ аршинъ, не больше, очнулся даже, какъ только въ воду его опустили, биться началъ, плескаться. А тамъ, глядятъ, и другой зазввалъ жабрами, плесомъ шевельнулъ. Живучія они рыбины.

— Лучшій даръ святому, когда живое тѣло на крюкъ вѣшать будемъ, забормоталъ тутъ мулла, на ожившую рыбу пальцемъ тыкая. — Иди, иди! чего стали тамъ переднѣе?

ГЛАВА XV.

Что послалъ вогомольцамъ святой Токмакъ своею милостью.

— А это что плыветь на встрѣчу? Гляди-во! остановился тутъ одинъ изъ этихъ переднихъ.

— Гдѣ?

— Вонъ, гдѣ вода блеститъ на солнцѣ. Ишь ты, вонъ приподнимается, видишь?

— Какъ плыветь какой-то. Дномъ вверху плыветь. Арванъ за нимъ слѣдомъ тянется.

— Откуда сюда какъ попасть можетъ? Эй, эй! тамъ! заходи кругомъ, перехватывай!

— Не уйдетъ! Онъ и не двигается совсѣмъ, зацѣпился чѣмъ-нибудь; такъ только на мѣстѣ колышется.

— Не изъ нашихъ лодка, это съ той стороны, приглядѣлся тотъ, что подъ муллою шель.

— Отъ русскихъ водъ, точно.

Сплюнулъ тутъ мулла, какъ слово это услышалъ, опять забормоталъ, что „опоганили Сыръ-рѣву великую; непусти Аллахъ нашихъ водъ невѣрнымъ устамъ коснуться“.

Слышали кара-капчаки, какъ мулла ихъ молиться началъ.

Вблизи совсѣмъ подошли къ опрокинутой лодкѣ, осматривать стали ее. И точно сыръ-дарьинская: носъ тупой и рубкою въ бокахъ поуже здѣшнихъ будетъ. Около какка этого весло тесаное плаваешь, не ушло, значить, запуталось, и багоръ крюкомъ въ щель засажень. Холстина, что нарусомъ служила, тутъ-же, только разодрана на-двое. Стали веревку выбирать, сматывать — ничего на томъ концѣ нѣту.

— А вѣдь какъ хорошій, новыи совсѣмъ, поглядѣлъ тутъ на муллу островерхій колпакъ розовый, что чернѣе всѣхъ тѣломъ былъ. — Чей-же теперь онъ будетъ, ну-во скажи, „таксыръ“ (грѣшныи), говори?

— Все принадлежитъ Аллаху всемогущему, все ему: и земля, и небо, и все, что на той и другомъ находится.

— Да и мы всё его, а халать у каждаго свой есть, кибитка есть своя. Нашли мы эту лодку.

— Хозяинъ канка умеръ, потонулъ; его рыбы ѣдятъ въ морѣ, ему ничего больше не надо. Канкъ издалека шелъ, его ураганомъ вчерашнимъ перевернуло. Мы не искали, самъ на насъ набѣжалъ, ну, нашъ и есть.

— Нашъ? Нѣтъ, не нашъ! Мы вотъ съ разныхъ ауловъ собрались; что-же. мы ломать его на куски будемъ?

— Цѣликомъ передъ гробомъ святаго поставимъ, такъ надо; а изъ холста завѣсу сдѣлаемъ надъ входомъ, рѣшилъ тутъ мулла;— къ острову его волею Аллаха пригнало, на островѣ и мѣсто ему настоящее.

— Завѣсу! поглядѣлъ одинъ изъ рыбаковъ на свою рубаху. А заплатъ пестрыхъ на этой рубахѣ больше, чѣмъ цѣлыхъ мѣстъ было, а низъ весь бахромою висѣлъ.—Завѣсу? зачѣмъ завѣсу? глиня и безъ одежды не холодно.

— Продать-бы его да деньги подѣлить—лучше-бы. Мы его перевеземъ, просушимъ, онъ за нашими хорошо пойдетъ на привязи. Лошадь, что къ намъ отъ чодоровъ забѣжала, мы такъ-же вотъ дѣлили.

— Забирай пока, тамъ увидимъ. -

Потолковали еще немного, каждый руками потрогалъ заплесневѣлое, зеленое днище опрокинутой лодки, мальчишки съ плечъ на него переползли, верхомъ сѣли. Ухватились нѣсколько рубѣ за находку, дальше къ берегу пошли и поволокли канкъ на мелкое мѣсто.

Сильно подняло водою берегъ песчаный, большіе отвалы внизъ сползли, къ самой водѣ, карнизы подрытые сверху нависли, вотъ-вотъ, глядѣть, рухнуть тоже. Далеко отъ берега поставлена была мазарка, а теперь на самомъ краю очутилась; одна стѣна даже глубокую трещину дать успѣла.

Недалеко отъ могилы двѣ кучи лежатъ изъ камней-валуновъ сложенные, въ кучахъ шесть торчатъ, тряпье на нихъ навѣшано, погромаушка изъ жестяной коробки съ камешками на проволоку качается, чаекъ вороватыхъ трескомъ своимъ пугаетъ. По наружнымъ стѣнамъ мазарки, сколько рука хватить можетъ къ верху, крющья желѣзные вбиты, безъ счету, безъ толку; кое-на-какихъ уцѣляли еще высохшія рыбы головы, а тѣла отгнили давно и птицами по-

клеваны. Весь песокъ вокругъ мазарки толстымъ слоемъ костями рыбными усыпанъ, вокругъ кучь каменныхъ тоже сблѣвють кости эти; съ открытыхъ мѣсть вѣтромъ ихъ подувало, а въ ложбинахъ да подь кручею цѣлые сугробы костяные наметаны.

И не диво, что завелись здѣсь скопы такіе: сколько лѣтъ со всего низовья аму-дарьинскаго рыбу дарственную сюда на поклонъ святому Токмаку свозили.

Съ рѣчной стороны и входъ въ мазарку видѣнь: сводомъ заостреннымъ пробить онъ, снизу порогомъ загороженъ глинянымъ-же высокимъ, въ поясъ человѣку взрослому; перелѣзать его приходится, чтобы внутрь забраться. Отсюда и часть камня видна, темно-сѣраго съ зеленоватыми прожилками, того, что внутри лежать, кости Токмаковы надавливаютъ.

Вылѣзли на сухое мѣсто кара-калпаки, вытащили на песокъ какъ-находку. Кто съ муллою къ могилѣ полѣзъ рыбу развѣшивать, кто по берегу разбрелся рыскать, сухой камышъ да водоросли собирать прошлогоднія, огонь чтобы было чѣмъ ночью раскладывать.

А тутъ и солнце садиться стало, темнѣть начало. Островъ-то въ ширину не великъ, да въ длину верстъ на сорокъ тянется, къ морю полого, сыпучимъ пескомъ идетъ, а къ рѣчной, прѣсной сторонѣ обрывомъ холмистымъ выходитъ, гдѣ пониже, гдѣ повыше; съ той стороны голо совсѣмъ, а съ этой и колючка, и осока, и джунгли мелкіе поросли; мѣстами густо по обрывамъ засѣли эти заросли; разбрелся по нимъ народъ и не видать его отсюда стало. Тамъ и сямъ только голоса, слышно, перекиваются.

Муллоу на самый верхъ, на стѣну мазарки, посадили; забрался тотъ высоко, руки у рта сложилъ трубою. Завылъ на весь островъ призывъ его молитвенный.

Огонь разложили уже тѣмъ временемъ; разгорѣлось живо сухое топливо свѣтлымъ пламенемъ.

Этотъ-то огонь-звѣзду и видѣлъ Степанъ-Малышъ, эти-то голоса ему и слышались.

Помолились, какъ собрались всѣ, по-своему, стали въ рядъ, лицомъ къ стѣнѣ, побормотали за муллою вслѣдъ, по слуху, головами покивали, прочь пошли. Ужинъ поспѣлъ, шурпа изъ рыбы

съ мучною подболткою; вычерпали котелокъ свой до-чиста, края даже вылизали, спать полегли.

Вѣтерокъ съ морской стороны отгоняетъ далеко отъ острова рои комаринные, пологовъ не надо; звѣрья никакого тоже на островѣ этомъ не водится. Безъ опаски, безъ сторожей спать можно; а намучились они за день порядочно; какъ только легли, такъ и захрапѣли на всѣ лады. Огни потухать стали, безъ поддержки оставленные.

Утромъ рано, чуть только заря занялась, поднялъ мулла ихъ всѣхъ на ноги.

Опять посадили его наверхъ, опять онъ крикнулъ тамъ, зѣвнулъ, почесался гдѣ слѣдуетъ, опять руки сложилъ у рта, опять завылъ...

— „Аллахъ, Авъ-Баръ, Магом...“ — Гей, Гассанъ, Иртыкъ-бай, полѣзай сюда, смотри: вонъ человекъ лежитъ! Полѣзай скорѣе!

Всполошились молящики. „Что такое еще за диковина? какой человекъ сюда забрался?“

Кто къ муллѣ наверхъ, на стѣну полѣзали, кто въ кусты побѣжали, по тому направленію, куда мулла обѣими руками указывалъ.

Лежитъ человекъ голый совсѣмъ, исхудалый, тощій, тѣломъ бѣлый, а волосы короткіе, свѣтлорусые; лежитъ и на нихъ помертвѣлыми глазами смотреть. Самъ уже и шевельнуться не можетъ, а глазами поводитъ, дышетъ еще легонько, хрипота такая въ горлѣ у него слышится.

— Урусъ! промолвилъ одинъ.

— Того какка хозяинъ, прибавилъ другой.

Стали всѣ въ кружокъ, шопотомъ говорятъ. Видятъ—человекъ помираетъ совсѣмъ, что-же тутъ на него навидываться.

— Добей! сказалъ тутъ мулла съ своей вышки. — Добей, повторилъ онъ громче,—чего смотрите!

Взглянули кара-калпаки на муллу своего, на лежащаго тоже еще разъ посмотрѣли, и не одна рука къ поясному ножу не потянулась.

Мальчикъ одинъ подошелъ къ самому „урусу“ этому, присѣлъ на корточки, тронулъ его рукою за голову; другой бѣгомъ къ берегу бросился. Самъ бѣжитъ впередъ, а все назадъ оглядывается.

— Ушелъ я отъ тюркменъ, заговорилъ словно про себя волпакъ розовый,—весь день бѣжалъ, ночь бѣжалъ, къ утру упалъ,

до воды ста шаговъ не добѣжалъ, силъ не хватило. Умиралъ я тогда; глотнулъ-бы воды разъ только—ожилъ-бы. Вижу я глазами воду эту, а развѣ глазами пить можно? Долго лежалъ я, нашла меня здѣсь тюремены, по слѣду догнали.

— Сладкая жертва святому—смерть гаура невѣрнаго будетъ! кричатъ опять мулла съ вышки.

— Догнали меня тюремены. Они меня не зарѣзали, они меня подняли, водою напоили, мяса мнѣ дали, связали и назадъ повели въ свои аулы. На двухъ арканахъ повели, за стремяна велѣли держаться.

Пришелъ тутъ мальчишка, что къ берегу бѣгалъ, полный колапекъ свой воды притащилъ; вытекла изъ него дорогою половина, а все еще осталось достаточно.

— „Ичь“, говоритъ (пей, значить). Подставилъ лежащему во рту края колпака, воду пальцемъ къ самымъ губамъ подплескиваетъ.

И силъ нѣтъ у Степана-Малыша даже глотокъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Въ глазахъ у него только какъ-будто свѣтлѣе немного сдѣлалось.

ГЛАВА XVI.

По чести подвѣдлись, что кому сама судьба послала на счастье.

Пытался-было еще разъ мулла про *сладкую жертву* помянуть, да уже его послѣ словъ розоваго колпака никто и не слушалъ.

Перенесли Степана къ берегу, дали ему отлежаться вволю, пока въ обратную дорогу собирались, до каиновъ потомъ дотацили, а тутъ и въ память, въ сознание сталъ приходить „урусъ“, самъ еще не заговорилъ, а уже къ рѣчи людей чужихъ, незнакомныхъ прислушиваться началъ.

И слышитъ онъ, что только за рѣчь такая? Ну, вотъ совсѣмъ какъ у нихъ на Сырѣ, по-киргизски, слова даже одни и тѣ-же будто, а ничего понять невозможно. А Степанъ могъ уже бойко съ киргизами разговоръ вести, научился не хуже Василя Юныча. Еще тихо когда говорятъ, ну, изъ пятого въ десятое слова два-три выловишь, остальное сообразить можно, а какъ скороговоркою „Дѣло“, № 9.

заспать, забормочутъ, ну, вотъ ничего въ толкъ не возьмешь. А понять надо: объ немъ, вишь ты, говорятъ, на него глядятъ, на него пальцами указываютъ.

Тихо идутъ каяки обратной дорогою, тоже на шестахъ пихаются; противъ теченія теперъ пришлось; изъ силъ просто выбиваются кара-калпаки, по бортамъ съ шестами бѣгая. Степановъ каячекъ на привязи сзади бороздить воду; въ него мальчишки забрались, весломъ русскимъ гребутъ, балуются больше.

— Онъ бѣглый, говоритъ мулла; — онъ своею волею къ намъ шелъ, это видно. Отъ Сыра далеко, оттуда не занесетъ однодневною бурей. Ну, потому только я и согласился, потому только и позволилъ ему въ живыхъ остаться, а то-бы ни-ни.

— „Хопъ“, говорятъ кара-калпаки, значить — такъ, молъ, такъ, хорошо.

Рады они, что мулла по-ихнему сдѣлалъ, не по-своему, уступилъ безъ ссоры, ну, и не перечать ему, соглашаются, что по его, молъ, волѣ, его милостью русскаго не прирѣзали.

„А зачѣмъ рѣзать, разсчитали они, — когда человѣкъ еще молодой, будетъ здоровый, на всякое дѣло пригодиться можетъ, на работу какую угодно. Они вѣдь, русскіе, лучшіе работники изъ рабовъ случаются. Вонъ у саргера Мать-Ніаза, у него двое русскихъ есть, такъ онъ ихъ за двадцать иранцевъ тюременскому беку не продалъ. Нѣтъ, зачѣмъ рѣзать!“

Тюременамъ хорошо, хивинскимъ нукерамъ ханскимъ тоже: они смѣлые, у нихъ и кони хорошіе, и ружья есть; они выѣдутъ на баранту, сами набрать такихъ могутъ, а имъ, кара-калкамъ, байгушамъ да безоружнымъ, имъ откуда-же взять? Послалъ Аллахъ счастье, самъ на нихъ навернулся, а тутъ его рѣзать! Вѣдь придетъ-же въ голову эдакая блажь муллѣ ихъ старому!

Стали въ рѣку входить, ближе къ берегу подтянулись къ лѣвому, вплотную притерлись. Половина народа на лодкахъ осталась, половина на берегъ повискакала. Здѣсь отдохъ небольшой сдѣлали, безъ варки, потомъ стали приспоровляться къ иному путевому порядку — на лямкахъ тянуться противъ теченія.

Протянули съ вершинъ мачтъ веревки длинныя, навязали на нихъ по четыре петли просторныхъ, съ востыльками, просунули въ эти петли дюжія плечи свои, травы подложили, чтобы не терло очень, потянули — ладно... Мѣрно, нога въ ногу зашагали ля-

мочники по берегу, по самому краю его; ходко пошли каики, грязная пѣна передъ носами ихъ заклубилась... Четверо тащатъ, остальные шестами помогаютъ, корму отводятъ, носомъ не даютъ въ берегъ упираться, запахивать... Пройдутъ такъ часа два — смѣнятся: съ лодокъ въ лямки, изъ лямокъ за шесты да на лодку... Ребята, и тѣ даже не сидятъ даромъ: печку стерегутъ да просо толкутъ камнемъ въ деревянной чашкѣ. — Только всего двое къ общему дѣлу рукъ не прикладываютъ: мулла старый да Степань-Малышъ, — одинъ въ тѣневой сторонѣ лодки усѣлся, ноги подъ себя поджалъ, руки свои сухія изъ рукавовъ рубахи высоводилъ, грудь впалую, мохнатую поскребываетъ, звѣрье вылавливаетъ надоѣдливое да стихи изъ корана, по привычкѣ больше, подъ носъ бормочетъ; а другой, прикрытый халатомъ рванымъ, на днищѣ лежитъ, съ силами все собираетса; заговорить ему очень хочется, да словъ настоящихъ, какія ему пригодны будутъ, никакъ не подыщетъ.

Пустынные, непривѣтливые, неудобные берега по обѣимъ сторонамъ рѣки тянутся. Мутная, илистая вода о стѣнки лодокъ плещется. Кое-гдѣ камыши идутъ зеленоватою стѣнкою, гдѣ песокъ полоскою золотистою къ берегамъ подступаетъ, гдѣ солонцы залегли бѣлесоватые, колючкою бурою поросшіе. Тонкая струйка дыма покажется кое-гдѣ ину пору, да далеко очень, не видать совсемъ, что тамъ дымится такое. Чахлая скотинка: коровенки мелкія, возы долгошерстыя къ водѣ подходятъ, а человекъ не видно что — то. Птица пролетитъ надъ водою, чѣмъ-то испуганная, и стремглавъ снова внизъ слетитъ, камнемъ на землю падаетъ, подъ кустъ да подъ кочку подъ какую ни на есть въ тѣнь отъ жары забивается...

Уныло, безлюдно кругомъ... Попадется на глаза какой-нибудь аулишко въ двѣ-три кибитки; сразу видно, что на-легкѣ стали, на время, вотъ-вотъ сейчасъ съ мѣста снимутся... Вонъ земли клокъ видѣнъ запаханной: половина поля этого взрыта, половина такъ брошена; вонъ и плужокъ — сабань — на боку лежитъ; давно все это сухимъ бурьяномъ заросло; еще годъ тому назадъ, можетъ, убить или уведенъ тюрменами пахарь несчастливый; не дали ему даже работу свою закончить „рыскачи“ съ Талдыка, злой рѣки, а то и съ равнинъ мервскихъ нагрывшіе...

Выше пойдутъ мѣста уютныя, озера разливныя, болота тонкія, трясины глубокія, заросли густыя, непроходимыя; въ тѣ мѣста

конному человѣку дорога неподходящая, туда рѣдко тюркменъ, лихой человѣкъ, заглядываетъ, тамъ и гнѣздятся больше аулы кара-калпакскіе, а тутъ для конныхъ шаекъ самое настоящее нерепутье, сюда онѣ то-и-дѣло носъ свой показываютъ. Ну, и разогнали народъ осѣдлый, какой еще селился тутъ, къ устьямъ поближе; обезлюдили приморскую часть аму-дарьинскаго устьевого треугольника...

Къ вечеру на развилкѣ пришли, гдѣ Кичкене съ Улькуномъ расходятся. Каждая себѣ особое русло къ морю прокладываетъ; обмелѣла коса раздѣляющая, длиннымъ языкомъ въ воду песокъ врѣзался, вбродѣ должны были идти лямочки, пока эту косу не миновали...

Утомился народъ сильно; на ночлегъ-бы стать тутъ самое время настоящее, да только мѣсто это подлое, открыто оно со всѣхъ сторонъ, того и гляди—хорошіе люди налетать, нагрязнуть. Вонъ недавно тоже приходили, смотри сколько слѣдовъ конскихъ кованыхъ на песокъ пестрятъ; вонъ и пометъ остался, и золу отъ огней оставшуюся вѣтромъ еще не развѣяло.

Прошли еще съ версту, стали къ островку густо поросшему, лодки свои въ камыши вдвинули.

Совсѣмъ худо Степану-Малышу къ ночи стало; лихорадка одолѣла, трясти начало, въ жаръ потомъ кинуло... Разнемогся совсѣмъ парень, а передъ вечеромъ совсѣмъ было-поправлялся, думалъ на ноги поднимется...

Дали ему поѣсть люди чужіе, добрые, въ котелкѣ у нихъ отъ ужина осталось. Накинулся-было онъ на эту ѣду, да въ горло не глѣзетъ, бросилъ. Покрыли его тутъ еще кромѣ халата цинновкою...

Много до свѣту еще поднялись путники на ноги. Тутъ неподалеку хивинскій ханъ прислалъ крѣпость строить новую; слухъ дошелъ до него, будто русскіе, на своихъ огненныхъ лодкахъ, пройти хотятъ къ ханству его этою дорогою, такъ вотъ по этой причинѣ. Урочище это Акъ - Кала прозывается, и согнали сюда народу человѣкъ тысячу да сарбазы пришли ханскіе и стоятъ на берегу лагеремъ.

Хотѣли кара-калпаки пройти мимо нихъ въ темнотѣ, ночью пока; не за себя боялись, а за „уруса“ своего: какъ-бы не увидали да не отняли.

Ближе подходить стали, взяли съ берега лямочниковъ своихъ, къ другому на веслахъ переправились, притихли, когда мимо шли... Какъ кошки пробирались лямочники середь густого кустарника, вѣтка просто ни одна подъ ногами ихъ не хрустнула.

Темно такъ на томъ берегу; видно, что много народу стоитъ лагеремъ, а не разобрать ничего; дерево чернѣется высокое, кудреватое, огонекъ подъ нимъ догораетъ, арбяное колесо отъ этого огня отсвѣчиваетъ, лошади отъ комаровъ отфыркиваются. Тихо и спокойно въ лагерѣ, человекъ даже нигдѣ не поставлено.

Къ разсвѣту далеко отошли отъ Акъ-Калы. Теперь имъ немного уже до своихъ стояночь осталось; за день дошагають, если будетъ на то милостивая воля Аллаха и Токмака святого, ихъ покровителя.

На обѣденномъ отдыхѣ толковать начали межъ собою, какъ имъ съ находкою поступить, какъ подѣлить все это. Мудреная тоже задача имъ вышла!

Собрались они съ разныхъ ауловъ; всѣхъ ихъ, не считая дѣтей, мальчиковъ двухъ, четырнадцать человекъ съ муллою, а „урусъ“ одинъ. Кому-же онъ долженъ теперь достаться?

Продать, также какъ и какъ его, да деньги подѣлить — жалко: дешево дадутъ за больного. Выхолить надо прежде да на ноги, какъ слѣдуетъ, поставить, тогда и везти на базаръ, а кто-же его до этого времени выдерживать станетъ?.. Сообща всѣмъ — невозможно... А какъ подохнетъ еще, даромъ только кормъ на него потратить?..

Развѣ вотъ какъ сдѣлать: счастье попытать, кому какое выпадетъ на долю, да ужъ и какъ за одно такимъ-же манеромъ. Что за расчетъ пустякъ получить какой-нибудь, четырнадцатую часть выручки? Лучше ужъ пускай Аллахъ укажетъ, кому быть найденной лодки владѣльцемъ...

Трепала лихорадка Степана, лежалъ онъ на днищѣ, скорчившись, бредъ его одолѣлъ, ломота. Мается парень, стонетъ, и не знаетъ, что только замышляютъ надъ нимъ, для чего остановились, для чего народъ весь на берегъ вышелъ и въ кружокъ усѣлся, для чего мулла не въ урочный часъ намазъ творить началъ.

А межъ кара-калпаками уже споръ завязался: Иртыкъ-бай, что въ колпакѣ розовомъ, чернѣй такой, съ Катта-Курсакъ-баемъ род-

ные братья приходится, въ одной кибиткѣ живутъ и жены ихъ вмѣстѣ спятъ, одно, значить, хозяйство составляютъ. Одинъ жребій вынимать имъ или каждому порознь?...

Братья порознь требуютъ, имъ это выйдѣе, а остальные не хотятъ.

— Вы два брата, говорятъ, — все равно, что одна рука... Какъ-же можно, чтобы одна рука два раза въ „молитвенную ямку“ полѣзла!

Долго спорили. Много разговору было, до брани чуть не дошло дѣло. Мулла четыре раза судить принимался — пуще всѣхъ хлопоталъ. На первый разъ разсудилъ, что братья за одного должны считаться...

— Вотъ это хорошо! Вотъ это вѣрно! заголосили остальные. — Самъ Аллахъ его устами говорить, хивинскій кадій не разсудилъ-бы лучше.

Другая сторона, чье дѣло не выгорѣло, по такому суду не соглашается.

— Вретъ все мулла, говорятъ, — на старости лѣтъ разумъ потерялъ послѣдній!

Попробуетъ мулла снова судъ начать, помолится, подумаетъ. Ждутъ всѣ, смолкнуть, затаять духъ даже. Тишина такая наступаетъ, будто заснули всѣ спокойно, дѣло поладивши.

— У братьевъ двѣ головы, четыре руки и два брюха, значить ихъ и два цѣлыхъ человѣка, рѣшилъ на этотъ разъ мулла, совсѣмъ напротивъ, какъ прежде.

Опять галдѣтъ начнутъ. Тѣ, что ругали муллу, хвалятъ теперь, тѣ, что хвалили, за бороду его чуть не теребятъ, грозятся рыбы напередъ не давать, старымъ ишакомъ обзываютъ.

— Ты, говорятъ, съ Иртыкь-бая да съ Катта-Курсакъ-бая деньги послѣ получить хочешь — мы знаемъ!

Порѣшили, наконецъ, на томъ, чтобы и это спорное дѣло на счастье пустить.

Взяли братья каждый по щепоткѣ проса, полу халатную разостлали и считать зерна начали. Если у обоихъ четное число выйдетъ, значить за одного считать ихъ надо, если-же нѣтъ, ну такъ дѣлать нечего, пускай уже въ ямку оба свои руки жадныя протягиваютъ.

Сосчитали. Что дѣлать? у одного двадцать два, у другого шестнадцать,—четы у обоихъ.

— Что? А какъ я въ первый разъ порѣшилъ!.. хвастается мулла.—Видите: я напередъ зналъ, что сама судьба скажетъ. Вы меня сбили только своимъ крикомъ да воимъ шакальимъ... что, видѣли!..

— Ладно, ладно, „джирайда“! говорятъ ему въ отвѣтъ на это.—Приступай-ка вотъ къ дѣлу лучше.

— Джирайда! говорятъ и братья, судьбою обиженные. — Посмотримъ еще, что дальше будетъ. Пророкъ-то вѣдь всегда правой стороной помогаетъ.

Раздѣлили находку всю на три части: одна часть—человѣкъ, другая—лодка, а третья—парусина, потому тоже холстъ вещь цѣнная, жирно будетъ при лодкѣ одному и тому-же счастливцу отдавать.

Приступили и къ дѣлу наконецъ.

Прежде всего ямку въ песокъ вырыли небольшую, глубиною въ локоть, потомъ камышину срѣзали длинную, порѣзали ее мулла на тринадцать кусковъ одинаковыхъ, въ вершокъ длиною каждый, и на всякомъ кускѣ ножомъ имя нацарапали; уложили всѣ эти кусочки въ ямку, перемѣшали, просомъ засыпали и шапкою сверху накрыли. Прочелъ мулла молитву надъ этою ямкою и запустилъ туда руку.

— Ну, говорить,—теперь какъ чей?.. Девлетъ-мусса, твой.

— Эге! крикнулъ отъ радости Девлетъ-мусса и принялъ изъ руки муллы свой счастливый кусочекъ.

— Куль *) теперь, урешь чей?..

Долго шарилъ мулла; сдвинулись всѣ въ кучу, плотнѣе, глазъ съ руки его не спускаютъ.

— Иртыгъ-бай и Катта-Курс...

— Ага! Вотъ оно! правда-то въ наружу выступила, что?.. разомъ заорали братья.

— Что-же дѣлать, вздохнули другіе,—теперь спорить не станемъ... тутъ ужъ судьба... тутъ...

Холстина самому муллѣ досталась.

— Вотъ и всегда такъ, всегда мнѣ вотъ такое счастье: сколь-

*) Рабъ.

во разъ приходилось, никогда ничего не получалъ, сталъ тутъ жаловаться приземистый одинъ, тотъ самый, что хотѣлъ-было уже штаны себѣ сдѣлать новыя изъ русскаго холста, напрасно только помѣшалъ муллѣ на завѣсу его употребить передъ могилою. — Эхъ, подѣлать-бы все поровну, лучше-бы было... Зима придетъ, холодно будетъ, чѣмъ Акъ-балта ноги свои голыя прикроетъ?

Чуть не заплакалъ бѣдняга, свое отрпенье шуная, да что-же тутъ супротивъ судьбы подѣлать можно? Подѣлились кара-калпакъ, порѣшивши дѣло, и тронулись въ путь, послѣдній переходъ до своихъ кибитокъ.

XVII.

Кибитка на мысѣ „Урда“ Иртышъ-вая и Катта-Курсакъ-вая, и семьи ихъ, жены съ ребятами.

Отъ того мѣста, у Нукуса, гдѣ Аму-Дарья расходится рукавами, средній изъ нихъ, самый большой, многоводный — „Улькунъ“, течетъ сначала между твердыхъ глинистыхъ береговъ, поросшихъ мелкими деревьями — джидой и тальникомъ, и сплошною чащею джунглы и дикаго терновника. Нога человѣческая рѣдко заходитъ въ эти дикія, непроходимыя заросли, раздолыный пріютъ всякой кустарной птицы и хищнаго звѣря. Изъ крупнаго звѣря, полосатый тигръ рѣдко сюда заглядываетъ, ему у бѣдныхъ кара-калпакъовъ плохо пожива; за то другихъ, мелкихъ кошекъ, здѣсь видимо-невидимо; какъ поднимуть онѣ на вечерней зарѣ, послѣ заката солнечнаго, свое мяуканье, такъ у бѣдняка дикаря безоружнаго душа въ пятки уходитъ, и сидитъ онъ въ своей кибиткѣ, ждетъ, когда барсъ или другой какой крапчатый разбойникъ безнаказанно козь его рѣжетъ, рыбу плохо припратанную воруетъ.

Трудно проложить путь удобный сквозъ эти чащи, трудно даже мѣстечко себѣ подъ кибитку разчистить, а чтобы о полѣ подумать, такъ лучше и трудовъ даромъ не тратить.

Пробовали выжигать чащу мѣстами — на другой годъ отъ старой золы она еще гуще разрасталась, къ самымъ кибиткамъ вплотную подступала и тѣснила ихъ все ближе и ближе къ берегу, а вмѣстѣ съ чащею подступало и все ея населеніе хищное. Чекалки

(шакалы) надоѣдливыя, тѣ не только-что по цѣлымъ ночамъ у самихъ кибитокъ были, они даже, случалось, внутрь забирались, таскали оттуда все съѣстное, а подчасъ и ребятъ грудныхъ хватывали.

Если-бы много народу могло въ эти мѣста собраться, много ругъ рабочихъ за дѣло принялись-бы, ну можно хотя что-нибудь подѣлать, а то на пространствѣ десяти верстъ сидятъ три-четыре семейства, да и тѣ межъ собою словно звѣрье грызутся,—какія тутъ рабочія силы? Ну, и живутъ они звѣри звѣрями, ходятъ кое-чѣмъ прикрывшись, ѣдятъ, что Аллахъ пошлетъ имъ въ сѣти да въ забойки; ни объ чемъ не заботятся напередъ, ничѣмъ не запасаются, не наживаютъ ничего, не богатѣютъ. Да и къ чему богатѣть, когда, того и гляди, отъ хана хивинскаго нукеры нагрянутъ „подати собирать“ безъ счету, безъ мѣры, безъ срока; а то и другіе найдутъ, вольные сборщики, на коняхъ долгоногихъ, изъ вочевій туркменскихъ. Ничего коли нѣтъ, ну и взять нечего, съ пустыми руками назадъ поѣдутъ, въ другой разъ и заглядывать не стануть.

„Голое тѣло голову бережетъ; въ богатомъ карманѣ на свое горло ножъ носишь“, говоритъ поговорка мѣстная. Вотъ народъ здѣшній и не наживается, потому нечѣмъ да и незачѣмъ.

Рѣка—кормилица кара-калпака прибрежнаго: и зиму, и лѣто она одна даетъ ему пропитаніе, она одна его не обижаетъ, вотъ онъ и жметъ къ ней, на шагъ отъ нея не отходитъ, подчасъ даже совсѣмъ на землю по недѣлямъ не ступитъ, знай только рыбачить. Такъ и называются они — пріозерные кара-калпаки, рыбачіе.

Ниже немного все шире и шире расходится Улькунъ-рѣка, берега мягче становятся, топи и трясины по нимъ залегаютъ. Разливается широко рѣка ничѣмъ несдержанная и образуетъ два большихъ, глубокихъ озера.

Негдѣ тутъ уже заростать деревьямъ да кустарникамъ, все сплошь густымъ камышемъ покрывается. Жгучее солнце сверху палитъ подъ-рядъ девять мѣсяцевъ, обиліе воды влагу да сырость поддерживаетъ—тянется изъ глубины топей, со дна илистаго мочуя, чудовищная злчная растительность.

Раннею весной, чуть начинается солнце пригрѣвать озябшую землю, широко разстилаются чистыя воды озеръ, глазъ береговъ

не видятъ, цѣлое море передъ глазами развертывается. Но вотъ все теплѣе и теплѣе становится вода, оживаетъ и дно топкое, толстымъ слоемъ чернаго ила покрытое, прорастаетъ сплошь молодыми камышевыми побѣгами; быстро тянутся къверху стебли, на свѣтъ Божій выглянуть торопятся; вотъ и выглянули.

Зазеленѣла водная поверхность, словно щеткою частою покрывается; не по днямъ, а по часамъ растетъ эта щетка и зарастаютъ озера непролазными камышевыми чащами.

Вотъ на эти-то озера и переселяются кара-калпаки на все лѣто, а зиму уже кое-какъ по берегамъ тѣснятся; маленькія кибитки свои камышемъ въ нѣсколько рядовъ огораживаютъ, землю обсыпаютъ снизу, а то и землянки роютъ, точно норы лисьи; рѣдко кто стѣнки землянныя выводитъ, какъ осѣдлые хлѣбопашцы-кара-калпаки, что по мелкимъ протокамъ сидятъ, на матеромъ берегу, по „Кичейли“, по „Куванъ-джармъ“, около „Чимбая“ города и кишлаковъ тамошнихъ.

Озера эти Сары-Куль (желтое озеро) и Кара-Куль (черное) называются; почему ужъ ихъ такъ цвѣтами обозначили—то неизвестно; съ виду-же вода ихъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ, одинакова.

На небольшомъ мыскѣ, чуть-чуть выглянувшемъ изъ чащи, на такомъ, что не отмелью онъ въ воду спускался, а обрывомъ крутымъ, стояла маленькая, приземистая, на бокъ покривившаяся кибитка.

У этой кибитки только крыша была войлочная, да и та вся прогорѣла, почернѣла отъ копоти и севозила на свѣтъ протертыми мѣстами и прожженными отъ искръ дырками; стѣнки-же кибитки по рѣшетѣ „телегомъ“ были обнесены, циновками изъ молодого камыша, а вмѣсто двери висѣла такая-же циновочка, только съ узоромъ, вывязаннымъ по ней красными и черными шерстинками.

Волосной арканъ обвивалъ наискось всю кибитку, по крышѣ приходился и часть даже стѣнокъ захватывалъ; концы этого аркана были туго натянуты и привязаны къ оголенному джидовому корню. Безъ этого аркана давно-бы береговой вѣтеръ сорвалъ

это легкое жилище и унесъ его въ воду Сары-Куль озера, что и случилось не разъ, почему и мѣры эти были приняты.

Вокругъ кибитки земля была плотно утоптана и покрыта мелкимъ навозомъ возимъ, рыбьей шелухой и разной гадостью, что остается, когда рыба потрошится стануть. Что успѣло высохнуть, то вѣтромъ унесло, что не успѣло—гниетъ на жаркомъ солнышѣ, понахиваетъ, ну да хозяева здѣшніе ничего, носы у нихъ привыкшіе, неприхотливые.

Шагахъ въ трехъ отъ кибитки, въ обрывѣ самогъ, котель врытъ въ землю чугунный для варки пищи, отъ него къ водѣ три ступеньки прорыты и рядъ колевъ вбитъ, одинъ отъ другого аршина на два. На эти колья снасти вѣшаютъ, когда просушить ихъ требуется, рыбу пластанную вялятъ тоже на солнцѣ и каяки къ нимъ-же привязываютъ на ночь, чтобы не унесло ихъ какъ-нибудь теченіемъ.

Съ сѣверной стороны, съ береговой, къ кибиткѣ густая джунгливая чаща подступаетъ, въ нее тропинка змѣится, врѣзывается и теряется въ глубинѣ, между цѣпкими, ползучими корнями; нѣсколько вершинъ пахучей джиды поверхъ чащи колыхнутся, скворцы розовые и пчелоѣды, зеленые, длиннохвостые, съ дерева на дерево переносятся, щебечутъ громко, особенно къ вечеру, потому джида эта самое настоящее мѣсто ихъ ночлежное.

Въ одномъ мѣстѣ видѣнъ слѣдъ пожараща. Большою губою въ чашу оно врѣзалось, да потухло. Это пробовали разъ выжечь кусты вокругъ кибитки, чтобы просторнѣе было, поджечь-то подожгли, да потомъ сами не рады были: вѣтеръ переѣвился и понесло огонь на кибитку прямо. Только-только успѣли снять ее да въ воду сбросить, сами на каяки еле повскакать успѣли.

Въ самой кибиткѣ было бѣдно и пусто, только часть пола землянки покрывалъ слежавшійся войлочекъ, а то такъ изъ камыша постели были сдѣланы, одна къ одному боку, другая къ другому; посрединѣ занавѣска повѣшена была перегородкою, вся въ заплатяхъ, ни цвѣта не разберешь за грязью да копотью, ни изъ чего она сдѣлана. Ближе къ дверямъ посуда сложена: двѣ чашки деревянные, одна глиняная, кувшинъ съ отбитою ручкою, ступа долбленая для проса, съ пестомъ, кунганчикъ для чаю и кальянъ-тывянка съ камышевымъ чубукомъ—ничего больше.

Ни сундуковъ съ добромъ да одежею, ни мѣшковъ съ мягкойю

рухлядью, — ничего этого и въ поминѣ не было здѣсь, по той причинѣ, что хозяевамъ прятать въ сундуки да мѣшки было нечего, какая и была одежда, то всю на себѣ носили, а чинить придется или помнить что, отъ скуки, такъ пока и такъ походить, въ чемъ мать на свѣтъ родила. Что-же, лѣтомъ тепло, а зимою и къ огоньку ближе подѣсть можно въ такомъ случаѣ.

Эта кибитка у „Сары-Куля“ озера, на мыскѣ „Урда“, была единственное жилище братьевъ-счастливицовъ „Иртыгъ-бая“ и „Катта-Курсакъ-бая“. И у того, и у другого было по одной женѣ и по ребенку, вотъ почему и раздѣлили они свою кибитку перегородкою.

Кромѣ двухъ кайковъ и рыболовныхъ снастей, все ихъ богатство состояло изъ поддюжины козъ, которыя и паслись въ чащѣ около кибитки. На ночь козы эти сами прибѣгали домой и прямо лѣзли внутрь, забивались къ человѣку поближе, ужъ очень ихъ пугали шакалы, что по-близости бродили, да зеленатые глаза барса или кошки какой-нибудь дикой, сверкавшіе во мракѣ темной лѣтней ночи. Днемъ тоже далеко не отходила робкая скотина, все больше по опушкѣ держалась, ощипывая по окраинамъ молодые джунгливые побѣги.

Жены братьевъ жили между собою мирно, не ссорились; пока мужа ихъ на ловлѣ, онѣ рыбу пластали, икру выдавливали, чинили кое-что, а то и такъ сидѣли на берегу, ничего не дѣлая, поджидая возвращенія своихъ супруговъ.

Дѣти, совсѣмъ голыя, либо съ отцами ѣздили, либо съ козами по кустамъ рыскали. Дружно жила эта скотинка съ ребятами, не бодала ихъ, когда, бывало, они ѣсть захотятъ да прямо и начнутъ матокъ молочныхъ отсасывать. Лежитъ коза бѣлая покойно, хвостикомъ короткимъ потряхиваетъ, шаршавымъ языкомъ тѣлице черномазое облизываетъ, а за сосцы ея крѣпко уцѣпились и тербятъ крохотныя рученки, сопить и пыхтить сосунокъ, ребенокъ проголодавшійся.

Одну жену, Иртыкову, звали „Кой-Кочъ“ (бараній глазъ), хотя глаза у ней были совсѣмъ не бараньи, а маленькіе, точно щелки,

съ краснотою вокругъ припухlostью, вѣчно слезащіяся. Сама она была росту маленькаго, худенькая такая, совсѣмъ ребенокъ съ виду. Грудь у ней была впалая, тощая, чахоточная. Кашляла она постоянно, какъ овца перхала; тяжелая работа ей совсѣмъ не подь силу была. Не любилъ ее мужъ за это, билъ въ день раза по три, какъ только подь руку подвернется; только и отдыху ей было, когда Иртыгъ на нѣсколько дней изъ дому отлучится.

Взялъ онъ ее за долгъ у одного чимбайца, всего четырнадцатилѣтнюю, на второй годъ ребенка прижилъ, на третій еще, да не доносила больная, выкинула, съ тѣхъ поръ и захирѣла окончательно.

Другую жену, Катта-Курсакову, никакъ не звали: имени никто не зналъ ея настоящаго, а сама она забыла. Года три тому назадъ переловили около озера иранцевъ шесть человекъ; бѣжали тѣ отъ туркменъ, на сѣверъ, къ русскимъ землямъ пробратся пытались, съ ними и баба была одна, пожилая уже, лѣтъ за тридцать. Вотъ эта-то баба и досталась по дѣлежу Катта-Курсакъ-баю. Хоть и старуха была, да все еще въ жены годилась; и этой радъ былъ Катта-Курсакъ, а то-бы во вѣкъ ему безъ жены жить, потому на женитьбу достатку не хватало.

Волосы у „бабы“ были черные, жесткіе, съ просѣдью, носъ длинный, съ горбиною, глаза черные, изъ-подъ густыхъ бровей словно уголья выглядывали, должно быть, шибко была красива съ молодю.

Здоровая была баба, даромъ-что въ лѣтахъ, хорошая работница; мужъ доволенъ былъ ею такъ, что ему и не надо было лучшую, и не разъ братъ брату завидовалъ, счастьеемъ его попрекалъ, да что тутъ дѣлать! всякому своя судьба Аллахомъ положена...

Вотъ уже вторая недѣля пошла, какъ обѣ жены съ дѣтьми однѣ безъ мужей живутъ. Уѣхали тѣ на Товмакъ-Ата островъ, до сихъ поръ не возвращались.

Сосѣдъ-кара-калпакъ Улла-ханъ, — версть за шесть въ камышахъ кибитка его стояла, — справляться пріѣзжалъ на каякъ, цѣлые сутки прожилъ и назадъ уѣхалъ.

— Кой-Кочъ, джанымъ (душа), подластилась „баба“ къ своей снохѣ чахоточной. — Ты что видѣла?..

Сама гладить ее, ласкаетъ, волосы начала расчесывать пальцами, хихикаетъ лукаво такъ.

— Ничего я не видѣла, вздохнула Кой-Кочъ, — у меня глаза ничего не видятъ... спала я тутъ все время...

— Ну смотри: „ничего не видѣла“... смотри-же... говорила ей „баба“; — что хорошаго, если бить меня будутъ? А то и со-всѣмъ зарѣжетъ... онъ вѣдь сердитый... Что-то они только замѣшались?..

Рыбачья стоянка братьевъ, гдѣ они лѣтѣмъ забойки ставили, была далеко отъ кибитки, на самой серединѣ озера, верстъ за двадцать, въ самыхъ камышахъ озерныхъ, въ затишѣ.

Построена была стоянка ихъ такимъ образомъ: камыши со дна растутъ, надъ водою сажени на двѣ съ половиною, а то и больше, поднимаются; стебли камышевые толстые, въ руку толщиной будутъ, вѣрныя. Подрѣзываютъ эти стебли снизу, отъ воды на четверть, не болѣе; все, что срѣзано, на комли настилаютъ. Нѣсколько камышинъ свяжутъ вмѣстѣ — столбъ выходитъ, за неимѣніемъ жерди служить можетъ. Эти столбы по четыремъ угламъ ставятъ, привязываютъ ихъ и на нихъ крышу легкую настилаютъ изъ камыша-же молодого, многолистнаго. Такъ и живутъ въ этихъ шалашахъ на водѣ, какъ на сваяхъ, далеко отъ твердой земли, отъ всякаго звѣря хищнаго, отъ человѣка злого. Кто сюда къ нимъ заберется, кто незнающій въ эти чащи сунется? Такія чащи, что подчасъ изъ нихъ и не выберешься.

Тихо, уютно, спокойно живутъ рыбаки въ своихъ шалашахъ надводныхъ все лѣто, къ зимѣ только на землю перебираются. Одна бѣда только — комаровъ видимо-невидимо и днемъ цѣлыми роями въ зеленыхъ чащахъ носятся, а къ ночи — и не приведи Господи! словно туманъ густой надъ водою они стелятся, звонъ такой стоитъ въ воздухѣ, что говорить надо громко, если хочешь, чтобъ за пять шаговъ услышали. Дохнешь — сотнями въ ротъ да въ носъ забиваются, жалятъ такъ, что сплошь пузырями покрывается тѣло непривычное, лихорадка трепать начинается. Только

и спасенія отъ нихъ, что весь, съ ногъ до головы, кунжутнымъ масломъ съ комфорою вымажешься; а ночью безъ полога холщоваго и спать не думай. И какъ ни бѣденъ кара-калпакъ, голый почти ходитъ, по днямъ голодаетъ, а уже пологъ непремѣнно себѣ добудетъ, хоть на троихъ и больше одинъ, а справятъ себѣ это приспособленіе.

По всему озеру Сары-куль и по другому тоже много шалашей-стоянокъ понастроено. Приживутся слишкомъ на одномъ мѣстѣ, выловятъ рыбу, напугаютъ ее очень—на другое переѣзжаютъ, опять строятся; такъ и кочуютъ все лѣто по озерамъ.

Бѣда какая на твердомъ берегу случится—хивинскіе-ли сборщики понаѣдутъ, тюркмены-ли шалить начнутъ, пришлетъ-ли ханъ народъ собирать да на свои работы гнать,—сейчасъ всѣ на лодки, кибитки свои снимаютъ да со всѣми семьями, со скотомъ да сварбомъ удираютъ они въ камыши свои неприступные. Поди ихъ тамъ разыскивай!

Лѣтъ двадцать тому назадъ арбы надо было чистить для узбековъ около „Хозаръ-Аспа“ города, пескомъ ихъ занесло очень; прислалъ ханъ сюда людей стонять; полевыхъ всѣхъ забрали и угнали на работу чужую, подневольную, бесплатную, а озерныхъ никого не захватили: всѣ ушли. Пробовали разыскивать ихъ на канкахъ—не нашли никого, двѣ лодки съ ханскими нуберами даже безъ вѣсти пропали. Пробовали выжигать ихъ огнемъ, запалили камыши, да сырн очень, воды много, не загораются; такъ и бросили.

Разсердился ханъ, а дѣлать нечего; „людей моихъ, говорить, только-бы вернули“. А какъ ихъ вернуть, когда на взморье, за сто верстъ слишкомъ, тѣла ихъ разбухшія на песокъ выкинуло?

Что-жѣ мудренаго, что отъ такой жизни хорошей присылали разъ кара-калпаки къ русскимъ челобитную, придти просили и принять ихъ въ свое подданство. Приходить только русскимъ сюда далеко было, да пока и не зачѣмъ. И еще того хуже стало народу этому, какъ узнали въ Хивѣ про ихъ просьбу да замысли.

Вотъ въ эти-то мѣста, къ этимъ-то людямъ и попалъ Степанъ-Малышъ, только-только довелось ему ступить на „желанную землю хивинскую“.

XVIII.

П о н я л ь ?

Вотъ третій мѣсяцъ, какъ живетъ Степанъ-Малышъ у братьевъ батракомъ подневольнымъ.

Обтерпѣлся теперь онъ, попривыкъ уже, обжился, да и къ нему приглядѣлись тоже; довольны были хозяева: работникъ-то онъ оказался больно хорошъ; правду говорятъ, что за одного „уруса“ десять иранцевъ отдать можно.

Сначала было недомолвка вышла между Степаномъ и братьями, да дѣло скоро уладилось.

Какъ поправился Степанъ, недѣлю спустя послѣ его привоза, разговорился, какъ умѣлъ, съ Иртыкомъ, все его объ дальнихъ земляхъ разспрашивалъ, какъ въ Хиву дорога, какъ къ тюреманамъ пройти можно, гдѣ, молъ, живетъ Салтыкъ Аблаевичъ какой-то. Жалѣлъ шибко парень, что какъ у него отняли, особенно какъ узналъ, что въ здѣшней сторонѣ вездѣ водою проѣхать можно. Потомъ собираться сталъ.

— Ты куда-же это? спросилъ его Иртыкъ, усмѣхнулся при этомъ.

Усмѣхнулся и Катта-Бурсакъ-бай, а баба его, такъ та просто фыркать начала. Только „Кой-Кочъ“ одна вздохнула и глаза свои слезливыя на него, сколько могла, вытаращила.

— Да вотъ иду... Дѣло тутъ у меня одно есть въ земляхъ вашихъ, человѣка одного разыскиваю; затѣмъ и сюда пріѣхалъ... замаялся Степанъ, не хотѣлъ всю правду выкладывать.

— Ну, говорить ему Иртыкъ-бай, — это ты хорошо задумалъ; только кто-же за тебя выкупъ пришлетъ, или ты самъ, можетъ, расплатишься? Сто тилей золотыхъ — большія деньги.

— Какія сто тилей? удивился Степанъ. — Про какія деньги такія говоришь ты?

— А такія, что поведи я тебя сейчасъ на базаръ хивинскій, а то и такъ къ кому изъ богатыхъ людей, вотъ хоть къ муллѣ Ишану, что за Нукусомъ живетъ, сады большіе держитъ, онъ сейчасъ мѣ за тебя сто тилей отсчитаетъ, а то и побольше, если поторговаться хорошенько...

— Да я-то что-же, скотина, что-ли, какая, что меня на базаръ тащить можно? разсердился Степанъ. — Коли за прокормъ мой, что слѣдуетъ, за недѣлю эту, такъ и то ваши меня до-чиста ограбили.

— Сторона здѣсь такая, заговорилъ тутъ Катта-Курсакъ-бай, — что и сторожить тебя не станемъ; самъ отъ насъ не уйдешь, а уйдешь — заплутаешься, сразу нагонимъ; и высидишь ты у насъ на цѣпи, коли на волѣ жить не умѣлъ; да и то еще, если не подь сердитую руку попадешь, а то и горломъ своимъ заплатишься... Понялъ?..

— Живи у насъ смирно, что велать — дѣлай, о побѣгѣ и не думай, и тебѣ самому хорошо будетъ, добавилъ тутъ и Иртыкъ-бай. — У насъ много лучше, чѣмъ у какого хивинскаго человѣка или у тюремана; у насъ тебя ни бранить, ни бить не будутъ; а работа та-же, что и мы сами работаемъ. Убѣжишь, въ другія руки попадешься — самъ потомъ назадъ къ намъ вернуться захочешь, только ужъ *отъ насъ* не вывернешься. Да, впрочемъ, и отъ насъ тебѣ удрать не придется, — понялъ?..

— Это вотъ видишь? заговорила и „баба-старуха“ и потянула къ себѣ козу бѣлую за веревочку. — Видишь, вотъ рвется она туда вонъ, къ тѣмъ, въ кусты просится, да не пускаютъ ее, потому нельзя. Оборветъ одну веревочку, другую найдемъ, покрѣпче... Понялъ?

Разсмѣялись тутъ оба брата, на козу-прыгунью поглядѣвши да на Степана тоже. Одна только Кой-Кочъ слова не промолвила, отвернулась въ сторону и стала подоломъ рубахи глаза свои вытирать; зачесались они у ней что-то, пуще мовнуть начали, дымомъ, звать, ихъ костровымъ разгѣло.

Ну и понялъ Степанъ-Малышъ, понялъ такъ, что въ жаръ и въ холодъ сначала ударило, а потомъ оправился, промолчалъ, ничего не отвѣтилъ, только въ себѣ затаилъ свою думу тяжелую.

.
А недѣля еще прошла, перестали братья за нимъ даже и приглядывать. Случалось даже, что сами на нѣсколько дней отлучались изъ дому, а его одного оставляли съ бабами.

Говорила имъ тоже баба-иранка, что она и одна углядитъ за „урусомъ“, одна, коли нужно будетъ, съ нимъ и справится. Да и кругомъ, верстъ на пятьдесятъ, всѣ уже Степана въ лицо знали, перехватили-бы, если-бы гдѣ ненарокомъ встрѣтился.

XIX.

Гость недоврый.

Прошла осень, пожелтѣли камыши на озерѣ, словно лѣсъ золотой горять на солнышкѣ; комары пропали, мошки, черви, всякая гадина мелкая; стала рыба уходить отсюда, къ взморью да къ взморью все отходила. Нечего больше рыбакамъ въ своихъ стоянкахъ надводныхъ работать. Стали они на зимовку на матерую землю перебираться.

А тутъ и заморозки пошли; сперва по ночамъ да къ утру, а тамъ и до полдня держаться стали. Подернулась вода, словно саломъ, тонкою ледяною коркою; вѣтры холодныя задули съ свѣра и уныло, тоскливо загудѣли кругомъ потерявшія листву, непроходимыя заросли.

Собралась вмѣстѣ вся семья наша на мыскѣ „Урда“, принялись по зимнему положенію устраиваться.

Кибитченку оглядѣли: ничего, еще держится, заплату только наложить на тендюкъ одну-другую, а то протерпеть зиму, да и не одну еще, можетъ. Ну, эта чинка—бабье дѣло, не мужское.

Иртыгъ со Степаномъ камышу нарѣзали, кругомъ кибитку въ два ряда обставили, веревкою обтянули и земли снизу нагребли цѣлый валикъ, чтобы не поддувало.

Катта-Курсакъ-бай для козъ загончикъ устроилъ, высокій, чтобы звѣрь ночью заскочить не могъ; крыши надъ загономъ не дѣлали, не зачѣмъ, да и коза скотина неприхотливая, не нуждается.

Котель внаружи оставили, а въ кибитеѣ, какъ-разъ посрединѣ, ямку неглубокую расчистили для угольевъ, чтобы теплѣй было, особенно въ ночи зимнія длинныя.

Размѣстились такъ всѣ въ одной кибитеѣ своей: одинъ братъ съ женою своей одну половину занялъ, другой — другую, а Степану у ногъ своихъ поперегъ велѣли ложиться. Хотѣлъ-было Степанъ себѣ особую закуточку сгородить около, да не допустили: убѣжишь, говорятъ, какъ мы тебя устережемъ ночью, когда ты отдѣльно спать будешь?

Хитрые братья и тутъ, въ кибитеѣ, приспособленіе на этотъ счетъ сдѣлали. Дверь въ кибитку была опускаемая, камышевая, такъ

они къ нижней кромкѣ палку поддѣлали и концы палки этой на ночь въ стѣнки втыгали. Мало того, веревочки къ концамъ этихъ подвязали и къ своимъ изголовьямъ протянули — небойсь услышать, когда *тотъ* приподнимать дверь станетъ, задергаетъ.

Канки на берегъ выволокли и днищами кверху перевернули; надъ этимъ вотъ дѣломъ не мало тоже труда да силы потрачено было. Топлива не запасали, не зачѣмъ. Долго-ли пойти нарѣзать, когда понадобится, кусты-то вотъ они, подъ рукою. Рыбу, запасенную на зиму, подъ канки сложили, а чтобы шагалки не подлѣзли, задѣлали пролеты на-глухо чѣмъ попало и землю присыпали; траву да молодой камышъ, что бабы еще за лѣто для козь нащипали, свалили всю къ нимъ-же въ загончикъ, пускай жрутъ сами, когда хотятъ и сколько хотятъ; не хватить если, сами, значить, виноваты, придется имъ изъ-подъ снѣга промерзлые стебельки выгрызать. Да еще это съ полгоря! Зима-то здѣсь какая: мѣсяць пройдетъ, другой начнется, глядь — и теплою весеннимъ повѣть, а снѣгу малость самая, и землю-то подчасъ не покрываетъ; случается, что и вовсе его во всю зиму не увидать. Вѣтеръ только холодный, рѣзкій, да дожди одолѣваютъ, гололедица тоже мучить, потому послѣ дождливаго дня часто такіе морозы бывають, что и по русской землѣ въ пору приходились-бы.

Не любить кара-калпакъ зимы, скува его одолѣваетъ безъ дѣла, безъ промысла всякаго. Полевымъ еще ничего, тѣ въ свои кишлаки укрѣпленные на зиму собираются, кучами сидятъ, ну и весело съ народомъ; тутъ и сватовства пойдутъ, свадьбы, праздники. Тюркмены придутъ — всѣ виѣстѣ за своими стѣнами высокими отъ нихъ отсиживаются; разговору послѣ на все время хватаетъ. Вѣсти разныя со всѣхъ концовъ сюда доходятъ: что въ Хивѣ дѣлается, что за Талдыкомъ злою рѣкою, что съ сѣвера объ русскихъ слышно. Ярымъ - паша, сѣдой старикъ, что въ Ташкентѣ сидитъ, не соберется-ли сюда съ своими „бѣлыми рубахами“ *), — обо всемъ знаютъ. Ну, а здѣсь, въ заросляхъ, у „озерныхъ“, не то. Тоска нападаетъ, спячка какая-то, и ждутъ они не дождутся, скоро-ли снова весною отъ моря потянетъ!

*) Ярымъ-паша — поль-государя. Акъ-кульмакъ — бѣлая рубаха; такъ называютъ русскихъ солдатъ по цвѣту ихъ одежды.

Устроились братья на зиму. Потянулось день за днемъ время тоскливое.

Рѣдко кто изъ сосѣдей сюда въ гости заходили, — что къ бѣдникамъ ѣздить, какое они могутъ дать угощеніе! Къ богатому — другое дѣло: тотъ барана сварить, чаю подасть, „буза“, пожалуй, найдется. А братья не изъ богатыхъ считались, да и правомъ были угрюмы, непривѣтливы, особенно Катта-Курсакъ-бай. Все ему казалось, что какъ придетъ кто чужой, на его иранку-безъимянку не хорошо смотрѣть сейчасъ станеть, даромъ-что она сразу, съ перваго взгляда, вѣдьма-вѣдьмою кажется. Особенно мужъ ея ревнивый одного сосѣда не долюбивалъ, Уллу-хана долго-вязаго. Сердце его, должно быть, правду чуяло.

Разъ подъ вечеръ, слышать, кусты трещать, топочуть по замерзшей тропиночкѣ копытца маленькія. Мелькнулъ межъ сѣрыми прутьями да листьями уцѣлѣвшими желто-красными верхъ шапки черной, полотенцемъ опоясанной. Кого, молъ, Аллахъ посылаетъ?

Навѣстилъ братьевъ на этотъ разъ мулла старый, тотъ самый, что съ ними на Токмакъ-Ата островъ ѣздилъ. Слѣзъ съ своего ослика, привязалъ его къ кусту.

— Пусти его въ загонъ къ козамъ, кричить Иртыкъ; — видишь, время къ ночи, у насъ спать будешь, все отъ звѣря безопасно. Эй, Кой-Кочъ, отведи ишака въ загородку!

Поздоровались.

— Ну, что, какъ *этомъ* у васъ живетъ? кивнулъ мулла на Степана, когда усѣлись всѣ въ кибиткѣ.

— Золото, не работникъ, похвастался Катта-Курсакъ-бай; — такого ни у кого нѣту...

— Смирный, послушный, похвастался и Иртыкъ тоже, входя тутъ въ кибитку.

Нагрѣвъ онъ угольевъ изъ-подъ котла и принесъ ихъ въ полѣ халатной, всыпалъ въ ямку поверхъ горѣвшихъ, пристѣлъ, сталъ полою-же раздувать, о теплѣ стараться для гостя.

— Такой-то работникъ, говорилъ онъ, — что его ни за какія деньги продать невозможно! Все умѣеть, все понимаетъ, по-нашему говорить уже началъ. Ретивый такой... Вѣришь-ли, ни разу бить не приходилось.

— Своему Богу молится? спросилъ мулла.

— Не видалъ что-то. Разъ какъ-то тыкалъ пальцами въ лобъ да въ плеча, говорилъ что-то.

— Молится, молится, затараторила иранка, выглянувъ изъ-за занавѣски.—Я видѣла. Вонъ тамъ, въ кустахъ, сегодня-же утромъ на колѣняхъ стоялъ, да долго такъ,—я видѣла...

— А ты зачѣмъ туда сама ходила? угрюмо взглянулъ на нее Батта-Курсакъ-бай.

— Надо, значить, было, усмѣхнулась баба его.

Покосился на нее мулла. Ишь ты глаза какіе огненные. И съ чего это она жиромъ такъ обкладываться стала? Хорошая еще баба!

Протянулъ-было онъ руку къ ней легонько, благо уголья тухнуть начали, потемнѣло въ кибиткѣ. А та оттолкнула его, засмѣялась и назадъ за занавѣску спряталась.

И слышитъ мулла, какъ она ребенка своего укачиваетъ, пѣсню запѣла; что на умъ придетъ, то и вставляетъ въ пѣсню.

„Старый козелъ, вонючій, который разъ къ козѣ пристааетъ, да рога-то его совсѣмъ затупились“, поетъ иранка и добавляетъ говоркомъ уже:— „Ну, спи, спи, мой козленочекъ, спи. Выростешь—обмочалишь свою плеть о спину козла старога, вонючаго“.

„Ну, хорошо, подумаль про себя мулла, — это тебѣ такъ не пройдетъ даромъ; погоди-же ты, узнаешь „старога козла“, увидишь, каковы у него рога; не бойсь, и не такіе бока, какъ твои, пропороть съужветъ“.

— Приди кто ко мнѣ, говорилъ свое Иртыкъ-бай, — скажи мнѣ: хочешь за своего „Стыпана“ сорокъ лошадей, сорокъ барановъ, сорокъ коровъ и деньгами сорокъ тилей,—не отдамъ.

— Триста тила уже давали, совралъ тутъ и Батта-Курсакъ-бай,—не отдали.

На всякій случай впередъ это забѣгали братья—пускай, дескать, по народу расходится, пригодится.

Поговорили еще о томъ, о семъ, спать ложиться собрались; пошли бабы за камышемъ для постели.

Иртыкъ-бай на свою постель хочетъ уложить гостя, Батта-Курсакъ свою предлагаетъ. Покобенился мулла, говорить: „старшему почетъ нуженъ; кто изъ васъ старшій?“

— Я, говорить Иртыкъ-бай, — двумя годами позже родился, я младшій.

Полѣвъ мулла тогда въ иранкѣ за перегородку; та въ самой стѣнкѣ прижалась, ребенка съ боку положила съ другого. Катта-Курсакъ рядомъ со Степаномъ легъ; заснули.

Только свѣтать стало, поднялся гость на ноги, зѣвнулъ, кашлянулъ, за намазомъ изъ кибитки вышелъ; хозяйка тоже проснулась. Костеръ большой развели грѣться, назяблись въ кибиткѣ за ночь.

Сердитый такой мулла сталъ отчего-то, сидитъ скорчившись, шапку высокую на брови надвинулъ, на огонь смотритъ; на вопросы: „хорошо-ли спалъ ночью, легкіе-ли сны видѣлъ?“ — не отвѣчаетъ вовсе.

„Что такое? думаютъ братья, — чѣмъ недоволенъ гость Божій, — кажется, все, что надо ему, сдѣлали“.

— А мнѣ съ тобою поговорить надо, говорить старшему брату мулла. — Толки нехорошіе про тебя по ауламъ ходятъ; я даже въ городѣ Чимбаѣ проѣздомъ слышалъ объ этомъ.

— Что за толки? удивился Катта-Курсакъ. — Про меня да худое, говоришь ты, про меня?

— Не то что совсѣмъ про тебя, а до тебя близко касается, вымолвилъ мулла.

На иранку покосился при этомъ, усмѣхнулся ядовито такъ. Та потушилась.

— Не нужно другому уху слушать того, что для одного назначено, говоритъ онъ.

— Да что такое, говори-же, нахмурился Катта-Курсакъ; — началъ, такъ рассказывай.

— Улгу-хана знаешь?

Поблѣднѣлъ „старшій братъ“, губы сжалъ плотно, закусилилъ даже, говоритъ:

— Знаю.

— Ну такъ поидемъ, я расскажу тебѣ, что такое про тебя худо рассказываютъ.

— Не вѣрь ему, вретъ все онъ, накинута съ тутъ иранка. — Онъ самъ...

— Молчи, чекалка подлая, полѣзай въ нору свою! крикнулъ Катта-Курсакъ-бай.

И отошли они съ муллою вмѣстѣ въ сторону, отъ кибитки подалше, за загородку козью спрятались.

Уѣхалъ гость, замолеъ стукъ копытъ его ослика. Привязалъ Катта-Курсакъ-бай свою жену къ колу, стащилъ халатъ и рубашу; та молчитъ, только зубы стиснула. Связалъ мужъ пучекъ прутьевъ колючихъ. Страхъ напалъ на Степана, на всѣ эти сборы гляючи.

— Смотри, не забей ее до смерти, говоритъ Иртыкъ.— Можеть, и вретъ еще мулла, а то безъ жены останешься, что хорошаго! Наказать, накажи, а не убивай. Слышишь?

Принялся хлестать Катта-Курсакъ, завyla иранка несчастная, заметалась на привязи.

— Чуетъ мое сердце, что не вретъ мулла, правду говоритъ! хлещетъ тотъ, самъ захлебывается.

Ребенокъ плачетъ, за полу отца дергаетъ; Кой-Кочъ реветъ тоже, надрывается; Иртыкъ молча сидитъ, только въ сторону отвернулся и уши зажалъ руками, чтобы крику не слышать того отчаяннаго.

— Правда, говори, правда? рычалъ даже Катта-Курсакъ, — сознавайся, змѣя подлая, лживая!

Не вытерпѣлъ Степанъ, кинулся на бившаго, вырвалъ прутья изъ рукъ, такъ толконулъ, что тотъ на ногахъ еле удержался, покачнулся, опалѣлъ совсѣмъ и на *раба* своего, уруса, смотреть.

— Богъ и твой, и мой не велитъ убивать человѣка. Онъ за то тебѣ добра не пошлетъ, не будетъ тебѣ ни покою, ни удачи ни въ чемъ, ни счастья! кричитъ Степанъ, — руки отсохнутъ твои, болѣзнь ихъ покроетъ. Прости ты ее; наказалъ, ну и довольно. Прости теперь. Ты ее простишь, а Богъ за это всѣ грѣхи твои проститъ, всѣ дѣла худыя. Ужли-же ты самъ ни въ чемъ передъ Богомъ не грѣшишь?

— Развяжи ее, глухо такъ проговорилъ Катта-Курсакъ-бай, — отведи въ кибитку, тамъ Кой-Кочъ знаетъ, что дѣлать нужно. А я туда пойду.

Махнулъ онъ куда-то въ сторону рукою и зашагалъ потихоньку по той-же тропинкѣ, куда и мулла поѣхалъ, а Степанъ съ Кой-Кочъ стали избитую иранку развязывать.

XX.

М Е С Т Ъ.

Вернулся Катта-Курсакъ только къ ночи. Злой пришелъ такой, не обвѣтрился, значить.

— Пойдемъ! говорить брату.—Въ дорогу собирайся!

— Куда-же мы пойдемъ? спрашиваетъ Иртыкъ.—Развѣ добрые люди по ночамъ рыскаютъ? Это звѣрямъ пристойно да ворами съ руки, а честные люди по домамъ сидятъ, спать на своихъ постеляхъ.

— Пойдемъ, нечего тутъ. Улла-ханъ въ гости звалъ, пойдемъ къ нему. Прямою дорогою пойдемъ, тамъ теперь трясина замерзла, нога не тонетъ.

— Не доброе дѣло ты затѣваешь, говорить Иртыкъ.—Оставь лучше; сгоряча человѣкъ...

— Все правда, твердить свое Катта-Курсакъ, — все правда; не хочешь ты идти со мною—и одинъ справлюсь. Только не законъ брату отъ брата отставать. Изъ одного котла ѣдимъ, подъ одною кровлею живемъ, какъ одна рука обѣ руки подниматься должны, на то мы братья.

— Ну, пойдемъ, вымолвилъ Иртыкъ и сталъ въ дорогу собираться.

Взяли ножи съ собою, взяли палки окованныя, подвязали кошени подъ ступни, чтобы по льду не скользили, когда напрямикъ пойдутъ. Оробѣли бабы, струсили и Степанъ—видить, что дѣло совсѣмъ неладное затѣвается.

Ушли Иртыкъ-бай съ Катта-Курсакъ-баемъ.

Не спалось всю ночь Степану; справилъ онъ все по хозяйству, огонь развелъ въ кибиткѣ, дверь входную опустил; лежитъ самъ на своемъ мѣстѣ, передумываетъ.

Лежитъ и „баба“ исполосованная, мечется, стонетъ; Кой-кочъ у ней колючки въ тѣло засѣвшия выковыриваетъ, водою теплою обмываетъ, саломъ сомовымъ смазываетъ.

Занавѣска приподнята, все-то видно Степану и его видятъ женщины.

— Ты добрый, говорить сквозь стоны иранка,—ты добрый, хорошій человѣкъ.

Заплакалъ Степанъ потихоньку, вспомнилъ, какъ его Марина тоже разъ „добрымъ“ назвала.

— Если-бы встать могла, я-бы тебя погладила, говорить больная;—пойди ты сюда лучше, подвинься поближе. Тѣ-то далеко ушли, не увидятъ; пойди сюда. Ну-же!

— Не надоть! отмахнулся Степанъ,—ну тебя къ чорту! Лежи, знай, выздоравливай. Хуже чего-бы на завтра не услышали. Вишь вы какіе всѣ сердитые да безсудные, самоправомъ норовите.

— Дай ему айрану *), Кой-кочъ. Тамъ онъ въ кувшинѣ стоитъ, съ твоей стороны. Я ужъ думала—забѣтъ онъ меня совсѣмъ; по бокамъ все норовилъ да по брюху, гдѣ опаснѣе.

— Зачѣмъ муллу разсердила? Не надо злого чловѣка сердить. Вотъ онъ...

— Попадись мнѣ онъ теперь, всю бороду по волоскамъ выщипаю, все лицо испарапаю, глаза его выдавию! Ой-ой, какъ больно! Ой! горитъ! Ножъ будетъ—кишки выпущу, попадись только!

— Ну, не злись! Мечешься вотъ, оттого и больнѣе стало. Лежи покойнѣе.

Заснула, наконецъ, больная иранка; заснула и Кой-Кочъ, ребятъ на ночь повормивши; заснулъ и Степанъ, у огня свернувшись.

— Эй! кричитъ Иртыкъ, отъ кибитки недалеко.—Ге-гей, „Стыпанъ“!

— Подошли всѣ, что-ли! Выходи вонъ. До какихъ поръ спать будете? слышенъ и Катта-Курсакъ-бая голосъ.

Вернулись братья; видно, что шибко, бѣгомъ назадъ бѣжали. Всѣ въ поту и дышать тяжело. У Иртыка руки, а у брата его весь халатъ спереди кровью забрызганы.

Свѣтло, ярко такъ на небѣ утренняя зорька разыгралась, фазаны (каргаулы) въ чащѣ перекликаться стали.

Разнеслась по озерамъ вѣсть, что съ Улла-ханомъ бѣда случилась.

Пришли къ чему братья съ мыска „Урда“, совсѣмъ чловѣка искалѣчили. Лучше-бы ужъ зарѣзали. Лежить теперь Улла-ханъ

*) Молоко козье, скисшееся.

больной, или помретъ, не выдержитъ, или на всю жизнь калѣкою останется. Такъ-то его Иртыкъ съ Катта-Курсакомъ не хорошо обидѣли.

Кто говоритъ: „эки разбойники!“ Кто говоритъ: „такъ, моль, ему и слѣдуетъ“.

Однако остерегаться стали теперь братья. Родные тоже есть у Уллы-хана, вступятся, пожалуй, „кровь да обиду“ вымещать стануть.

Съ этой поры братья выходить куда стали вмѣстѣ, даже Степана всегда брали съ собою: на трехъ человекъ тоже не очень-то храбро соваться будутъ, отстояться можно.

— Видишь, что ты надѣлала, упрекалъ Иртыкъ свою сноху виноватую, — все изъ-за тебя, скверная!

— Столько-же я тутъ виновата, твердила та, сколько вотъ коза эта, что съ козленкомъ ходить, наговорилъ только на меня мулла вашъ. Онъ человекъ извѣстный. Отъ кого всегда всякое зло выходитъ?

— Молчи ужъ, не запирайся, ворчалъ Катта-Курсакъ-бай, — не напоминай лучше.

Разъ, темная ночь была такая, хоть глазъ выколи, ничего все равно не видно, спали всѣ крѣпкимъ сномъ въ своей кибиткѣ; вдругъ козы въ закутѣ всполошились.

„Звѣрь бродить“, подумалъ Степанъ и взглянулъ, дверь приподнявши.

Проснулся тутъ и Иртыкъ-бай, тоже взглянулъ, разбудилъ брата, обошли они кругомъ кибитки, къ козамъ навѣдались — ничего, все спокойно, благополучно.

А въ кустахъ засѣли и притаились три человека недобрые: отецъ Уллы-хана, съ своимъ зятемъ, да братишка его десятилѣтній.

Только снова въ кибиткѣ заснули — вспыхнулъ огонекъ въ кустахъ, въ другомъ мѣстѣ тоже загорѣлось, посрединѣ какъ-разъ затрещалъ кустъ сухой, смолистый.

А вѣтеръ-то былъ сѣверный, какъ-разъ на кибитку, порывистый такой, сильный.

Быстро разгорѣлось яркое пламя. Не успѣли братья вонъ выскочить, разбуженные свистомъ да трескомъ, а уже стѣною, полукругомъ, всѣ кусты охватило пожаромъ.

Пробовали кибитеу снять поскорѣе, да жаромъ ихъ обдаеть; камыши - огородки вспыхнули; винулись къ каикамъ — примерзли врѣпко, не оторвешь никакъ. Пока съ лодками возились, загончикъ съ козами занялся; кричить скотинка, наружу рвется.

И опомниться не успѣли, какъ все добро братьевъ до-чиста пожрало пламя жадное. Легли спать хозяевами, — проснулись въ однихъ только рубахахъ да въ халатикахъ отрешанныхъ; и кибитеу, и лодокъ, и козъ, и запасу своего, — всего разомъ лишились.

И увидѣло ихъ солнце утреннее на пустомъ, почернѣломъ пожарищѣ.

XXI.

Какъ вратья межъ совою спорили, на чемъ порѣшили, и какое дѣло задумала иранка ехидная.

Какъ остались братья безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ возможности даже продолжать свой нехитрый рыбный промыселъ, врѣпко они тогда призадумались.

Хоть въ рабочіе изъ-за хлѣба только идти къ кому изъ богатыхъ, такъ въ пору. Да и къ кому пойдешь? По ихъ округѣ нѣтъ такихъ, чтобы нанимать могли: все байгуши, самимъ прокормиться, такъ въ пору. Къ узбекамъ идти, въ городамъ, — Боже сохрани! Все одно тѣ-же „кули“ (рабы) будутъ, только равница вся, что продавать ихъ нельзя, мѣнять тоже, потому не „невѣрные“ они, не „собаки“ какія, а масульмане считаются; закону нѣтъ такого, чтобъ продавать масульманина.

Только пришла имъ мысль о продажѣ, такъ и поглядѣли оба сразу на Степана, точно одно и то-же забрело имъ въ головы...

— И точно продать, заговорилъ Катта-Курсакъ-бай. — Что дѣлать! поведемъ его къ сандовой мечети.

— Продать недолго, сказалъ тутъ Иртыкъ, — продать можно; только *обоихъ*-ли продавать или одного кого... Ну-ка, сколько намъ денегъ нужно, чтобы какъ-нибудь купить на первое время да кибитеу какую-нибудь?

— Обоихъ? вытаращилъ глаза Катта-Курсакъ, — какъ ихъ обоихъ? Ты кого-же это *другимъ* считаешь?

— Я по правдѣ думаю. Правда прежде всего... Правдомъ человѣкъ живетъ, а неправдою...

— Спутало горе умъ у тебя, теперь вотъ и языкъ путаетъ; говори яснѣе...

— Изъ-за кого горе это приключилось? Кто всему злу виноватый, по-твоему?

— Воля Аллаха, никто больше.

— Она—кто?..

Протянулъ тутъ руку Иртыкъ, положилъ на плечо жены брата своего, на нее указываетъ.

— Ты самъ знаешь, потушился Катта-Курсакъ-бай.—А Кой-Кочъ твоя? объ ней что не говоришь?

— Кой-Кочъ правовѣрная, у муллы хотъ спрости,—ее нельзя, она жена нѣ настоящая; самъ ты на свадьбѣ былъ... Ну, а на твоей свадьбѣ кто „барана ѣлъ, его айранъ шлъ молитвенный“ *)?

— Все равно это, промолвилъ старшій братъ,—все равно...

— Нѣтъ, не все равно! Она—собака, *шитка*, *иранка*, она хуже русскаго, она теперь вредъ намъ сдѣлала, она и другой разъ сдѣлаетъ то-же... Ее держать въ дому—„уголь горячій въ сухой камышъ прятать“.

— Моя въ *немъ* половина, что хочу то съ *нею* и сдѣлаю! рѣшилъ настрѣвъ Катта-Курсакъ-бай, на Степана указалъ при этомъ,—а жены своей не отдамъ... Зависть говорить въ тебѣ, я знаю. Какъ это у брата хорошая жена, а у меня, молъ, такая *дохлятина*... Ну, вотъ и тащи свою Кой-Кочъ на базаръ на веревкѣ; кто тамъ разбирать станетъ: правовѣрная она или нѣтъ... Только не знаю, дастъ-ли кто за нее хотъ коканъ фальшивый; я думаю, такого не найдется...

Шибко повздорили братья, чуть не до драки дошло, за ножи даже брались, спорили, спорили, рѣшили къ муллѣ на судъ пойти, только вспомнили, чѣмъ-же они платить будутъ муллѣ этому? Даромъ-то онъ и языка не повернетъ для нихъ, проходятся только напрасно, время теряютъ... Вотъ они и одумались.

Солнце на полдень еще не поднялось—порѣшили дѣло Иртыкъ съ Катта-Курсакъ-баемъ.

*) Угощеніе гостямъ, входящее въ свадебный обрядъ.

Хоть и жалко Степана, работника ретиваго, человекъ такого смирнаго, хорошаго да добраго, да что дѣлать, разставаться съ нимъ все-таки приходится.

Не годится брату противъ брата идти, не годится, столько лѣтъ виѣсть живя, ссориться. Да и другой тоже расчетъ дѣло имъ, какъ слѣдуетъ, выяснилъ.

Продадутъ иранку—получатъ за нее тридцать тилей; больше никто не дастъ... Положимъ, красивая она еще баба, годная, да все-таки въ лѣтахъ,—года три-четыре пройдетъ — никто на нее не позарится... А что на тридцать тилей сдѣлаешь? Какъ только купишь, да и то немудреный, плохенькій. Ну, а на сто тилей—другое дѣло: тутъ все обзаведеніе справить можно на такія деньги; значить, какъ ни прикидывай, а веди на базаръ его, *сотеннаго*.

„Судьба, значить, подумалъ Степанъ, про рѣшеніе хозяйское услышавши;—воля Божья! Коли на Его, милостиваго, положился, такъ не ортачься; что те выйдесть, то и ладно... Можетъ, это Господь настоящую дорогу указываетъ? Почему знать, что впереди случится... Не попустилъ Богъ утонуть, на сушу выкинулъ, къ нимъ вотъ попалъ, дальше... Эхъ! Волосъ съ головы человѣческой... такъ-то вотъ! Это еще дѣдушко Денисъ, когда живъ былъ, завсегда сказывалъ“.

Заплакала Бой-Кочъ только, да и то оттого, либо отъ другого чего—неизвѣстно; никто даже и не замѣтилъ слезъ ея; а увидалъ-бы Иртыкъ, далъ-бы ей трепку, потому мало-ли что человекъ можетъ подуматься!

Иранка ничего не сказала, промолчала, вся въ себя притаилась, знай только на погорѣломъ иѣстѣ копаются, рыбу уцѣлѣвшую изъ золы крючкомъ выгребаетъ, желѣзо всякое разыскиваетъ: гвозди, крючья, багры, разное...

Сладили съ одною заботою, другая осталась, горше первой: мѣсть Улла-ханова.

Узнать надо было: считаетъ-ли Улла-ханъ и родные его эту мѣсть поконченной или до крови ихъ добираться будутъ? Коли до крови, такъ они и сами зубасты, еще кто кого одолѣетъ, а если конецъ, то этому концу они и сами рады были-бы... По-квитались—и довольно; что жить на-сторожѣ вѣчно, cadaго куста оберегаться; зачѣмъ руку свою вѣчно на ножъ держать, рука

и на другое что, хорошее, пригодится... Какъ-бы теперь разузнать, что на мысляхъ у врага ихнаго?

За это вотъ дѣло Иртыкъ взялся. Безъ подарковъ пошелъ, хоть и не по обычаю это, да откуда-же взять пока? Про это немѣнье Удлѣ-хану лучше кого другого извѣстно... Пообщать, все равно, можно, послѣ сочтутся.

Ушелъ Иртыкъ-бай, остались втроемъ погорѣльцы, шалашъ кое-какой себѣ сгородили, спать легли...

Только слышитъ Степанъ ночью: толкаетъ его кто-то вприсонкахъ, у самаго уха горячо дышетъ; приподнялся парень, рукою тронулъ, — женщина.

— Тише, шепчетъ ему чуть слышно иранка. — Иртыкъ раньше двухъ дней не вернется... *этомъ* крѣпко спать. Зарѣжь его и убѣжишь оба... я тебя въ такія мѣста проведу, что никто не разыщетъ, убѣжишь!.. Вотъ тебѣ ножъ — на, бери, да вотъ, вотъ, куда рукою шарить? вотъ онъ...

Не сообразилъ Степанъ путемъ даже, что ему говорить такое баба ехидная, да смекнулъ, какъ сонъ у него разогнало... Въ ознобъ его даже ударило, зубы другъ о дружку заколотились...

А иранка лѣзетъ, жметъ къ нему, руками обвиняетъ, цѣлуетъ, совѣшь вотъ какъ Авдотья его, какъ станеть, бывало, ластить-ся, или вотъ... Нѣтъ, не то, и не похоже даже...

— Милый мой, хорошій, свѣтликъ яркій, козленочекъ бѣленькій... шепчуть ему на ухо губы горячія...

Вспомнилъ тутъ Степанъ и про тѣ рѣчи, что прорывались въ ровсказняхъ дѣдки корнаухаго, такъ вотъ ему старшій бродяга и представился...

„Непусти Господь до убійства! черное дѣло солнцу кровь человѣческую показывать“.

— Уйди ты отъ меня, отстань, сатана! проговорилъ Степанъ. — Ползи дальше, слышишь!

— Ты посмотри, какая я... посмотри только... за мною пойдешь, какъ коза отъ зеленой травы не оторвешься...

— Уйди, не то крикну, мужа разбужу! Уйди добромъ лучше... отстань, уходи! Ишь ты!

Вырвалъ у ней Степанъ ножъ изъ рукъ, далеко отъ себя отшвырнулъ, кашлять громко началъ нарочно...

— Хорошо-же! прошептала иранка, быстро откинулась отъ

него, свернулась калачикомъ и захрапѣла, точно всю ночь спала крѣпко, не скоро и добудинься...

— Эге! что тамъ... идетъ кто-то? промичалъ спросонья Катта-Курсакъ-бай.

— Ничего, говоритъ Степанъ; — чекалка въ шалапъ было-сунулся, да я прогналъ... Вишь тутъ ихъ сколько собралось, да воютъ, передъ разсвѣтомъ значить.

Забормоталъ что-то Катта-Курсакъ, должно молитву какую-нибудь, запровинулся, захрапѣлъ тоже... И долго не спалъ послѣ этого Степанъ, слушалъ все, какъ мужъ съ женою перехрапывались, другъ передъ дружкой словно старались, какъ ребята хныкали чего-то, должно быть съ холоду, какъ Кой-Кочъ ублажала ихъ, въ свое тряпье все кутала; какъ звѣрье завывало въ кустахъ и потрескивали вѣтви сухія подъ ихъ когтистыми лапами...

XXII.

БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ ВЪ ЧИМБАЪ.

Вернулся Иртыкъ-бай, не одинъ, съ отцомъ Улла-хановымъ пришелъ. Миромъ дѣло свое уладили.

Сѣтовали шибко братья, что негдѣ принять было съ почетомъ гостя дорогого, нечѣмъ поподчивать, какъ слѣдуетъ.

— Ну, ничего, говоритъ старикъ, — самъ я, своими руками добро ваше пожегъ, думалъ и вы съ нимъ погорите; да теперь уже миръ, объ злѣ не вспоминать больше. Только молитте Аллаха, чтобы сынъ мой выздоровѣлъ, а помретъ — тогда ужъ не взнщите, другіе пойдутъ у насъ съ вами счеты.

— Пошли Аллахъ! сказали въ одинъ голосъ Иртыкъ-бай съ Катта-Курсакъ-баемъ.

— Пошли Аллахъ! сказалъ и старикъ, отецъ Улла-хана некалѣченнаго.

Проводили старика домой. Отвелъ Иртыкъ обѣихъ бабъ съ дѣтьми, къ тамыру своему, въ зимовки, на пол-дня пути пѣшаго, въ сторону. А тутъ и базарные дни подходили вскорѣ: одинъ въ Ургенчѣ городѣ, а другой въ Чимбаѣ. Рѣшили братья вести Степана въ послѣдній.

Пошли.

Лѣтомъ, на лодкѣ, большіе объѣзды дѣлать надо, чтобы въ Чимбай попасть, вплоть до Нукуса подниматься надо, потомъ по Буванъ-Джармъ спускаться, по Кигейли протоку, до самаго базара чимбайскаго, дной на пять дороги хватало; ну, а теперь напрямикъ по льду, черезъ озеро, на „Кушкане-тау“ горы на второй день братья придти думали.

— Ты не бойся, говорилъ Иртыкъ Степану дорогою, — мы тебѣ хорошему хозяину сбыть постараемся, тюркмену какому-нибудь не отдадимъ, ты не бойся...

— Тюкменъ самъ, не попусти Богъ, встрѣтится, отбереть и денегъ не заплатитъ, говорилъ Катта-Курсакъ. — Они такъ-то вотъ къ купцу изъ Вій-базара нагрянули, — такъ не только рабовъ его увели съ собою, а изъ гостей захватили четыре головы... Развѣ на нихъ есть управа? Ихъ, слышно, и въ Хивѣ болтася.

— Ханъ самъ все по ихъ дѣлаетъ, вольница! Ни податей, ничего не платятъ, хорошо имъ жить.

— Съ насъ вотъ шкуру деруть послѣднюю, а съ нихъ... Да ты не бойся, пріятель, не попадешь къ нимъ.

— Кто дастъ больше, началъ Катта-Курсакъ, — кто дастъ больше денегъ?

— Да вѣдь только хорошій человѣкъ, богатый, и не скупится; а у богатаго и жить лучше.

— Все ужъ единственно, твердилъ свое Степанъ, — какъ, значить, судьба, потому ежели...

— Ну вотъ, ну вотъ, хорошо, только постой-ка мы тебѣ руки сейчасъ назадъ свяжемъ, постой...

— Зачѣмъ такъ? удивился Степанъ, — для чего вязать? нѣшто я... Сколько времени такъ у васъ жилъ, на свободѣ, а тутъ на привязъ; что такое, въ самомъ дѣлѣ?..

— Порядокъ того требуетъ, сталъ его уговаривать Иртыкъ; — держи вотъ такъ локти.

— Да ну, не упирайся, все равно скрутимъ, чего барахтаешься! прикрикнулъ старшій братъ.

— Обычай такой, говорилъ Иртыкъ; — какъ ведемъ мы тебя на веревкѣ, ну и видить всякъ, что рабъ; а то какъ-же узнать тебя? Не кричать-же намъ: „вотъ раба продавать ведемъ, вотъ рабъ! кому надо!..“

— Законъ такой. Давай, Иртыгъ, свой поясъ; ну, держи! Да не ломайся!..

— Мы не крѣпко тебя, мы чуть-чуть, для виду только. Вотъ видишь, всего въ одинъ узелъ.

Нечего дѣлать, пришлось Степану покориться закону тому, *обычаю*, хошь и зазорно очень, кровь инда вся въ голову ударила, а дѣлать нечего.

— Значить судьба!..

— То-то „судьба“! по-настоящему не поясомъ мягкимъ, а цѣпью надо желѣзною, да веревку петлю на шею, вотъ какъ! утѣшилъ его Катта-Курсакъ. — Ты ужь насъ не выдавай: веселѣй гляди, чтобы всѣ видѣли, какой ты работникъ бодрый... Больше дадутъ, мы и тебѣ за это подарокъ сдѣлаемъ, не обидимъ. Что хочешь: халать тебѣ или шапку черную?..

— Ничего мнѣ не надобно, дѣлайте, что хотите, что ужь тутъ! закручинился Степанъ, бредя между братьями связанный, точно воръ какой, разбойникъ, съ поличнымъ пойманный.

Уже не далеко до Чимбая. Вонъ вдали большой карагачъ синѣеть, развѣсистый, оттуда уже близко. Вонъ и тополи видны чуть-чуть, словно черточки въ рядъ вытянулись. Вонъ и дымы валить изъ кибитокъ, что къ городу на зиму прикочевали, со всѣхъ сторонъ обступили его.

Много народу идетъ и ѣдетъ, и все-то къ базару. По всѣмъ дорогамъ, по всѣмъ тропинкамъ стягиваются. Вонъ и цѣпкомъ отъ песчаныхъ горъ рясать какіе-то вершинки.

Верблюды идутъ другъ за дружкой, навьюченные и такъ просто, на-легкѣ. Только зимою и увидишь ихъ въ этой сторонѣ, а къ веслѣ да лѣтомъ — деньги плати, никто не покажетъ. Не выдерживаетъ скотина эта крупная лѣтнихъ комаровъ, вотъ и отгоняютъ ее далеко въ пески, въ пустыни окрестныя, тамъ и проводятъ верблюжьи косяки все жаркое время, благо имъ жарь да недостатокъ въ водѣ — пустое дѣло.

На арбахъ тоже народу много ѣдетъ; колеса у арбъ широкія, ходы узкіе, скрипятъ такъ, что за версту слышно; лошади въ арбахъ небольшія; на деревянныхъ арчакахъ кольца желѣз-

ния побрякиваютъ; арбаеша около идутъ или на арбахъ сидятъ, возжами правятъ; на быкахъ приземистыхъ, съ горбами, не мало тоже арбъ ъхало.

Народъ все въ шапкахъ высокихъ бараньихъ, въ халатахъ красно-бурыхъ полосатыхъ, мало кто въ чалмахъ, и то изъ богатыхъ кто или званія духовнаго.

А вотъ и тюремна два обогнали нашихъ, ходко такъ мимо нихъ махнули; лошади у нихъ высокія, тонкошейныя, длинноногія, съ ногъ до головы въ попоны темныя ковровыя окутаны; на всадникахъ, поверхъ халатовъ, бурки косматыя накинута, за плечами ружья, „мултуки“, съ лѣваго боку пашки треплются.

Зорко поглядѣли они на нашихъ братьевъ да на *раба* ихъ связаннаго, усмѣхнулись. Морозъ пробѣжалъ у всѣхъ троиухъ за плечами, слово на языкѣ, не сорвавшись, замерло.

— Ну, счастье, что отъ города близко, а то-бы... на-силу на-силу отдышался Иртыкъ.

— Двое на двое, у живыхъ-бы не отняли, сталъ храбриться Катта-Курсакъ-бай.

— Пойди ты!

— Продавать ведете, что-ли? спрашивали ихъ кое-кто дорогою и Степана оглядывали.

— Можетъ и такъ, уклончиво отвѣчали братья, — можетъ и продадимъ, какъ придется.

— Откуда взяли?

— Проѣзжай, проѣзжай своею дорогою! нечего тутъ на чужое добро зариться! гдѣ взяли, тамъ и взяли.

Не хотѣли братья вступать въ разговоръ особенно. Известно, зря спрашиваютъ! развѣ это настоящіе покупатели? Тѣ тамъ, въ чайныхъ лавкахъ Али-Рахима сидятъ, чай пьютъ, пловъ ѣдятъ, степенно *товару* дожидаются.

А народу проѣзжему тоже чудно на нихъ глядѣть: сами оба байгуши совѣшь, босикомъ по грязи да по снѣгу идутъ, оборванцы какіе-то, а тоже человѣка, вишь ты, ведутъ на веревкѣ, да еще уруса—изъ рабовъ самаго цѣннаго. Сбарантовали гдѣ, ужъ это вѣрно!..

— Ага, землякъ! крикнулъ вдругъ кто-то по-русски, — какъ те Господь милуетъ?

Вздрыгнулъ Степанъ, окликъ этотъ услышавши; благовѣстомъ какинъ русская рѣчь ему показалась.

А сказалъ тѣ слова верховой одинъ, въ красномъ халатѣ, что на здоровомъ пѣгомъ жеребцѣ мимо проѣхалъ; самъ старикъ съдой, усы подбриты по-масульманскому, борода тоже клиномъ подрѣзана; сзади него мальчишка сидитъ, лѣтъ четырнадцати, красивый такой, и за поясъ старика держится.

Мимо проѣхалъ старикъ, Степана по-русски окликнувшій, дальше погналъ и уже не видать его за арбами да за народомъ, всю дорогу занявшимъ.

— Знаешь, кто это? спросилъ Иртыкъ брата.

— Знакомый какъ-будто, отвѣтилъ тотъ;— не припомню только, гдѣ мы его видѣли.

— А Дмитрій-ходжа *) помнишь? Когда насъ гоняли подъ Хиву, армы чистить, онъ тогда отъ хана присланъ былъ за работами приглядывать... Помнишь?

— Теперь помню; шибко дерется, больно, собака, злой такой, помню...

Поравнялись съ карагачемъ; одно дерево, а словно цѣлый лѣсъ стоитъ; комля не видать, сѣкли все вокругъ него налѣплени; вѣтви толстыя, длинныя во всѣ стороны далеко протягиваются. Безъ листьевъ, голое теперь это дерево, а въ лѣтнюю пору ни одинъ лучъ солнца не прорвется черезъ этотъ навѣсъ зеленый, тѣнистый. Сто человекъ съ лошадьми и арбами могутъ въ тѣни его отъ жары укрыться.

Отсюда, вплоть до городской стѣнки, кучами стоятъ кибитки кара-балпакскія, приземистыя все такія, верха только одни каменные. Тѣсно жмутся онѣ одна къ другой, человеку-одиночкѣ проскользнуть между нихъ только что въ пору; бѣда въ случаѣ пожара!

Голоса мужскіе и женскіе, пискотня да плачь дѣтскій внутри ихъ слышатся. Козы блеютъ тамъ-же, бараны перхаютъ, стонетъ и кряхтитъ верблюдъ, — вонъ изъ-за кибитокъ, выше всего, его длинная шея тянется, на проѣзжихъ посмотреть хотеть.

Глубокіе армы идутъ по обѣимъ сторонамъ дороги, а дорога-то—просто не выѣзешь, такая грязь; раскиседило ее непогодю зимнею, тысячи ногъ размѣсили; по ступицу арбяное колесо

*) Этой интересной личности будетъ посвященъ особый очеркъ.

застѣдаетъ, выше колѣна нога конская вьзнетъ, слѣдъ затягиваетъ тягучее, клейкое мѣсиво. Бьются, ругаются, плачутъ арбакеши съ своими повозками увязшими.

А вотъ и стѣнка сажа, вотъ ворота, низкіе, темные; по бокамъ воротъ этихъ двѣ башни круглыя, пузатыя такія стоятъ, вершины зубцами нарѣзаны, бока въ сырой глинѣ узоромъ выдавлены.

Протискались наши кое-какъ въ ворота эти. Тамъ базаръ крытый начинается. Грязь на улицѣ такая-же, какъ и на дорогѣ, только покрыто все поверхъ зеленою, вонючею плесенью... Справа и слѣва лавки торговныя: сперва мясныя, за ними сбруйныя, тамъ съ краснымъ товаромъ, съ желѣзомъ разнымъ, съ посудомъ, тамъ дальше въ перемежку пойдутъ. Весь товаръ на вотъ, гляди, напоказъ вывѣшенъ: здѣсь вотъ уздечекъ пучъ, попона красная виситъ, шелками вышитая, а рядомъ, вплотную, свѣже-зарѣзанная туша баранья распята, красная кровь каплетъ съ нея на чьи-то башмаки съ зелеными пятками, на уголь сундука кованнаго, съ ситцемъ. Груды табаку зеленого, тертаго, на листахъ бумажныхъ лежатъ, тутъ-же и капъ съ чаемъ кирпичнымъ, изъ-за капа этого ослиная голова глядитъ, уши длинныя развѣсила, глазами въ самоваръ мѣднѣй уставилась... ишь-ты, моль, тамъ такая-же на встрѣчу глаза палить.

Бьются туркменскіе жеребцы на привязяхъ, проходу, проѣзду не даютъ никому, такъ вотъ и норовятъ либо зубами цапнуть, либо ребро сломать ударомъ копыта кованнаго. А тутъ и арба втесалась, заняла всю ширину улицы, ни взадъ, ни впередъ. Народъ по сторонамъ обходитъ, подъ навѣсами лавочными пробирается, черезъ товаръ разложенный напоказъ шагаетъ.... Ругаются купцы, ругаются прохожіе, ругается юродивый, „дивона“, за то, что мало даютъ ему за его присказки да пѣнье; ругается киргизъ кызыль-кумскій, ловкимъ таджикомъ-купцомъ обчитанный, ругается туркменъ, зачѣмъ замѣтили, какъ онъ стащилъ что-то изъ лавки, ругается кто-то и за ухо свое держится, кровь зажимаетъ пальцами. И со всѣхъ-то сторонъ, во всѣ концы базара многолюднаго, въ дыму изъ-подъ котловъ и самоваровъ, носится въ спертомъ, вонючемъ воздухѣ гортанная, хриплая, разноязычная брань перекрестная.

— Аманъ, Иртыкъ-бай! тронулъ одного изъ братьевъ за пле-

чо толстый сартъ въ засаленномъ халатѣ бумажномъ, въ тибетейкѣ вязаной, краснощекой такой, веселый съ виду.

Еле-эле онъ къ нимъ сквозь толпу протискался, запыхался весь. Самъ Иртыка обликается, а глядитъ въ сторону, такъ на Степана и уставился, съ ногъ до головы оглядываетъ.

— Гей, мулла Шарипъ, аманъ! отвѣтилъ Иртыкъ;— что скажешь новаго да хорошаго?

— Кто спрашивать будетъ, не продавай, слышишь, не продавай, суетился около мулла Шарипъ.— Воже сохрани, не продавай, навѣрное продешевилъ, а веди за мною, я тебѣ ужъ доставлю настоящаго покупателя.

Чудно показалось братьямъ: только - что пришли они, ничего никому не говорили, а уже весь городъ знаетъ! Мулла Шарипъ знаетъ— все равно, что весь городъ. У этого толстяка языкъ съ виду короткій, а начнеть ворочаться — отсюда до Хивы самой достанетъ. А впрочемъ, ничего, мулла Шарипъ человекъ хорошій, полезный. Вотъ даже сейчасъ пригодится его дружба можетъ.

Долго или наши до Чимбая, и намерзнуться, и проголодаться успѣли. Теперь-бы въ лавку засѣсть, плову поѣсть вволю, чаемъ-бы чудесно погрѣться, а потомъ-бы въ баню хорошо тоже; ну, да въ баню и послѣ можно... Къ цирюльнику тоже, голову поскоблить... Эхъ! что можетъ быть лучше, какъ сидишь ты въ лавкѣ „сакалчи“ (брадобрѣ) Магомета-Тузая, розказни его слушаешь... мыломъ, мягкимъ такимъ, горячимъ, онъ голову твою поливаетъ, пальцами скребетъ, щекочетъ; потомъ бритвою водить начнеть— ну точно по шелку бритва эта ерзаетъ... Эхъ, хорошо богатымъ людямъ! А имъ-бы хоть поѣсть чего да погрѣться-бы впору... А денегъ ни одной чеки нѣтъ въ карманѣ, да и кармановъ даже въ ихъ тряпъ-одеждѣ не имѣется. Скоро-ли ты *его* продашь, а поѣсть-то надо... Опять-же и *его* покормить, а то усталъ человекъ, затамился, виду никакого не имѣетъ настоящаго, какъ тутъ его продавать сунешься?..

Ну, а мулла Шарипъ человекъ предупредительный, его и просить не надо, онъ самъ первый предложить.

— Ничего, „вулъ“ добрый, здоровый, оглядѣлъ толстякъ Степана,— хорошій товаръ... А не пойдемъ-ли мы пока къ пріятелю моему Назаръ-шаху, онъ тутъ хорошую лавку чайную от-

крылъ неподалеку отъ базара, въ переулочкѣ... Не зайти-ли намъ всѣмъ къ нему пока что, оно-же, встаети, сегодня холодно.

— Суокъ (холодно)... поежился Иртыкъ-бай, сталъ разминаться, на мѣстѣ топтаться...

— Акча-юкъ (денегъ нѣтъ), угрюмо проговорилъ Катта-Курсакъ-бай и потупился.

— Когда съ другомъ вмѣстѣ идешь, въ свой карманъ глядѣть не надобно, хлопнулъ его по плечу мулла Шарипъ.— Пуйдемъ, Ванька! чай пить хочишь, кушитъ мало-мало хочишь? обернулся онъ и къ Степану, по-русски заговорилъ, какъ умѣлъ; имени не зналъ настоящаго, все равно и „Ванька“ въ такомъ случаѣ годится...

— Якъши! порѣшили братья и пошли, всѣ четверо теперь, толкаться въ толпѣ, мѣсить грязь уличную, опять черезъ базаръ, а оттуда въ сторону, по какому-то узенькому переулочку.

XXIII.

Изъ правыхъ да въ виноватые попали.

Лавка чайная, про которую говорилъ мулла Шарипъ, была какъ-разъ рядомъ съ караванъ-сараемъ, гдѣ всѣ прїѣзжіе люди останавливались, конечно, кому платить чѣмъ было; прочіе и такъ, подъ открытымъ небомъ становились, а то подъ воротами, вдоль стѣнъ ютились, подъ деревьями, гдѣ кому нравилось...

Дмитрій-ходжа, тотъ самый старикъ, что обогналъ нашихъ дорогою, давно уже сидѣлъ въ лавкѣ; одинадцатую чашку чаю пилъ, сухимъ изюмомъ (кишмишемъ) закусывалъ; зубовъ-то у него уже не было годныхъ, чтобы сахаръ грызть... Сидѣлъ ходжа съ важною такою осанкою, на народъ не глядѣлъ даже, на поклоны отвѣчалъ съ пятаго на десятый, слова ни съ кѣмъ не вымолвилъ, только ивалъ себѣ въ сѣдую бороду... Сынишка его тоже во всемъ отцу подражалъ; какъ сѣлъ на коверъ, на подушку облокотился, такъ вотъ до сихъ поръ и не мѣнялъ положенія... Именитымъ людямъ не пригоже вертѣться.

— Пей еще чаю, Балта-Нязъ, говорилъ ему старикъ;—я велѣлъ подать самаго лучшаго, ханскаго...

— Благодарю, „ата“ (отець), я уже до сихъ поръ снѣть, не могу пить больше этого хорошаго чаю, отвѣчалъ сынъ, на горло свое рукою указывая и тяжело вздыхая, чтобы всѣ видѣли. Какъ онъ снѣть, сколько чаю дорогого выпилъ.

— Ну, бай, какъ семья твоя здорова? спрашивалъ мимоходомъ-будто Дмитрій-ходжа одного изъ присутствующихъ, незнакомаго даже ему, такъ, кто на глаза попался.

— О, таксырь! червякъ счастливъ, когда его солнце лучемъ своимъ освѣтитъ... О, таксырь, семья моя здорова и молится за благоденствіе твое, за тебя, ходжа, торопится отвѣчать осчастливленнѣй посѣтитель лавки Назаръ-шаха.

— Онъ тебя знаетъ развѣ, ты знакомъ съ нимъ? спрашиваютъ его шопотомъ другіе.

— Давно знакомъ, мы пріятели!.. вретъ, бахвалится тотъ, только тоже шопотомъ, чтобы Дмитрій-ходжа не услышалъ да не изболничилъ его, срамомъ-бы не покрылъ его голову.

Зашелъ тюремень одинъ въ лавку, увидѣлъ ходжу, трепанулъ его лежонько по плечу.

— Старая лисица, здорово! Чего сюда забрался? А, и батча, сынишко твой, здѣсь! Ишь какой красивый, точно дѣвка! Ты-бы ему косы велѣлъ носить, заговорилъ тюремень и Балту-Ніаза за щеку ущипнулъ.—Ну, что въ Хивѣ новаго? Давно у хана былъ?

Смутился-было немного старикъ: „что за панибратство, молъ, такое съ оборваннымъ разбойникомъ“, да послѣднія слова этого *разбойника* ободрили его, повеличатся возможность дали.

— Въ Хивѣ все благополучно. Хана я недавно видѣлъ,—я часто у него бываю,—тебѣ кланяться велѣлъ, если встрѣчусь какъ-нибудь. Вотъ и привелъ Аллахъ встрѣтиться, отвѣтилъ ходжа.

— Ого! проговорилъ тюремень и пошелъ къ своимъ, что недалеко стояли, подъ навѣсами.

— У хана часто бываетъ, зашептали по разнымъ угламъ лавки.—Вишь ты онъ какой!

А братья вара-калпаки уже съ полчаса какъ на задворкѣ чайной лавочки на счетъ муллы Шарипа упииваются. Пьютъ и Степанъ, жадно такъ хлебаютъ съ холоду да съ голодухи. Лепе-

шекъ имъ купилъ мулла кукурузныхъ, варенаго мяса цѣлую ногу баранью. Пируютъ байгуши, просто отродясь такъ не ѣдали!

— А ужъ вы меня не забудьте, говорилъ Шарипъ, — когда дѣло кончатъ будете: съ каждаго теля по десяти чекъ *); а вѣдь многого не требую, зачѣмъ много требовать съ бѣднаго человѣка, зачѣмъ обижать, это грѣхъ большой; кто по закону живетъ, кто мусульманиномъ честнымъ считаться хочетъ, тотъ малымъ долженъ довольствоваться, такъ-то!

— Да ужъ ты, мулла, человѣкъ хорошій, захлебывался чаемъ Иртыкъ.

— Что и говорить про тебя, чуть не давился бараниною Катта-Курсакъ-бай.

— Ну, я васъ оставлю пока; доѣдайте и допивайте, а *туда* вотъ, къ *нему* пойду, всталъ на ноги толстякъ, подмигнувъ братьямъ, показалъ на навѣсъ, гдѣ Дмитрій-ходжа сидѣлъ, и пошелъ.

— Ужъ онъ насъ не тому-ли перебѣжчику подготавливаетъ, подозрительно такъ покосился Иртыкъ.

— Должно, что ему, покосился туда-же и Катта-Курсакъ. — Видишь, говорить съ нимъ, на насъ смотреть. Что-же, все равно, лишь-бы деньги дали настоящія.

— Ты самъ русскій, можеть къ русскому и попадешь, сказали братья Степану.

— Къ нему, такъ къ нему, все единственно! поглядѣлъ и Степанъ туда-же. — Русскій онъ нѣшто?

— Теперь вотъ мусульманинъ; давно уже „ходжей“ величаютъ его. Онъ у самого хана служить.

— Если къ нему, такъ въ Хивѣ побываешь. Только онъ сердитъ очень, дерется шибко, ходжа-то.

— Ну, не пугай его! Ничего не дерется, за дѣло развѣ, когда заслужишь. Степана бить не будетъ.

— Пойдемъ! подошелъ тутъ къ нимъ мулла Шарипъ, — *самъ* посмотреѣть хочетъ.

Привели Степана; оглядѣлъ его всего, съ головы до ногъ, Дмитрій-ходжа, по-русски заговорилъ.

— Откуда, землячекъ?

*) $\frac{1}{3}$ копейки.

— Изъ-подъ Казалинска, отвѣчалъ Степанъ.—Мы переселенцы тамошніе. Какъ это въ третьемъ годѣ...

— Казала? слыхалъ, самъ не бывалъ. Гдѣ тебя взяли? Воровать, чай, сюда ѣздили, за разбоемъ. Вы вѣдь прежде, давно это было, а я помню, что изъ-подъ Казалы сюда на лодкахъ ѣздили.

О захращеновцахъ, должно быть, вспомнилъ старикъ. „Не изъ тѣхъ-ли?“ думаетъ.

— Нѣтъ, я за разбоемъ не ѣздилъ, тряхнулъ головою Степанъ;—зачѣмъ на такіа дѣла идти? Мы тоже христіане почитаемся, православные. Ты не думай чего худого!

— Гмъ, христіане! собаки, все одно! Гдѣ-же тебя въ плѣнъ забрали, какъ ты попался?

— Не забирали меня въ полонъ, самъ я плылъ сюда со старичкомъ однимъ, своею волею. А тутъ это насъ завирюха хватила въ морѣ. Старикъ-то, чай, потонулъ, а я вотъ на берегъ выползъ, сомлѣлъ значить, а очнулся, гляжу: вотъ эти...

— Кто такіе?

Видятъ братья, что на нихъ глядитъ Дмитрій-ходжа, разговору русскаго не понимаютъ, ближе придвинулись. Мулла Шарипъ около стоитъ, на ухо ходжѣ шепчетъ что-то.

Нахмурился Дмитрій-ходжа, грозно на братьевъ смотритъ; ничего тѣ въ толкъ взять не могутъ.

Сталъ тутъ ихъ ходжа по-ихнему допрашивать; рассказали ребята просто все, какъ было, въ одно слово пришлось со Степановой рѣчью. Того не вѣдая, сами себя головою выдали.

— Меньше, какъ полтора ста тилей, не отдадимъ, отрѣзалъ подъ конецъ Иртыкъ.

— Да еще по два халата на каждого и по ломтю чаю кирпичнаго, сталъ горячиться Катта-Курсакъ.

— Придется васъ въ Хиву отвести на расправу, дѣлать нечего, покойно такъ заговорилъ ходжа.

— Зачѣмъ въ Хиву, на какую расправу? удивились братья, назадъ даже попятились.

— А такую, хорошіе вы люди, что, пожалуй, и здѣсь можно, только не знаю, какъ ханъ захочетъ: на коль-ли васъ посадить или только головы порѣзать. Тамъ вотъ, въ Хивѣ, узнаемъ.

Страхъ напалъ на братьевъ: что-же это вышло такое? Чѣмъ передъ нимъ провинились они?

— Вольнаго человѣка, что самъ шелъ къ намъ, къ хану на службу поступить хотѣлъ, вѣру нашу принять, вы вотъ перехватили, работъ своимъ сдѣлали, сюда вотъ привели связаннаго. Да за такую вину, за такое злое дѣло, поруганіе будущаго слуги ханскаго...

— Ничего мы не знали этого, заговорилъ Катта-Курсакъ;— за что насъ казнить, намъ его Аллахъ послалъ, святой Тобмакъ своимъ милостью пожертвовалъ.

— Уходите скорѣе, да бѣгомъ, шепчетъ имъ мулла Шарипъ;— я вотъ его заговорю пока, а вы бѣгите. Въ народѣ не скоро разыщутъ васъ; вонъ изъ города бѣгите, а то такая бѣда будетъ!..

— Послать, позвать! Тутъ есть нукеры ханскіе! распорядился громко Дмитрій-ходжа.

— Много народу собралось сегодня въ Чимбаѣ, заговорилъ мулла Шарипъ,—скота пригнали много, а покупателейъ мало; скотъ очень дешево сталь: за корову съ телянкомъ четыре тила съ меня просили.

— Четыре тила! Молодая корова? Однако, стой: послать, позвать...

Оглянулся Дмитрій-ходжа, а уже виноватыхъ братьевъ и слѣдъ простылъ. Вросили и уруса своего, живо удрали, головы свои спасаючи; голова вѣдь не шутка: по одной только на плечахъ у каждаго.

Усмѣхнулся Дмитрій-ходжа, горохомъ разсыпался мулла Шарипъ, такъ за бока да животъ и хватается; смѣются тѣ, что ничего не поняли изъ всего, что произошло передъ ними.

— Что-же это, за что людей бѣдныхъ обидѣли? глухо заворчали и загудѣли въ толпѣ голоса тѣхъ, что сообразили дѣло, смекнули, гдѣ раки зимуютъ.

Только такихъ сердитыхъ голосовъ немного послышалось, да и тѣ смолкли, какъ только Дмитрій-ходжа поглядѣлъ на народъ пристально.

А Иртыкъ-бай съ Катта-Курсакъ-баемъ давно уже базаромъ прошигнули, давно межъ кибитокъ стороною отъ дороги дуютъ, и все-то имъ чудится, что за спинами у нихъ конная погоня нагоняеть, топочеть, все-то имъ крики: лови, лови! слышатся, посвистъ злой по вѣтру несется.

Поть прошибъ бѣдняковъ, даромъ-что вѣтеръ дулъ на встрѣчу холодный, морозомъ грязь начало стягивать; запыхались они, изъ силъ выбились, попадали просто въ кусты джидовне, и ползкомъ, все ползкомъ, забились въ самую гущину, гдѣ-бы ихъ и днемъ не скоро разыскали, а не то что теперь, въ густые сумерки.

Опомнились немного, страхъ проходить началъ. Вотъ тебѣ и полтора ста тилей золотыхъ, вотъ и кибитка новая, и кашки рыбачіе. Аллахъ, Аллахъ! думали-ли они, что такой конецъ дѣлу ихъ прибыльному выйдетъ?

Всплакнули голыши: знать не въ добрый часъ „уруса“ они въ свой домъ ввели, съ того времени и поспяпались бѣды на ихъ головы, съ того времени и пошла во всемъ неудача.

Думали сами хозяевами быть, а теперь приходится къ чужимъ хозяевамъ идти, къ чужимъ канѣамъ изъ-за хлѣба да платы поденной, свудной, наниматься въ ляичники.

Выползли братья изъ кустовъ, какъ уже совсѣмъ стемнѣло. Ну, думаютъ, теперь уже насъ не догонять. Пошли домой къ себѣ на озера, только не дорогою, а обходами, по зарослямъ да за буграми кущканы-таускыми пробирались.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

Ж Н И Ц А.

(Изъ Уланда.)

— „Здравствуй, Марія! Такъ рано ужъ ты за работою вновь!
Славная дѣвушка! Вижу—тебя не бадуетъ любовь.
Ну, коли эту поляну покончить успѣешь въ три дня,
Больше на свадьбу съ сыномъ не будетъ помѣхъ отъ меня“.

Такъ арендаторъ богатый сказалъ поселянкѣ своей.
Боже, какъ сладко, какъ смѣло забилося сердце у ней!
Новая жизньъ закипѣла во всемъ существѣ молодомъ,
Серпъ засверкалъ—и какъ быстро ложатся колосья кругомъ!

Полдень. Жнецовъ одолѣла жара и усталость. Они
Свѣжести ищутъ у рѣчки и сна въ благодатной тѣни...
Въ полѣ, подъ зноемъ палящимъ, жужжить хлопотунья-пчела;
Въ запуски съ нею трудится Марія, бодра, весела.

Вотъ зазвонили къ вечернѣ. На землю спускается тѣнь,
Кличутъ сосѣди: „Марія, довольно на нынѣшній день!“
Все по домамъ потянулось: жнецы, и пастухъ, и стада,—
Только Марія желѣзо для новаго точить труда.

Мѣсяцъ и звѣзды, блистая, по чистому небу пошли.
Пахнутъ снопы, соловей заливаётся гдѣ-то вдали.
Пѣсни Марія не слышитъ, на звѣзды она не глядитъ,
Все позабыла—и только серпомъ неустанно шумитъ.

Жнетъ отъ разсвѣта до ночи, отъ ночи до блага дня,
Сладкой надеждой питаюсь, любовью усталость гоня.
Солнышко всходитъ, заходитъ,—и въ третій явилось разъ—
Кончила жница и льются блаженныя слезы изъ глазъ.

— „Здравствуй, Марія! Что это? Не вѣрится просто глазамъ!
О, за такое усердье награду я щедрю дамъ...
Ну, а про свадьбу... ты, видно, повѣрила шуткѣ моей!..
Экія головы, право, у этихъ влюбленныхъ людей!“

Съ хохотомъ грубымъ догадливый бюргеръ уходитъ. Она
Точно застыла на мѣстѣ, какъ смерть холодна и блѣдна,
И повалилась на землю безъ чувства, безъ крика, безъ словъ...
Добрые люди несчастную такъ и нашли межъ сноповъ.

Годы идутъ за годами. Въ страданьи безмолвно-тупомъ
Нынче какъ завтра Марія проводитъ живымъ мертвецомъ...
О, приготовьте могилу подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Тамъ успокоится жница съ великой любовью своей!

Петръ Вейбергъ.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

(Переводъ съ итальянскаго.)

ГЛАВА XII.

Лючилио и Клара.—Замужество Пизаны.—Второе паденіе Венеціи.—Бѣгство патриотовъ.—Я остаюсь.

Такимъ образомъ я сдѣлался секретаремъ демократическаго правительства, которому нечѣмъ было править. Я носилъ волоса à la Brutus, круглую шляпу, отвороты скюртука надутые, какъ двѣ болонскія мортаделлы, длинные брюки и такіе огромные сапоги съ отворотами, что шаги мои раздавались по всему зданію прокураторіи. Каковъ переходъ отъ чулокъ и башмаковъ прежнихъ нобилей! Это была не послѣдняя въ то время революція въ Венеціи. Тѣмъ временемъ дѣла шли своимъ чередомъ. Французы только и дѣлали, что придумывали, что-бы такое украсть у насъ. Они были хитры на это, и грабежъ шель непрерывный. Картины, медали, книги, статуи, лошади св. Марка—все путешествовало въ Парижъ. Хорошо, что наука не придумала средства перевозить зданія, переносить башни и куполы, а то Венеція возвратилась-бы къ своему состоянію при первомъ преемникѣ Аттилы. Бергамо и Брема были окончательно присоединены къ цизальпинской республикѣ. Изъ другихъ провинцій собирали депутатовъ въ Басано подъ предсѣдательствомъ Бертье, который долженъ былъ не

допускать ихъ ни до какого серьезнаго рѣшенія. Я писалъ въ Бассано, заявляя желанія муниципалитета, но никакого отвѣта не получалъ. Тѣмъ не менѣе я усердствовалъ изо всѣхъ силъ, работая перомъ какъ съ завязанными глазами и воображая, что впереди насъ ожидаютъ времена Камилла и Цинцината. О любви къ Пизанѣ я и думать забылъ. Однажды, послѣ долгаго отсутствія, зайдя къ графинѣ, я узналъ, что она переѣхала на другой конецъ города, на Заттере. Я кое-какъ добралъ туда, поднялся по скрипучей, грязной, деревянной лѣстницѣ и вошелъ въ темную, сырую комнату, почти безъ мебели. Въ передней меня встрѣтила Пизана со свѣчей; изумленіе мое возрастало, и я въ недоумѣніи послѣдовалъ за Пизаной въ пріемную. Боже мой, какое паденіе!..

Графиня сидѣла въ старомъ, ободранномъ кожаномъ креслѣ; масляная лампочка тускло горѣла на столѣ, припертомъ къ стѣнѣ, чтобы онъ не упалъ. Комната была самая убогая, почти безъ мебели, безъ занавѣсокъ, съ кирпичнымъ поломъ и съ дурно выбѣленными стѣнами. Окна и двери плохо запирались, такъ что отовсюду дулъ сквозной вѣтеръ. Рядомъ съ графиней на соломенномъ стулѣ сидѣлъ чистенькій, бѣленькій старичекъ, изящно одѣтый, съ претензіей на молодость, чему противорѣчилъ кашель, душившій его. Графиня прочла на моемъ лицѣ выраженіе прискорбнаго удивленія и поспѣшила разрушить мои предположенія, принявъ самый веселый и развязный видъ.

— Карлино, сказала она съ принужденнымъ смѣхомъ, — посмотри, какая я примѣрная мать! Революція разорила насъ и я рѣшилась отказывать себѣ во всемъ, чтобы сберечь, что могу, для дѣтей.

Тутъ она взглянула на Пизану, которая сѣла подлѣ старичка, опустивъ глаза на грудь и сунувъ руки въ карманы передника.

— Представляю тебѣ моего двоюроднаго брата, нобиля Мауро Наваджеро, продолжала графиня.— Это родственникъ великодушный и желающій породниться съ нами еще ближе. Словомъ, съ нынѣшняго утра онъ женихъ нашей Пизаны.

Всѣ созвѣздія небесныя засверкали у меня передъ глазами и какая-то страшная тяжесть, навалившись мнѣ на грудь, сперла мое дыханіе. Затѣмъ въ глазахъ у меня потемнѣло, а въ головѣ закружилось, такъ что нѣсколько времени я ничего не видѣлъ и

не слышалъ. Всѣ идеи свободы, мечты честолюбія выскочили изъ моей головы. Нѣсколько опомнившись, я замѣтилъ проницательный взглядъ Наваджеро, безпокойно перебѣгавшій отъ Пизаны на меня. Этотъ взглядъ, радость графини и спокойствіе Пизаны были для меня одинаково противны и бѣсили меня такъ, что я уже соби-рался вскочить и уйти. Но въ эту минуту въ комнату вошелъ въ припрыжку мой отецъ. Онъ показался мнѣ живѣе и чуднѣе обыкновеннаго, и когда ему была сообщена новость, пришелъ въ та-кой нелѣпый восторгъ, что я возненавидѣлъ его въ эту минуту. По приходѣ домой я предался полному неистовству воображенія. Ты-сячи плановъ, одинъ другого нелѣпѣе, бродили въ моей головѣ. Однимъ изъ самыхъ складныхъ было намѣреніе вызвать Навад-жеро на дуэль, проколоть его какъ лягушку, заявить Пизанѣ мое торжественное проклятiе и затѣмъ броситься изъ окна въ каналъ, или, убивъ Наваджеро, схватить Пизану въ объятiа, бѣжать съ ней на корабль, отправляющійся въ Смирну, и вести жизнь на развалинахъ Пальмиры или среди песковъ каменистой Аравіи. На другой день я еще не успокоился, и когда Амилькаръ, уви-давъ меня, замѣтилъ мое волненіе, я не выдержалъ и излилъ пе-редъ нимъ мои чувства.

— Стыдись! сказалъ онъ:—ты секретарь правительства и пре-даешься такимъ пустякамъ! Какъ тебѣ не стыдно ревновать къ слюнявому старикашкѣ и съума сходить по безпутной дѣвчонкѣ, которая вышла-бы замужъ за сатира, лишь-бы найти мужа? Будь человѣкомъ, отдайся весь отечеству, свободѣ, теперь они осо-бенно нуждаются въ преданности.

Слова Амилькара убѣдили меня. Я бросилъ свои нелѣпые планы и съ пушииъ азартомъ принялся за дѣла. Свое горе я выражалъ только про себя мысленными восклицаніями:—Хорошо-же, вѣроломная! Я забуду тебя! Ты меня недостойна!—Мнѣ не приходило въ голову, что я не имѣю никакого права упрекать Пизану. Она никогда никакихъ обѣщаній мнѣ не давала, и при-томъ давно уже мое ходатайство за Джуліо дель-Понте, а впло-слѣдствіи мое удаленіе отъ нея могли убѣдить ее, что любовь моя къ ней прошла. Тѣмъ не менѣе я по совѣсти считалъ себя жертвой ея измѣны.

Дѣла семейства Фрата шли все хуже и хуже. Графиня по-прежнему играла, и когда не было денегъ, обращалась къ рос-

товщинокъ. Графъ и Пизана не обращали на это вниманія и, можетъ быть, думали, что его превосходительство Наваджеро предназначенъ помочь этой бѣдѣ. Меня больше всего удивляли короткія отношенія графини съ моимъ отцомъ, хотя онъ держалъ вѣрноподданнически на уздѣ свой кошелекъ и, какъ я потомъ узналъ, всѣми силами препятствовалъ проекту ея выдать Пизану за меня. Онъ давно замѣтилъ мое расположеніе къ дѣвушкѣ, хотя никогда ни слова не сказалъ мнѣ объ этомъ, и чтобы не допустить этого брака, самъ сдѣлалъ сватовство Наваджеро, такъ что своимъ несчастіемъ я былъ главнымъ образомъ обязанъ отцу. Онъ думалъ женить меня на богатой и знатной дѣвицѣ, изъ дома Контарини, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ, что и мнѣ она нравится больше всѣхъ остальныхъ дѣвушекъ высшаго общества, гдѣ я (говорю безъ хвастовства) могъ выбирать тогда люблю. Это время было какъ-бы моимъ бенефисомъ въ жизни. Гражданинъ Карло Алтовити, секретарь муниципалитета, другъ извѣстнаго доктора Лучиліо, знаменитый на площади св. Марка своимъ изящнымъ костюмомъ, пріятной наружностью, развязными манерами, а главное — миліонами своего отца, былъ однимъ изъ первыхъ жениховъ въ городѣ. Но я объ этомъ не помышлялъ, и вмѣсто того, чтобы ухаживать за богатыми невѣстами, предпочиталъ терзаться горемъ въ убогой квартирѣ графини, гдѣ не только Наваджеро, но и равнодушный ко всему графъ Ринальдо посматривали на меня косо.

Графиня предвидѣла съ нѣкоторыхъ поръ, что Лучиліо явится къ ней съ визитомъ, и съ безпокойствомъ ждала его посѣщенія. Дѣйствительно, онъ явился и съ самымъ почтительнымъ видомъ попросилъ у нея руки Клары. Графиня прикинулась изумленной и пораженной такимъ предложеніемъ, отвѣчала, что дочь ея скоро собирается постричься и не желаетъ снова подвергаться мірскимъ тревоженіямъ, которыхъ благополучно избѣжала; что притомъ синьоръ Партистаньо, который давно уже наполнялъ всю Венецію воплями о насильственномъ заключеніи Клары, имѣетъ на нее больше правъ и никогда не потерпитъ, чтобы, выйдя изъ монастыря, она вышла замужъ за другого. Лучиліо отвѣчалъ прямо, что Клара обѣщала ему свою руку давно, прежде всякаго другого сватовства, что она еще не пострижена и что демократическіе законы не препятствуютъ теперь ихъ браку; что-же касается

Партистаньо, то онъ смѣется надъ его выходками, которыя вовсе не страшны. Графиня возразила на это, сжавъ губы и ядовито улыбаясь, что Клара совершеннолѣтняя и что онъ можетъ обратиться прямо къ ней, сама-же она радуется такому постоянству его, хотя, быть можетъ, онъ поздно вато рѣшился приступить къ дѣлу, и желаетъ отъ души, чтобы все уладилось согласно его желаніямъ.

— Какъ вы справедливо замѣтили, графиня, сказалъ Лючилио, — я постояннѣе въ моихъ намѣреніяхъ, хотя предпочитаю въ виду ихъ лучше содѣйствовать міровому перевороту, чѣмъ достигнуть ихъ униженіемъ или скандаломъ. Теперь, когда обстоятельства сравняли насъ, я могу, не унижаясь, просить у васъ руки вашей дочери и очень радъ, что вы не противитесь моимъ лучшимъ и постояннѣйшимъ надеждамъ.

— О, нисколько, нисколько! поспѣшно сказала графиня. Можно было подумать, что она говоритъ это потому, что боится Лючилио; но она думала о матери Редентѣ и возлагала все свое упованіе на нее, рассчитывая, что игуменья сѣмѣетъ лучше ея самой спасти душу Клары отъ когтей дьявола. Лючилио-же послѣ разговора съ графиней думалъ, что главное препятствіе устранено. Быть можетъ, онъ предвидѣлъ близкое паденіе той эфемерной свободы, которую ему удалось создать въ Венеціи, и спѣшилъ заготовить себѣ послѣднее убѣжище въ семейномъ счастіи. Отъ графини онъ пошелъ прямо въ монастырь св. Терезы, сказалъ свое имя привратницѣ и попросилъ пригласить къ нему въ пріемную контесину Фрата. Привратница вернулась съ отвѣтомъ, что контесина желаетъ знать причину его посѣщенія, и не можетъ-ли онъ передать ей, что имѣетъ сообщить, безъ личнаго свиданія. Лючилио вздрогнулъ отъ удивленія и гнѣва, но подумалъ, что это монашескія штуки, и отвѣчалъ, что ему необходимо переговорить съ контесиною, которая сама должна знать это. Привратница снова вернулась съ извѣстіемъ, что контесина сейчасъ сойдетъ съ матерью компаньенкой. Эта мать компаньенка не понравилась Лючилио, хотя онъ подумалъ, что нечего стѣсняться передъ монашенкой, и сталъ ходить въ волненіи большими шагами по мраморному, бѣлому съ розовымъ, полу пріемной. Онъ долго гулялъ такимъ образомъ, когда вошли, наконецъ, мать Редента и Клара. Первая шла, опустивъ глаза, сложивъ руки на

желудѣ, но въ воинственномъ настроеніи, выражавшемся, впрочемъ, только тѣмъ, что усы, украшавшіе верхнюю губу ея, торчали ежомъ. Клара, напротивъ, была спокойна и ясна, какъ всегда; только нѣжное лицо ея приняло какую-то восковую прозрачность и въ движеніяхъ была уже чуть-чуть замѣтна монашеская сдержанность.

— Клара, обратился къ ней Лючіліо и голосъ его дрогнулъ, несмотря на всё его усилія надъ собой, — Клара, я пришелъ послѣ долгой, ужасно долгой разлуки напомнить вамъ ваше обѣщаніе; надѣюсь, что для васъ, какъ и для меня, эти долгіе годы были однимъ днемъ ожиданія. Теперь для сердець нашихъ нѣтъ больше препятствій. Уже не съ нетерпѣніемъ и въ увлеченіи молодости, а съ убѣжденіемъ и неизмѣнною рѣшимостью зрѣлости прошу васъ повторить обѣтъ счастья, который вы дали мнѣ передъ лицомъ неба. Теперь ни воля родителей, ни тиранія законовъ, ни узъ общественныхъ приличій не стѣсняютъ вашей свободы и моей щекоотливости. Предлагаю вамъ сердце, полное одною привязанностью, горящее непотухающимъ пламенемъ, испитанное терпѣніемъ, трудомъ, несчастіемъ. Клара, взгляните на меня прямо. Когда будете вы моей?

Дѣвушка на мгновеніе вся затрепетала, подняла на Лючіліо долгій, невыразимый взглядъ и, положивъ руку на грудь, сказала:

— Лючіліо, я поклялась передъ Богомъ любить васъ, поклялась въ сердцѣ моемъ сдѣлать васъ счастливымъ, на-сколько могу,—это правда; я никогда не забывала этого и желала-бы по-возможности лучше исполнить эти обѣщанія.

— Что вы хотите сказать? вскричалъ Лючіліо съ трепетомъ. Мать Редента рискнула поднять вѣки и показать пару глазъ, до того испуганныхъ, точно они видѣли передъ собою рога самого Вельзевула. Но спокойный видъ Клары успокоилъ ее, и глаза снова спрятались за свое естественное прикрытіе.

— Я скажу вамъ все, начала опять Клара, — а все вамъ скажу, Лючіліо; судите сами. Я вступила въ этотъ пріютъ міра, чтобы вѣрить душу Богу и Провидѣнію; здѣсь я нашла привязанности, мысли и утѣшенія, которыя внушили мнѣ презрѣніе къ остальному міру. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Лючіліо, не сердитесь! Наши души не были созданы для того, чтобы найти сча-

стіе въ этотъ вѣкъ пороковъ и гибели. Покоримся волѣ Провидѣнія и найдемъ его тамъ!

— Что вы говорите? Что за слова выходятъ изъ вашихъ устъ, разрывая мнѣ сердце? Клара, умоляю васъ, опомнитесь! Подумайте обо мнѣ! Взгляните на меня! Умоляю васъ—подумайте обо мнѣ!

— О, я думаю! Я думаю о васъ слишкомъ много, Лючилио! Я слишкомъ предана мірской суетѣ, чтобы въ чистотѣ и невинности возноситься къ Богу! Но чего вы хотите, Лючилио, отъ меня? Наша республика пала въ добычу чужеземцамъ безъ религіи и вѣры. Нѣтъ больше ни добра, ни надежды для богобоязненныхъ душъ, кромя какъ въ небѣ. Зачѣмъ-же предаваться, Лючилио, земнымъ обольщеніямъ? Зачѣмъ основывать семью среди общества, потерявшаго уваженіе къ Богу и церкви? Зачѣмъ?

— Довольно, довольно, Клара! Не смѣйтесь надъ моимъ страданіемъ, надъ моею яростью! Подумайте, что вы говорите, Клара? Республика пала, религія въ опасности? Но какое отношеніе между этимъ и вашими обѣщаніями мнѣ? Клара, подумайте, что первая и величайшая заповѣдь евангелія повелѣваетъ любить ближняго. Какъ ближній, только какъ ближній, я прошу у васъ не милости, а справедливости. Прошу васъ вспомнить свои клятвы и не ставить себѣ клятвопреступленія въ заслугу передъ Богомъ. Богъ ненавидитъ клятвопреступленіе, Богъ не принимаетъ жертвъ, стоящихъ другимъ крови и слезъ! Если хотите пожертвовать собой, то пожертвуйте мнѣ. Примите меня если не какъ счастье, то какъ мученичество.

Чтобы уменьшить эффектъ этихъ словъ, мать Редента начала громко кашлять, но Клара повернулась къ ней и успокоила ее жестомъ; потомъ подняла глаза къ небу и, подойдя къ Лючилио, положила ему руку на плечо. Бѣдный ученый понялъ, что все рушилось безвозвратно, и стоялъ, какъ оглушенный ударомъ.

— О, Клара! простоналъ онъ, — зачѣмъ вы непремѣнно хотите убить меня, когда можете воскресить? Зачѣмъ забываете вы ту святую, вѣчную, неразрывную любовь, которую обѣщали мнѣ?

— О, я опять клянусь вамъ въ этой любви, еще болѣе святой, вѣчной и неразрывной, чѣмъ прежде, отвѣчала дѣвушка;— только свадьба наша будетъ на небѣ, потому что на землѣ Богъ

запрещаетъ своимъ вѣрнымъ вступать въ бракъ. Клянусь вамъ, Лючилию, я васъ люблю, люблю васъ одного! Я могла освятить, очистить эту любовь, но искоренить ее въ себѣ не могу. Изъ этого вы видите, какъ истинно и твердо мое призваніе. Я всегда буду любить васъ, жить съ вами въ общеніи молитвы и духа. Но больше этого вы не имѣете права требовать отъ меня, Лючилию. Больше я не могу ничего уступить вамъ, потому что Богъ запрещаетъ.

— Значитъ, Богъ велитъ вамъ убить меня? вскричалъ Лючилию.

Здѣсь мать Редента замѣтила ему, что сестры находятся поблизости въ благочестивыхъ размышленіяхъ и онъ можетъ обезпокоить ихъ, если будетъ говорить такъ громко. Клара опустила глаза и заплакала, но была уже такъ выдресирована, что готова была искупить цѣною жизни малѣйшій грѣхъ Лючилию, но въ то-же время была способна убить его ради спасенія его души.

— Лючилию, сказала она, — вы любите меня? Въ такомъ случаѣ бѣгите меня! Повѣрьте, мы встрѣтимся въ лучшемъ мірѣ. Я буду молиться за васъ, молиться въ власнищѣ и постѣ.

— Вы кощунствуете! закричалъ Лючилию. — Палачу молиться за жертву! Богъ ужаснется такой молитвы!

— Лючилию, отвѣчала Клара, — мы всѣ грѣшники, но когда...

Мать Редента прервала ее, пролетѣвъ: „Смиреніе, смиреніе, дочь моя! Не надо поучать другихъ, когда на это нѣтъ прямого предписанія“. Лючилию посмотрѣлъ на нее, какъ смотритъ левъ изъ клѣтки.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ насмѣшливо, — поучите меня; я невѣжественъ въ этомъ искусствѣ и, вѣрно, умру съ тоски прежде, чѣмъ выучусь ему.

— А я, вы думаете, дорожу жизнью? сказала Клара съ грустью. — Повѣрьте, что ни о чемъ я такъ усердно не прошу Мадонну, какъ о томъ, чтобы скорѣе умереть и молить на небѣ о васъ Бога.

— Я презираю ваши молитвы! закричалъ Лючилию въ себя. — Я хочу васъ! Хочу моего счастья, хочу того, что мнѣ давно принадлежитъ!

— Успокойтесь, пожалуйста меня! Я знаю, въ мірѣ нѣтъ больше добра. Вы знаете, что уже ходитъ слухъ объ уничтоженіи всѣхъ монашескихъ орденовъ и о разрушеніи монастырей.

— Да, да; и служу справедливъ. Клянусь вамъ, такъ будетъ.

— Заполчите, Лючилио, умоляю, замолчите! сказала Клара, бросая взглядъ на мать компаньенку. — Обратитесь къ страху Божиему и къ вѣрѣ, вѣй которой нѣтъ спасенія. Не дѣлайте грѣха ереси, который не прощается передъ Богомъ. Не оскорбляйте святыхъ душъ, которыя на землѣ обручаются съ Творцомъ, чтобы молить Его за своихъ братьевъ по изгнанію.

— Лицеѣры, лживыя, развращенныя души! воскликнулъ Лючилио, — плуты, ловящія въ свои силки другія души, слабыя и простыя!

— Нѣтъ, любезный синьеръ докторъ, вдругъ загнусила мать Редента, — не клеветайте такъ, зря. Эти лицеѣрные души жертвуютъ всю жизнь на то, чтобы поддерживать и спасать слабыхъ; онѣ теперь одѣй спасаютъ вѣру и добрыя обычаи отъ мірской злобы. Если много слабыхъ душъ дѣлаются на-столько сильны и высоки, что возлагаютъ все упованіе на Бога и считаютъ простыя слова обѣта непереходимой границей, отдѣляющей ихъ отъ злыхъ и нечестивыхъ, то это ихъ заслуга. Правда, мы остаемся въ связи съ ними узами молитвы, которая, надѣюсь, не одного спасетъ отъ козней сатаны.

— О, скоро эти злые и нечестивые уничтожатъ ваше лицеѣріе! закричалъ Лючилио громовымъ голосомъ. — Вы-же, обратилъ онъ къ Кларѣ, — такъ извратили свою совѣсть, обезчеловѣчивъ ее, что стали способны убить любящаго васъ человѣка; вы накликаете на свою голову проклятіе!

— Довольно, Лючилио, воскликнула дѣвушка. — Я скажу вамъ все, если хотите. Обѣтъ, который я торжественно произнесу въ воскресеніе передъ алтаремъ Бога, уже произнесенъ мною передъ тѣмъ-же Богомъ въ ту роковую ночь, когда враги нашей религій и Венеціи вступили въ нашъ городъ. Мы въ восьмеромъ предложили нашу свободу, нашу жизнь за удаленіе этого бича, и если эти злодѣи, эти изверги будутъ принуждены покинуть такъ подло взятую добычу, Богъ, надѣюсь, соблаговолитъ принять нашу жертву.

Мать Редента улыбалась подъ покрываломъ. Лючилио сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ выходу, но вдругъ вернулся, подошелъ къ Кларѣ и сказалъ:

— Клара, я больше не буду просить васъ; вижу, что это

безполезно. Но вы увидите меня такимъ несчастнымъ, что совѣсть будетъ мучить васъ въ тиши и мирѣ монастыря. О, вы не знаете, никогда не знали, какъ я васъ любилъ! Вы не измѣрили глубину моей души, которая вся была полна вами; вы не забыли себя, какъ забылъ себя я, живя только вами. Вы выдумываете себѣ разными натяжками жертвы и не хотите принести той, которую предписываетъ вамъ святое, непосредственное чувство. Клара, оставляю васъ Богу, но приметъ-ли васъ Богъ? Доволятъ-ли онъ вѣроломство?

Съ этими словами онъ вышелъ. Клара выслушала ихъ молча. Мать Редента торжествовала и не уступила-бы испытаннаго наслажденія за лучшее аббатство ордена. Луччио дѣлалъ надъ собой нечеловѣческія усилія, чтобы побороть свое горе. Но, несмотря на всѣ его старанія, я замѣтилъ, что онъ страдаетъ. Однако, мало-по-малу геройская натура его побѣдила. Вѣдствія отечества встрѣтили его твердымъ, несокрушимымъ. Клара произнесла торжественный обѣтъ, и все было кончено.

Вскорѣ послѣ того Пизана вышла замужъ за нобилиа Наваджеро, и Джуліо день-Понте сопровождалъ ее къ алтарю съ улыбкой надежды на устахъ. Онъ не любилъ ее такъ, какъ я, и я одинъ остался задавать всюду спектакль моего отчаянія и ярости. Послѣднюю я перенесъ съ Пизаны цѣлкомъ на графиню, проклиная ее, что она пожертвовала дочерью для того, чтобы пользоваться обиліемъ и удобствомъ дома Наваджеро. Графъ Ринальдо убѣждалъ отъ повornaго гостепрѣимства зятя, взявъ жалкую должность по счетной части. Дукать серебромъ въ день и марціанская бібліотека вполне удовлетворяли всѣмъ его потребностямъ.

Венеція рѣшительно попала изъ огня въ полымя. Всѣ чувствовали, что идутъ къ гибели, но дѣлали видъ, что не дозрѣваютъ этого, чтобы не быть обязанными дѣйствовать. Изъ писателей одинъ Барцони осмѣлился поднять голосъ противъ французовъ въ своемъ памфлетѣ: *Римляне въ Греціи*. Но эта сатира, облеченная въ тяжелую эрудицію, эти отдаленные намеки и сравненія доказывали уже упадокъ литературы. Тѣмъ не менѣе памфлетъ читали непрерывно, впрочемъ, по ночамъ, заперѣвъ хорошенько двери и ставни. Ожидали пріѣзда Бонапарте и возлагали на этотъ пріѣздъ большія надежды, но вмѣсто самого

генерала явилась только его жена, красавица Жозефина. Она вышла на берегъ на Пиацетъ съ пышностью догареси. Вся Венеція была у ея ногъ. Члены муниципалитета, главы народа, экс-сенаторы, экс-нобилы, дамы, дѣвицы, аббаты и гондольеры тѣснились при проходѣ жены великаго полководца. Никогда никакой народъ не встрѣчалъ съ большимъ раболѣпиемъ свою царяцу. Большинство увлекалось бессмысленнымъ любопытствомъ, славой мужа и красотой жены; другіе надѣялись на ея заступничество, которое остановить занесенный надъ Венеціей мечъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и мой отецъ:

— Женщины—сила, сынокъ! говорилъ онъ мнѣ.—Кто знаетъ, быть можетъ, въ ней наше спасеніе; отъ малыхъ причинъ бываютъ великія слѣдствія.—И онъ увѣщевалъ меня бывать постоянно на приѣмахъ г-жи Бонапарте, куда я имѣлъ доступъ въ качествѣ секретаря правительства. Тамъ я встрѣчалъ всю Венецію: Лючилио, который началъ, видимо, терять всѣ надежды, былъ мраченъ, суровъ и приходилъ искать не спасенія, а развѣдывать о предстоящей катастрофѣ; Пизану подъ руку съ мужемъ и неизмѣнно сопровождавшаго ихъ Джуліо. Я удостоился чести быть замѣченнымъ г-жей Бонапарте, которая спросила обо мнѣ его превосходительство Капелло, ведшаго ее подъ руку, и пожелала, чтобы я былъ представленъ ей. Послѣ нѣсколькихъ любезныхъ словъ она протянула мнѣ для поцѣлуя свою нѣжную ручку, что возбудило общее вниманіе и сдѣлало меня на время важнымъ лицомъ. Превосходительный Наваджеро подошелъ ко мнѣ съ привѣтствіями; жена его бросила на меня взглядъ, далеко не равнодушный! Джуліо, котораго надежды не увѣнчались успѣхомъ и который поэтому опять помертвѣлъ и мучился ревностью, злобой и завистью, подошелъ ко мнѣ. Я уже не имѣлъ къ нему прежняго симпатическаго состраданія, понявъ, какого сорта его любовь, и не находя ее достойною ни уваженія, ни сожалѣнія.

— Посмотри, сказалъ онъ мнѣ на ухо, скрежеща зубами отъ ярости,—посмотри на этого ловкаго офицера, что увивается за Пизаной, перепрыгивая отъ нея къ ея мужу. Вотъ онъ теперь подходитъ къ прекрасной Богарне и расшаркивается и такъ изящно пожимаетъ кончикъ ея пальчика. Это гражданинъ Аскаріо Минато, родомъ изъ Аячіо, полунтальянецъ, полуфранцузъ,

соотечественникъ Бонапарте, адъютантъ генерала Бараге д'Илье, квартирующій, по распоряженію муниципалитета, во дворцѣ Наваджеро. Какъ видишь, онъ хорошъ собой, черноволося, высокъ, строенъ, храбръ, говорить, какъ бѣшеный, и драчунъ, какъ Донъ-Кихоть. Дамамъ воинственность нравится больше всѣхъ добродѣтелей. Старый Наваджеро, такой ревнивый ко всѣмъ молодымъ людямъ, не смѣетъ пикнуть противъ этого пришлеца; боится прослыть подозрительнымъ и изъ этого страха готовъ потерпѣть все... Это своего рода героизмъ трусости, и онъ очень идетъ къ этому дряхлому юношѣ, разодѣтому въ нѣжные цвѣта. Конечно, корсиканскій офицеръ не удостоиваетъ говорить по-итальянски, а я не говорю по-французски; представь себѣ мое положеніе! Барыня съ каждымъ днемъ все больше офранцуживается, болтаетъ уже свободно по-французски, такъ что самая интересная часть ихъ разговоровъ пропадаетъ для меня. Ну, ужъ эти освободители! Хороши мы, накликавшіе ихъ! Въ тысячу разъ хуже тѣхъ, кто просто терпитъ. Вотъ еще зададутъ намъ!

Меня возмутили послѣднія слова, сказанныя съ какимъ-то злорадствомъ, какъ-будто онъ желалъ несчастій своему отечеству въ отместку за свои личныя непріятности.

— Что-же, тебѣ хочется этого? спросилъ я съ негодованіемъ. Онъ смутился и отошелъ.

Послѣ приѣма все общество отправилось въ сокровищницу св. Марка доставать великолѣпное ожерелье изъ камеевъ для приношенія Богарне. На улицахъ было большое стеченіе народа. Я съ удивленіемъ узналъ въ толпѣ спутниковъ французки Раймондо Венквередо. Тутъ-же на улицѣ я встрѣтилъ и Леопардо Проведони съ Дореттой, вышедшихъ поглазѣть на процессію. Леопардо, проводивъ жену домой, въ свою квартиру, состоявшую изъ двухъ небольшихъ комнатъ, близъ Понте-Сторто, разговорился со мной о томъ, какъ и почему они пріѣхали въ Венецію. Оказалось, что старшій Венквередо пользовался большимъ значеніемъ въ Миланѣ, при генералѣ Бонапарте, ѣздилъ съ нимъ въ Монтебелло на тайное совѣщаніе съ австрійскими министрами, а оттуда курьеромъ изъ Милана въ Горицъ, изъ Горица въ Вѣну, изъ Вѣны опять въ Миланъ и оттуда опять въ Вѣну. Возвратясь изъ этого путешествія, онъ былъ посланъ въ Ломбардію и оттуда пріѣзжалъ въ Венквередо и приказалъ сыну ѣхать

въ Венецію, гдѣ готовится великій переворотъ, въ которомъ онъ можетъ великолѣпно устроить свою карьеру. Раймондо не захотѣлъ разстаться съ своимъ секретаремъ, Леопардо, а Доретта — съ мужемъ, и, такимъ образомъ, имъ пришлось перебраться въ Венецію. Говоря это, Леопардо видимо дѣлалъ надъ собою усиліе и страдалъ. Чтобы замаять этотъ разговоръ, я спросилъ у него, что новаго у насъ. Онъ сказалъ, что дѣла семейства Фрата идутъ изо дня въ день все хуже. Монсиньеръ и капитанъ только пьютъ и ссорятся изъ-за права иѣшать огонь въ каминѣ; старые слуги, частію вымершіе, частію уволенные, замѣнены толпою воровъ, которые грабятъ все, что еще осталось, такъ-что скоро не въ чешь будетъ стряпать обѣдъ монсиньеру. Фаустина вышла замужъ за Гаэтано, венквередскаго собира, освобожденнаго отъ галеръ, и, уходя, унесла и продала почти все бѣлье въ домѣ. Капитану и монсиньеру приходится теперь ссориться еще за рубашки; Вероника миритъ ихъ, штопая бѣлье на нихъ обояхъ, но по этому поводу старому Сандракѣ пришла фантазія приревновать ее къ монсиньеру, и это третья причина ихъ ссоръ. Всѣмъ распоряжается Фульдженціо. Тотчасъ послѣ моего отъѣзда онъ купилъ одно иѣніе семейства Фрата подъ Портогруаро и округляетъ его, давая господамъ деньги взаймы за жидовскіе проценты, и разными другими мошенническими операціями. Сыновья его уже не служатъ причетниками и привратниками: Доменико учится у нотаріуса въ Портогруаро, а Джироламо воспитывается въ семинаріи. Въ странѣ уже предвидятъ, что поздно или рано Фульдженціо сдѣлается владѣтелемъ замка Фраты. Изъ другихъ старыхъ знакомыхъ падре Пендола выбылъ изъ страны и долженъ быть въ настоящее время въ Венеціи.

— Какъ въ Венеціи? воскликнулъ я;—что ему тутъ дѣлать?.. Кажется, для него тутъ не время и не мѣсто!

На это Леопардо отвѣчалъ со вздохомъ, что зловѣщихъ признаковъ много и что вороны слетаются на пададь. Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ еще, что его сестра Брадаманта вышла за Довато изъ Фоссальты, а братъ Бруто и мельникъ Сандро, увлеченные воинственнымъ духомъ, завербовались солдатами во французскій полкъ. Старый Проведони потерялъ память и ноги, и дѣла общины идутъ богъ-вѣсть какъ. Все старое зло осталось и къ нему

прибавилось много новаго. Среди прежнихъ феодаловъ, новыхъ муниципалитетовъ, военнаго французскаго начальства народъ не знаетъ, кому повиноваться, и едва поспѣваетъ всѣмъ имъ платить. Беспорядокъ царствуетъ величайшій. Насилія, драки, смертоубійства—явленія обыкновенныя. Висѣлица дѣйствуетъ усердно, но ножи еще усерднѣе. Только тамъ, гдѣ находится квартира какого-нибудь французскаго генерала, идутъ непрерывныя празднества и увеселенія, народъ пьянствуетъ, а изъ высшихъ классовъ мужчины либеральничаютъ, а дамы вознаграждаютъ геройство освободителей въ лицѣ молодыхъ поручиковъ и подпоручиковъ.

Въ такомъ родѣ шли дѣла и въ Венеціи. Нельзя представить себѣ болѣе шутовскаго празднества, какъ то, которое происходило на площади св. Марка по случаю насажденія дерева свободы. Вокругъ дерева плясало нѣсколько пьяныхъ мужчинъ и публичныхъ женщинъ, а по всей площади гремѣли сабли французскихъ офицеровъ. Муниципалитетъ (и я въ томъ числѣ) стоялъ, молча, на балконѣ, точно рядъ вырытыхъ изъ гробовъ, давно погребенныхъ труповъ, готовыхъ разлетѣться при первомъ дуновеніи вѣтра.

Мой отецъ сталъ опять очень мраченъ, пересталъ хлопать себя по карману и читать мнѣ панегирики въ честь дѣвицы Контарини. Фруиеры не показывали носа изъ своего дворца, какъ въ чумное время; только Агостино являлся иногда въ кафе громко провозглашать свои яеобинскія мнѣнія. Лючилю бродилъ какъ тѣнь отъ больного къ больному, весь погруженный исключительно въ медицину. Леопардо съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе; кажется, онъ начиналъ подозрѣвать и догадываться; единственнымъ утѣшеніемъ было для него говорить со мной—не о своемъ горѣ, а о роковыхъ воспоминаніяхъ минувшаго счастья. Но всѣхъ хуже бѣсновался Джуліо дель-Понте. Болѣзнь его въ это время очень усилилась. Онъ опять испытывалъ всѣ тѣ мученія ревности, зависти и безсильной ярости, какими мучился нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тщетно пытался онъ найти забвеніе, приобрести новую славу и влить душившія его чувства въ поэтическомъ творчествѣ. Силы и тутъ измѣняли ему. Съ завистью осмѣивалъ онъ, иногда остроумно и справедливо, ученыхъ декламациі Барцони и юношескія, незрѣлыя произведенія Фосколо; ихъ читали и хвалили, а самъ онъ не могъ создать ничего оригинальнаго. Онъ мучился сознаниемъ своего авторскаго безсилія, и послѣ долгихъ

напрасныхъ усилій съ яростью грызъ перо и измученный бросался на постель. Упорный кашель лишалъ его покоя по ночамъ; весь въ поту, съ лицомъ, искаженнымъ страхомъ, ворочался онъ съ боку на бокъ, ощупывая себѣ грудь и пробуя вздохнуть, чтобы убѣдиться, что смерть еще далека отъ него. А въ это время Пизана съ капитаномъ Минато стояли на балконѣ, надъ каналомъ, обѣиваясь нѣжными взглядами и словами, а его превосходительство Наваджеро, притворяясь дремлющимъ въ креслѣ, слѣдилъ за ними украдкой. Самъ я, впрочемъ, не бывалъ у Наваджеро и зналъ, что тамъ дѣлается, черезъ Агостино Фруміера.

Лѣто приближалось къ концу. Муниципалитетъ проводилъ время въ бесплодныхъ препирательствахъ, пустые результаты которыхъ я облекалъ въ форму протоколовъ и рѣшеній. Наконецъ то, о чемъ давно помышляли какъ объ ужасной возможности, разразилось какъ достовѣрная новость. Франція заключила кампоформійскій трактатъ, по которому Австріи отдавалась Венеція съ ея восточными областями и итальянскими владѣніями до Адиджа. За это сама Франція удерживала за собой австрійскіе Нидерланды, а цизальпинская республика—венеціанскую Ломбардію.

Венеція заметалась въ предсмертной тоскѣ. Муниципалитетъ послалъ посланниковъ къ Бонапарту и къ Директоріи просить позволенія защищаться. Просить у палачей позволенія защищаться противъ нихъ—наивность невѣроятная! Но муниципалитетъ хотѣлъ самъ себя подольше обманывать сладкими надеждами. Бонапартъ посадилъ въ тюрьму посланныхъ, а другіе и не доѣхали, кажется, до Парижа. Въ одно прекрасное утро слезливый крокодилъ Вильгаръ объявилъ въ публичномъ засѣданіи, что Венеція должна пожертвовать собою для блага всей Европы, что это необходимость прискорбная, но надо покориться ей великодушно, что цизальпинская республика предлагаетъ отечество, гражданство и даже мѣсто для построенія новой Венеціи для всѣхъ, желающихъ бѣжать отъ чужеземнаго владычества, и что государственная казна и продажа общественныхъ имуществъ доставятъ этимъ переселенцамъ средства. При послѣднемъ предложеніи вдругъ пробудилось итальянское чувство чести. Малодушіе, раздоры, легковѣріе, неспособность—все, что угодно, но не продажность! Все собраніе разразилось крикомъ негодованія; предложеніе было отвергнуто; было отказано утвердить жестокое и тираническое рѣ-

шеніе Франціи и постановлено предложить дѣло народу, который пусть скажетъ, хочеть-ли свободы или рабства. Народъ въ одинъ голосъ высказался въ пользу свободы. Затѣмъ муниципалитетъ сложилъ власть и многіе члены его уѣхали въ изгнаніе. Въ городъ вошелъ Серрюрре, обезоружилъ корабли, отправилъ пушки и суда въ Тулонъ, приложилъ послѣднюю руку къ грабежу кассы, церкви, галерей, оскорбилъ позолоту Вуцентавра и обезпечилъ себя вполнѣ отъ упрека въ томъ, что оставилъ хоть грошъ новымъ хозяевамъ.

Въ тотъ вечеръ, когда муниципалитетъ сложилъ свою власть, мы, послѣдніе друзья свободы и враги предательства, сошлись въ обыкновенномъ мѣстѣ нашихъ собраній—въ домѣ за арсенальнымъ костюмъ. Мы сошлись на этотъ разъ не на совѣщаніе, а для прощанія. Агостино Фруміеръ и Джуліо не пришли. Барцони также не былъ, потому что побранился публично съ Вильтаромъ и уѣхалъ въ Мальту. Лючилио по-обыкновенію ходилъ по комнатамъ, невозмутимый на видъ. Амилькаръ кричалъ, что теперь надо жить только для мести. Уго Фосколо сидѣлъ въ углу съ первыми словами своего „Якопо Ортиса“, отпечатанными на лбу*). Большинство думало ѣхать въ цизальпинскую республику, гдѣ все-таки оставалась какая-нибудь надежда для Венеціи. Времени терять было нельзя. Реакція должна была начаться скоро. Всѣ разошлись прощаться съ родными, съ моремъ, съ городомъ и готовиться къ отъѣзду.

Мы съ Лючилио оставались вдвоемъ въ молчаніи, какъ вдругъ слышались поспѣшные шаги, и Джуліо, захывшійся и изне-

*) *Примѣчаніе переводчика.* Вотъ эти первые слова романа „Якопо Ортисъ“: „Судьбы отечества совершились; все поглыбло, и жизнь, если ее даруютъ намъ, остается намъ лишь для того, чтобы оплакивать наши несчастія и нашъ позоръ. Имя мое находится въ спискахъ проскрипціи; я знаю это; но неужели ты хочешь, чтобы, убѣгая отъ угнетателя, я предался предателю? Утѣшь мою мать; побѣжденный ея слезами, я повиновался ей и покинулъ Венецію, чтобы избѣжать первыхъ преслѣдованій, всегда болѣе жестокихъ“. Якопо Ортисъ—обманутый французами (предатели) и вынужденный къ удаленію изъ города австрійскимъ владѣтельствомъ (угнетатели). Далѣе Якопо Ортисъ, отказываясь ѣхать въ цизальпинскую республику, гдѣ владѣствовали французы, пишетъ о нихъ и объ австрійцахъ: „Могу-ли я видѣть постоянно передъ собой этихъ людей, ограбившихъ у меня родину, озорвавшихъ и продавшихъ ее? Опустошители народовъ, они пользуются свободой, какъ паны пользовались крестовыми походами. А тѣ (австрійцы)? Заплатили деньги за наше рабство, купили на вѣсъ золота то, что потеряли по глупости и трусости“. Первые письма Ортиса помѣчены октябремъ 1797 года.

могающій, вошелъ въ комнату. Докторъ спросилъ его, почему онъ пришелъ такъ поздно. Джуліо не отвѣчалъ, потому что отъ слабости не могъ говорить. Лючіліо долго смотрѣлъ на него, ерша свои черные волосы, въ которыхъ пробивалась уже сѣдина, потомъ вдругъ схватилъ его за руку, подтащилъ къ свѣту и сказалъ:

— Джуліо, ты умираешь отъ личнаго горя, когда надо умирать отъ общаго! Ты подло сдаешься чахоткѣ, когда тебѣ надо, укрѣпившись духомъ, идти на мученичество. Послушай, Джуліо, я врачъ и хочу сказать тебѣ правду. Твоя болѣзнь неизлечима и смертельна. Ты умрешь—это вѣрно. Не лучше-ли тебѣ избрать конецъ болѣе достойный, болѣе славный?

Джуліо еще больше поблѣднѣлъ и задрожалъ. Лючіліо продолжалъ:

— Знай, что подъ всею твердой оболочкой скрывается горе не менѣе тяжкое, чѣмъ твое. Я желаю умереть, но не хочу умирать хныча, жалуюсь, думая только о себѣ, какъ овца, которую рѣжутъ. Джуліо, пусть умретъ твое тѣло, но спаси духъ свой отъ малодушія, спаси отъ пошлости свой умъ!

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на этихъ двухъ людей. Подъ вліяніемъ словъ Лючіліо Джуліо выпрямился и жизнь возвращалась въ его помертвѣлое лицо. Онъ заговорилъ:

— Вы правы, сказалъ онъ твердымъ голосомъ; — умирать, такъ умирать, по крайней мѣрѣ, съ честью. Благодарю васъ, Лючіліо. Я шелъ сюда случайно, по привычкѣ, въ отчаяніи, больной, оподлѣнный, а выйду отсюда почти выздоровѣвшимъ. Скажите, куда мнѣ ѣхать, я готовъ за вами всюду.

— Завтра-же ѣдемъ въ Миланъ, отвѣчалъ Лючіліо. — Тамъ найдемъ на каждого по ружью; солдату не нужно здоровья, нужно только душевное мужество. Джуліо, обещаю тебѣ: ты умрешь, не боясь смерти и не желая жизни. Покинемъ вмѣстѣ этотъ вѣкъ обмановъ и подлости.

— Я ѣду съ вами! вскричалъ я, сжимая руку доктору и бросаясь на шею къ Джуліо. Я былъ въ такомъ энтузіазмѣ, что мнѣ представлялось высшимъ блаженствомъ умереть вмѣстѣ съ такими людьми.

— Нѣтъ, ты долженъ пока остаться, сказалъ Лючіліо.—Твой отецъ вмѣстѣ свои виды; ты долженъ съ нимъ посоветоваться.

Бстати объ отцахъ. Я получилъ сегодня извѣстiе о смерти моего. Теперь у меня нѣтъ дома или, лучше сказать, все — отъ Альповъ до Сицилiи—мой домъ.

Мы разстались въ серьезномъ настроенiи. Они направились къ госпиталю, а я пошелъ отыскивать отца. Я не зналъ его намѣренiй, но мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать ихъ, чтобы ѣхать въ Миланъ, если онъ не воспротивится этому.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

СМЕРТЬ ЛЕОНАРДО.—НОВЫЙ МАКИАВЕЛЛИ.—Я узнаю свою мать черезъ 20 лѣтъ послѣ ея смерти.—Греческое семейство въ Венеции.—Мой отецъ въ Константинополь.

Я не засталъ отца; старая чудачка мулатка неистово замахала отрицательно головой и руками, изъ чего я понялъ, что онъ будетъ не скоро. Я собирался уже расположиться ждать его, какъ она подала мнѣ записку. Я подумалъ было, что эта записка отъ отца, но узналъ почеркъ Леопардо. „Не заставъ тебя дома, писалъ онъ, — оставляю тебѣ записку. Мнѣ нужно тебя видѣть какъ можно скорѣе для одной услуги, которую тремя часами позже ты будешь уже не въ состоянiи оказать мнѣ“. Вотъ и все. Я объяснилъ мулаткѣ, что скоро вернусь, и побѣжалъ къ Понте-Сторто. Сердце мое предчувствовало бѣду; утромъ я видѣлъ Леопардо, правда, здоровымъ, но грустнымъ. Двери дома, гдѣ онъ жилъ, были открыты; на лѣстницѣ стояла лампочка. Войдя въ комнату Леопардо, я засталъ его сидящимъ въ креслѣ, спокойнымъ, но блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ кивнулъ мнѣ привѣтливо, но не сказалъ ни слова. Встревоженный этимъ молчанiемъ, я спросилъ его, что съ нимъ и чѣмъ я могу быть ему полезенъ.

— Ничѣмъ, отвѣчалъ онъ съ усилiемъ;—мнѣ просто хочется, чтобы ты посидѣлъ со мной; извини меня за молчанiе; у меня немного болитъ подъ ложечкой.

— Боже мой! воскликнулъ я;—надо позвать доктора.

Я зналъ, что Леопардо не станетъ жаловаться изъ пустяковъ и что если онъ рѣшился призвать меня ночью, значитъ, дѣло серьезное.

— Доктора! отвѣчалъ онъ съ пренебрежительной усмѣшкой. — Знай, Карлино, что часъ тому назадъ я принялъ два грана сильнаго яда.

Я крикнулъ, но онъ схватилъ меня за руку, говоря:

— Тихе, тихе, Карлино, моя жена спитъ въ сосѣдней комнатѣ! Было-бы грѣшно тревожить ее, тѣмъ болѣе, что она беременна!

— Нѣтъ, ради Христа, Леопардо, пусти меня! Можетъ быть, есть еще время; хорошій приемъ рвотнаго, какое-нибудь отчаянное средство... пусти, пусти меня!

— Карлино, все напрасно. Единственное добро, которое ты можешь оказать мнѣ, — посидѣть со мной часокъ. Ты видишь, что я рѣшился умереть; покорись-же моему рѣшенію. Докторъ и рвотное опоздали уже больше, чѣмъ на полчаса: я цѣлую недѣлю изучалъ токсикологію. Знаешь, у меня уже вторичные симптомы... Глаза точно вылѣзти хотятъ изъ головы... Только-бы пришелъ во-время священникъ, за которымъ я послалъ дворничиху. Я христіанинъ и хочу умереть по всѣмъ правиламъ.

— Нѣтъ, Леопардо, позволь мнѣ сдѣлать попытку спасти тебя. Неужели допустить тебя умереть такимъ ужаснымъ образомъ!

— Я хочу умереть, Карлино; понимаешь, хочу. Если ты другъ мнѣ, ты долженъ исполнить мою просьбу: посидѣть со мной и поговорить, чтобы я кончилъ, какъ Сократъ.

Его спокойствіе было такъ ужасно, что не оставляло мнѣ ни малѣйшей надежды. Я сѣлъ подлѣ него, подавленный этой безнадѣжностью, и воскликнулъ:

— Будь проклятъ тотъ, кто довелъ тебя до этого! Я отошщу за тебя, Леопардо! О, клянусь, отошщу!

— Тихе, тихе, другъ; не разбуди жену. Прошу тебя простить всѣмъ, какъ прощаю я. Назначая тебя своимъ душеприкащикомъ по прощенію; пусть никто не пострадаетъ отъ моей смерти. Прошу тебя скрыть, что я самъ себя умертвилъ. Это надѣлало-бы скандала, причинило-бы непріятности и угрозенія совѣстн. Скажи, что меня сразилъ аневризъмъ или ударъ... Надѣюсь умереть мирно, оставивъ миръ и за собой.

— О, Леопардо, Леопардо, съ твоей добротой, съ твоимъ великодушіемъ, мужествомъ, надо жить, а не умирать.

— Ты правъ; два года назадъ я самъ не повѣрилъ-бы, что могу выкинуть такую штуку. Но теперь дѣло сдѣлано и говорить больше нечего. Огорченія, разочарованія, страданія накопились въ груди и, наконецъ, переполнили чашу.

Онъ замолчалъ; его подергивали судороги и лицо его стало пепельнаго цвѣта.

— Знаешь, что, сказалъ онъ болѣе слабымъ голосомъ, — я давно подумывалъ объ этомъ, но до вчерашняго дня крѣпился. У меня оставалось отечество и я надѣялся еще послужить ему; вчера и эта послѣдняя иллюзія разсѣялась.

— О, нѣтъ, Леопардо, еще не все потеряно! Живи съ нами! Отечество будетъ въ нашихъ сердцахъ; мы будемъ проповѣдывать его и, можетъ быть, возстановимъ. О, я бѣгу за...

Я вскочилъ, но онъ удержалъ меня съ судорожной силой и принудилъ сѣсть.

— Оставайся, говорю тебѣ, сказалъ онъ. — Все равно, теперь спасать поздно. Сохрани, другъ мой, свою вѣру, она можетъ поддержать тебя на пути доблести и чести. Но я умираю безъ сожалѣнія, въ увѣренности, что напрасно ждалъ-бы чего-нибудь. Ахъ, я усталъ, усталъ!

Онъ опрокинулся на спинку кресла; голова его склонилась мнѣ на плечо. Я хотѣлъ позвать на помощь, но онъ угадалъ мое намѣреніе и произнесъ:

— Я сказалъ тебѣ: хочу только тебя... и священника.

Я съ ненавистью посмотрѣлъ на дверь комнаты, гдѣ спала Доретта. Леопардо умиралъ. Страшныя судороги дергали его, и тѣло его въ моихъ объятіяхъ съ каждой минутой тяжѣло. Въ это время вошла дворничиха съ священникомъ, объясняя, что она не достучалась до приходскаго священника и взяла встрѣтившагося ей на улицѣ. Взглянувъ на него, я не безъ изумленія узналъ падре Пендола. Леопардо тоже узналъ его и, вдругъ вскочивъ на ноги, такъ что испуганный падре отпрянулъ къ двери, а дворничиха выронила свѣчу изъ рукъ, закричалъ:

— Не хочу его! Пусть уходитъ! Пусть тотчасъ уходитъ!

Падре Пендола охотно исполнилъ-бы его желаніе, но боялся скомпрометировать себя передъ дворничихой. Между тѣмъ Леопардо такъ-же быстро присмирѣлъ, какъ и вспылилъ. Увидя это,

падре подошелъ къ нему съ сладкой улыбкой и заговорилъ съ нимъ самымъ сердечнымъ голосомъ.

— Преподобный отецъ, прошепталъ ему въ отвѣтъ Леопардо строгимъ голосомъ,— я прошу васъ уйти.

— Но, возлюбленный сынъ, подумайте о душѣ вашей, подумайте, что ваши мгновения сочтены и что я, хотя недостойный служитель Господа, могу...

— Лучше никого, чѣмъ васъ, падре, прервалъ его рѣшительно умирающій.

Дворничиха между тѣмъ вышла, и благоразумный падре счелъ этотъ моментъ благоприятнымъ для отступленія. Онъ благословилъ больного и отправился во-своихъ. Леопардо остановилъ его у двери, окликнувъ его, и сказалъ:

— Падре, позвольте дать вамъ послѣднее предостереженіе изъ могилы. Вы видите, какъ я умираю: въ спокойствіи, ясности духа, безъ страха. Чтобы такъ умирать, надо жить, какъ я жилъ. Вамъ едва-ли суждено такое счастье. Въ минуту смерти, вспомните меня, вы будете дрожать и трепетать, какъ-будто въ васъ уже вбиваются когти сатаны. Покойной ночи, падре; на зарѣ я буду спать покойнѣе васъ.

Падре Пендола выскочилъ съ жестомъ удивленія и прискорбія. Леопардо просилъ меня сходить за другимъ священникомъ. Поручивъ его дворничихѣ, я побѣжалъ къ приходскому священнику и, наконецъ, добудился его. Возвратясь съ нимъ къ больному, я едва узналъ его, такъ пережился онъ въ это короткое время. Послѣ исповѣди и причащенія началась ужасная агонія: жилы надулись на его лицѣ, глаза были страшно раскрыты, все тѣло корчилось въ судорогахъ. Только въ послѣднія минуты мученія прекратились и онъ испустилъ духъ покойно. Священникъ окропилъ трупъ святой водой и ушелъ, обѣщая, что къ погребенію никакихъ препятствій не будетъ. Оставшись одинъ, я долго цѣловалъ лицо несчастнаго мученика и собирался, наконецъ, уйти, какъ вдругъ послышались шаги, дверь тихонько растворилась и изъ нея выглянуло блѣдное и встревоженное лицо Раймондо Венквередо. Я закричалъ во все горло и бросился къ тѣлу, какъ-бы желая защитить его отъ профанаци. Венквередо сначала посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ, потомъ забормоталъ что-то объ извиненіи, о гондолѣ и Фузинѣ, и поспѣшилъ уйти. Впо-

слѣдствіи я узналъ, что онъ послалъ Леопардо въ Фузину съ приказаніемъ ожидать тамъ цѣлый день его отца, которому Леопардо долженъ былъ передать важное письмо. Леопардо дѣйствительно поѣхалъ вечеромъ, но по дорогѣ вспомнилъ, что забылъ письмо, вернулся поздно и увидѣлъ, какъ Веневередо тайкомъ пробрается въ его домъ и въ комнату Доретты. Остальное легко понять. Впрочемъ, ядъ онъ заготовилъ еще съ утра, послѣ засѣданія муниципалитета, гдѣ Вильтаръ возвѣстилъ смертный приговоръ Венеціи. Повидимому, послѣднее открытіе только ускорило исполненіе его замысла. Письмо къ старому Веневередо было найдено въ ящикѣ его стола и оказалось отъ надре Пендола.

Всего этого я тогда не зналъ, но догадывался, что произошло что-нибудь въ этомъ родѣ. Поэтому я въ негодованіи погнался за Раймондо, поймалъ его на лѣстницѣ, подтащилъ къ тѣлу и заставилъ опуститься на колѣни, крича:

— Смотри, предатель, смотри!

Онъ смотрѣлъ испуганный, и вдругъ, понявъ, что передъ нимъ трупъ, заоралъ громче меня и упалъ, какъ пораженный молніей. На крикъ сбѣжались дворничиха, Доретта и жильцы дома. Доретта стала съ визгомъ рвать на себѣ волосы, другіе смотрѣли молча и спрашивали вполголоса другъ у друга, какъ это случилось. Я вспомнилъ послѣднюю просьбу друга и сказалъ, что онъ внезапно скончался отъ апоплексического удара. Раймондо и Доретта взглянули на меня при этихъ словахъ и покраснѣли. Я поспѣшилъ отправиться домой.

Отецъ дождался меня уже съ часъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Я извинился и рассказалъ ему ужасное происшествіе, задержавшее меня; онъ выслушалъ очень хладнокровно и прерывающе сказалъ:

— Дуракъ! жизнь—сокровище; надо уиѣть съ пользой тратить его до послѣдняго сольдо.

Меня возмутили эти слова и я въ самомъ дурномъ расположеніи духа сталъ ожидать, что онъ будетъ говорить.

— Карлино, сказалъ онъ, —какая сумма въ годъ нужна тебѣ на прожитіе?

— Я родился съ здоровыми руками и мнѣ ихъ достаточно, отвѣчалъ я холодно.

— Дуракъ-же и ты! Я тоже родился съ руками и хорошо поработалъ ими, но никогда не отказывался отъ дружеской помощи. Какъ хочешь, впрочемъ, но я тебѣ отецъ и имѣю право совѣтовать и даже приказывать. Не смотри на меня такъ гордо... это напрасно! Миѣ жаль тебя; ты молодъ, потерялъ голову. Я самъ вчера былъ цѣлый день ни живъ, ни мертвъ; я тоже страдалъ, больше всѣхъ можетъ быть, видя разрушеніе всѣхъ моихъ надеждъ руками тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ я возлагалъ ихъ осуществленіе. Я плакалъ, да, плакалъ отъ ярости, когда увидѣлъ, что меня обманули, падули и заплатили миѣ за семь лѣтъ услугъ и жертвъ неблагодарностью и предательствомъ. Но сегодня я уже смѣюсь. У меня въ головѣ серьезная мысль; она займетъ меня на мѣсяцы, можетъ быть, на года; надѣюсь успѣть лучше, чѣмъ въ первомъ опытѣ, и тогда увидимся. Человѣкъ, сказать по правдѣ, слабое животное, будущій родственникъ *ничему*; но пока живъ, онъ еще не *ничто*, и пока не *ничто*, можетъ быть первымъ звеномъ цѣпи, отъ которой все зависить. Взгляни на меня, Карлино; я тебѣ отецъ, я тебя люблю и уважаю; ты долженъ послушаться моей опытности, долженъ посвятить себя той будущности, которую я постараюсь приготовить тебѣ и отечеству. Подумай, что ты не одинъ; у тебя есть друзья изгнанники, бѣдняки, тебѣ пріятно будетъ имѣть иногда лишній кусокъ, чтобы подѣлиться съ ними. Вотъ тутъ въ мѣсяцъ нѣсколько миліоновъ; они были предназначены тебѣ, а теперь пойдутъ на великое предпріятіе правосудія и мести. Видишь, я съ тобой откровененъ. Будь-же и ты откровененъ со мной и скажи миѣ, сколько тебѣ нужно въ годъ, чтобы жить порядочно.

Я отвѣчалъ, что трехсотъ дукатовъ съ меня за глаза достаточно.

— Прекрасно, сынокъ; ты честный человѣкъ, сказалъ отецъ. — Вотъ тебѣ вексель въ семь тысячъ дукатовъ на домъ Апостулосъ на Сан - Закарія; предъяви его сегодня-же представителю дома. Ты найдешь прекрасное семейство, честное и великодушное; старикъ — перлъ честныхъ негодіантовъ и замѣнитъ тебѣ меня; сынъ, недавно возвратившійся изъ Греціи, стоитъ двадцати нашихъ венеціанцевъ; дочь будетъ тебѣ сестрой, а старуха — матерью. Вѣрь имъ; черезъ нихъ ты будешь получать извѣстія обо мнѣ; я хочу отплыть до полудня, чтобы не видѣть мерзостей

этого дня. Домъ этотъ я купилъ за 2,000 дукатовъ; оставляю его тебѣ; я уже сдѣлалъ передаточную запись. Въ бюро ты найдешь бумаги, принадлежавшія твоей матери; это твое наследство и принадлежитъ тебѣ по праву. О будущей судьбѣ своей, я надѣюсь, ты самъ съумѣешь позаботиться; я не стану давать тебѣ совѣтовъ, потому что они тебѣ не нужны. Иные еще имѣютъ надежды и ѣдутъ въ Цизальпинскую. Дѣлай, какъ знаешь, но всегда помни о Венеціи, не увлекайся ни счастьемъ, ни богатствомъ, ни славой. Слава будетъ, лишь-бы было отечество; богатство-же и счастье имѣютъ цѣну только при свободѣ и справедливости.

— О, будьте увѣрены, я не забуду Венецію! сказалъ я, тронутый его рѣчью, отрывистой и полуарабской, но честной и великодушной.—Но почему-бы мнѣ не ѣхать съ вами, участвовать въ вашихъ дѣлахъ, дѣлать ваши труды?

— Я скажу тебѣ, сынокъ: ты недовольно отуреченъ, чтобы одобрять всѣ мои средства; я, какъ хирургъ, принимаясь за операцію, долженъ удалить слабонервныхъ. Я говорю это тебѣ не въ обиду; но, повторяю, ты не довольно отуреченъ; тѣмъ больше тебѣ чести; при тебѣ я потерялъ-бы свободу дѣйствій, которая необходима, чтобы дѣлать дѣло скоро. А человеку въ шестьдесятъ лѣтъ не хочется терять времени, Барлино! Съ другой стороны, и здѣсь не слишкомъ много сильныхъ и благоразмысляхъ юношей, какъ ты; и здѣсь люди нужны. Дѣло кое-гдѣ ужъ завязывается. Въ Анконѣ и Неаполѣ кипитъ чудесно; когда пожаръ разгорится, онъ можетъ сжечь и тѣхъ, кто зажегъ его; вотъ тогда придется поработать и вамъ, т. е. намъ. Видишь теперь, что тебѣ нужно оставаться, а я пойду туда, гдѣ старости лучше дѣйствовать, чѣмъ молодости, и гдѣ деньги сильнѣе тѣлесной силы и духовнаго мужества.

— Можно-ли знать, по крайней мѣрѣ, куда вы отправляетесь?

— На Востокъ ѣду, на Востокъ, сговариваться съ турками. Скоро, если не услышишь обо мнѣ, то услышишь о туркахъ. Знай тогда, что это мое дѣло. Больше ничего не могу сказать тебѣ, потому что пока все это только фантазіи и проекты.

Мы вышли съ нимъ, чтобы отправиться на судно, отплывавшее на Востокъ. Я могъ узнать только, что пока онъ ѣдетъ въ Константинополь. Онъ былъ въ фескѣ и въ своемъ обычномъ

армянскомъ архалукаѣ, но въ лицѣ его было что-то необыкновенное, преобразенное. Глаза его блестяи непривычнымъ блескомъ, жесты были повелительны, что-то геройское выражалось на его лицѣ. Онъ сѣлъ на корабль съ своей вѣрной мулаткой и сундукомъ, простился со мной, какъ-будто ѣхалъ на сутки, посоветовалъ сходить поскорѣе къ Апостолосу и ушелъ въ каюту. Такъ безъ вдоха, безъ сожалѣнія, ни съ кѣмъ не прощаясь, съ бодростью юноши, увѣреннаго въ торжество, уѣзжалъ онъ вторично въ изгнаніе.

Въ то-же утро я отправился на Сан-Закарія къ греческому негоціанту. Это былъ молчаливый старикъ съ сѣдыми усами, спросившій меня только, какъ я желаю получить деньги. Я отвѣчалъ, что хочу оставить у него капиталъ и получать только проценты изъ года въ годъ. Тогда старикъ издалъ какое-то хрюканіе, на которое пришелъ изъ другой комнаты молодой человекъ. Онъ отдалъ ему вексель, сказавъ что-то по-гречески, и, обратившись ко мнѣ, прибавилъ, что это его сынъ и чтобы я шелъ съ нимъ въ бассу, гдѣ мнѣ будетъ выплачена желаемая сумма. Молодой Спиридіонъ показался мнѣ столь-же привѣтливимъ, на-сколько старикъ былъ угрюмъ. Онъ мнѣ очень понравился. Это былъ высокій и стройный молодой человекъ, съ тонкимъ греческимъ профилемъ, очень смуглый, съ пламенными черными глазами. Онъ отсчиталъ мнѣ 350 новенькихъ дукатовъ и съ пріятной улыбкой попросилъ извиненія за холодный пріемъ отца, сказавъ, что онъ нынче не въ духѣ, но что я всегда буду принятъ у нихъ въ семьѣ какъ родной. Мы разстались почти пріятелями.

Я пообедалъ въ дрянной тавернѣ, наполненной гондольерами и носильщиками. Между ними слышались толки о совершившейся перемѣнѣ и о предстоящемъ вступленіи австрійцевъ, по большинство толковало о хозяевахъ, о заработкахъ и тому подобномъ. Вспоминая о тогдашней Венеціи, я не могу теперь надивиться перемѣнѣ, совершившейся въ ея народѣ въ одно поколѣніе.

Изъ дома, куда я вернулся, меня скоро выгнала тоска. Я помню, что заплакалъ при видѣ еще невыбитой трубки, оставленной моимъ отцомъ, и подумалъ, что такъ-то кончается все на свѣтѣ. Я скоро вышелъ и отправился въ квартиру Леопардо. Дворничиха сказала мнѣ, что вдова его уѣхала съ своими пожитками, оставивъ ей 8 дукатовъ на похороны и сказавъ, что

не можетъ оставаться подъ одной кровлей съ трупомъ. „Притомъ, прибавила дворничиха, — она была очень сердита, что не пришелъ тотъ кавалеръ, который былъ сегодня утромъ, и рассердилась на мою дѣвочку за то, что она уронила на полъ ея чепчикъ. Скажите на милость, похоже-ли это на огорченіе?“ Вечеромъ мы похоронили Леопардо.

Возвращаясь съ похоронъ, я замѣтилъ въ городѣ стеченіе любопытныхъ изъ простаго народа и необыкновенное движеніе французскаго гарнизона. Мнѣ сказали, что прибыли императорскіе комисары распорядиться церемоніей сдачи города. Они находились въ правительственномъ дворцѣ и народъ ждалъ ихъ выхода. Я машинально остановился, и вскорѣ комисары дѣйствительно прошли, гремя саблями; на ихъ шляпахъ развѣвались перья; они болтали и смѣялись съ сопровождавшими ихъ французскими офицерами и отплыли на роскошной гондолѣ, которую приготовилъ имъ Серрюрье. Одинъ только отдѣлился отъ компаніи и остался въ Венеціи; то былъ старый Венквередо. Черезъ полчаса онъ опять прошелъ по площади, уже въ гражданскомъ платьѣ; за нимъ слѣдовали Раймондо и Партистаньо съ торжествующими лицами. Я вернулся домой въ совершенномъ уныніи отъ всего пережитаго и видѣннаго въ этотъ день. Поговаривали уже о проскрипціяхъ и арестахъ, но я былъ не въ состояніи ничего дѣлать, чувствуя себя совершенно обезсиленнымъ. Я вспомнилъ о бумагахъ моей матери, отыскалъ ихъ и принялся просматривать пыльные и пожелтѣвшіе листки.

Прежде всего мнѣ попались любовныя письма, наполненныя орфографическими ошибками, отъ одного венеціанскаго нобила, быть можетъ, давно умершаго и погребеннаго. Имени не было, но знатность происхожденія явствовалась изъ многихъ фразъ этихъ писемъ. Слогъ не блисталъ красотой, но больше бралъ пылкостью чувствъ, и вообще корреспонденція эта поражала наивностью. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ невинности этой любви, вѣроятно чрезвычайно юной. Затѣмъ слѣдовали письма учителей и подругъ монастыря. Наконецъ, было полное собраніе любовныхъ писемъ отца. Въ нихъ выражалась сильная любовь, и въ послѣднемъ назначался день и часъ побѣга. Въ видѣ комментарія къ этимъ письмамъ былъ приложенъ родъ дневника, писанный моей матерью въ разныхъ городахъ малой Азіи и другихъ восточныхъ

странъ. Тутъ была вся ея исторія. Блаженство ея продолжалось до половины пути. Затѣмъ буми и морская болѣзнь переѣзда, бѣдствія первыхъ скитаній, болѣзни, передряги, иногда даже голодъ потушили любовный пылъ. Тѣмъ не менѣе она неутомимо слѣдовала за мужемъ, терпѣливо переносила его причуды, равнодушіе и его странную ревность. Онъ по цѣлымъ недѣлямъ оставлялъ ее одну въ какомъ-нибудь турецкомъ семействѣ, гдѣ она должна была исполнять должность слуги, чтобы зарабатывать себѣ пропитаніе, а самъ въ это время ходилъ по гаремамъ богатныхъ туземцевъ, продавая имъ разныя вещицы по неслыханнымъ цѣнамъ. Однажды, по случаю ея беременности, онъ разревновался пуще прежняго, обвиняя сосѣдняго *феллаха*, красивой наружности. Мать, повидимому, подозрѣвала, что ревность эта была притворной и что у него была предумышленная система отравить ей жизнь придирками, чтобы заставить ее покинуть его. Тогда въ ней проснулась гордость женщины и аристократки, рѣшеніе зрѣло въ ней, и на послѣдней бѣлой страницѣ дневника были только два слова: „Я рѣшилась“.

Этимъ кончались мемуары; дополненіемъ къ нимъ служило письмо, писанное ею мужу. Оно было коротко и въ немъ она навсегда прощалась съ нимъ: „Я хотѣла любить васъ, я довѣрилась вамъ, я слѣдовала за вами на край свѣта противъ воли родителей, которые выставляли мнѣ васъ пустымъ и безсердечнымъ гулякой, писала она.—Ваша совѣсть скажетъ вамъ, были ли я права или нѣтъ. Я знаю только, что не должна долѣе переносить безчестящихъ меня подозрѣній и навязывать существо, которое ношу подъ сердцемъ, отцу, отвергающему его. Я была тщеславна и легкомысленна; ваша любовь заставила меня дорого заплатить за эти недостатки. Но я готова перенести и худшую кару. У меня всего-на-всего 20 дукатовъ; постараюсь вернуться на нихъ въ Венецію, гдѣ меня ждутъ позоръ и презрѣніе. Но, по крайней мѣрѣ, я отдамъ мое дитя роднымъ, у которыхъ не хватитъ духу отвергнуть его. Да будетъ воля Божія надо мной! Вы пробудете въ отсутствіи еще недѣлю; возвратившись, уже не найдете меня. Въ этомъ я увѣрена, а прочее въ волю Божіей“.

Письмо было помѣчено изъ Багдада. Отъ Багдада до Венеціи путешествовала она четыре тысячи миль по пустынямъ и морю, въ зной-

ное лѣто, не зная почти жѣстныхъ языковъ, больная душой и тѣломъ, съ двадцатью дукатами въ карманѣ! Покинувъ мужа, суроваго и подозрительнаго, она шла на позоръ и нищету въ отечествѣ! О, мать моя! Почему не могу я посвятить долгіе годы жизни, чтобы утѣшить тебя, чтобы сдѣлать тебя счастливой! Горе, горе! Я даже ни разу не видалъ твоего лица, ни разу не улыбнулся тебѣ, не всосалъ ни капли твоего молока! Въ эту минуту я ненавиждѣлъ отца, благодарилъ судьбу, что онъ уѣхалъ, и желалъ какъ можно дольше не видѣть его. О, какъ я рыдалъ въ этотъ вечеръ! Какъ ненавиждѣлъ всѣхъ, кто старался очернить передо мной память матери, кто подлыми клеветами помѣшалъ мнѣ чтить ея память какъ слѣдуетъ. Я былъ увѣренъ, что все дурное, что я слышалъ о ней, — были клеветы. Я проклиналъ себя за то, что иногда хотя на минуту допускалъ возможность ихъ, вѣрилъ клеветникамъ. Это былъ послѣдній и самый тяжкій ударъ! Послѣ гибели отечества, послѣ ужасной смерти друга, передо мной являлась тѣнь матери и рассказывала мнѣ печальную повѣсть своей страдальческой жизни.

Я кончилъ чтеніе ея бумагъ. Подъ ними на днѣ ящика лежала рукопись, недавно написанная, почеркомъ отца. Это было письмо его ко мнѣ. Я взялъ его почти съ отвращеніемъ и съ усиліемъ принялся читать его. Вотъ что онъ писалъ:

„Снѣ, все, что ты прочелъ, я могъ-бы скрыть отъ тебя навсегда; поблагодари-же меня за то, что я возстановилъ твою мать въ твоемъ уваженіи. Я видѣлъ, что ты нуждаешься въ утѣшеніи, и хотѣлъ доставить тебѣ его, хотя-бы въ ущербъ себѣ. Я женился на твоей матери по любви; этого я не могу отрицать, но полагаю, что любовь была не про меня писана и улетучилась изъ меня слишкомъ быстро. Уѣзжая на Востокъ, я мечталъ нажить миліоны, и нажилъ ихъ, какъ ты знаешь. Сознаюсь, что жена была мнѣ въ тягость. Я сдѣлался сварливъ. Лишенія, которымъ я подвергалъ себя, лишая себя самаго необходимаго, казались женѣ нарочно придуманнымъ способомъ мучить ее. Мои постоянныя отлучки и моя невнимательность къ женѣ, вслѣдствіе поглощавшихъ меня заботъ, давали поводъ къ безпрестаннымъ ссорамъ. Наконецъ, она стала предпочитать всякое общество, турецкое и арабское, моему. Часто возвращаясь домой, я слышалъ изъ-за спущенныхъ занавѣсокъ ея веселый хохоть. Когда я вхо-

диль, она принимала холодный и надутый видъ. Особенно въ присутствіи нѣкоего феллаха она легко забывала угрюмаго отсутствующаго мужа.

„Тогда со мной случилось то, что всегда случается съ людьми недовольно великодушными и прямыми. Я сталъ ревновать. Сознаюсь, что ревность эта бывала иногда и напускная, съ цѣлью досадить женѣ и этимъ принудить ее покинуть меня. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ какой-нибудь отчаянной сцены и настоятельнаго требованія доставить ее обратно въ Венецію. Но мнѣ и въ голову не приходило, что она убѣжитъ. Она была робка, боялась утомленія и была расположена больше говорить, чѣмъ дѣйствовать. Ея внезапное бѣгство удивило и огорчило меня, но я былъ тогда въ Персіи, вернулся только черезъ мѣсяцъ и пускаться въ погоню было поздно. Къ тому-же я весь былъ поглощенъ дѣлами. Чтобы заглушить мучившія меня угрызения совѣсти, я сталъ увѣрять себя, что ревность моя была небезосновательна. Я такъ привыкъ къ этой удобной мысли, что и думать забылъ о женѣ и о ея ребенкѣ.

„Я узналъ потомъ, что она кое-какъ добралась до Венеціи; это окончательно успокоило меня. Только при возвращеніи въ отечество съ тугимъ карманомъ мнѣ вздумалось отъ скуки переосмотрѣть бумаги, оставленныя твоею матерью. Втеченіи сорокадвухдневнаго плаванія я нигдѣ время пораздумать, и въ Венеціи увидѣлъ тебя съ великою радостью; всѣ подозрѣнія относительно твоего рожденія разлетѣлись прахомъ. Но тутъ опять воскресли угрызения совѣсти. Я былъ точно тотъ преступникъ, который двадцать лѣтъ скрываетъ преступленіе и вдругъ приходитъ къ судѣ съ повинной. Удивляюсь, откуда во мнѣ, съ моею восточной моралью, взялась такая совѣсть. Правда, съ турками и армянами я привыкъ трактовать какъ съ животными, надувать и душить ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ христіанскую же душу мнѣ не случалось запускать когтей, ну, а твоя мать, влянусь Богомъ, была больше христіанка, чѣмъ всѣ мы, что бы ни говорила ея сестрица, графиня.

„Съ другой стороны, и интересъ побуждалъ меня покаяться. Въ головѣ моей возрожденіе дома Альтовити неразрывно связалось съ возрожденіемъ Венеціи, и я надѣялся убить разомъ двухъ зайцевъ. Я много хлопоталъ въ Константинополѣ, чтобы произ-

вести разрывъ между Турціей и коалиціей и такимъ образомъ отвлечь силы коалиціи отъ Франціи и Италіи. Достигнувъ этого, я оказалъ этимъ большую услугу французамъ, которыхъ считалъ тогда возродителями міра. При помощи французовъ и нашихъ либераловъ, съ которыми я поддерживалъ сношенія, надѣясь на свое умѣніе и на свои миліоны, я мечталъ держать со временемъ въ своихъ рукахъ судьбу республики. Ты удивляешься? А вѣдь малаго не хватило: не хватило только республики. Тутъ я замѣтилъ, что я уже состарѣлся, и тогда обратилъ всѣ надежды на тебя. Я тебя увидѣлъ, узналъ и полюбилъ всей любовью, на какую еще способенъ.

„Теперь, собираясь вернуться къ прежней, полной скитаній и приключеній жизни, собираюсь снова въ погоню за мечтами, которыя на мгновеніе казались мнѣ уже осуществившимися, готовясь пуститься въ предпріятіе, которое можетъ кончиться для меня смертью, не хочу ничего скрывать отъ тебя. Мнѣ надо совершить великую месть, и если надежды мои увѣнчаются успѣхомъ, тебѣ еще придется пожать плоды моего успѣха. Вотъ главная причина, по которой я хочу, чтобы ты оставался здѣсь. Тебѣ надо быть на глазахъ у твоихъ согражданъ, чтобы пріобрѣтать ихъ любовь и уваженіе. Оставайся, оставайся, сыновокъ! Пылъ молодости горитъ въ народѣ отъ Венеціи до Неаполя. Произойдутъ еще великія событія. Если-бы мнѣ предстояло выбирать мѣсто, гдѣ тебѣ поселиться, я указалъ-бы на Анкону или Миланъ; но ты лучше разсудишь, смотря по обстоятельствамъ. Теперь ты узналъ хорошо этихъ шарлатановъ французовъ; обрати противъ нихъ ихъ-же средства; пользуйся ими для своей выгоды, какъ они злоупотребили ими на нашу бѣду. Думай о Венеціи, думай о ней всегда.

„Теперь я ничего отъ тебя не скрываю, и ты можешь вполне судить меня. Я не хотѣлъ защищаться, а просто разсказалъ, какъ все было. Я пустился въ длинныя разсужденія и старался понять самъ и выставить передъ тобой всѣ мотивы моихъ дѣйствій, которые я могу отереть въ мерцающемъ свѣтѣ своей совѣсти, чтобы ты могъ справедливѣе судить меня. Суди-же, но не забудь, что если-бы мать твоя была жива, ей было-бы пріятно видѣть тебя любящимъ и снисходительнымъ сыномъ“.

Прочтя это письмо, я впалъ въ раздумье; думалъ, думалъ—и возвратился со всею любовью къ тому, кто просилъ ея у меня

во имя святыхъ правъ отца. Мнѣ казалось, что я не могу лучше почтить память матери, какъ простивъ за нее ему, которому она и сама, конечно, простила-бы ради его раскаянія и ради его любви ко мнѣ. Въ тому-же его жесткій и необузданный, но твердый и цѣльный характеръ очаровывалъ меня; слабѣе всегда расположенн удивляться сильнымъ, и его сила производила на меня неотразимое очарованіе.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ думъ и чувствъ я не хотѣлъ спать, хотя не спалъ и прошлую ночь. Поужинавъ кускомъ хлѣба, найденнымъ въ шкафу, я вышелъ поздно вечеромъ поискать Агостино Фруміера, если онъ еще не уѣхалъ. Въ домъ Фруміеровъ слуга отвѣчалъ мнѣ, что его сіятельство Агостино въ деревнѣ. Я не повѣрилъ слугѣ и спросилъ съ сомнѣніемъ:

— Какъ въ деревнѣ?

— Да, въ деревнѣ, около Тревизо, и вернется на будущей недѣлѣ.

— А нобиль Альфонсъ?

— Онъ уже два часа спитъ.

— А сенаторъ?

— Тоже спитъ, всѣ спятъ.

— Ну, доброй ночи, сказалъ я, удалился. „Всѣ спятъ! повторилъ я мысленно.— Да, это такъ, всѣ спятъ и теперь здѣсь больше дѣлать нечего“.

Отъ Фруміеровъ, несмотря на поздній часъ, я зашелъ къ Апостулосамъ и засталъ ихъ неспящими. Старикъ сидѣлъ еще въ своемъ кабинетѣ, около него сидѣла его жена, съ видомъ истинной матроны, съ очками на огромномъ носу, и читала житіе святыхъ. Тутъ-же были и дѣти: симпатичный Спиро и молодая дѣвушка рѣдкой красоты, но грустная, печальная и одѣтая въ темное. Мнѣ первымъ дѣломъ дали трубку, безъ чего у грековъ не можетъ быть разговора, и Спиро представилъ меня своей матери и сестрѣ, красавицѣ Аглаурѣ. Завязался разговоръ. Я разсказалъ печальную смерть моего друга Леопардо. Спиро съ непонятнымъ для меня волненіемъ началъ по этому поводу рѣзко прицать самоубійство. Во время его рѣчи старуха перестала читать житіе, а Аглаура смотрѣла на него сердито, какимъ-то вызывающимъ взглядомъ. Потомъ заговорили о политикѣ. Аглаура ненавидѣла французовъ, называла ихъ убійцами, вѣроломными и

торгашами человѣческимъ мясомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что любимый ею юноша былъ принужденъ бѣжать изъ Венеціи вслѣдствіе новаго оборота дѣлъ и что наканунѣ она съ отчаянія чуть не лишила себя жизни, такъ что братъ едва успѣлъ отнять у нея пузырекъ съ мышьякомъ.

Въ полночь я простился съ этимъ семействомъ и, возвратясь домой, легъ спать, не подозрѣвая, что ожидаетъ меня завтра.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Ринальдо въ чарахъ Армиды.—Полиція обращаетъ меня на истинный путь, но на немъ меня улавливаютъ сѣти другой волшебницы.—Что-то вудеть?

На другой день, сознаюсь, я пробродилъ все утро подъ окнами дворца Наваджеро, которыя были на-глухо закрыты, что возбуждало во мнѣ сильное любопытство. Корсиканскій поручикъ нѣсколько разъ попадался мнѣ на встрѣчу съ видомъ недовольнымъ и озабоченнымъ. Французы выступали изъ Венеціи. Поглазѣвъ на ихъ выступленіе, я вернулся домой и позавтракалъ опять хлѣбомъ. Я чувствовалъ себя въ какомъ-то чадѣ; одиночество очень тяготило меня; я не понималъ, зачѣмъ мнѣ оставаться въ Венеціи, и въ этомъ раздумьи пошелъ вечеромъ со свѣчей въ темный чуланъ, гдѣ стояли сундуки, съ намѣреніемъ начать укладывать вещи, какъ вдругъ раздался сильный, отрывистый звонокъ.

„Кто-бы это могъ быть?“ подумалъ я, и въ одно мгновеніе воображенію моему представились сборы инквизиціи, французскіе жандармы и нѣмецкіе полиціанты. Я спустился по лѣстницѣ и, не отпирая двери, окликнулъ: „Кто тамъ?“

Дрожавшій женскій голосъ отвѣчалъ:

— Это я; отвори, Карлино!

— Я узналъ этотъ голосъ, звукъ котораго перевернулъ во мнѣ всю душу, и вмѣ себя бросился отпирать. Пизана, вся въ черномъ, съ заплаканными глазами, съ растрепанными волосами и въ простой косынкѣ на головѣ, бросилась мнѣ на шею, умоляя спасти ее. Я подумалъ, что ее кто нибудь оскорбилъ, и готовился выскочить на улицу, чтобы встрѣтить и наказать дерзваго, но она схватила меня за руку и потащила наверхъ, въ пріемную. Она бросилась на турецкій диванъ

моего отца, съ трудомъ переводя духъ. Я съѣлъ подлѣ нея и спросилъ, что съ ней.

— Что со мной? повторила она съ усиленъ, севозъ зубов, голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія.—Я тебѣ объясню: я бросила мужа, мать отвергла меня. Я пришла жить къ тебѣ.

— Боже милосердный! воскликнулъ я, чувствуя, что все въ головѣ и сердцѣ заходило у меня ходуномъ. Я едва на-столько могъ совладать съ собой, чтобы спросить, какъ это случилось.

— Слушай, сказала она:—я теперь въ откровенномъ расположеніи и скажу тебѣ все. Я вышла замужъ на зло тебѣ и въ угоду матери; но подобная мечь и подобная жертва никогда не приводятъ къ добру. Ты можешь себя представить, каково проводить сутки съ драхлымъ и ревнивымъ мужемъ. Со стороны синьера Джуліо я терпѣла ухаживаніе ради твоей просьбы за него, но когда я разсердилась на тебя, то твой protégé сдѣлался для меня совершенно невыносимъ. Тутъ я полюбила отечество, свободу; я жила только ими; а мужъ съ своимъ кашлемъ проповѣдывалъ мнѣ спокойствіе, уиѣренность! Ты понимаешь, какое при этомъ было между нами согласіе. Сначала мнѣ было пріятно видѣть, какъ мать тѣшится удобствами дома Наваджеро и проигрываетъ денежки зятя; но потомъ мнѣ сдѣлалось стыдно и за нее, и за себя, и мать, мужъ и всѣ наши гости, болѣею частію проповѣдующіе и ворчащіе старика, стали для меня нестерпимы. Я скучала, Карлино, такъ скучала, что сто разъ готова была написать тебѣ, отлагая въ сторону всякую гордость; но меня удерживалъ... удерживалъ страхъ отказа.

— Что ты говоришь? воскликнулъ я.

Въ эту минуту я чувствовалъ, что моя любовь къ ней возвращается со всей прежней силой.

— Да, я боялась отказа, зная, что поведеніе мое не могло внушить тебѣ высокаго мнѣнія обо мнѣ, продолжала она; — теперь я хочу разоблачить передъ тобой всѣ мои пороки, чтобы ты почувствовалъ ко мнѣ отвращеніе, если можно.

Я съ улыбкой покачалъ головой, смѣясь нелѣпости ея предположенія; она поправила волосы и продолжала:

— Въ это время въ домъ моего мужа поселился одинъ французскій офицеръ, нѣкто Асканіо Минато...

— Я его знаю, сказалъ я.

— Ахъ, знаешь? Хорошо-же; если такъ, то ты долженъ со-
знаться, что это красивый молодой человѣкъ, благородной и му-
жественной наружности, хотя въслѣдствіи на дѣлѣ оказался
плутомъ, обманщикомъ, негодяемъ, бараньей головой съ заячьимъ
сердцемъ.

Обращеніе къ Асканіо Минато было для меня холодной душою.
Я вспомнилъ, что говорилъ мнѣ о немъ и о Пизанѣ Джуліо
дель-Понте, и съ горечью слушалъ, какъ Пизана исповѣдывается
мнѣ въ своемъ, какъ я полагалъ, позорѣ, не замѣчая, какъ я
страдаю отъ этой непрощенной откровенности. Я кусалъ себѣ губы
и ногти и желалъ оглохнуть, чтобы не слышать ея разсказа.

— Да, продолжала она, — я каюсь и стыжусь, что хоть
сколько-нибудь повѣрила ему. Я думала, что всѣ корсиканцы
великодушны и храбры, но теперь вижу, что Руссо былъ не-
правъ, ожидая отъ нихъ какого-нибудь великаго примѣра граж-
данской доблести и мудрости.

„Руссо, Руссо!“ подумалъ я. Эти разсужденія мучили меня;
мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать все объ ея отношеніяхъ къ офи-
церу, а она толкуетъ о Руссо! Я задвигался на диванѣ и за-
стучалъ ногами, какъ школьникъ, нетерпѣливо выслушивающій
выговоръ.

— Чего я отъ него просила? Чего отъ него требовала? го-
ворила Пизана, одушевляясь все больше и больше;—развѣ чего-
нибудь невозможнаго, сверхъестественнаго или недостойнаго? Я
требовала отъ него только того, чтобы онъ сдѣлался благодѣ-
телемъ Венеціи, Тимолеономъ моего отечества. Я хотѣла сдѣ-
лать его кумиромъ, отцомъ, спасителемъ цѣлаго народа, и въ
награду обѣщала ему свое сердце, все, чего-бы онъ ни потребо-
валъ отъ меня. Трусъ, тряпка! Онъ надалъ передо мной на ко-
лѣни, клялся любить меня больше жизни, больше всего на свѣтѣ!
Онъ вообразилъ себѣ, что я отдамся ему, каковъ онъ есть, ради его
прекрасныхъ глазъ и блестящихъ эполей! Ну, и пришлось удо-
вольствоваться пощечиной. За немѣнѣемъ мужчинъ приходится
расправляться женщинамъ.

— Успокойся, успокойся, Пизана; разскажи по порядку, какъ
было дѣло; разскажи, за что разсердилась ты на снѣбера Ми-
нато? Чего онъ хотѣлъ отъ тебя и чего ты требовала отъ него?
говорилъ я, еще сомнѣваясь, вѣрно-ли я ее понялъ.

— Чего онъ отъ меня хотѣлъ? Просто хотѣлъ, чтобы я завела съ нимъ связь на глазахъ у ревниваго старика, который притворялся-бы спящимъ изъ страха передъ французскимъ неистовствомъ. Чего я отъ него требовала? Я требовала, чтобы онъ уговорилъ, склонилъ своихъ товарищей по оружію къ торжественному акту справедливости, къ единодушному сопротивленію вѣроломнымъ рѣшеніямъ Бонапарта и Директоріи; къ соединенію съ нами на защиту Венеціи противъ австрійцевъ. Каждый изъ нихъ, даже самый глупый, даже самый малодушный, обязанъ былъ все это сдѣлать безъ всякаго другого побужденія, кромѣ долга совѣсти и отвращенія къ несправедливымъ и низкимъ приказаніямъ. Но тотъ, кто любитъ женщину и кому эта женщина предлагаетъ себя въ награду, долженъ сдѣлать больше. Онъ долженъ былъ признать своимъ ея отечество, отвергнувъ свое, опозоренное такимъ преступленіемъ. Всякій французъ, выслушавъ отъ женщины, итальянки клятву въ любви, долженъ, какъ Коріоланъ, поднять забрало и объявить вѣчную ненависть странѣ, которая, какъ Медея, пожираетъ собственныхъ дѣтей. Что такое отечество, потерявшее честь и человѣчность?

Я слушала ее съ упоеніемъ; я рассказывала, что такъ дурно, такъ пошло судилъ ее до сихъ поръ. Брань, которой она осыпала колеблющагося и нетвердаго республиканца, я было приняла за выраженіе негодованія покинутой любовницы! Однако, я хотѣлъ разсвѣять послѣднія сомнѣнія.

— Скажи-же мнѣ, спросилъ я;—чѣмъ все это кончилось?

— Нѣсколько времени уже онъ старался обмануть меня, проволочить время, откладывалъ со дня на день, вѣроятно, надѣясь, что я повѣрю обѣщаніямъ и заранѣе вознагражу его. О, я знаю его теперь и очень рада, что этотъ итальянскій ублюдокъ встрѣтилъ настоящую итальянскую женщину! Наконецъ, вчера я узнала, что императорскіе комиссары пріѣхали уже условливаться насчетъ сдачи. Откладывать было больше нельзя, и я прямо сказала ему это. Что-бы, ты думалъ, онъ отвѣчалъ мнѣ? Предложилъ покинуть Наваджеро и уѣхать съ нимъ, когда французскій гарнизонъ выйдетъ изъ Венеціи! „Да, отвѣчала я, — я пойду за вами, когда вы провозгласите на площади свободу моего отечества, когда убѣдите вашихъ товарищей напасть на нашихъ враговъ, думающихъ овладѣть нами безъ выстрѣла, и обратитѣ

ихъ въ бѣгство. Тогда я пойду съ вами и буду вашей женой, любовницей, слугой, чѣмъ хотите“. Я дѣйствительно сдѣлала-бы это; я отдалась-бы вся ему, если-бы онъ совершилъ то, чего я отъ него требовала. Если не съ страстью любовницы, то съ энтузіазмомъ добровольной жертвы я отдалась-бы ему. Но что-же онъ мнѣ отвѣтилъ? Покрутилъ усы, посмотрѣлъ на меня съ снисходительной улыбкой и сказалъ: „Вы очаровательная дурочка!“ О, тутъ-бы ты посмотрѣлъ на меня! Всѣ силы мои сосредоточились въ моей пятернѣ и я вдѣпила ему такую звонкую пощечину, что мать, мужъ, слуги и горничныя сбѣжали въ комнату. Онъ зарычалъ какъ левъ, трусишка съ кроличьимъ сердцемъ, бросился къ саблѣ, но увидавъ передъ собой храбрую женщину, выбѣжалъ изъ дому, окинувъ насъ яростнымъ взглядомъ. „Что ты надѣлала? Ради Бога! Подумай! Ты губишь домъ! Надо терпѣть меньшее зло во избѣжаніе худшаго!“ стали кричать на меня мать и мужъ, мужъ особенно. А еще ревнивецъ! „А! я гублю вашъ домъ! сказала я;—хорошо-же, я его покину и оставлю васъ въ мирѣ“. Я живо собралась, выскочила изъ дому и побѣжала отыскивать брата. Мнѣ сказали, что не знаютъ, гдѣ онъ; вѣроятно, уѣхалъ. Тогда я пошла къ Фруміерамъ. Тамъ какое-то сонное царство и никого не выпускаютъ. Ты одинъ оставался мнѣ, Карлино! (Спасибо за комплиментъ!) Я пожалѣла, что не обратилась къ тебѣ первому (Ну, такъ лучше!). У Фруміеровъ мнѣ сказали, что ты еще въ Венеціи, и дали адресъ; и вотъ я у тебя, ничего не боюсь и ни о чемъ не жалѣю, потому что, говоря по правдѣ, ты всегда былъ моимъ любимцемъ, и если ты еще сердить на меня за всѣ мои глупости, то тѣмъ хуже для меня, да и для тебя тоже, потому что, какъ-бы тамъ ни было, удобно тебѣ или нѣтъ, пріятно или непріятно, но во имя нашей прежней дружбы я водворяюсь у тебя и не выхожу отсюда. И если твой отецъ еще думаетъ женить тебя на Контарини, то ей придется на свадьбѣ проглотить эту горькую пиллюлю—имѣть въ домѣ мужнюю родственницу.

Говоря это, она уже скакала по дивану, какъ-будто заявляя этия свои хозяйскія права въ домѣ. Въ ней не оставалось и слѣда недавней патріотки - энтузіастки и философии съ Руссо и Брутами, а была прежняя шалунья-дѣвочка. И эти двѣ личности, совершенно различныя, не сливались въ ней въ одну,

а обѣ дѣйствовали, разсуждали, говорили съ одинаковымъ чистосердечіемъ, каждая въ свое время, и жили между собою въ добромъ согласіи, какъ солнце съ луной. Я не могъ только рѣшить, которая изъ нихъ нравится мнѣ больше и въ которую я больше влюбленъ.

Я отвѣчалъ ей, что очень радъ видѣть ее у себя, однако считалъ долгомъ представить ей на видъ серьезное значеніе ея поступка; но рѣшимость ея была такъ тверда, что я не сталъ настаивать; когда женщины пренебрегаютъ извѣстными соображеніями, намъ, мужчинамъ, не пристало напоминать объ нихъ: это было-бы и смѣшно, и оскорбительно для женщины. Но въ то время, какъ я любовался на веселіе Пизаны, которая, какъ-бы торжествуя свое освобожденіе, обѣгала весь домъ, распѣвая и похваливая диваны, ковры и даже трубки, вдругъ лицо ея затуманилось, она какъ-то робко взглянула на меня и спросила:

— А отецъ твой?

Тутъ только я сообразилъ, что она не знаетъ объ его отъѣздѣ. Это такъ значительно измѣняло ея положеніе въ моемъ домѣ, что на меня напалъ страхъ, что она уйдетъ. Только-что я заботился о ея репутаціи и указывалъ ей скандальное значеніе ея поступка, а теперь съ замѣчательной непослѣдовательностью человѣческихъ чувствъ сталъ желать, чтобы она пренебрегла всѣмъ и осталась со мной. Я сообщилъ ей, что отецъ уѣхалъ и что я живу въ этомъ домѣ совершенно одинъ, даже безъ прислуги.

— Тѣмъ лучше, воскликнула она, хлопая въ ладоши; — признаться, я побаивалась твоего отца.

Но вслѣдъ за этимъ взрывомъ радости она снова задумалась и остановилась. Губы ея надулись, щеки поблѣднѣли.

— Что съ тобой, Пизана? спросилъ я; — чему ты опечалилась? Боишься меня, что-ли?

— Ничего, оставь! отвѣчала она и прошла по комнатѣ, смотря на свои носки. Я ожидалъ приговора съ трепетомъ невиннаго, опасющагося обвиненія.

— Гдѣ-же я буду спать? спросила она дрожащимъ голосомъ, вдругъ зардѣвшись яркимъ румянцемъ и не смотря на меня.

„У моего сердца!“ былъ готовъ я вскрикнуть, но удержался и отвѣчалъ съ примѣрной скромностью: — Пизана, ты здѣсь

хозяйка; я тебѣ сказалъ это съ самаго начала. Ты сдѣлала мнѣ честь, довѣрившись мнѣ, и я хочу доказать, что я достоинъ ея. Здѣсь у всякой комнаты крѣпкіе замки, и вотъ тебѣ ключи отъ дому. Запри меня куда хочешь, хоть въ чуланъ, я плакаться не буду.

Въ отвѣтъ она бросилась мнѣ на шею и въ эту минуту я узналъ прежнюю Пизану.

— Мы будемъ какъ братъ и сестра, не правда-ли? сказала она, нѣсколько запутываясь въ словахъ и кашляя, чтобы скрыть свое замѣшательство.— Не правда-ли, намъ будетъ чудесно вдвоемъ, какъ въ блаженные времена фратскаго житья?

Я вздрогнулъ отъ этихъ объятій и сказалъ съ усиленіемъ, провозжая ее въ комнату отца:

— Вотъ здѣсь ты будешь вполне безопасна и свободна; я мигомъ сдѣлаю тебѣ постель.

— Неужели ты воображаешь, что я допущу тебя стлать постели! Это дѣло женское, я постелю и тебѣ; вотъ и кофейникъ — (въ комнатахъ отца ихъ въ каждомъ углу было по нѣсколькѣ); — завтра утромъ я принесу тебѣ кофе.

Мы простились, и я отправился спать совершенно блаженный, хотя рассчитывалъ провести эту ночь наединѣ съ моими желаніями — общество невеселое, когда не представляется надежды скоро избавиться отъ нихъ, но полное нѣжной прелести и поэтической радости для того, кто можетъ надѣяться вскорѣ разстаться съ ними. Я-же полагалъ себя находящимся въ этомъ послѣднемъ положеніи, и, чортъ меня возьми, имѣлъ на это всѣ причины, въ чемъ не замедлилъ убѣдиться. Здѣсь мнѣ приходится отвѣтить на одинъ весьма щекотливый вопросъ, отъ котораго, конечно, воздержатся мои читательницы, но не читатели. Вопросъ этотъ касается, конечно, состоянія нравственности Пизаны. Онъ щекотливъ, но отвѣтъ еще щекотливѣе. Ну, хорошо, я скажу только, что, по моему убѣжденію, Пизана, выходя замужъ, была цѣломудренна, если не духомъ, то тѣломъ, и таковою-же осталась, по причинамъ, независящимъ отъ воли его превосходительства Наваджеро. Чему приписать такое чудо — я не знаю; добродѣтели-ли ея самой или особому покровительству Провидѣнія, — какъ-бы то ни было, я имѣю основательныя причины такъ думать.

На другое утро, не пробило еще восьми часовъ, какъ Пизана вошла въ мою комнату съ кофе, говоря, что хочетъ съ перваго дня научиться быть хорошей экономкой. Любовныя грезы прошедшей ночи разсѣяли все мои печали; полумракъ комнаты, въ которую лучи солнца съ трудомъ проникали сквозь синія занавѣски оконъ; наши взаимныя воспоминанія, оживавшія отъ каждаго слова, отъ каждаго движенія, отъ каждаго взгляда; очаровательная красота ея улыбающагося, цвѣтущаго личика, — все это возбуждало меня связать цѣпь, бывшую столько времени порванной. Я взялъ съ губъ ея поцѣлуй, одинъ только, клянусь вамъ, и тотчасъ-же поспѣшилъ запить его сладость горечью кофе. А еще говорятъ, что въ прошломъ вѣкѣ не было нравственности!.. Она была, по только стояла вдвое больше усилій, потому что никто не помышлялъ воспитаніемъ обратить ее въ привычку. Увѣряю васъ, что съ моей стороны было большимъ подвигомъ отвести губы отъ чаши, не утоливъ жажды. Правда, мученія мои продолжались не долго. Надо было бѣжать отыскивать какую-нибудь женщину для стирки и черной работы въ домѣ. Однимъ кофе нельзя было жить, особенно при пожирившей насъ любви. Въ первый разъ въ жизни занялся я хозяйственными хлопотами и нашелъ ихъ восхитительными.

При помощи сосѣднихъ кумушекъ я вскорѣ нашелъ служанку, которая могла быть дурной хозяйкой, но въ случаѣ нужды была способна защитить домъ отъ турокъ и ускоковъ. Безобразная, громадная и сухая, какъ гренадеръ послѣ четырехмѣсячнаго похода, она съ своими сѣдыми волосами, повязанными краснымъ платкомъ, была похожа на голову Медузы. Притомъ она была такъ груба, рѣзка и свирѣпа на видъ, что я разсудилъ, что всякій, кто сунется ко мнѣ въ домъ, испугается ея хуже всякой цѣпной собаки. Водворивъ этого Цербера въ кухню, я далъ ему наказъ не пускать никого и всемъ говорить, что я уѣхалъ.

Потекли короткіе дни блаженства, въ которомъ я все забывалъ—и то, что другія обязанности лежать на мнѣ, и то, что теперь не время Ринальду забываться въ чарахъ Аркиды. Правда, если когда-нибудь блаженство можетъ служить оправданіемъ забвенія обязанностей, то для меня оправданіе было-бы полное. Но я не оправдываю себя, и этотъ мѣсяцъ полного счастья сре-

ди униженія отечества, украденный у времени бѣдствія и изгнанія, останется навсегда для меня упрекомъ совѣсти. Если что-нибудь можетъ хотя нѣсколько смягчить мою вину, то это безграничность любви ко мнѣ Пизаны. Едва-ли бы другая женщина сѣмѣла сдѣлать меня болѣе счастливымъ, чѣмъ она. Она совершенно переизмѣнилась. Никогда ни одной вспышки, ни одного косога взгляда, ни одного тщеславнаго порыва, ни одного эгоистическаго движенія. Она была весела, ясна, наивна, какъ дѣвочка, только-что пріѣхавшая изъ монастыря въ родительскій домъ. Ничто, кромѣ нашей любви, ее не занимало. Всѣ рассказы ея о прошломъ клонились къ тому, чтобы убѣдить меня, что она всегда любила меня одного, любовью неизмѣнной, хотя капризной и причудливой.

Разсказывая о своихъ поклонникахъ, она говорила мнѣ:

— Представь себѣ, чѣмъ они были великолѣпнѣе, красивѣе, изящнѣе, тѣмъ больше я ихъ не терпѣла; поэтому если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ я бывала любезна, то всегда съ самыми дурными и убогими, къ великому изумленію всѣхъ окружающихъ; эту причуду считали даже особеннымъ родомъ кокетства. Но я, право, рѣшалась обманывать только тѣхъ, кто самъ не могъ обманываться на свой счетъ, и если эти любезности мои были оскорбительны, то да проститъ мнѣ Богъ; иначе не могла я поступать.

О своихъ домашнихъ дѣлахъ она поразказала мнѣ много гнуснаго. Графиня дошла до того, что черезъ свою горничную Розу выпрашивала деньги у поклонниковъ дочери отъ ея имени! Узнавъ объ этомъ, Пизана въ ту-же минуту выгнала Розу изъ дому. Между прочимъ, это была одна изъ причинъ, побудившихъ ее принять предложеніе Наваджеро, во избѣжаніе худшаго. Слушая это, я выразилъ удивленіе, что страсть къ игрѣ можетъ доводить до такихъ гадостей.

— О, я не удивляюсь этому, отвѣчала мнѣ Пизана. — Мама всегда была увѣрена въ выигрышѣ, такъ-что считала-бы вѣрной потерей не играть; и, что еще замѣчательнѣе, она увѣряетъ, что постоянно выигрывала и что мы съ братомъ промотали ея огромные выигрыши. Представь себѣ! Я не носила другихъ платьевъ, кромѣ ситцевыхъ, и всегда отдавала ей проценты съ моихъ восьми тысячъ дукатовъ, а братъ ѣстъ и одѣвается какъ монахъ, я берусь содержать его на четыре соль-

до въ день. Мать такъ убѣждена въ томъ, что говорить, что спорить съ ней бесполезно, и мнѣ жаль ее, бѣдняжку, потому что она привыкла къ роскоши. Притомъ ея страсть не исключительная: всѣ дамы въ Венеціи преданы ей и всѣ лучшія фамиліи разоряются за карточными столами. Я не понимаю одного: всѣ проигрываютъ, кто-же выигрываетъ?

— Ну, отвѣчалъ я,—это понятно. Кто рискуетъ достоинствомъ дѣтей, тотъ, конечно, не будетъ такъ благоразуменъ, чтобы пускать выигрыши въ выгодные обороты. Выигрыши проматываются на пустяки, а остаются одни проигрыши. Но твоей матери всѣхъ непростительнѣе, потому что она изъ-за своей прихоти не стыдилась губить репутацію дочери.

— Ахъ, что ты говоришь! воскликнула Пизана;—это негодница Роза научила ее; да, я думаю, Розѣ-же доставалась и большая часть поживы. Притомъ, если графиня просила прежде отъ своего имени, то могла просить потомъ и отъ моего. Вѣдь она мнѣ мать!

— Знаешь, Пизана, твоя доброта доходитъ до негѣпости. Если такъ разсуждать, все извиняя, то потеряется всякое различіе между добромъ и зломъ. Хорошо быть снисходительной, но надо знать мѣру. Можно извинять вины, если онѣ извинительны, но все-же надо называть вину виной, порокомъ—порокомъ.

Пизана улыбнулась и сказала, что я слишкомъ строгъ, и прибавила, шутя, что она снисходительна потому, что сама очень нуждается въ снисхожденіи. Я поспѣшилъ зажать ей ротъ, вскричавъ:

— Молчи, не мсти мнѣ теперь за мою прежнюю строгость!

Нѣсколько недѣль прожили мы такимъ образомъ, почти не выходя изъ дому, когда, наконецъ, мнѣ вздумалось сходить къ Апостулосамъ. Пизанѣ также захотѣлось выйти, и она просила меня проводить ее до монастыря св. Терезы, повидаться съ сестрой. Мы отправились подъ руку, я—надвинувъ шляпу на глаза, она—опустивъ на лицо вуаль, оба озираясь безпокойно, чтобы избѣжать встрѣчи съ знакомыми. Дѣйствительно, я завидѣлъ издали Раймондо Венквередо съ Партистаньо и благополучно улизнулъ отъ нихъ, оставивъ Пизану у крыльца монастыря. У Апостулосовъ очень удивились моему приходу, потому что думали, что я давно уѣхалъ. Я покраснѣлъ и отвѣчалъ, что очень

важныя дѣла удерживаютъ меня до сихъ поръ въ Венеціи, но что я думаю скоро покончить ихъ и ѣхать. Тогда Аглаура спросила меня, куда я думаю отправиться; я отвѣчалъ, что, вѣроятно, поѣду въ Миланъ. Дѣвушка вспыхнула и потупила глаза, а братъ посмотрѣлъ на нее сердито. Голова моя была, впрочемъ, такъ полна другими мыслями, что я едва замѣтилъ эту пантомиму. Я ушелъ, обѣщая зайти еще передъ отъѣздомъ. На улицѣ я сталъ пробираться домой осторожно. Такъ-какъ до сихъ поръ никто не беспокоилъ меня, то я былъ увѣренъ, что всѣ думаютъ, что я давно уѣхалъ, и не хотѣлъ разубѣждать въ этомъ. На поворотѣ въ одну улицу я встрѣтилъ Агостино Фруиера, болѣе свѣжаго и цвѣтушаго, чѣмъ когда-либо; мы были оба одинаково удивлены и смущены, такъ что прошли, сдѣлавъ видъ, что не узнаемъ другъ друга.

Подойдя къ монастырю, я былъ уже въ сильномъ волненіи и нетерпѣніи и горько раскаявался, что не дождался вечера, чтобы выйти изъ дому. Кромѣ того, меня мучила совѣсть за мое поведеніе въ послѣднее время и я собирался поговорить съ Пизаной, чтобы представить ей необходимость моего отъѣзда. Въ этихъ мысляхъ я вошелъ въ монастырскую пріемную, не думая о томъ, что Клара очень удивится, увидавъ сестру въ моемъ обществѣ. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ Клару со времени ея постриженія. Она была блѣдна, прозрачна, какъ алебастровая ваза съ зажженной внутри свѣчей, худа до жалости; нѣбогда стройный станъ ея согнулся отъ привычки къ поклонамъ и униженію; на губахъ ея не было прежней привѣтливой улыбки; что-то холодное и сухое было въ ея лицѣ. Она дѣйствительно не мало удивилась моей короткости съ Пизаной, снабдила насъ добрыми совѣтами, о старомъ не вспомнила ни словомъ, и лицо ея оживилось только на секунду, когда я напомнилъ ей о ея бабушкѣ; но и тутъ она поспѣшила принять обычный, холодный видъ и сказала спокойнымъ тономъ:

— Ахъ, я обѣщала сто обѣденъ за уповой ея души, но до сихъ поръ не могла выполнить этого обѣщанія. Это единственное мое горе.

Пизана поспѣшила сказать, что если такъ, то горе это легко устранить и что она беретъ заплатить за эти обѣды.

— О, благодарю, благодарю, сестра во Христѣ! сказала

Клара. — Принеси мнѣ росписку священника, который отслужитъ ихъ, и ты пріобрѣтешь великое право на мои молитвы и еще бѣльшую заслугу передъ Богомъ.

Пизана отвѣчала сестрѣ совершенно въ ея духѣ, и меня крайне изумила ея ловкость примѣняться къ обстоятельствамъ. Мы простились съ Кларой и вышли на улицу, гдѣ на меня опять напалъ страхъ, что насъ увидятъ вмѣстѣ, и я предложилъ Пизанѣ идти доной порознь. Она согласилась, чему я былъ очень радъ, потому что не пройдя и сотни шаговъ, встрѣтилъ опять Венквередо и Партистаньо, которые на этотъ разъ послѣдовали за мной по пятамъ. Я долго колесилъ по разнымъ закоулкамъ лабиринта венеціанскихъ улицъ, чтобы отвязаться отъ этого преслѣдованія, но утомился раньше преслѣдователей, тѣмъ болѣе, что хотѣлъ поскорѣе увидѣть Пизану. Я рѣшился идти къ дому. Придя къ двери моего дома, я съ изумленіемъ увидѣлъ передъ нею Пизану, уже давно, повидимому, пришедшую, въ дружеской болтовнѣ съ Розой, той самой горничной, которая чуть не торговала ею вмѣстѣ съ графиней! Мое появленіе нисколько не смутило ее; она дружески стала прощаться съ Розой, приглашая ее навѣщать, насъ и затѣмъ вошла со мной въ домъ, спрашивая меня, почему я такъ опоздалъ. Въ ту-же минуту за угломъ улицы появились фигуры Венквередо и Партистаньо, наблюдавшія за нами, почему я съ поспѣшностью заперъ дверь и, раздосадованный, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Войдя въ комнаты, я обратился къ Пизанѣ въ сердцахъ и сказалъ ей, что не понимаю, какъ она можетъ разговаривать съ такой негодницей, да еще на улицѣ, зная, что за нами могутъ слѣдить. Она отвѣчала, что остановилась на улицѣ по разсѣянности, а что до Розы, то она встрѣтила ее въ лохмотьяхъ, исхудалую отъ нищеты, и ей стало жаль ея; поэтому она и приглашала ее приходить, въ надеждѣ какъ-нибудь помочь ей; притомъ она принуждена простить ей, потому что Роза искренно раскаивается въ томъ, въ чемъ провинилась, но увѣряетъ, что никогда не имѣла намѣренія дѣлать зло, а что дѣлала, то дѣлала съ доброй цѣлью и по наущенію графини. Пизана такъ повѣрила ей, что упрекала себя за ея изгнаніе, обвиняя себя за то, что бѣдная женщина по ея милости впала въ нищету. Тщетно я пытался разубѣдить ее и доказать ей, что Роза просто пройдоха

и наглая лгунья; она возражала, что ее будетъ мучить совѣсть, если она не загладитъ причиненнаго ею зла, и что она рассчитываетъ на меня, чтобы помочь бѣдняжкѣ и для перваго раза дать ей комнату въ домѣ. Услыхавъ эту просьбу, я сталъ кричать, Пизана тоже кричать и плакать. Ссора кончилась моимъ обѣщаніемъ платить за квартиру Розы тамъ, гдѣ она жила. Это была наша первая размолвка послѣ нѣсколькихъ недѣль невозможимаго счастья. Она меня нѣсколько разстроила, и сверхъ того меня тревожила встрѣча съ Венквередо. На другое утро послѣдовала новая ссора. Пизана объявила, что хочетъ идти заказывать сотню обѣденъ для сестры. При этихъ словахъ я вспомнилъ, что у насъ нѣтъ денегъ: полученныя отъ Апостулоса разошлись почти все; но до сихъ поръ я никогда не говорилъ съ Пизаной о моихъ денежныхъ дѣлахъ, не хотѣлъ говорить и теперь. Я сталъ отговаривать ее подъ разными другими предлогами, но она и слушать ничего не хотѣла. Наконецъ, я объявилъ ей напрямикъ, въ чемъ дѣло.

— Только-то? отвѣчала она беззаботно. — Ну, эта бѣда не велика. Прежде всего надо исполнить свою обязанность, а потомъ, если ничего не останется, положимъ зубы на полку.

— Посмотрю я, какъ ты положишь зубы на полку, возвратилъ я.

— Будь, что будетъ, но никто никогда не скажетъ, что я жирѣю на деньги, которыя должны быть употреблены для пользы другого.

— Подумай, чего стоятъ сто обѣденъ и что у насъ останется!

— Да, ты правъ, Карлино: несправедливо было-бы, чтобы я жертвовала тобой ради своихъ прихотей; лучше мнѣ уйти; пойду жить съ Розой... буду зарабатывать себѣ деньги шитьемъ и вышиваніемъ.

— Что съ тобой? закричалъ я въ ярости;— я скорѣе сниму съ себя шкуру, чѣмъ допущу тебя до этого!

— Въ такомъ случаѣ, Карлино, исполни мою просьбу, а тамъ положимся на Провидѣніе.

— Я не узнаю тебя, Пизана! Откуда взялась у тебя такая беззаботность?

— Видишь-ли, другъ мой, я уповаю на Провидѣніе оттого, что

чувствую въ себѣ силу и мужество. У насъ, женщинъ, всегда остается въ глубинѣ сердца вѣра. Увѣряю тебя, что когда мы очутимся совсѣмъ безъ гроша, ты не найдешь во всемъ мірѣ такой пары здоровенныхъ рукъ на работу, чтобы зарабатывать намъ обонимъ пропитаніе, какъ мои!

Я покачалъ головой, не слишкомъ вѣря этому мужественному рѣшенію; какъ-бы то ни было, пришлось заплатить за сто обѣденъ и за квартиру Розы, послѣ чего Пизана совершенно успокоилась, но за то въ кошельѣ у насъ осталось только двадцать дукатовъ.

Между тѣмъ объ насъ думало и заботилось множество людей, о которыхъ мы почти не помышляли. Сцена Пизаны съ корсиканскимъ капитаномъ надѣлала шуму во всемъ городѣ. Оскорбленіе, нанесенное ею французскому офицеру, и вслѣдъ затѣмъ ея исчезновеніе изъ дому подали поводъ къ самымъ нелѣпнымъ слухамъ. Рассказывали, что она въ фанатическомъ энтузіазмѣ къ отечеству рѣшилась всѣми способами мстить его врагамъ. Одни встрѣчали ее въ бѣломъ одѣяніи темной ночью у прокураторіи; другіе видѣли ее въ глухой улицѣ съ кинжаломъ и факеломъ; гондольеры рассказывали, что она ѣздитъ одна по лагуна, какъ привидѣніе. Слухи эти волновали умы и тревожили правительство, такъ-какъ въ воображеніи народа Пизана принимала видъ легендарной героини; австрійское начальство очень желало-бы найти ее, чтобы разрушить эту патріотическую легенду. Но до сихъ поръ всѣ поиски были безуспѣшны. Никому въ голову не приходило искать ее у меня, потому что меня считали давно уѣхавшимъ съ отцомъ на Востокъ или съ друзьями въ Цивальпинскую.

Открытіе Раймондо Венквередо и Партистаньо навело полицію на мои слѣды. Онъ сообщилъ своему отцу о встрѣчѣ со мной, какъ о любопытномъ случаѣ; старая лисица зачуяла добычу и, посоветовавшись съ падре Пендола, сообщила обо мнѣ правительству, какъ объ опасномъ злоумышленникѣ, скрывающемся въ Венеціи съ намѣреніемъ предпринять какую-нибудь отчаянную затѣю. Обвиненіе подкрѣплялось указаніемъ на сожительство мое съ яростной героиней, о которой было столько толковъ. Въ одно прекрасное утро я преспокойно раскидывалъ кофе, размышляя о средствахъ продлить какъ можно дольше существованіе остав-

шихся у насъ семи или восьми дукатовъ, когда вдругъ колокольчикъ брякнулъ изъ всѣхъ силъ и послышались перекликающіеся изъ окна и съ улицы голоса. Пока я прислушивался къ нимъ, раздался сильный трескъ, какъ-бы отъ выламываемой двери; затѣмъ другой стукъ, еще сильнѣе, и отчаянные крики и ругательства. Мы съ Пизаной собирались выйти, чтобы посмотрѣть, что дѣлается, какъ вдругъ наша цыганка влетѣла къ намъ въ комнату съ разбитымъ носомъ, въ изорванномъ платьѣ и съ огромной сковородой, заказанной моимъ отцомъ для куреній по турецкому обычаю.

— Синьеръ, закричала она, — одинъ сидитъ у меня въ плѣну въ кухнѣ съ разможенной рожей... но на улицѣ ихъ еще двѣнадцать человѣкъ... Бѣгите... Хотятъ арестовать васъ... говорить, вы государственный преступникъ.

Пизана прервала ее, бросилась къ двери, заперла ее и, отпервъ окно, выходящее на каналъ, стала умолять меня бѣжать, спастись. Я повиновался, не разсуждая, и выскочилъ изъ окна, не думая о томъ, высоко оно или низко и куда я попаду. Въ моментъ прыжка я замѣтилъ подъ собой гондолу и въ ней Раймондо Венквередо, караулившаго у насъ подъ окнами. Паденіе мое въ гондолу обошлось мнѣ благополучно, благодаря гимнастическимъ упражненіямъ моимъ въ дѣтствѣ съ Маркетто, но гондола чуть не опрокинулась, и Раймондо Венквередо, терявшій равновѣсіе и испуганный такой неожиданностью, машинально уцѣпился за меня.

— А, это ты, несчастный! закричалъ я въ ярости. — Вотъ тебѣ награда за шпіонство!

Съ этими словами я ударилъ его по лицу изъ всѣхъ силъ, такъ что онъ упалъ на дно гондолы, а я выскочилъ на берегъ, посылая прощальный привѣтъ Пизанѣ, которая вышла на балконъ. Между тѣмъ цыганка продолжала оборонять дверь противъ сборовъ, которые не отваживались атаковать ее, боясь участи своего вождя; послѣдній, запертый въ кухнѣ, съ лицомъ, раздробленнымъ ударомъ сковороды, кричалъ и визжалъ такъ жалобно и пронзительно, что его слышно было съ улицы. Все это я увидѣлъ и услышалъ въ одно мгновеніе, и прежде, чѣмъ Венквередо очнулся, а сборы кинулись на меня, исчезъ, свернувъ въ узкій коридоръ переулка. На бѣгу мнѣ пришла въ голову спаситель-

ная мысль искать убѣжища у Апостулосовъ. Я благополучно добѣжалъ до ихъ дома и, войдя къ нимъ, считалъ себя спасеннымъ; они были очень рады моему счастливому избавленію, но сказали, что въ полной безопасности я могу считать себя только выбравшись изъ лагуны и даже перебравшись за Адижъ.

— Рѣшайте-же, куда ѣдете, сказалъ мнѣ старый банкиръ.

— Да... въ Миланъ, отвѣчалъ я, чувствуя въ эту минуту полное равнодушіе къ выбору мѣста изгнанія.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы по-прежнему держитесь Милана? спросила Аглаура.

— Кажется, это самое лучшее, отвѣчалъ я:—тамъ у меня друзья, которые уже давно ждутъ меня.

Аглаура хотѣла, повидимому, сказать мнѣ еще что-то, но въ эту минуту вернулся Спиро, выходявшій, чтобы распустить на этотъ день писцовъ, и она замолчала, но часто взглядывала на меня, когда братъ не смотрѣлъ на нее, и я слышалъ, какъ она нѣсколько разъ вздохнула, когда отецъ ея говорилъ мнѣ, что въ греческомъ костюмѣ и съ паспортомъ отъ ихъ дома я могу отправиться въ путь завтра утромъ.

— Раньше нельзя, прибавилъ онъ:—въ первыя минуты вся полиція на-сторожѣ и вы непременно попались-бы ей въ когти. А завтра уже не будутъ такъ караулить, думая, что вы уже уѣхали; къ тому-же завтра праздникъ, и таможенныя будутъ заняты обшариваніемъ поселянъ, прибывающихъ въ городъ.

Старуха покачала одобрительно головой, а Спиро прибавилъ, что въ Падуѣ мнѣ придется скинуть греческое платье и отправиться до границы окольнымъ путемъ, гдѣ греческій нарядъ сталъ-бы обращать на меня вниманіе. Я со всѣмъ этимъ согласился и перешелъ къ разговору о деньгахъ. Рѣшено было, что банкиръ выдастъ мнѣ тысячу дукатовъ, а остальную сумму и домъ я перевелъ на имя графини Пизаны ди-Фрата, дамы Наваджеро. Я не зналъ, сколько времени мнѣ придется пробыть въ отсутствіи, и мнѣ хотѣлось обезпечить Пизану на всякій случай; я, конечно, былъ увѣренъ, что распоряженіе мое не оскорбитъ ее, потому что въ нашихъ отношеніяхъ смѣшно было-бы считаться деньгами. Окончивъ всѣ эти дѣла, мы сѣли ужинать; хотя я не ѣлъ ничего съ самаго утра, кромѣ прерванной чашки кофе, но мнѣ не хотѣлось ѣсть; чтобы подрѣвиться и утѣ-

шиться, я сталъ усердно прикладываться къ двумъ большимъ бутылкамъ кипрскаго, стоявшимъ на обоихъ концахъ стола.

Вскорѣ я такъ охмѣлѣлъ, что пересталъ понимать разговоръ, происходившій за ужиномъ. Я смутно чувствовалъ только, что когда мужчины {зачѣмъ-то вышли, Аглаура что-то сказала мнѣ на ухо и нѣсколько разъ подталкивала меня ногой подъ столомъ. Наконецъ я кое-какъ добрался до постели и заснулъ мертвыми сномъ.

Проснувшись утромъ, я чувствовалъ себя въ одуреніи. Я едва могъ подняться съ постели, надѣть на себя греческій костюмъ и проститься съ хозяевами. Тѣло мое двигалось автоматически, но духъ какъ-будто остался въ кипрскомъ. Спиро проводилъ меня до Рива-дель-Карбоне, откуда отходила барка въ Падую, общалъ аккуратно сообщать мнѣ извѣстія отъ моего отца и простился со мной. Мы отплыли, но я почти не замѣтилъ этого, погруженный въ созерцаніе Венеціи. Только у таможи громкое приказаніе остановиться, данное намъ съ акцентомъ, далеко не венеціанскимъ, напомнило мнѣ мое на-стоящее положеніе.

Покончивъ благополучно дѣла въ таможѣ, мы поплыли дальше, какъ вдругъ насъ догналъ легкій канкъ, изъ котораго намъ кричали, прося подождать. Я съ удивленіемъ увидалъ въ немъ молодого Апостулоса, который, войдя на барку, сталъ объяснять мнѣ съ замѣшательствомъ, что поторопился догнать меня, чтобы дать мнѣ адреса нѣкоторыхъ своихъ друзей въ Миланѣ. Говоря это, онъ озирался направо и налево и, наконецъ, пошелъ къ хозяину барки, сказавъ, что хочетъ отрекомендовать меня ему. Я видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ нему и что-то сказалъ ему на ухо, на что хозяинъ, повидимому, крайне удивленный, замалъ отрицательно руками и сталъ размахивать ими, какъ-бы показывая ему свою барку или приглашая его осмотрѣть ее. Спиро дѣйствительно обошелъ палубу и спустился въ каюту, гдѣ спало нѣсколько барочниковъ, завернувшись въ свои плащи; потомъ онъ вернулся на палубу, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Однако у васъ роскошная барка, говорилъ онъ хозяину, осматривая судно отъ носа до кормы своими соколиными глазами и заглядывая всюду, къ большому неудовольствію лоцмана, которому не нравилось это замедленіе.

— Ъхать? спросилъ онъ, наконецъ, хозяина.

— Подождите, дайте мнѣ убраться, сказала Спиро, выскакивая въ свой кабинетъ и посылая мнѣ прощальное привѣтствіе. Я очень хорошо понималъ, что онъ пріѣзжалъ и такъ внимательно осматривалъ барку не для того, чтобы дать мнѣ адресъ, но былъ слишкомъ занятъ своими грустными мыслями, чтобы лопатъ себѣ голову, раздумывая о цѣли его посѣщенія. Наконецъ насталъ для меня этотъ роковой день, котораго я такъ давно боялся,—мнѣ приходилось расстаться вмѣстѣ и съ отечествомъ, и съ единственной женщиной, которую я любилъ во всю мою жизнь.

Печаль этой разлуки мучила меня всю дорогу. Я не спалъ, не ѣлъ, ни съ кѣмъ почти не разговаривалъ. Блѣдный, измученный и разбитый пріѣхалъ я въ Падую. Взявъ подъ мышку пожитки, я сошелъ на берегъ и пошелъ искать какой-нибудь гостинницы, провожаемый толпой зѣвакъ, дивившихся моему греческому костюму. Въ гостинницѣ я спросилъ себѣ комнату и чего-нибудь поѣсть, закурилъ, переодѣлся и, уплативъ счетъ, вышелъ, сказавъ нарочно громко, что теперь въ новомъ платьѣ надѣюсь избавиться отъ нескромныхъ любопытныхъ. Я направился сначала какъ-будто къ центру города, но, отойдя подальше отъ гостинницы, свернулъ въ переулокъ, выводившій на дорогу въ Виенцу. Еще по выходѣ изъ гостинницы мнѣ показалось, что за мной кто-то идетъ слѣдомъ; въ этомъ глухомъ переулкѣ я убѣдился, что за мной дѣйствительно слѣдитъ какой-то человекъ, который шелъ то тише, то скорѣе, то останавливался, подобно мнѣ. Мнѣ сейчасъ пришли на умъ Венквередо, падре Пендола, адвокатъ Ориента и ихъ шпионы. Я рассудилъ, что самое лучшее дѣйствовать рѣшительно, и, выйдя на дорогу, вдругъ обернулся къ моему преслѣдователю съ намѣреніемъ расправиться съ нимъ. Къ моему удивленію, онъ не испугался, спокойно остановился и сталъ ждать. Онъ былъ весь закутанъ въ матросскій плащъ, а голова его и большая часть лица закрыты капюшономъ. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ преслѣдуетъ меня и что ему нужно отъ меня. Говоря это, я смотрѣлъ на него, и лицо его, на-сколько я его видѣлъ, начало казаться мнѣ знакомымъ, хотя я рѣшительно не могъ припомнить, кто-бы это могъ быть. Вдругъ голосъ, который я сразу узналъ, спросилъ меня:

— Такъ вы меня не узнаете?

— Аглаура! вскричалъ я,—Аглаура! Во снѣ я васъ вижу или на яву?

— Да, я Аглаура, я ѣхала съ вами отъ Венеціи на одной баркѣ; была съ вами въ одной гостинницѣ; не знаю, хватило-ли-бы у меня и теперь духа открыться вамъ, если-бы вы сами не обратились ко мнѣ.

— Такъ, стало быть, сказалъ я внѣ себя отъ изумленія, — Спиро васъ искалъ сегодня утромъ?

— Да, меня; вернувшись домой, онъ не нашелъ тамъ меня, потому что я тѣмъ временемъ пріѣхала на барку, переодѣвшись у нашей прачки; онъ давно боялся, что я убѣгу, и тотчасъ догадался. Правда, я вышла изъ дому съ горничной, но она вернулась, сказавъ, какъ я ей велѣла, что я зашла въ церковь; это усилило его подозрѣнія. По счастью, онъ не имѣлъ времени удостоверитья, правда-ли это, такъ что, не найдя меня на баркѣ, подумалъ, вѣроятно, что я дѣйствительно въ церкви. Бѣдный Спиро! Онъ, конечно, любитъ меня, но не понимаетъ меня, не чувствуетъ мнѣ! Вмѣсто того, чтобы заступаться за меня, онъ первый возстановить противъ меня отца.

Изъ всего этого я вывелъ заключеніе, что бѣдная Аглаура безъ памяти влюблена въ меня, и я почувствовалъ къ ней благодарность и сожалѣніе. Если-бы Пизана осталась съ Наваджеро или убѣжала-бы съ капитаномъ Минато, я думаю, что въ эту минуту я влюбился-бы въ Аглауру изъ одного чувства благодарности.

(Продолженіе будетъ.)

П Ъ С Н Я.

Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!
Если я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужь не надо...

Надъ колыбелью моей
Пѣсня, какъ геній, витала:
Бѣдная мать моя въ ней
Силы свои почерпала...

Слушая пѣсни ея,
Я приучался сурово
Личное благо свое
Въ счастья видѣть другого...

Пѣсня вдохнула въ меня
Къ подвигамъ жажду святую,
Чтобъ до послѣдняго дня
Биться за мысль молодую....

Пѣть мастерица была
Дней моихъ свѣтлыхъ подруга;
Съ пѣсней она и ушла
Въ міръ безпечальный отъ друга...

Пѣсней я только и могъ
Эту наполнить потерю;
Я изболѣлъ, изнемогъ,
Но въ возрожденіе вѣрю...

Пусть и еще надо мной
Бури промчатся съ грозой,—
Прежде, чѣмъ пасть подъ грозой,
Встрѣчу ихъ пѣснью родною...

Если-жь я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужь не надо:
Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!

Омулевскій.

НѢМЕЦКАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ.

(Les Odeurs de Berlin, par Léouzon le Duc, Paris, 1875.)

Прусскій школьный учитель побѣдилъ при Садовой, а германская добродѣтель при Седанѣ, говорятъ нѣмцы, упоенные военной славой, но все-же чувствуя, что въ XIX вѣкѣ торжество грубой силы необходимо прикритъ какой-нибудь идеей. Итакъ, не игольчатая ружья, не круповскія пушки, не численное превосходство арміи, не средневѣковой принципъ огня и меча, возстановленный Бисмаркомъ, доставили Пруссіи самое выдающееся положеніе въ Европѣ, а ея образованіе и нравственность. Долго изумленная Европа повторяла на всѣ лады знаменитую фразу о прусскомъ школьномъ учителѣ; въ нѣкоторыхъ странахъ стали уже подумывать о томъ, чтобы передѣлать всѣхъ своихъ педагоговъ на образецъ побѣдителя при Садовой, но, наконецъ, эта фраза, какъ всѣ громкія слова и легенды, оказалась совершенно невѣрной. Извѣстный естествоиспытатель Карлъ Фохтъ неопровержимыми фактами доказалъ, что Пруссія въ образованіи отстала почти отъ всей прочей Германіи. „Насъ увѣряютъ, говоритъ Фохтъ,—что школьный учитель побѣдилъ при Садовой, а профессоръ при Седанѣ! Но посмотрите на дѣло основательно и вы увидите, что воспитательныя учрежденія въ Пруссіи далеко отстали не только отъ Саксоніи и Виртемберга, но отъ Бадена и Гессена. Всѣ эти страны стоятъ гораздо выше „государства интеллигенціи“ (т.е. Пруссіи) въ отношеніи первоначальныхъ школъ, гимназій, реальныхъ училищъ, техническихъ институтовъ и университетовъ. Въ Пруссіи число неграмотныхъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Германіи. Прусскія семинаріи представляютъ образецъ школы, притупляющей умъ ученика. Че-

моданъ, который даютъ юному пруссаку для странствія по длинному пути жизни, почти пустой въ сравненіи съ тѣмъ, что получаетъ саксонецъ. Если мы перейдемъ къ университетскому образованію, то Лейпцигъ далеко опередилъ Берлинъ, а Мюнхенъ ни въ чемъ ему не уступитъ; что-же касается Геттингена, то онъ одержитъ неизлечимой сухоткой съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ прусскую каску“. Но, быть можетъ, авторитетъ Фохта, какъ отщепенца новой Германіи, подлежитъ сомнѣнію, то мы приведемъ еще болѣе знаменательныя слова редактора „Kreuz Zeitung“, Фонтана, который, описывая свой плѣнъ во Франціи, говоритъ: „Мы воображаемъ, что пользуемся монополіей народнаго образованія въ Европѣ, наши профессора доказываютъ статистическими цифрами, что въ Германіи никто не умѣетъ читать и писать; но мои личныя наблюденія приводятъ меня къ противоположному заключенію. Я убѣдился, что въ образованныхъ странахъ, въ Англіи, Франціи и Даніи, масса населенія читаетъ не хуже, а пишетъ гораздо лучше, чѣмъ въ Пруссіи“ *).

Еще неизблѣжѣ славы прусскаго школьнаго учителя казался величественный образъ нравственной, цѣломудренной Германіи, достойно покаравшей „презрѣнную блудницу“, какъ называли Францію нѣмецкія газеты того времени. Выступая въ походъ 1870 года, нѣмцы устами официального берлинскаго органа „Staatsanzeiger“ надменно говорили: „Господь въ этой священной войнѣ дастъ намъ побѣду надъ слѣпюю гордостью, нравственнымъ растлѣніемъ, ложью и коварствомъ; онъ дозволитъ досточтимому вождю нашихъ армій возстановить въ сердцѣ Европы вѣчный миръ, основанный на единой, великой Германіи, очагѣ религіи, нравственности, цивилизаціи и настоящей свободы“. А празднуетъ

*) Krieggefangen Erlebtes 1870, von Th. Fontane, Berlin, 1871.

Изъ статистическихъ цифръ, приводимыхъ въ книгѣ Э. Лавеле „Народное образование во всѣхъ государствахъ“, видно, что въ Пруссіи около 3% неграмотныхъ, а въ Саксоніи и Виртембергѣ менѣе 1%. Въ Пруссіи приходится 1 ученикъ на 6, жителя и 1 школа на 740 жителей, а въ Саксенъ-Веймарѣ 1 ученикъ на 6 жителей, въ Саксоніи 1 на 6,2; въ Виртембергѣ 1 школа на 490 жителей, въ Баденѣ 1 на 636, въ Саксенъ-Веймарѣ 1 на 411. Хотя во Франціи приходится 28% неграмотныхъ и 1 ученикъ на 9 жителей, но школы 1 на 536 жителей. Другая-же страна, униженная Пруссіей, Данія, во всѣхъ отношеніяхъ ее превосходитъ; тамъ приходится 1 ученикъ на 6 жителей, 1 школа на 700 жит. и вовсе нѣтъ неграмотныхъ.

седанскую побѣду, та-же газета торжественно заявляла: „2-го сентября мы спасли Францію отъ царства полусвѣта и излечили ее отъ страшнаго недуга нравственнаго растлѣнія“. Слушая всѣ эти разглагольствованія, произносимыя надменнымъ, саркастическимъ тономъ, и видя, до какого страшнаго упадка довела Францію вторая имперія, Европа забывала сожженіе Вазейля и всѣ ужасы, произведенныя нѣмецкими арміями во время войны, и вѣрила на слово, что Германія—сказочная страна, „гдѣ женщины всѣ цѣломудренны, мужчины честны, гдѣ невѣдомы ложь, подкупъ, корысть и низкопоклонство, а цвѣтутъ всевозможныя добродѣтели, какъ васильки въ полѣ“. Однако, въ послѣднее время повязка начинаетъ спадать съ глазъ людей ослѣпленныхъ нѣмецкими побѣдами, минутная иллюзія разсѣвается и на повѣрку выходитъ, что давно прошло для Германіи поэтическое время бѣлокурой Доротей, собиравшей съ Германомъ желуди подъ тѣнью дубовъ.

Еще въ 1869 году, въ ту самую эпоху, когда нѣмецкая пресса открыла крестовый походъ противъ развращенной Франціи, въ Берлинѣ раздавался могучій голосъ 15,000 почтенныхъ гражданъ, предостерегавшихъ отечество отъ подтачивавшаго его развращенія нравовъ. Центральный комитетъ германской евангелической церкви обратился съ петиціей къ государственному сейму о принятіи мѣръ къ уничтоженію ужаснаго зла, грозившаго гибелью всей странѣ. Сеймъ рѣшилъ передать петицію Бисмарку, и о дальнѣйшей ея участи ничего неизвѣстно; вѣроятно, Бисмаркъ былъ слишкомъ занятъ приготовленіями къ „излеченію изверговъ краснокожихъ французовъ отъ нравственнаго растлѣнія“, чтобъ обратитъ вниманіе на развратъ фатерланда; что-же касается самой петиціи, то она до сихъ поръ остается мало извѣстной даже нѣмцамъ, которые со времени своего военнаго могущества изобрѣли новое слово: *ignorigen*, и преднамѣренно, сознательно игнорируютъ все, что имъ не пріятно или чего они не желаютъ знать. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ достигаетъ это *игнорированіе*, доказываетъ недавнее появленіе толстаго ученаго сочиненія одного нѣмецкаго эстетика о теоріи комедіи, въ которомъ не упомянуто ни разу имени Мольера, игнорировать котораго далъ себѣ слово ученый авторъ. Той-же системы держалась нѣмецкая пресса относительно брошюры комитета евангели-

ческой церкви, такъ что она осталась-бы, по всей вѣроятности, вовсе неизвѣстной образованному міру, если-бъ не появился ея полный переводъ въ недавно вышедшей любопытной книгѣ Леузона Ледюка „Les odeurs de Berlin“ (*Берлинскій смрадъ*). Этотъ почтенный французскій писатель, составившій себѣ имя серьезными трудами о Россіи, Финляндіи и Швеціи и еще недавно представившій въ комисію французскаго національнаго собранія ученый докладъ о судѣ присяжныхъ по дѣламъ печати въ Швеціи, задался мыслью доказать, что притязаніе Германіи на гегемонію въ Европѣ ничѣмъ не оправдывается, такъ-какъ для подобной роли мало одной матеріальной силы, а страна, неумѣющая поддержать у себя общественной нравственности, не можетъ кичиться своимъ превосходствомъ надъ другими государствами. Но для того, чтобъ его не заподозрили въ пристрастіи, онъ „обличаетъ нѣмцевъ словами самихъ-же нѣмцевъ“ и кромѣ петиціи представителей евангелической церкви, приводитъ отрывки изъ различныхъ нѣмецкихъ источниковъ, вполне удостовѣряющихъ безспорными фактами, что „если современному міру и надо учиться нравственности, то, конечно, не у бисмарковской Германіи“.

На основаніи любопытныхъ данныхъ, приводимыхъ Леузономъ Ледюкомъ, мы постараемся представить картину нравственнаго состоянія Германіи и преимущественно Берлина, этой „столицы интеллигенціи“, этого новаго „Weltstadt'a“ долженствующаго, по словамъ нѣмцевъ, замѣнить дряхлый, гнилой, развратный Парижъ. Для большей-же полноты нашего очерка мы воспользуемся и нѣкоторыми другими находящимися у насъ подъ руками матеріалами, преимущественно нѣмецкаго происхожденія, а также двумя французскими книгами, Жюля Кларети и Виктора Тиссо, посѣтившихъ Берлинъ въ 1872—1875 годахъ. Эти извѣстные парижскіе хроникеры черпаютъ свои свѣденія изъ мѣстныхъ газетъ или личныхъ наблюденій, и, надо отдать имъ справедливость, относятся къ своимъ побѣдителямъ довольно спокойно и безпристрастно, особенно Тиссо, хотя приводимые имъ факты иногда требуютъ повѣрки; такъ, напримѣръ, онъ относитъ, по ошибкѣ, къ Берлину нѣкоторыя цифры уголовной статистики всей Пруссіи *).

*) Les Prussiens chez eux, par Jules Claretie. Paris, 1873.—Voyage au Pays des Millions, par Victor Tissot. Paris, 1875.

I.

Важный официальный документъ, съ которымъ мы прежде всего хотимъ познакомить читателей, напечатанъ въ Берлинѣ въ 1869 году, подъ названіемъ: „Die Offentliche Sittenlosigkeit mit besonderer beziehung auf Berlin, Hamburg und die andere grossen städte des nordlichen und mittleren Deutschlands“ (Открытая безнравственность Берлина, Гамбурга и другихъ большихъ городовъ сѣверной и средней Германіи). Онъ составляетъ небольшую брошюру въ 40 страничекъ и заключается въ петиціи центрального комитета германской евангелической церкви съ приложенными къ ней объяснительной запиской и извлеченіемъ изъ отчета берлинской полиціи за 1867 годъ. Въ краткомъ предисловіи комитетъ объясняетъ причину, почему онъ счелъ нужнымъ напечатать петицію, поданную имъ въ германскій сеймъ по вопросу о распространеніи общественной безнравственности. „Наша цѣль, говоритъ онъ, — обратить вниманіе всѣхъ истинныхъ друзей отечества на порядокъ вещей, отъ котораго зависитъ въ высшей степени общественное благосостояніе. Мы желаемъ доказать крайнюю необходимость немедленнаго принятія сильныхъ мѣръ во всемъ государствѣ противъ роковой заразы, свирѣпствующей въ столицѣ и провинціяхъ до такой степени, что нашъ народъ пораженъ ею до мозга костей. Наша петиція подписана 15,048 лицами, уроженцами различныхъ странъ сѣверо-германскаго союза; въ ихъ числѣ 83 университетскихъ профессора, 2,200 учителей, 2,000 пасторовъ, 2,077 чиновниковъ, 170 судей, 50 литераторовъ, 183 доктора, 122 генерала и офицера, 150 землевладѣльцевъ, 2,000 купцовъ, 3,000 директоровъ промышленныхъ предпріятій и т. д. Мы, конечно, могли бы собрать еще большее количество подписей, если-бъ имѣли на это время, но предпочли представить нашу петицію въ государственный сеймъ, который, несмотря на всѣ возраженія, имѣлъ полное право по § 3 конституціи разрѣшить этотъ вопросъ. Но, подчиняясь неблагоприятнымъ вліяніямъ того времени, сеймъ не разрѣшилъ въ существѣ рокового вопроса о безнравственности Германіи, а передалъ его на разсмотрѣніе канцлера. Въ настоящее время мы съ нашей петиціей и объяснительной запиской,

основанной на официальныхъ и достовѣрныхъ свѣденіяхъ, передаемъ это важное дѣло на судъ, стоящій выше всякаго обмана и подкупа, — на судъ общественнаго мнѣнія“. Въ числѣ подписей, какъ подъ этимъ предисловіемъ, такъ и подъ самой петиціей, встрѣчаются имена, уважаемыя во всей Германіи и стоящія во главѣ государственнаго управленія: доктора Вихерна, директора евангелической консисторіи, Бетмана-Гольвица, государственнаго министра, доктора Ранке, книгопродавца Герца, доктора Гофмана, Нейбауера, адвоката Стамлера, графа Висмарка-Болена, бывшаго въ то время губернаторомъ Берлина, и т. д. Такимъ образомъ, официальный, серьезный и достовѣрный характеръ всего изложеннаго въ петиціи и объяснительныхъ къ ней дополненіяхъ не подлежить никакому сомнѣнію.

Самая петиція почти дословно заключается въ слѣдующемъ: „Нижеподписавшіеся съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ представляютъ на благоусмотрѣніе высокопоставленнаго государственнаго сейма сѣверо-германскаго союза слѣдующіе факты. Всѣ друзья нашего отечества замѣчаютъ съ безпокойствомъ и грустью ежедневно увеличивающееся распространеніе безнравственности въ Германіи, которое, выражаясь безчисленными бѣдствіями и хроническими недугами, развращаетъ характеръ народа, возмущаетъ въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ общественный строй и нынѣ угрожаетъ погибелю драгоцѣннѣйшему наслѣдію германскаго народа — святости семьи. Безъ сомнѣнія, Германія можетъ еще гордиться обладаніемъ богатаго капитала цѣломудренной, благородной семейной жизни, проявляющейся во всѣхъ ея государствахъ и на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ, но мы должны громко сознаться, что если нравственная сила нашей страны не исполнитъ энергично выпавшей на ея долю задачи, нынѣ чрезвычайно важной и трудной, этотъ капиталъ, по всей вѣроятности, сильно уменьшится, а вмѣстѣ съ нимъ исчезнутъ безсмертные христіанскіе принципы и та высшая гармонія, которая одна можетъ гарантировать развитіе общественной силы и свободы. Опасность, на которую мы указываемъ, угрожаетъ селамъ и маленькимъ городамъ, но особенно большимъ центрамъ, гдѣ развитіе промышленности увеличиваетъ ежегодно народонаселеніе. Въ виду новыхъ социальныхъ затрудненій, подобный порядокъ вещей разшатываетъ основы семейной жизни, увеличиваетъ нищету и

отравляет источники истиннаго народнаго благосостоянія. Между большими германскими и заграничными городами, Берлинъ, Гамбургъ и нѣкоторые другіе въ сѣверной Германіи отличаются явнымъ пособничествомъ злу, доказывая тѣмъ всю справедливость нашего воззванія къ немедленному принатію мѣръ противъ столь грозной опасности. Нижеподписавшіеся основываютъ свое мнѣніе на фактахъ, по несчастію слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ, и считаютъ своей обязанностью довести до свѣденія сейма важнѣйшіе изъ нихъ. Мы не думаемъ, что одни законы и правительство въ состояніи уничтожить это зло, а, напротивъ, убѣждены, что совершенное преобразование общества будетъ возможно только въ тотъ день, когда государство, церковь, общины и всѣ факторы общественной жизни соединятъ свои усилія для проведенія дѣйствительной и быстрой реформы. Въ исполненіи этой тяжелой задачи ихъ поддержитъ общественная совѣсть и всѣ честные граждане. Конечно, правительство сѣверо-германскаго союза сочтетъ своимъ священнымъ долгомъ идти во главѣ этого великаго движенія, тѣмъ болѣе, что большинство народа поддержитъ его энергичную дѣятельность въ этомъ направленіи, а въ противномъ случаѣ его власть сильно поколеблется“.

Изложивъ, такимъ образомъ, предметъ своей петиціи, комитетъ переходитъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя онъ считаетъ необходимыми для возстановленія общественной нравственности; объ этомъ мы поговоримъ далѣе, а теперь представимъ, на основаніи фактовъ, приводимыхъ въ объяснительной запискѣ, общую картину того положенія вещей, которое возбудило столь горячій протестъ.

Прежде всего комитетъ замѣчаетъ, что опасность отъ развращенія нравовъ грозитъ такъ-же сильно южной Германіи, какъ и сѣверной, но онъ обращаетъ вниманіе только на сѣверную, такъ-какъ въ ней происходитъ его дѣятельность и будущность всей Германіи главнымъ образомъ зависитъ отъ нравственнаго возрожденія Пруссіи. „Наша петиція, говорится въ общихъ соображеніяхъ объяснительной записки, — не ограничивается обличеніемъ безнравственности въ самыхъ грубыхъ ея формахъ и торговли развратомъ въ самомъ презрѣнномъ видѣ. Мы не раздѣляемъ заблужденія тѣхъ, которые смѣшиваютъ проституцію съ ея несчастными жертвами. Проститутки составляютъ только часть про-

ституціи, и то, надо сознаться, не самую ужасную и не самую преступную. Рядомъ съ ними стоятъ ихъ развратители, которыхъ никогда не надо терять изъ виду. Однако, общественное вниманіе не должно быть обращено исключительно на тѣхъ или на другихъ, а на общность всѣхъ условій и вліяній, которыя придаютъ разврату то болѣе грубую, то болѣе утонченную форму, открываютъ позорному торгу живымъ товаромъ широкій, безопасный путь и, содѣйствуя открыто или тайно проституціи, вносятъ въ доно семействъ безчестіе и несчастіе. Безнравственное состояніе современной Германіи доказываетъ существованіе громаднаго сообщничества всей нашей страны, — сообщничества, которое позоритъ и заражаетъ всѣ ступени общественной жизни. Проституція никогда не можетъ приобрести силы, если этой силы не дастъ ей само общество. Общество указываетъ ей почву для ея позорной дѣятельности, опредѣляетъ ея границы и придаетъ ей тотъ или другой характеръ; если-же проституція, въ свою очередь, губительно вліяетъ на общество, то виновато въ этомъ само общество. Чѣмъ болѣе развивается проституція, тѣмъ болѣе теряетъ общество своей нравственной силы и способности энергично противодействовать пагубной заразѣ. Законъ и администрація сами по себѣ не могутъ возвратить обществу ту силу, которую у него отняли развратъ, но соединившись съ обществомъ, они могли-бы достигнуть изумительныхъ результатовъ. Къ этимъ-то результатамъ слѣдовало-бы теперь дружно стремиться. Задача, предстоящая нашему отечеству, не состоитъ въ томъ, чтобъ вызвать на свѣтъ Божій или покрыть мракомъ всѣ тайны продавки и нечестія общественнаго разврата; это было-бы совершенно бесполезно; необходимо прежде всего пресѣчь источники, въ которыхъ проституція черпаетъ свои жизненные силы, и очистить ту зараженную почву, на которой германское общество не постыдилось основать свое могущество“.

Переходя къ фактическому подтвержденію своихъ взглядовъ, комитетъ представляетъ картину проституціи въ Берлинѣ и главнѣйшихъ городахъ сѣверной Германіи. Берлинъ — „центръ, изъ котораго разсѣваются лучи германской цивилизаціи, школа, образующая ученыхъ, артистовъ, промышленныхъ дѣятелей и солдатъ, куда стекаются со всѣхъ сторонъ люди, ищущіе работы, — несетъ на себѣ отвѣтственность за нравственное состояніе сѣ-

верной Германіи“. Но увы! Берлинъ далеко не находится на той высотѣ, которую должна обусловливать подобная отвѣтственность. Онъ въ послѣднее время, въ отношеніи проституціи, перепогодилъ почти всѣ столицы Европы; самыя многолюдныя его улицы представляютъ отвратительное зрѣлище, такъ-какъ проституція открыто выставляетъ тамъ всѣ свои позорныя соблазны; это не тайное ремесло, а открытая эксплуатація на большую ногу; всѣ ея дѣятели, мужчины и женщины, образуютъ настоящія торговныя компаніи, съ директорами, агентами, капиталистами, акціонерами и т. д. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія прусское правительство старалось уничтожить въ Берлинѣ всѣ дома разврата, полагая тѣмъ водворить вездѣ нравственность; послѣ долгихъ усилій ему удалось въ сороковыхъ годахъ заключить ихъ въ одинъ кварталъ, а въ 1856 году они были окончательно уничтожены во всемъ городѣ. Но эта мѣра ни къ чему не привела и тайная, бродячая проституція, при постоянно увеличивающемся народонаселеніи Берлина, еще болѣе расширила общественный развратъ и придала ему гораздо опаснѣйшую форму. Въ настоящее время дана полная свобода отверцать безъ всякаго полицейскаго разрѣшенія всевозможныя притоны, и они распространились во всѣхъ кварталахъ города—аристократическихъ, буржуазныхъ и рабочихъ. Побуждаемые корыстными цѣлями, берлинскіе домовладѣльцы отдаютъ наперерывъ свои дома подъ меблированныя комнаты или номера, гдѣ развратъ царитъ на свободѣ. Эти трущобы не отличаются ничѣмъ отъ старинныхъ домовъ терпимости, а еще гораздо хуже въ томъ отношеніи, что не подлежатъ никакому надзору. Дѣло дошло до того, что въ Берлинѣ теперь очень мало улицъ, даже самыхъ аристократическихъ, гдѣ-бы притоны разврата не находились рядомъ съ жилищами честныхъ семействъ или публичныхъ школъ, женскихъ и мужскихъ, какъ, напримѣръ, на Кенигсмауерѣ.

Спекуляція, однако, на этомъ не останавливается и во всѣхъ кварталахъ Берлина существуютъ настоящіе рынки разврата, между которыми многіе пользуются славой самыхъ блестящихъ биржъ проституціи во всей Европѣ. Ежедневныя афиши, выставляемыя на улицахъ, и объявленія, печатаемыя даже въ иностранныхъ газетахъ, привлекаютъ въ эти притоны одинаково нѣмцевъ и иностранцевъ. Каждый вечеръ мужчины и женщины, при-

надлежащiе ко всѣмъ классамъ общества, стекаются тысячами въ эти многочисленныя учрежденiя, которыя соперничаютъ другъ передъ другомъ роскошной обстановкой и соблазнительными зрѣлищами. Подобными-же притонами разврата, хотя не въ столь блестящей формѣ, служатъ рестораны и кофейни, въ отдѣльныхъ комнатахъ которыхъ содержится рой проститутокъ. Наконецъ, по словамъ составителей петицiи, „театры Берлина своими безнравственными представленiями оказываютъ столь-же пагубное влiянiе на общественныя нравы, подтачивая истинныя принципы цивилизацiи, распространяемыя церковью и школой“. Кроме того, пропаганда разврата производится на огромную ногу спекуляторами, извлекающими изъ нея громадныя выгоды съ помощью скандальныхъ романовъ и псевдо-медицинскихъ сочиненiй съ непристойными иллюстрацiями, художественныхъ произведенiй безнравственнаго содержанiя, портъ-сигаровъ, табакерокъ съ непристойными изображенiями, фотографiй, стереоскоповъ и т. д. Всѣ эти предметы продаются открыто въ магазинахъ Берлина, распространяются въ провинцiяхъ разношниками и даже отправляются въ большомъ количествѣ въ другiя страны *).

Изъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ составителями петицiи, видно, что въ 1867 году на 700,000 жителей Берлина было 1,450 проститутокъ, внесенныхъ въ полицейскiе списки, подвергаемыхъ постоянно медицинскому освидѣтельствуванiю, и 12,500 извѣстныхъ полицiи, а общее число всѣхъ

*) Составители петицiи, говоря о способахъ распространенiя проституцiи въ Берлинѣ, не упоминаютъ ни слова о газетахъ, но, по словамъ Леузона Ледюка онѣ играютъ значительную роль въ этомъ отношенiи, помѣщая безъ разбора самыя скандальныя предложенiя. Для примѣра онъ приводитъ нѣсколько подобныхъ объявленiй: „Молодая вдова ищетъ стараго господина для совѣта и дѣла... (см Rath und Thal)“. „Красивый и здоровый ребенокъ мужского пола отдается въ наемъ“. „Молодой человекъ, красивый и хорошо воспитанный, ищетъ покровительства богатой дамы...“ „Двое образованныхъ молодыхъ людей, прибывшихъ въ Берлинъ для своего удовольствiя, желаютъ познакомиться съ двумя хорошенькими сестрами или подругами“. „Молодая дама, приличная, но капризная, желаетъ интимно подружиться съ богатымъ брюнетомъ“. „Двѣ молодыя, изящныя дамы, проѣхавшия въ собственномъ экипажѣ, въ воскресенье, въ 8 часовъ, близъ Шарлотенбурга, мимо молодого человека въ сѣромъ пальто, который имъ прiятно улыбулся, приглашаются вступить съ нимъ въ тайныя сношенiя“. „Молодая и хорошенькая вдова желала-бы присоединенiя“. Умная, образованная дама желала-бы познакомиться съ мужчиною, который могъ-бы разрѣшить съ нею задачу (mit ihm ein problem zu lassen)“.

женщинъ, занимающихся тайнымъ развратомъ, невозможно опредѣлить. Множество изъ проституткоу несовершеннолѣтнія; такъ въ одинъ мѣсяць въ 1868 году изъ 140 вновь записавшихся въ полицію было 61 отъ 11 до 19 лѣтъ. Бывали даже случаи, что полиція находила въ трущобахъ разврата 10 и 8-лѣтнихъ дѣвочекъ. Въ Берлинѣ много мужчинъ живетъ на счетъ проституткоу. Эти презрѣнныя существа, по мѣстному прозвищу „Луисы“, ведутъ праздную, часто преступную жизнь. Что-же касается самихъ проституткоу, то, по отчету берлинской полиціи за 1867 годъ, изъ ихъ числа было приговорено судомъ къ тюремному заключенію 15,413 за различные проступки противъ общественной нравственности, а найдено больныхъ 7,700. Еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ въ пользу безнравственности Берлина тотъ фактъ, что въ 1867 году, изъ 65,640 лицъ, судимыхъ и приговоренныхъ за уголовныя проступки и преступленія, 30,763 были признаны виновными въ проступкахъ противъ общественной нравственности. Число незаконныхъ дѣтей, родившихся въ Берлинѣ въ 1868 году, было 150 изъ 1,000 общаго числа рожденій. При этомъ дѣтоубійствъ было 154, но эта цифра далеко не точная, такъ-какъ часто, почти ежедневно, описывается въ газетахъ по нѣсколько подобныхъ случаевъ.

Главными жертвами упадка общественной нравственности въ Берлинѣ естественно дѣлаются молодыя дѣвушки низшихъ классовъ, которыя, не получивъ никакого образованія, съ четырнадцатилѣтняго возраста ведутъ самостоятельную жизнь. Небольшая заработная плата не можетъ, конечно, удовлетворить жаждѣ роскоши и удовольствій. Когда-же наступаетъ въ Берлинѣ недостатокъ работы, что такъ часто случалось въ послѣднее десятилѣтіе, тогда развратъ увеличивается. Бѣдныя работницы, окруженныя со всѣхъ сторонъ соблазнами, часто погибаютъ изъ-за куска хлѣба въ искусно разставленныхъ сѣтяхъ торговцевъ живымъ товаромъ. Особый классъ женщинъ, называемыхъ „судочницами“, даетъ внаимъ на вечеръ или ночь платья и всѣ принадлежности дамскаго туалета, не исключая бриліантовъ, и соблазненныя работницы, въ чужой блестящей шкурѣ, попадаютъ въ руки содержателей номеровъ. Послѣ подобнаго превращенія семейство для нихъ болѣе не существуетъ и онѣ, пользуясь наивной довѣрчивостью, а часто безмолвнымъ пособничествомъ родителей, скрываютъ свою раз-

вратную жизнь подъ личиною добродѣтельнаго труда. Само собою разумѣется, что подобное растлѣніе нравовъ угрожаетъ пришлому населенію Берлина еще болѣе, чѣмъ туземному, такъ-какъ ежегодно до 30,000 молодыхъ дѣвушекъ, безъ средствъ и знанія свѣта, являются въ Берлинъ. Впрочемъ, по словамъ составителей петиціи, нравственное положеніе большихъ городовъ Германіи представляетъ почти тѣ-же безобразныя явленія, и даже въ маленькихъ городахъ и селеніяхъ съ каждымъ днемъ распространяется все болѣе и болѣе безнравственность. Въ послѣднее время на 100 дѣтей, рождающихся въ сельскихъ общинахъ, было 50 незаконныхъ. По всей Германіи разъѣзжаютъ агенты мужского и женскаго пола, посылаемые крупными домами разврата Берлина и другихъ большихъ городовъ. Эти агенты по нѣсколько разъ въ годъ посѣщаютъ мирныя селенія и вступаютъ въ преступныя сдѣлки съ молодыми дѣвушками или обманомъ увлекаютъ ихъ въ свои сѣти, выдавая себя за подрядчиковъ, нанимающихъ прислугу и рабочихъ. Часто подобные торговцы дѣйствуютъ самостоятельно и, привезя свой товаръ въ большіе города, продаютъ его съ молотка въ дома терпимости. „Слѣды этого торга можно ясно усмотрѣть, говорятъ составители петиціи,—не только въ главныхъ центрахъ сѣверной и южной Германіи, но и сосѣднихъ странъ: въ Брюсселѣ, Антверпенѣ и городахъ Венгрии и Чехии. Однажды проданныя въ руки содержателей публичныхъ и тайныхъ притоновъ, несчастныя жертвы становятся истинными невольниками,—имъ почти невозможно порвать связывающіе ихъ узы. Конечно, подобное рабство служить слишкомъ яснымъ доказательствомъ совершеннаго растлѣнія нравственныхъ силъ Германіи и клеймить ее такимъ позорнымъ пятномъ, передъ которымъ ничто торгъ невольниками, давно уничтоженный образованными націями.

Первое мѣсто на лѣстницѣ разврата занимаетъ Гамбургъ, растлѣвающий своимъ пагубнымъ вліяніемъ Шлезвигъ, Ганноверъ, Мекленбургъ, Лауенбургъ и всю сѣверную Германію, такъ-какъ онъ составляетъ центръ, куда стекается рабочій людъ. При народонаселеніи въ 215,000, въ Гамбургѣ 180 открытыхъ, славящихся своимъ блескомъ притоновъ проституціи, которые во всѣхъ не прусскихъ провинціяхъ состоятъ подъ покровительственнымъ надзоромъ правительства, тогда-какъ въ прусскихъ

городахъ они терпятся, какъ исключеніе. Спекуляція всячески поддерживаетъ распространеніе разврата. Конечно, одною изъ причинъ подобнаго печальнаго положенія служитъ громадное количество моряковъ, стекающихся со всѣхъ странъ. То-же самое явленіе, только въ меньшемъ размѣрѣ, представляютъ другіе портовые города сѣверной Германіи, а также и тѣ, гдѣ квартируютъ большія массы войскъ: Любекъ, Бременъ, Данцигъ, Мемель, Кенигсбергъ, Виль, Штетинъ; здѣсь записанныя въ полиціи проститутки составляютъ 10% всего женскаго населенія; Фленсбургъ, славящійся отдѣльной улицей, посвященной разврату, и домовладѣльцы которой не стыдятся называть себя въ адресной книгѣ содержателями притоновъ; Глюкштадтъ, гдѣ число дѣтубійствъ достигло страшныхъ размѣровъ—до 30 изъ 90 преступленій въ году, при 6,000 населенія. Во внутреннихъ городахъ прусскаго королевства и вновь присоединенныхъ къ нему провинцій проституція всего болѣе свирѣпствуетъ въ фабричныхъ и промышленныхъ центрахъ, гдѣ хозяева нисколько не заботятся о нравственности своихъ рабочихъ и законъ ихъ къ этому не обязываетъ, какъ въ Англии. Кромѣ того, скученность въ жилищахъ рабочаго класса способствуетъ усиленію разврата; часто въ одной небольшой комнатѣ помѣщаются до пяти и шести семействъ, проводящихъ ночи въ повалку, гдѣ кто попадетъ, безъ разбора родства и пола. Особенно дурной славой въ нравственномъ отношеніи пользуются Франкфуртъ, Лейцигъ, послѣ знаменитой ярмарки котораго во всей Германіи замѣтно увеличиваются заразительные недуги, Магдебургъ, Бреславль и Кельнъ. Магдебургъ служитъ главнымъ источникомъ, гдѣ развратные притоны Берлина и Гамбурга вербуютъ свой контингентъ; хотя въ немъ нѣтъ открытыхъ домовъ терпимости, но почти въ каждомъ домѣ находятся проститутки, номера или кофейни, гдѣ служанки открыто торгуютъ собою. Въ городѣ существуетъ нѣсколько коммерческихъ фирмъ, ведущихъ въ колоссальныхъ размѣрахъ торгъ живымъ товаромъ. Самымъ-же краснорѣчивымъ доказательствомъ, до какого нравственнаго упадка дошелъ Магдебургъ, служитъ тотъ фактъ, что при 90,000 жителей было въ 1868 году 76,000 случаевъ сифилиса. Бреславль не во многомъ отсталъ отъ Магдебурга и служитъ школою разврата для уроженковъ Силезіи, стекающихся туда, чтобы научиться реме-

слу служанокъ. Окончивъ позорное воспитаніе въ бреславльскихъ ресторанахъ и кофейныхъ, онѣ нанимаются служанками въ такія-же заведенія въ другихъ городахъ, распространяя такимъ образомъ сѣмена проституціи, причежъ часто ихъ побуждаютъ къ этому родители изъ корыстныхъ видовъ. То-же самое въ отношеніи прирейнской Пруссіи представляетъ Кельнъ, который отличается еще замѣчательно дурнымъ положеніемъ своихъ тюремъ, въ которыхъ развратъ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ. Еще одинъ фактъ заслуживаетъ вниманія въ отношеніи кельнской мужской тюрьмы; въ ней постоянно находится около 15 учителей или директоровъ школъ, приговоренныхъ за развращеніе своихъ учениковъ. Подобные факты встрѣчаются, однако, не въ одномъ Кельнѣ, а во многихъ городахъ Германіи, и служатъ достаточно яснымъ доказательствомъ, на какомъ низкомъ уровнѣ стоитъ тамъ общественная нравственность.

Представивъ, такимъ образомъ, картину „роковой язвы, подтачивающей германское общество“, составители петиціи указываютъ на ея причины, которыя сами собою уясняются изъ вышеприведенныхъ фактовъ и, безспорно, состоятъ въ бѣдномъ положеніи дѣвушекъ и ихъ семей, въ пособничествѣ высшихъ слоевъ общества—прямо изъ личныхъ видовъ и косвенно отъ равнодушія, въ недостаточности правительственныхъ мѣръ и наплывѣ въ города холостыхъ моряковъ и солдатъ. Въ этомъ отношеніи составители петиціи совершенно правы, но нельзя сказать того-же о предлагаемыхъ ими мѣрахъ къ уничтоженію разврата, именно: объ усиленіи полиціи, о строжайшемъ преслѣдованіи проституттокъ, для чего въ одномъ Берлинѣ необходимо устройство 50 новыхъ тюремъ, объ уничтоженіи домовъ терпимости и т. д. въ томъ-же духѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти мѣры, какъ доказалъ опытъ отчасти самого Берлина, непрактичны и бесполезны. Нельзя полицейскими мѣрами искоренить какое-бы то ни было общественное зло, тѣмъ болѣе зло, такъ глубоко вкоренившееся во всѣхъ слояхъ германскаго общества. Эту безспорную истину, повидимому, признаютъ и составители петиціи, предлагая между прочими сомнительными мѣрами одну основательную мѣру. „Проституція явная и тайная, говорится въ объяснительной запискѣ,—глохнетъ германскій народъ въ Берлинѣ, Франкфуртѣ, Кельнѣ и тысячѣ другихъ городовъ; развратъ до того общее

явленіе, женщины замужня и незамужнія дошли до такого нравственнаго униженія, что честный человѣкъ задумывается о бракѣ и серьезно спрашиваетъ себя, не составляетъ-ли жена, которую ему предлагаютъ, презрѣннаго остатка чужого распутства, не суждено-ли ему обезчестить свое брачное ложе комоу грязю? И послѣ этого правительство колеблется! Въ обществѣ свирѣпствуетъ страшная язва, а правительство отказываетъ ему въ средствахъ исцѣленія. Народъ гибнетъ отъ ядовитой заразы, а правительство хладнокровно говоритъ: „жаль, но что-же дѣлать, денегъ нѣтъ!“ Оно забываетъ, что народное здоровье дороже всего золота на свѣтѣ. Благодаря этому преступному нерадѣнію, молодыя дѣвушки безъ семействъ, безъ средствъ къ жизни, безъ работы, брошенныя на улицахъ большихъ городовъ, по-необходимости продаютъ себя изъ-за куска хлѣба; голодъ сильнѣе цѣломудрія, и несчастныя погибаютъ тысячами. А какъ легко было-бы устроить въ Берлинѣ и въ другихъ многолюдныхъ городахъ пріюты для женщинъ, неимѣющихъ временно работы, по примѣру Нью-Йорка, гдѣ городское управленіе отвело для этой цѣли особый кварталъ и устроило не только удобныя жилища, но залы для общественныхъ собраній, бібліотеки, аудиторіи для публичныхъ чтеній и т. д.“ *).

II.

Упадокъ нравственности въ Германіи, особенно въ Пруссіи, изображенный такими мрачными красками комитетомъ евангелической церкви наканунѣ войны съ Франціей, еще болѣе усилился, какъ и слѣдовало ожидать, послѣ кровавыхъ побѣдъ и ни-

*) Послѣ того, какъ эта статья была уже отдана въ печать, намъ удалось получить подлинную нѣмецкую брошюру, съ содержаніемъ которой мы познакомили читателей по переводу Леуэона Ледюка. Проверивъ переводъ съ подлинникомъ, мы убѣдились, что онъ вполне точный, добросовѣстный и почти подстрочный, причемъ въ немъ скорѣе ослаблены, чѣмъ усилены рѣзкія выраженія оригинала, прямо называющаго всѣ предметы ихъ именами. Такимъ образомъ послѣдняя тѣнь сомнѣнія насчетъ достовѣрности вышеприведенныхъ фактовъ окончательно исчезаетъ и мы съ полнымъ основаніемъ можемъ положиться на справедливость и остальныхъ свѣденій, собранныхъ Леуэономъ Ледюкомъ въ его любопытной книгѣ.

шардовъ контрибуціи. Современная Германія—не прежняя страна наивныхъ легендъ, романтическихъ балладъ, поэтическихъ мечтаній и семейныхъ добродѣтелей, не родина Клопштока и Уланды. Столица „страха Божьаго и нравственности“ получила прозвище „театральной парижы“ и на улицахъ ея не раздаются, какъ бывало, идиллическія студентскія пѣсни съ припѣвомъ: „Германія цѣломудренна“, а паритъ самый грубый развратъ. „Часть народонаселенія Берлина, живущая развратомъ, говоритъ „National Zeitung“, самый распространенный органъ офиціозной германской печати и яростнѣйшій врагъ „проклятаго, развратнаго Париза,“—считается тысячами, а лица, ее поддерживающія, конечно, гораздо многочисленнѣе. Само собою разувѣется, что у всей этой массы нѣтъ никакихъ понятій о правѣ и чести, почему она и составляетъ грозную опасность для общества. Чужестранцы, русскіе или испанцы, пріѣзжая въ Берлинъ для изученія хваленой прусской нравственности, прежде всего знакомятся съ безнравственностью Берлина, на самыхъ людныхъ улицахъ котораго ежедневно происходитъ валпургіева ночь. Тутъ въ полномъ разгарѣ самый безстыдный разгулъ, и современные блазебергскія вѣдьмы нахальной рѣчью, соблазнительными жестами, громкими криками и развратными тѣлодвиженіями открыто заявляютъ, что сцена всецѣло принадлежитъ имъ“. Къ этому другая офиціозная газета, „Boersen Zeitung“, никогда не называвшая Францію иначе, какъ націей парикмахеровъ и полусвѣта, прибавляетъ: „Дерзкое поведеніе проституткозъ и ихъ покровителей, а также грабежъ вооруженной рукой на улицахъ Берлина, о чемъ въ послѣднее время столь много говорили, ясно доказываютъ, что жизнь въ Берлинѣ менѣе безопасна, чѣмъ во всѣхъ другихъ столицахъ. Въ самыхъ мрачныхъ трущобахъ Лондона безпомощные прохожіе не подвергаются такимъ непріятностямъ, какъ берлинцы на великолѣпной улицѣ Фридриха. Каждый вечеръ, съ девяти часовъ, проститутки группами отъ шести до восьми останавливаютъ прохожихъ и въ случаѣ отказа воспользоваться ихъ соблазнительными предложеніями мирные жители подвергаются всевозможнымъ оскорбленіямъ и даже насилію со стороны „Луисовъ“, эксплуатирующихъ этихъ несчастныхъ созданій. И все это дѣлается въ виду полиціи, которая не смѣетъ поднять руки“. Другія нѣмецкія газеты точно также распространяются о распущенности общественныхъ нравовъ

въ Берлинѣ, о господствѣ проститутковъ, доходящемъ до того, что честныя женщины бояся выходить на улицы, и объ явномъ пособничествѣ полиціи, плохо вознаграждаемые агенты которой смотрятъ на все сквозь пальцы за незначительную благодарность деньгами или натурой. „Я часто видѣлъ, рассказываетъ Тиссо, — какъ „Дунсъ“, помѣстивъ свой товаръ, суетъ серебряную монету въ руку полицейскаго, нарочно отворачивающагося отъ позорнаго зрѣлища продажи молодой, пятнадцати или шестнадцати-лѣтней дѣвушки безобразному, старому Пріапу“. Относительно безопасности и беспомощности полиціи „Аугсбургская Газета“ замѣчаетъ: „Необходимо удвоить число, а главное — содержаніе берлинской полиціи; пока ея агенты получаютъ такую дурную плату, неудивительно, что они дурно исполняютъ свои обязанности и, поддаваясь соблазну благодарнаго пожатія руки, закрываютъ глаза на всѣ безпорядки и разгулъ полусвѣта“. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ неудивительно, что Жюль Кларети писалъ изъ Берлина въ 1872 году: „Я подробно, на мѣстѣ изучилъ этихъ пуританъ, набѣжавшихъ на Парижъ съ цѣлю стереть съ лица земли новый Содомъ. Я видѣлъ во-очію сѣверный Парижъ, какъ его нѣкогда называли, и по-истинѣ не стоило пруссакамъ такъ громить нашу безнравственность. У насъ много пороковъ, и большихъ, но скажу прямо, не боясь возраженій, что Берлинъ перещеголялъ Парижъ въ отношеніи разврата, который въ этихъ *Афинахъ на Шпрѣ* грубъ, тупъ, уродливъ и отвратителенъ, тяжелъ, какъ кирасирскіе ботфорты, и веселъ, какъ барабанный бой. Парижскія труппы, пользующіяся самой дурной славой, кажутся приличными и скромными въ сравненіи съ берлинскими танцъ-классами, въ которыхъ не пляшетъ веселье, а ломается разнузданный разгулъ. Въ одномъ изъ подобныхъ учрежденій, въ Орфеумѣ, веселится весь Берлинъ, если это можно назвать весельемъ. Соотвѣтствуя парижскому Мабилу, Орфеумъ гораздо богаче и блестяще, залы украшены мраморными колонами и громадными зеркалами, сады съ фонтанами феерически иллюминированы, на стѣнахъ красуются такія нескромныя фрески, что помпейская обнаженная живопись кажется въ сравненіи съ ними цѣломудренной, а рядомъ видѣются портреты Бисмарка и Мольтке. Въ этой роскошной обстановкѣ берлинскіе прикащики въ уродливо-модныхъ костюмахъ танцуютъ такъ-называемыя бѣшенныя кадрили съ полу-

обнаженных проститутками, которымъ нечего завидовать своимъ парижскимъ соперницамъ въ болѣзненной распущенности. И на все это спокойно смотрятъ, попивая шампанское, люди серьезные, положительные, занятые“.

Отличительной чертой берлинской проституціи служить, какъ справедливо замѣтилъ комитетъ евангелической церкви, вѣность несчастныхъ созданій, торгующихъ своимъ тѣломъ. Въ этомъ отношеніи Тиссо приводитъ любопытный разговоръ съ полицейскимъ комиссаромъ въ Виллѣ Коллонѣ — другомъ, не менѣ блестящемъ танцъ-классѣ Берлина. На замѣчаніе Тиссо, что всѣ проститутки хорошенькія и молоденькія, полицейскій агентъ отвѣчалъ: „Это неудивительно; тутъ нѣтъ дѣвушки старше двадцати лѣтъ. Въ нашей великой столицѣ жизнь скороспѣшна. Здѣсь не увидите старыхъ, набѣленныхъ лоретокъ, окруженныхъ поклонниками, какъ въ Парижѣ. Въ тридцать лѣтъ проститутки у насъ выходятъ замужъ или перестаютъ вести безпорядочную жизнь. Многія изъ нихъ предаются разврату съ нравственной мыслью—выработать себѣ приданое. Германскія женщины не отличаются чувствомъ нравственной стыдливости *) и не вполне сознаютъ свою порочность. Онѣ наивно развратны, благодаря, вѣроятно, своему темпераменту, системѣ воспитанія и недостатку религіозныхъ принциповъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣденіямъ, въ полицейскіе списки внесено 2,223 **) проститутки; изъ нихъ 2,070 протестантскаго исповѣданія, 121 ка-

*) Дѣйствительно, въ Берлинѣ женская стыдливость имѣетъ совершенно особый, странный видъ. Кларети рассказываетъ, что однажды онъ зашелъ въ магазинъ Подъ-Липами, гдѣ продаютъ мунштуки и трубки изъ пеньки и слоновой кости съ соблазнительными изображеніями. За конторкой сидѣла красивая, молодая женщина, почтенная мать семейства, въ роскошномъ шелковомъ платьѣ, и на вопросъ, есть-ли у нея означенный товаръ, отвѣчала: „Вы можете посмотреть эти вещи, но я не могу вамъ ихъ показать“. Съ этими словами она подала ящикъ и отвернулась, но прекрасно знала цѣну cadaго предмета. „Эта черта, прибавляетъ Кларети,—меня страшно поразила; она говоритъ краснорѣчивѣе многихъ томовъ о добродѣтели Гретхен“.

**) Мы видѣли, что въ 1867 г. число проституткозъ было 1,450, а въ 1871 г., по Ежегоднику берлинскаго статистическаго бюро (Berlin und seine Entwicklung; Städtisches Jahrbuch für Volkswirtschaft und Statistik. Sechster Jahrgang, Berlin, 1872), оно достигло 1,670. Въ эти послѣдніе годы, повидимому, увеличеніе числа официальныхъ проституткозъ шло не очень быстро въ сравненіи съ эпохой, слѣдовавшей за побѣдой при Садовой, когда въ одинъ 1867 годъ эта цифра возрасла съ 995 до 1,450.

толическаго и 32 еврейскаго. Въ этомъ числѣ 141, отъ 14—24 лѣтъ, живутъ съ родителями; 423 имѣютъ собственныя квартиры; 794 обитаютъ въ меблированныхъ комнатахъ; 743 ночуютъ въ номерахъ и 122 не имѣютъ никакого пристанища. Относительно происхожденія 1,015 принадлежатъ къ ремесленному классу; 427 къ рабочему, 405 къ чиновничьему, 222 къ торговому, 87 къ сельскому и 27 къ военному. Всего-же въ Берлинѣ женщинъ, живущихъ развратомъ, болѣе 25,000“. Роскошь туалетовъ поразила Тиссо и онъ спросилъ, неужели ремесло проститутковъ такъ выгодно въ Берлинѣ, что онѣ могутъ позволять себѣ блестящіе костюмы, брилліанты, жемчугъ и т. п.

„Нѣтъ, отвѣчалъ полицейскій агентъ,—Берлинъ не такое значное мѣсто, какъ Парижъ. Вы видѣли на лѣстницѣ старухъ вѣдьмъ; всѣ эти шелковыя платья, атласныя ботинки, ажурныя чулки, золотыя браслеты, жемчуга и т. д.—ихъ собственность. Онѣ отдають цѣлый костюмъ въ наемъ на день до слѣдующихъ 12 часовъ и являются сюда для надзора за своими клиентками. Подобныхъ торговыхъ въ Берлинѣ около 30 и онѣ получаютъ самый большой доходъ изъ всѣхъ лицъ, эксплуатирующихъ развратъ“.

Такимъ образомъ, картина берлинской проституціи, набросанная въ 1869 году протестомъ 15,000 германскихъ гражданъ, остается вѣрной до сихъ поръ, только краски ея становятся съ каждымъ днемъ все гуще и мрачнѣе. При этомъ, какъ всегда, рука объ руку съ развратомъ усиливается въ „столицѣ цивилизаціи“ и число преступленій. Воровство и грабежъ вооруженной силой до того свирѣпствуютъ на улицахъ Берлина, что на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ выставлены громадныя надписи: „Берегитесь воровъ“, и каждый день въ газетахъ описываются случаи, какъ извозчики грабятъ чужестранцевъ, а цѣлыя шайки воровъ нападаютъ открыто на экипажи на самыхъ людныхъ улицахъ. Точно также и убійства совершаются нерѣдко въ лучшихъ кварталахъ города, подъ самымъ носомъ полиціи. Вообще нѣтъ столицы въ свѣтѣ, въ которой совершалось-бы столько преступленій и проступковъ, сравнительно съ числомъ народонаселенія, которое дѣйствительно растетъ съ немовѣрной, почти американской быстротой; такъ въ 1817 году въ Берлинѣ было 188,000 жителей, въ 1831 г.—230,000; въ 1867 г.—802,000;

по переписи 31 декабря 1871 г.—828,015, а въ началѣ нынѣшняго года уже 850,000. При этомъ, точно также, какъ относительно разврата, процентъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ чрезвычайно великъ: втеченіи первыхъ девяти мѣсяцевъ 1874 г. 390 дѣтѣй, недостигшихъ 14 лѣтъ, подвергнуты тюремному заключенію за кражу и пр. Количество самоубійствъ увеличивается очень быстро и въ 1871 г. достигло цифры 188, въ томъ числѣ было не мало случаевъ самоубійствъ въ тюрьмахъ и въ арміи *).

Главнѣйшія причины этого печальнаго положенія вещей въ Берлинѣ, безспорно, нищета низшихъ классовъ и общее разслабленіе нравовъ въ новой Германіи, только однимъ изъ видовъ котораго является проституція. „Ни въ одномъ городѣ, кромя Лондона, говоритъ Тиссо, — я не видалъ такой нищеты, какъ въ Берлинѣ. Она покрываетъ весь городъ громадной язвою и даже Подъ-Липами изъ десяти прохожихъ вы насчитаете пять въ лохмотьяхъ, а лѣтомъ Тиргартенъ служитъ караванъ-сараямъ всего бродячаго населенія, привлекаемаго развратомъ и наживою въ столицу миллиардовъ. Со времени французской войны этотъ наплывъ внутренней германской эмиграціи достигаетъ до 133,693 душъ (въ томъ числѣ 20,000 незамужнихъ женщинъ и 5,400 разводныхъ женъ); за недостаткомъ помѣщеній въ

*) Въ „Comptier de France“ 3 іюня 1872 года помѣщенъ замѣчательный трудъ Шарля Деланпорта о сравнительной уголовной статистикѣ Пруссіи и Франціи за 1865—69 гг. Изъ представленныхъ имъ цифръ видно, что преступленій противъ лицъ совершается во Франціи болѣе, чѣмъ въ Пруссіи, за исключеніемъ преступленій противъ нравственности и увѣчій, а преступленій противъ собственности гораздо менѣе. Разсчитывая на одинъ миліонъ жителей, приходится:

	Пруссія.	Франція.
Проступки противъ нравственности	38,8	22,3
Насилія и увѣчья.	12,0	5,3
Подлогъ.	81,8	7,2
Воровство со взломомъ и грабежъ.	211,8	30,2
Поджоги.	19,0	5,3
Преступленія противъ должности :	11,8	00,2

Привода эти цифры, основанныя на официальныхъ данныхъ, Деланпортъ замѣчаетъ: „На чемъ-же основаны всѣ оскорбленія и брань, расточаемыя Франціи прусскою печатью? Заслуживаетъ-ли Франція укора въ радикальной, абсолютной деморализаціи, который постоянно бросаютъ ей въ лицо нѣмцы, рискуя этимъ даже уменьшить славу своихъ побѣдъ? Имѣетъ-ли право Пруссія геройски драпироваться въ свою добродѣтель и надменно провозглашать себя привилегированной расой, предназначенной совершить великое дѣло возрожденія современнаго міра?“

1872 г. возникъ рядомъ съ Берлиномъ новый, странный, фантастическій городъ изъ шалашей, получившій названіе *Баракки*; но глава берлинской полиціи Мадай уничтожилъ эти временныя жилища, думая положить конецъ нищетѣ“. Однако въ результатѣ получилось только увеличеніе числа преступленій и при чрезвычайномъ сгущеніи населенія въ бѣдныхъ кварталахъ распространились въ ужасной степени тифы и другія болѣзни, такъ-что смертность въ Берлиѣ достигла въ прошломъ году до 57 съ 1,000, чего не встрѣчается ни въ одномъ европейскомъ городѣ. Относительно-же бѣдности въ Германіи приведемъ слова Либкнехта, депутата въ германскомъ сеймѣ и редактора лейпцигской газеты „Volkstaat“: „Германскій народъ видитъ теперь съ глубокой горечью, какъ мало принесли ему пользы громадныя пожертвованія и какъ его положеніе не только не улучшилось, но стало еще хуже. Жизнь сдѣлалась вдвое дороже, а заработная плата соотвѣтственно не увеличилась. Присоединеніе Эльзаса разорило промышленность Саксоніи. Всѣ бумагопрядильни и полотняныя фабрики тамъ закрыты отъ недостатка работы или наканунѣ банкротства. Мюльгаузенъ наводняетъ насъ своими произведеніями, которыя предпочитаются публикой по дешевизнѣ и изяществу. 75% саксонскаго населенія не имѣютъ ста талеровъ годового содержанія. Цѣлыя семейства въ пять и шесть душъ должны существовать на одинъ талеръ въ недѣлю. Вотъ плоды войны и завоеваній, вотъ результатъ миллиардовъ контрибуціи. Неудивительно, что ежемѣсячно изъ Гамбурга отправляется отъ 10,000 до 15,000 германскихъ гражданъ за границу. Я знаю одного молодого унтеръ-офицера, который до войны былъ фанатичнымъ пруссакомъ. Онъ возвратился изъ похода безъ руки и долженъ существовать пенсіей въ 20 талеровъ. Спросите его теперь, что онъ думаетъ о Пруссіи и о войнѣ. А весь германскій народъ находится въ такомъ положеніи. Онъ заботится не объ единствѣ имперіи или о величіи отечества, а о личныхъ интересахъ. Горе Бисмарку, если онъ подвергнетъ страну новому налогу крови“. Но, повидимому, германское правительство не раздѣляетъ мнѣнія Либкнехта и хотя вполне сознаетъ критическое положеніе торговли и промышленности въ Германіи, но упорно возвышаетъ налоги и увеличиваетъ военный бюджетъ. Замѣчательно, что многіе находятъ нужнымъ не увеличить заработную плату, а уменьшить ее. „Необходимо, чтобъ Германія произво-

дила дешевле свои товары, если она не хочет быть данницей иностранных государств *)), говорятъ они. — Поэтому намъ слѣдуетъ быть экономнѣе и трудолюбивѣе, но прежде всего надо разрѣшить вопросъ о заработной платѣ. Мы будемъ требовать большаго труда отъ рабочихъ, а станемъ платить имъ меньше“.

Если мы теперь перейдемъ отъ спеціальнаго вопроса о протесту къ всеобнимающему вопросу объ общемъ развращеніи нравовъ въ Германіи со времени Садовой и Седана, то увидимъ, что тысячи фактовъ подтверждаютъ этотъ печальный, но естественный результатъ политики „насилія, господствующаго надъ правомъ“. „Совершенно новое зло, говоритъ знаменитый романистъ Густавъ Фрейтагъ, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ анти-прусскихъ стремленіяхъ, — разлилось надъ нашими головами послѣ блестящихъ побѣдъ и повсюду поколебало нашу честность и нравственность, особенно-же въ столицѣ. Чудовищная жажда корысти, страсть къ обогащенію безъ труда овладѣли всѣми классами общества. Множество людей разныхъ общественныхъ положеній винулись въ биржевую игру и спекуляціи; многіе злоупотребляютъ преимуществами своего привилегированнаго положенія. При дворѣ, въ средѣ землевладѣльческой аристократіи, арміи и высшей администраціи иногда раздается вопросъ: кто-же безукоризненъ, кто можетъ похвалиться честностью? Зло быстро увеличивается и принимаетъ громадныя размѣры. Даже люди, неизбѣжнѣе ни въ чемъ себя упрекнуть, приходятъ въ ужасъ отъ колеблющейся вокругъ почвы, отъ исчезновенія въ большинствѣ честности и нравственности. Это общее развращеніе, плодъ нашего величія, заставляетъ сомнѣваться въ будущемъ, которое готовятъ столь испорченные и глубоко развращенные люди“. Еще ранѣе этого пламеннаго протеста берлинскій корреспондентъ одной изъ готенбургскихъ газетъ писалъ въ концѣ декабря 1871 г.: „Горячка ажіотажа приняла въ Берлинѣ неслыханныя размѣры; искатели приключеній и спекуляторы школы Струсберга, провалившіеся въ Вѣнѣ, нахлынули сюда. Все здѣсь пушено на ав-

*) По свѣденіямъ, приводимымъ Тиссо, въ 1872 г. ввозъ иностранныхъ товаровъ былъ на сумму 1,087,400,000 талеровъ, а вывозъ германскихъ товаровъ на 773,500,000; въ 1873 г. ввозъ на 1,251,000,000, а вывозъ на 767,200,000. Такимъ образомъ въ два года Германія заплатила иностраннымъ государствамъ 797,700,000 талеровъ.

ціи и не останавливаются ни передъ какими средствами, чтобы распространять подписку; каждый день учреждаются новыя двѣ или три компаніи, съ капиталомъ отъ 100,000 талеровъ до нѣсколькихъ миліоновъ. Законы обходятъ и избѣгаютъ правительственнаго контроля; а когда всѣ акціи подписаны, то учредители продаютъ свои пан и исчезаютъ съ деньгами до новаго подобнаго-же предпріятія“. Участіе официальныхъ лицъ въ подобномъ „шантажѣ“ вполне доказано отчетомъ знаменитой слѣдственной комисіи, разбиравшей дѣла 23 компаній желѣзныхъ дорогъ, которая прямо указала, „что концесіи давались самымъ произвольнымъ образомъ, внѣ всякихъ опредѣленныхъ правилъ, что акціи постоянно выпускались ниже номинальной цѣны вопреки закону, что повсюду распространилось убѣжденіе въ покровительствѣ, которое оказывало правительство нарушителямъ законовъ, что подѣ уставами компаній выставлялись фиктивные имена, пользовавшіяся извѣстностью, для обмана публики и правительства, что постройка желѣзныхъ дорогъ велась самымъ неправильнымъ образомъ, завися вполне отъ биржевыхъ колебаній, и что, наконецъ, истинные хозяева компаній, директора и члены правленій, не имѣли на практикѣ никакой власти, которая по тайнымъ договорамъ и вопреки законамъ переходила въ руки ярыхъ спекуляторовъ“. Въ числѣ желѣзно-дорожныхъ компаній, надъ которыми производилось это слѣдствіе, находилось и извѣстное общество *центрально-померанской линіи*, концесіонеръ которой, Вагнеръ, членъ германскаго сейма, былъ публично опозоренъ въ парламентѣ Ласкеромъ, раскрывшимъ въ своей знаменитой рѣчи всѣ его злоупотребленія. „Низкое корыстолюбіе и подлунность, сказалъ между прочимъ Ласкеръ, — отличавшія прежде чернь, теперь замѣчаются и въ высшихъ классахъ. Авторитетъ правительства не служитъ болѣе гарантіей и повсюду царятъ безпорядокъ, произволъ и полное отсутствіе всякихъ принциповъ. Деморализація проникла въ нашу среду и наше имя опозорено въ глазахъ иностранныхъ государствъ. Намъ грозитъ страшная катастрофа, такъ-какъ во внутреннихъ дѣлахъ государства строгія требованія нравственности не могутъ быть отложены въ сторону и одинъ матеріальный успѣхъ не можетъ обезпечить существованія государства“. Но горячка ажіотажа была такъ распространена, что даже сторонники Ласкера, такъ пламенно воз-

стававшаго противъ этого зла, сами принимали участіе, и не малое, въ подобныхъ предпріятіяхъ. Самъ предсѣдатель прусской палаты депутатовъ, Бенингсенъ, подвергся рѣзкимъ нападкамъ за финансовыя спекуляціи, и, какъ извѣстно, въ томъ же обвиняли бывшаго германскаго посла въ Парижѣ, графа Арнина. По статистическимъ даннымъ видно, что въ 1871 г. 18 правительственныхъ чиновниковъ были подвергнуты тюремному заключенію за растрату казенныхъ денегъ, злоупотребленія въ пользу частныхъ предпріятій и т. д. Знаменитый банкиръ Гостропъ былъ спасенъ въ первый разъ отъ разоренія императоромъ, который приказалъ выдать ему изъ банка три миліона *). Представители арміи также подверглись общей эпидеміи и громадное впечатлѣніе произвелъ подлогъ подписи герцога Саксен-Менингенскаго, сдѣланный въ 1873 г. его адъютантомъ, генераломъ Энгелемъ, который, обидѣвшись, что его обошли пенсіономъ послѣ французской войны, выручилъ этимъ преступнымъ путемъ 300,000 талеровъ. Неудивительно, что послѣ всѣхъ этихъ фактовъ „Koelnische Volkszeitung“ энергически восклицала недавно: „Свобода разврата въ Германіи имѣла послѣдствіемъ увеличеніе общественныхъ бѣдствій... Быть можетъ, въ императорской Франціи не было такого упадка общественной жизни, какъ въ Германіи въ первые три года имперіи, и люди, сначала гордившіеся національнымъ величіемъ, теперь приходятъ въ ужасъ отъ своихъ собственныхъ дѣлъ“ **).

*) Для уничтоженія конкуренціи государственной лотереи съ рулетками, по словамъ Леузона Ледюка, закрыты во всей Германіи игорные дома; но общественная нравственность, служившая предлогомъ этой правительственной жѣри, ничего не выиграла, а, напротивъ, открыты блестящіе курзалы Бадена, Гомбурга, Эмса и пр. замѣнились тайными притонами, которые, при явномъ пособничествѣ полиціи, имѣютъ еще болѣе пагубное вліяніе.

**) Горячка азіотажа, порожденная пятью миліардами, полученными отъ Франціи, по словамъ «Vossische Zeitung», вообще поддерживающей политику Бисмарка, ведетъ Германію по прямому пути къ нравственному разложенію и всеобщему разоренію. Дѣйствительно, изъ офіціальнаго отчета директора прусскаго банка 1-го января 1872 г. видно, что спекуляторы втеченіи двухъ лѣтъ исторгли нѣсколько миліоновъ талеровъ у довѣрчивой публики, преимущественно у честнаго, работающаго средняго класса. Этотъ тяжелый урокъ, однако, какъ справедливо замѣчаетъ „Volkszeitung“, „научить германскій народъ, что только трудъ увеличиваетъ частное и національное богатство и что миліарды, случайно пойманные въ сѣти, только поощряютъ праздность, пороки, безчестность и безнравственность, возбуждаютъ искусственныя потребности и ведутъ страну къ вѣрной гибели“.

III.

Самымъ рѣзкимъ и безспорнымъ доказательствомъ упадка общественной нравственности въ Пруссіи служитъ болѣе чѣмъ печальное положеніе печати въ этой странѣ, ведущей, по хвастливому выраженію Бисмарка, „борьбу за цивилизацію“ (Kulturkampf). „Растлѣніе печати, говорила въ началѣ нынѣшняго года кельнская либеральная газета „Volkszeitung“, — достигло въ послѣднее время такихъ чудовищныхъ размѣровъ въ Пруссіи, какіе невѣдомы въ другихъ странахъ. Подкупъ печатнаго слова возведенъ въ систему. По крайней мѣрѣ $\frac{5}{6}$ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ германской имперіи, находятся на откупѣ. Чтобъ положить конецъ этому, по словамъ даже *Национальной Газеты*, нѣтъ другого средства, какъ уничтоженіе офиціальныхъ органовъ, которые вводятъ въ обманъ общественное мнѣніе, развращаютъ общественные нравы и готовятъ самому канцлеру въ будущемъ болѣе затрудненій, чѣмъ доставляютъ ему пользы въ настоящемъ. Однако, не одна офиціозная пресса должна нести на себѣ отвѣтственность за нравственный упадокъ германской журналистики; въ этомъ виновна столько-же, если еще не болѣе, такъ-называемая либеральная печать. Подобно тому, какъ въ Австріи самыя вліятельныя „либеральныя“ органы отдали себя въ распоряженіе крупныхъ капиталистовъ, въ Берлинѣ, по свидѣтельству *Аугсбургской Газеты*, биржевыя органы печати растутъ какъ грибы на унавоженной почвѣ и между старыми газетами едва существуютъ двѣ или три вполне независимыя и неподдерживающія никакихъ сношеній съ какими-либо банкирами или промышленными компаніями. Главнѣйшія либеральныя газеты провинціальныхъ центровъ имперіи, Кенигсберга, Бреслава, Гановера и пр., перешли въ руки финансовыхъ тузовъ. „Намъ нечего бояться, говорилъ недавно одинъ банкиръ своимъ товарищамъ, которые опасались за отчетъ по какой-то финансовой операціи: — пресса намъ принадлежитъ“. Такъ-же самоувѣренно выразился одинъ изъ государственныхъ людей Пруссіи: „Намъ не страшно общественное мнѣніе: мы его сами составляемъ“. Еще рѣзче выражается о современной германской печати извѣстный романистъ и сотрудникъ австрійскихъ журналовъ Сахеръ-Мазошъ

въ недавно появившемся любопытномъ сочиненіи „О значеніи критики“. „Издатель газеты, вступивъ въ выгодныя сношенія съ какии-нибудь финансистомъ, не довольствуется тѣмъ, что отдаетъ въ полное распоряженіе своего патрона финансовый отдѣлъ газеты, но если капиталистъ, какъ часто случается, протежируетъ красивой, но не талантливой актрисѣ, то приказываетъ театральнымъ критикамъ хвалить безъ устали эту актрису, дозволяя имъ расточать эпитеты только тѣмъ артистамъ, которые не находятъ ни подъ чьимъ покровительствомъ. Всякій издатель, печатающій въ газетахъ за извѣстную плату постоянный каталогъ своихъ книгъ, можетъ быть увѣренъ, что въ критическомъ отдѣлѣ будутъ расточаемы похвалы всѣмъ авторамъ, произведенія которыхъ онъ издаетъ, и, обратно, всѣ книги, объявленія о которыхъ не печатаются въ данной газетѣ, критикуются ею самымъ жестокимъ образомъ. Основной принципъ газетнаго и критическаго ремесла въ Германіи состоитъ въ томъ, чтобъ признавать достоинство только тамъ, гдѣ это приноситъ денежную выгоду“.

Но всего подробнѣе знакомить насъ съ современнымъ положеніемъ германской печати лейпцигскій профессоръ Вутке въ недавно вышедшемъ второмъ томѣ его любопытной книги: *Нѣмецкія газеты и образованіе общественнаго мнѣнія* *). Приводимые имъ факты до того поразительны, что кажутся невѣроятными въ наше время; но, несмотря на злобныя выходки нѣмецкихъ газетъ противъ такого откровеннаго разоблаченія всѣхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ въ отечествѣ Гутенберга, никто не отвѣчалъ на гордый вызовъ, брошенный профессоромъ Вутке въ его предисловіи. „Пусть меня опровергаютъ, говоритъ онъ, — пусть докажутъ, что я лгу, пусть уничтожатъ всѣ приводимые мною факты, а шипятъ только пресмыкающіяся“. Такимъ образомъ приходится вѣрить, что въ нравственной Германіи журналисты торгуютъ убѣжденіями, продавая свое перо тому, кто больше дастъ, и подвергаютъ критику только тѣхъ, которые гордо отказываются платить подобный насильственный налогъ; что редакторы не печатаютъ никакихъ свѣденій безъ денежнаго

*) Die deutschen Zeitschriften und die Entstehung der öffentlichen Meinung, ein Beitrag zur Geschichte des Zeitungswesens von Heinrich Wuttke, Leipzig, 1875.

приложенія, а издатели посылаютъ часто торговцамъ и промышленникамъ, забывшимъ отрекомендовать какъ слѣдуетъ свои предприятия, формальныя предостереженія: „М. г., мы не понимаемъ, какъ ваше объявленіе не поступило въ нашу газету; мы его ждемъ; благоволите какъ можно скорѣе привести это дѣло въ порядокъ“. Въ виду безспорныхъ данныхъ, собранныхъ профессоромъ Вутке, невозможно сомнѣваться въ томъ, что редакторъ одной большой газеты, уѣзжая въ путешествіе, сказалъ своему помощнику: „Не печатайте ни одного слова, которое не было-бы оплачено“; а другой редакторъ публично выразился: „Мы, журналисты, — куртизанки; кто желаетъ пользоваться нашими милостями, долженъ за нихъ платить“. Наконецъ самъ Вутке спросилъ однажды знакомаго журналиста, хвалившагося, что онъ откладываетъ на черный день всѣ деньги, получаемыя за свои статьи, чѣмъ онъ въ такомъ случаѣ существуетъ съ многочисленнымъ семействомъ, и получилъ въ отвѣтъ: „Чортъ возьми! да благодарностями отъ тѣхъ лицъ, о которыхъ я пишу“. Подобный-же отвѣренный редакторъ на жалобу негодянта, что съ него взяли слишкомъ дорого за рекламу, глубокомысленно замѣтилъ: „Что-же дѣлать? Редакція — лавка, въ которой продается гласность“. На основаніи этого принципа нѣмецкая и преимущественно берлинская журналистика взимаетъ насильственную дань со всѣхъ, нуждающихся въ санкціи общественнаго мнѣнія. Самыми смиренными овцами въ многочисленномъ стадѣ, которое безжалостно стригутъ журналисты, представляются актеры, вполне зависящіе отъ театральныхъ фельетонистовъ. Даже такія звѣзды, какъ Дависонъ и Лукка, должны были богатыми приношеніями сдерживать страшныхъ черберовъ, грозившихъ ихъ поглотить. Тѣ многіе актеры, а главное актрисы, которые рѣшаются отказать въ платежѣ установленной дани, жестоко въ этомъ раскаяваются; счастливы они, когда журналисты только затрогиваютъ ихъ артистическую дѣятельность или, начавъ какой-нибудь компрометирующій ихъ честь разговоръ, откладываютъ его окончаніе до слѣдующаго номера. По словамъ Вутке, часто актрисы платятъ до 300 флориновъ, чтобы только это общанное окончаніе не появлялось въ свѣтъ. Подобныя подвиги входятъ преимущественно въ область мелкой прессы, прозванной въ Германіи *прессой револьвера*, потому-что ея органы требуютъ отъ своихъ жертвъ,

какъ разбойники на большихъ дорогахъ, кошелекъ или жизнь. Въ этомъ отношеніи особенно отличаются: „Tribune“, „Tagblatt“ и „Montags-Zeitung“, живущія полицейскими процессами, скандалами, хрониками полусвѣта и пр.

Официозная печать получаетъ внушенія отъ извѣстнаго бюро прессы. Это новое учрежденіе, несуществующее въ такой совершенной формѣ ни въ какой другой странѣ, создано въ Берлинѣ въ 1849 г., при министрѣ Мантейфелѣ, для поддержанія тайныхъ плановъ Пруссіи, и въ то время небольшая армія доктора Рино Квеля, перваго организатора этой могущественной силы, отстаивала въ печати интересы Пруссіи за скромную плату отъ 15 до 20 талеровъ въ мѣсяць. Съ 1851 г. Квель сталъ быстро распространять свой товаръ по всей Германіи, предлагая секретными циркулярами сообщать даромъ издателямъ политическія новости, такъ-какъ, по его словамъ, онъ имѣлъ руку въ министерствѣ. Многія нѣмецкія газеты сначала совершенно наивно попались въ сѣти, не подозревая официального происхожденія получаемыхъ ими свѣдѣній, роковое значеніе которыхъ обнаружилось только въ 1866 и 1870 гг. Несмотря на то, что докторъ Квель располагалъ только суммою не болѣе 100,000 талеровъ, онъ съумѣлъ поставить свою фабрику на твердую ногу и завести агентства во Франкфуртѣ, Лондонѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Но только съ 1866 г. центральный комитетъ печати получилъ свое теперешнее развитіе, благодаря тому, что на его поддержку ассигнованъ особый фондъ изъ секвестрованныхъ владѣній короля ганноверскаго и курфирста гессенскаго. Этотъ фондъ, приносящій до 700,000 талеровъ годового дохода, получилъ названіе „Reptilienfond“, фонда пресмыкающихся, потому что онъ долженъ былъ, какъ объясняли одни, поддерживать борьбу противъ пресмыкающихся, составлявшихъ заговоры съ преступною цѣлью. Послѣ такого увеличенія средствъ комитета онъ былъ совершенно преобразованъ и изъ рукъ доктора Квеля перешелъ въ лицаѣ, до настоящаго времени распоряжающимся его дѣлами. Первый изъ нихъ, Эгиди, завѣдуетъ иностраннымъ отдѣленіемъ, т. е. сношеніями съ газетами, издающимися въ чужихъ странахъ, а второй, Ганъ, внутреннимъ отдѣленіемъ, т. е. сношеніями съ германскими газетами. Ихъ дѣятельность по-истинѣ изумительна. Вездѣ они имѣютъ агентовъ и ихъ органы безчисленны. Мало такихъ нѣмецкихъ газетъ, которыя не принимаютъ статей изъ коми-

тета печати; даже тѣ редакціи, которыя сначала отказывались принимать эти готовныя, даровыя корреспонденціи, кончали тѣмъ, что поддавались соблазну. Одна брауншвейгская газета жаловалась въ 1873 г. на то, что комитетъ приводилъ ее въ отчаяніе громаднымъ количествомъ статей, присылаемыхъ прямо и косвенно. Большая часть этихъ статей составляетъ очень хитро и осторожно, примѣняясь къ духу данной газеты, такъ что официальные авторы являются то свободными мыслителями, то піэтистами, то національными либералами, то прогресистами. Особенно дѣятельно дѣйствовалъ комитетъ во вновь присоединенныхъ провинціяхъ имперіи и въ южной Германіи, гдѣ оппозиція упорно отстаивала свои права. Если гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ Штутгартѣ или во Франкфуртѣ, существовала газета, вліянія которой опасалось правительство, тотчасъ создавался новый органъ, причемъ не жалѣли ни денегъ, ни усилій для его распространенія. Если въ другихъ городахъ какая-нибудь газета находилась въ затруднительномъ положеніи, ей предлагали субсидію. Наконецъ, отъ менѣе податливыхъ редакцій просили только помѣщать официальные сообщенія, предоставляя имъ полную свободу критики. „Я прошу только, сказалъ однажды Висмаркъ, — чтобы политическія газеты оставляли достаточно мѣста для сообщеній, которыя я буду имъ присылать изъ Берлина; остальные столбцы онѣ могутъ наполнять, чѣмъ угодно“ *). Собственно въ центральномъ комитетѣ издается только одна еженедѣльная газета,

*) Одинъ изъ агентовъ комитета, докторъ Робольскій, предложилъ въ 1873 г. печатать въ Берлинѣ газету бланковую, т. е. безъ заглавія и послѣдней страницы, и въ такомъ видѣ отправлять тысячи экземпляровъ въ мелкія провинціальныя города, гдѣ въ мѣстныхъ типографіяхъ выставлялись-бы заглавія и наполнялись послѣднія страницы объявленіями; этотъ искусный планъ былъ приведенъ въ исполненіе, но встрѣтилъ столько практическихъ затрудненій, что скоро былъ оставленъ и относительно провинціальныхъ газетъ комитетъ держится прежней системы, т. е. тѣмъ газетамъ, которыя недостаточно важны для содержанія особыхъ корреспондентовъ въ Берлинѣ, посылаются даровыя статьи и телеграммы. Кроме того, провинціальнымъ редакторамъ выдаются даровые билеты на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ что они еженедѣльно могутъ лично явиться за приканіями въ комитетъ. Вообще комитетъ не жалѣетъ средствъ для своей пропаганды; такъ мюнхенская газета „Süddeutsche Presse“ куплена за 24,000 талеровъ и, кроме того, распространялась даромъ въ средѣ трактирщиковъ, пивоваровъ, школьныхъ учителей и пр.

„Провинціальная корреспонденція“, которая выходитъ на четырехъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ, но вдохновляемые имъ органы печати такъ многочисленны, что Виндгорстъ въ палатѣ депутатовъ сказалъ 3-го декабря 1873 г., что если дѣла будутъ идти такъ-же, какъ до сихъ поръ, то газетное ремесло сдѣлается правительственной монополіей. „Я утверждаю, продолжалъ онъ,—что не только въ Пруссіи значительное число газетъ редактируется прямо правительствомъ, но и въ другихъ мѣстахъ Германіи существуютъ газеты, которыя составляются въ Берлинѣ на счетъ министерства. Кроме того, въ еще большемъ количествѣ прусскихъ и не прусскихъ газетъ отведены столбцы для правительственныхъ сообщений. Всякій, кто читаетъ со вниманіемъ „Аугсбургскую“ и „Кельнскую“ газеты, конечно, догадывается, что извѣстные знаки означаютъ подпись агентовъ фонда пресмыкающихся *), тайная дѣятельность котораго простирается и на иностранныя государства“. Относительно иностранной пропаганды комитета Вутке представляетъ также любопытныя свѣденія. Оказывается, что главнѣйшія австрійскія и венгерскія газеты находятся на жалованіи у Висмарка, какъ, напримеръ: „Neue Freie Presse“, „Венгерскій Ллойдъ“, „Пештская Газета“, и пр. Въ Америкѣ издаются 462 нѣмецкія газеты, въ Канадѣ 6, въ Австраліи 5, на мысѣ Доброй Надежды 1 и даже въ Китаѣ Висмаркъ имѣетъ свой органъ, выходящій въ Гонгъ-Конгъ.

Какіе результаты можетъ дать искусно веденное дѣло подкупа печати, доказали побѣды Пруссіи надъ Австріей и Франціей, которыя были-бы немислимы безъ предварительнаго искусственнаго возбужденія патріотизма; что-же касается до средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ берлинскій комитетъ печати въ своей пропагандѣ, то стоитъ только припомнить ложную прокламацію австрійскаго главнокомандующаго Бенедекка, напечатанную во всѣхъ прусскихъ газетахъ, и извѣстія о звѣрствахъ зуавовъ, наполнявшія офиціозныя органы печати въ началѣ французской войны. Относительно самихъ пресмыкающихся, услугами которыхъ пользуется

*) Дѣйствительно, офиціозныя корреспонденціи въ «Кельнской Газетѣ» обозначаются всегда знакомъ ±, а въ «Аугсбургской Газетѣ»: ~.

правительство, они дѣлятся на полуофиціозныхъ, офиціозныхъ и суперъ-офиціозныхъ. Всѣ эти категоріи пользуются одинаковымъ презрѣніемъ самого Бисмарка, который публично въ парламентѣ назвалъ ихъ свинопасами („Sauhirten“), а депутатъ баронъ Шарлмеръ-Альстъ въ началѣ нынѣшняго года произнесъ противъ нихъ и покровительствующаго имъ правительства грозную филиппику. „Пора, сказалъ онъ, между прочимъ, — принять мѣры къ излеченію страны отъ этой нравственной заразы. Недавно мы издали законъ противъ филоксеры — клопа, уничтожающаго виноградную лозу, но гораздо необходимѣе для общества составить законъ противъ пресмыкающихся печати, такъ-какъ они приносятъ гораздо больший вредъ, отравляя сердце и душу націи. Предательство, ложь и шантажъ характеризуютъ ихъ вредную дѣятельность. Многіе упрекали южно-германскія газеты за ихъ рѣзкія выраженія, но онѣ никогда не заходили такъ далеко, какъ пресмыкающаяся пресса. Я не дѣлаю исключенія даже для „Провинціальной Кореспонденціи“; яростныя выходки и крайности, которыя позволяетъ себѣ эта газета, недостойны официальнаго, правительственнаго органа. Редакція „Всеобщей газеты сѣверной Германіи“ представляетъ полнѣйшій въ Европѣ звѣринецъ пресмыкающихся. Надо слышать, какъ они шипятъ! При этомъ, постоянно заботясь о благѣ страны, правительство допускаетъ полную безнаказанность тѣмъ газетамъ, въ которыхъ работаютъ пресмыкающіеся; онѣ могутъ все говорить, все дѣлать; ихъ никогда не преслѣдуютъ и не отдають подъ судъ, а органы оппозиціи разоряють постоянными процессами и штрафами“.

Дѣйствительно, положеніе независимой печати, чрезвычайно многочисленной, въ Германіи не легкое. Съ одной стороны офиціозные органы просто осыпають ее грубой бранью; такъ, напримеръ, „Спенерова Газета“ выразилась однажды о неподкупныхъ журналистахъ: „всѣ вы каналы“; а съ другой стороны, правительство преслѣдуетъ ихъ судебнымъ порядкомъ, подвергая штрафамъ и тюремнымъ заключеніямъ за малѣйшее указаніе пятенъ на бисмарковскомъ солнцѣ. Въ виду шаткаго положенія редакторовъ въ „странѣ интеллигенціи“ неудивительно, что часто въ газетахъ попадаются такіа объявленія: „ищутъ дровосѣка или носильщика въ отвѣтственные редакторы политическаго журна-

ла^а *). До какихъ размѣровъ доходить это преслѣдованіе органовъ оппозиціонной печати, все равно, къ какой-бы партіи они ни принадлежали, къ клерикальной или къ радикальной, всего лучше доказываетъ списокъ процессовъ, возбуждаемыхъ противъ духовенства, прессы и политической пропаганды, который еженедѣльно помѣщается во „Франкфуртской Газетѣ“ подѣ остроумнымъ заглавіемъ: „Календарь германской борьбы за просвѣщеніе“ („Deutscher Kulturkampf Kalender“). Изъ этого календаря, за январь нынѣшняго года, видно, что процессовъ противъ журналистовъ было 27 и каждый оканчивался приговоромъ къ штрафу или тюремному заключенію; при этомъ въ двѣнадцати случаяхъ причинами преслѣдованія были неуважительные отзывы о Висмаркѣ **). Это преслѣдованіе печати, также, какъ и гоненія, воздвигнутыя противъ католическаго духовенства, побудили одного изъ пламенныхъ защитниковъ системы Висмарка, извѣстнаго нѣмецкаго публициста Роберта Моля, сказать въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: „правительство не имѣетъ права освобождать кого-бы то ни было отъ исполненія законовъ, но неуклонное слѣдованіе общимъ правиламъ во многихъ случаяхъ приводитъ къ нестерпимой строгости, особенно въ наказаніяхъ. Такое исполненіе закона было-бы великимъ зломъ не только для прямо затронутыхъ личностей, но и для всѣхъ. Имперія представлялась-бы всякому грубой, неразумной силой и утратила-бы общее уваженіе и сочувствіе“ ***).

IV.

Въ началѣ нашей статьи мы привели слова одной нѣмецкой газеты, надменно объявлявшей міру, что Германія—сказочная стра-

*) Подобные редакторы иногда оригинально защищаютъ себя на судѣ; такъ въ 1873 г. одинъ берлинскій носильщикъ, подѣ № 107 и по имени Фрасъ, заявилъ слѣдственному судѣ по дѣлу о нарушеніи законовъ печати: „Будьте увѣрены, что какъ только эта газета перестанетъ мнѣ нравиться, я лишу ее своего довѣрія и подпишусь“.

**) Всякое малѣйшее неуваженіе къ великому канцлеру подвергается строгому выслушанію, если не судебному, то административному; такъ директоръ одной школы въ Обергаузенѣ, Уленброкъ, удаленъ отъ должности единственно за то, что отказался повѣсить въ классѣ портретъ Висмарка подѣ портретомъ императора Вильгельма.

***) Robert Mohl—Das deutsche Reichsstaatsrecht. Tübingen, 1873.

на, гдѣ „всѣ женщины цѣломудренны, мужчины честны, гдѣ невѣдомы подкупъ, ложь, корысть и низкопоклонство, а цвѣтутъ всевозможныя добродѣтели, какъ васильки въ полѣ“. Какого рода васильки цвѣтутъ въ новой Германіи, мы, кажется, ясно показали въ картинѣ современныхъ нѣмецкихъ нравовъ, набросанной преимущественно нѣмецкими-же кистями. Мы видѣли, насколько цѣломудренны, честны, прямодушны и неподкупны нѣмцы эпохи „желѣза и огня“ и намъ остается только бросить взглядъ на послѣднюю, приписываемую имъ добродѣтель — чувство личнаго достоинства и отсутствіе низкопоклонства. Въ этомъ отношеніи прежде всего надо замѣтить, что въ до-седанскій періодъ германской исторіи никто, даже нѣмцы, не подозрѣвали этой добродѣтели въ своемъ возлюбленномъ отечествѣ и Лудвигъ Бёрне восклицалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ: „Нѣмцы до того раболѣпны по природѣ, что если-бы они были свободны, то добровольно отказались-бы отъ свободы. Будь я Неронъ въ Германіи и брось мою кровавую діадему въ рѣку, то стоило-бы мнѣ только скомандовать: *апортъ*, какъ немедленно самый ярый изъ такъ-называемыхъ демагоговъ бросился-бы въ воду, какъ вѣрный песъ, и принесъ-бы мнѣ мою діадему“. Еще рѣзче громилъ низкопоклонство нѣмцевъ Гейне, по словамъ котораго они „рождены только, чтобы служить живымъ ковромъ для попирающихъ ихъ пятъ сильныхъ міра сего“. Въ доказательство этой психологической черты германской расы онъ часто рассказывалъ слѣдующій анекдотъ, который, однако, никогда имъ не былъ напечатанъ и который мы заимствуемъ изъ книги Жюль Кларети:

„Лѣтъ десять тому назадъ, говорилъ Гейне, — я путешествовалъ по берегамъ Рейна, и въ Кельнѣ или, лучше сказать, въ Дейтцѣ, на противоположномъ берегу, въ кабачкѣ, гдѣ пьетъ офенталеръ въ цвѣтныхъ рюмкахъ, слушая музыку и любуясь старымъ Рейномъ, я обратилъ вниманіе на почтеннаго, добродушнаго бюргера, лѣтъ пятидесяти, который смотрѣлъ на меня съ глубокой печалью. Этотъ бѣдный человѣкъ, казалось, былъ подвергнутъ такимъ нравственнымъ страданіямъ, что, полагая, не разорился-ли онъ или не женился-ли вторично, что заслуживаетъ одинаковаго сожалѣнія, я подошелъ къ нему и предложилъ выпить со мною. Онъ, казалось, былъ чрезвычайно доволенъ моею любезностью, чокнулся со мною и, позвавъ кельнера, потребовалъ

бутылку іоганисберга, но не переставалъ все время тяжело вздыхать.

„— Вы видите передъ собою чрезвычайно несчастнаго человѣка, произнесъ онъ, наконецъ.

„— Несчастнаго? Не нужно-ли вамъ денегъ? Хотя я не богатъ, но...

„— Нѣтъ, я миллионеръ; я глава торговаго дома Мозеръ, Реймсъ и комп. Наши мозельскія и рейнскія вина очень цѣнятся любителями и каждый изъ насъ, товарищей по фирмѣ, выручаетъ ежегодно чистаго дохода до 60,000 талеровъ. Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ не надо денегъ, но все-же я очень несчастливъ!

„— Вы женаты?

„— Опять дѣло не въ томъ: въ прошломъ мѣсяцѣ я имѣлъ грустное удовольствіе воздвигнуть великолѣпный мавзолей почтенной г-жѣ Мозеръ. Онъ мнѣ стоилъ очень дорого, но я не сожалѣю этихъ денегъ. Нѣтъ, вы не отгадали причины моей печали.

„— Такъ ваши дѣти...

„— У меня только одна дочь, чистый ангелъ. Она замужемъ за докторомъ Гернеромъ, который пользуется большою протекціей министра. Однимъ словомъ, я былъ-бы счастливейшимъ человекомъ на землѣ, былъ-бы съ аппетитомъ и спать-бы хорошо, если-бы мою душу не терзало воспоминаніе о совершенной мною низости. Вотъ что меня терзаетъ и губитъ. Я вамъ расскажу мою печальную исторію. Представьте себѣ, что болѣе тридцати лѣтъ я поставщикъ вина его высочеству герцогу Брауншвейгскому. Я говорю *поставщикъ*, но мнѣ слѣдовало-бы сказать *другъ* его высочества, потому что онъ всегда говоритъ: „Мозеръ, ваши вина прекрасны; вы мнѣ поставляете чудесныя вина, другъ мой Мозеръ“. Какъ вы можете себѣ представить, эта дружба составляетъ мою гордость. Я былъ другомъ герцога Карла и теперь другъ герцога Вильгельма. Я знаю и люблю всѣхъ Брауншвейговъ—Брауншвейговъ-Вольфенбютль, родственниковъ королевскаго ганOVERскаго дома, и Брауншвейговъ-Люнбургъ, родственниковъ англійской династіи. Итакъ, въ этомъ отношеніи я до сихъ поръ самый счастливый смертный. Но (и вотъ начало моего несчастія) года два тому назадъ его высочество сказалъ

ничъ однажды: „Мозеръ, мой другъ, приходите ко мнѣ обѣдать“. Я отвѣчалъ: „Съ удовольствіемъ, ваше высочество“. Я обѣдалъ у него и прежде не разъ, и отправился во дворецъ во всемъ парадѣ. Его высочество посадилъ меня рядомъ съ собою и каждый разъ, когда подавали вино изъ нашихъ погребовъ, говорилъ, обращаясь ко мнѣ: „Клянусь небомъ, Мозеръ, это чистый нектаръ“. Дѣйствительно, іоганисбергъ, который мы пьемъ теперь, дрянъ въ сравненіи съ моимъ. Вамъ-бы слѣдовало его попробовать. Но возвратимся къ обѣду: онъ былъ прекрасный и преселный. Его высочество очень остроуменъ. Но вотъ за десертомъ подали такія прелестныя, блестящія и художественныя золотныя ложечки съ эмалью, что я вдругъ, самъ не знаю какъ, почувствовалъ безумное желаніе положить одну изъ нихъ въ карманъ. Не правда-ли, какая низкая мысль? Но какъ было удержаться отъ подобнаго искушенія? Ложечки такъ блестяли, такъ манили меня къ себѣ! Кончилось тѣмъ, что когда его высочество всталъ, говоря: „пойдемте пить кофе въ кабинетъ“, моя рука какъ-то невольно протянулась къ одной изъ ложекъ и быстро спустила ее въ карманъ. Какой ужасъ! Какой стыдъ! Вотъ что меня убиваетъ. Выходя изъ дворца его высочества, въ моихъ ушахъ раздавался какой-то внутренній голосъ, до сихъ поръ повторяющій мнѣ ежеминутно: „Мозеръ, Мозеръ, ты воръ!“

И Гейне, рассказывавшій эту исторію, конечно, только для ея нравственнаго вывода, послѣшно прибавлялъ: „Дѣло въ томъ, что во всемъ рассказѣ почтеннаго виноторговца не было ни слова правды. Мозеръ былъ въ сущности самый честный человѣкъ на свѣтѣ, но ему нужно было опозорить себя въ моихъ глазахъ и назвать себя воромъ только для того, чтобы имѣть предлогъ сказать: „я обѣдалъ у герцога“.

Такимъ образомъ, сами нѣмцы признавали въ прежнее время низкопоклонство природной склонностью нѣмѣцкихъ просвѣтителей міра путемъ круповскихъ пушекъ и только самъ Бисмаркъ недавно, въ извѣстной своей депешѣ къ германскому послу въ Парижѣ, отъ 21 декабря 1873 г., надменно заявилъ, что „чувства благородства и нравственнаго достоинства присущи германской націи“. Лучшимъ опроверженіемъ этой дипломатической фразы служить книга Ганри Бардые: „L'Allemagne aux Tuilleries de 1850 à 1870“. Каждый, кто отероетъ это

сочиненіе, въ которомъ нѣмцы сами характеризуютъ себя, убѣдится, по справедливому выраженію автора, что „въ самыхъ высшихъ сферахъ Германіи чувство благороднаго достоинства совершенно отсутствуетъ и замѣняется наивнымъ раболѣпствомъ“. Бардье напечаталъ въ своемъ любопытномъ сборникѣ до 2,000 писемъ отъ различныхъ нѣмцевъ къ наследственному врагу „Vaterland'a“, Наполеону III, которыя находились въ числѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ императора послѣ революціи 4 сентября. Общій характеръ всѣхъ этихъ посланій—самая низкая лесть и самое безстыдное попрошайство. Вотъ нѣсколько при мѣровъ на выдержку.

Генераль Вланкенбургъ, подполковникъ прусской службы, 15 января 1870 г., за семь мѣсяцевъ до Седана, посылаетъ седанскому герою свою статью въ „Unser Zeit“ — „Политическіе принципы Наполеона III и конституція 1852 года“, съ слѣдующимъ посвященіемъ: „Государь, смиренно прошу ваше величество удостоить меня признаніемъ въ моемъ трудѣ чувства истиннаго восхищенія передъ возвышеннымъ монархомъ (erhabenen Monarchen), которому удалось даровать Франціи конституцію, отличающуюся всѣми гарантіями долговѣчности!“

Германъ Деритсвейлеръ, докторъ философін, представляетъ 12 іюля 1864 года экземпляръ своей „Исторіи бургундцевъ до ихъ присоединенія къ королевству франковъ“, съ слѣдующими словами: „Ваше величество, чудеса храбрости, блестящія побѣды и дипломатическія торжества всегда были и всегда будутъ, но отличительной и безспорной славой вашего величества всегда останется великодушная и творческая мудрость (hochherzige schöpferische Erkennen), принадлежащая вамъ, какъ наследіе вашего рода и благородный плодъ жизни, полной тревоженіями, и которая, не желая видѣть въ существованіи отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ игру случая, возродила его по величественнымъ и идеальнымъ принципамъ, практически осуществившимъ великій законъ, о которомъ давно мечтало сознание народовъ“.

Морицъ Дейтчъ проситъ французскаго императора въ ноябрѣ 1863 г. дозволить ему „личной службой доказать его величеству, какъ въ сознаніи всѣхъ народовъ ихъ будущность тоже ответственна съ великимъ дѣломъ славнаго основателя династіи его

величества и его великаго преемника, величественные подвиги котораго въ области мира и войны, по причинѣ ихъ неизблѣмыхъ результатовъ, въ настоящемъ и будущемъ еще плодотворнѣе для человечества и безпримѣрнѣе въ исторіи государей и народовъ“.

Росинваль д'Асторгъ, дядя герцога Гогенцолерна Зигмарингена, перваго министра Пруссіи, отецъ шести дѣтей, безъ всякихъ средствъ къ жизни проситъ 13 марта 1859 г. мѣста инспектора на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ онъ уже по милости императора служить смотрителемъ.

Графиня В.... фон-Г...., сестра герцогини***, падая на колѣни передъ его величествомъ и лобызая его руки, умоляетъ 20 марта 1868 года спасти ее и дать какое-нибудь мѣсто при императорскомъ дворѣ; она желала-бы быть горничной ея величества, но, сомнѣваясь въ согласіи императрицы, проситъ какого-нибудь мѣста въ многочисленныхъ дворцахъ его величества или въ какомъ-нибудь богоугодномъ заведеніи.

Марія Гетигеръ, вдова Шебле, родившаяся 9 октября 1809 г. въ Фрейбургѣ (въ Баденѣ), проситъ вспомошествованія на томъ основаніи, что она, можетъ быть, побочная дочь Наполеона I, который имѣлъ связь съ ея матерью во время его проѣзда черезъ Фрейбургъ въ январѣ 1809 г.

Госпожа фон-Висмаркъ, падая ницъ передъ особою его величества, проситъ вспомошествованія, какъ вдова нѣмецкаго офицера, служившаго въ арміи славнаго дяди императора, великаго Наполеона.

Баронъ Герисдорфъ, рекомендованный принцемъ Карломъ прусскимъ, проситъ въ январѣ 1863 г. небольшой суммы денегъ въ видѣ займа и мѣста французскаго консула въ Испаніи.

Баронеса Елиза фон-Вельденъ обращается къ императору и къ окружающимъ его особамъ съ безконечными просьбами о вспомошествованіи по случаю болѣзни сына, смерти мужа, покупки имѣнья, неуплаты долговъ, обжога руки дочери и пр., и пр. Эти просьбы остаются въ большинствѣ случаевъ безъ удовлетворенія, но нѣсколько разъ ей выдано по 1,000 и 500 фр.

Кромѣ единовременныхъ пособій, многіе нѣмецкіе бароны, государственные дѣятели и ученые получали постоянные пенсіонны отъ Наполеона III. Какъ видно изъ списковъ, найденныхъ въ

Тюльери, между ними особенно замѣчательнъ извѣстный историкъ Моизенъ, получавшій ежегодно 10,000 фр. и во время войны всего болѣе громившій Францію, называя ее *націей кретиновъ и всеобщаго разврата*.

Всѣ эти примѣры благородства и нравственнаго достоинства германской націи относятся къ до-седанской эпохѣ, а, конечно, всѣмъ извѣстно и совершенно излишне представлять доказательства, до какого колоссальнаго раболѣпства дошли нѣмцы, даже самыя либеральныя, послѣ побѣдъ Бисмарка и Мольтке. За очень немногими исключеніями, всѣ нравственные сыны этой страны интеллигенціи пали ницъ передъ новыми божествами. Даже такіе упорные противники бисмаркизма, какъ Рудольфъ Гнейсъ, пламенный защитникъ конституціонной системы, и Вирховъ, стали ревностными поклонниками солнца Садовой и Седана. Если въ послѣднее время въ парламентъ и прессѣ проявляется нѣкоторая оппозиція Бисмарку, то только со стороны гонимыхъ имъ клерикаловъ и социаль-демократовъ, а громадное большинство или, лучше сказать, всѣ верхніе слои новой германской имперіи самыя ревностныя бисмаркисты.

Итакъ, вотъ въ какомъ блестящемъ положеніи находится новая германская имперія послѣ столь дорого стоившихъ ей кровавыхъ побѣдъ. Къ какому-же конечному результату приведетъ ее могучій, желѣзный бисмаркизмъ? На этотъ роковой вопросъ отвѣтитъ время.

В. Т.

КРАСАВЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.

ГЛАВА XII.

НА БАЛУ.

Солиньяку было нетрудно уговорить маркизу Ригоди принять подъ свое покровительство Терезу. Она не любила ни имперію, ни республику, но ей нравилось, что неисправимые якобинцы составляли оппозицію императору. Къ тому-же Ривьеръ скрывался отъ преслѣдованія полиціи и жена его находилась въ опасности. Этого было довольно, чтобы старая дѣва заинтересовалась Терезою. Наконецъ, Солиньякъ просилъ о ней, а Солиньякъ былъ ея любимцемъ.

— Приведите эту бѣдную женщину, отвѣчала она просто.

Она приняла Терезу съ своимъ обычнымъ добродушіемъ, хотя нѣсколько грубымъ и брюзгливымъ. Она отвела ей уединенную комнату въ домѣ, выдавала ее за свою дальнюю родственницу, и никто не подозрѣвалъ, что у маркизы Ригоди жила личность, розыскиваемая полиціей Фуше.

Полковникъ былъ въ восторгѣ отъ успѣха своей двойной экспедиціи. Его цѣль была достигнута: Ривьеръ находился на свободѣ, а Тереза въ безопасности. Онъ могъ теперь подумать и о себѣ. Онъ всецѣло предался чувству, возбужденному въ немъ Андрειной. Эта соблазнительная, страстная женщина своими глаза-

ми, вливавшими въ сердца окружающихъ ядъ любви, коварными ласками и свободными, возбуждающими манерами совершенно овладѣла красавцемъ Солиньякомъ. Это былъ скорѣе капризъ съ его стороны, чѣмъ настоящая любовь, но нельзя было поручиться, на чемъ остановится человѣкъ, попавшій въ когти Андроины. Глаза ея были одарены такой притягательной силой, голосъ ея былъ такъ мелодиченъ и очарователенъ! Всякій другой на мѣстѣ Солиньяка былъ-бы плѣненъ на всю жизнь; но онъ дозволилъ себя соблазнить, твердо рѣшившись возвратить себѣ свободу, когда вздумается. Онъ былъ теперь въ отпуску и любилъ Андроину, какъ хорошенькую дѣвушку, за которой ухаживалъ-бы во время стоянки на походѣ или между двумя сраженіями.

Андроина это поняла и часто говорила себѣ, что, несмотря на всю ея власть надъ этимъ человѣкомъ, онъ могъ во всякое время бросить ее и порвать связывающіе его узы.

— Знаете-ли вы, что я для васъ? спросила она у него однажды вечеромъ.

— Вы, Андроина?—улыбка любви и счастья.

— Нѣтъ, я просто для васъ минутная забава, случайный капризъ между двумя сраженіями.

— Вы?

— Я. Нечего гѣшить себя пустыни иллюзіями.

— Вы ошибаетесь, Андроина. Моя любовь къ вамъ искренняя и я никогда не ощущалъ въ отношеніи другихъ женщинъ такого страстного пыла.

— Потому-что я, быть можетъ, красивѣе другихъ! Ваши собственные слова доказываютъ, что я права. Я для васъ то, чѣмъ были для меня многіе, — игрушка. Это совершенно справедливо. Если-бы вы только знали, какъ я мучила безчисленныхъ поклонниковъ, надѣдавшихъ мнѣ свою любовь! А бѣдный Оттавіо!

— Оттавіо?

— Да, человѣкъ, наложившій на себя руки, потому что я его не любила. Его любить? Нѣтъ, проходите, господа, вамъ довольно и кончиковъ моихъ пальцевъ, большого и не ждите. Но теперь, Ганри, я дорого плачу за всѣ мученія, причиненныя другимъ. Я тебя люблю, а ты меня не любишь.

— Что ты, Андроина, я тебя обожаю!

— Ну, какъ-бы то ни было, ты мой. И ты влянешься, что

твое сердце принадлежит мнѣ? Твоя клятва что-нибудь да значить. Но вот видишь, мой красавецъ, женщины, подобныя мнѣ, чудовищно холодны и эгоистичны, пока не встрѣтятъ такого чело-вѣка, какъ ты. И этого-то избранника онѣ обожаютъ, какъ своего властелина и повелителя. Если онъ бросить ихъ, онѣ умираютъ отъ горя. Люби меня всегда, Ганри.

— Сьума ты сошла! Зачѣмъ ты говоришь о смерти?

— Отчего-же не говорить?

— Ты молода, прелестна и жизнь тебѣ улыбается.

— Къ чему мнѣ жизнь, молодость, красота! Ты меня любишь-ли?

— Да.

— Твоя любовь даетъ мнѣ жизнь, и если ты перестанешь меня любить... Но у насъ въ Италиі говорятъ: *Se sapo cose fioriganno!* (Если есть розы, то онѣ будутъ цвѣсти). Доживемъ, такъ увидимъ.

Солиньякъ говорилъ правду, увѣряя Андреину въ своей любви, но онъ не прибавилъ, что она начинала его тяготить. Подобная любовь, пробудившаяся внезапно и разцвѣтшая, какъ тепличный цвѣтокъ подъ лучемъ солнца, блестящимъ, но не грѣющимъ, недолговѣчна.

Одно обстоятельство придавало его отношеніямъ къ Андреинѣ прелесть запрещеннаго плода: опасность, которой она грозила, по мнѣнію Кастаре. Солиньякъ не вѣрилъ предчувствіямъ Кастаре и предсказаніямъ г-жи Ленорманъ, но слыша каждый день одни и тѣ-же предостереженія, онъ невольно о нихъ думалъ.

Онъ полюбилъ Андреину, потому что она ему понравилась, и онъ хотѣлъ доказать, что ничего не боялся, а потому съ улыбкою слушалъ упрёки Кастаре за неосторожную смѣлость:

— Гдѣ-же опасности? спрашивалъ онъ у Кастаре;— въ чемъ я неостороженъ?

— Черноокая красавица съ юга...

— Да, да, я знаю, что ты скажешь; пожалуйста болѣе ни слова. Подождемъ грома, чтобъ перекреститься.

Солиньяку было суждено недолго ждать этого грома. При первомъ-же посѣщеніи Клода Ривьера послѣ возвращенія Терезы онъ убѣдился, что предчувствія Кастаре имѣли, быть можетъ, нѣ-которыя основанія. Онъ нашелъ Ривьера въ очень серьезномъ, за-

думчивомъ и мрачномъ настроеніи. Его обичный, строгій видъ выражалъ теперь тревожное безпокойство. Солиньякъ не спросилъ причины этого безпокойства, но капитанъ самъ поспѣшилъ откровенно рассказать свою тайну преданному другу, какъ-бы надѣясь облегчить исповѣдью свое горе.

— Солиньякъ, сказалъ онъ съ грустной торжественностью, — въ наше время и преслѣдуя такую цѣль, какъ я, человѣкъ не можетъ сказать навѣрное, что онъ будетъ завтра живъ. Я могу быть убитъ въ открытой борьбѣ или по приговору суда, однимъ словомъ, я могу исчезнуть неожиданно, какъ люди, посвятившіе всю свою жизнь идеѣ. Но я умру съ горестнымъ чувствомъ, что не успѣлъ отомстить коварному злодѣю, который останется живымъ, счастливымъ, торжествующимъ.

— Злодѣю?

— Да, Иуда-предатель похитилъ мою честь, убилъ во мнѣ вѣру въ человѣческое существо, разъединивъ два созданія, любившія другъ друга... потому-что она любила меня.

— Тереза?

— Да, да; эта несчастная женщина, дрожащая, униженная, просила на колѣняхъ моего прощенія. Богъ съ нею, я ее простилъ; ее и такъ терзаетъ раскаяніе. Но онъ, онъ! если моя рука не покараетъ его или моя шпага не проколетъ ему сердце, если я умру, зная, что онъ живъ, то это будетъ для меня жестокимъ страданіемъ!

— Кто это? спросилъ Солиньякъ.—Какъ его зовутъ?

— Я вамъ уже сказалъ, что это низкій злодѣй. Его лицо лжетъ, а глаза избѣгаютъ взгляда. Это итальянецъ въ мундирѣ нашей арміи.

— Итальянецъ! воскликнулъ Солиньякъ.

— Одинъ изъ моихъ товарищей по заговору. Удивляюсь, какъ онъ до сихъ поръ насъ не выдалъ, ему такъ хорошо знакомы ложь и предательство.

— Его имя? повторилъ полковникъ.

— Агостино Чіампи, маркизъ Олона.

Солиньякъ невольно отступилъ шага два, словно пораженный невидимымъ ударомъ. Чіампи! Олона! Не было никакого сомнѣнія, что это братъ Андрейны. Человѣкъ, непонравившійся ему съ перваго взгляда, снова попался на его пути или, во всякомъ

случаѣ, совершилъ низость. Вскорѣ, однако, Солиньякъ пересилилъ свое смущеніе и ничѣмъ не обнаружилъ передъ Клодомъ, что имя Чіампи ему извѣстно.

Онъ молча, спокойно выслушалъ правдивый, искренній рассказъ Ривьера объ его страданіяхъ и надеждахъ на мечь. Когда же капитанъ спросилъ, можетъ-ли рассчитывать на его помощь столько-же въ дѣлѣ мести, сколько въ дѣлѣ освобожденія, онъ просто отвѣчалъ:

— Можете.

— Въ тотъ день, какъ я потеряю возможность отомстить этому человѣку, вы возьмете эту обязанность на себя.

— Да, я за васъ отомщу, произнесъ Солиньякъ.

Онъ какъ-бы видѣлъ теперь передъ собою маркиза Олона съ его дерзкимъ взглядомъ, не смотрѣвшимъ прямо, какъ боевой мечъ, а извивавшимся, подобно змѣѣ, подъ густыми бровями; по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, фантастическія опасенія Кастаре казались въ эту минуту Солиньяку вполне вѣроятными и даже образъ Анреины принималъ въ его глазахъ видъ страннаго, таинственнаго существа, низкой, презрѣнной и опасной искательницы приключеній.

Это нисколько не огорчало его, а, напротивъ, какъ-бы наполнило какой-то радостью. Его любовь грозила усложниться новымъ, воинственнымъ элементомъ, и красавецъ Солиньякъ былъ этимъ очень доволенъ.

Простившись съ Ривьеромъ, онъ отправился домой, чтобъ надѣть парадный мундиръ. Въ этотъ вечеръ герцогъ Фельтрскій давалъ блестящій балъ и сады министерства были освѣщены à giorno. Въ тѣ времена подобныя праздники были въ большой модѣ, и Фуше, хотя и находившійся въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Кларкомъ, который называлъ его яacobинцемъ, старался увеличить ихъ число, также какъ и парады, для „поощренія торговли“.

Красавецъ полковникъ былъ однимъ изъ львовъ и этого праздника. При самомъ его появленіи онъ былъ окруженъ толпою, пріѣтствовавшей его лестнымъ говоромъ, а дамы пріятно ему улыбались, бросали на него восторженные взгляды и многозначительно играли вѣрами.

Поклонившись министру, Солиньякъ направился въ садъ, гдѣ роскошная зелень сіяла особеннымъ блескомъ при иллюминаціи.

При выходѣ изъ большого павильона, соединявшаго залы съ аллеями, сидѣло и стояло нѣсколько группъ, между которыми особое вниманіе обращалъ на себя кружокъ десяти или двѣнадцати фрانتовъ въ свѣтло-голубыхъ и свѣтло-зеленыхъ фракахъ, окружавшихъ прелестную, молодую женщину, полулежавшую на вреслѣ и слушающую безъ всякаго кокетства расточаемые ей комплименты.

Она была такъ хороша съ своими золотисто-бѣлокурыми волосами, нѣжнымъ цвѣтомъ лица и очаровательной граціей, что Солиньякъ, незамѣченный разговаривавшими, остановился на верхней ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ садъ.

Ей было около двадцати лѣтъ; сидя она казалась скорѣе маленькаго, чѣмъ большого роста; граціозная, съ тонкой, изящной таліей, она отличалась дѣтской игривостью. Все въ ней было гармонично. Ея плечи, едва срываемаыя розовой палью, были пластичны, кожа нѣжная, съ голубыми жилками. Маленькія ручки, изъ которыхъ только одна была въ перчаткѣ, плѣняли своей миниатюрностью и соблазнительными ямочками. Розовыя губы и бѣлые зубы, казалось, были созданы для улыбки.

Особую прелесть этой женщины составлялъ верхъ ея лица; черные глаза, брови и рѣсницы представляли поразительный контрастъ съ ея роскошными, нѣжными, бѣлокурыми волосами.

Туалетъ ея былъ очень простъ, но изященъ, и, очевидно, вышелъ изъ мастерской Леруа, дамскаго портного, поставлявшаго всѣ придворные костюмы. Высокій гребень дѣвдемой съ бирюзой удерживалъ ея роскошные волосы, которые мелкими булками ниспадали на лобъ.

Эта женщина такъ рѣзко отличалась отъ героинь тогдашняго смѣшаннаго официальнаго міра, что Солиньякъ съ перваго взгляда догадался, что она не принадлежала къ разряду выскочекъ въ родѣ доброй жены маршала Лефевра, которыя служили постоянной темой для насмѣшекъ въ комедіяхъ и карикатурахъ. Однимъ словомъ, говоря стариннымъ аристократическимъ языкомъ, это юная красавица была, очевидно, *кровной*.

Солиньякъ смотрѣлъ на нее, не обращая вниманія на то, что говорилось вокругъ, хотя предметомъ разговора былъ онъ самъ.

— Да, графиня, говорилъ одинъ изъ молодыхъ фрانتовъ, — онъ можетъ по-справедливости называть себя, какъ г-жа Жандо, на Итальянскомъ бульварѣ, „баловнемъ граціи“.

— Онъ находится подъ особымъ покровительствомъ боговъ, прибавилъ юноша высокаго роста, худощавый, съ длиннымъ носомъ, чисто выбритымъ подбородкомъ, темнорусыми бакенбардами и тонкой шеей, стянутой высокимъ бѣлымъ галстукомъ, надъ которымъ видѣлись острые углы воротничка.

Этотъ великосвѣтскій щеголь былъ Флориваль де-Сен-Клеръ, уволенный изъ военной службы по причинѣ слабого здоровья и довольствовавшійся въ эпоху поклоненія силѣ и мускуламъ служеніемъ музамъ и вздыханіями у ногъ красавицъ, которымъ онъ посвящалъ свои элегіи и рассказывалъ содержаніе новыхъ романовъ. Гражданная убыль людей во Франціи, благодаря императору, дозволяла юному поэту не всегда быть платоническимъ вздыхателемъ. Ева, за недостаткомъ мужчинъ, мирилась съ ихъ призраками. На что-нибудь и война полезна!

Прелестная женщина, которою Солиньякъ любовался, какъ рѣдкой птичкой на свободѣ, пританывъ дыханіе изъ боязни, чтобъ она не улетѣла, слушала Флориваля съ какой-то нѣжной, ласковой ироніей. Онъ-же бросалъ на нее взгляды, полные любви.

— Прекрасный полъ, ради котораго остальная часть человечества готова всегда пожертвовать жизнью, сказала Сен-Клеръ, — вздыхаетъ часто, объ этомъ человѣкѣ. Вы слышали, графиня, о послѣдней новости, принесенной намъ дуновеніемъ эха?

— Какая новость?

— Черноокая, пикантная неаполитанка, возбудившая во многихъ мужчинахъ пламя страсти...

— Маркиза Олона?

Зантересованный именемъ Андреины, Солиньякъ сталъ теперь прислушиваться къ разговору.

— Да, отвѣчалъ Сен-Клеръ, — маркиза Олона...

— Ну, что-жь?

— Говорять... увѣряютъ... что эта холодная, неприступная красавица преклонилась передъ идеаломъ мужества и, какъ Венера, приняла благосклонно любовь Марса.

— Такъ полковникъ Солиньякъ...

Живой предметъ этихъ разговоровъ прервалъ на этомъ бесѣду, подойдя просто, безъ всякихъ ужимокъ, къ разговаривавшимъ.

Флориваль первый увидалъ его и приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія. Его встревожило это неожиданное по-

явленіе Солиньяка, но онъ вскорѣ успокоился, такъ-какъ полковникъ, медленно пройдя мимо, углубился въ одну изъ боковыхъ алей.

— Ну, вы его видѣли? спросилъ одинъ изъ франтовъ у красавицы, которая съ любопытствомъ смотрѣла вслѣдъ Солиньяку.

— Да, отвѣчала она нѣсколько задумчиво.

— Какъ-же вы его находите? Достоинъ-ли онъ своей славы?

— Онъ кажется настоящимъ аристократомъ.

— Онъ прелестенъ, замѣтилъ Флориваль, радуясь, что полковникъ не слышалъ прерваннаго разговора.

— Онъ слишкомъ колосаленъ, сказалъ другой франтъ.

— А когда онъ потолстѣетъ, то будетъ уродомъ, прибавилъ третій.

— Я очень рада за полковника, съ которымъ вовсе незнакома, сказала графиня, смѣясь. — Вы находите въ немъ недостатки, а это лучшая для него похвала, такъ-какъ женщинамъ рѣдко нравится мужчина, котораго мужчины-же прокричали красавцемъ.

— Я, графиня, не нахожу въ немъ никакихъ недостатковъ! воскликнулъ поспѣшно Сен-Клеръ; — онъ Ахиллъ, достойный новаго Гомера.

— Отчего-же, любезный Сен-Клеръ, вы не возьмете на себя труда воспѣвать его подвиги?

— Я объ этомъ подумаю, графиня; право, ни Теобальдъ, герой *Северины*, г-жи Бофоръ-Готпуль, ни симпатичный Малекъ-Адель, находящій на полѣ брани храмъ, брачное ложе и могилу, ни Донъ-Санхо, ни Эдуардъ, ни герои романовъ г-жи Жанлисъ — „*Альфонсина*“ и Люсьена Бонапарта — „*Стелма*“, не могутъ сравниться съ Солиньякомъ.

— Такъ это вашъ идеалъ, Сен-Клеръ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ поэтъ, тяжело вздохнувъ: — мой идеалъ не служить богу войны. Читали вы „*Зальцбургскаго живописца, журналъ тревоженій страждущаго сердца*“? Авторъ этого романа, молодой человекъ, по имени, кажется, Шарль Нодье, представилъ себя въ лицѣ своего героя Карла Мюнстера. Страждущее сердце — вотъ мой идеалъ и вѣрное изображеніе существа, мечтающаго при видѣ васъ о возвышенныхъ красотахъ небеснаго созданія, хладнобровно смотрящаго на человѣческія мученія.

— Бѣдный Сен-Клеръ! воскликнула графиня, смѣясь дѣтскимъ, незлобнымъ смѣхомъ, который производитъ такую-же нѣжную знобъ на открытомъ, чистомъ лицѣ молодой дѣвушки, какъ легкій вѣтерокъ на зеркальной поверхности озера.

Солиньякъ былъ пораженъ прелестью и граціей незнакомки и, идя по полу-темной алеѣ, онъ долго какъ-бы видѣлъ передъ собою златокудрый ореолъ, увѣнчивавшій ея лицо. Увидѣвъ въ первый разъ Андреину, онъ смутился, а впечатлѣніе, произведенное на него теперь этой невѣдомой женщиной, сіявшей честностью и благородствомъ, было удивительно привлекательное, мягкое.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ машинально остановился, чтобы еще разъ взглянуть на графиню, но онъ не могъ разглядѣть въ концѣ алеи ничего болѣе, какъ неопредѣленную, движущуюся группу. Въ эту минуту онъ снова услышалъ недалеко отъ себя свое имя, произнесенное вполголоса, и невольно улыбнулся этой случайности.

„Мнѣ суждено сегодня подслушивать, подумалъ онъ;—какое странное, невѣроятное совпаденіе!“

Но зная, что на войнѣ дозволительны всякія хитрости, онъ хотѣлъ убѣдиться, кто говорилъ о немъ, врагъ или другъ.

Алея, по которой онъ шелъ, оканчивалась площадкой, куда выходила другая параллельная алея, гдѣ слышались голоса, говорившіе о полковникѣ. Среди этой площадки видѣлась освѣщенная цвѣтными фонариками статуя Амура, который, облокотясь на свой лукъ, грозилъ пальцемъ нимфамъ, окружавшимъ въ различныхъ позахъ площадку. Подъ каждой изъ этихъ статуй находилась скамейка; Солиньякъ остановился за пьедесталомъ одной изъ нихъ.

Разговаривали о немъ Андреина и Агостино Чіампи. На молодой женщинѣ было великолѣпное желтое платье, выставлявшее еще рѣзче цвѣтъ ея лица и роскошные волосы; въ рукахъ у нея былъ такой-же букетъ розъ, какой она бросила на парадѣ Солиньяку. Агостино былъ одѣтъ изящно, но съ нѣкоторой военной простотой, которая очень шла къ его мужественной красотѣ.

Увидавъ этого человека, Солиньякъ не могъ удержаться отъ гнѣвнаго движенія: ему невольно представилось блѣдное, изнуренное лицо благороднаго Ривьера, оскорбленнаго презрѣвающимъ искателемъ приключеній.

— Ты послѣдовалъ моему совѣту? говорила Андреина. — Ты познакомился съ графиней?

— Я говорилъ съ нею.

— Когда?

— Только-что.

— Ты поѣдешь къ ней?

— Конечно.

— Кто тебя представитъ?

— Поэтъ Сен-Клеръ; я его встрѣчалъ въ обществѣ, а онъ исполняетъ должность „ratito“ при графинѣ Фаржъ.

— Странная тактика — искать покровительства ничтожнаго человека.

— Не все-ли равно, какой проводникъ приводитъ насъ къ побѣдѣ?

При этихъ словахъ Солиньякъ ощущалъ что-то необыкновенное. Оно инстинктивно догадывался, что подслушалъ преступный заговоръ противъ прелестной графини, сидѣвшей недалеко въ той-же алеѣ и окруженной свѣтскими поклонниками. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что планъ Агостино не могъ имѣть предметомъ другой личности, кромѣ нея. Неужели маркизъ Олона имѣлъ притязаніе на ея любовь?

— Желаю тебѣ успѣха, Агостино, продолжала его сестра, — но, признаюсь, ты какъ-то страненъ въ отношеніи меня.

— Я?

— Конечно. Сколько разъ ты былъ у меня? Ты точно избѣгаешь сестры. А у меня есть до тебя просьба.

— Какая?

— Я скажу, когда ты удостоишь своимъ посѣщеніемъ мой домъ, который, повидному, тебѣ не нравится.

— Не домъ твой мнѣ не нравится, а люди, бывающіе у тебя.

— Кто именно?

— Я неправильно выразился: я ненавижу только одного изъ твоихъ постоянныхъ посѣтителей.

— Солиньяка?

— Да.

— За что ты его ненавидишь?

— Не знаю. Я его ненавижу инстинктивно. Съ перваго взгляда на него я понялъ, что это врагъ. Бываютъ на свѣтѣ люди,

которые пересѣкаютъ вамъ дорогу при каждомъ вашемъ шагѣ впередъ. Я не удивлюсь, если и теперь Солиньякъ помѣшаетъ мнѣ достигнуть моей цѣли. Онъ уже разъ виѣшался въ мое дѣло. Ты знаешь, твой красавецъ-полковникъ помогъ бѣгству женщины, которая до сихъ поръ для меня олицетвореніе любви и страсти, какъ графиня Фаржъ олицетвореніе богатства и могущества.

— Откуда ты это знаешь?

— Я прослѣдилъ Терезу и чрезъ подкупы лакеевъ узналъ, что Солиньякъ ее куда-то отвезъ, но куда—не знаю.

— А ты все еще думаешь о Терезѣ? сказала съ ироніей Андрина;—а знаешь, почему ты ее еще не забылъ? Потому, что она тебя бросила. Ты принимаешь оскорбленное самолюбіе за остатокъ любви.

Говоря эти слова, она сѣла на скамейку у пьедестала одной изъ мраморныхъ нимфъ. Агостино остановился подлѣ нея.

— Я тебѣ говорю, что по-прежнему ее люблю, все равно по какой причинѣ, по самолюбію или изъ постоянства, отвѣчалъ онъ;— но одержавъ побѣду надъ графиней Фаржъ, я возвращусь къ Терезѣ и овладѣю снова ею. Это такъ-же вѣрно, какъ то, что я твой братъ.

— Хвастунъ! Ты хочешь бросать женщинъ, а не желаешь, чтобъ онѣ тебя бросали.

— Можетъ быть.

— Ну, ну! произнесла итальянка, пожимая плечами;—я тебѣ совѣтую забыть твою Терезину и думать только о женщинѣ, на которой тебѣ надо жениться. Рег Вассо, эта цѣль достойна Чіампи!

— Да, конечно. Но будетъ-ли графиня моей женою или нѣтъ, сказалъ маркизъ,—моя любовница въ моихъ рукахъ.

До этой минуты Солиньякъ молча слушалъ, судорожно сжимая кулаки, но при послѣднихъ словахъ онъ вышелъ изъ темноты и рѣзко сказалъ:

— По какому праву вы говорите такъ о женщинѣ, которая носить имя честнаго человѣка и желала-бы, чтобъ ее теперь отдѣляла отъ васъ зіяющая бездна?

Агостино отскочилъ, но не отъ страха, а чтобы лучше броситься на врага.

— Солиньякъ! воскликнулъ онъ, скаля свои бѣлые зубы и грозно сверкая глазами.

— Агостино! Полковникъ! произнесла Андреина въ испугъ и бросилась, блѣдная, между ними.

— Въ свою очередь, сказалъ маркизъ, сжимая кулаки, — по какому праву вы говорите о томъ, что составляетъ тайну моей жизни?

— Эта тайна повѣрена ночному зефиру, спокойно отвѣчалъ Солиньякъ съ иронической улыбкой, — а зефиръ повѣдалъ ее первому встрѣчному.

— Вы насъ подслушивали! сказалъ дерзко Чіампи.

— Агостино! Агостино! воскликнула Андреина съ пламенной мольбою.

Она страшилась убійственной стычки между этими двумя людьми, и чувствуя, что для устраненія вѣшкн надо было дѣйствовать на Солиньяка, она бросилась къ нему на шею, и пока онъ смотрѣлъ прямо въ глаза дерзкому итальянцу, она нѣжно шептала ему на ухо:

— Ганри, это мой братъ; ни слова болѣе, мой милый Ганри! Тебя умоляетъ Андреина.

Солиньякъ, зная, что скандалъ въ подобномъ мѣстѣ могъ подвергнуть опасности Ривьера, рѣшился удержать себя, тѣмъ болѣе, что встрѣтиться съ Чіампи и отомстить ему за себя и Клода можно было во всякое время. Онъ высвободился изъ объятій Андреины, пожалъ своей мощной рукой ея маленькую руку и спокойно произнесъ:

— Я братъ по оружію капитана Ривьера. Кто его оскорбляетъ, меня оскорбляетъ. Чтобъ избѣгнуть скандала, я забуду все, что слышалъ, но, маркизъ, не попадайтесь никогда мнѣ на дорогѣ.

— Я пойду, куда хочу, не обращая вниманія на щепку, думающую мнѣ преградить дорогу, отвѣчалъ Чіампи съ дикой энергіей.

— Не щепка, а желѣзная рука васъ остановитъ, произнесъ Солиньякъ, удаляясь; — прощайте!

— До свиданія, сказалъ Агостино.

— Ты съума сошелъ! сказала Андреина брату, смотря вслѣдъ Солиньяку. — Ты хочешь умереть?

— Ты за меня боишься?

— Когда у тебя такой врагъ.

— Ага! полковникъ тебя совершенно укротилъ. Но въ родѣ Чіампи есть еще мужчины. Скажи твоему любовнику, чтобъ онъ берегся. Если онъ еще разъ попадется мнѣ на дорогѣ, я его убью.

— Если ты намѣренъ его убить, Агостино, то лучше приготовь себѣ саванъ, отвѣчала неаполитанка, бросая вызывающій взглядъ на брата.

Между тѣмъ Солиньякъ возвратился въ большую залу, гдѣ находился министръ, и на порогѣ услышалъ страшный крикъ. Въ то-же мгновеніе мимо него пробѣжало нѣсколько дамъ, увлекаемыхъ какимъ-то вихремъ, а вдали онъ увидалъ блѣдную, неподвижную женщину, объятую пламенемъ. Толпа молодыхъ людей бросилась къ ней на помощь, но Солиньякъ, точно ему суждено было вездѣ спасать несчастныхъ, однимъ прыжкомъ опередилъ ихъ всѣхъ и очутился подлѣ горѣвшей женщины, въ которой онъ съ перваго взгляда узналъ прелестную бѣлокурую графиню, такъ недавно еще окруженную сонмомъ поклонниковъ.

Несмотря на свою дѣтскую игривость, она была мужественная женщина, и хладнокровное присутствіе духа спасло ее. Ея воздушное платье было все въ пламени, и если-бъ она отъ страха побѣжала, гибель ея была-бы несомнѣнна. Солиньякъ бросился на колѣни, обнявъ ея пылавшую юбку и быстро сталъ сжимать въ своихъ могучихъ рукахъ легкую матерію. Въ одно мгновеніе огонь потухъ, и когда онъ поднялся съ полу, болѣе блѣдный, чѣмъ графиня, она, стоя все-таки неподвижно среди обгорѣлыхъ остатковъ своего туалета, прелестно улыбалась своему спасителю; только теперь ея улыбка была серьезная.

Все это произошло такъ скоро, что молодая женщина была уже внѣ опасности, когда къ ней подспѣли ея обычные поклонники и осыпали ее вопросами о случившемся. Молодой Сен-Клеръ былъ болѣе всѣхъ перепуганъ и восклицалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Вы не обожжены, графиня? Какъ это могло случиться! Такое несчастье!

— Вѣроятно, я прошла близко мимо пламени, раздуваемого вѣтромъ, отвѣчала она, улыбаясь, — вотъ и все. Наши лѣтнія платья такъ воздушны!

Потомъ, обернувшись къ Солиньяку, смотрѣвшему на нее съ изумленіемъ, она прибавила:

— Благодарю васъ, полковникъ. Вы привыкли брать непріятельскія батареи, а не тушить огонь, но вы прекрасно исполняете то и другое.

И она протянула ему свою маленькую руку въ бѣлой, дѣвственной перчаткѣ.

— Графиня... произнесъ Солиньякъ и молча показалъ свою почернѣвшую перчатку.

— Такъ что-жь? Вы не привыкли къ этому дыму? отвѣчала она и крѣпко пожала его руку.

Въ эту самую минуту Солиньякъ увидалъ въ окружавшей толпѣ пламенно сверкашіе глаза Андреины и не могъ удержаться отъ невольнаго, непривычнаго ему судорожнаго движенія.

— Полковникъ, прибавила графиня, — мнѣ надо поскорѣе скрыться. Посмотрите, на что похожъ мой туалетъ. Вашу руку, полковникъ, проводите меня до кареты. Только подъ эгидой героя меня не поднимутъ на-смѣхъ, прибавила она, граціозно указывая рукою на свою длинную, полуобгорѣвшую юбку.

Солиньякъ поклонился, протянулъ руку, и они оба быстро прошли черезъ залу, прівітствуемне полусдержанными рукоплесканіями присутствующихъ, съ восторгомъ смотрѣвшихъ на мужество графини и рыцарскую храбрость Солиньяка.

— Союзъ силы и граціи, произнесъ грустно Сен-Клеръ.

Садясь въ карету, графиня еще разъ поблагодарила своего избавителя обворожительной улыбкой и прибавила со свѣтской любезностью, которая у нея не имѣла въ себѣ ничего тривіальнаго:

— Полковникъ, я желаю, чтобъ вы были моимъ другомъ. Мой домъ всегда открытъ для васъ, какъ для самаго стараго друга, и я сочту счастливымъ тотъ день, когда вы сдѣлаете мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ. Быть одолженной жизнью человѣку, которому одолжены смертью такъ много враговъ, — завидная рѣдкость.

Солиньякъ ничего не отвѣчалъ, а только молча поклонился, очарованный ея красотою и граціей.

Возвратясь въ залу, онъ прямо наткнулся на Андреину. Она стояла, облокотясь на пьедесталь громадной севрской вазы, и нетерпѣливо обрывала лепестки розъ.

— Вы знакомы съ этой женщиной? спросила она рѣзко.

— Я ее видѣлъ сегодня въ первый разъ.

— Она красавица.

— Нѣтъ, лучше: она прелестна.

— Ее обожаютъ многіе.

— Вамъ знать это лучше всѣхъ; вашъ братъ...

— Мой братъ?

— Развѣ онъ только-что въ саду говорилъ не о графинѣ Фаржъ?

— А вамъ какое дѣло!

— Благородный человѣкъ не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на низость.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Вы увѣждаете?

— Да. А вы? А ты? прибавила шопотомъ Андреина.

— Я остаюсь.

— Ганри, произнесла Андреина, сдерживая гнѣвное движеніе, — берегись, ты меня болѣе не любишь, а хочешь любить эту женщину.

— Вы съума сошли! воскликнулъ Солиньякъ, но нѣсколько принужденно.

— Послушай, Ганри, любовь нѣвѣотѣрныхъ женщинъ роковая. Я тебѣ уже сказала, что меня любить опасно. Берегись! если ты мнѣ измѣнишь...

— Ну?

— Я убью тебя или себя.

— Полноте, отвѣчалъ Солиньякъ, цѣлуя ея руку; — съ какой стати вамъ умирать? Жизнь такъ хороша!

ГЛАВА XIII.

В ы с т р ѣ л ь .

Андрейнѣ пришлось недолго ждать посѣщенія Агостино. На другой день послѣ спены въ министерскомъ саду между Солиньякомъ и маркизомъ, Чампи вечеромъ явился къ сестрѣ.

Онъ засталъ Андреину смущенной, безпокойной; она, насупивъ брови, гадала на картахъ и съ неудовольствіемъ встрѣтила брата.

— Я тебѣ помѣшалъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она, поднявъ голову; — карты предска-
зываютъ мнѣ такіе ужасы, что не стоитъ гадать.

— А ты вѣришь этимъ глупостямъ? Ты — умная женщина,
изъ рода маркизовъ Олона?

— Я вѣрю всему и ничему. Ты самъ игрокъ и долженъ знать,
что нѣкоторыя чувства и страсти суевѣрны.

— А любовь принадлежитъ къ нимъ?

— Суевѣріе доступно любви болѣе всего. Отчего ты это
спрашиваешь?

— Потому, что я вижу, что этотъ человѣкъ тебя совершенно
укротилъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Довольно на тебя посмотрѣть, чтобъ въ этомъ убѣдиться.
Ты неходишь на себя. Ты, кажется, плакала?

— Да, я плакала, а тебѣ какое дѣло, если страданія для
меня своего рода сладострастіе?

— Какъ хочешь. Тебѣ нравится любить, — люби. А я нена-
вижу.

— Ты ненавидишь того самаго человѣка, имя котораго воз-
буждаетъ во мнѣ страстныя желанія. Берегись, Агостино, если
мнѣ придется выбирать между тобой и имъ, конечно, я стану
защищать не тебя.

— Почему ты думаешь, что я стану его преслѣдовать?

— Потому, что подобный тебѣ человѣкъ, питающій ненависть
къ другому, не можетъ оставаться въ бездѣйствіи.

— Тотъ, въ чьихъ рукахъ находится моя тайна, мнѣ врагъ
и я стремлюсь къ его гибели. Неужели ты думаешь, что я не
питаю ненависти къ капитану Ривьеру, моему предшественнику
въ сердцѣ Терезы? Я смотрю на полковника какъ на тѣнь его
друга и хотѣлъ-бы однимъ ударомъ уничтожить ихъ обоихъ. А
времени терять нельзя.

— Времени? Что ты хочешь сказать?

— Ничего, отвѣчалъ Агостино мрачно.

— Ты сказалъ: времени терять нельзя. Что это значить?

— Впрочемъ, отчего не сказать тебѣ всей правды? восклик-
нулъ Чампи. — Ты сейчасъ увидишь, какая это страшная тай-
на. Если богатству графини Фаржъ суждено быть моимъ, то мнѣ

надо торопиться; быть может, через нѣсколько недѣль я не буду на свободѣ.

— Ты?

— Я тебѣ сказалъ, что у меня не было денегъ. Надо было ихъ найти, и я нашелъ.

Послѣднія слова итальянецъ произнесъ съ злобной ироніей; Андрина, зная брата, догадалась, что онъ совершилъ какую-нибудь низость.

— Что-жь ты сдѣлалъ? спросила она.

— Я достаточно знакомъ съ химіей; подвергнувъ металлическую пластинку дѣйствию кислотъ, я сдѣлалъ фальшивые векселя и поддѣлалъ на нихъ подписи.

— Ты совершилъ подлогъ?

— Да. Бѣло протянуть руку, чтобъ вырвать меня изъ тины, въ которой я погрязъ? Ты? Нѣтъ, ни ты, ни кто другой. Я зналъ, гдѣ искать спасенія, или, по крайней мѣрѣ, того, что я считалъ спасеніемъ, и не колеблясь пошелъ къ цѣли.

— Дальше.

— Хорошо, я тебѣ все скажу. Я членъ повидимому могущественнаго, но въ сущности слабаго тайнаго общества, имѣющаго цѣлью низвергнуть имперію.

— Я знаю.

— Кто тебѣ сказалъ? Я никогда объ этомъ не говорилъ.

— У меня своя полиція. Я знаю не хуже тебя о томъ, что дѣлается въ Парижѣ. Я пріѣхала сюда отчасти за тѣмъ, чтобъ убѣдиться, крѣпко-ли сидитъ Бонапартъ. Но королева Каролина сильно ошибается, надѣясь на низверженіе колосса заговоромъ, подобнымъ вашему. Имперіи грозитъ гораздо большая опасность отъ войны съ Испаніей, пожирающей массы солдатъ, золота и пороха.

— Какъ-бы то ни было, продолжалъ Агостино, — это тайное общество имѣетъ своихъ начальниковъ, союзниковъ и фонды, часть которыхъ находится въ Бордо. По предъявленіи векселя банкирскій домъ, гдѣ помѣщены капиталы общества, обязывался выдать предъявителю 300,000 франковъ. Я это зналъ. Я похитилъ вексель у казначея общества.

— У капитана Ривьера?

— Да, я вижу, ты все знаешь. Но похитивъ вексель, мнѣ надо было положить его обратно. Я сдѣлалъ фальшивый вексель,

точь-въ-точь какъ настоящій, такъ что, сравнивая ихъ, никто не скажетъ, который изъ нихъ подложный. Потомъ я возвратилъ вмѣсто настоящаго фальшивый вексель, а настоящій предъявилъ къ уплатѣ въ Бордо у банкировъ: Мишеля Борда и Казавани, чрезъ посредство человѣка, неподозрѣвающаго, что онъ сообщникъ преступленія.

— Ну? произнесла Андреина холодно, тогда-какъ Чіампи все болѣе и болѣе воспламенялся рассказомъ о своемъ преступленіи.

— Ну, вся эта великолѣпная комбинація ни къ чему не привела. Получивъ деньги, я, какъ дуракъ, ихъ проигралъ и снова сталъ такимъ-же нищимъ, какъ и прежде. Я теперь нахожусь въ самомъ ужасномъ положеніи. Черезъ мѣсяць, а можетъ и черезъ нѣсколько дней, обществу понадобятся капиталы и оно представитъ фальшивый вексель въ банкирскій домъ. Тогда...

— Тогда, спросила медленно Андреина, — кого обвинять, тебя или человѣка, которому было поручено хранить вексель?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Только то, что когда совершается кража изъ денежнаго сундука, подозрѣваютъ прежде всего человѣка, у котораго хранится ключъ отъ него.

— Ты думаешь, что подозрѣніе падеть на капитана?

— Отчего-же нѣтъ?

— О! капитанъ олицетворенная честность, сказала Агостино, не для защиты Ривьера, но изъ боязни, что неуязвимая репутація капитана ставила его выше всякаго подозрѣнія.

— Вексель все еще у него?

— Нѣтъ, онъ теперь у главы общества, *Вара*, то-есть у полковника Тевено.

— Когда полковникъ Тевено представитъ банкирамъ въ Бордо подложный вексель и они откажутся уплатить по немъ, то кого обвинять въ подлогѣ: тебя или капитана Ривьера?

— Ты права; конечно, его, отвѣчалъ Агостино; — но обвиненный въ подобномъ преступленіи, Клодъ Ривьеръ будетъ защищаться и у него есть опасный свидѣтель противъ меня.

— Кто?

— Тереза. Она знаетъ, что я сдѣлалъ подлогъ, и тотчасъ догадается, что никто другой не могъ украсть подлиннаго векселя

изъ бумагъ капитана. Я одинъ приходилъ въ домъ во время его отсутствія.

— Тереза тебя любитъ. Она никогда тебя не выдастъ.

— Кто знаетъ, любитъ-ли она меня? Она любила меня, это правда. Но зачѣмъ она бѣжала?

— Если-бъ ты вздумалъ спрашивать у женщинъ причины всѣхъ ихъ дѣйствій, то едва-ли-бы часто могъ получить обстоятельный отвѣтъ. Но я вижу, сегодня ты глупый трусъ. Ты былъ достаточно ловокъ, чтобъ поддѣлать вексель, хотя, сознаюсь, это низко и недостойно маркиза, то будь-же мужественнымъ человекомъ и твердо ожидай послѣдствій своего поступка.

— Неужели ты думаешь, что я дрожу отъ страха? О, простота! въ тотъ день, когда я струшу, Везувій выброситъ золото вмѣсто лавы. Но меня сердитъ мысль, что порывъ вѣтра можетъ уничтожить всю мою работу. Филадельфы встревожатся, когда узнаютъ о подложности векселя; они образуютъ судъ чести подъ предсѣдательствомъ Вара, и, кто знаетъ, вынесу-ли я взглядъ и смѣлую рѣчь обвиняемаго Клода Ривьера.

— Право, ты хуже бабы! Впрочемъ, я всегда предполагала, въ чемъ и убѣдилась теперь окончательно, что женщину труднѣе побѣдить, чѣмъ мужчину. Зачѣмъ ты безпокоишься о будущемъ? Ты боишься скандала и позора, которые могутъ тебя заклеить? Но вѣдь боязнь смерти и смерть—двѣ вещи разныя, говоритъ итальянская пословица. Думай только о графинѣ Фаржъ и женись на ней, если можешь.

— Да, произнесъ Чіампи, сверкая глазами, — вотъ моя цѣль, вотъ моя мечта! Мнѣ необходимо ея богатство, и оно будетъ мимъ, хотя-бы мнѣ пришлось побороть десятки преградъ, хотя-бы и онъ всталъ на моемъ пути.

— Кто онъ?

Андреина инстинктивно насупила свои прекрасныя черныя брови. Она догадывалась, о комъ говорилъ ей братъ, но хотѣла, чтобъ онъ произнесъ имя, которое она боялась услышать.

— Онъ — разумѣется, полковникъ.

— Развѣ полковникъ тебѣ мѣшаетъ думать о графинѣ Фаржъ?

— Можетъ быть.

Андреина схватила руку брата и крѣпко сжала ее.

— Не правда-ли, воскликнула она съ неожиданной вспышкой гнѣва,—ты замѣтилъ, съ какой улыбкой онъ обнялъ эту женщину? Значить я не бредила! Значить я хорошо видѣла и вѣрно отгадала! Онъ ее любитъ! Ты увѣренъ, что онъ ее любитъ?

— Нѣтъ, я ничего не знаю, отвѣчалъ маркизъ съ иронической улыбкой,—но я видѣлъ, что сегодня въ Тюльери графиня долго гуляла подъ руку съ красавцемъ полковникомъ, и толпа разступалась передъ этой веселой, прелестной парочкой. Происшествіе на министерскомъ балу произвело много шума въ свѣтъ, который съ жадностью набрасывается на всякій скандалъ или драму. Нѣсколько часовъ тому назадъ, на этой самой прогулкѣ, Сен-Клеръ представилъ меня графинѣ Фаржъ; встрѣтивъ меня своей обычной, очаровательной улыбкой, она обратилась къ полковнику и спросила его, кто я такой и чѣмъ занимаюсь. Служишь, Андреяна? Она у него наводила обо мнѣ справки! Она спросила у друга капитана Ривьера, какъ отнестись къ маркизу Олона! Двери дома графини для меня открыты, но на порогѣ я встрѣчаю... кого? Солиньяка. Въ ту самую минуту, какъ я дѣлаю первый шагъ къ побѣдѣ надъ женщиной, представляющей для меня всю будущность и которую я заставлю себя полюбить или соблазну силой, если будетъ нужно—(при этомъ Агостино махнулъ рукой съ дерзкой смѣлостью, подобно Ловеласу, угрожавшему Кларисѣ),—Солиньякъ загораживаетъ мнѣ дорогу. Вездѣ Солиньякъ! Вотъ что я знаю, сестра, вотъ что наполняетъ мое сердце злобой и сжимаетъ мои кулаки. Ты понимаешь эту злобу? Солиньякъ для меня живая опасность, онъ оспариваетъ мою побѣду, онъ можетъ лишить меня этой женщины, похитить ея сердце... нѣтъ, ея богатство,—какое мнѣ дѣло до ея сердца! Чіампи еще не выродились! Въ нашемъ родѣ знаютъ, какъ отдѣлаться отъ соперника и какъ устранить опасность.

— Опять ты думаешь объ убійствѣ?

— Да вѣдь я тебѣ сказалъ, сумасшедшая, что твой любовникъ думаетъ о другой. Не тебѣ его защищать! Лучше помоги мнѣ отомстить ему.

— Я его люблю, сказала Андреяна съ какимъ-то глубокимъ, раздирающимъ вздохомъ;—если онъ дѣйствительно любитъ графиню, то это подло съ его стороны! Но тебѣ я запрещаю дотрогаться до него пальцемъ.

— Я вижу, ты вовсе не ревнива, отвѣчалъ Агостино со смѣхомъ.

— Я не ревнива? Если-бъ твои слова подтвердились, я убил-а-бы не его, а ее или себя, прибавила итальянка мрачно.

— Себя!

— Отчего-же нѣтъ?

— Какое безуміе! Надо отомстить, а не умереть.

— Когда имѣла счастье быть любимой и прильнула губами къ полной чашѣ блаженства, сказала Андреина страстнымъ голосомъ,—когда знала въ жизни минуту безумнаго забвенія, а потомъ пришло сознаніе, что все кончено, остается только умереть, вспоминая пережитое счастье.

— Ты только-что упрекала меня въ трусости, произнесъ съ улыбкою Агостино,—а теперь я назову тебя трусихой.

— Я трусиха? когда я мечтаю о смерти?

— Да, тебѣ надо отомстить, а не умереть.

— Отомстить—кому?

— Ему, измѣннику.

— Ему, ему! повторила Андреина, закрывая глаза и какъ-бы вызывая передъ собою скрывавшееся отъ нея видѣніе.

Черезъ минуту она быстро подняла голову, взглянула на Чіампи своими блестящими глазами и рѣзко сказала:

— Окажи мнѣ услугу.

— Какую?

— Услугу химика, такъ-какъ ты знаешь эту науку, сказала она съ странной улыбкой, думая, вѣроятно, о совершенномъ имъ подлогѣ.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Агостино.

— Выслушай меня: однажды императоръ попросилъ у доктора Кабаниса, умершаго въ прошломъ году, того самаго яда, который онъ далъ Кондорсе. Имѣя этотъ ядъ постоянно при себѣ въ перстиѣ, Наполеонъ счастливъ. Онъ можетъ не бояться судьбы. Прошу тебя, сдѣлай для меня то, что Кабанисъ сдѣлалъ для Кондорсе и императора.

— Ты просишь яда?

— Да, страшнаго яда, но который не причинялъ-бы страданій; имѣя его при себѣ, я буду въ состояніи избѣгнуть всякой опасности и вполне удовлетворить жаждѣ мести.

— Ты получишь этотъ ядъ, отвѣчалъ маркизъ.

Андреина сняла съ безъимянаго пальца лѣвой руки кольцо съ большой бирюзой и подала его брату.

— Камень приподнимается и углубленія подъ нимъ достаточно для яда. Когда ты мнѣ его принесешь?

— Завтра. Мой ядъ не только причиняетъ смерть, но оцѣняетъ счастливыми видѣніями. Въ его убійственной силѣ есть какое-то сладострастіе.

— Тѣмъ лучше; мнѣ этого и нужно. Благодарю тебя, Агостино.

Она протянула руку и вѣрно сжала его мускулистые пальцы.

— До завтра, сказала она такимъ тономъ, который прямо говорилъ: довольно, убирайся.

— Я вижу, замѣтилъ Агостино съ улыбкой, — что еще минута — и я буду лишній.

Между тѣмъ наступила ночь. Андреина позвонила лакею и приказала ему принести лампу.

— До завтра, сказалъ Агостино, взявъ шляпу.

— Это рѣшено?

— Подписано.

Въ самой двери онъ остановился и, поспѣшно возвратясь къ сестрѣ, произнесъ угрожающимъ тономъ, заставившимъ Андреину невольно вздрогнуть:

— Я догадываюсь, что ты ждешь *его*. Скажи-же ему, чтобъ онъ, выходя отъ тебя, берегся дурной встрѣчи. Онъ мѣшаетъ многимъ на этомъ свѣтѣ и въ одинъ прекрасный день съ нимъ случится несчастье.

Несмотря на свое мужество, Андреина не могла удержаться отъ страха. Чіампи принадлежалъ къ тому разряду людей, которые всецѣло подчиняются чувству ненависти.

„Онъ твердо рѣшился столкнуть Ганри съ своей дороги, подумала Андреина, когда ушелъ ея братъ; — какъ онъ его ненавидитъ! Какъ онъ желаетъ его погибели!“

Маркизъ отгадалъ. Андреина ждала Солиньяка. Красавецъ полковникъ, проведя нѣсколько часовъ въ Тюльери въ разговорѣ съ графиней Фаржъ, находился подъ чарующимъ вліяніемъ „маленькой графини“; онъ отправился къ Андреинѣ почти съ неудовольствіемъ.

Благодаря случайности, играющей столь важную роль въ чело-
вѣческой жизни, домъ графини Фаржъ находился рядомъ съ
домомъ, нанятымъ маркизой Олона. Эта случайность сердила Со-
линьяка. Судьбѣ было угодно помѣстить рядомъ двѣ противопо-
ложности: страстную искательницу приключеній и честную, доб-
родѣтельную женщину.

„Одна стѣна ихъ отдѣляетъ, думалъ онъ,—а между ними цѣ-
лый міръ“.

Конечно, Андрина была прелестна и соблазнительна съ ея
сладоострастными движеніями и пламенными глазами, отъ блеска
которыхъ кровь кипѣла въ жилахъ Солиньяка. Но эта обворо-
жительная итальянка, несмотря на ея чары, казалась ему те-
перь пошлой въ сравненіи съ блѣлой графиней, которая
привлекала къ себѣ дѣтски-невинной улыбкой и открытымъ, бла-
городнымъ взглядомъ.

Марціалъ Кастаре, замѣтивъ, что Солиньякъ былъ въ очень
тревожномъ настроеніи, не преминулъ сказать про себя:

— Чернокудрая женщина! Чернокудрая женщина!

Предсказаніе г-жи Ленорманъ время отъ времени пугало его,
какъ страшный призракъ.

— Вѣдная Катису! говорилъ онъ въ подобныя минуты Ека-
теринѣ Маньякъ, племянницѣ патера, на которой онъ общалъ
жениться.—Молись, Катису, чтобъ полковникъ не рисковалъ своей
шкурой. Его смерть лишитъ и меня жизни. Я на тебѣ
могу жениться только тогда, если полковникъ пощадитъ себя и
меня.

Поэтому естественно, что Кастаре былъ встревоженъ, видя вол-
неніе Солиньяка.

— Въ воздухѣ гроза, сказалъ онъ, подавая жилетъ полков-
нику.

— Кто тебѣ сказалъ? спросилъ Солиньякъ, пристально взгля-
нувъ на него.

— Никто, я догадываюсь.

— Такъ ты плохой отгадчикъ. Подай мнѣ сюртукъ. Но что
съ тобою?

Высокій, сухой, костлявый Кастаре, съ большими, торчащими
ушами, полускрытыми подъ волосами, молча крутилъ узловатыми
пальцами длинные, рыжіе усы, которые какъ плетки висѣли

вдоль его худощавыхъ щекъ, благодаря влетеннымъ въ нихъ дробинкамъ, по солдатской модѣ того времени.

— Ну, что-же съ тобой?

— Ничего. Быть можетъ, и глупо, но каждый разъ, какъ вы отправляетесь къ этой дамѣ, мнѣ какъ-то страшно. Я желалъ-бы лучше, полковникъ, чтобъ вы шли на приступъ неприятельскаго редута.

— Это доказываетъ только, что ты не любишь романтическихъ приключеній.

— Кто знаетъ! произнесъ Кастаре, но-прежнему крутя усы.

— Ага! и у тебя любовь...

— Честная любовь, полковникъ, что не мѣшаетъ ей быть вполне искренней. Къ тому-же мы всѣ люди свои. Екатерина Маньякъ—горничная графини Фаржъ, которую вы такъ мужественно спасли на-дняхъ.

— Графини! повторилъ Солиньякъ здумчиво и слегка поблѣднѣвъ.

— Вотъ эта, такъ настоящая женщина, хотя и свѣтская. Екатерина ее обожаетъ и всѣ ее любятъ. Господи! если-бъ я...

— Что?

— Ничего.

— Ты хотѣлъ что-то сказать?

— Нѣтъ, ничего, полковникъ.

— И хорошо дѣлаешь. По этому предмету ни слова, слышишь?

— Слышу, полковникъ.

Солиньякъ хотѣлъ уже уходить, но Кастаре остановилъ его.

— Одно слово, полковникъ, сказалъ онъ.

— Еще что?

— Возьмите съ собою оружіе, какое хотите.

— Ты съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, я остороженъ, можетъ быть, слишкомъ остороженъ, но не сошелъ съ ума. Знаете-ли вы, на какой почвѣ вы стоите? Здѣсь всѣ говорятъ, что итальянка—опасная женщина, присланная въ Парижъ неаполитанскимъ дворомъ для...

— Довольно, меня вовсе не интересуютъ сплетни Екатерины Маньякъ, а что касается до опасностей, мнѣ будто-бы угрожающихъ, ты, кажется, болѣе всѣхъ долженъ знать, какъ я ими презираю.

— Я это знаю, но вѣдь дѣло касается и меня, такъ-какъ карты...

Солиньякъ громко разсмѣялся, дружески потрепалъ по плечу Кастаре, и, выйдя изъ дома, направился по бульварамъ къ маркизѣ Олона.

Кастаре нѣсколько утѣшился мыслью, что хотя полковникъ и пошелъ къ итальянкѣ, но все-же будетъ недалеко отъ него, такъ-какъ въ этотъ вечеръ онъ, Кастаре, былъ приглашенъ къ Екатериѣ Маньякъ, въ домъ графини Фаржъ.

Между тѣмъ Солиньякъ пришелъ къ Андреинѣ почти тотчасъ-же послѣ ухода Агостино. Уже наступила ночь. Высокая лампа освѣщала гостиную, въ которой находилась маркиза Олона, и вокругъ ея пламени кружились по временамъ бабочки, залетая изъ сада въ отворенную дверь. Садъ, погруженный во мракъ, казался какой-то туманной декорацией; густыя массы деревьевъ выступали какъ черныя пятна на свѣтломъ, но беззвѣздномъ небѣ. Было что-то таинственное, грустное и невольное вселяющее опасеніе въ этой большой комнатѣ, гдѣ сидѣла Андреина, блѣдная, безмолвная, а въ пустынномъ, мрачномъ саду словно скрывалось что-то страшное, роковое.

Андреина вскорѣ убѣдилась, что предчувствія и опасенія Агостино были справедливы. Солиньякъ, вѣроятно, думалъ о другой женщинѣ, потому что онъ былъ очень задумчивъ, сосредоточенъ и почти холоденъ, а взгляды его постоянно устремлялись въ глубину сада, точно его мысли переносились въ сосѣдній домъ графини Фаржъ. Эта ледяная меланхолія Солиньяка ужасала маркизу и она чувствовала ту грызущую сердце боль, о которой говорилъ ей братъ. Ей хотѣлось прочесть въ глубинѣ души Солиньяка и объяснить ему самому его странное безмолвіе, холодность и взгляды, устремленные въ даль. Вдругъ она вздрогнула. Изъ сада слышались отдаленные, нѣжные звуки арфы. Какая-то невѣдомая рука съ чувствомъ играла одинъ изъ поэтическихъ романовъ Альвизари, опернаго арфиста, который соперничалъ въ то время съ Плянтадомъ и Карбонелемъ, перелагавшими на ноты арію, распѣваемыя королевой Гортензіей. Эта мелодія была кокетлива и меланхолична, и хотя истинное чувство замѣнилось въ ней сантиментальностью, но среди прекрасной лѣтней ночи, въ окружающей безмолвной тишинѣ, она казалась отголоскомъ безсмертной, поэтической музыки Моцарта.

Солнныкъ также вздрогнулъ, услыжавъ звуки арфы и догадываясь, чьи пальцы бѣгали по ея струнамъ. Андрейна закрыла глаза; ее душили горькія слезы и она едва слышно промолвила:

— О, эта женщина, эта женщина!

Когда она открыла глаза, Солнныкъ находился уже не подле нея; онъ стоялъ въ дверяхъ, все еще прислушиваясь, хотя звуки арфы замерли. Андрейна быстро провела рукою по пылавшему лбу и машинально ея взглядъ остановился на лампѣ, по стеклу которой бабочка безпомощно была полусожженныиъ крыломъ.

— Бѣдняжка! произнесла итальянка съ грустной улыбкой,— ты также обезумѣла отъ свѣта и счастья. Жги себя крылья объ это мнимое солнце! О, живое пламя любви!

И ей казалось, что въ эту минуту не бабочка жгла себя крылья на лампѣ, а ея сердце стремилось къ любви на вѣрную свою погибель.

„Такъ умеръ Оттавіо, подумала она, неожиданно вспомнивъ о человѣкѣ, убившемъ себя изъ любви къ ней. — Отчего пришелъ мнѣ на умъ Оттавіо? Какое мнѣ дѣло до него? Онъ погнѣнъ по своей глупости—вольно-же ему было любить созданіе, неотвѣчающее ему тѣмъ-же!

Она встала, подошла къ Солнныку и, положивъ обѣ руки къ нему на плечо, сказала:

— Ганри, послушайся моего совѣта, уйди отсюда, ты меня сегодня не любишь.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ отъ прикосновенія Андрейны. Онъ былъ изумленъ ея словами, точно она читала въ глубинѣ его сердца своими блестящими, жгучими глазами, свѣтившимися въ темнотѣ какъ угли.

— Ступай, повторила Андрейна;—лучше я буду думать о тебѣ, чѣмъ видѣть тебя безмолвнаго, незнающаго, что сказать женщинѣ, отдавшейся тебѣ всецѣло. Звуки арфы говорятъ твоему сердцу больше, чѣмъ нѣкогда любимый голосъ, прибавила она скорѣе съ отчаяніемъ, чѣмъ съ ироніей;—впрочемъ, что-же вѣчно на землѣ? Страданіе? И то проходяще, оно убиваетъ!

Солнныкъ сознавалъ, что эта женщина отгадала его чувства, и не рѣшился прибѣгнуть ко лжи для ея успокоенія. Онъ искренно увлекся упительной красотой Андрейны и эта опяняю-

щая страсть была ему дорога, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній жизни, какъ пріятно проведенный лѣтній день, сіяющій солнцемъ и цвѣтами. Онъ еще находился подъ вліяніемъ одуряющаго благоуханія розъ, служившихъ эмблемою этой любви. Но минутный капризъ блѣднѣлъ и ступевывался передъ зарождавшейся настоящей, цѣломудренной любовью. Случайная привязанность исчезала, какъ ночной призракъ при первыхъ лучахъ солнца истинной, долговѣчной любви. Солиньякъ понималъ это ясно и теперь задача жизни казалась ему простой, очевидной.

Въ эту минуту, какъ-бы отвѣчая на слова Андреины, снова раздались звуки арфы, нѣжные, меланхоличныя; они сладко убаюкивали мечты Солиньяка, но терзали сердце итальянки, которая съ радостью заглушила-бы ихъ криками злости и отчаянія.

— Ну, до завтра, сказала рѣзко Андреина, лихорадочно протягивая руку Солиньяку.

— До завтра, промолвилъ Солиньякъ почти безсознательно.

Онъ пошелъ къ двери, но тотчасъ-же вернулся, услыжавъ полусдержанныя рыданія Андреины.

— Бѣдная! воскликнулъ онъ и, поспѣшно подбѣжавъ къ ней, крѣпко ее обнялъ.

— Нѣтъ, произнесла она, грубо освобождаясь отъ него, — я не хочу состраданія. По мнѣ лучше ненависть.

Но въ ту-же минуту она съ какимъ-то дикимъ пыломъ схватила руку Солиньяка и поцѣловала ее.

— Люби меня, люби меня! промолвила тономъ мольбы эта за минуту еще гордая женщина, — я отдала тебѣ всю мою жизнь. Впрочемъ, что такое жизнь? продолжала она съ дикимъ смѣхомъ, указывая на бабочку, которая съ обожженными крыльями лежала у подножія лампы. — Посмотри! мы сами должны избѣгать огня. Если онъ насъ пожираетъ, значитъ такова воля судьбы. До завтра! До завтра! Или прощай на-всегда, если ты меня не любишь!

Послѣднія слова Андреина произнесла такимъ мрачнымъ тономъ, что Солиньяку стало страшно за нее.

— До завтра, отвѣчалъ онъ, побуждаемый чувствомъ состраданія, отъ котораго краснѣла итальянка.

Потомъ онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и направился чрезъ садъ къ калиткѣ, выходившей въ маленькій, узкій переулокъ, который, оглябая домъ, оканчивался въ улицѣ Мон-Блана.

Андрейна смотрѣла вслѣдъ Солиньяку съ нервнымъ волненіемъ. Ей казалось, что она никогда его болѣе не увидитъ, что онъ не вернется въ этотъ домъ, гдѣ она его такъ часто съ нетерпѣніемъ поджидала. Онъ, конечно, сказалъ „до завтра“, но если это была ложь? Если онъ дѣйствительно любитъ другую?

Садъ съ его темными аллеями и громадными, неподвижными, черными массами навѣвалъ ужасъ на Андрейну, въ ушахъ которой еще раздавались угрозы Агостино. Она судорожно прислушивалась къ шагамъ Солиньяка, хрустѣвшимъ по песку. Наконецъ, эти послѣдніе звуки замерли и глубокая тишина окружила ее со всѣхъ сторонъ.

— Одна! промолвила она;—одна!

Черезъ нѣсколько минутъ снова слышалась игра на арфѣ въ саду графини Фаржъ. Андрейна злобно скомкала въ рукахъ батистовый платокъ и схватилась обѣими руками за голову. Но въ это самое мгновеніе звуки арфы были заглушены страшнымъ, роковымъ звукомъ: раздался выстрѣлъ, рѣзко нарушившій безмолвную тишину.

Андрейна вскрикнула и схватилась инстинктивно за сердце; ей казалось, что оно мгновенно лопнуло. Гдѣ выстрѣлили? Въ кого выстрѣлили? она ничего не знала. Но инстинктъ, страхъ, любовь заставили ее произнести:

— Ганри! Ганри!

Она хотѣла бѣжать, но ея ноги какъ-бы приросли къ землѣ, кровь прилила къ груди, въ глазахъ потемнѣло и она схватилась рукою за кресло, чтобъ не упасть.

— Ахъ! низкая трусиха! воскликнула она и съ неимовернымъ усиліемъ поборола овладѣвшую ею на минуту апатію отчаянія.

Она бросилась въ садъ и какими-то невѣдомымъ чутьемъ, несмотря на окружающій ее мракъ, побѣжала по темнымъ аллеямъ прямо къ калиткѣ, выходившей въ переулокъ. Страхъ увидѣть Солиньяка, раненаго, мертваго, подкашивалъ ей ноги, но силы ея поддерживалъ жалобный стонъ, вырвавшійся изъ ея груди:

— Ганри! Ганри!

Подбѣжавъ, наконецъ, къ калиткѣ, ключъ отъ которой всегда былъ у нея, она выскочила въ переулокъ. Все было тихо, безмолвно, пустынно. Она громко позвала Солиньяка; отвѣта не

было. Слышанный ею выстрѣлъ казался ей теперь еще таинственнѣе и страшнѣе.

— Ганри! Ганри!

Никто не откликнулся на ея призывъ.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ. Вдали, въ концѣ аллеи, огибавшей ея домъ, смутно видѣлись двѣ тѣни, тихо, тяжело удалявшіяся при слабомъ мерцаніи фонаря. Черезъ мгновеніе онѣ исчезли во мракѣ.

— Это онъ! Это онъ! промолвила она.

И снова раздался ея раздрающій крикъ:

— Ганри! Ганри!

Она хотѣла броситься за исчезнувшими фигурами, какъ вдругъ желѣзная рука схватила ее за плечи и голосъ Агостино, глухой, сильный, произнесъ ей на ухо:

— Не кричи! Не зови на помощь! Брось его или я тебя задушю!

— Агостино! воскликнула она, — я знала, что это убійство и убійца — ты!

— Иди домой, рѣзко произнесъ маркизъ, — и не думай о своемъ любовникѣ. Если онъ умеръ, дѣло рѣшено, если нѣтъ, придется начать съизнова.

— Подлецъ! Убійца!

— Иди домой! повторилъ Агостино, сжимая какъ въ тискахъ кисть одной изъ ея рукъ и грубо вырывая ключъ изъ другой.

Потомъ онъ насильно повлекъ ее къ калиткѣ и втолкнулъ въ садъ. Самъ же, заперѣвъ калитку, бросился по алеей къ дому, желая, вѣроятно, выдти на улицу черезъ главный подъѣздъ.

Андреина безсознательно, беспомощно повиновалась брату, но, оставшись одна, она вспомнила видѣнныя ею вдали фигуры; она инстинктомъ чувствовала, что одна изъ нихъ непременно Солиньякъ. Она снова кинулась къ калиткѣ, которая оказалась запертой. Крики несчастной замерли въ ночной тишинѣ; сердце ея оледѣло, она зашаталась и грохнулась безъ чувствъ на песчаную дорожку.

„Хорошо, что я подождать, думалъ Агостино, — а то на ея крики сбѣжались-бы сосѣди и тогда все было-бы кончено.“

Швейцаръ, блѣдный отъ страха, выпуская Агостино изъ парадной двери, спросилъ, что случилось.

- Не знаю, а развѣ что-нибудь случилось?
— Какъ! вы не слышали выстрѣла?
— Нѣтъ, отвѣчалъ маркизъ съ усмѣшкой;— навѣрное какой-нибудь сумасшедшій застрѣлился. Дуракамъ жизнь въ тягость.
И, пожимая плечами, онъ вышелъ на улицу.

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ МОГИЛѢ.

(М. Н. Суриковой.)

...Я въ тѣсной могилѣ лежу одиноко,
Объятый мучительно-тягостнымъ сномъ,
Засыпанъ землею, безъ словъ и дыханья,
Бесильныя руки сложивши крестомъ.

И давить меня сонъ тяжелый, глубокий,
И насыпь могильная грудь мнѣ гнететь,
И слышится смутно мнѣ чье-то рыданье,
И кто-то меня изъ могилы зоветъ.

И чья-то слеза, прорывая могилу,
Мнѣ грудь прожигаетъ сильнѣе огня...
О, знаю я, кто эти слезы роняетъ,
Кто влечетъ изъ темной могилы меня.

Голубка моя, это ты тамъ рыдаешь!
Горячія слезы роняешь по мнѣ:
Одна только ты мои пѣсни любила,
Какъ ни были грустны и скорбны онѣ.

Одной я тебѣ только въ жизни былъ дорогъ,
Одна только ты озаряла мой путь,
Когда-же я падалъ на трудной дорогѣ,
Ты вѣрой своей согрѣвала мнѣ грудь.

Теперь ты желаешь поднять меня снова
Для пѣсенъ былыхъ, но заглохъ ихъ родникъ:
Лежу я придавленъ холодной землею,
Мой умъ безъ движенья и нѣмъ мой языкъ.

Не кличь, не зови ты меня изъ могилы,
Не трать понапрасну слезъ горькихъ своихъ:
Не вѣрю я въ счастье, растратилъ я силы
И мнѣ не воскреснуть для пѣсенъ былыхъ.

И. Суриковъ.

ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

ВЪ

НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ.

VI.

Преобразования въ системѣ школьнаго образованія и наследственныя жѣры, при помощи которыхъ совершалось преобразование, должны были отпугнуть невѣжественный народъ отъ школъ. Но эти причины были не единственными тормозами, замедлявшими успѣхи школы при Петрѣ. Мѣшали успѣхамъ этихъ школъ и нищета народа, и недостатокъ учителей, и агитація старой партіи противъ Петра и всѣхъ его начинаній, и, наконецъ, враждебная пропаганда раскольниковъ, вербовавшихъ народъ въ свои школы и вооружавшихъ его противъ школъ Петра.

Нищета народа во дни Петра была страшная. Посошковъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ нарисовалъ намъ печальную картину тогдашней бѣдности народа, когда громадныя реформы Петра поглощали у него и доходы, и рабочія силы. Самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ изображаетъ въ самомъ жалкомъ видѣ экономической бытъ народа, особенно при тогдашнемъ немыслимомъ корыстолюбіи и грабительствѣ приказнаго начальства. Взяточничество и своеволие людей, облеченныхъ властью, всегда было на Руси, гдѣ уже самое пространство территоріи, рѣдкость населенія, плохіе пути сообщенія и невѣжество дѣлали невозможными какъ правильный правительственный контроль, такъ и жалобы со стороны притѣсняемыхъ на притѣснителей. „До Бога высоко, до

царя далеко“, говорилъ народъ и выносилъ всё продѣлки приказныхъ, воеводъ и тому подобнаго люда. При Петрѣ бѣдность должна была естественнымъ образомъ усилиться, такъ-какъ нужно было добывать деньги на постройку Петербурга, на созданіе флота, на увеличеніе войска, на веденіе войнъ. Десятки тысячъ работниковъ требовались для постройки Петербурга. Выдумывались новые налоги; взиманіе недоимокъ было чрезвычайно строгое; если неуспѣшно взимали воеводы, посылали гвардейскихъ офицеровъ, которые сковывали воеводъ, а крестьянъ ставили голыми ногами на снѣгъ, били по пятамъ палками и т. п. Нечего и говорить о злоупотребленіяхъ воеводъ въ этихъ случаяхъ. Затѣмъ постоянное войско на крестьянскихъ квартирахъ, притѣсненія и обиды отъ тогдашнихъ офицеровъ и солдатъ, особенно отъ казаковъ. „И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смиренно стоятъ и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно, а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ... И того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ еще и жестоко учиненъ, да и жестоко поступать его, понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не только простолюдинъ достигнуть по нему, но и военный человекъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщеть“¹⁰³). Частые наборы и продолжительная, тяжелая война дѣйствовали на крестьянъ еще хуже. Въ такомъ-же плачевномъ положеніи было и низшее духовенство, и мелкіе приказные,—всѣ люди, жившіе на счетъ того-же народа. Что-же мудренаго, что народъ не могъ-бы посылать дѣтей въ школы, если-бы онѣ и были? Бѣдняку не до школы. Немудрено также, что мѣщане и мелкіе торговые люди жаловались на то, что ихъ дѣла разстраиваются вслѣдствіе отнятія у нихъ дѣтей-помощниковъ. Но если большинство учениковъ не имѣло физической возможности посѣщать школы вслѣдствіе бѣдности, то сами школы не могли успѣшно создаваться вслѣдствіе недостатка учителей. Священники при Петрѣ едва умѣли писать и имъ трудно было ввѣрить школы. Петръ выписалъ ученыхъ изъ Кіева, но кіевскихъ ученыхъ было недостаточное количество и они не могли по самому направленію своему принести народу пользу и, дѣйстви-

¹⁰³) *Посошковъ*, Соч., гл. II, стр. 33—35.

тельно, не вызвали особеннаго развитія тогдашнихъ народныхъ школъ. Потомъ Петръ выписалъ изъ Лифляндіи пастора Глюка и поручилъ ему устройство нѣкоторыхъ школъ. Но Глюкъ, будучи слишкомъ одностороненъ, сталъ устраивать школы по образцу лифляндскихъ и даже заставлялъ русскихъ учениковъ пѣть протестантскіе гимны и вскорѣ былъ уволенъ ¹⁰⁴⁾. Далѣе Петръ назначилъ образователями народа многихъ плѣнныхъ шведовъ. Наконецъ, Петръ призвалъ изъ Англіи Фарварсона, Гвина и Грейса. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ русскихъ учителей, Петру постоянно приходилось обращаться къ „нѣмцамъ“, и эти учителя, конечно, не могли приготовить порядочно юношество, незнавшее иностранныхъ языковъ. Жалобамъ на недостатокъ учителей нѣтъ числа въ тогдашнихъ актахъ, указахъ и доношеніяхъ.

Большая часть воспитателей, занимавшихся тогда обученіемъ юношества, походила на извѣстнаго воспитателя М. В. Данилова. Этотъ воспитатель былъ нѣкто пономарь Филиппъ, по прозванію Брудастый. Пономарь этотъ представляетъ намъ типъ педагога въ началѣ XVIII столѣтія. Онъ былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ; борода большая, круглая, покрывала грудь его; голова съ густыми волосами ровнялась съ плечами его и казалось, что у него шея не было. Жилъ онъ со своею женою въ избушкѣ, стоявшей на краю села Харина, и кромѣ Данилова у него было еще нѣсколько учениковъ, подобныхъ-же мучениковъ. Приходилъ Даниловъ къ учителю своему рано утромъ и, по обычаю, предписанному еще Домостроемъ, безъ молитвы и пока пономарь не отдастъ амниа, отворить двери не смѣлъ. Школа помѣщалась въ открытомъ сараѣ. Ученики, плохо защищенные отъ вліянія непогоды, должны были просиживать надъ скучной, лишенной всякаго интереса работою цѣлые дни, съ утра и до вечера, не имѣя права отлучаться ни за чѣмъ другимъ, какъ только для обѣда. „Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго, говоритъ М. В. Даниловъ, — и по днесь, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣбли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по мнимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по мо-

¹⁰⁴⁾ D-r Moritz Posselt, Peter der Grosse.

ей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромя обѣда, нигуда отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно, и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго ученія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучивалъ прежде наизусть, при слушаніи урока, къ вечеру, и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ непонятнаго, сѣчь“. — Понятное дѣло, что какъ-бы ни было интересно ученіе само по себѣ, какъ-бы замѣчательно и полно жизнью ни было оно (чего, разумѣется, не было въ ученьи пономара), все-таки при подобномъ методѣ воспитанія оно могло только поселить отвращеніе къ труду, отнять всякую охоту учиться, отдалить мальчиговъ отъ книги; школа неминуемо становилась для него тяжкою пыткой, ничѣмъ незаслуженнымъ наказаніемъ... Немудрено, конечно, что ученики радовались, когда не было дома ихъ педагога Брудастаго, когда онъ уходилъ въ поле на работу. Но и это отсутствіе не давало имъ вполнѣ времени для отдыха, и тогда имъ не было свободы. Жена пономаря, еще менѣе понимавшая грамоту, чѣмъ ея мужъ, другими словами, незнавшая ни аза въ глаза, занимала мѣсто педагога въ отсутствіи своего мужа. Она заставляла мальчиговъ кричать какъ можно громче, хотя-бы и не то, что въ книгѣ. Но это все-таки было лучше, потому что ученики болѣе боялись пономаря, чѣмъ пономарихи; надъ послѣдней они, по крайней мѣрѣ, потѣшались, читая такія изрѣченія, какихъ и не было въ книгѣ. Всевозможные способы: болѣзни, различныя обстоятельства и т. п., придумывались учениками для того только, чтобъ отдѣлаться отъ уроковъ Брудастаго. Обращеніе пономаря съ своими учениками было жестокое. Въ системѣ его воспитанія и людей, подобныхъ ему, розги, еще прежде восхваленные нашими книжниками XVI и XVII вѣка, стояли на первомъ планѣ, не только какъ средство исправительное, но какъ дѣятельное, поощряющее педагогическое начало. За малѣйшія дѣтскія, шалости и проступки учениковъ, за незнаніе ими уроковъ пономарь ругалъ, билъ и сѣкъ ихъ безпощаднѣйшимъ образомъ. А это только напрасно раздражало мальчиговъ... Передадимъ цѣликомъ одинъ характеристичный рассказъ Данилова изъ его ученическихъ воспоминаній: „Въ одинъ день, рассказываетъ онъ, — когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею, на работѣ, мой двоюрод-

ный братъ Елисей, увидя, что на дворѣ Брудастаго ижего кро-мѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителява кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣвъ кота лозою и что приговаривалъ — не упомишу; только то помню, что мы, на его шутки глядя, съ братомъ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастый, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нашъ учитель. Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку учить-ся, потупя глаза свои въ книгу, и духъ свой притаилъ, не могъ дышать свободно. Брудастый, увидя кота, висащаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшен-ство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хвороста, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, кото-рые по всему сараю летали. Брудастый былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшенный; стегая Елисея, тою-же метлою доставалъ нѣсколь-ко страдающаго, по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, ко-торый чайтельно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мауканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, кото-рая великую отъ метлы претерпѣла утрату“. Подобные случаи не были рѣдкостью въ XVIII столѣтіи и повторялись вездѣ, гдѣ были Брудастые педагоги; а иныхъ-же, не Брудастыхъ педаго-говъ въ то время почти не было совсѣмъ. Типъ Брудастаго или какъ-будто копировался, почти даже до мельчайшихъ подробностей, начиная отъ его обращенія съ учениками и до его метода воспитанія, — или только варьировался въ другихъ, не менѣе его интересныхъ экземплярахъ, составлявшихъ какъ-бы видоизмѣненіе одного главнаго типа. Это мы видимъ, напримѣръ, изъ слѣдую-щаго разсказа, помѣщеннаго на страницахъ журнала: „И то, и се“: „Я взросъ въ томъ городѣ, въ которомъ родился, — читаемъ мы тамъ. — Училъ меня грамотѣ російскій мастеръ, у котораго отъ утра и до вечера каждый день пропѣвалъ я: азъ, буки, вѣди и проч., какъ-будто-бы по нотахъ, и кричалъ съ ребятами во весь гелось, ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, что крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ приходѣ. Отчего къ ве-черу выходили мы отъ мастеровъ такъ, какъ шальные: раскричимъ

себѣ головы и кажемся добрымъ людямъ такими, которые недавно освободились отъ угару...“ Недостатокъ въ учителяхъ былъ до того великъ въ артилерійской школѣ (куда поступилъ Даниловъ), что первоначально для обученія воспитанниковъ были присланы два подмастерья изъ пушкарскихъ дѣтей, которые показывали арифметику. Потомъ туда присланъ былъ какой-то Алабушевъ. Этотъ наставникъ юншества, по словамъ М. В. Данилова, „тогда содержался за смертоубійство третій разъ подъ арестомъ: былъ человѣкъ, хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатную арифметику, и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человекомъ однако былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юншеству“¹⁰⁵).

Такъ-же вредила развитію школъ агитація людей старой партіи противъ нововведеній Петра. Эти люди старались вооружать народъ противъ всего новаго. Подобное явленіе замѣчается вообще во времена реформъ, но во времена Петра оно было и ярче, и сильнѣе. Дѣло въ томъ, что Петръ самъ давалъ своимъ врагамъ оружіе противъ себя. Онъ не только совершалъ необходимыя реформы, но и вводилъ ихъ насильно, съ жестокостью; онъ не только ломалъ то, что было нужно сломать, но и нарушалъ тѣ нравы и обычаи, которые были дороги народу и которые пали-бы сами собою по мѣрѣ развитія народа. Пржевніе цари имѣли обыкновеніе, пріѣзжая въ Москву, прежде всего заѣзжать въ храмъ. Петръ-же возвратился изъ-за границы обритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, и, не заѣзжая ни въ Кремль къ тамошнимъ чудотворцамъ, ни къ Иверской Божіей Матери, прямо проѣхалъ на Кокуй, въ нѣмецкую слободу, въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ прокутилъ цѣлую ночь. На другой день, когда представились къ нему бояре, онъ обрилъ ихъ, кромѣ только двухъ, и затѣмъ велѣлъ всѣмъ русскихъ людей бороды лишать и всѣмъ нѣмецкое платье надѣвать. Черезъ пять дней, въ день новаго года, вопреки древнему, свято чтимому обычаю, не принялъ благословенія патриарха и поздравленія отъ бояръ и отъ народа и самъ не „здрав-

¹⁰⁵) „Учитель“, томъ IV, 1864 г., ст. „Педагогическая дѣятельность въ Россіи“, стр. 333.

ствованъ“ съ новолѣтнемъ. За то въ этотъ самый день онъ былъ на пиру у Шейна, много пилъ и велѣлъ шутамъ рѣзать послѣднія боярскія бороды. Петръ публично ѣлъ скоромное по постамя ¹⁰⁶⁾. Все это смущало народъ, какъ смущало его когда-то и поведеніе Лже-Димитрія. Петръ громко выражалъ свое неуваженіе къ духовенству. „А что говорятъ: молятся, писалъ Петръ о монахахъ,— то и всѣ молятся; что-же прибылъ обществу отъ сего“? ¹⁰⁷⁾. Онъ не только уничтожилъ званіе патріарха, но и сдѣлалъ это званіе предметомъ потѣхи. Онъ устраивалъ шутовскія церковныя процессіи. Все это было не нужно и крайне опасно для его-же дѣла, потому что все это вооружало народъ. Онъ любилъ пиры и на этихъ пирахъ спавалъ гостей, и безъ того любившихъ выпить, какъ любили выпить вообще люди московскаго государства, — и этимъ воспользовались его враги. Враги говорили про него: „Бѣ Архангелу онъ не ходилъ, гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того, что они ему чужи и весьма ненавистны. Въ кремлевскіе чертоги не вошелъ, глумяся надъ ними и сожечь ихъ замышляя... Никого изъ царскаго рода, ни царицы, ни царевича, ни царевенъ не видалъ, боясь, что они обличатъ его, скажутъ ему, окаянному: „ты не нашъ, ты не царь, а жидъ проклятый“. Для того царицу и царевенъ постригъ, а маленькаго царевича, сына благочестиваго царя Петра Алексѣевича, коему-бы достояло теперь пріяти великій скиферъ московскаго государства и всея Россіи, нѣмцамъ отдалъ, а потомъ убилъ. Народу въ день новолѣтія не показался, чая себѣ обличенія, яко-же и Гришкѣ Разстригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по-разстригиному поступаетъ: святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не бываетъ, живетъ блудно, съ погаными нѣмцами во едино, и нынѣ на московскомъ государствѣ нѣмецъ сталъ великъ человекъ. Самый ледащій нѣмецъ теперь выше боярина и самого патріарха. Да онъ-же, жидовинъ, съ блудницами нѣмками всенародно шляется... Бояръ перербилъ и въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ и всѣхъ русскихъ людей велѣлъ бороды лишить и всѣмъ нѣмецкіе кафтаны носить. Пьетъ вино не во славу Божию, а нѣвако нелѣпо и безобразно,

¹⁰⁶⁾ Мельниковъ. Историч. очерки поповщины, ч. I, стр. 78, 1864 г. ¹⁰⁷⁾ П. С. Зап., т. VII, № 4450.

яко кабацкіе пропойцы, безобразно во пьянствѣ валяся и глужся во пьянствѣ; своихъ-же пьяницъ оваго святѣйшимъ патріархомъ нарицаеть, овыхъ-же митрополитами, и архіепископы, и епископы, себя же протодіакономъ, горло веліе имѣяй и срамоты со священными глаголы смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче-же на поруганіе святыни. Самъ табакъ пьетъ и другимъ пить сіе треклятое зеліе повелѣваетъ, а при благочестивыхъ царѣхъ тѣмъ, кто табакъ пьетъ, носы рѣзали. Патріаршій чинъ упраздни, и митрополитовъ такожде упраздняя. У Бога восемь лѣтъ укралъ, чая да не явится въ людѣхъ прореченное о немъ тайновидцомъ Іоанномъ Богословомъ исчисленіе времени, — да не явится антихристомъ въ міръ пришедшимъ, еже и бысть“. Такимъ образомъ Петръ вполне неосторожно самъ подрывалъ свой кредитъ своимъ поведеніемъ и тѣмъ самымъ вредилъ своимъ широкимъ замысламъ. Про него очень вѣрно замѣтила одна изъ иностранныхъ принцессъ, что это былъ „очень хорошій и очень дурной человекъ“. Этими словами характеризуются и всѣ его реформаціонныя попытки: очень хорошее шло, у него рядомъ съ очень дурнымъ и, конечно, его враги выставляли на видъ это „очень дурное“, чтобы подорвать кредитъ и этого „очень хорошаго“ въ его дѣлахъ.

VII.

Вслѣдствіе всего этого недовольство Петромъ все болѣе и болѣе усиливалось въ русскомъ обществѣ. Этими не преминули воспользоваться раскольники и старались раздуть это недовольство до крайнихъ предѣловъ. Они называли смѣлаго нововводителя антихристомъ и говорили, что онъ, вводя новое платье, сбривая бороды, покровительствуя иноземцамъ, заводитъ школы съ новыми научными предметами, подрываетъ самую религію. Раздраженіе общества, такимъ образомъ, дошло до крайности, до страстной и болѣзненной ненависти къ неутомимому бойцу за извѣстныя идеи, и ознаменовывалось нерѣдко возмущеніями. Въ журналъ Петра мы читаемъ, что въ народѣ ходили толки о томъ, что „нынѣ-де настала новая служба и новая вѣра, и велятъ-де носить нѣмецкое

платье, чего-де при прѣжнихъ государяхъ не бывало“ ¹⁰⁸). Докучинъ въ письмѣ своемъ къ народу жалуется на то, что слова и званія нашего славянскаго языка измѣнили, и упрекаетъ современное, петровское поколѣніе въ лестныхъ ученіяхъ. Докучинъ нападаетъ здѣсь на то ученіе, къ которому Петръ Великій принуждалъ нѣкоторые классы народа. Отъ ученья при Петрѣ и дворяне многіе бѣжали въ расколъ ¹⁰⁹). 1705 года, во время своего двух-мѣсячнаго пребыванія въ Ярославлѣ, Дмитрій Ростовскій пишетъ: „въ единъ изъ воскресныхъ дней, изъ церкви соборныя по святѣй литургіи изшедшу ми, и къ двору своему грядущу, два нѣкіе чловѣка брадаты, но не стары, приступыше ко мнѣ, воззваша глаголюще: Владыко святый! какъ ты велишь, велять намъ брить бороды, а мы готовы главы наши за брады наши положить. Уне намъ есть, да отсѣются наши главы, неже да обрѣются брады наши. Азъ-же нечаянному и внезапному вопросу тому удивихся, и не возмогъ вскорѣ что отъ писанія отвѣщати, противувопросихъ ихъ, глаголя: что отростеть, глава-ли отсѣченная или брада обрѣенная? Они-же усумнѣвшеса, и мало помолчавше, рѣша: брада отростеть, а глава ни. Азъ-же рекъ имъ: уне убо вамъ есть не пощадити брады, я-же и десятирицею брѣема, отростеть, неже потерати главу, яже единою отсѣчена, не отростеть никогда-же, развѣ во общее всѣхъ мертвыхъ воскресеніе. То рекъ, идохъ въ келію мою: проводиша-же меня мнози честніи гражданае, и въ келію со мною внидоша, и бысть въ насъ разглагольствіе довольно о брадобритіи и небрадобритіи. И познахъ, яко мнози, иже по указу обрѣша брады своя, сумнятея о спасеніи своемъ, аки-бы изтерали образъ и подобіе Божіе, и не суть уже по образу Божію и по подобію, обрѣтыхъ ради брадъ. Азъ-же увѣщевахъ ихъ не сумнитися, сказую, яко не въ брадѣ и зримоу лицѣ чловѣческомъ состоится образъ Божій и подобіе, но въ невидимой душѣ. Еще-же и сего ради никто-же да сумнится о спасеніи своемъ, понеже не по своему его произволенію дѣется брадобритіе. Подобаеть-же велѣнію тѣхъ, иже во властѣхъ суть, повиноватися въ дѣлѣхъ непротивныхъ Богу, не вреждающихъ спасенію“ ¹¹⁰). Само тогдашнее духо-

¹⁰⁸) Жур. Петра Вел. Приложенія къ части второй, отдѣленію 1-му, изд. Спб. 1772 г., стр. 201. ¹⁰⁹) А. Шаповъ. Земство и расколъ. Отечеств. Зап. 1861 г., № 11, стр. 522—529. ¹¹⁰) Дѣтол. Митр. Дмитрія Ростовскаго, часть I, стр. 36—37; изд. въ Москвѣ, 1799 г.

венство по своему крайнему невѣжеству поддерживало подобныя негѣныя толки. Жаловались архіереи, жаловались и простые священники на небывалыя тягости и поборы. Въ бѣлгородскомъ уѣздѣ одинъ сельскій священникъ говорилъ другому: „Богъ знаетъ, что у насъ въ царствѣ стало: Украина наша пропала вся отъ податей, такія подати стали уму непостижны, а теперь и до нашей братіи священниковъ дошло, начали брать у насъ съ бань, съ пчель, съ изъбъ деньги; этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали; никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ!“ „Крестьянинъ, говоритъ г. Соловьевъ,—ропталъ: „какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братіи крестьянину нѣтъ“. Сынъ боярскій говорилъ: „Какой-де онъ государь? нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточныя, нигдѣ отъ него не уйдешь, всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ службу, нигдѣ его не убьютъ: какъ-бы убили, такъ-бы служба минулась и черни-бы легче было“. Крестьянки, солдатскія жены кричали: „Какой онъ царь? онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ“. Холопъ говорилъ: „если онъ станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведеть; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстѣ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолѣтствомъ и одинъ; и нѣмцамъ нынѣ время не стало, потому что у него тестъ Лафотъ умеръ; какой онъ царь? врагъ, омарокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы“. Монахъ говорилъ: „навѣшалъ государь стрѣльцовъ, что полтей, а уже нынѣ станеть ихъ солить“. Другой монахъ сказалъ на это: „эти полти даромъ не пройдутъ, быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ“. Нищій говорилъ: „нѣмцы его обошли: часъ добрый найдетъ—все хорошо, а иной—такъ рветъ да мечеть; да вотъ ужъ и на Бога наступилъ: отъ церкви колокола снимаетъ“. Слышались голоса: „Мірѣдъ! Весь міръ переѣлъ; на него вутилу переводу нѣтъ, только переводить добрыя головы!“¹¹²⁾ Немудрено, что при подобномъ настроеніи общества являлись крайне странныя толки и личности. Народная фантазія стала работать надъ объясненіемъ поразитель-

¹¹²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XV, стр. 126—137

наго, страннаго явленія, и первое объясненіе было высказано: „нѣмцы царя обошли, испортили“. Но на этомъ не остановились; фантазія разыгрывалась все больше и больше, являлся вопросъ: прямой-ли это царь, сынъ Алексѣя Михайловича и Натальи Кириловны? Въ 1701 году князь Василій Сонцовъ былъ казнень за два разбоя, за два убійства и за непристойныя слова, что царевна Софія называла Петра стрѣльцкимъ сыномъ. Но вымыселъ отъявленнаго негодяя или озлобленной сестры не могъ имѣть ходу, ибо не объяснялъ того, что нужно было объяснить, — почему Петръ любилъ все нѣмецкое? Наконецъ народная фантазія создала объясненіе: Петръ родился отъ нѣмки и былъ поди́вненъ царицѣ, родившей дѣвочку. Объясненіе пошло въ ходъ съ объясненіемъ, что Петръ былъ сынъ Лефорта. Бабы, стирая бѣлье, толковали: „Крестьяне всѣ измучены, высылаютъ ихъ на службу съ подводами, да съ нихъ-же берутъ сухари; всѣ на государя встали и возопіяли: какой-де онъ царь? родился отъ нѣмки беззаконной, онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кириловна стала отходить съ сего свѣта, и въ то число ему говорила: ты-де не сынъ мой, замѣненный. Онъ велитъ носить нѣмецкое платье, знатно, что родился отъ нѣмки“. Но и на этомъ фантазія не остановилась. Царь ввелъ бранобритіе и нѣмецкое платье, царицу отослалъ, Монсову взялъ, стрѣльцовъ переказнилъ — все по возвращеніи изъ-за границы; но онъ-ли это пріѣхалъ? Нѣмцы погубили настоящаго Петра у себя, и прислали на Русь другого, своего, нѣмца-же, чтобъ обасурманить православныхъ. Сначала, вѣроятно, на основаніи слуховъ о неприя́тностяхъ въ Ригѣ, — создалась слѣдующая сказка: „Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), а въ нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: „Пожалуй, государыня, ради такого своего дня выпусти его, государыня“, и она имъ сказала: „Подите, посмотрите: буде онъ валяется, и для вашего прошенья выпущу“. И князья и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: „Томень, государыня!“ И она имъ сказала: „Коли томень, и вы его выньте“, и они его вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ боярамъ; бо-

яре перекрестились, сдѣлали бочьку и въ ней набили гвоздя и въ тое бочьку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю къ постелѣ, говорилъ: „Царь государь, изволь встать и выйти, ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинится“; и онъ государь всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постель легъ на его мѣсто, и бояре пришли и того стрѣльца съ постели схвата и положи въ тое бочьку, бросили въ море“. Сказка не говорила, что сдѣлалось потомъ съ Петромъ, и люди враждебныя преобразованію стали распространять слухъ, что онъ погубъ за-границею, а на его мѣсто явился нѣмчинецъ: „это не нашъ государь, нѣмецъ; а нашъ царь въ нѣмцахъ въ бочьку закованъ да въ море пущень“. Распространяли слухи, что не только Петръ, но и его приближенные не вѣрують въ Бога. Такъ во время дѣла о мазепиныхъ пожиткахъ захваченный по подозрѣнію малороссіянинъ Савостьянъ Кондратьевъ говорилъ: „Губернаторъ кievскій князь Дм. Мих. Голицынъ святымъ печерскимъ не вѣруеть, а вѣруеть еретичествующей бабѣ, которая ему волшебствуетъ, и какъ ему уволшебствуетъ, то онъ и поѣдетъ въ Петербургъ явиться къ царскому величеству; ту бабу князь поить и кормить, и держать та баба у себя многое число кошекъ вмѣсто сатаны“¹¹⁸⁾. Въ 1720 году бурмистръ новгородской ратуши Саренскій въ приказной палатѣ говорилъ: „Кто со Христомъ водился, тѣ безъ головы стали, а кто съ царемъ поводится, и тотъ безъ головы и спины будетъ“. Одни молились, чтобы Богъ вразумилъ царя; другіе старались возмутить противъ него народъ. Такъ крестьянка Алена Ефимова была одержима особенною странною маніей: ей хотѣлось умолить Бога, чтобы онъ вразумилъ царя Петра Алексѣевича на путь истины, даровалъ-бы ему намѣреніе прекратить гоненіе на раскольниковъ, а раскольниковъ вразумилъ-бы и соединилъ-бы съ православною церковью. Сама она была не то раскольница, не то православная — крестилась двухперстнымъ сложеніемъ по внушенію какого-то пустынноика, который приходилъ къ ней въ домъ и говорилъ: „трехперстнымъ сложеніемъ не умолишь у Бога, а простирая умъ свой, смотри на иконы“, — а между тѣмъ она ходила въ православную церковь, имѣла православныхъ духовниковъ и молилась за царя Петра Алексѣевича, гонителя старовѣровъ. Ефимова ходила по

¹¹⁸⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Соловьева. т. XVI, стр. 304.

„Дѣло,“ № 9.

монастырямъ и давала деньги старицамъ, чтобъ читали втеченіи 6 недѣль акафистъ за царя; клала за Петра въ день по двѣ и по три тысячи поклоновъ. Все это ей казалось недостаточнымъ и она придумала отчаянное, по ея мнѣнію, средство: призвала племянника своего, 14-ти-лѣтняго мальчика Ивана Михайлова, сына сестры Пелагеи, и продиктовала ему молитву о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Въ этой молитвѣ, обращаясь къ святымъ угодникамъ, къ апостольской церкви, Ефимова прибавила различныя умоленія: „Услышь, святая соборная церковь со всѣмъ херувимскимъ престоломъ и съ евангеліемъ и сколько въ томъ евангеліи святыхъ словъ, — всѣ вспомните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая, соборная, апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами, и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣчами, и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и съ желѣзными плитами, со всякими плодоносными древами... О, молю и прекрасное солнце, возмолись царю небесному объ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтель мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море, съ рѣками и мелкими источниками и съ малыми озерами! Возмолитесь царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, и рыбы морскія, и скоты польскіе, и звѣри дубровныя, и поля, и вся земнородныя, возмолитесь къ царю небесному о Петрѣ Алексѣевичѣ!“ Мальчикъ написалъ, а Ефимова сшила пелену подъ образъ, зашила молитву между верхомъ и подкладкою, и отдала въ Успенскій соборъ попу, не объясняя ему о скрытомъ письмѣ, а прося его втеченіи 6 недѣль читать акафистъ за здравіе царскаго величества. Шестъ алтынь да ефимокъ вручены были за труды его ¹¹⁴⁾. Не одни раскольники и низшее духовенство съ ненавистью говорили о Петрѣ. Офицеры Кропотова полка въ дружескихъ бесѣдахъ жалѣли о царевичѣ, даже плакали о немъ. Они рассказывали Левину: „Государь царевича запыталъ и въ хомутѣ онъ умеръ за то, что онъ царевичъ богоскательный человекъ и не любилъ нѣмецкой политики“. Левинъ подъ предлогомъ болѣзни оставилъ службу. Онъ часто ходилъ къ попу Лебедкѣ, тайному раскольнику. Живя у Меньшикова, Лебедка

¹¹⁴⁾ Раскольничья дѣла XVIII столѣтія. *Есиповъ*. Спб. 1868 г., стр. 192—194.

покровительствовалъ своимъ собратьямъ, но велъ себя такъ осторожно, что никто и не подозрѣвалъ въ немъ раскольника. Могли думать Меншиковъ, преданный такъ глубоко Петру, что самое близкое ему лицо въ домѣ, его духовникъ, — раскольникъ и заклятый врагъ преобразователя Россіи?

Иногда доходило до открытыхъ бунтовъ. Бунтъ стрѣльцовъ въ Астрахани, начавшійся съ ночи 30 іюля 1705 года, продолжался до половины марта слѣдующаго года. Главнымъ бунтовщикомъ былъ нѣкто Стенька Москвитинъ, сынъ стрѣльца (отца его казнили за бунтъ подѣ воскресенскимъ монастыремъ). „Намѣреніе его было, значится въ журналѣ Петра, — возмутить Астрахань и прочіе тамошніе города, что и учинилъ. Красный Яръ, Черный Яръ, Яикъ и Терки, собра вся, ити въ верховые города по Волгѣ и уговаривать, чтобъ также забунтовали и къ нимъ пристали; напослѣдокъ ити къ Москвѣ, разорать и убивать управителей государственныхъ и офицеровъ солдатскихъ, а наипаче иноземцевъ, иста за то, что стрѣльцы казнены и сосланы въ ссылку; и бить челомъ государю, чтобъ велѣлъ быть старой вѣрѣ и нѣмецкаго-бы платья не носить, и бородѣ-бы не брить“ ¹¹⁵⁾. За мѣсяць передъ бунтомъ въ народѣ прошла молва, что будто государя не стало, что „начальные люди вѣру христіанскую покинули и начали у себя бороды брить и въ нѣмецкомъ платьѣ ходить“, что „будто свадебъ имъ не играть 7 лѣтъ, а дочерей и сестеръ выдавать за нѣмцевъ, которые присланы будутъ изъ Казани въ Астрахань; и передъ зачиномъ бунта въ воскресенье въ одинъ день было у нихъ свадебъ со 100...“ ¹¹⁶⁾. Въ воззваніи донскаго атамана Булавина выставляются тѣ-же мотивы бунта: „Всѣмъ старшинамъ и казакамъ за домъ Пресвятыя Богородицы, и за истинную христіанскую вѣру, и за все великое войско донское, также сыну за отца, брату за брата и другъ за друга, стать и умереть за одно, ибо зло на насъ помышляютъ, жгутъ и казнятъ, и злые бояре, и нѣмцы вводятъ насъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной христіанской вѣры отвратили; а вѣдаете вы, атаманы молодцы, какъ наши дѣды и отцы на семь полѣ жили, и прежде сего старое наше поле крѣпко стояло и держалось, а тѣ злые наши супостаты то наше старое

¹¹⁵⁾ Журналъ Петра В., приложеніе къ отдѣлу 1, части II, изд. 1772 г. Спб. стр. 202. ¹¹⁶⁾ Ibid., стр. 203.

поле все перевели и ни во что почли; и чтобъ намъ его не потерять и единодушно всѣмъ стать, и что ему атаману Булавину правое слово дали и думами своими укрѣпили и всѣ запорожскіе казаки, и бѣлогородская орда, чтобъ всѣмъ имъ съ нами стать вкупѣ заодно...“¹¹⁷⁾

Среди такого хода дѣлъ Петръ не могъ не сознавать, что онъ находится въ опасности, и долженъ былъ принять свои мѣры для избѣжанія этой опасности. Но какія-же мѣры могъ принять противъ своихъ враговъ смѣлнй революціонеръ и новаторъ вообще и человекъ того времени въ особенности? Строгое, беспощадное наказаніе враговъ было единственнымъ средствомъ спасенія. Но какъ найти этихъ враговъ, какъ услѣдить за ихъ ковами и интригами? Въ современномъ обществѣ этого можно-бы достигнуть при помощи хорошо организованной полиціи. Тогда не было такой полиціи. Вслѣдствіе этого приходилось примѣнить къ дѣлу старое средство, испытанное еще при Иванѣ IV, при Борисѣ Годуновѣ. Мы говоримъ о доносахъ. Дѣйствительно, Петръ пользовался этимъ средствомъ, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, неограниченно. Мы уже видѣли, что онъ однимъ изъ своихъ указовъ приказывалъ доносить на укрывавшихся дворянъ, обѣщая доносчикамъ все имущество укрывавшихся. При производствѣ дѣла о Левинѣ въ тайной канцеляріи, П. А. Толстымъ составленъ былъ указъ, обнародованный 28 апрѣля 1722 г. Приказано всѣмъ доносить, если кто услышитъ, „что кто явное зло въ народѣ разсѣваетъ, а если кто не понимаетъ такого человека или не извѣстятъ и будетъ послѣ въ этомъ изболченъ, то подвергается безъ всякой пощады смертной казни и движимое и недвижимое ихъ имѣніе будетъ взято на его императорское величество“¹¹⁸⁾. Это была могучая побудительная причина къ доносамъ, къ которымъ и безъ того было приучено наше общество въ предшествовавшія времена. Эти распоряженія наводнили преображенскую и тайную канцеляріи доносами и исказили первоначальное, по тогдашнимъ понятіямъ серьезное, значеніе „слова и дѣла“. Не умыселъ или намѣреніе на честь государя или измѣна, которые и въ голову не приходили русскому человеку, а всякое слово, о царской персонѣ сказанное, объ измѣ-

¹¹⁷⁾ Дѣянія Петра В., Голицына, т. 2, изд. II, Москва, 1837 г., стр. 307—308.

¹¹⁸⁾ Русская рѣчь, 1861 г., № 73, 10 сент., стр. 317—319. Ст. г. *Есипова*.

нѣ или бунтѣ, было предметомъ доноса. Ссора, драка въ пьянствѣ, личная, домашняя или родственная вражда, зависть, ищенье сдѣлались побудительными двигателями къ доносу. Сверхъ того кругомъ народа фискалы, инквизиторы, кормившіеся и наживавшіеся взятками, подслушивали всякое слово, а къ этому еще раскольники, ненавидѣвшіе Петра и преданныхъ ему изъ духовенства, — все это вмѣстѣ принесло плоды грустные и тяжелые. Опасно и страшно было сказать одно слово о вѣрѣ, о двухперстномъ сложеніи, о старыхъ книгахъ, о нововведеніяхъ Петра, объ указахъ, о тягостяхъ народныхъ, о царедворцахъ... ¹¹⁹⁾. „Слово и дѣло“ — эта фраза имѣла теперь магическую силу: она прекращала надъ связывающимъ „слово и дѣло“ всякое право и власть; она останавливала даже силу закона. „Много найдено нами, говоритъ г. Есиповъ, — случаевъ, когда рука палача бралась за преступника, обличеннаго и сознавагося въ страшныхъ преступленіяхъ убійства, святотатства, чтобы повѣсить его или отрубить голову, но преступникъ кричалъ дерзко передъ окружающею эшафотъ толпою: „слово и дѣло“ — и дѣйствія закона останавливались. Преступника отправляли, нерѣдко изъ дальнихъ концовъ Россіи, въ Преображенское — онъ принадлежалъ преображенскому приказу“. Г. Щербальскій говоритъ, что „ни въ одномъ сословіи, кажется, доносъ не былъ такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, какъ въ духовномъ, особенно между монахами. Домашнія ссоры, происходящія отъ отсутствія занятій и интересовъ, нерѣдко развязывались въ преображенскомъ приказѣ“. Такимъ образомъ, доносили всѣ и на всѣхъ. Дѣлъ подобнаго рода не перечислишь.

„Сосланный въ соловецкій монастырь распопъ однажды объявилъ „слово и дѣло“ и, бывъ представленъ въ преображенскій приказъ, показалъ тамъ, что другой разстрига, Григорій по имени, называлъ государя „проклятымъ“ и говорилъ: „хоть сядь на церковь, на крестъ, да кричи, нынѣ не вѣрять!“ ¹²⁰⁾. Въ 1720 г. одинъ подъячій да двое пѣвчихъ архангельскаго архіерея сказали „слово и дѣло“ и, приведены будучи въ преображенскій приказъ, объявили, что іеромонахъ, при томъ-же архіерѣ, Гервасій, пѣлъ какіе-то псалмы (?) о Мазепѣ и при этомъ приговаривалъ: „Мазепа нашъ въ небѣ, а москаль вашъ скурвый сынъ!“ Распопъ Фе-

¹¹⁹⁾ Ibid. ¹²⁰⁾ Ibid., стр. 453.

доть Ефимовъ показалъ на разстригу Афанасія, что будто этотъ послѣдній въ 1722 г. ему говорилъ: „Видишь-де, государь выбираетъ на свое царство нѣмчина, знатно къ царевнѣ, а внука своего-де сослалъ, что никто про него и не вѣдаетъ, и нынѣ-де прикладываютъ руки, кого онъ, государь, на свое царство изволить избрать“. Слова эти, безъ сомнѣнія, относились къ предполагаемому бракосочетанію Анны Петровны съ голштинскимъ принцемъ и къ извѣстному указу о правѣ, которое государь себѣ предоставлялъ, назначить по своему усмотрѣнію наслѣдника престола ¹²¹). Въ 1704 году крестьянинъ Наумъ Пановъ былъ представленъ изъ Касимова съ поличнымъ въ церковной татѣбѣ. Что же дѣлаетъ онъ? Тотчасъ объявляетъ „слово и дѣло“ на священника зарайскаго уѣзда, Аникія, у котораго онъ передъ тѣмъ — это очень оригинально — училъ дѣтей грамотѣ. Пановъ — одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ въ предшествующіе вѣка людей, которые считали прикрѣпленіе крестьянъ мертвою буквою и бродили по всему необъятному пространству русскаго царства, представляясь въ глазахъ народа какъ бывалые люди. Въ бытность его въ домѣ священника, показывалъ Пановъ, — кто-то изъ домашнихъ спросилъ у него, не случилось-ли ему видѣть царя? „Какъ-же! отвѣчалъ онъ, — видалъ“. Вслѣдъ затѣмъ посыпались на царя угрозы: „онъ-де дьячковъ въ солдаты беретъ“. По доносу Панова послали за попомъ Аникіемъ и его семействомъ и домочадцами. Привезли, стали разспрашивать. Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. Пановъ-же между тѣмъ улучилъ благопріятную минуту и наострилъ лыжи. Черезъ тринадцать лѣтъ онъ опять попадаетъ въ руки правосудія въ смоленской губерніи, и опять въ церковной татѣбѣ, сдѣланной, по собственному признанію, въ четвертый разъ. Онъ опять объявляетъ государево слово на попа Аникія и его семейство. Опять требуютъ ихъ въ Москву; но попъ и попада въ оказываются умершими, а прочіе члены ихъ семейства въ бѣгахъ. Впослѣдствіи Пановъ признался, на пытѣ по другому дѣлу, что доносилъ на Аникія ложно ¹²²). На крестьянской сходкѣ одинъ мужичекъ, при всемъ мірѣ, рассказалъ слышанное отъ проходящаго, что „государь скывалъ Ал. Меньшикова, знатно-де (т. е. вѣрно), что Меньшиковъ царевича (Алексѣя Петровича) извелъ“. Разошлись мирно, побол-

¹²¹) Ibid., стр. 454—455. ¹²²) *Щебальскій*, Отеч. зап. № 10, 1861 г., стр. 448—449.

тали, а послѣ кто-то изъ нихъ поссорился, подрались, спьяну мщеніе и злоба закипѣли: „слово и дѣло!“ — и болтовня вышла на Божій свѣтъ въ преображенскомъ приказѣ на дыбѣ и подъ кнутаомъ. Въ одной деревнѣ десятскій измучился, ходя по дворамъ собирать подати; пришелъ въ сборную избу и въ изнеможеніи упалъ на лавку: „сбился съ ногъ, ребята, крестьяне денегъ не даютъ, что съ ними дѣлать?“ — „Мужики отъ податей разорились, оскудѣли, отвѣчалъ староста. — Какой у насъ царь? царшка! Измучился весь. Оставилъ Москву, живетъ въ Питерѣ и строить городъ. Пропалъ весь народъ отъ податей!“¹²³). И это попало въ преображенскій приказъ. Въ іюнь 1700 года въ преображенскій приказъ явился пѣвчій дьякъ Федоръ Казанецъ съ доносомъ: приходили къ нему зять его подъячій Алексѣевъ съ женою и сказали: живутъ они у книгописца Гришки Талицкаго и слышатъ отъ него про государя всякія непристойныя слова, да онъ-же Гришка рѣжетъ невѣдомо какія доски, хочеть печатать тетради, и, напечатавъ, бросать въ народъ. Талицкій узналъ, что его ищутъ въ Преображенскомъ, и скрылся, но потомъ былъ отысканъ, подвергнутъ пыткѣ и признался, что составилъ письмо, будто настало нынѣ послѣднее время, также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отступитъ приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ; а велѣлъ взывать князя Михаила, отъ котораго будетъ народу добро. Талицкій уличалъ тамбовскаго епископа Игнатія въ томъ, что когда онъ слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ, и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ. Потомъ Талицкій показалъ на боярина князя Ив. Ив. Хованскаго, который говорилъ ему: „Богъ далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ: брали меня въ Преображенское, и на генеральномъ дворѣ Никита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты и дали мнѣ для отреченія столбецъ, и потому письму я отрицался, и въ отреченіи спрашивали вмѣсто: вѣруешь-ли? — пьешь-ли? и тѣмъ своимъ отрѣченіемъ я себя и пуще бороду погубилъ, что не спорилъ, и лучше было мнѣ мученія вѣнецъ принять, нежели такое отреченіе чинить“. (Хованскій рассказываетъ о шутовскихъ обрядахъ въ компаніи.) Попъ Андрей показалъ, что Талицкій говорилъ: „какой

¹²³) Русская рѣчь 1861 г., № 73, 10 сент., стр. 317—319. Ст. г. *Есипова*.

онъ царь: самъ людей мучить!“ говорилъ и про царевича: „онъ недобраго корня и отрасль недобрая; какъ я съ Москвы сверюсь, то на Москвѣ будетъ великое смятеніе“.

Можно себѣ представить количество подобныхъ дѣлъ, пытокъ, казней. Пощадн не было никому: Ефимову, вышеупомянутую нами, пытали, обвиняя въ сообществѣ съ кликушами, хотя она кликушей не была, и сослали въ тюрьму въ Вологду въ горскій монастырь. „Левину отсѣчена голова, а туловище сожжено, и велѣно ту голову послать на Пензу, гдѣ онъ то возмущеніе чинилъ, и поставить на столбъ для страха прочимъ злодѣямъ“. Талицкаго съ пятью товарищами казнили. Не лучше оканчивались и другія дѣла.

Но жестокость и казни—плохія средства для успокоенія возбужденныхъ умовъ, для охлажденія распаленныхъ страстей, для прекращенія волненій. Въ то время, когда Петръ изыскивалъ средства для подавленія недовольства и ропота, раскольники пользовались удобнымъ случаемъ и распространяли свое ученіе и образованность въ народѣ.

VIII.

Чѣмъ хуже было положеніе народа, тѣмъ болѣе укрѣплялось вліяніе раскольниковъ на народъ. Самъ Петръ видѣлъ въ раскольникахъ дѣйствительную силу и стремился повлѣять на нихъ не одними своими обыкновенными средствами, т. е. пытками и наказаніями. Феофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ по этому поводу: „вѣдалъ онъ, каковая темнота и слѣпота лже-братіи нашей раскольниковъ: неприкладное во истину безуміе весьма-же душевредное и пагубное, а коликое бѣднаго народа множество отъ оныхъ лже-учителей прельщаемо погибаетъ, и по отеческому своему сердоболію не оставилъ ни единого способа, чѣмъ-бы тьму оную прогнати и помраченныхъ просвѣтити: велѣлъ писати увѣщанія, и проповѣдми наставляти, и обѣщаніемъ милости, и нѣкіимъ утѣшеніемъ, то-есть десными и шуими отъ заблужденія отводить, и на мирный разговоръ призывать“¹²⁴). Дѣйствительно, Петръ былъ склоненъ „призывать на мирный разговоръ“ раскольниковъ и, мо-

1-4) Слова и рѣчи Ф. Прокоповича, изд. 1761 г. Спб. ч. II, стр. 154—155.

жетъ быть, вовсе-бы не преслѣдовалъ ихъ, если-бы дѣло шло только о вопросахъ вѣры. Петръ, какъ мы видели, вовсе не отличался религіознымъ фанатизмомъ; его, напротивъ того, упрекали тогдашніе набожные люди за полное отсутствіе набожности. Вслѣдствіе этого онъ могъ-бы смотрѣть очень снисходительно на уклоненія отъ православія раскольниковъ, если-бы раскольники не были первыми противниками его нововведеній, первыми распространителями толковъ объ антихристѣ, первыми смутителями народной неподвижности. Вотъ почему въ борьбѣ Петра съ раскольниками мы видимъ не столько преслѣдованіе за вѣру, сколько преслѣдованіе за неуваженіе царской власти и исходящихъ отъ нея распоряженій. Когда раскольники оказывались покорными его власти, онъ оставлялъ ихъ въ повоѣ. Такъ во времена вторженія Барда XII и измѣны Мазепы раскольники изъ поповцевъ, поселившіеся на Вѣтвѣ, оказали услугу Петру, ведя партизанскую войну. Нѣсколько сотъ шведовъ было убито ими, а плѣнные были представлены къ царю. Петръ, довольный такими доказательствами вѣрности, утвердилъ за старообрядцами тѣ земли Стародубья, на которыхъ они поселились. Вѣтковцевъ не велѣлъ трогать. Гоненія были только въ Москвѣ, на Керженцѣ и по Волгѣ. Петра вооружили противъ тамошнихъ старообрядцевъ распространяемые ими по народу толки, что Петръ нѣмецъ, шведъ, подметный царь¹²⁵⁾. Вообще говоря, раскольники встрѣчали менѣе гоненій, чѣмъ они ожидали сами. Такъ въ исторіи выговской пустыни мы читаемъ: „я въ лѣто 7208 (1700) бысть страхъ надъ всемъ Суземкомъ, когда императорское величество царь Петръ изволилъ ѣхать со своими полки отъ города Архангельскаго и дорогу сдѣлаша прямо изъ Нюгчи къ Повѣнцу пустыми мѣстами чрезъ Выгъ, гдѣ нынѣ монастырь стоитъ между пустынею и между выгозерскимъ погостомъ на срединѣ. И тогда бояшася клеветниковъ его императорскому величеству на выговскую пустыню и толикая боязнь и страхъ баше на всей пустыни, яко готовяхуся уже вси къ смерти и въ монастырѣ на то уготовлено было смолье и солома въ часовни, ибо овии готовяхуся пострадати, то-есть огнемъ скончатися, а ниии бѣжати хотяху. И всецъ въ то время въ постѣ и въ молитвѣ съ

¹²⁵⁾ Историческіе очерки поповщины, П. Мельникова, Москва 1864 г. часть 1, стр. 69—77.

плачемъ моляхуся Господу Богу и Пречистѣй Богородицѣ, чтобъ устроилъ Господь полезная и далъ-бы миръ и тишину, и какъ изволилъ великій государь ѣхати чрезъ Выгъ, сказаша ему, что на сей рѣкѣ вверху живутъ старовѣрцы-пустынники, онъ-же императорское величество отвѣщаль: пускай живутъ, и проѣхаль смирно, яко отецъ отечества благоутробнѣйшій, баше бо сердце его въ рущѣ всемилостиваго небеснаго отца челоувѣколюбно милующаго пустыню сію. И какъ съ Повѣнца поѣхаль по Онегу, ѣдучи противъ Питмани, такожде сказоваху ему, что противъ Питмани въ лѣсу живутъ пустынники и на Повѣнцы паки сказаша ему, онъ-же къ сему тоже глаголаше: пускай живутъ, и вси умолчаша и никто-же смѣяше не точію что творити, но и глаголати“ ^{12⁶)}. Точно также, будучи въ Новгородѣ, Петръ спросилъ: еще-ли сидитъ выговской пустынникъ Семень Денисовъ? Ему отвѣчали, что бѣжалъ. — Богъ съ нимъ, отвѣчалъ Петръ. Съ дороги изъ Новгорода въ Петербургъ Петръ послалъ нарочнаго на петровский заводъ съ приказаніемъ освободить Данилу Викулова и болѣе ни о чемъ не розыскивать ^{12⁷)}. Раскольники очень хорошо понимали отношеніе къ нимъ царя. Замѣчательно, что и въ прошеніяхъ къ Петру I выгорѣцкіе раскольники превозносили его самодержавіе и т. п. на счетъ униженія духовенства; они тонко намекали царю, что онъ хорошо дѣлаетъ, уменьшая власть духовенства. Такова была политика Андрея Денисова и его брата ^{12⁸)}. Само высшее духовенство признавало, что нужно было принять болѣе строгія мѣры въ отношеніи раскольниковъ, какъ это видно въ докладныхъ пунктовъ св. синода отъ 15 марта 1721 г. ^{12⁹)}.

Такимъ образомъ, хотя дѣло и не обходилось безъ застѣнковъ, безъ наказаній, безъ ссылки, — раскольники проповѣдывали довольно свободно и, можетъ быть, никогда не отличалась такой силой и такой шириной ихъ пропаганда, какъ въ это время. Тѣ намеки на подвижныя септаторскія школы, которые мы встрѣчаемъ въ Россіи уже въ очень отдаленныя времена, теперь дѣлаются совершенно ясными: подвижная раскольникыя школа существуетъ,

^{12⁶)} Исторія выговской пустыни, *И. Филипова*, Спб. 1862 г., стр. 119. ^{12⁷)} Выговская пустынь, *Есимова*, Спб. 1861 г., стр. 293. ^{12⁸)} Исторія выговской пустыни, стр. 196. ^{12⁹)} Указы Петра Великаго, 3 изд. при акад. наукъ 1777 г., стр. 595—596.

и въ этомъ была сила раскольниковъ. Существованіе такихъ школъ засвидѣтельствовано массою фактовъ. Въ упомянутыхъ выше докладныхъ пунктахъ св. синода прямо говорится: „въ поимевъ раскольническихъ учителей, которые, ходя тайно по домамъ и индѣ долгое время пребываніе имѣя, раскольническую свою прелесть размножаютъ и простонародныхъ отъ церквей отвращаютъ, потребень зѣло видится такой указъ, дабы посылаемымъ отъ духовнаго правительства и отъ раскольныхъ дѣлъ людямъ къ выемкѣ оныхъ чинено было безпрепятственное послушаніе, и не требовались-бы свѣтскими послушными отъ командировъ ихъ указы“¹³⁰⁾. Въ исторіи выговской пустыни постоянно встрѣчаются рассказы о расколическихъ учителяхъ. Такъ про Пимена изъ соловецкой пустыни говорится, что онъ „изъ тюрьмы въ пустыню и изъ пустыни ходя по окрестнымъ селамъ, тоже простираше ученіе, людіе-же, видяще его пустынное богорадное жестокое житіе и крѣпкое о благочестіи стояніе, вельми его любяху и ученіе его сладко приимаху“¹³¹⁾. „Корнилій пришедъ отъ Водлы рѣки, въ верховскихъ лѣсахъ живяше, гдѣ нынѣ ладожскій скитъ, и иные малые скитающиеся врознь, при огненныхъ нудахъ живуще, всякую нужду терпяху, а овогда выходяще изъ лѣсу по селамъ и волостямъ и погостамъ поучающе народъ въ древлецерковномъ благочестіи укрѣплятися“¹³²⁾. „А лже-монахи палеостровскаго монастыря доносили подъячимъ, что оставшіи отъ старца соловецкаго Игнатія, отъ его собранія соловецкой-же старецъ Германъ съ прочими, и Емеліанъ повенецкой, выходя изъ выговской пустыни, ходя по селамъ и по волостямъ и погостамъ учить людей держатися старня вѣры древняго церковнаго благочестія, а отъ Никоновыхъ новинъ велятъ удалятися и бѣгати; и людіе ихъ ученію послѣдствуютъ, отъ церкви и отъ поповъ удаляются и новодѣйствуемаго причастія не приемятъ и не причащаются и ходятъ явно, не бояся многлюдствомъ, по селомъ и волостямъ“¹³³⁾. Послѣ смерти Діонисія въ 1705 году, отца Андрея Денисова, Андрей согласился жить съ Даниломъ въ качествѣ „большого“. „И начаша къ нимъ людіе приходити съ разныхъ мѣстъ и градовъ. А оны-же отцы, Даниилъ и Андрей, принимающе ихъ съ любовію и учаще и нака-

¹³⁰⁾ Ibid. ¹³¹⁾ Исторія выговской пустыни, *И. Филипова*, изд. Кожанчикова, Слб. 1862 г., стр. 30. ¹³²⁾ Ibid., стр. 46—47. ¹³³⁾ Ibid., 47.

зующе; и начаша чины и уставы церковныя и монастырскіе хранити; молодыхъ людей обоюго полу учашу грамотѣ¹³⁴⁾. Варлаамъ ишедъ изъ Каргополя въ олонекскій уѣздъ въ андоморѣцкія пустыни и въ водлозерскія съ соловецкимъ старцемъ Германомъ да со старцами: Пятиримомъ, Корниліемъ и Кирилломъ, овогда отхождаше нужныхъ ради потребъ и въ волости для ученія благочестія и проповѣди“¹³⁵⁾. „Старецъ Павелъ торожскій поселился въ верховскихъ лѣсахъ съ женою и дѣтьми. Послѣднія, несмотря на родительскія наставленія дѣлать все съ благословеніемъ, не поступали такъ. Тогда Павелъ нача дѣтей своихъ жестоко учить и наказовати и изучи ихъ грамотѣ и постриже ихъ во иноческій образъ“¹³⁶⁾. „Во время переписи и свидѣтельства душъ, когда въ Суземкѣ писецъ баше, въ то время пріѣхаста съ Москвы Иванъ Ивановъ, да съ Вязниковъ Алексѣй Гавриловъ въ Суземокъ. Вязниковецъ-же Алексій, имѣяше художество иконы писати и велики хитръ бѣ въ томъ художествѣ. А москвитинъ Иванъ ученъ церковному пѣнію... Отецъ-же Андрей, посовѣтовавъ со отцемъ Даниломъ, взяша Ивана Иванова въ монастырь для ученія къ пѣнію и собравше лучшихъ грамотниковъ и самъ съ ними нача учитися пѣнію, и тщашеся о ученіи... Отецъ-же Андрей пришедъ скоро послѣ ученія на Лексу въ сиротскую дѣвическую обитель... и собравъ грамотницъ старыхъ и малыхъ, которыя не учены пѣнію, и нача ихъ самъ учить пѣнію... Такожде и писцовъ изъ нихъ учаше, чтобъ право писати“¹³⁷⁾. „Ибоннигъ Афонасій Леонтиевъ, ради гоненія, оставивъ жену и дочь, ушелъ въ нижегородскія пустыни и оттуда въ выговскую пустыню, гдѣ старыя иконы почиивалъ. И поживъ нѣсколько, по благословенію отецъ иде къ городу Архангельскому и убѣждаше жену свою съ собою въ пустыню и не покориша воли его, не пошла: и взя дщерь свою, дѣвицу еще не въ полномъ возрастѣ, на съѣздъ для смотрѣнія, погостить, а какъ сперва привезъ и не хотѣла она долго жить; но той-же зимы возвратишеса вспять; и положиша ей на разумѣ, чтобъ научиться грамотѣ и пожити лѣто, и вскорѣ изучися грамотѣ и не восхотѣ къ матери возвратитися“¹³⁸⁾. „Ловлевъ ради благочестія ушелъ изъ Новгорода въ поволжскую страну въ ниже-

¹³⁴⁾ Ibid., стр. 107. ¹³⁵⁾ Ibid., стр. 124. ¹³⁶⁾ Ibid., стр. 131—132. ¹³⁷⁾ Ibid., стр. 141—142. ¹³⁸⁾ Ibid., стр. 322.

городскія пустыни и поселился съ тамошними старовѣрами, поуча-
ше ихъ о благочестіи и службу церковную имъ отправляше, по-
неже грамотѣ умѣющъ и искусенъ и тщателенъ къ церковной
службѣ, весь уставъ и чинъ церковный знаеше, занеже поповъ
сынъ, и вельми его любяху тамошніи жители. Затѣмъ перешелъ
въ Новгородъ, гдѣ обратилъ въ расколъ отца и братьевъ, и по-
томъ съѣхавъ съ Новгорода въ Копорщину и живяше тамо съ про-
чими христіанами, поучаше ихъ о благочестіи, книги имъ читаше и
церковную службу служаше съ прочими и отправляше“ ¹³⁹). „Въ
первыя лѣта, егда заведся на Выгу сей монастырь, прииде въ вы-
говскую пустыню отъ моря, съ вольскаго города, нѣкій житель,
именемъ назвася Петръ, грамотѣ умѣющъ, тридесяти осми лѣтъ,
на едину ногу хромъ, съ великою вѣрою, и пріиша его въ мо-
настырь, и нача жити съ великимъ усердіемъ въ монастырскихъ
трудахъ, въ разныхъ службахъ, а ово и молодыхъ дѣтей учаше
грамотѣ и старостю надъ ними, для всякаго усмотрѣнія дѣтска-
го“ ¹⁴⁰). „Младшій братъ Андрея и Семена Денисовыхъ Іоаннъ
прииде убо въ монастырь со отцемъ своимъ Діонисіемъ и съ бра-
томъ Симеономъ, еще младъ сый вельми, яко десяти лѣтъ, по-
ученъ бѣ грамотѣ малое число, потомъ здѣ изучися вельми го-
раздъ и остръ по книгамъ и писати вельми изучися, и поживая
въ монастырѣ, ово въ церковномъ, а овое писаше книги, и послѣ
смерти отца своего въ нужные годы не возможе нужды понести;
понеже въ монастырѣ соломянной хлѣбъ ядыху, тогда взявъ его
братъ Симеонъ въ Москву съ собою для списанія книгъ. И тамо
онъ Іоаннъ поживъ, остася въ Москвѣ отъ братіи. И нача у
добрыхъ людехъ у старовѣрцовъ въ домахъ поживати и малыхъ
дѣтей грамотѣ учити, а ово писати, и самъ писаше книги и кор-
мяшеса отъ того“ ¹⁴¹). „Въ Кареліи, въ лопскихъ погостахъ уче-
никъ новгородскаго учителя Іоанна Дементьева Симеонъ Хоткинъ,
мужъ писанія вѣдущій, хождаше въ карельскихъ лопскихъ селахъ,
учаше люди въ древлеправославной христіанской вѣрѣ крѣпко стоя-
ти“ ¹⁴²). „Въ той-же Кареліи, въ селѣ Совдозерскомъ, Филиппъ Мел-
гинъ, мужъ благъ и писанія вѣдущій, учаше люди въ древлепра-
вославной христіанской вѣрѣ“ ¹⁴³). „На учительскомъ-же поприщѣ

¹³⁹) Ibid., стр. 340—341. ¹⁴⁰) Ibid., стр. 257. ¹⁴¹) Ibid., стр. 299. ¹⁴²) Ibid., стр. 60—61. ¹⁴³) Ibid., стр. 61.

подвизался Іосифъ, скитаяся по пустынямъ въ разныхъ мѣстахъ, ходя въ каргопольскихъ и олонецкихъ предѣлахъ по селамъ и на Порымъ въ пустыни живяше и часто приходя въ село рекомое въ Пудожскій погостъ, поучая христіанъ въ православной христіанской вѣрѣ утверждатися“¹⁴⁴⁾. „И о. Іосифъ Ловзунскій дѣйствовалъ около тѣхъ-же мѣстъ. И нача проживати въ пустыни, близъ Водлы, межъ каргопольскимъ и олонецкимъ уѣздами, на пустошъ лѣсу пустыннымъ, жестокимъ нужнымъ житіемъ, и отхода въ ближнія волости, учаше христіанъ въ благочестіи крѣпко стояти“¹⁴⁵⁾.

Обыкновенно дѣти раскольниковъ учатся и учились испоконъ вѣковъ не только у мастеровъ, но и у мастерицъ. Раскольники первые примѣнили женскій трудъ къ дѣлу народнаго образованія и такимъ образомъ внесли въ это дѣло новый элементъ. Существенное требованіе состояло въ томъ, чтобы учили писать по силѣ, то-есть соблюдая удареніе словъ. Кто не вѣрно ставилъ удареніе (напр., „во вѣки на Бога“, вмѣсто „во вѣки на Бога“), того называли безнравственнымъ. Женщины имѣли особенное вліяніе у раскольниковъ, которые говорятъ, что прежде, когда учили однѣ мастерицы, было лучше: скажетъ бывало одинъ ученикъ другому: „бѣсъ“ — учительница сильно выпоретъ его розгами, а за маленькую вину били, вотъ и нравственность была хорошая¹⁴⁶⁾. Какъ учили, это видно изъ разсказа о бесѣдѣ учителя Кузьмы Андреева. Черезъ Керженскіе лѣса въ 1713 году возвращался на родину пѣшкомъ тобольскій казакъ, простолюдинъ, Левшутинъ, кормясь подаваніемъ.

— Есть здѣсь, у насъ, учитель, говорилъ Левшутину повстрѣчавшійся въ лѣсахъ раскольникъ, — вельми-премудрый человекъ, онъ и насъ научилъ по-старому и молитву творить, и креститься. Многіе люди берутъ Кузьму къ себѣ въ келіи и по деревнямъ въ дома для науки отъ него вѣры... а что вы креститесь, и то армянскій, еретическій крестъ...

Два дня пробылъ Левшутинъ у раскольника Панфилова, на третій день послѣдній на разсвѣтѣ разбудилъ Левшутина.

— Пойдемъ къ учителю Кузьмѣ Андрееву, онъ самъ хочеть съ тобою видѣться; онъ самъ, какъ и ты, пришелъ съ Москвы сюда, въ лѣса, назадъ лѣтъ тридцать.

¹⁴⁴⁾ Ibid., стр. 62. ¹⁴⁵⁾ Ibid., стр. 68. ¹⁴⁶⁾ Еженедѣльное прибавленіе къ „Русскому Ивалиду“, № 8, 1864 годъ, стр. 7. Ст.: Раскольники и школа.

Въ лѣсу еще было темно, и Левшутинъ, слѣдуя за своимъ хозяиномъ, безпрестанно попадалъ то на сучь дерева, то въ трясину. Панфиловъ шелъ твердо: ему знакома была дорога. Съ часъ времени шли Левшутинъ съ Панфиловымъ. Начало уже свѣтать; лѣсъ рѣдѣлъ. Левшутину послышалось не вдалекѣ церковное пѣніе мужскихъ и женскихъ голосовъ; оно становилось все громче и громче, и когда вышли на поляну, Левшутинъ ясно услышалъ хорное пѣніе: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!“

Большая сосновая изба стояла на полянѣ, обнесенная заборомъ и съ навѣсами внутри дома. Изба была съ подклѣткою; входъ былъ на дворъ, съ крыльца, по темной лѣстницѣ. Три окна выходили на дворъ, одно, маленькое, на поляну. Въ кельѣ, на лѣстницѣ, на крыльцѣ толпились мужики и бабы всякаго возраста. Панфиловъ съ Левшутинымъ начали пробиваться по лѣстницѣ, но толпа хлынула назадъ и увлекла ихъ снова на крыльцо.

Учитель Кузьма Андреевичъ вышелъ изъ кельи и сѣлъ у крыльца на прилавку; у него въ рукахъ были книги и тетрадки. Народъ обступилъ учителя и онъ началъ говорить, то смотря въ книги, то въ тетрадки. Вотъ что услышалъ Левшутинъ:

— Вотъ книги: „Кирила Іерусалимскаго“, „Апокалипсисъ“, „Маргаретъ“, говорилъ Кузьма, показывая книги народу. — Я шлюся на божественное писаніе. Слушайте! Нынче уже въ мірѣ антихристъ есть и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, христіанамъ; а которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ, и намъ тѣхъ поминать не надо и не слѣдуетъ, для того, что Никонъ патріархъ нарушилъ вѣру христіанскую и нынче святости никто не обрѣтаетъ...

Проповѣдь кончилась. Народъ отступилъ отъ учителя; онъ сталъ на крыльцѣ лицомъ къ толпѣ, изъ которой начали отдѣляться мужики и бабы: это были новички; они подходили къ учителю, подавали ему правую руку и Кузьма училъ каждого креститься, „слагая большой перстъ съ двумя меньшими“ ¹⁴⁷⁾.

При общинахъ раскольниковыхъ были особня помѣщенія для школъ. Когда на мѣсто сгорѣвшаго былъ выстроенъ новый монастырь на Левсѣ, то лѣтописецъ, между прочимъ, упоминаетъ, что

¹⁴⁷⁾ Раскольниковы дѣла XVIII ст., Есянова. Спб., 1861 г., стр. 560 — 563.

выстроили и грамотницамъ келію и перевели грамотницъ въ грамотную ¹⁴⁸). Известно, что была и мужская грамотная. Книгъ у раскольниковъ было довольно много: они добывали печатныя книги и списывали ихъ. Такъ о. Василій, пришлецъ изъ русскихъ городовъ, принятый въ Выговскую пустыню еще Андреемъ Денисовымъ, трудился на кирпичномъ заводѣ и въ поварнѣ. „Грамотѣ умѣющъ и книги читаше между трудами съ великимъ прилежаніемъ и читающихъ слушаше со вниманіемъ, и между дѣломъ, и въ ношакъ изъ книгъ про себя списываше тетради“ ¹⁴⁹). „Леонтій Федосіевъ былъ грамотѣ умѣющъ и поученъ къ пѣнію... Прилеженъ книжному чтенію, съ великою вѣрою и усердіемъ, часто читаше книги къ своему возрастнымъ и пустошнымъ... а ово книги писаше и на клиросѣ стояше“ ¹⁵⁰). Онъ часто ѣздилъ по дѣламъ въ Новгородъ, Псковъ и Москву и „тамо обиташе, книги какою въ монастырѣ (выговскомъ) нѣсть, то купить или промыслить, или списать, или о вѣрѣ какое свидѣтельство отъ писанія списать и къ дому въ монастырь отсылаше“ ¹⁵¹). „Уставщикъ Петръ Прокопьевъ собиравше житія святыхъ и списываше, и набираше во всѣхъ мѣсяцахъ, чтобъ собрать миней-чети и приказываше ѣздячись Андрею и Симеону Діонисіевымъ списывати и искати и они списываше и искаше, писаше другопредѣльными, а самъ собиравше и труждашеся, и собравъ дванадесять книгъ миней и нариса, чтобъ на всякъ день почитати на утрени... такожде и къ церковному пѣнію поучаше братію и другопредѣльныхъ, и своихъ сестеръ, и прочихъ молодыхъ учаше грамотѣ“ ¹⁵²). „Новгородецъ, именемъ Петръ, прозваніемъ Ошиара, пропашеся съ великою ревностію въ монастырь и пріяна его и нача сперва жити съ ревностію во всякихъ трудахъ, болшую долю живяше въ хлѣбни, большимъ хлѣбопекарнымъ старостомъ: и грамотѣ умѣющъ, и списываше съ книгъ въ тетради и собиравше оное собою, а оное людьми молкомъ нанимаше, а иное покупаше, всяко промышляше; все писаше о вѣрѣ, какъ стоять въ благочестіи и отъ Никоновыхъ новинъ удалатися, и ревнуя, чтобъ ити людей учити и приводити ко благочестію и давашебоя у большихъ на сіе и болшіе его отъ сего возбраняху; онъ-же написалъ живучися много тетрадей; и тайно ношцію уѣхавъ и съѣхавше въ

¹⁴⁸) Исторія Выговск. пуст., стр. 206—207. ¹⁴⁹) Ibid., стр. 338. ¹⁵⁰) Ibid., стр. 267. ¹⁵¹) Ibid., стр. 269. ¹⁵²) Ibid., стр. 157.

важскій уѣздъ и тамо найде въ лѣсахъ живущихъ старовѣрцевъ пустыннымъ житіемъ нѣсколько, вси бо грамоти неумѣючи, а о вѣрѣ и о житіи ревнительны; и нача съ ними жити, службу имъ церковную служаше и книги читаше, и въ волости отгѣзжаше, для ученія людей къ благочестію учаше; и по совѣту послаше его въ выговскую пустыню, собраша нѣсколько денегъ для покупки книгъ. Понеже о томъ у нихъ нужда и дабы имъ всегда служба служити церковная по чину и хотѣлъ робять молодыхъ изъ монастыря добыть къ службѣ и пособѣ служить. И пріѣхавъ въ Суземокъ и накупивъ книгъ, и къ монастырю приходилъ тайно, и подговаривалъ молодого мальчика грамотѣ и писать умѣющаго, новгородца же, именовъ Тита Федорова, и прочихъ съ Суземка нѣсколько охотниковъ и съѣхаша въ важской уѣздъ на свое мѣсто и живяше съ прочими, церковную службу отправляше и молодыхъ тамошнихъ людей учаше грамотѣ и къ церковной службѣ, и хождаше по волостямъ, и учаше, и къ себѣ людей призываше, и принимаше¹⁵³⁾. Пономарь Корнилій первый основалъ общежитіе въ мѣстности, гдѣ протекала рѣка Выгъ. Скиты по рѣкѣ этой, сильныя матеріальными средствами, богатые людьми съ крѣпкою волей и характерами, впоследствии занимали одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ ряду другихъ раскольникскихъ заселеній. Отсюда шли и идутъ до сихъ поръ тѣ рукописные сборники, которые, со времени ослабленія львовской (лембергской) типографіи, служатъ замѣною печатныхъ книгъ и великимъ подспорьемъ къ утвержденію и скрѣпленію плотныхъ узъ старообрядскихъ толковъ и раскольникскаго братства¹⁵⁴⁾. При помощи этихъ-то людей составлялась раскольникская литература. Въ книги, напечатанныя подъ надзоромъ власти, утвердившей никоновскія перемѣны, раскольники не вѣрили. Но книги имъ были нужны. Вслѣдствіе этого являются собственные списки книгъ, своя раскольникская литература. Еще при Федорѣ Алексѣевичѣ вышло соборное опредѣленіе, чтобы государь назначилъ челоуѣка, а патріархъ отъ себя другого для смотрѣнія за „продавцами лживыхъ писемъ“. Эти надсмотрщики должны были виновныхъ приводить къ патріарху, „чтобы чинить смиреніе“. Если нужно, над-

¹⁵³⁾ Ibid., стр. 71—72. ¹⁵⁴⁾ Рассказы изъ исторіи старообрядства, по раскольникскимъ рукописямъ, переданные С. Максимовымъ. Спб. 1861 г. Ст.: Повесть о житіи пр. Корнилія, стр. 36—37.

смотрщикамъ было приказано давать стрѣльцовъ на помощь. Эта мѣра была вызвана тѣмъ, что у Спасскихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ въ Москвѣ продавали выписки изъ церковныхъ книгъ въ тетрадяхъ и листахъ, и духовныя власти находили въ нихъ „много жи“. Распространеніе между раскольниками сочиненій духовнаго содержания, такихъ, какія имъ были нужны, чрезъ это не было прекращено. Сами расколоучители много пишутъ. Является самостоятельная литература. Андрей Денисовъ, одинъ изъ самыхъ начитанныхъ расколоучителей, оставляетъ послѣ себя 117 сочиненій разнаго рода. Другіе слѣдуютъ его примѣру. Между послѣдователями раскола являются свои историки: Семень Денисовъ, Иванъ Филиповъ и др. Расколъ держался грамотными учителями и требовалъ отъ послѣдователей своихъ грамотности. Поэтому заводили училища, было много учащихся: нужно было много книгъ, и ихъ добывали гдѣ могли. Сначала ходили рукописныя тетради, потомъ—въ прошломъ столѣтіи—стали заводиться тайныя старообрядческія типографіи. Еще при Петрѣ I были печатаемы и продаваемы на ярмаркахъ раскольниковыя книги. Такая типографія была въ посадѣ Клипчахъ, стародубскаго уѣзда черниговской губерніи (теперь мѣстечко Яновъ) ¹⁵⁵). Въ 1713—1714 гг. въ керженецкой волости у учителя Кузьмы Андреева отобрано: двѣ псалтири учебныя, два часослова, буквари печатные. Въ числѣ захваченныхъ книгъ у раскольниковъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ іюлѣ 1712 года были: три тетрадки, сшитыя вѣстѣ, въ четверть листа полууставнаго письма. Подписано: „Патерикъ азбучный“; въ нихъ 24 листа; къ первому листу приклеенъ лоскутокъ небольшой, на которомъ написано, полууставнымъ мелкимъ письмомъ, на одной сторонѣ семь строкъ: „апостоль толковый зач. спа — да не смятется христіанинъ, что во время той не поминается царь многожды и невѣрнъ сущъ являетъ самъ пріобрѣтеніе онѣхъ спасеніе бесѣды“. Тамъ-же взята тетрадка: „Разныя повѣсти“ на 25 листѣ написано: „августа въ 28-й день о Федорѣ Жидовинѣ ¹⁵⁶). Принимали въ выговскую пустынь, какъ видно изъ слѣдующаго, и иностранцевъ: „пріиде нѣкій мужъ изъ-за шведскаго рубежа иноземець пашенныхъ простыхъ людей: еще съ первыхъ лѣтъ съ великою вѣрою и усер-

¹⁵⁵) Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи, Андреева, В. В. (Слб. 1870 г., стр. 79—81. ¹⁵⁶) Есиповъ.

діемъ и Богомъ наученъ, со слезами моляся и прошашеся жить и креститися въ православную вѣру греческаго закона, и настоятели, испытавше его и видяще проста и тепла вѣрою къ Богу, и пріяша его“ ¹⁵⁷⁾. Вообще школы раскольничьи пользовались уваженіемъ народа. Особенно извѣстна была въ Поморьѣ школа Денисовыхъ. „Юными, иже отъ міра приходили,—сказано въ біографіи одного надсмотрителя этой школы,—полняшеся тогда общежительство“. Народъ, какъ видно, уважалъ ее за то именно, что здѣсь „церковному церковнѣ учили“. Но что особенно замѣчательно, сюда отдавали дѣтей своихъ не только простые поселяне, но и лица духовныя. По чувству-ли личнаго уваженія къ Денисовымъ или по причинѣ дальняго разстоянія Новгорода отъ поморскихъ предѣловъ, только многіе попы и церковники отдавали предпочтеніе школъ Денисовыхъ предъ новгородскими архіерейскими училищами. Таковъ, напримѣръ, былъ отецъ Иродіонъ, священникъ города Олонца: онъ отправилъ сына своего для книжнаго ученія въ выгорецкое общежительство къ настоятелю Семену Денисову ¹⁵⁸⁾.

Въ одну вечернюю пору пришелъ въ выговскій монастырь молодой человекъ лѣтъ 13, съ длинными волосами, рѣзкими чертами лица и съ подстриженной маковкой.

— Гдѣ живетъ Семень Даниловичъ? спросилъ онъ попавшагося ему выговскаго городничаго.

Узнавши, кто онъ, откуда и зачѣмъ пришелъ, городничій доложилъ о немъ келарю. Келарь представилъ его настоятелю. Молодой человекъ подалъ Семену письмо своего родителя.

— Ты сынъ отца Родіона? спросилъ его Семень.

— Да, отвѣчалъ тотъ.

— И пришелъ сюда учиться?

— Да.

— Но хочешь-ли ты отдаться въ послушаніе братству?

— Хочу, бойко и рѣшительно сказалъ молодой человекъ.

Семень приказалъ позвать „школьнаго надсмотрителя“.

„Вотъ новая лоза для твоего винограда, внушительно замѣтилъ ему настоятель;—блуди, чтобъ она принесла плодъ и не засохла. Это Алексѣй, сынъ попа Родіона: онъ ищетъ книжнаго уче-

¹⁵⁷⁾ Исторія выговской пустыни, Сиб. 1862 г., стр. 328—329. ¹⁵⁸⁾ Труды кіевской духовной академіи, 1867 г., январь, стр. 40.

ніа“. Затѣмъ, обратившись къ новому ученику, онъ сказалъ: „иди и учиcя бояться Бога, — и будешь уменъ. Божье да будетъ на тебѣ благословеніе“. И самъ благословилъ его. Алексѣя перекрестили, переодѣли и привели въ грамотную.

Скоро своими способностями и своимъ усердіемъ Алексѣй выдѣлился изъ всѣхъ прочихъ школьниковъ. Семенъ Денисовъ обратилъ на него свое вниманіе, взялъ его въ особое къ себѣ „ученичество“ и преподавалъ ему свой высшій курсъ словесныхъ и духовныхъ наукъ. Онъ обучилъ его граматикѣ и риторикѣ, логикѣ и діалектикѣ, космографіи и математикѣ, священной исторіи и катехизису ¹⁵⁹⁾.

Много нужно было имѣть силы, чтобы достигнуть такихъ успѣховъ, и эта сила, дѣйствительно, была у раскольниковъ въ лицѣ такихъ людей, какъ, напримѣръ, Денисовы.

IX.

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка во главѣ раскола старообрядства стоятъ два знаменитыхъ брата Андрей и Семенъ Денисовы, говоритъ Барсовъ. Извѣстно, какое громадное значеніе въ исторіи раскола имѣла выговская пустыня, — и всѣмъ своимъ могуществомъ и влияніемъ она обязана была исключительно Денисовымъ. Вотъ какъ изобразилъ значеніе ея для раскола одинъ изъ выгорѣцкихъ проповѣдниковъ: „гониміи за православіе (т. е. за расколъ) во отишіи сей пустыни приимаху отдохновеніе, отіюду получаху образы благочинія, отіюду взимаху добродѣтельные виды, сими пустынными благочиніями хваляхуса всѣхъ странъ и городовъ житиліе; понеже убо кто отеческаго (т. е. раскольническаго) благочестія во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ ясный громъ возгремѣ? — выговская пустыня. Кто церковныя службы и уставы за неимѣніемъ церковнослужителей простолюдиномъ избрѣте? — выговская пустыня. Кто мужемъ съ женами пустынное (пустосвятное) житіе устави? — выговская пустыня. Новолюбителей-ли (т. е. православныхъ увѣщателей) за дааніе развяза кто? Клеветниковъ-ли лютые языки связа кто? Гонительную-ли ярость увѣща кто? У высокихъ-ли властей щедрю гонимымъ милость обрѣте кто? Кто, аще не выговскихъ

¹⁵⁹⁾ Ibid., стр. 49—50.

премудрыхъ учителей и хитрословесныхъ просителей ревность? Ибо въ сей выговской пустыни ораторствоваша проповѣдники, просіяша премудры Платоны, показашася преславніи Демосфени, обрѣтошася пресладкіи Сократы, възсѣшася храбрыя Ахиллеса, не басенныя повѣсти плетушіе, но христіанское стадо опасно стрегущіе“. — Только Андрей и Семень умѣли организовать разрозненныя силы раскола въ одно единомысленное общезитіе и прочно закрѣпить его нравственными и матеріальными связями. Только они могли составить для него своего рода догматику, устроить богослуженіе, начертить планъ мнимо-спасительнаго житія и создать цѣлую школу выгорецкихъ философовъ и ораторовъ ¹⁶⁰). Однимъ словомъ, они сдѣлали выговскую пустынь центромъ умственной и нравственной жизни раскола.

Семень Денисовъ былъ средняго роста, сухощавый, съ нѣскольکو сторбленныиъ станомъ, „съ руками и перстами тонкостью изукрашенными, съ свѣтлыми очами, съ улыбкой на устахъ, съ густыми чернорусыми курчавыми волосами и съ довольно большою полукруглою бородою“. — Семень Денисовъ былъ щедро надѣленъ отъ природы рѣдкими способностями и душевными дарованіями. Съ острымъ смысломъ, крѣпкою памятью, онъ соединялъ въ себѣ непреклонный, энергическій характеръ, рѣдкую склонность къ чтенію книжному и жажду вѣденія высокыхъ словесныхъ наукъ. Особенно онъ одаренъ былъ счастливою памятью, которую постоянно развивалъ и поддерживалъ собственными упражненіями и самымъ образомъ своей жизни. Далѣе раскольники восхваляютъ его за необыкновенное будто-бы знаніе св. писанія. Какъ Андрей за ораторское искусство и проповѣдническую импровизацію ими прозванъ былъ вторымъ Златоустомъ, такъ Семень за богатое будто-бы знаніе св. писанія „отитлованъ былъ живою библіею“; не забывалъ, говорятъ, Семень и „внѣшняго любомудрія“. „Онъ затверживалъ къ сказанію изустно на память граматическія и прочихъ наукъ правила и въ тверженіи онаго поступалъ умѣренно, не на все купно вскорѣ захватить простирался, но по частямъ и періодамъ, въ разсужденія своя силы, по-добновременнѣ люботрудно пріятствовалъ“. Любилъ онъ также частые ученые разговоры съ умными людьми. Въ письмахъ употреб-

¹⁶⁰) Труды кievской академіи, 1866 г., февраль, ст. Барсова: Семень Денисовъ Вторушинъ, предводитель русскаго раскола XVIII вѣка, стр. 174—176.

лялъ для памяти нѣвкіе значки, числа и азбучныя письмена. Книги, по которымъ онъ учился, писалъ властною своею рукою и хранилъ ихъ во всю свою жизнь неизмѣнно, въ разсужденіи такомъ, что весьма сіе памяти вспомоществуетъ, премѣненіе-же книгъ нѣсколько оную помрачаетъ и воспоминанія остроту притупляетъ“ ¹⁶¹). До 14 л. Семень воспитывался въ домѣ родителей. По происхожденію они были князя Мышецкіе и отецъ его былъ тогда знаменитымъ гражданиномъ въ Поморьѣ, потомкомъ новгородскаго князя Бориса Александровича Мышецкаго. Какъ самъ Борисъ, такъ и весь родъ его былъ преданъ русской старинѣ и враждебно относился ко всему иноземному. Внуку его Діонисій — человекъ русской старины, упорный въ своихъ понятіяхъ, фанатикъ въ своихъ дѣйствіяхъ, — съ наслѣдственною набожностью, но безъ развитаго религіознаго сознанія, остался-бы православнымъ, если-бы раскольниками случайно не былъ соблазненъ Павелъ Коломенскій, возбудившій въ Діонисіѣ нерасположеніе къ іерархіи. Воспитаніе Семена поэтому шло чисто въ раскольническомъ духѣ. Блеветы и ругательства на Никона рано за сѣли въ немъ. При своей склонности къ чтенію книжному, Семень Денисовъ еще больше познакомился съ раскольническими сочиненіями и усвоилъ духъ раскола чрезъ чтеніе раскольническихъ сочиненій и особенно соловецкихъ воззваній. Особенное вліяніе на юношей Денисовыхъ, весьма воспримчивыхъ и подвижныхъ, оказали соловецкіе монахи, особенно одинъ изъ нихъ — фанатикъ черный діаконъ Игнатій, проклинавшій православныхъ. Фанатическая проповѣдь Игнатія вполне соответствовала настроенію Денисовыхъ и имѣла на нихъ самое сильное и гибельное вліяніе. Выросшіе въ чащахъ лѣсныхъ, вдали отъ боярскаго общества, склонные къ фанатическому одушевленію, они способны были сочувствовать бродячимъ раскольникамъ ¹⁶²). Андрей убѣжалъ въ пустыню на 18 году жизни и вмѣстѣ съ Вавиловымъ устроилъ здѣсь общежитіе, привлеки къ нему и сестру свою Соломонію. Семень 14 лѣтъ (1697) отправился туда-же, а за нимъ и отецъ. Между тѣмъ Андрей въ пять лѣтъ своей страннической жизни, до пріѣзда Семена, успѣлъ обратить на себя всеобщее вниманіе раскольниковъ, которыхъ не мало было тогда въ выговской пустынѣ; успѣлъ познакомиться съ положеніемъ и настроеніемъ земскихъ людей, успѣлъ получить выс-

¹⁶¹) Ibid., стр. 177—178. ¹⁶²) Ibid., стр. 182.

шее тогдашнее образованіе, познакомиться со многими высшими лицами и даже сдѣлаться извѣстнымъ царевнѣ Софьѣ—при содѣйствіи своей знатной родни. Во время первыхъ своихъ разъѣздовъ, собравъ большое множество разныхъ книгъ, Андрей, при природныхъ своихъ способностяхъ, скоро сталъ обладать большою начитанностью. Но онъ чувствовалъ, что ему недостаетъ школьнаго образованія. Занимаясь изученіемъ св. отцевъ, говоритъ біографъ, Андрей встрѣчалъ у нихъ много терминовъ, не зная которыхъ, онъ затруднялся въ пониманіи отеческихъ твореній. Это навело Андрея на мысль изучить всѣ тѣ правила, кои отверзаютъ пространный вѣденія входъ въ св. писаніе,—чтобы умѣть „существительныя опредѣленія и естество-словныя изыскивать вини, справедливо разсуждать разньство случаевъ, — что есть существо и случай,—различить существо отъ существа, ангела отъ человѣка, животное отъ нечувственного“. И хотя Андрей уже давно, во время первыхъ своихъ разъѣздовъ, отъ „нѣкихъ ученыхъ мужей“ „отчасти наученъ былъ граматикѣ, аже есть начало и конецъ всякому любомудрію, отъ нея-же всякое естество творится и естествословится“; но желая пріобрѣсть въ вѣденіи совершенство, онъ сталъ искать болѣе искуснаго учителя. Услышавъ, что въ Кіевѣ, „въ тамошномъ богословскомъ училищѣ“, есть нѣкій нарочитый учитель, онъ рѣшился отправиться туда, тѣмъ болѣе, что давно уже имѣлъ намѣреніе собрать тамъ отъ мощей и изъ древнихъ книгъ свидѣтельства въ пользу „древняго благочестія“. Прибывъ въ Кіевъ, Андрей прежде всего обозрѣлъ св. мощи, иконы и кресты, ища подтвержденія раскольническому перстосложенію. Потомъ приходитъ сокровенно къ незнаемому учителю чрезъ прочихъ знакомство, и своимъ благоговѣйнымъ, любомудрымъ видомъ и кроткими, учтивыми бесѣдами входитъ къ учителю въ любовное, пріятственное свойство и безъ всякой опасности о всемъ съ нимъ разглагольствуетъ, бѣ бо наименованъ купеческимъ. Когда Андрей довольно засвидѣтельствовалъ предъ нимъ свои таланты, учитель велитъ ему написать слово, на какой ему угодно текстъ. Андрей выбралъ „еемою“ слова Соломона: „сотове медовніи словеса добра“ и написалъ въ короткое время слово, всякому ученому и неученому пріятно, еще и отъ страсти празднословія цѣлительно, — и принесе къ учителю. Тотъ прочиталъ это слово въ собраніи всѣхъ учениковъ и спросилъ ихъ: какъ думаютъ они, кто

авторъ этого слова? Ученики нашли, что оно, конечно, принадлежит кому-либо изъ древнихъ знаменитыхъ учителей церкви, Златоусту или Амвросію, и переведено съ греческаго или съ латинскаго языка... Послѣ такого триумфа Андрей больше всѣхъ въ тому учителю отверстыи входъ себѣ получи и о всемъ риторскомъ, философскомъ и феологическомъ ученіи съ великимъ прилежаніемъ вопрошаше. Учитель охотно удовлетворялъ любознательнаго ученика: къ этому побуждала его „рекомендація пѣкая изъ Москвы о отцѣ Андрѣ“, а отчасти и дары, почасту приносимыя учителю Андреемъ. Къ сожалѣнію, біографъ Андрея не говоритъ, въ которомъ году былъ Андрей въ Кіевѣ, и нельзя положительно сказать, кто былъ тотъ нарочитый учитель, о которомъ дошли слухи въ выговскую пустыню и который волею или неволею оказалъ такую услугу расколу. Въ „житіи“ разсказъ о поѣздѣ Андрея въ Кіевъ помѣщенъ непосредственно предъ разсказомъ о поимкѣ Семена въ Новгородѣ, которая случилась въ 1710 году, и послѣ разсказа объ устройствѣ женскаго монастыря на Лексѣ. Трудно предполагать, чтобы Андрей предпринялъ дальнюю поѣздку въ Кіевъ прежде этого событія, — прежде, чѣмъ окончательно организовалъ свою общину и обезпечилъ ее матеріально. Отдѣленіе женщинъ въ особый монастырь послѣдовало въ концѣ 1706 года. Нужно думать, что Андрей прибылъ въ Кіевъ около 1708 года. Дальше разсказъ о поѣздѣ Андрея въ Кіевъ біографъ заключаетъ такимъ замѣчаніемъ: Андрея перевозносили, говоритъ онъ, „дивныя префекты, пречудниі академіи ректоры, преславныя авторы и первѣйшии въ словѣ словесъ, иже послѣди словеса своими великими персонажъ Андрея возносяше...“ Андрей Іоанновъ опредѣленно говоритъ, что въ Кіевѣ Андрей подбился къ „ректору“ академіи. На основаніи этихъ соображеній предполагаютъ, что этотъ учитель Андрея былъ никто другой, какъ Феофанъ Прокоповичъ. Онъ былъ въ академіи префектомъ и профессоромъ философіи съ 1708 по 1711 г., а съ 1711 до 1715 г. — ректоромъ и профессоромъ богословія. Онъ-же и до префектства, будучи простымъ наставникомъ, по словамъ митроп. Евгенія и преосвящ. Макарія, извѣстенъ былъ своею ученостію и краснорѣчіемъ далеко внѣ Кіева; онъ-же впослѣдствіи, будучи въ Петербургѣ, сообразуясь съ духомъ Петра, высказывалъ въ синодѣ относительно широкіе взгляды на расколъ и способенъ былъ отдать

честь дарованіямъ Андрея,—похвалить его предъ великими персонами,—какъ объ этомъ и есть прямое свидѣтельство у біографа въ другомъ мѣстѣ ¹⁶³). Въ этотъ промежутокъ времени духъ возбужденнаго къ немъ религіознаго фанатическаго опьяненія ослабѣлъ. Киевская академія не могла остаться безъ благотворнаго, отрезвляющаго вліянія на его религіозное сознаніе,—но въ Выговской пустынѣ много нашла себѣ пищи его родовая боярская униженная гордость. Въ немъ сильно заговорили его честолюбіе и властолюбіе. Въ темномъ народѣ слышенъ былъ ропотъ и общее недовольство гражданскими нововведеніями, не всегда согласными съ его стремленіями и привязанностями,—крупными насильственными мѣрами, почти всегда крайне для него обременительными... При такихъ обстоятельствахъ Андрей Денисовъ, неудержимо движимый ненасытнымъ честолюбіемъ и властолюбіемъ, распространялъ расколъ, умножая число своихъ подчиненныхъ и стремясь—какъ выражается самъ онъ—возвратить Россію къ стариннымъ временамъ, преданіямъ и обычаямъ; онъ поддѣлывался подъ духъ темнаго народа и чрезъ то забиралъ его въ свои руки. Съ прибытіемъ Семена въ пустыню, Андрей далъ ему полную возможность продолжать свое образованіе въ томъ-же направленіи, въ какомъ оно началось. Сначала онъ самъ училъ его вмѣстѣ съ другими даровитыми юношами грамматическому и риторическому ученію, чтобы право писати и добръ глаголати. Затѣмъ онъ всегда бралъ его съ собою, когда по разнымъ монастырскимъ нуждамъ странствовалъ по всѣмъ русскимъ городамъ и монастырямъ, ѣздилъ въ Москву и Кіевъ, промышлялъ и осматривалъ книги, овья покупалъ, овья списывалъ. Въ этихъ странствованіяхъ Семень dokonчилъ свое образованіе. Въ Кіевѣ и Москвѣ онъ изучилъ грамматику, риторику, пиитику и даже часть философіи ¹⁶⁴). Вообще, по словамъ другого біографа, Андрей и Семень Денисовы неутомимо заботились объ учрежденіи шкoль грамотности, пѣнія и иконописанія въ своей общинѣ... Понявъ, при помощи природнаго значительнаго ума и глубокой проницательности, слабыя стороны раскола и въ то-же время не желая никакъ мириться съ положеніемъ православнаго общества, Дени-

¹⁶³) Православное обозрѣніе, октябрь 1865 г. Ст. „Братья Андрей и Семень Денисовы“—Барсова, стр. 239—242. ¹⁶⁴) Труды Киевской Духовной Академіи, 1866 г. февраль. Ст. Барсова: „Семень Денисовъ Вторушинъ, предводитель руск. раскола XVIII в.“, стр. 184—185.

совы не замедлили съ свойственною имъ энергіею заняться своимъ собственнымъ образованіемъ, чтобы если не обновить основы дорогого для нихъ раскола, то, по крайней мѣрѣ, съ честью поддерживать угрожаемое со стороны церкви и правительства зданіе его. Располагая средствами выгорѣцкихъ обитателей, они успѣли, дѣйствительно, получить, можно сказать, блестящее образованіе, — какое, разумѣется, возможно было тогда въ московскихъ и кievскихъ школахъ, — образованіе, вслѣдствіе котораго они скоро почувствовали себя способными не только обновить и укрѣпить основы дорогого для нихъ раскола, но и съ достоинствомъ и безбоязненно выдерживать нападенія со стороны православныхъ учителей и правительства. Изъ множества предпринимаемыхъ Денисовыми путешествій, большая часть посвящена была ими, по словамъ выговскаго историка, ближайшему знакомству со всею новопечатною и въ особенности обличительною литературою и возможно основательному изученію тѣхъ самыхъ наукъ и тѣхъ самыхъ научныхъ приемовъ, вооружась которыми, гремѣли враждою противъ раскола православные учителя. — И не давали, конечно, даромъ пропадать своему научному и практическому образованію Андрей и Семенъ Денисовы. Пользуясь имъ постоянно при организованиіи своей общины, они не упускали никакого случая, чтобы попробовать и бойкое перо свое, какъ для духовнаго назиданія раскольниковъ и распространенія раскола между легковѣрными, такъ и для предохраненія раскола отъ опасностей со стороны церкви и правительства. Извѣстно, что Андрею и Семену Денисовымъ принадлежитъ множество подобнаго рода и мелкихъ, и капитальныхъ сочиненій ¹⁶⁵).

Такіе энергичные люди, конечно, могли сдѣлать и сдѣлали очень много для поддержанія раскола. Только благодаря ихъ усиліямъ онъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ ущербъ господствующей церкви. Уже около 1732 г. келія для грамотницъ становится уже тѣсно: такъ увеличилось число грамотницъ съ 1729 года. „Хотя при отцѣ Андреѣ построена была настоятельница съ грамотницами привезенная съ Березовки Михаила иконника кѣлія и поставлена для нужды наскорѣ, но на приходъ съ Левсы онымъ съ прочими та кѣлія мала и тѣсна была. И того ради настоятель Симеонъ (Де-

¹⁶⁵) Библіотека для чтенія, 1864 г. октябрь и ноябрь, ст.: „Поморскіе отвѣты“ А. С—ва стр. 16—18.

нисовъ), посовѣтовавъ со отцемъ Данииломъ и съ соборными, поставиша на приходъ настоятельницы и прочимъ грамотницамъ съ Лексы и ту обитающимъ грамотницамъ въ часовни служащимъ и писцамъ, новую болшую кѣлію¹⁶⁶⁾. Вообще сюда, въ выгорѣцкіе скиты, бѣжалъ и находилъ радушный пріютъ весь людъ, преслѣдуемый законами и правительствомъ: и бѣглый арестантъ изъ Сибири, и разбойникъ, и казнокрадъ изъ тюрьмы, и нетерпимый за крайнія беззаконія монастырскій служба, пьяные бѣлый и черный погъ, и обнищавшій крестьянинъ. Сюда, въ выгорѣцкіе скиты, перешла большая часть тѣхъ несмѣтныхъ богатствъ, которыя некуда было дѣвать расторговавшимся купцамъ людныхъ и торговыхъ русскихъ городовъ. Здѣсь, въ выгорѣцкихъ скитахъ, былъ корень и начало всѣхъ тѣхъ странныхъ сектъ, которыя не въ рѣдкость по весьма многимъ мѣстамъ Россіи: здѣсь были морельщики, самосжигатели, хлысты, скопцы, дѣтоубійцы и прочіе сектанты. Отсюда, изъ выгорѣцкихъ скитовъ, вышли огромныя толпы проповѣдниковъ, которые разбрелись потомъ во множествѣ по всей Россіи, ближней и дальней. Отъ этихъ, наконецъ, выгорѣцкихъ скитовъ въ самое короткое время распространился расколъ, который успѣлъ захватить весь огромный сѣверъ Россіи, начиная государственною границею нашу съ Швеціею и оканчивая дальними предѣлами Сибири, съ Китаемъ и сибирскими инородческими племенами...¹⁶⁷⁾ Смотри теперь хладнокровно на это религіозное движеніе, видишь, что оно и принесло много вреда народу, и сдѣлало нѣкоторую пользу, что оно было широко по количеству своихъ адептовъ и узко по своимъ вѣчнымъ цѣлямъ. Оно вредило народу, поселяя въ немъ отвращеніе ко всему новому, ко всему иноземному, возвращая народъ къ старинѣ, къ мертвымъ богословскимъ препирательствамъ о букввахъ. Но оно несомнѣнно приносило пользу распространеніемъ грамотности, которая въ то время распроетранялась собственно въ народѣ почти исключительно черезъ раскольниковъ, черезъ ихъ подвижныя школы. Оно было сильно и широко въ количественномъ отношеніи, захватывая всю Русь, поднимая повсюду народныя массы. Но въ то-же время оно было узко и жалко въ качественномъ

¹⁶⁶⁾ Исторія Выговской пустыни, стр. 247—248. ¹⁶⁷⁾ Разсказы изъ исторіи старообрядства, по раскольн. рукописямъ, переданные С. Максимовымъ. Спб., 1861 г., стр. 36—43.

отношеніи; оно выродилось изъ глубокихъ вопросовъ Нила Сорскаго и Вассіана въ вопросы о двуперстномъ сложеніи, о правописаніи слова Іисусъ; оно стало такъ-же мелко по своимъ цѣлямъ, какъ стала мелокъ народъ по своимъ интересамъ, прошедшій трудную школу татарскаго погрома, объединенія московскаго государства, террора Ивана IV, прикрѣпленія къ землѣ и смутнаго времени. Вотъ почему, когда мы видимъ Нила Сорскаго и Вассіана, ведущихъ борьбу съ господствовавшими тогда узкими воззрѣніями духовенства, мы относимся съ глубокой симпатіей къ этимъ провозвѣстникамъ свѣтлыхъ и широкихъ воззрѣній; когда-же мы видимъ Андрея и Семена Денисовыхъ, ведущихъ агитацію противъ нововведеній, то намъ становится только жаль этихъ даромъ потраченныхъ могучихъ силъ и мы не привѣтствуемъ даже ихъ успѣховъ на пути развитія грамотности. Какую пользу могла принести грамотность при такой узкости воззрѣній учителей? Грамотность вообще обоюдоострое оружіе и ее можно направить такъ, что вмѣсто источника развитія народнаго сознанія она сдѣлается источникомъ заблужденій, отупѣнія и застоя: когда въ Пруссіи народная грамотность заключалась въ изученіи и пѣніи дѣтьми сотенъ патріотическихъ и религіозныхъ пѣсень, то эту грамотность едва-ли можно было считать средствомъ интеллектуальнаго развитія народа.

Такова была обстановка, при которой должны были развиваться петровскія школы: за нихъ не стоялъ никто, противъ нихъ были всѣ и все.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

НА МОСТУ.

Въ раздумьи на мосту стоялъ
Бѣднякъ бездомный одиноко.
Осенній вѣтеръ бушевалъ
И волны вскидывалъ высоко.

Онъ думалъ: „Боже! для чего-жь
Насъ честно въ мѣръ жить учили,
Когда въ ходу одна здѣсь ложь,
О чести-жь вовсе позабыли?

„Я вѣрилъ въ правду на землѣ,
Я честно мыслить и трудился;
И что-жь?—морщины лишь на челѣ
Я преждевременныхъ добился.

„Не разсвѣталъ мой мрачный день,
Давила жизнь меня сурово,
И я скитался, точно тѣнь,
Томимый голодомъ, безъ крова.

„Мнѣ жизнь въ удѣлъ дала нужду
И вѣру въ счастье надломила.
Чего-же я отъ жизни жду,—
Иль вновь моя вернется сила?

„Нѣтъ, не воротится она,
Трудомъ убита и нуждою.
Какъ ночь осенняя, мрачна
Дорога жизни предо мною...“

И внизъ глаза онъ опустилъ,
Томяся думой безъисходной,
И грустно взоръ остановилъ
Онъ на волнахъ рѣки холодной.

И видитъ онъ, въ глуби рѣчной
Печальныхъ жертвъ суровой доли,
Въ рѣкѣ искавшихъ свой покой
Отъ скорби жизненной и боли.

Въ ихъ лицахъ блѣдныхъ и худыхъ
Слѣды страданія и муки, —
Недвиженъ взоръ стеклянный ихъ
И сжаты судорожно руки.

Надъ ними мрачная рѣка
Неслась и глухо рокотала...
И сжала грудь ему тоска
И страхомъ душу оковала.

И поднялъ взоръ онъ къ небесамъ,
Надѣясь въ нихъ найти отраду;
Но видитъ съ ужасомъ и тамъ
Одну лишь черныхъ тучъ громаду...

И. Суриковъ.

ОСНОВНЫЙ ЗАКОНЪ МЕДИЦИНЫ.

Отличительной чертой современной науки можно назвать ее неустанное стремление къ широкимъ обобщеніямъ. Только та отрасль человѣческихъ знаній, которая обладаетъ такими обобщеніями, и заслуживаетъ названіе науки. Терминъ *точные науки*, установленъ для отличія ихъ отъ наукъ неточныхъ, и этимъ терминомъ обозначаются только науки, обладающія такими обобщеніями. Астрономія, физика, химія давно уже обладаютъ широкими обобщеніями, которыя даютъ имъ полное право на названіе точныхъ наукъ что несомнѣнно указываютъ, что онѣ давно вступили въ позитивный періодъ развитія. Такъ законъ физики — единство физическихъ силъ, кромѣ многихъ другихъ частныхъ обобщеній, и постоянство состава въ химіи принадлежатъ къ тѣмъ широкимъ обобщеніямъ, которыя служатъ лучшимъ доказательствомъ математической точности этихъ наукъ.

Читатель, знакомый съ ученіемъ О. Конта и съ его классификаціей наукъ, очень хорошо помнитъ тотъ порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ точныя науки по степени ихъ точности и по ихъ позитивному значенію. Въ этой классификаціи физиологія занимаетъ мѣсто непосредственно вслѣдъ за химіей. Это доказываетъ, что О. Контъ считалъ физиологію наукой менѣе точной, чѣмъ предыдущія, — наукой, необладающей еще никакими основными всеобобщающими законами. Думаемъ, что теперешнее развитіе физиологіи даетъ ей право на большій почетъ въ системѣ наукъ, и законъ, который мы здѣсь намѣрены обозначить, сводитъ ее, какъ кажется, на степень математической точности.

Притомъ теперь, конечно, ни для кого не тайна, что физиология есть основа всей медицины. Мы это вовсе не намѣрены понимать въ узкомъ значеніи слова, а, напротивъ того, въ самомъ широкомъ. Если допустимъ, что вся медицина распадается на четыре главныя вѣтви: на гигиену, физиологию, патологию и терапію, то мы очень легко и скоро убѣдимся, что всѣ эти четыре отрасли только видоизмѣненія одной, именно физиологии. Послѣдующее изложеніе послужитъ тому самымъ осязательнымъ доказательствомъ. Такимъ образомъ, намъ предстоитъ выяснитъ основной законъ физиологии, которой въ то-же время долженъ быть основнымъ закономъ всей медицины, и, наоборотъ, намъ необходимо выдѣлить основной законъ всей медицины, какъ самый существенный законъ физиологии. Кроме того, такъ-какъ физиология составляетъ самую существенную часть біологии, то нашъ основной законъ медицины долженъ занять самое почетное мѣсто и въ области біологии.

Въ свою очередь, вся біология, такъ-же какъ и физиология, да и вообще вся органическая жизнь, сводятся на извѣстную опредѣленную цѣпь физико-химическихъ законовъ или явленій. Мы въ данномъ случаѣ совершенно оставляемъ въ сторонѣ физическія явленія и законы, выражающіе стройность физическихъ отравленій нашего организма, хотя и въ этой области физиология въ послѣднее время обогатилась чрезвычайно цѣнными орудіями. Достаточно вспомнить, что наши ощущенія сдѣлались теперь доступны измѣренію, и законъ этихъ ощущеній, выраженный Вундтомъ, подаютъ самыя свѣтлыя надежды на отрадное будущее для полного выясненія нашей психо-физической сферы; по крайней мѣрѣ, такое значеніе имѣетъ въ нашихъ глазахъ законъ, по которому ощущеніе возрастаетъ, какъ логарифмъ возбужденія. Повторяешь, однакожь, что мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ всю физическую сторону, чтобы тѣмъ съ большимъ вниманіемъ заняться чисто-химической стороной нашей организаціи. Думаешь, что намъ въ этомъ едва-ли придется расквяться.

Хотя человѣческой организмъ принадлежитъ всецѣло къ органическому міру и хотя органическая химія избрала своимъ синонимомъ химію углеродистыхъ соединеній, но намъ, въ виду нашей цѣли, приходится уклониться отъ этого общаго пути, не потому, чтобы этотъ путь былъ невѣренъ, а потому, что онъ не

исключительно вѣрный и менѣе практичный, очень трудно примѣнимый при разнообразныхъ обстоятельствахъ, опутывающихъ нашу жизнь.

Съ химической точки зрѣнія, человѣческой организмъ представляетъ собой самое высшее развитіе. Хотя изъ 64 простыхъ тѣлъ, составляющихъ весь окружающій насъ міръ, въ составъ человѣческаго тѣла входятъ только десять, но эти десять тѣлъ встрѣчаются въ человѣческомъ организмѣ болѣею частью въ видѣ самыхъ сложныхъ соединеній; двойныя и тройныя соединенія встрѣчаются въ немъ несравненно рѣже. Всѣ ткани нашего организма, безспорно, могутъ быть названы углеродистыми по преимуществу, но онѣ съ такимъ-же правомъ могутъ быть названы азотистыми, протеиновыми, бѣлковинными веществами, потому что трудно указать на какую-нибудь ткань, въ составъ которой не входилъ-бы бѣлокъ, а слѣдовательно и азотъ. Роль азота въ нашемъ организмѣ всегда очень занимала и интересовала ученыхъ и изслѣдователей, но какъ-то ему всегда предпочитали углеродъ. Не то, чтобъ мы хотя на минуту сомнѣвались въ господствующемъ значеніи углерода или хотѣли-бы умалить его роль въ нашемъ тѣлѣ,—напротивъ того, но мы предпочитаемъ азотъ потому, что онъ несравненно доступнѣе изслѣдованіямъ и измѣренію и ведетъ насъ къ такимъ-же или, лучше сказать, къ самымъ плодотворнымъ результатамъ. Притомъ-же появленіе азота уже знаменуетъ сложную органическую ткань, такъ-какъ нѣтъ органическихъ тканей безъ двойныхъ соединеній съ азотомъ. Въ неорганическомъ-же мірѣ азотъ, вступая въ соединеніе и образуя упрощенное сложное тѣло, является какимъ-то *enfant terrible*, потому что почти всѣ азотныя соединенія отличаются особымъ характеристическимъ свойствомъ, именно крайнею непрочностью.

Всѣмъ, конечно, извѣстны случаи быстрого и сильнаго разложенія, постоянно вызываемые присутствіемъ азота. Взрывъ пороха обуславливается легкостью, съ которою азотъ, содержащійся въ се литрѣ, уступаетъ соединенный съ нимъ кислородъ. Взрывъ хл опчато-бумажнаго пороха, въ составъ котораго входитъ азотна я кислота, есть существенно подобное явленіе. Всѣ гремучія со ли состоятъ изъ металовъ въ соединеніи съ азотистымъ веществомъ, называемымъ гремучею кислотою и отличающимся такою неустойчивостью, что его нельзя получить въ свободномъ состо-

яніи. Нитроманитъ и нитроглицеринъ также производятъ взрывы. Иодистый азотъ даетъ взрывъ при малѣйшемъ ударѣ и часто безъ всякой видимой причины. Ударомъ-же вызывается взрывъ сѣрнистаго азота. Наконецъ вещество, проявляющее самую ужасную силу взрыва, есть хлористый азотъ. Такимъ образомъ, эта легкая и быстрая разлагаемость, обусловливаемая химической недѣлятельностью азота, составляетъ характеристическое свойство азотныхъ соединений (Г. Спенсеръ, Біологія, стр. 7). Такова роль азота въ неорганическомъ мірѣ; столь-же страстную и энергическую дѣятельность проявляетъ азотъ и въ органическомъ мірѣ. Достаточно указать, что всѣ такъ-называемые бродила-ферменты непремѣнно содержатъ азотъ, а извѣстно, какое значеніе приписывается этимъ разнообразнымъ бродиламъ. И это, конечно, не безъ основанія: процессъ пищеваренія чуть-ли не весь основанъ на содѣйствіи этихъ ферментовъ, такое-же дѣйствіе въ растительныхъ процессахъ броженія и сюда-же примыкаетъ дѣйствіе нѣкоторыхъ ядовъ, напр. ядовитыхъ змѣй. Укажемъ здѣсь, что пошалинъ или ферментъ слюны, пепсинъ, ферментъ желудочнаго сока, панкреатинъ или ферментъ столь важной поджелудочной желѣзы, далѣе ядъ змѣи кобра капелы, эмульсинъ и пивное бродило—всѣ имѣютъ почти одинаковый составъ и всѣ содержатъ почти одинаковое количество углерода (отъ 43 до 49), но и одинаковое количество азота (отъ 11 до 14 на 100). Почему знать, можетъ быть, мы накануне другого торжества химіи; можетъ быть, она намъ разъяснитъ возникновеніе всѣхъ нашихъ эпидемическихъ и заразительныхъ болѣзней. появленіемъ особеннаго бродила при разложеніи органической матеріи, причѣмъ это бродило, попадая въ воду, употребляемую въ питье, или въ пищу, или въ воздухъ, дѣйствуетъ на нашъ организмъ какъ истинный ядъ, а появленіе разныхъ вибрионовъ и бактерій окажется лишь явленіемъ послѣдовательнымъ. Мы вообще ожидаемъ отъ химіи разъясненія самыхъ таинственныхъ и сокровенныхъ недо-разумѣній и явленій въ нашемъ организмѣ. Ниже мы къ этому еще вернемся.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы оправдать себя въ глазахъ компетентнаго читателя въ нашемъ пристрастіи къ азоту. Впрочемъ, выборъ нашъ палъ на азотъ не ради одного только пристрастія къ нему, а еще въ силу болѣе важныхъ и серьезныхъ

обстоятельствъ. Опредѣлить количество вступающаго въ нашъ организмъ углерода, кислорода, водорода и азота одинаково легко и возможно. Далекое не такъ удобно слѣдить за измѣненіями и выдѣленіемъ углерода изъ нашего тѣла. Для этого пришлось-бы сперва здороваго, а потомъ больного человѣка держать въ клѣткѣ, подстергать каждое его дыханіе, съ большимъ трудомъ собирать выдѣляемый имъ газъ и сводить счеты. Этимъ мы поставимъ и себя, и субъекта въ крайне неловкое и затруднительное положеніе. Да, наконецъ, немного нашлось-бы охотниковъ, готовыхъ подвергнуться такимъ изслѣдованіямъ и быть предметомъ изученія при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Совсѣмъ другое дѣло съ азотомъ. Здѣсь мы имѣемъ полную возможность слѣдить за каждымъ измѣненіемъ метаmorphоза въ нашемъ тѣлѣ, безъ всякаго стѣсненія для здороваго или больного человѣка. Мы можемъ изучать всякаго человѣка совершенно даже безъ вѣдома его и вести его приходо-расходную книгу съ такой-же точностью, съ какою мы вели-бы это дѣло при опредѣленіи углерода при самыхъ стѣсненныхъ условіяхъ. Понятно, что это такая выгода, которая насъ заставляетъ отдать полное предпочтеніе азоту, ни на минуту не сомнѣваясь, что изслѣдованія судьбы углерода дали-бы намъ, по всей вѣроятности, такой-же точно основной законъ. Но его добиться труднѣе, а, пожалуй, судьба углерода даже нѣсколько запутаннѣе и сложнѣе.

Какъ углеродъ, такъ и азотъ вступаютъ въ нашъ организмъ въ видѣ пищи въ желудокъ и въ легкія и выдѣляются, съ одной стороны, легкими, съ другой—кожей, кишечнымъ каналомъ и, главнымъ образомъ, почками. Никогда не оставляя безъ вниманія тотъ азотъ, который выдѣляется кишечнымъ каналомъ, мы, однакожъ, не приписываемъ ему особеннаго значенія и сосредоточиваемъ все наше вниманіе на азотѣ, выдѣляемомъ почками. Только этотъ азотъ имѣетъ для насъ существенное значеніе. Это тотъ азотъ, который, вступая въ наше тѣло въ формѣ пищи, претерпѣваетъ въ нашемъ организмѣ рядъ измѣненій, окисленій, раскисленій, превращается въ плоть и кровь нашу, совершаетъ опредѣленную службу, приноситъ организму опредѣленную пользу и выдѣляется послѣ всѣхъ этихъ событій уже совершенно видоизмѣненнымъ веществомъ въ формѣ мочевины. Вотъ этотъ-то азотъ и весь процессъ его превращеній долженъ служить для

насъ главнымъ критеріемъ для опредѣленія и выясненія основнаго закона медицины. Повторяемъ, что азотъ, выдѣляемый кишечнымъ каналомъ, хотя и принимается во вниманіе, но не имѣетъ того значенія, или, лучше сказать, имѣетъ значеніе отрицательное. Это такой азотъ, который прошелъ черезъ нашъ организмъ безъ всякой существенной для него пользы; скорѣе, наоборотъ, служитъ лишнимъ бременемъ. Такимъ образомъ, мы будемъ толковать преимущественно объ азотѣ, выдѣляемомъ почками, приписывая ему самое важное положительное значеніе; тамъ-же, гдѣ мы упомянемъ объ азотѣ, выдѣляемомъ кишечнымъ каналомъ, мы это сдѣлаемъ только для большей вѣрности счета, придавая ему вездѣ значеніе отрицательное. Мы также рѣдко будемъ упоминать объ азотѣ, выдѣляемомъ кожей, потому что количество его здѣсь слишкомъ ничтожно, да и прибавка или сбавка его при счетѣ нисколько не измѣняетъ основной мысли, не колеблетъ вѣрности итога. Мы, конечно, не вдадимся здѣсь ни въ какія спеціальныя подробности, ничего не упомянемъ о методахъ или способахъ опредѣленія азота. Мы только приведемъ факты, неподлежащіе сомнѣнію, обследованные и проверенные самими добросовѣстными и лучшими представителями физиологической химіи.

Полагая вѣсъ человѣческаго организма равнымъ $63\frac{1}{2}$ килограммамъ, наука устанавливаетъ такой расчетъ. Двѣ третьихъ этого вѣса, болѣе 40 килограммовъ, занимаетъ вода, т. е. кислородъ и водородъ; затѣмъ самымъ вѣскимъ тѣломъ оказывается углеродъ — до 10 килограммовъ; болѣе 5 килограммовъ азота, и недостатокъ вѣса пополнится остальными ингредиентами, входящими въ составъ нашего организма, какъ-то: сѣрой, фосфоромъ, кали, натромъ, желѣзомъ, известью. Все это приблизительно вѣрно, хотя желательнo-бы было нѣсколько большей точности. Наши медицинскіе факультеты могли-бы оказать большую услугу наукѣ, если-бы они предлагали темами для практическихъ и теоретическихъ работъ студентовъ: опредѣлить сравнительное количество той или другой составной части нашего организма при различныхъ обстоятельствахъ, принимая, конечно, во вниманіе возрастъ, полъ, національность, образъ жизни, даже сословный рангъ. Это такой пробѣлъ въ наукѣ, который значительно тормозитъ прогрессивное ея развитіе и раньше или позже долженъ непремѣнно быть пополненъ; такого рода теоретическія и практическія работы для сту-

дентовъ сдѣлали-бы изъ нихъ въ послѣдствіи самыхъ цѣнныхъ медиковъ, самыхъ лучшихъ практикантовъ.

Итакъ, принимая средній вѣсъ взрослого человѣка въ $63\frac{1}{2}$ килограмма, легко убѣдиться, что такой человѣкъ въ теченіи сутокъ, при извѣстныхъ опредѣленныхъ нормальныхъ условіяхъ, въ нашемъ климатѣ выдѣляетъ 20 граммъ азота и 280 граммъ углерода. Хотя, какъ видно, количество углерода несравненно больше, но для насъ все-таки сподручнѣе имѣть дѣло съ азотомъ и вести счеты съ нимъ однимъ. Эти 20 граммъ азота, съ одной стороны, соотвѣтствуютъ 124 граммамъ протеиновыхъ веществъ, входящихъ въ составъ нашей пищи; съ другой стороны, они соотвѣтствуютъ, по расчету, слѣдующимъ продуктамъ выдѣленія: 15,60 граммъ соотвѣтствуютъ 33,5 граммамъ мочевины; 0,7 соотвѣтствуютъ 2 граммамъ мочевой кислоты, креатини и другимъ экстрактивнымъ, азотистымъ веществамъ мочи; 0,873, въ видѣ 8 граммовъ разныхъ веществъ, выдѣляются кишечнымъ каналомъ; 0,1 грамма азота выдѣляется шелушеніемъ кожи и около 3,21 азота выдыхаются кожей и легкими. Отсюда ясно, что зная опредѣленный вѣсъ человѣческаго организма и вѣсъ азота, принятый въ видѣ пищи, мы можемъ слѣдовать за всѣми его перипетіями, которыя къ тому же совершаются очень быстро, такъ-какъ азотъ самый безпокойный и неуживчивый обитатель, всячески избѣгающій осѣдлости, — свойство, которымъ отличается больше всего углеродъ, выказывающій особенную склонность къ постоянству и домовитости, отлагаясь въ видѣ жира.

Намъ необходимо прослѣдить судьбу азота по отношенію и роли его въ физиологіи, гигиенѣ, патологіи и терапіи. Начнемъ, конечно, съ физиологіи, той отрасли медицины, которая одна заслуживаетъ значенія основы этой обширной, далеко не установленной еще науки. Тѣмъ болѣе прискорбно, что значеніе физиологіи даже для практической медицины слишкомъ мало еще выяснили себѣ большинство врачей и смотрятъ на нее какъ на что-то побочное, нисколько не подозрѣвая, что каждый шагъ ихъ непременно физиологическій, — правда, подчасъ безсознательный. Истинный или ложный — это другой вопросъ, но часто самый важный.

Если мы для удобства пониманія оставимъ въ сторонѣ психическую сторону вопроса, то подъ именемъ физиологіи можно усло-

виться разумѣть просто процессъ питанія. Съ этой точки зрѣнія такіе обширные процессы, какъ пищевареніе и дыханіе, будутъ только подготовительными процессами кровотоверенія, процессами для выработки крови. Послѣдняя опять-таки не имѣетъ самостоятельнаго значенія и служитъ для образованія тканей, и особенно двухъ главныхъ, существенныхъ тканей—мышечной и нервной. Въ этихъ двухъ тканяхъ главнымъ образомъ сосредоточена вся животная жизнь; отправленіемъ и дѣятельностью этихъ двухъ тканей и выражается вся суть нашего существованія. Поэтому мы обратимъ все свое вниманіе на нервную и мышечную дѣятельность, на эти двѣ господствующія ткани нашего организма.

Увы! мы должны тотчасъ-же сознаться, что сразу, категорически разрѣшить вопросъ о той и другой дѣятельности физиологія, несмотря на громадныя успѣхи за послѣднее время, безъ всякой запинки пока не можетъ. Нѣтъ еще рѣшающихъ безапелляціонно фактовъ, хотя каждый, знакомый съ предметомъ, чувствуетъ, что никакая неясность не должна-бы здѣсь имѣть мѣста. Трудность задачи зависитъ оттого, что мышечная ткань проявляетъ какъ-бы двоякую дѣятельность: процессъ движенія и работу, выражаемую физическимъ трудомъ. То-же относительно нервной ткани, которая, съ одной стороны, завѣдуетъ или контролируетъ всѣ отправленія нашего организма, съ другой стороны имѣетъ свою спеціальность всю психическую сферу. Всякая дѣятельность, всякое отправленіе той или другой ткани непрѣменно сопровождается потребленіемъ этой ткани. Точные и несомнѣнные факты дѣлаютъ это положеніе вѣрнымъ. Такъ докторъ Парксъ подвергъ изслѣдованію двухъ солдатъ, которые, при обыкновенномъ питаніи, попеременно то отдыхали, то работали. Эти два солдата выдѣляли втеченіи 24 часовъ покоя среднимъ числомъ 37 граммъ мочевины, между тѣмъ какъ за тотъ-же періодъ времени при работѣ они выдѣляли 40,3 грамма мочевины. Докторъ Парксъ идетъ еще дальше. Онъ утверждаетъ, что увеличенное выдѣленіе мочевины или азота, вызванное работой, продолжается дня два спустя послѣ того, какъ покой замѣнитъ трудъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы замѣнимъ слово мочевина словомъ почвовина, такъ-какъ это продуктъ или выдѣленіе почвы.

Еще убѣдительнѣе та серія изслѣдованій и опытовъ, которыми обогатилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ науку М. Риттеръ въ ди-

сертаціи, представленной въ Парижѣ для защищенія степени доктора медицины. Этотъ ученый подвергалъ самого себя изслѣдованію и опытамъ. Трое сутокъ онъ абсолютно отдыхалъ, затѣмъ въ продолженіи 4 дней онъ дѣлалъ усиленныя движенія по 4 часа въ день, снова отдыхалъ двое сутокъ и снова втеченіи двухъ слѣдующихъ дней совершалъ усиленныя движенія по 4 часа въ день. Онъ опредѣлялъ за все это время количественно всѣ продукты выдѣленія почекъ и вывелъ среднія цифры. Добытые имъ результаты очень поучительны: подѣ влияніемъ движенія количество жидкости, выдѣляемой почками, увеличивается; съ 1,340 кубическихъ сантиметровъ въ 24 часа, оно доходитъ до 1,940 и 2,120 кубич. сантиметр.; органическій и неорганическій остатокъ также возрастаетъ; весь выдѣленный азотъ, такимъ образомъ, также увеличивается въ вѣсѣ; такъ во время покоя его всего было 17,89 граммъ, во время движенія 20 и 20,8 грамма. Всѣ остальные продукты также увеличиваются въ вѣсѣ; почковина во время покоя 32 грамма, во время движенія 39 и 40 граммъ; почковая кислота, напротивъ того, уменьшается: во время покоя 0,88; во время движенія 0,88, 0,62; креатининъ неизмѣняется *). Ниже мы приведемъ данныя, добытыя знаменитымъ французскимъ химикомъ-физиологомъ Виассономъ, которыми также подтверждается отстаиваемое нами положеніе, и всѣ эти факты несомнѣнно говорятъ въ пользу того, что всякая мышечная дѣятельность непремѣнно сопровождается потребленіемъ мышечной ткани, что обнаруживается и характеризуется увеличеннымъ отдѣленіемъ почковины или азота.

Намъ могутъ сдѣлать весьма серьезное возраженіе, которое мы спѣшимъ сперва заявить, а потомъ опровергнуть. Во-первыхъ, возможно-ли, чтобы мышечный трудъ сопровождался такимъ, по-видимому, ничтожнымъ потребленіемъ и окисленіемъ азота, а во-вторыхъ, нѣкоторые опыты Фойта и Петенкофера вовсе не говорятъ въ пользу этого положенія, то-есть какъ-будто отрицаютъ значеніе азота при производствѣ мышечной работы. И, дѣйствительно, вопросъ объ источникѣ мышечной силы почти счи-

*) Всѣ эти данныя заимствованы нами изъ прекраснаго сочиненія Armand Gautier: *Chimie appliquée à la Physiologie, à la Pathologie et à l'Hygiène*. 1874, 2 тома.

тается въ физиологіи пока открытымъ и далеко нерѣшеннымъ, хотя всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что источникъ этой силы лежитъ въ сожиганіи углеводовъ. Мы здѣсь не намѣрены распространяться слишкомъ объ этомъ вопросѣ, подробное разъясненіе котораго могло-бы наполнить цѣлую статью; мы касаемся его лишь настолько, насколько это нужно для выясненія интересующаго насъ предмета. А потому мы утверждаемъ, что мышечная работа непременно сопровождается значительнымъ сожиганіемъ углеводовъ, которые, сгорая, даютъ источникъ живой силы, проявляются въ формѣ теплоты, легко переходящей въ механическую работу. Тѣмъ не менѣе при всякой мышечной работѣ происходитъ непременно потребленіе и мышечной ткани. Мышечная ткань является здѣсь какъ-бы очагомъ, машиной, при содѣйствіи которой происходитъ сожиганіе углеводовъ, дающихъ силу, превращаемую въ работу. Доказательствомъ тому служить опытъ самого Фойта. Такъ у него собака, оставленная безъ пищи, выдѣляла въ продолженіи 3-хъ дней покоя 32,64 почковины, а въ продолженіи 3-хъ дней работы количество выдѣляемой почковины возрасло до 36,99 граммъ. Такое значительное потребленіе мышечной ткани лучше всего доказываетъ, что работа здѣсь совершалась лишь на счетъ самой ткани. Затѣмъ изъ опытовъ Гирна, де-Гаспарена и другихъ мы знаемъ, что обыкновенный рационъ для взрослого человѣка состоитъ изъ 829 граммъ хлѣба, 239 граммъ мяса и 60 граммъ жира, содержащихъ 280 граммъ углерода и 20 граммъ азота, между тѣмъ какъ для рабочаго человѣка, работающаго, на примѣръ, на желѣзныхъ дорогахъ, необходимо увеличить обыкновенный рационъ прибавкой 170 граммъ углерода и 8 граммъ азота, такъ-что всего рабочій рационъ выражается суммой 1,190 граммъ хлѣба, 414 граммъ мяса и 93 грамма жира, содержащихъ 450 граммъ углерода и 28,74 грамма азота. Эти факты подрываютъ всякій кредитъ скептицизма, они въ-очію насъ убѣждаютъ, что мышечный трудъ, всякая мышечная дѣятельность, мышечная работа — называйте какъ хотите, — совершается на счетъ углеводовъ, при посредствѣ потребленія мышечной ткани, и всякая мышечная дѣятельность выражается отношеніемъ, пропорціональнымъ количеству выдѣленнаго азота.

Теперь мы обратимся къ нервной или мозговой дѣятельности.

Въ блгое время, когда мы недостатокъ знаній замѣняли остроуміемъ, казалось большой находкой и остротой утверждать, что нашъ умъ зависитъ отъ количества содержащагося въ мозгу фосфора, и по этому количеству опредѣляли степень ума. Мы потомъ потерпѣли въ этомъ маленькое фіаско, потому что мышечная ткань и яйцо оказались столь-же богатыми фосфоромъ, какъ и мозгъ. Тѣмъ не менѣе трудно было сразу отрѣшиться отъ научнаго предрассудка, и въ своемъ увлеченіи фосфоромъ мы забывали о другихъ составныхъ частяхъ нервной ткани. Упустили изъ виду, что нервная ткань такая-же бѣлковинная, протениновая, азотистая ткань, какъ и другія ткани организма, правда, богатая содержаніемъ жира и фосфора. Наконецъ, замѣтили, что нервная дѣятельность сопровождается потребленіемъ этой ткани и такое потребленіе характеризуется также увеличеннымъ отдѣленіемъ почковины или азота. Самое выдѣленіе фосфора служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что здѣсь произошло потребленіе бѣлковинной матеріи, потому что на самомъ дѣлѣ фосфоръ не существуетъ-же въ мозгу въ какомъ-то независимомъ, изолированномъ, чистомъ видѣ, но входитъ въ составъ протениновыхъ или бѣлковинныхъ веществъ, образующихъ нервную или мозговую ткань. Правда и то, что источникъ нервной силы тоже еще составляетъ пока открытый вопросъ, впрочемъ, значительно подвинутый впередъ за послѣднее время. Замѣчательныя изслѣдованія Ломбарда и особенно работы Морица Шиффа доказываютъ, что всякое проявленіе дѣятельности нервной ткани сопровождается возвышеніемъ температуры мозговъ. Всякій нервный токъ, малѣйшее чувство боли, всякое впечатлѣніе вѣшнихъ чувствъ, даже простое передвиженіе различно окрашенной бумажки предъ глазами животнаго,—все это немедленно усиливаетъ и возвышаетъ температуру нервной массы. Все это, конечно, доказываетъ, что самыя тончайшія и самыя слабыя проявленія жизни совершаются на счетъ сгоранія органической матеріи и это сгораніе есть единственный источникъ самыхъ нѣжныхъ отправленияхъ. То-же подтверждаютъ прямыя опыты, наблюденія и выведенный изъ нихъ законъ Біассона. Въ очень интересной работѣ: „Объ отношеніи, какое существуетъ между мозговой дѣятельностью и составомъ отдѣленія почек“, Біассонъ сообщаетъ весьма поучительные выводы. Впродолженіи девяти дней, соблюдая обыденную діе-

ту, онъ трое сутокъ воздерживался совершенно отъ всякаго умственнаго и мышечнаго труда, затѣмъ въ продолженіи трехъ дней онъ подвергалъ себя усиленному мышечному труду безъ всякой умственной работы и, наконецъ, послѣдніе три дня онъ усиленно занимался умственной работой, избѣгая всякаго мышечнаго труда. Умственный трудъ заключался въ изученіи разныхъ математическихъ и физиологическихъ задачъ. Почковина была тщательно взвѣшена во всѣ эти три періода. Біассонъ получилъ въ первые три дня, во время покоя, среднимъ числомъ за 24 часа 20,46 граммъ почковины; въ слѣдующіе три дня, во время скуднаго труда, за 24 часа—22,90 граммъ почковины и за третій періодъ, во время мозговой работы, за тѣ-же 24 часа—23,88 почковины. Лучшее доказательство едва-ли нужно для подтвержденія, что какъ мышечная работа, такъ и мозговая непременно сопровождается тратой этихъ тканей, сгораніемъ ихъ, увеличеннымъ отдѣленіемъ продуктовъ почекъ или азота, а не одного лишь фосфора. Словомъ, мы здѣсь видимъ несомнѣнное выраженіе физико-химическаго закона, что всякое проявленіе жизни происходитъ на счетъ сгоранія животной, бѣлковинной или протеиновой, азотистой ткани. Просимъ читателя, однакожь, помнить, что рѣзче всего здѣсь выступаетъ роль окисляемаго и раскисляемаго азота. На немъ одномъ зиждется проводимый нами законъ. Это, впрочемъ, нисколько не умаляетъ значенія другихъ веществъ, какъ-то фосфора, поваренной соли и пр.

Мы хотѣли ограничить наши физиологическіе доводы только тѣми фактами, которые намъ даютъ мышечная и мозговая дѣятельность, и, понятное дѣло, подвергали большому риску основную нашу мысль. Къ счастью, однакожь, физиологія вовсе не такъ бѣдна, чтобы держать насъ въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ. Если-бы мы не руководствовались внѣшними условіями и дали-бы волю частностямъ, число нашихъ доводовъ было-бы очень велико. Но мы не хотимъ слишкомъ вдаваться въ частности, не хотимъ выступать за предѣлы азота, и приведемъ одинъ крупный фактъ, имѣющій громадное общее значеніе въ отношеніи питанія вообще. Повидимому, очень трудно слѣдить за цѣлой серіей измѣненій, претерпѣваемыхъ тѣмъ или другимъ химическимъ тѣломъ въ быстро смѣняющемся рядѣ процессовъ нашего организма. Но мы можемъ оставить это трудное дѣло пока въ сторонѣ и удовольство-

ваться точнымъ веденіемъ разчета при вступленіи и выходѣ разныхъ ингредиентов въ приходе-расходную экономію нашего организма. Тутъ мы встрѣтимся съ явленіемъ по-истинѣ изумительнымъ, ибо организмъ нашъ не меньше денегъ любитъ счетъ. Эту-то сложную бухгалтерію въ нашей экономіи впервые подмѣтилъ и строго ввелъ одинъ очень замѣчательный французскій ученый—Буссенго. Заслуга его въ этомъ отношеніи безсмертна, и уже по стопамъ его пошли нѣмцы Петенкоферъ и Фойтъ. Буссенго тщательно взвѣшивалъ все, что животныя получали въ пищу и питье, потомъ анализировалъ все, что выдѣляли эти животныя, и, такимъ образомъ, опредѣлялъ въ точности весь балансъ между приходомъ и расходомъ. Но опыты и приемы Петенкофера и Фойта едва-ли оставляютъ желать чего-нибудь лучшаго. Кажется, что они доведены уже до возможнаго совершенства. Они помѣщали животныхъ, подвергаемыхъ изслѣдованію, въ особую кѣтку, тщательно замкнутую, и въ ней животныя могли свободно двигаться, ѣсть, пить, спать, словомъ—жить. Пища и воздухъ, предназначенные для нихъ, были предварительно взвѣшены и химически опредѣлены; выдѣленные газы и другія выдѣленія тщательно собраны, количественно и качественно проанализированы, и... результатъ получился хорошій. Продержавъ такимъ образомъ трое сутокъ собаку, они ее кормили только одной говядиной. Разсчетъ былъ такой: собака получила 1,500 граммъ мяса и 477,2 кислорода, всего 1,977,2 граммъ пищи. Въ томъ числѣ собака получила 51 граммъ азота въ видѣ мяса. Затѣмъ собака выдѣлила въ видѣ воды 1,307 граммъ и въ видѣ твердыхъ веществъ 704,7 граммъ. Въ томъ числѣ въ формѣ почковины собака выдѣлила 50,4 граммъ азота и лишь 0,7 граммъ азота выдѣлила кишечнымъ каналомъ. Не касаясь другихъ сторонъ баланса, мы здѣсь видимъ, что почти весь азотъ, вступившій въ тѣло собаки въ видѣ мяса, перешелъ въ плоть и кровь ея и, отслуживъ свою службу, выдѣлился почти цѣликомъ. Кажется, ясно, что это изумительное превращеніе и передвиженіе азота можетъ и должно служить лучшимъ критеріемъ для объясненія процесса питанія нашего организма. Но не будемъ спѣшить обобщеніемъ. Мы также попросимъ и другихъ не слишкомъ спѣшить въ своихъ физиологическихъ изслѣдованіяхъ своими заключеніями, къ которымъ

нельзя не отнестись скептически. Съ этой точки зрѣнія физиологамъ не мѣшало-бы быть нѣсколько осторожнѣе и точнѣе обозначать какъ свои дѣйствія, такъ и выводы. Такъ вы услышите, что физиологи вырѣзываютъ собакамъ селезенку и увѣряютъ, что она довольно равнодушно перенесла эту тревогу. Такъ другой собакамъ перевязываютъ желчный протокъ и не находятъ ничего особеннаго, никакой перемѣны въ жизни животнаго. Тутъ ничего не поймешь. Тутъ нужно нѣсколько больше ясности. Намъ-бы хотѣлось знать, на-сколько нарушается такими возмутительными правонарушеніями физиологической собственности общій процентъ обмѣна веществъ, общій процессъ питанія. Выраженія въ родѣ: „собака была весела, употребляла пищу, бѣгала, чуть не чувствовала себя хорошо“—такія выраженія недостаточны, ненаучны. Совсѣмъ другое, если, опредѣляя вѣсъ животнаго, составъ его пищи, совершить надъ нимъ операцію и затѣмъ выяснитъ точнымъ анализомъ судьбу каждой изъ составныхъ частей пищи, а въ особенности судьбу углерода, кислорода, водорода и азота. Тогда можно знать, нарушено-ли питаніе животнаго и проходитъ-ли извѣстная операція безнаказанно, или лишеніе даннаго органа вноситъ ничѣмъ невознаградимое разореніе и разстройство.

Въ ожиданіи полнаго осуществленія нашихъ мечтаній, приведенные нами факты являются для насъ крайне утѣшительными. Они указываютъ на тотъ путь, которымъ должна теперь идти физиологія; они даютъ намъ право утверждать, что господствующимъ направленіемъ въ физиологіи должно быть строго научное, математико-химическое, что только химія способна пополнить многіе пробѣлы, пролить яркій свѣтъ на многія темныя стороны нашей организаціи; эти факты служатъ намъ лучшимъ ручательствомъ вѣрности, безошибочности позитивнаго направленія и индуктивнаго метода въ одной изъ труднѣйшихъ наукъ, въ физиологіи, имѣющей дѣло съ живымъ организмомъ. Если мы согласимся смотрѣть на физиологію, какъ на ученіе объ общемъ питаніи, то для насъ достаточно выяснилось, что лучшимъ руководствомъ для опредѣленія степени питанія можетъ намъ служить судьба азота въ нашемъ организмѣ и его количественное и качественное видоизмѣненіе. Но этого мало. Мы выше сказали, что физиологія должна быть основой всей медицины, пожалуй даже и

всей биологii, и мы постараемся быть вѣрными этому принципу. Признаться, другого пути и другихъ средствъ у насъ и нѣтъ. Думаемъ, что и не нужно. Хорошо, хоть этимъ путемъ подвигнуться впередъ, что также будетъ стоить не малаго труда. Вовсе не бездѣлица всѣ современныя стремленія такой всеобъемлющей, всеобхватывающей науки, какъ гигиена, общественная и частная. А она вся цѣликомъ должна имѣть въ основѣ почти-что одну химию. Здѣсь едва видны кое-какіе зачатки и работа предстоитъ египетская. Гигиена, какъ модная наука, теперь завалена всякимъ хламомъ и скарбомъ, и если въ ней есть что-нибудь путное, то только добро, добытое путемъ химii и физиологической химii. Основныя заботы гигиены сводятся на опредѣленіе качества пищи, питья, воздуха и всей вообще обстановки по отношенію къ нашему тѣлу. Въ итогъ выйдетъ опять-таки вопросъ о питаніи. И здѣсь мы встрѣтимся съ данными, вполне и отчетливо говорящими въ пользу проводимой нами идеи. Пища, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для народныхъ массъ, играетъ, безспорно, самую видную роль. Опредѣлить питательность той или другой пищи, пригодность ея по отношенію къ возрасту, полу, націи, сословію, — да если-бъ мы знали все это, мы обладали-бы самыми драгоценными знаніями, какія только можно себя представить. Но мы страшно далеки отъ этого. Во всей ученой Европѣ до сихъ поръ еще идетъ споръ, какой хлѣбъ питательнѣе, черный или бѣлый, на-сколько питателенъ или вреденъ картофель, нужно-ли пить чай и кофе, прихоть-ли это нашего цивилизованно-развращеннаго вкуса или дѣйствительная потребность нашего организма, и, наконецъ, алкоголь, съ одной стороны оберегаемый акцизными учрежденіями, съ другой — преслѣдуемый драконовскими строгостями. Да выйдемъ-ли мы когда-нибудь изъ этого хаоса противорѣчій и недоразумѣній? Все это вопросы будущаго, и кто знаетъ, на-сколько отдаленнаго. Однакожь отчаяваться грѣхъ, и мы менѣе всего желаемъ впасть въ этотъ грѣхъ. Попытаемся прослѣдить, хотя вратцѣ, что постигаетъ объ главныя отрасли нашей пищи: растительную и животную. Мы здѣсь имѣемъ уже нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія, особенно это нужно сказать объ изслѣдованіяхъ Гофмана и Лемана. По Гофману, взрослый человѣкъ, употребляющій въ пищу исключительно растенія, какъ-то: картофель, хлѣбъ, чече-

вицу или горохъ, и принимающій эту пищу въ такомъ количествѣ, что въ ней содержится всего 14,⁷ граммъ азота, выдѣляетъ почками только 7,⁶ граммъ азота и кишечнымъ каналомъ 6,⁹ граммъ азота. Между тѣмъ тотъ-же человѣкъ, питающійся отчасти животной пищей, какъ-то: мясомъ, жиромъ и хлѣбомъ, содержащей тѣ-же 14,⁷ граммъ азота, выдѣляетъ одними почками 14,⁹ граммъ азота и кишечнымъ каналомъ 2,⁶ граммъ азота. Такимъ образомъ, съ однимъ и тѣмъ-же количествомъ азота въ пищѣ животной и растительной происходитъ далеко не одинаковый процессъ окисленія и раскисленія азотистыхъ протениновыхъ веществъ. Оказывается слѣдовательно, что растительная пища вдвое менѣе питательна, чѣмъ животная.

Столь-же поучительны опыты и изслѣдованія Лемана надъ самимъ собой. Онъ попеременно оставался то исключительно на животной пищѣ, то на пищѣ совершенно лишенной протениновыхъ веществъ, и при этомъ выдѣлялъ въ первомъ случаѣ втеченіи дня 53,¹⁹ граммъ почковины, а во второмъ лишь 15,⁴¹ грамма почковины, между тѣмъ какъ въ нашемъ климатѣ въ 24 часа взрослый человѣкъ при смѣшанной обыденной пищѣ выдѣляетъ отъ 28 до 33 граммъ почковины. Какая-же такая причина этого страннаго явленія? Почему именно при употребленіи растительной пищи, столь-же богатой азотомъ, она усваивается нашимъ организмомъ лишь въ ничтожномъ количествѣ и не идетъ ему въпрокъ? Мы могли-бы сказать, что намъ до этого дѣла нѣтъ, для насъ достаточенъ самъ по себѣ фактъ. Но кажется, что этому явленію легко присказать хотя отчасти удовлетворительное объясненіе. Во-первыхъ, это объясняется физически тѣмъ, что кишечный каналъ человѣка несравненно короче, чѣмъ у животнаго травояднаго, и, во-вторыхъ, растительныя вещества, какъ менѣе богаты азотомъ, болѣе богаты углеводородами, принадлежатъ къ соединеніямъ болѣе устойчивымъ, слабѣе окисляемымъ и раскисляемымъ, и потому труднѣе перевариваемымъ и уподобляемымъ. Между тѣмъ животная пища, наиболѣе обильная азотомъ и менѣе богатая углеводородами, менѣе устойчива, легко окисляема, перевариваема и легко усваивается.

Хотя мы обязались не спѣшить обобщеніями, но намъ трудно воздержаться отъ нихъ и мы не можемъ вполне оставаться вѣрными этому обязательству. Притомъ-же здѣсь обстоятельства

слишкомъ для насъ важны. Мы видимъ, что физиологическая химія предлагаетъ намъ средство и орудіе, какого намъ не можетъ доставить никакая другая наука для опредѣленія степени питательности того или другого рода пищи. Изъ опытовъ Гофмана и Лемана мы вправѣ заключить, что питательность и пригодность для нашего организма того или другого рода пищи можетъ быть измѣряема количествомъ азота, выдѣляемымъ почками при томъ или другомъ родѣ пищи. Приобрѣтеніе это для насъ крайне цѣнно. Ниже мы къ нему вернемся, но пока мы займемся нѣкоторыми частностями этого вопроса. Съ легкой руки Льюиса у насъ установились два научные предрасудка. Во-первыхъ, что физиологическіе законы какіе-то особенные, отличные отъ химическихъ и физическихъ, а во-вторыхъ, что Либиховское дѣленіе пищи на дыхательную и пластическую устарѣло, невѣрно, ложно. И то, и другое оказывается, однакожь, вопросами вполне открытыми и далеко нерѣшенными. Что касается въ частности вопроса о пищѣ, для насъ онъ можетъ быть яснымъ только съ химической точки зрѣнія. Удобоваримостью и питательностью мы называемъ степень растворимости того или другого вещества въ пищеварительныхъ сокахъ и быстроту, съ какою растворъ всасывается. А степень питательности и удобоваримости опредѣлится не количествомъ содержащагося въ пищѣ азота, но количествомъ азота пищи, перешедшаго въ плоть и кровь нашу и выдѣленнаго почками, — значитъ процессъ здѣсь все-таки чисто-химическій. Думаемъ, что, руководствуясь этимъ критеріемъ, мы можемъ опредѣлить степень питательности и удобоваримости каждой отдѣльной части нашей сложной пищи, и притомъ каждаго ингредиента отдѣльно или въ связи съ другими ингредиентами. Гигіеническія условія питанія, слѣдовательно, могутъ быть выяснены только этимъ путемъ. Читатель, конечно, помнитъ, какой гвалтъ былъ поднятъ въ литературѣ по вопросу о питательности либиховскаго мясного экстракта, и вопросъ этотъ едва-ли можно считать окончательно рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ. Каждый разъ все снова и снова возникаетъ споръ объ этомъ предметѣ, и онъ все-таки остается до сихъ поръ неразъясненнымъ. А все потому, что у насъ еще достаточно прочно не выяснился никакой научный критерій, никакой научный принципъ, и мы со всякимъ такимъ вопросомъ вертимся какъ бѣлка въ колесѣ. Съ про-

водимой-же нами точки зрѣнія можно надѣяться, что вопросъ этотъ выяснится.

Либиховское дѣленіе пищи на дыхательную и пластическую также, по всей вѣроятности, снова воспринетъ въ прежней силѣ, хотя и въ видоизмѣненной формѣ. Какъ химическое, пока единственно возможное, но за то вполне научное, оно должно восторжествовать надъ всякими другими реально-метафизическими гипотезами. Мы видѣли раньше, что источникъ мышечной силы теперь помѣщается физиологами въ сгораніи углеводовъ, между тѣмъ какъ для возстановленія потери, истрачиваемой нашими тканями, необходима преимущественно азотистая пища. Ученіе Фойта о циркулирующемъ и стаціонарномъ бѣлкѣ, какъ ни остроумна эта гипотеза, несостоятельно. Кто хорошенько вникнулъ въ изслѣдованія и ученіе Клода Бернара о значеніи и роли печени, которая служитъ главнымъ образомъ для приготовленія изъ углеводородистой пищи сахара для сжиганія его во всѣхъ тканяхъ нашего организма, за исключеніемъ мозговъ, и для превращенія его, слѣдовательно, въ живую силу, тотъ едва-ли будетъ сомнѣваться въ вѣрности дѣленія пищи на дыхательную и пластическую. Словомъ, не рѣшая вопроса абсолютно, мы утверждаемъ, что всѣ новѣйшія изслѣдованія скорѣе говорятъ въ пользу этого ученія, чѣмъ противъ него.

Убѣдившись, что самые существенные вопросы гигиѣны въ то же время вопросы физиологіи, и притомъ, прямѣе всего, физиологической химіи, намъ теперь предстоитъ разстаться временно съ этими двумя областями медицины и перейти въ новую, третью область—патологію. Искони вѣковъ и до настоящаго времени подъ именемъ медицины главнымъ образомъ понимали патологію, то есть науку о болѣзняхъ и о средствахъ къ ихъ излеченію. Такъ что въ сущности, по общепринятому понятію, медицина и патологія—почти синонимы. Патологія—густой, непроходимый лѣсъ, въ которомъ едва проложены кое-какія тропинки. Вступая въ его чаще и съ трудомъ пробираясь по его дебрямъ, невольно удивляешься тому богатству матеріала, который накопился здѣсь вѣками и лежитъ почти безъ всякаго употребленія. Никакая ариаднина нить не поможетъ вамъ выбраться изъ этого запутаннаго лабиринта фактовъ, мнѣній, предположеній, толкованій, взглядовъ. Ни одной руководящей идеи, ни одного положительнаго принципа, ника-

кого научнаго обобщенія! Стоитъ присутствовать у постели больного, когда соберутся нѣсколько врачей, чтобы убѣдиться, какъ трудна, почти немислима для нихъ возможность соглашенія. Нигдѣ, ни въ одной отрасли человѣческихъ знаній, не господствуетъ такого своволія, нигдѣ не выступаетъ такъ грубо-дерзко произволь авторитета, какъ здѣсь, въ этой самой серьезной вѣтви человѣческаго знанія, имѣющаго дѣло съ жизнью человѣка въ самую критическую минуту и рѣшающаго вопросъ о жизни и смерти субъекта безапелляціонно. Вы и теперь встрѣтите въ нѣкоторыхъ, даже весьма серьезныхъ трактатахъ о разныхъ специальныхъ страданіяхъ человѣка, и теперь услышите мнѣніе, что для практическаго врача для успѣха въ леченіи необходимо имѣть не столько основательныя знанія по химіи, физикѣ и физиологіи, сколько какой-то *врожденный практическій тактъ*, — терминъ, понятный только однимъ пропагандистамъ этой обветшалой и рутинной идеи, скрывающей за собой упрямое невѣжество. Было время, и весьма близкое къ намъ, когда корифеи медицины просто отвергали потребность физиологіи, даже анатоміи, а тѣмъ болѣе какой-то еще химіи для медицины, и все свое знаніе медицины основывали на однихъ только клиническихъ наблюденіяхъ, въ большинствѣ случаевъ голословныхъ, нигдѣ непровѣренныхъ. Такія клиническія и практическія наблюденія служатъ для врача подчасъ единственнымъ руководствомъ въ дальнѣйшей его дѣятельности. Нигдѣ такъ не господствуетъ несчастное правило *port hoc ergo propter hoc*, какъ въ этомъ обширномъ, безконтрольномъ, плохо управляемомъ царствѣ неустановившихся мнѣній, гдѣ рядомъ уживаются и блаженствуютъ деревенскія знахарки, высокопоставленный алопаты, низкопоставленный гомеопаты, гидропаты и другіе, извлекающіе пользу изъ общественнаго невѣжества.

Въ послѣднее время на помощь нашему невѣденію явилась новая соотрудница — статистика и, съ силою всеразрѣшающаго авторитета, творить у насъ чудеса. Положимъ, у кого-нибудь человѣкъ десять больныхъ какой-нибудь болѣзью; онъ одинаково всѣмъ даетъ одно какое-нибудь лекарство; изъ нихъ пять умерло, пять выздоровѣло. Дѣлаютъ переложеніе съ десяти на сто, вычислываютъ проценты — и вопросъ рѣшается въ пользу... нашего незнанія.

Въ патологіи необходимо умѣть распознать болѣзнь, необхо-

димо знать отличительные признаки одной болѣзни отъ другой, затѣмъ необходимо обладать даромъ предвидѣнія, умѣть дѣлать предсказанія. Это называется діагностикой и прогностикой. Несмотря на всѣ старанія, эти стремленія до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ и намъ, врачамъ, слишкомъ часто приходится терпѣть фіаско на этомъ поприщѣ. Такъ что въ послѣднее время врачи сдѣлались очень осторожными, рѣдко съ увѣренностью называютъ болѣзнь, еще рѣже дѣлаютъ какія-нибудь предсказанія.

Мы готовы утверждать, что всѣ эти несчастія зависятъ отъ того, что врачи совсѣмъ не знаютъ химіи, не хотятъ ея знать, не могутъ ея знать. Врачи и профессора считаютъ ея предметомъ второстепеннымъ, побочнымъ; университеты мало заботятся о томъ, чтобъ врачи могли научиться химіи по-преимуществу. Просимъ немножко терпѣнія и мы представимъ самыя вѣскія доказательства того, какъ необходима намъ химія и какъ мы безъ нея жить не можемъ, а, пожалуй, даже никуда не годимся. Къ величайшей нашей радости, мы здѣсь снова встрѣтимся съ знакомымъ уже намъ азотомъ, съ той могущественной ролью, какую онъ играетъ въ нашей экономіи, и съ проводимой нами идеей.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о томъ, что взрослый человѣкъ средняго роста, вѣсомъ въ $63\frac{1}{2}$ килограмма, при прочихъ нормальныхъ условіяхъ выдѣляетъ ежедневно среднимъ числомъ 33 грамма почковины, что соответствуетъ 1,37 грамма въ часъ. Намъ теперь необходимо прослѣдить, какъ колеблется эта цифра при самыхъ разнообразныхъ болѣзненныхъ условіяхъ. Прежде всего многіе безпристрастные наблюдатели замѣтили тотъ фактъ, что вмѣстѣ съ высокой температурой совпадаетъ увеличенное отдѣленіе почковины и что кривыя этихъ двухъ явленій почти параллельны. Съ другой стороны, во всѣхъ острыхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ замѣтили, что когда начинаетъ падать и понижаться температура, тогда уменьшается также и количество выдѣляемой почковины, между тѣмъ какъ увеличивается количество почковой кислоты и экстрактивныхъ веществъ, также богатыхъ азотомъ. Первая, однакожь, считается продуктомъ полнаго сгорания, почковая-же кислота и экстрактивные вещества считаются продуктами неполнаго сгорания. Разница, значить, громадная и въ діагностическомъ отношеніи имѣетъ самое серьезное значеніе. Здѣсь, однакожь, намъ могутъ указать на одно обстоятельство, которое

при недобросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу могло - бы показаться противорѣчіемъ. Въ сущности ничуть не бывало. Говоря вообще, возвышеніе температуры и увеличеніе отдѣленія почковины идутъ по восходящей линіи, но нельзя ожидать, чтобы это такъ было всегда. Именно въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ расстройство пищеварительнаго аппарата въ острой горячей болѣзни, тогда часть почковины попадаетъ въ кишечный каналъ, откуда и выдѣляется, и тогда можно вывести ложное заключеніе, будто основное правило, то-есть увеличенное отдѣленіе почковины при возвышеніи температуры, не всегда вѣрно. То-же можетъ случиться, когда сами почки, одна или часть ея поражены какии-нибудь болѣзненнымъ процесомъ и область выдѣленія почковины сокращена въ размѣрахъ. Отсюда видно, что такое противорѣчіе лишь кажущееся. Это еще болѣе явствуетъ изъ того, что, вопреки мнѣнію Залескаго и учениковъ Гоппе-Зейлера, вырѣзываніе обѣихъ почекъ нисколько не мѣшаетъ накопленію почковины и ея выработкѣ въ крови, какъ это доказали послѣ Прево, Дюма, К. Бернаръ, Мейснеръ и, наконецъ, Грегонъ. Этотъ послѣдній опредѣлилъ съ часу на часъ количество почковины въ крови послѣ вырѣзыванія почекъ, доказавъ, что увеличеніе ея вѣса пропорціонально времени. Сдѣлавъ фистулу въ одномъ изъ мочеточниковъ и собирая отдѣленіе почки, онъ опредѣлилъ, что количество почковины равно количеству почковины, накопившейся за то-же время въ артеріальной крови другой почки, мочеточникъ которой былъ перевязанъ. Пѣлымъ рядомъ фактовъ мы можемъ убѣдиться, что отдѣленіе почекъ служитъ какъ-бы самымъ неподкупнымъ свидѣтелемъ всѣхъ измѣненій, какъ нормальныхъ, такъ и болѣзненныхъ, совершающихся въ нашемъ организмѣ. Малѣйшее измѣненіе во внутреннемъ строѣ нашихъ тканей, въ нашемъ образѣ жизни, въ нашей пищѣ тотчасъ обнаруживается въ отдѣленіи почекъ. Всякое расстройство или пертурбація въ процесѣ дыханія, кровотоверенія, возможнаго испаренія, питанія даетъ себя знать немедленнымъ измѣненіемъ состава выдѣленийъ почекъ. Такъ дѣнно изученіе этой замѣчательной жидкости. Что мышечный и мозговой трудъ увеличиваетъ отдѣленіе почковины—мы уже видѣли; что отдѣленіе ея зависитъ отъ состава и качества пищи—мы тоже видѣли; теперь мы утверждаемъ, что при нормальныхъ условіяхъ она вы-

дѣляется въ опредѣленномъ количествѣ на каждый килограммъ вѣса человѣческаго тѣла, и притомъ сообразно съ возрастомъ. Такъ въ дѣтскомъ возрастѣ, когда обмѣнъ веществъ въ организмѣ дитяти совершается быстрѣе и ростъ прогрессируетъ, тогда на каждый килограммъ вѣса выдѣляется 1 граммъ почковины; у 8 или 11-лѣтняго мальчика выдѣляется на каждый килограммъ вѣса 0,8 грамма почковины; у юноши 13—16 лѣтъ на 1 килограммъ вѣса выдѣляется отъ 0,4 до 0,6 грамма почковины, а у взрослого 0,5 грамма почковины на 1 килограммъ вѣса. Такая постепенность уменьшенія доказываетъ, что съ возрастомъ медленно совершается обмѣнъ веществъ и процессъ роста съ годами ослабляется. Эта физиологическая нормальная правильность, однакожь, претерпѣваетъ измѣненія съ нарушеніемъ этихъ условій. Такъ общимъ правиломъ можно постановить, что всѣ тѣ обстоятельства, которыя ускоряютъ процессъ кровообращенія, увеличиваютъ отдѣленіе количества почковины, и, наоборотъ, все то, что замедляетъ процессъ кровообращенія, уменьшаетъ отдѣленіе почковины. Просимъ обратить вниманіе и на то, что жидкость, выдѣляемая почками, весьма сложная, и каждая составная часть ея имѣетъ для насъ особенное значеніе въ томъ отношеніи, что если при извѣстныхъ болѣзненныхъ условіяхъ происходитъ увеличенное отдѣленіе одной части, то въ то-же время происходитъ уменьшеніе другой, что для врача просто кладъ, какъ самое цѣнное руководство для вѣрности распознаванія и предсказанія. Такъ мы знаемъ, что при нормальныхъ условіяхъ количества выдѣляемой почковины и поваренной соли почти пропорціональны, между тѣмъ какъ въ лихорадочныхъ болѣзняхъ и при нѣкоторыхъ воспаленіяхъ, особенно при воспаленіи легкиихъ, замѣчается совершенно обратное отношеніе. По мѣрѣ того, какъ увеличивается количество выдѣленной почковины, уменьшается количество поваренной соли. При воспаленіи легкиихъ, поваренная соль почти совсѣмъ исчезаетъ. Таковы общіе признаки. Коснемся нѣкоторыхъ частныхъ. Въ перемежающихся лихорадкахъ замѣчается съ самаго начала, еще до появленія озноба, увеличенное отдѣленіе почковины; въ періодѣ жара это отдѣленіе достигаетъ своего максимума, а потомъ начинаетъ уменьшаться. Въ промежуткахъ между припадками или пароксизмами количество это значительно менѣе увеличено. Читатель помнитъ, что при нормальныхъ условіяхъ

взрослый человекъ выдѣляетъ 33 грамма почковины, но вотъ количество это поднимается до 40, 60 и даже до 70 граммъ, и въ то-же время количество поваренной соли почти исчезаетъ; у больного притомъ кашель, боль въ груди и показывается кровь съ мокротой—и вы абсолютно убѣждены, что у больного воспаленіе легкихъ. Вы зорко слѣдите за болѣзнью и замѣчаете, что спустя дней пять у больного понизилась температура и количество почковины уменьшилось до 28 и до 25 граммъ—и вы утверждаете, что дѣло идетъ къ выздоровленію. Вѣдь это чудо что такое, какой-же еще вамъ нуженъ критерій! Идете дальше. Вы являетесь къ больному; у него возвышена температура до 40 градусовъ; вы опредѣляете количество выдѣляемой почковины и вмѣсто нормальныхъ 33 граммъ находите отъ 35 до 50 граммъ. Количество поваренной соли въ обратномъ отношеніи, при этомъ припухлость селезенки и печени,—и вы утверждаете, что у больного тифозная горячка. Вы являетесь на другой день къ больному и находите еще болѣе увеличенное отдѣленіе почковины, и дѣлаете должное заключеніе. Таковы замѣчательныя изслѣдованія Фулью, который нашелъ, что въ остромъ ревматизмѣ также увеличивается отдѣленіе почковины и другихъ органическихъ составныхъ частей жидкости, выдѣляемой почками. Онъ нашелъ въ одномъ случаѣ увеличеніе съ 21 грамма до 39, а Братлеръ нашелъ до 60 граммъ почковины за 24 часа. То-же, по всей вѣроятности, слѣдуетъ сказать о такъ-называемыхъ сыпныхъ горячкахъ, но здѣсь сдѣлано слишкомъ мало изслѣдованій, что, впрочемъ, не дѣлаетъ чести нашимъ и заграничнымъ клиникамъ, лабораторіямъ, больницамъ, госпиталямъ и пр. При острыхъ болѣзняхъ печени, при острыхъ приливахъ крови къ печени количество выдѣляемой почковины доходить до немовѣрныхъ размѣровъ. Въ одномъ случаѣ Бушарда нашелъ 133 грамма почковины. Въ итогъ получается весьма знаменательное явленіе, состоящее въ томъ, что при всѣхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ, при всѣхъ горячкахъ и при воспаленіяхъ важнѣйшихъ внутреннихъ органовъ происходитъ увеличенное отдѣленіе почковины. Измѣненія другихъ составныхъ частей жидкости послужать намъ указаніемъ для отличія однихъ формъ отъ другихъ острыхъ горячечныхъ болѣзней.

Перейдемъ къ хроническимъ формамъ. Вообще говоря, всѣ

хроническія болѣзни характеризуются уменьшеннымъ отдѣленіемъ почковины, и это уменьшеніе доходитъ до извѣстнаго минимума, далѣе котораго уменьшеніе уже получаетъ иное значеніе. Здѣсь мы также можемъ натолкнуться на кажущееся противорѣчіе. Такъ въ острой формѣ чахотки, принимаемой вообще за болѣзнь хроническую, происходитъ, конечно, увеличенное отдѣленіе почковины, по очень простой причинѣ, потому, что здѣсь при лихорадочномъ состояніи происходитъ усиленный процессъ сгорания, и это можетъ длиться до тѣхъ поръ, пока больной не истощится. Тогда настаетъ значительное уменьшеніе количества почковины, которое доходитъ или ниспадаетъ до 8 или даже до 4 граммъ, что указываетъ на приближеніе рокового исхода.

Въ нервныхъ болѣзняхъ всякаго рода больные могутъ выдѣлать огромное количество жидкости, но это ничего не доказываетъ, потому что въ этомъ огромномъ количествѣ жидкости значительно уменьшенное количество почковины. Такъ Фулью у одной истеричной замѣтилъ увеличенное отдѣленіе жидкости до 6, 7, 8, 9 и даже до 10 литровъ, а количество почковины при этомъ равнялось 12, 15, 16, 13 и даже 8 граммъ почковины. При хроническихъ болѣзняхъ сердца, въ которыхъ сердце теряетъ свою обычную энергію и возможность прогнать всю ту массу крови, которую оно получаетъ, происходитъ застой крови въ легкихъ и значительное уменьшеніе почковины. Даренбергъ въ 31 случаѣ сердечныхъ болѣзней нашелъ, какъ крайности, слѣдующія количества почковины, выдѣленной въ 24 часа, именно отъ 18 до 2,47 граммъ. То-же самое относится къ разнымъ водянкамъ. Въ анеміи, въ малокровіи, въ дѣвической немочи количество выдѣляемой жидкости можетъ оставаться нормальнымъ, а количество выдѣляемой почковины едва достигаетъ половины, иногда даже четверти нормальнаго количества. Когда же количество это начинаетъ увеличиваться, мы имѣемъ право заключить, что дѣло подвигается къ выздоровленію.

Но самое поразительное уменьшеніе отдѣленія почковины мы находимъ въ болѣзняхъ, состоящихъ въ органическомъ поврежденіи тканей, куда относятся ракъ, туберкулы, атрофія. Такъ при желтой атрофіи печени количество выдѣляемой почковины самое слабое, почти ничтожное. Женщина, пораженная ракомъ, по изслѣдованіямъ Гирна, выдѣляла всего 700 кубич. сантиметровъ

жидкости, содержащей всего 6 или 7 граммъ почковины. А другая, съ ракомъ желудка, выдѣляла втеченіи 24 часовъ всего 1 граммъ почковины! Много толковали о томъ, что медицина со времени Гипократа не подвинулась впередъ; сейчасъ приведенные факты и выводы, изъ нихъ вытекающіе, доказываютъ противное. Мы видимъ, что болѣзни человѣческаго организма могутъ быть раздѣлены на четыре общія большія группы: 1) на болѣзни съ увеличеннымъ отдѣленіемъ азота или такъ-называемыя лихорадочныя, горячечныя, воспалительныя; 2) болѣзни съ уменьшеннымъ отдѣленіемъ азота, или хроническія, нервныя, анемическія, золотушныя и т. д.; 3) болѣзни, сопровождаемыя почти совершеннымъ исчезновеніемъ азота въ выдѣленіи и состоящія въ органическомъ порокѣ тканей, и 4) болѣзни, въ которыхъ въ выдѣленіи являются вещества, чуждыя жидкости почекъ, какъ-то: бѣлокъ, сахаръ, кровь, продукты желчи и т. д., причемъ также происходитъ измѣненное отдѣленіе азота. Это уже такая классификація, такая основа, которая и не снилась древнимъ мудрецамъ, и мы смѣло утверждаемъ, что между медициной Гипократа и современной—непроходимая бездна. Мы рисуемъ себѣ слѣдующую картину. Мы входимъ въ новую, хорошо организованную больницу, при которой имѣется хорошая химическая лабораторія съ хорошимъ лаборантомъ. Не только врачи, завѣдующіе больницей, но и фельдшера, имъ помогающіе, хорошо знакомы съ приемами и съ новѣйшими методами химическаго анализа. Количества выдѣляемой жидкости почками каждого больного тщательно собраны въ особо для этого приспособленномъ приборѣ и всѣ составныя части обозначены. Все это вовсе не трудно и далеко не ново. Мы входимъ въ первую палату и даже не смотримъ на больныхъ, а только на приборы, служащіе для измѣренія количества выдѣленной почковины или азота, и замѣчаемъ громадное увеличеніе этого отдѣленія—видѣсто порны въ 30 граммъ увеличеніе въ 50, въ 48, въ 45, въ 40—и говоримъ смѣло, что здѣсь лежатъ горячечные больные, въ различныхъ степеняхъ развитія болѣзни. Мы являемся въ ту-же палату на другой день и замѣчаемъ, что у больного, у котораго наканунѣ было 50 граммъ, сегодня 51 граммъ, и говоримъ, что больному сегодня хуже, а у того больного, у котораго наканунѣ было 48, сегодня 45,—мы говоримъ, что этому больному лучше. Но вотъ мы под-

ходимъ къ одному больному, у котораго наканунѣ было около 50 и больше, и вдругъ сегодня оказывается около 10, и мы говоримъ, что больной безнадеженъ, что роковой исходъ близокъ. Посѣщая такимъ образомъ каждый день эту палату, мы по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія увеличеннаго противъ нормы количества выдѣленной почковины опредѣляемъ ходъ болѣзни въ лучшему или въ худшему и дѣлаемъ самыя вѣрныя предсказанія. Затѣмъ мы входимъ въ другую палату, и прежде, чѣмъ ознакомиться съ больными, мы смотримъ на ихъ измѣрительные приборы; мы замѣчаемъ вездѣ противъ нормы не очень уменьшенное количество выдѣляемой почковины и заключаемъ, что въ этой палатѣ лежатъ хроническіе больные съ нервными, анемическими припадками. Мы также слѣдимъ за ходомъ болѣзни изо дня въ день и видимъ, что у однихъ количество это увеличивается, у другихъ остается въ томъ-же положеніи, у третьихъ даже уменьшается, и сообразно съ этимъ дѣлаемъ свое заключеніе и объявляемъ то или другое предсказаніе почти безошибочно. Наконецъ мы входимъ въ третью палату, самую несчастную, и видимъ здѣсь во всѣхъ измѣрительныхъ приборахъ самое ужасное уменьшеніе выдѣленія количества почковины, доведенной чуть не до нуля, и догадываемся, что здѣсь лежатъ безнадежные больные съ органическими пороками тканей, съ какимъ-нибудь ракомъ, туберкулами, атрофіей печени, сердца, легкихъ, желудка, матки. Мы спѣшимъ удалиться изъ этой палаты, чувствуя свое полное безсиліе помочь этимъ несчастнымъ страдальцамъ, которые остались одинъ выходъ—могила. Изъ всего этого видно, что въ химическомъ анализѣ мы имѣемъ могущественнѣйшій критерій для разнаго рода распознаванія и предсказанія самыхъ разнообразныхъ формъ человѣческихъ страданій. Мы, конечно, ограничились самыми краткими замѣтками по этой части, потому что иначе нельзя назвать тѣ немногія данныя, которыя мы представили, сравнительно съ тѣми драгоценными изысканіями, какія теперь уже установлены въ наукѣ. Но спросите, пожалуйста, гдѣ у насъ врачъ, занимающійся такимъ анализомъ своихъ больныхъ, гдѣ у насъ больница, обладающая химической лабораторіей? Есть-ли у насъ возможность заниматься этимъ нехитрымъ, но весьма серьезнымъ дѣломъ? На всѣ эти вопросы возможенъ только отрицательный отвѣтъ, къ величайшему нашему прискорбію и, пожа-

луй, къ стыду. По нашему глубокому убѣжденію, ни одна большая больница, какъ, наприимѣръ, губернская земская, немислима безъ такой лабораторіи, безъ химическаго анализа. Больница, въ которой нѣтъ химической лабораторіи, въ которой не производится химическаго анализа, по своему значенію равняется нулю. Въ такой больницѣ леченіе совершается просто канцелярскимъ порядкомъ, какъ канцелярская формальность, потому что врачи — не боги, и безъ химическаго анализа не могутъ, не въ силахъ сдѣлать вѣрнаго распознаванія болѣзней, не могутъ назначить соотвѣтственнаго леченія. Такая больница, безъ химическаго анализа, — самое широкое поприще для ежеминутныхъ промаховъ, ошибокъ, стоящихъ жизни сотнѣ людей. Въ научномъ-же отношеніи весь матеріалъ такой больницы не имѣетъ ровно никакого значенія. И пока земство не пойметъ этого, пока оно не заведетъ такихъ лабораторій и не поведетъ дѣло рационально, до тѣхъ поръ такъ-называемое земско-медицинское дѣло будетъ пустой тратой денегъ, бумажной очисткой совѣсти безъ всякой существенной пользы, какъ для народа, такъ и для науки. Но несмотря на всѣ наши старанія въ продолженіи 4 лѣтъ, намъ не удалось убѣдить либеральное и прогрессивное самарское земство въ необходимости завести у себя это безусловно-нужное учрежденіе. Мы дальше еще больше убѣдились, на-сколько неизбежна теперь для всякаго земства эта новая отрасль народоустройства. Теперь мы хотимъ сказать, что и этого мало, что этимъ ограничиться нельзя. Мы убѣждены, что въ каждомъ большомъ городѣ въ ближайшемъ будущемъ заведутся частныя лабораторіи въ особенными специальными цѣлями. Такая лабораторія или такой кабинетъ въ рукахъ хорошо образованнаго врача долженъ быть снабженъ цѣлой серіей приборовъ: децимальными вѣсами, динамометромъ, спирометромъ, газометромъ и сложнымъ приборомъ для химическаго анализа. Каждый цивилизованный человѣкъ, ради личныхъ своихъ интересовъ и личнаго блага, долженъ побывать въ такомъ кабинетѣ. Здѣсь прежде всего опредѣлять вѣсъ его тѣла, его силу динамометромъ, емкость его легкихъ, число вдыханій и число ударовъ пульса и, наконецъ, точный химическій составъ его выдѣленій. Послѣ всего этого ему выдадутъ карточку подъ названіемъ „норма“, въ которой будутъ обозначены: его ростъ, число лѣтъ, вѣсъ тѣла, объемъ груди, сила рукъ или

мышць, число вдыханій, число ударовъ сердца и количество выдѣляемыхъ продуктовъ. Вдругъ такой господинъ или госпожа заболѣли; призываютъ врача; конечно, врачъ первымъ долгомъ спрашиваетъ „норму“ и немедленно подвергаетъ анализу все, что нужно. Тогда онъ узнаетъ отклоненія отъ „нормы“ и вправѣ сдѣлать самую точную, математически-вѣрную діагностику и назначить вполне рациональное леченіе. Думаемъ, что такіе кабинеты скоро сдѣлаются самой серьезной потребностью цивилизаціи и сдѣлаютъ врачей самыми полезными и истинными представителями нашей великой и по-истинѣ благотворной науки — медицины.

„Что-то ужъ больно просто!“ можетъ подумать простодушный читатель; на самомъ-же дѣлѣ все это требуетъ довольно серьезной подготовки, практической опытности и продолжительнаго упражненія. Это разъ. Во-вторыхъ, мы только указали на измѣненія одной составной части той сложной жидкости, которая выдѣляется почками, между тѣмъ какъ этихъ составныхъ частей довольно много, каждая изъ нихъ претерпѣваетъ разнообразныя измѣненія, что все имѣетъ громадное діагностическое и прогностическое значеніе. Мы укажемъ на нѣсколько такихъ фактовъ, разъясняющихъ проводимую нами идею, чѣмъ однимъ и можемъ оправдаться предъ читателемъ въ излишнихъ подробностяхъ. До сихъ поръ рѣчь шла лишь объ одной почковинѣ, но жидкость, выдѣляемая почками, содержитъ еще почковую кислоту, множество экстрактивныхъ веществъ, минеральныхъ солей и кислоты. Говоря вообще, когда увеличенное отдѣленіе почковой кислоты совпадаетъ съ увеличеннымъ или нормальнымъ отдѣленіемъ почковины, это указываетъ только на усиленный процессъ питанія; но если количество почковой кислоты увеличивается въ то время какъ количество почковины уменьшается, это служитъ лучшимъ ручательствомъ неполнаго, несовершеннаго сгоранія азотистыхъ элементовъ нашей экономіи. Поэтому во всѣхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ, какъ-то въ перемежающихся лихорадкахъ, въ тифозной горячкѣ, въ воспаленіи груди, легкихъ, въ острой формѣ бугорчатки, въ такъ-называемыхъ сыпныхъ горячкахъ, ревматическихкихъ, воспалительныхъ, — во всѣхъ этихъ болѣзняхъ, сопровождаемыхъ возвышеніемъ температуры вслѣдствіе усиленнаго сгоранія органическихъ тканей, непременно происходитъ увеличенное отдѣленіе почковины и почковой кислоты. Напротивъ того, одно

лишь увеличенное отдѣленіе почковой кислоты при уменьшенномъ отдѣленіи почковины мы найдемъ во всѣхъ хроническихъ, не острыхъ, не лихорадочныхъ болѣзняхъ сердца, печени и легкихъ, и у больныхъ съ измѣненнымъ содержаніемъ кровяныхъ шариковъ. Не желаемъ утомлять вниманіе варіаціями на эту тему и полагаемъ, что сказаннаго достаточно для уразумѣнія важности анализа и точнаго разграниченія этихъ двухъ главныхъ составныхъ частей почковой жидкости. Все-таки мы этимъ еще не кончаемъ и обращаемся къ такъ-называемымъ экстрактивнымъ веществамъ, имѣющимъ столь-же несомнѣнное діагностическое значеніе. Подъ ними разумѣютъ обыкновенно содержащіяся въ почковой жидкости креатиновую и гипуровую кислоты, молочную и янтарную кислоты, буторовую кислоту, лейцинъ, тирозинъ, ксантинъ, сарцинъ, аллантинъ, красящія вещества и пр. Все это вещества азотистыя, и вѣсти замѣтимъ, что если почковина изображаетъ собой естественный продуктъ нормальнаго сгоранія нашихъ азотистыхъ тканей, то всѣ эти экстрактивныя вещества, особенно въ избыткѣ, свидѣтельствуютъ, напротивъ того, о неполномъ сгораніи, и накопленіе ихъ въ почковой жидкости, а еще хуже въ крови, указываетъ на ухудшеніе болѣзни, на осложненіе ея болѣе серьезными пораженіями, на нечальный и роковой исходъ. Накопленіе ихъ въ крови характеризуется припадками быстрого и сильнаго отравленія. Какъ только происходитъ такое накопленіе экстрактивныхъ веществъ въ крови и быстрое уменьшеніе ихъ выдѣленія въ почковой жидкости, тотчасъ замѣчаются припадки отравленія и ухудшеніе болѣзни, но вотъ произошелъ кризисъ и количество выдѣленія этихъ веществъ увеличилось, тотчасъ-же происходитъ улучшеніе болѣзни, уменьшается лихорадочное состояніе и мозговые припадки, угрожавшіе опасностью жизни, мало-по-малу исчезаютъ. Шальваль приводитъ слѣдующій примѣръ. У одного больного холерой во время бреда онъ нашелъ въ почковой жидкости экстрактивныхъ веществъ 14 граммъ на литръ и едва замѣтныя слѣды почковины, въ крови-же этого самаго больного было 19,60 граммъ экстрактивныхъ веществъ на литръ почковой жидкости и 3,60 граммъ почковины. Потомъ произошло улучшеніе болѣзни и тогда въ почковой жидкости оказалось почковины 28,60 граммъ на литръ и экстрактивныхъ веществъ 22 грамма на литръ. Откуда такая

зависимость? Не вправѣ-ли наука строить опредѣленную теорію возникновенія этихъ эпидемическихъ болѣзней? Мы знаемъ, что въ перемежающейся лихорадкѣ, прежде, чѣмъ появляется ознобъ, происходитъ накопленіе экстрактивныхъ веществъ въ почковой жидкости и въ крови. Когда это накопленіе достигаетъ опредѣленнаго предѣла, организму становится неспособно, онъ силится освободиться отъ этихъ постороннихъ веществъ, появляется ознобъ, жаръ, т. е. лихорадка, т. е. реакція организма въ отвѣтъ на вредно подѣйствовавшую на него постороннюю прирѣсь. То-же происходитъ и въ холерѣ. Изъ воздуха, воды или пищи въ нашъ организмъ попадаетъ какой-нибудь азотистый ферментъ, отъ него происходитъ болѣе или менѣе быстрое броженіе или разложеніе крови, накопленіе въ ней экстрактивныхъ веществъ, является реакція въ формѣ лихорадки, тифа, холеры и др., и смотря по взаимному отношенію яда и реакціи организма — тотъ или другой исходъ. На-сколько эта теорія вѣрна, мы пока не беремся судить, но всѣ наши дѣйствія и всѣ наши методы леченія едва-ли не инстинктивно сводятся на разрѣшеніе этой теоріи, безсознательно говорятъ въ ея пользу.

Вотъ мы и дошли до послѣдняго отдѣла медицины, до искусства леченія, до терапіи, до фармакологіи, до науки о дѣйствіи лекарствъ на человѣческой организмъ. Къ чести современной медицины мы должны сказать, что она и здѣсь въ послѣднее время напрягаетъ всѣ усилія, чтобы имѣть право считать себя рациональной. И пора. Вѣдь иной разъ просто стыдно за себя и за другихъ, какъ мы эмпирически лечимъ безъ всякаго основанія, не руководствуясь ровно никакими принципами. Наши дѣйствія въ этомъ отношеніи подчасъ дѣтски наивны. Появится какое-нибудь жаборандо, кондуранго, и мы безъ всякаго разбора давай его совать во всѣ стороны и пичкать ими больныхъ во что-бы то ни стало, зовѣ помочь, или просто посмотрѣть: а ну, что изъ этого выйдетъ? Пора-же намъ отнестись нѣсколько строже къ этой важной отрасли медицины и похлопотать, чтобы мы были нѣсколько рациональнѣе. На-сколько это возможно, пусть говорятъ слѣдующіе факты. Мы видѣли, что болѣзни человеческого организма распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ большихъ группъ, изъ коихъ однѣ характеризуются увеличеннымъ отдѣленіемъ почковины, почковой кислоты и экстрактивныхъ веществъ,

другія, напротивъ, обнаруживаютъ значительно уменьшенное отдѣленіе этихъ составныхъ частей почковой жидкости. Чтобы быть хоть сколько-нибудь рациональными, намъ необходимо дѣйствовать на человѣческій организмъ такими веществами, которыя вызовутъ въ немъ явленія діаметрально-противоположныя, т. е. усилить или ослабить процессъ сгорания, увеличить или уменьшать сложный метаморфозъ нашихъ тканей и соковъ, ускорять или замедлять обмѣнъ веществъ и общій процессъ питанія въ обширномъ значеніи слова. Къ счастью, мы обладаемъ весьма цѣнными дѣятелями для достиженія этихъ разнообразныхъ цѣлей. Такъ по Беккерелю, Вейлю, Гольдингъ-Вирду, вода можетъ быть разсматриваема, какъ отличное вещество, которое, проходя черезъ нашъ организмъ и всю массу его соковъ, уноситъ съ собою все, что сдѣлалось негоднымъ для его питанія. Она увлекаетъ почковую кислоту, поваренную соль и другія щелочи, но почти не обнаруживаетъ никакого вліянія на выдѣленіе почковины. Затѣмъ изъ опытовъ Ранке мы узнаемъ, что сѣрно-кислый хининъ, принятый въ количествѣ 1 или 2 граммъ въ 24 часа, тотчасъ же уменьшаетъ количество выдѣляемой почковой кислоты. Потомъ происходитъ пониженіе температуры и тогда настаетъ уменьшенное отдѣленіе и почковины, что продолжается дня три спустя послѣ того, какъ перестали давать это драгоцѣнное лекарство. Этимъ вполне подтверждается справедливость закона. Въ малыхъ приемахъ такое-же аналогичное дѣйствіе проявляетъ и опій. Но могущественнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ наперстянка или алькалоидъ ея дигиталинъ. Употребленіе внутрь какой-нибудь пятой доли миллиграмма кристаллическаго дигиталина въ день производитъ быстрое и радикальное измѣненіе въ процессѣ питанія: температура понижается, удары сердца и число вдыханій уменьшаются и количество выдѣляемой почковины упадетъ съ 27 граммъ на 10,5. Въ нѣсколько болѣе слабой формѣ дѣйствуетъ валеріана. Алкоголь, принятый въ количествѣ 150 или 200 граммъ, замедляетъ процессъ сгорания, понижаетъ температуру и уменьшаетъ количество выдыхаемой углекислоты и выдѣляемой почковины. Рабюто замѣтилъ уменьшеніе отъ 25 до 33 на 100 почковины при употребленіи 200 граммъ алкоголя. Итакъ, въ цѣлой серіи такихъ ужасныхъ и гибельно-дѣйствующихъ болѣзней, какъ горячки и воспаленія, мы имѣемъ довольно

хорошій запасъ лекарствъ, который мы вправѣ употреблять самымъ рациональнымъ образомъ. Во всѣхъ этихъ лихорадочныхъ формахъ страданій мы видѣли увеличенное производство почковины и мы имѣемъ подъ рукой средства, дающія намъ навѣрняка уменьшенное производство почковины. Но это пока еще не все. Изъ всѣхъ веществъ, замедляющихъ или задерживающихъ процессъ сгорания, мышьякъ чуть-ли не самое могущественное. Въ очень слабыхъ дозахъ мышьякъ возбуждаетъ аппетитъ и ускоряетъ кровообращеніе, пульсъ учащается и количество выдѣляемой почковины увеличивается; но по мѣрѣ того, какъ продолжаютъ его принимать, или если его принимаютъ въ большихъ приѣмахъ, процессы дыханія и кровообращенія мало-по-малу замедляются, температура понижается и количество выдѣляемой ежедневно почковины падаетъ отъ 20 до 40 на сто. Не потому-ли это средство считается теперь самымъ цѣлебнымъ въ чахоткѣ, при туберкулахъ легкихъ, когда человѣкъ горитъ и таетъ, какъ свѣча? Меркурій также понижаетъ количество выдѣлений почковины и, вѣроятно (?), понижаетъ температуру. Въ стѣду нашему, мы достовѣрно не знаемъ, какъ дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи сурьма и фосфоръ.

Не менѣе важны лекарства, вызывающія совершенно противоположное явленіе. Всѣ эфирныя масла, въ томъ числѣ кубеба, усиливаютъ въ слабой дозѣ выдѣленіе почковины. Хлористыя щелочи, особенно-же поваренная соль, усиливаютъ процессъ окисленія, возвышаютъ температуру и увеличиваютъ выдѣленіе, какъ почковой жидкости, такъ и почковины. Такое-же дѣйствіе возбуждаютъ и другія щелочи, какъ-то гипохлориты и гипофосфаты. Но разительнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ всѣ препараты желѣза. Увеличивая жизнѣдѣтельность красныхъ кровяныхъ шариковъ, препараты желѣза возвышаютъ нѣсколько температуру и увеличиваютъ исподоволь количество выдѣляемой почковины. Такимъ образомъ и всѣ болѣзни съ уменьшеннымъ производствомъ почковины имѣютъ соотвѣтственные имъ лекарства. Торжество науки растетъ съ каждымъ шагомъ. Укажемъ здѣсь еще на нѣсколько весьма интересныхъ фактовъ. По изслѣдованіямъ Казо, настой листьевъ кока при обыкновенной пищѣ возвышаетъ одновременно температуру тѣла, объемъ выдѣляемой почковой жидкости и количество самой почковины. Принимая настой

10 граммовъ кока, можно усилить количество выдѣляемой почковины до 11 на сто; съ 20 граммами настоя—то-же дѣйствіе, съ увеличеніемъ до 14 и 15 на сто. При строгой діетѣ настой кока еще разительнѣе усиливаетъ выдѣленіе почковины. Словомъ, кока дѣйствуетъ какъ могущественное средство, способное усилить процессъ органическаго метаморфоза и сгоранія нашихъ тканей. Не окажется-ли кока цѣлебнымъ въ холерѣ? По крайней мѣрѣ, съ теоретической точки зрѣнія всѣ шансы говорятъ въ пользу этого предположенія.

Но намъ не слѣдуетъ забывать указаннаго выше разнообразія болѣзней. Мы напомнимъ, что многія болѣзни характеризуются накопленіемъ въ крови экстрактивныхъ веществъ, а замедленное ихъ выдѣленіе грозитъ гибелью больному. При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ намъ, съ одной стороны, необходимо ограничить производство этихъ экстрактивныхъ веществъ, съ другой стороны усилить всѣ процессы выдѣленія ихъ изъ организма всякими путями—кожей, почками, кишками. И, слава-богу, нельзя жаловаться: на этотъ разъ наука надѣлила насъ достаточнымъ арсеналомъ. Алкоголь окажетъ намъ главную услугу, уменьшая производство этихъ негодныхъ веществъ; щелочныя соли, уксуснокислота, винно-каменно-кислота и другія усилятъ процессъ выдѣленія и изгнанія ихъ почками; потогонныя удалятъ ихъ посредствомъ кожи, а слабительное довершитъ постыдное ихъ бѣгство изъ пищеварительнаго аппарата.

Иодистый и бромистый потасій, столь сильно теперь распространены въ медицинѣ, производятъ обратное дѣйствіе. Они уменьшаютъ выдѣленіе почковины отъ 22 до 19,5 на 100. Вообще говоря, изслѣдованія о дѣйствіи лекарствъ на нашъ организмъ *въ этомъ направленіи*, къ величайшему нашему прискорбію, крайне скудны, что не можетъ не отзываться дурными послѣдствіями на ходъ медицины вообще. Вотъ широкое, обширное и благодарное поприще для дѣятельности молодыхъ врачей, для всякаго рода диссертаций. Многое еще остается разъяснить, многое измѣнить, многое провѣрить, оправдать, опровергнуть. Сколько разъ въ медицинѣ измѣнялись отношенія къ кровопусканіямъ. То они были до того въ ходу, что буквально текли рѣки человѣческой крови, то они до того исчезли, что Клодъ Бернаръ въ Парижѣ во всѣхъ парижскихъ госпиталяхъ не могъ достать ни

одного унца человѣческой крови, чтобы показать студентамъ присутствіе въ ней сахара. А вотъ по изслѣдованіямъ Бауэра, кровопусканіе вызываетъ увеличенное отдѣленіе почковой жидкости и самой почковины. Это увеличеніе длится нѣсколько дней, между тѣмъ количество выдѣляемой углекислоты уменьшается. Этимъ какъ-бы устанавливается противовоспалительное значеніе кровообращенія, но въ настоящее время трудно разъяснить тотъ механизмъ, которымъ совершается увеличенное производство почковины при кровопусканіяхъ. Сколько еще работы физиологической химіи и какъ мало сочувствія къ этой единственно точной отрасли медицины! Но и факты, нами представленныя, доказываютъ, что мы очень богаты, что мы на самомъ хорошемъ пути къ полнѣйшему рационализму въ медицинѣ. Что можетъ быть рациональнѣе и утѣшительнѣе тѣхъ приѣмовъ, посредствомъ которыхъ мы можемъ по произволу усилить или ослабить процессъ питанія, какъ въ физиологическомъ, такъ и въ патологическомъ смыслѣ? Да, у насъ теперь въ рукахъ ключъ ко всѣмъ замкамъ медицины. Теперь намъ пора оформить, выразить, выговорить этотъ ключъ. Для этого намъ необходимо оглянуться назадъ и резюмировать вератцѣ все нами пройденное.

Мы видѣли съ самаго начала, что физиологическое отправленіе мышечной и мозговой ткани производитъ извѣстное, определенное выдѣленіе почковины, что усиленіе или замедленіе этихъ процессовъ сопровождается соответственнымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ выдѣленія этой почковины; мы видѣли, что лучшимъ мѣриломъ всего процесса питанія намъ можетъ служить количество принятаго, потребленнаго, метаморфозированнаго и выдѣленнаго азота въ видѣ почковины; мы видѣли, что лучшимъ критеріемъ питательности той или другой пищи намъ опять-таки служило количество выдѣляемой почковины или азота; мы затѣмъ видѣли, что самымъ вѣрнымъ масштабомъ для распознаванія, разгруппированія, систематизаціи и предсказанія болѣзненныхъ формъ для насъ больше и лучше всего оказывается то-же увеличенное или уменьшенное количество выдѣленной почковины или азота, и, наконецъ, рациональное леченіе избираетъ лучшимъ своимъ руководителемъ способность того или другого лекарства вызвать соответственное или обратное усиленіе или ослабленіе дѣятельности процесса сторанія, возбудить увеличенное или уменьшенное произ-

водство почковины или азота. Отсюда мы выводимъ, что *питаніе человеческого организма, какъ въ физиологическомъ, такъ и въ патологическомъ смыслѣ, пропорціонально количеству окисленного азота.* Таковъ основной законъ медицины. Вотъ онъ нашъ драгоценный ключъ ко всѣмъ замкамъ медицины. Съ этимъ ключемъ мы смѣло можемъ приступить къ разрѣшенію многихъ, а, можетъ быть, и всѣхъ проблемъ и недоразумѣній въ медицинѣ. Имѣя его въ рукахъ, обладая этимъ закономъ, мы можемъ ориентироваться и найтись въ нашихъ обширныхъ владѣніяхъ, во всей необъятной территоріи медицины. Такъ мы хотимъ знать, принадлежитъ-ли чай къ питательнымъ, полезнымъ или цѣлебнымъ веществамъ, и Ру своими ирслѣдованіями говоритъ намъ, что настой чая возвышаетъ количество выдѣляемой почковины съ 33 до 37 граммовъ. И мы, зная норму, заключаемъ изъ этого, что чай принадлежитъ къ легкимъ питательнымъ веществамъ. Положимъ, что мы не совсемъ довѣряемъ Ру, въ такомъ случаѣ намъ очень легко провѣрить это положеніе. Для этого намъ стоитъ пригласить любого крестьянина, до сихъ поръ незнакомаго съ потребленіемъ чая, взвѣсить его, ознакомиться съ его обычной пищей, опредѣлить количество выдѣляемой имъ почковины, почковой кислоты и экстрактивныхъ веществъ, затѣмъ, оставивъ его на той-же пищѣ, прибавить къ ней опредѣленное количество настоя чая и проанализировать, увеличится-ли количество выдѣляемой почковины. Такими провѣрочными и параллельными опытами мы можемъ рѣшить вопросъ съ математической точностью.

Мы теперь хотимъ знать, принадлежитъ-ли кофе къ питательной пищѣ; тотъ-же Ру насъ увѣряетъ, что настой 50 граммъ пережженного кофе возвышаетъ отдѣленіе почковины съ 36 до 41 грамма и мы вправѣ заключить, что кофе—хорошее питательное вещество. Если мы и здѣсь скептически покачиваемъ головой, то намъ слѣдуетъ повторить тотъ-же рядъ опытовъ, какіе мы провѣдали съ чаемъ.

Намъ нужно безпристрастно взглянуть на старый споръ объ алкогольѣ и поразвѣдать, куда его причислить. Рабюто и другіе утверждаютъ за положительно-вѣрное, что алкоголь, принятый въ количествѣ 200 граммъ, *уменьшаетъ* количество выдѣляемой почковины на одну пятую противъ нормы. Въ то-же время по-

нижается температура и уменьшается количество выдѣляемой углекислоты. Какъ хотите, а съ алкоголемъ дѣло плохо. Мы вынуждены причислить его къ веществамъ далеко не питательнымъ, чтобы не сказать хуже.

Мы можемъ теперь нѣсколько строже отнестись къ вопросу о питаніи или вскармливаніи дѣтей. Мы выше видѣли, что чѣмъ моложе человѣческой организмъ, тѣмъ въ немъ сильнѣе обильнѣе веществъ, тѣмъ энергичнѣе процессъ сгоранія, характеризуемый большимъ количествомъ выдѣляемой почковины. Посмотримъ, что по этой части интереснаго скажетъ намъ „Генеральный отчетъ о санитарномъ состояніи Баваріи“. „Способъ питанія маленькихъ дѣтей во многихъ округахъ представляетъ пока мало утѣшительнаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увеличивается число матерей, кормящихъ грудью своихъ дѣтей; въ другихъ, и притомъ въ болѣе состоятельныхъ, мучной кисель—единственная пища дѣтей вскорѣ послѣ рожденія. Здѣсь-то умираетъ 50 процентовъ новорожденныхъ, а подчасъ еще больше, втеченіи перваго года жизни отъ поносовъ и сухотки (атрофіи)“. Намъ расхваливаютъ муку Нестле изъ Веве, но кто изслѣдовалъ, въ какомъ состояніи находится процессъ питанія при этой мукѣ? Мы глубоко убѣждены, что эта мука уменьшаетъ количество выдѣляемой почковины, можетъ быть, на половину, и потому производитъ поносы и, слѣдовательно, принадлежитъ не къ питательнымъ веществамъ, но къ смертоноснымъ. Такое-же значеніе, по всей вѣроятности, имѣетъ и хваленое *Rivaligière du Valgu*. Все это требуетъ новыхъ, точныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи и на основаніи этого закона. Мы-бы желали, на основаніи этого закона, новыхъ изслѣдованій и опытовъ съ чернымъ и бѣлымъ хлѣбомъ, съ капустой, съ горохомъ, съ рѣпой, со всѣми видами мяса, съ либиховскимъ мяснымъ экстрактомъ, съ алкоголемъ, съ винами, съ пивомъ и квасомъ, съ рыбой и жиромъ, съ разнаго рода сырами,—словомъ со всѣмъ, что составляетъ пищу всего человѣчества на всемъ пространствѣ земного шара, при самыхъ разнообразныхъ социальныхъ, климатическихъ, этнографическихъ и антропологическихъ условіяхъ. Мы желали-бы, на основаніи этого закона, чтобы санитарный врачъ отправился въ село, опредѣлилъ-бы вѣсъ цѣлой группы крестьянъ, способъ ихъ питанія, химическій анализъ всей ихъ пищи и питья и опредѣлилъ-бы процессъ питанія

и количество потребляемого и выдѣляемого азота. Работы, работы сколько!..

Мы желали-бы, на основаніи этого закона, лучшаго и полнаго развитія клинической медицины. Пора намъ сдѣлаться вполне рациональными. Въ виду нашего закона, съ нами не посмѣютъ больше соперничать никакія гомеопатія, гидрпатія, никакіе Трола. Ихъ мнимое право на существованіе рухнетъ безслѣдно. Но для этого мы обязаны сами строже отнестись къ нашей дѣятельности. Вотъ, напр., со всѣхъ концовъ Россіи, даже столичные корифеи медицины, каждое лѣто отправляютъ массу больныхъ въ Мекку кумьса—въ Самару для леченія кумьсомъ. Спросите ихъ, на какомъ основаніи они это дѣлаютъ? Въ наукѣ нѣтъ ни одного научнаго изслѣдованія о дѣйствиіи кумьса. Вы произведите химическій анализъ всѣхъ выдѣленій больныхъ при употребленіи кумьса и опредѣлите ихъ вѣсъ и количество выдѣляемой почковины, почковой кислоты, экстрактивныхъ веществъ, углекислоты и др., при соответственномъ вѣсѣ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, тогда будете знать, принадлежитъ-ли кумьсъ къ числу питательныхъ, пластическихъ и цѣлебныхъ ингредиентов или дѣйствіе его чисто-фигтивное. Въ виду той массы больныхъ, которые вымираютъ, несмотря на заклеиваніе кумьсомъ, послѣднее очень вѣроятно.

Если мы на самомъ дѣлѣ желаемъ прочно установить зданіе медицины и упрочить за нею значеніе точной науки, намъ необходимо въ архитекторы пригласить химию. Она научитъ насъ отрѣшиться отъ массы вѣковыхъ предрасудковъ, разчиститъ наши дѣбри и установитъ прочные принципы.

Какой-то нѣмецъ, если не ошибаемся, кажется, Лессингъ или Кантъ, выразился, что если-бы ему предложили на выборъ истину или стремленіе къ ней, онъ выбралъ-бы стремленіе. Точная наука такъ не разсуждаетъ. Она любитъ и ищетъ только истину. Торжество ея не въ стремленіи, а въ отысканіи благотворной истины, которую она потомъ проводитъ въ жизнь и обуславливаетъ ею наше благо, наше существованіе.

Врачъ В. Португаловъ.

НА ПУТИ ВЪ ПЕРСИЮ.

II.

АСТРАХАНЬ.

Составитель достопримѣчательностей г. Астрахани, заноса въ лѣтписи гостинницу Касаткина, что на Косѣ, какъ лучшую въ городѣ, упустилъ изъ виду увѣковѣчить рублевый номеръ въ ней; дополнить этотъ пробѣлъ въ его замѣчательномъ произведеніи выпадаетъ на мою долю.

Единственное окно моего узенькаго номера выглядывало на крышу хозяйскаго сарая, куда собирались кошки съ сосѣднихъ домовъ, — вотъ только что на моихъ глазахъ лоснящійся черный котъ, въ порывѣ нѣжныхъ чувствъ, откусилъ полъ-уха тощей кошкѣ, но та не унижается...

Положимъ, это Касаткина не касается, но тутъ-же на крышѣ валялись сани, старый шкафъ и битая посуда, угрожая при сильномъ вѣтрѣ скатиться и разможжить голову прохожему; а въ мое окно, которое скрипитъ и не запирается, валитъ кухонный угаръ, душлимая вонь съ грязнѣйшаго дворика и длинная, невыносимо рѣзкая нота восточныхъ мотивовъ, подъ акомпаниментъ дудки. Въ комнатѣ тоже неприглядно: маленькій столикъ въ липкихъ пятнахъ, плотно облѣпленныхъ мухами, два узенькихъ дивана, одинъ деревянный, другой кожаный, одна табуретка да зеркальце съ золочеными амурами по рамѣ, въ которое какъ ни смотришь — выходитъ пятно. По угламъ пыльная паутина, желтыя

стѣны испараны замѣтками, преимущественно эротическаго и медицинскаго содержанія, въ такомъ родѣ: „полынная отъ лихорадки—первый сортъ“. Потомъ слѣдуетъ рецептъ или счетъ:

50 рюмокъ полынной

1 селянка

1 селедка

10 пор. чаю...

Или: „Распрекрасный предметъ Анна Федосѣвна, мечтаю о тебѣ...“ дальше шло гнусное выраженіе и подпись: „по грошъ нѣжный Миша“. И тому подобное.

Время дорого. Нужно отдохнуть и за дѣло. Легъ... Ну, такъ и есть!.. Въ холодѣ не выношу, а здѣсь, при зноѣ... „Номерной, номерной!“ Не слышитъ, варваръ.

Въ рублевомъ номерѣ лучшей гостиницы звонка не полагается, а потому мнѣ пришлось искать слугу по всѣмъ коридорамъ всѣхъ трехъ этажей.

— Номерной!..

— Чего вамъ?

— Скорѣй ко мнѣ!

— Вы насчетъ обѣда-съ?.. Уха, селянка а-ла-пур...

— Какая селянка?.. Клопы!..

— У насъ этого-съ ни-ни; самъ наблюдаетъ за чистотой...

— А это что?

— Откуда они, проклятые, раздуй ихъ горой? разсуждалъ номерной, съ полнымъ равнодушіемъ придавливая ногтями одного за другимъ всполошившихся по щелямъ тощихъ клоповъ.

Я просилъ крикнуть хозяина, убрать диванъ и постлать мнѣ сѣна на полу.

Явился самъ дородный Касаткинъ и покачалъ головою отъ удивленія.

— Откуда они паскуды? сказалъ онъ;—никакъ не убережешься, — вотъ поди-жь ты!

Онъ обѣщалъ мнѣ *ужотко* и *безпретменно*, не *суматьсайтесь*, купить новый диванъ и онъ, дѣйствительно, купилъ канале, отъ котораго сильно несло деревяннымъ масломъ, но безъ клоповъ.

Распорядившись прислать мнѣ черезъ часъ прачку и подать къ обѣду „отъ естественныхъ богатствъ Астрахани“: балыку, икры и отварной осетрины, я улегся.

— Опочивайте спокойно, будьте благонадежны, добродушно уныбался тучный хозяинъ лучшей гостинницы, уходя тоже опочить отъ заботъ по содержанію гостинницы „въ акуратъ“.

— Здра-авствуйте, наказывали придти мнѣ, проговорила восшедшая женщина, блѣдная, костлявая, съ синеватыми губами и краснымъ кончикомъ носа. Сложивъ руки спереди и вперивъ въ меня глаза, она рѣшительнымъ тономъ объявила существующія здѣсь цѣны за мытье бѣлья, несравненно выше петербургскихъ, напр. сорочка—25 к.

Я отказался отъ ея услугъ.

— А не хотите—никого не вымоетъ вамъ здѣсь, потому что я прачка при эфтой гостинницѣ.

Монополія, но ея не избѣжишь, потому что номерной подъ разными предлогами не приводитъ другой прачки, по уходѣ которой этотъ расторопный малый принесъ для умыванія мнѣ табуретку, на которую поставилъ чашку и разбитый кувшинъ съ грязною водою, ибо во время весеннихъ разливовъ Волга мутится иломъ, а дистилляторовъ въ лучшей гостинницѣ не имѣется; но чѣмъ оправдать, что поданная игра оказалась горькой и сухой, балыкъ—съ духомъ и тоже прогорклый, разварная осетрина—твердой и деревяннаго вкуса, стаканъ кофе безъ сухарей—40 коп.? Я обратился за разъясненіемъ этихъ вопросовъ къ номерному.

— Лучшее посылаешь въ Россію; гнилого не пошлешь—не кунять; стало-быть, себѣ оставляемъ сортъ похуже, объяснилъ тотъ. Но это вздоръ, потому что въ рыбныхъ лавкахъ здѣсь продается отличный балыкъ по 60 к. за фунтъ; главную-же причину мерзостей грабежа въ здѣшнихъ гостинницахъ составляетъ обуявшая содержателей страсть къ быстрой наживѣ на счетъ невзыскательныхъ пріѣзжихъ, большею частью рыбопромышленниковъ и т. подобныхъ дѣльцовъ. „Потому, разсуждаетъ Касаткинъ,—пріѣзжій долженъ номеръ взять и терпѣть,—не ночевать-же ему на улицѣ: обворуютъ, либо въ участокъ возьмутъ“. Ну, и грабить, нагло рветъ и разить зловоніемъ.

Астрахань, наполняемая лѣтомъ пріѣзжими дѣльцами, крайне нуждается въ хорошей гостинницѣ, которая, въ свою очередь, до-

ставить и добросовѣстному содержателю ея громадныя выгоды, ибо каждый предпочтетъ заплатить ему дорого за удобства, чѣмъ Касаткину—не дешевле того—за гниль и вонь.

Въ 11 час. утра я отправился къ губернатору съ письмомъ отъ Г.; духота, зной и пыль невыносимыя, идти пѣшкомъ трудно; взялъ извозчика.

Выѣздъ съ узенькой улицы, которую онъ повезъ меня, на Кремлевскую площадь былъ буквально загороженъ глубокимъ болотомъ, посреди котораго виднѣлись барахтающіяся ноги злосчастнаго сѣдока и опрокинутыя дрожки; кучеръ, стоя по поясъ въ грязи, въ отчаяніи размахивалъ руками...

— Бада, проговорилъ мой извозчикъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.—Ну-у-у шевелись, Катюха, ободрялъ онъ лошадь, но та не трогалась.

— Ну, какъ-же намъ быть? спросилъ я его.

— Ухвати меня, твое сіятельство, за кушагъ; Богъ милостивъ, авось проѣдемъ, сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ и, снова перекрестившись, шарахнулъ Катюху кнутищемъ.

Проѣзжая болото, дрожки сильно колыхались изъ стороны въ сторону, обрызгивая меня вонючею грязью, однакожь мы выбрались на площадь благополучно.

У ближайшей къ намъ кремлевской стѣны пять-шесть оставшихъ солдатъ да три оборванныхъ еврейки раскинули на голой землѣ свои грошовея товары: пряники, тряпье, желѣзный ломъ, хлѣбъ и дрова.

Прохожихъ встрѣчается мало, да и тѣ большею частью черномазы, въ восточныхъ костюмахъ; вонъ перебѣжалъ нагишомъ улицу взрослый дѣтина, прикрытый грязною тряпичею только въ самомъ застѣнчивомъ мѣстѣ; это хлѣбникъ - татаринъ; въ открытую дверь пекарни видны еще двѣ-три подобныхъ фигуры...

Характеръ построекъ тоже имѣетъ много общаго съ Азією: однообразенъ, безвкусенъ и безъ всякихъ архитектурныхъ затѣй; тутъ стоитъ деревянный домишко, повосившійся отъ ветхости на бокъ, а рядомъ съ нимъ высится каменный двухъ-этажный ящикъ въ казарменномъ стилѣ...

Такова-же наружность и губернаторскаго дома, выходящаго однимъ фасадомъ на площадку съ маленькимъ круглымъ скверомъ посреди нея, откуда несетъ тоскою: жгучее солнце, тощая зелень, покрытая пылью... Съ трехъ сторонъ площадки расположены лучшіе въ городѣ магазины и тутъ-же входъ во внутренней постоянной базаръ или, лучше сказать, толкучку, наполняемую въ вечерніе часы исключительно евреями и ихъ сожительницами съ тряпьемъ, контрабандными товарами и воровскими вещами; теперь-же, днемъ, за прилавками торгуютъ разною всячиною русскіе торговцы, а торговки продаютъ подсолнечныя сѣмячки и пучки черешни. Другимъ своимъ фасадомъ, съ параднымъ подъездомъ и часовыми, губернаторскій домъ выходитъ на грязныя персидскіе ряды.

Въ обширной прихожей губернатора торчали два просителя-перса, а въ пріемной сидѣлъ одинъ только господинъ недовольной наружности. Вошелъ дежурный чиновникъ. Господинъ жалчно выморкался:

— Доложите... Дѣло тянуть, тянуть... виляютъ, а дѣло вѣрное! Это грабежь...

— Прошу васъ держать себя благопристойно! осерчалъ чиновникъ и даже поблѣднѣлъ.— Не забывайте, гдѣ вы! Вы въ пріемной господина губернатора! Знаете-ли, за это васъ...

Недовольный господинъ плюнулъ и умогъ. Меня пригласили въ кабинетъ губернатора, который, выразивъ горячее сочувствіе цѣли моего путешествія, обѣщалъ по-возможности содѣйствовать ознакомленію моему съ Астраханью въ ея торговыхъ отношеніяхъ къ нашимъ азіатскимъ сосѣдямъ, и для этого послалъ за двумя обывателями, опытными въ этомъ дѣлѣ, которые и не замедлили явиться.

Одинъ изъ нихъ, богатый армянскій купецъ Ф—ъ, съ почтенными сѣдинами, почтительными пріемами и въ усахъ военнаго покроя, хорошо знакомъ съ азіатскою торговлей, въ которой еще недавно принималъ дѣятельное участіе; теперь-же его коммерческія операціи ограничиваются складомъ суконъ, отпускаемыхъ преимущественно въ кредитъ мѣстнымъ персидскимъ торговцамъ. Другой вошедшій въ слѣдъ за нимъ, былъ персъ Хаджи-ага, агентъ и комисіонеръ персидскихъ купцовъ, съ выраженіемъ полного довольства во всей его маленькой, акуратной фигурѣ, облаченной въ

бѣлый архалукъ и въ высокую мерлушечью шапку съ краснымъ верхомъ бакинскаго фасона. Не снимая ея съ головы, онъ пріѣтствовалъ губернатора легкимъ наклоненіемъ головы и, пригладывая нѣсколько разъ правую руку къ сердцу, какъ-то особенно паточно улыбался; эта плутоватая улыбка не сходила съ его красиваго лица, окаймленнаго черною бородою и усами, втеченіи всей нашей продолжительной бесѣды, въ которой онъ, впрочемъ, не принималъ участія и только изрѣдка вставлялъ свое слово или кивалъ головою, перебирая свою серебряную цѣпочку, надѣтую черезъ шею.

Губернаторъ выразилъ надежду на возобновеніе въ широкихъ размѣрахъ нашей, угаснувшей въ тридцатыхъ годахъ, торговли съ центральною Азіей.

— Ко мнѣ часто обращаются, говорилъ онъ, — астраханскіе и изъ другихъ мѣстностей Россіи торговцы съ просьбою сообщить о томъ, какой путь изъ восточнаго побережья Каспійскаго моря въ Хиву безопаснѣе и удобнѣе. Изъ свѣденій, сообщенныхъ начальникомъ закаспійскаго военнаго отдѣла Ламакинымъ, оказалось, что хотя путь въ Хиву изъ Александровскаго форта безопаснѣе, чѣмъ изъ Красноводска, но послѣдній значительно короче перваго и тѣмъ привлекаетъ большее число каравановъ; отправленные недавно отсюда два каравана дошли въ Хиву благополучно. При постепенномъ оближеніи русскихъ съ кочевниками означенныхъ мѣстностей и усиливающимся вліяніи на нихъ администраціи закаспійскаго края этотъ красноводскій путь дѣлается все болѣе и болѣе безопаснымъ...

Отсюда разговоръ перешелъ на наши безуспѣшныя, сравнительно съ заграничнымъ транзитомъ, торговыя сношенія съ Персією и по поводу посылаемой туда торговой экспедиціи, въ занятіяхъ которой я приму участіе.

— Причины преобладанія въ Персіи заграничнаго транзита надъ нашими произведеніями, говорилъ Ф., — кроются преимущественно въ насъ самихъ. Мы не только не умѣемъ высмотрѣть, какъ англичане и другіе европейцы, нужды и потребности нашей еосѣдки, а слѣдовательно и удовлетворить ихъ, мы не только не умѣемъ выбрать для того добросовѣстныхъ людей, но даже не понимаемъ такой очевидной истины, что при сношеніяхъ съ дикаремъ, какъ и съ просвѣщеннымъ человѣкомъ, необходимо быть

гуманнымъ и добросовѣстнымъ, а иначе результатомъ будетъ потеря въ его глазахъ довѣрія и уваженія... Примѣры подъ рукою: „Закаспійское товарищество“ обманывало персовъ на товарахъ, относилось къ нимъ крайне оскорбительно; агенты этого товарищества били нагайками персовъ, кутили, роскошничали; нѣкоторые изъ нихъ ѣздили не иначе, какъ окруженные нѣсколькими десятками вонвойныхъ; правда, между ними были и честные, и просвѣщенные люди, но неумѣлые, неопытные въ торговлѣ и довѣрчивые, такъ-что персы, въ свою очередь, ихъ ловко надували. Пришлось товариществу оставить по себѣ незавидную память въ глазахъ персовъ. Съ тѣхъ поръ русская торговля тамъ замѣтно уменьшилась... Барановскому торговому товариществу тоже не везло; наконецъ, нѣкто Севастьяновъ недавно еще затѣвалъ торговлю съ Персією жалѣзомъ въ обширныхъ размѣрахъ, но его приказчикъ, на первыхъ-же порахъ, обворовалъ его на десятки тысячъ, и дѣло лопнуло... Не мало тормозить нашу мѣстную торговлю съ персами недобросовѣстное выполненіе нашихъ заказовъ нѣкоторыми московскими фабрикантами; положимъ, сегодня большое требованіе у персовъ на такой-то рисунокъ и цѣну ситцевъ и суконъ; спѣшишь сдѣлать заказъ, а при приемѣ товары оказываются нерѣдко совершенно иного рисунка и достоинства, — вотъ и потеря! Въ особенности въ этомъ отношеніи отличается громкая фирма въ Москвѣ „Морозова“... Хотя намъ невыгодно устраивать большія торговля дѣла въ Персіи, потому что конкурентами являются, кромѣ заграничнаго транзита, и сами персы, ѣздящіе по нашимъ ярмаркамъ для закупки товаровъ, но если мы устроимъ въ важныхъ торговыхъ пунктахъ складочные магазины съ товарами, соответствующими вкусу и нищенскому карману персовъ, если мы сумѣемъ выбрать повѣренныхъ по торговымъ дѣламъ и если увеличатся перевозочныя средства на Каспійскомъ морѣ, гдѣ теперь царствуетъ общество „Кавказъ и Меркурій“, накидывающее, благодаря отсутствію конкуренціи, громадыя цѣны за перевозку товаровъ, въ особенности осенью, передъ концомъ рейсовъ, когда ихъ свопляется въ Астрахани для отправки въ Персію очень много, — то нѣтъ сомнѣнія, что наша торговля съ Персією разростется и прочно укрѣпится тамъ...

— Что-же касается до вашей торговой экспедиціи, продолжалъ Ф., — то скажу, что ее ждутъ большія потери. Вы сильно промах-

нулись, ограничившись свѣденіями, собранными въ Москвѣ; вамъ нужно было предварительно послать повѣреннаго въ Астрахань или даже въ Персію, какъ то дѣлаютъ англичане для собранія свѣденій о ходкихъ тамъ товарахъ, какіе имѣли-бы вѣрный сбытъ...

Замѣчаніе Ф. очень мѣтко. Астрахань служитъ большими воротами въ Азію; здѣсь можно собрать довольно точныя свѣденія о потребностяхъ нашихъ азіатскихъ сосѣдей и найти свѣдущихъ и опытныхъ людей, необходимыхъ для успѣшнаго хода нашихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ Азію.

Заговорили о переводчикѣ, котораго я имѣлъ право взять по условію съ Г. и безъ котораго путешествовать было-бы очень затруднительно.

Ф. ясно намекалъ, что армяне болѣе пригодны къ этой обязанности, чѣмъ персы, у которыхъ понятіе о чести весьма шаткое;

— Они, по большей части, плуты; обмануть у нихъ считается достохвальнымъ дѣломъ, въ особенности христіанина: „если въ мѣшкѣ сто змѣй и одинъ угорь, то трудно вынуть послѣдняго“; точно такъ-же трудно найти между персами хорошаго человѣка. Притомъ они крайне невѣжественны и суевѣрны, что также окажетъ нѣкоторое вліяніе на ваше путешествіе; каждый персъ обзаводится оракуломъ (истихаръ), съ которымъ совѣтуется, бросая чобъ (зернышко), и по его указанію дѣйствуетъ во всѣхъ своихъ торговыхъ и прочихъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ. Если кто чихнетъ одинъ разъ, это считается дурнымъ предзнаменованіемъ и тогда дѣло бросается, останавливается (саборъ); два раза чихнуть — значитъ дѣло пойдетъ на-ладъ; персы вѣрятъ въ хорошіе и дурные дни и часы и т. п.

— Вамъ необходимо взять переводчика, продолжалъ Ф., — изъ астраханскихъ обывателей, имѣющихъ собственность и семью, что будетъ гарантировать васъ отъ его вѣроломства; на честность особенно не рассчитывайте... Я знаю одного изъ нашихъ шемахинскихъ армянъ, отлично знакомаго съ Персією, по которой онъ шныряетъ круглый годъ; онъ владѣетъ изрядно русскимъ языкомъ, знаетъ *фарси* (персидскій, литературный) и *тюрки* (разговорный во многихъ персидскихъ провинціяхъ), но у него одинъ недостатокъ — сильно пьетъ... Впрочемъ, я и Хаджи-ага похлопочу для васъ...

Простившись съ губернаторомъ, мы вышли вмѣстѣ, и очень довольными, въ особенности Хаджи-ага: онъ былъ въ восторгѣ, какъ отъ губернаторскаго приѣма, такъ и отъ радужной мечты насчетъ предполагаемой торговли русскихъ въ предѣлахъ Персіи...

— Завтра объ этомъ будетъ знать вся астраханская Персія, шепнулъ мнѣ на ухо Ф., у котораго на глазахъ тоже наворачивались слезы умиленія. — Это нашъ кумиръ!.. Мы будемъ чувствовать себя очень несчастными, когда лишимся его; какой привѣтливый, добрый и очень полезный человѣкъ! говорилъ онъ уже вслухъ.

Мы условились завтра осмотрѣть городъ и ознакомиться съ торговлею его; Хаджи-ага обѣщалъ собрать для меня статистическія свѣденія о русской торговлѣ съ Персіею, что очень важно, потому что официальные данныя въ этомъ отношеніи далеко не полны; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по предложенію Ф., охотно согласился снабдить меня письмами къ своимъ знакомымъ и роднымъ въ Персію.

— Хаджи-ага пользуется большимъ вліяніемъ между своими, или, какъ здѣсь говорятъ объ немъ: „онъ держитъ бороды всѣхъ персовъ въ своихъ рукахъ“, пояснилъ мнѣ Ф., между тѣмъ какъ тотъ улыбался и прижималъ правую руку къ сердцу, въ знакъ удовольствія...

Послѣ обѣда я отправился, по приглашенію Ф., осмотрѣть его складъ суконъ и пр. мануфактурныхъ товаровъ; онъ сообщилъ мнѣ свѣденія о своей торговлѣ съ персами и туркменами, соседними съ нашею морскою станціею на о-вѣ Ашуръ-аде, служащемъ имъ пунктомъ торговыхъ сдѣлокъ съ нами, и снабдилъ меня образчиками ходячихъ между ними товаровъ.

Въ магазинъ вошли трое персидскихъ мѣстныхъ торговцевъ; двое щегольски одѣтыхъ дѣтей Ф., отнятыхъ имъ отъ швольной скамьи для того, „чтобы приучить ихъ къ прилавку“, показывали имъ штуки суконъ, сообразно ихъ вкусу, между тѣмъ какъ Ф. бесѣдовалъ со мною.

— Здѣшніе персы, говорилъ онъ, — большею частью голыми, берутъ товары у меня и прочихъ торговцевъ на сроки, въ кредитъ; что будешь дѣлать? Иначе ничего не продашь. Свои-же

товары они стараются везти въ Нижній; тамъ для нихъ лакомая приманка—женщины, да и хвастнуть можно передъ своими: „моя была въ Нижнемъ, была въ Москвѣ“.

— А отдають-ли вамъ долги?

— Иногда—да, а нерѣдко—пропадаютъ; взгляните, сколько у меня долговыхъ росписокъ, да что проку въ нихъ? Уѣхали, скрылись,—ищи, справляйся, гдѣ они...

Я взглянулъ на кипу росписокъ съ чернильными печатами, зашнѣвающими у персовъ подписи; каждый изъ нихъ носитъ такія иныя печати, большею частью сердоликовыя, въ кошалькѣ или пеналѣ съ письменными принадлежностями, который найдется въ карманѣ у всякаго грамотнаго перса (муллы).

— Хивинцы и туремени, продолжалъ Ф., — съ которыми я жгѣлъ торговля сношенія прежде, далеко честнѣе персовъ; правда, ямуды остались мнѣ и до сихъ поръ въ долгу, но, вѣроятно, у нихъ теперь денегъ нѣтъ; подожду—отдадутъ... Они наѣзжаютъ ко мнѣ сюда довольно часто...

Въ магазинѣ душно. Намъ вынесли табуретки на крыльцо. Впереди запыленный скверъ, о которомъ я уже упоминалъ. Мимо насъ проходятъ разноплеменные обыватели Астрахани. Сколько типичныхъ физиономій между ними! Жаль, что я не художникъ, а какъ хотѣлось-бы мнѣ изобразить вотъ этого татарина съ смѣлою, твердою походкою, отважно поднявшаго свое широкое, монгольскаго типа лицо, съ изрѣдка торчащими волосками вмѣсто бороды и усовъ, съ мохнатою шапкою на затылкѣ и въ короткомъ, грязневомъ халатѣ, съ обнаженной шею и мощною грудью, густо поросшею волосомъ, отъ которой, кажется, отскочило-бы ядро.

— Это—отаръ, сказалъ Ф.—Послѣ калмыковъ они самые лихіе наѣздники.

На углу улицы стояла группа: двѣ калмычки и малорослый, скуластый калмыкъ; лица ихъ загорѣлы до черноты. На калмычкахъ надѣты барашковыя шапки съ желтымъ сувороннымъ верхомъ, напоминающія своею формою конфедератки, изъ-подъ которыхъ падали черныя, тяжелыя косы на грудь; а поверхъ длинной ситцевой рубахи какаля-то накидка безъ рукавовъ, не то архалукъ, не то камзолъ; на ногахъ сафьянныя красныя сапоги.

— Жизнь ихъ очень тяжела! проговорилъ Ф.—А всмотритесь въ этого коренастаго, съ выгнутыми отъ ѣзды ногами, калмыка;

вотъ съ бога олицетворить - бы дикую силу, истязаемую плетью судьбы-мачихи!.. Онъ здѣсь, въ городѣ, ежится, не смѣлъ, а взгляните на него въ степи, когда онъ вихремъ мчится на ди-комъ конѣ, — вамъ кажется, что онъ приросъ къ нему! Взгляните на ихъ борцовъ, когда они сбрасываютъ съ себя всю одежду, оставаясь только въ короткихъ штанишкахъ: это атлеты, вылитые въ бронзу!.. И вмѣстѣ съ тѣмъ это „лошади труда“! Это народъ трудящійся, выносливый, честный, но разоренный своими попеча-телями; теперь они обнищали; кто изъ нихъ имѣлъ до того вре-мени 1,000 головъ скота, теперь пошелъ въ батраки, — почему? Опекуны слишкомъ ревностно ихъ опекаютъ. Калмыкъ занялъ съ своею семьей кусокъ травы; скотъ съѣлъ ее черезъ недѣлю; калмыкъ хочетъ идти дальше... „Стой! кричитъ приставъ, — не смѣй идти дальше или давай 50—100 рублей, а нѣтъ — да-вай барановъ!“ Голодный скотъ околѣваетъ, калмыкъ нищаетъ и идетъ въ батраки за 20 коп. въ сутки къ рыбопромышленнику, который восторгается дешевизною труда. „Золотыя руки!“ говоритъ онъ. Не меньше попочителей хлещутъ и свои-же братья, калмыки, усвоившіе лоскъ и пороки цивилизаціи... Стойко перенося всѣ невзгоды тяжелаго труда, голодъ и холодъ, они безропотно мрутъ, какъ мухи... Знаете-ли, чѣмъ калмыкъ питается? — однимъ чаемъ, и онъ сытъ. Калмыцкій чай — кирпичный, т. е. въ пресованныхъ плиткахъ, дряннаго качества; онъ крошится въ котель съ водою и кипятится до тѣхъ поръ, пока не получится наваръ; тогда подбавляется къ нему соль, молоко и иногда масло, вотъ и все!.. Если они и пристрастились къ нашей водкѣ, то благодаря тѣмъ же опекунамъ. Поневолѣ запьешь! говорятъ они. Теперь, кажется, запрещена продажа водки въ улусахъ, точно запрещеніемъ можно искоренить пьянство, если не уничтожатся причины, развивающія его... Они продолжаютъ пить и даже гонять свой аракъ изъ кумыса и изъ него-же готовятъ другой, лучший напитокъ...

Между прохожими не мало встрѣчается калмыковатыхъ ка-заковъ, помѣсь русскаго съ крещеною калмычкою; попадаютъ турки, привезшіе сюда изъ Константинополя товаръ; вотъ прошелъ хиви-нецъ въ яркомъ халатѣ; за нимъ надменно выступаетъ носатый шеголь, нашъ горецъ съ Кавказа, въ своей воронкообразной ба-раней шапкѣ, съ кинжаломъ за блестящимъ поясомъ, отдѣланномъ въ серебряныя бляхи, и съ глазами, налитыми кровью.

Далѣ виднѣется группа черкесовъ; прошли два-три тощихъ киргиза въ своихъ остроконечныхъ шапкахъ и длинныхъ, измарианныхъ рубахахъ изъ грубаго полотна.

Проѣхало нѣсколько телѣгъ, а за ними мѣрно шагаютъ ломовые изъ ногайцевъ, большею частью тоже въ длинныхъ, грязныхъ рубахахъ, съ рѣдкими бородками и нѣсколькими волосками вмѣсто усовъ. Ногайцы издавна поселились здѣсь. Нѣкогда незначительная татарская деревушка Гаджи-Тархани или Астрахань, благодаря естественнымъ богатствамъ—рыбѣ и соли, а также выгодному положенію своему при впаденіи Волги въ Каспійское море, стала быстро развиваться и сдѣлалась столицей ногайскихъ хановъ, междоусобица которыхъ помогла царю Ивану Грозному присоединить ее къ Россіи въ 1554 г. Теперь ногайцы проживаютъ и въ городѣ, и по окрестнымъ деревнямъ, гдѣ занимаются бахчами (арбузы и дыни), извозомъ, преимущественно рыбы и соли; между ними не мало отличныхъ шкиперовъ, но въ особенности они славятся своею мускульною силою и ловкостью при переноскѣ тяжестей.

— Подложивъ на спину подушечку, онъ взваливаетъ на себя 8—10 пудовъ и тащитъ этотъ грузъ съ пристани на пароходъ по крутой покатости сходней съ удивительнымъ проворствомъ, говоритъ Ф.

Между прохожими снуютъ и франтоватые, вылощенные армяне въ своихъ казакинчикахъ, опоясанныхъ ремнями, украшенными серебряными бляхами, въ низенькихъ мерлушечьихъ шапочкахъ и непременно съ цѣпочкою черезъ шею и перстнями; не мало изъ нихъ безукоризненно одѣты по послѣдней модной картинкѣ: цилиндръ, визитка и непременно толстая золотая цѣпь. Армянское населеніе Астрахани переходитъ за 5 тысячъ, но ихъ, какъ слышалъ я, нельзя упрекнуть въ образованіи; во всемъ городѣ не найдется болѣе двухъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ; за то это первые щеголи въ городѣ, но не кладите имъ пальца въ ротъ: тонкіе кулаки, что я говорю комерсанты...

А вотъ торопливо идетъ съ опущенными въ землю глазами жидокъ; онъ что-то рассчитываетъ по пальцамъ... Эти всесвѣтныя пройдохи являются въ настоящее время конкурентами тонкимъ армянамъ, и, вѣроятно, вскорѣ займутъ ихъ мѣсто въ здѣшней торговлѣ.

Хотя изъ 49-ти-тысячнаго разноязычнаго городского населенія русскіе составляютъ не менѣе 37 тысячъ, но, по бьющимъ въ

глаза тинамъ, Астрахань несомнѣнно городъ восточный, въ особенности торговый центръ ея, гдѣ расположены лавки армянъ и персовъ. Послѣдніе степенно снуютъ изъ лавки въ лавку или группами стоятъ посреди улицы, въ своихъ высокихъ и низкихъ мерлушечьихъ шапкахъ, длиннополыхъ, разноцвѣтныхъ сардари, и большею частью съ рыжими бородами и усами. Многіе изъ пріѣзжающихъ сюда персовъ принимаютъ русское подданство, ибо имъ здѣсь вольготнѣе, чѣмъ на родинѣ, или-же просто изъ желанія избѣжать дѣла съ своими консулами здѣсь, которые не стѣснялись не только ихъ грабить, но и сбѣчь по пяткамъ и надѣвать на нихъ колодки при вымогательствѣ денегъ. Прежде это случалось сплошь и рядомъ, теперь рѣже, потому что въ настоящее время консулы стѣснены въ произволѣ: имъ предоставляется право только наблюдать за торговыми интересами персидскихъ подданныхъ, а во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ эти послѣдніе подчиняются нашимъ гражданскимъ законамъ.

— Хотя астраханскіе персы по-необходимости дѣлаютъ нѣкоторыя уступки намъ изъ своихъ обычаевъ, говорилъ Ф.,—но все же считаютъ насъ, христіанъ, „погаными“. Безъ сомнѣнія, имъ неудобно примѣнять здѣсь, напр., подобное требованіе религіозной брезгливости: если невѣрный дотронется до его одежды, онъ долженъ вырѣзать опоганенный кусокъ или бросить все платье. Обмануть, убить христіанина для него ничего не значитъ: стоитъ только сдѣлать лишній разъ намазъ (молитву)—и ему все простится,—безъ сомнѣнія, не въ предѣлахъ Россіи. Когда вы будете путешествовать по Персіи, продолжалъ Ф.,—избѣгайте непріязненныхъ столкновеній въ караванѣ: на чужіе тюки не садитесь, не касайтесь пиши и одежды правовѣрныхъ, не проходите впереди нихъ во время ихъ намаза. путешествуйте въ европейскомъ костюмѣ.

При этомъ мнѣ вспомнился петербургскій совѣтъ Г—го: „надѣньте халатъ и чалму“, — со всѣхъ сторонъ совѣты! Читатель увидитъ ниже цѣнность ихъ.

— Объясните мнѣ, обратился я къ собесѣднику, — почему у всѣхъ этихъ персовъ такой изнуренный видъ, почему у нихъ такое скотское, отталкивающее выраженіе лицъ?

— Потому что нравственное чутье у перса затерто чуть-ли не съ колыбели, чувство чести отсутствуетъ въ немъ. Всмотритесь

вотъ въ эту мумію, что стоитъ лицомъ къ намъ; въ его апатіи отражается вредное вліяніе опіума, который дается сперва младенцу, чтобы онъ не кричалъ, и къ которому тотъ до того привыкаетъ, что уже не разстается съ нимъ до гроба; а свѣтское половое наслажденіе окончательно растлѣваетъ и истощаетъ его. Бываютъ нерѣдко случаи, что наши проститутки женятъ на себѣ персовъ, и тогда послѣдніе принимаютъ православіе. Я лично знаю одного изъ такихъ, по прозванію въ св. крещеніи Никифоръ; поживъ съ женою, онъ заскучалъ и въ особенности не могъ выносить своего имени: „вотъ если-бы Ивановъ прозвали-бы меня, а Никифоръ—не люблю“, сѣтовалъ онъ часто мнѣ. Родилась у него дочь, которую онъ отдалъ за бакинскаго перса, послѣ чего и самъ скрылся изъ Астрахани, — говорятъ, опять принялъ исламъ.

Вообще у здѣшнихъ персовъ брачныя узы не прочны: разводъ у нихъ очень обыкновененъ. Въ качествѣ жениха персъ дѣлаетъ письменное условіе съ женою, скрѣпляемое муллою; въ немъ обозначается сумма въ 100—200 р. и т. д., смотря по условію, которую мужъ обязывается уплатить женѣ въ случаѣ развода съ нею. Въ медовый мѣсяцъ соловей любви такъ сладко поетъ, такъ поэтиченъ, на что персъ имѣетъ дарованіе отъ природы, что молодая жена, заслушавшись его, охотно отрываетъ нужный соловью кусочекъ росписки, и тогда при разводѣ онъ ей ни гроша не даетъ. Иногда родные и опытные старухи предупреждаютъ невѣсту, чтобы та не слишкомъ поддавалась обаянію первой любви и брачный договоръ прятала-бы подальше; въ такомъ случаѣ при разводѣ у нея будутъ деньги и она выйдетъ за другого, за третьяго и т. д., въ дѣвцахъ или вдовахъ не засидится, ибо персіане дорожатъ женщинами.

Жара спадаетъ, и я, простившись съ Ф. до завтра, нанялъ извозчика въ загородные сады: Лѣсникова, Давыдова, Гавеловскаго и Пермякова.

— Здѣсь вы нѣсколько ознакомились съ Азією, а тамъ увидите сносный русскій театръ, итальянскую труппу и сливки нашего общества, проговорилъ Ф. вслѣдъ мнѣ и посоветовалъ пропустить осмотръ двухъ первыхъ садовъ, ничѣмъ невыдающихся, и прямо направиться къ послѣднимъ.

Безлюдными улицами и пустынною площадью, сплошь покрытою лужами, мы пріѣхали въ Гавеловскій садъ, гдѣ помѣщается на

лѣто клубъ; въ театрѣ играетъ прїѣзжающая на лѣто итальянская оперная труппа. Въ саду тощія ален виноградниковъ, о насажденіи которыхъ заботился Петръ I, желая развить въ этомъ краѣ садоводство и винодѣліе. Но если измѣнившійся здѣсь къ худшему климатъ не благопріятствуетъ достиженію этой цѣли, за то запыленные и истомленные дневнымъ зноемъ обыватели находятъ теперь въ этихъ садахъ по вечерамъ отдыхъ, свѣжій воздухъ и много иныхъ прелестей. Оказывается, что я прїѣхалъ сюда очень рано, ибо кромѣ желчнаго старичка, иронически посматривавшаго на извѣстнаго одесскаго балагура III — фа, окруженнаго двумя-тремя поклонниками его таланта, никого не было. Юные купеческіе сынки хохотали до упаду, упиваясь разсказами III — фа изъ еврейскаго быта.

Я разговорился съ старикомъ, который оказался словоохотливымъ, рѣзкимъ, т. е. довольно откровеннымъ и тонкимъ наблюдателемъ.

— Виноградныя ален, говорилъ онъ, между прочимъ, — не даютъ тѣни, а потому днемъ въ нашихъ садахъ такъ-же пусто, какъ и въ нашемъ городскомъ клубѣ въ зимніе вечера, гдѣ вы встрѣтите не больше десятка тоскующихъ барынь, двухъ-трехъ нашихъ денди изъ армянъ, берегущихъ свои перчатки, какъ-бы не помять ихъ, да нѣсколькихъ старичковъ за картами. Губернаторша, а она у насъ передовая, намѣрена расширить клубное дѣло; удастся-ли ей это — можно судить по тому обществу, которое вы встрѣтите въ саду у Пермякова, а тамъ всегда людно.

По его предложенію мы направились въ садъ Пермякова.

Заплативъ за входный билетъ въ садъ 20 к., я отказался отъ предложеннаго мнѣ билета въ театръ. Это довольно обширное деревянное зданіе, расположенное по правую сторону площадки, напротивъ вокзала съ огромнымъ буфетомъ, усѣяннымъ питіями и разнообразными закусками; а прямо возвышается эстрада для музыкантовъ. Отъ площадки тянутся виноградныя ален, перемѣшанные кое-гдѣ съ фруктовыми деревьями. Садъ былъ буквально запруженъ народомъ.

— У насъ постоянного театра нѣтъ, говорилъ мой собесѣдникъ; — выпишутъ намъ порядочную труппу, вотъ какъ эта, что теперь увеселяетъ насъ, — хорошо; а нѣтъ — такъ мы довольствуемся странствующими талантами съ приволжскихъ городовъ; вотъ

ждемъ на зиму двухъ служанокъ... то-бишь, двухъ актрисъ, играющихъ служанокъ, да вѣчно пьянехонькаго комика, онъ-же и трагикъ.

Протиснувшись чрезъ густую толпу на площадкѣ, мы усѣлись въ бесѣдкѣ, полускрытой зеленью. Физиономіи у нарядныхъ дамъ очень рѣшительны, точно собираются кого-то или что-то взять штурмомъ, но это только такъ кажется, а въ сущности онѣ „непринужденно“ гуляютъ; многія курятъ.

— Наши дамы и въ театрѣ дымятъ; это здѣсь считается шикомъ, объясняетъ мой собесѣдникъ; — а вотъ прислушайтесь-ка, продолжалъ онъ, — къ говору этихъ трехъ дамъ, что на скамью усѣлись о-бокъ бесѣдки; это добродѣтельныя жены благодѣтельныхъ мужей, готовыхъ на все, лишь-бы принести пользу отчизнѣ, т. е. получить концесію или что-нибудь въ родѣ того.

Я взглянулъ. Костлявая, истомленная на видъ барыня говорила съ скверною улыбкою двумъ другимъ, болѣе сноснымъ на видъ:

— Къ ворожеѣ ѣздилъ; она говоритъ: непременно получимъ концесію. Ахъ, если-бы такъ!.. Я, душечка, обѣщалась говѣть, если только получимъ эту противную концесію...

— А Иона-то Петровичъ, перебиваетъ ее огненная брюнетка съ тусклыми глазами, — даже образъ поставилъ на письменномъ столѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде, помните, нимфа стояла... Такой богомольный сдѣлался!.. Вчера говоритъ мнѣ: Фофочка, если только „заступница всѣхъ скорбящихъ“ не поможетъ, то хоть въ петлю полѣзай!.. Липочка, обратилась она къ костлявой сестрицѣ, — что мы будемъ дѣлать, если не получимъ?

— Слышите, слышите: концесію!.. заволновался мой старикъ; — этотъ мошенникъ уже испортилъ одну дорогу, хочетъ портить теперь другую!.. Не получить — тѣ барыни пропадутъ, а практическая Липочка — пари держу — вынутаеся. Одинадцатая заповѣдь: не зѣвай, заглушила въ ней всѣ прочія. Еще недавно она отыскала какую-то полоумную бабушку, которую такъ обругала, что та, вѣсто дворника, которому обѣщала, отказала ей тысячу руб.; можетъ быть, найдется таковой-же дѣдушка, а не то выхлопочетъ опеку надъ маленькими братьями, — все-таки тысяча-другая въ годъ перепадетъ ей...

— Какъ-бы намъ получить ее? слышалось со скамьи, на что злой старикъ шепталъ мнѣ на ухо: „Погрузитесь въ кипятокъ на

трое сутокъ, можетъ быть, и получите; Шмуть-же получилъ нѣсколько дорогъ потому только, что девять дней кипятился въ котлѣ и не зарумянился... Право, отличное средство!“

— Бросимъ эту несносную концесію, неслось со скамьи;— скажите лучше, Катенька, какъ поживаетъ вашъ Миша?

— Всегда ослювить всѣ руки; вчера попросилъ шейку поцѣловать, не отказала: онъ такой услужливый.

— А дальше?

— Это мой секретъ. Ну, а вашъ Мефистофель?

— Зачѣмъ вы, Катенька, оскорбляете святое чувство любви? Мефистофель?! Не называйте его такъ,—это божество, душка!

— Эта статская совѣтница влюбилась въ личнаго врага своего драблага мужа, въ желѣзнодорожнаго мазурика, такъ, видите-ли, не оскорбляйте ея святого чувства къ воровству и грабежу! продолжалъ напентывать мнѣ желчный старикъ.

— Ахъ, душечка, какъ Сержъ ухаживаетъ за мною! слышался голосъ той, которая питала нѣжное чувство къ Мефистофелю. — Вчера сижу я въ театрѣ, подходитъ ко мнѣ Никаноръ Спиридонъ, — онъ только-что вернулся изъ Петербурга, — поздоровался и говоритъ: „Богиня моя, дайте лапку“, и такъ страстно засопѣлъ!

— Дрянъ бабенки, проговорилъ мой старецъ, поднимаясь со скамьи. — Пойдите-ка, вслушаемся въ разговоры другихъ представителей нашего астраханскаго общества.

— Почему русскій мужикъ нервный? говорилъ длинный полковникъ съ отвислою нижней губою и съ достаточнымъ носомъ, согнувшись передъ маленькимъ статскимъ господиномъ съ бутербродомъ въ рукахъ, озирающимъ проходящихъ дамъ. — Почему, спрашиваю я васъ? А потому-съ, изволите видѣть, потому-съ, что въ чаю склонны, чаю-съ много пьютъ, а чай—горячій, горячитъ. Я-съ имѣлъ случай наблюдать...

Передъ столикомъ съ опустѣвшими бутылками сопятъ именитые граждане, тузы-рыбпромышленники.

— Долбанемъ еще?

— Можно.

— Федька! Федоръ, дуракъ, не слышишь, што-ли?

Пожилой лавей какъ изъ-подъ земли предсталъ передъ именитымъ и, согнувшись, умильно спросилъ:

— Чего-съ прикажете, ваше степенство?

— Ты намъ представь-ко суды еще горькой да пивца, и перекусить чаго-нибудь.

— Сичасъ, ваше высочество.

— Вотъ возьми, Федя, на орѣхи, умилился именитый, подавая старцу-лакею пятакъ.

Бстати замѣчу здѣсь, что перебивавъ во многомъ множествѣ російскихъ градовъ, мнѣ не приходилось нигдѣ, кромѣ Астрахани, слышать отъ лакействующей братіи токого громкаго величанія толстыхъ кошелей, какъ „ваше высочество.“

Двое молодцовъ, какъ видно изъ купеческаго званія, съ цилиндрами на бекрень, вырвавшись на просторъ, не шли, а летѣли по алейкамъ, взявшись подъ руки.

— Слышалъ, какъ Никашку отецъ оттузилъ? Го-р-рячо, брать.

— За что?

— А за то!.. Далъ онъ ему дѣловую перебѣлить и спрашиваетъ: ну, какъ работа? А Никашка говоритъ: прелестъ—блондинка, черныя брови... Что-о-о? Какая блондинка? осерчалъ отецъ. Ошибся, жаль, папаша, хотѣлъ сказать—прелестъ бумага, а чернила... Отецъ схватилъ его за чубъ и ну скользить по ребрамъ.

— Ха-ха-ха! Сегодня не придетъ!

— Говорить: лихорадка...

.

— Посмотрите на эту представительную вѣшность, указываютъ мнѣ глазами старикъ на изящно одѣтаго господина съ глубокомысленно-административнымъ видомъ;—это нашъ ученый; вѣроятно, онъ рѣшаетъ теперь какой-нибудь научный или государственнй вопросъ.

А, по наивности, началъ одобрять его...

— Ха-ха-ха! Это—извѣстный игрокъ, и даже шулеръ; въ его головѣ всегда роится одна только мысль на тему: кого-бы обчистить?

Какая-то старушонка приплелась въ садъ. Шалунъ сѣлъ на колѣни къ ней; та плюнула, перекрестилась и вышла вонъ.

Къ 10 часамъ вечера посѣтители сдѣлались развязнѣе; слышенъ вездѣ громкій говоръ и смѣхъ, пошлости, а то и брань...

Какъ-то бокомъ и конфузясь, прошла въ темную алею толстая горничная въ платочкѣ вслѣдъ за сухою барыней съ подвизанною щекою.

— Вотъ, Параша, мучусь зубами.

— А вы-бы, барыня, выдернули и вставили-бы каменные; знакомый фельдшеръ говорилъ, продаются изъ... изъ... какъ его звать-то?.. Изъ...

— Изъ малахита?

— Да-да, изъ эфтаго самага...

Франтоватые армяне разговариваютъ больше о грошахъ; камели рѣзво гуляютъ въ дальнихъ алеяхъ или задумчиво сидятъ по темнымъ бесѣдкамъ, куда такъ и тянетъ прикащиковъ и приказныхъ, горцевъ, татаръ, и кое-гдѣ встрѣтите шлепающихъ туфлями персовъ, съ крашенными пятками и бородами въ красный цвѣтъ...

Мы усѣлись около двухъ скромно бесѣдующихъ дѣвицъ, какъ видно—модистокъ.

— Глупое управленіе въ полициі, говорила сухопарая дѣвица другой, круглолицей, въ веснушкахъ,—что намъ изъ того, что полицмейстеръ устроилъ скверъ, когда онъ етъ намъ несправедливъ! Мнѣ не позволяетъ открыть магазина, а его горничныя и фаворитки открываютъ ихъ безпрепятственно, дурно выполняютъ заказы и открыто принимаютъ его и гостей... Между тѣмъ какъ я уже нѣсколько лѣтъ имѣю вывѣску и плачу за мастерскую въ управу...

— Объ этомъ полиціймейстерѣ можно сказать, обратился ко мнѣ мой спутникъ,—что онъ наводитъ ужасъ на безпаспортныхъ, въ особенности въ зимнее время, когда Волга замерзнетъ и много разнаго народу остается безъ работы; тутъ и калмыки, и татары, и наши русскіе; ѣсть имъ, какъ и намъ съ вами, хочется, а нечего; начинается грабежъ по Волгѣ и наплывъ ихъ въ Астрахань; тогда-то полиціймейстеръ, выбравъ денекъ, раннимъ утромъ дѣлаетъ облаву на базаръ, гдѣ толкается этотъ голодный людъ; у кого изъ нихъ нѣтъ вида—на съѣзжую и расправа. А пошаливаютъ у насъ частенько; наибольшій процентъ преступленій доставляетъ Коса, гдѣ вы живете теперь; вообще въ глухихъ мѣстахъ не безопасно ходить. Однажды, осеннимъ вечеромъ, знакомый мой, капитанъ съ парохода, проходилъ по порту.—Баринъ, продаешь пальто? останавливаетъ его дѣтина съ дубиною.—Продаю.—Покажь, сколько у тебя въ карманѣ, столько и дамъ.—Капитанъ бѣжать по направленію ближайшаго жилья, а тотъ за нимъ, и

уже схватилъ за шиворотъ.— Пожаръ, пожаръ! заоралъ капитанъ; на крикъ его сбѣжались люди,—тѣмъ только и спасся...

— Зачѣмъ-же онъ кричалъ: пожаръ? спросилъ я.

— Если-бы онъ крикнулъ: караулъ! ни одна душа не показалась-бы... А съ его парходнымъ прикащикомъ еще занимательнѣе случай былъ, продолжалъ старикъ:— тотъ, замѣтивъ на пристани статную дѣвушку, приволокнулся за нею и она дозволила ему проводить себя домой; начало темнѣть, а холодъ невыносимый; прикащикъ дорогою любезничаетъ съ нею; подошли они къ мостику въ глухомъ мѣстѣ, дѣвушка и говоритъ ему: тутъ моя квартира, и принялась стучать ногами; изъ-подъ моста вышло трое мошенниковъ; дѣвушка, снявъ съ себя верхнее платье, оказалась кантонистомъ. — Мерси, баринъ, за то, что проводилъ, а за то, что всю дорогу суслилъ меня и оцупывалъ, снимай съ себя все... Раздѣтый до-нага, бѣдняга пустился бѣжать къ первому жилью, и слегъ...

Было уже 12 ч. ночи; садъ на половину опустѣлъ; старикъ, опасаясь лихорадки, простился со мною; слѣдомъ за нимъ и я отправился на покой, а на другой день, раненько, поѣхалъ на извозникъ отыскивать одного стараго знакомаго, проживающаго на Ипаціевской улицѣ.

Извозники здѣсь, большею частью, татары, и притомъ, вышколенные полиціймейстеромъ, никогда не торгуются. Каждый извозничей биржѣ отведенъ участокъ, на который ни одинъ извозникъ изъ посторонней биржи не имѣетъ права ни останавливаться, ни брать сѣдока, если только тутъ на лицо свой извозникъ.

Такъ-какъ извозникъ не зналъ Ипаціевской улицы, а мнѣ было извѣстно только то, что она пересѣкаетъ большую, людную Полицейскую улицу,—прохожіе тоже не могли указать ея, а полицейскихъ не видать, то и пришлось намъ кружиться здѣсь около двухъ часовъ, пока не попался городской.

— Гдѣ Ипаціевская? спрашиваю его я.

— Ипаціевская?.. Слышалъ, близко тутъ, но не могу знать, гдѣ...

— Вѣдь вы полицейскій!..

— Такъ-точно, со вчерашняго дня.

Поѣхали дальше; у будки стоитъ, какъ видно, только-что пришедшій городской.

— Гдѣ Ипаціевская?

— Слышалъ, есть такая, никакъ въ мою участкѣ, только мы здѣсь всего третій день, такъ не знаемъ доподлинно, гдѣ она.

— Тотъ новичекъ, вы новичекъ, — вся полиція у васъ новая, что-ли?

— Вѣрно, потому — полицмейстеръ больно крутъ, почитай-что кажинный мѣсяцъ мѣняетъ насъ...

Такъ я и не отыскалъ на этотъ разъ Ипаціевской улицы, и только на третій день счастливый случай привелъ меня къ ней; послѣ утомительной ѣзды назадъ и впередъ и безплодныхъ разспросовъ я наткнулся на сѣденькаго, согбеннаго старца, грѣющаго на солнцѣ свои старыя кости на углу одного переулка.

— Гдѣ Ипаціевская? спросилъ его я.

— Ипаціевская... Ипаціевская... какъ-бы въ раздумьѣ и удивленно поглядывая во всѣ стороны, шамкалъ беззубый старикъ. — Ипаціевская?.. Какъ не знать!.. Фу ты пропасть, да никакъ это и есть Ипаціевская, — глянь на циферу, указалъ онъ на дощечку съ полустертою надписью, по которой я догадался, что нахожусь на углу Ипаціевской улицы...

По условію, Ф. заѣхалъ за мною въ 10 ч. утра и мы отправились вмѣстѣ осмотрѣть *достопримѣчательности* Астрахани, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ городъ въ Россіи; какаго они достоинства—это иной вопросъ, но достопримѣчательности вездѣ найдутся.

Послѣ ночного, обильнаго дожда улицы во всемъ городѣ покрылись лужами, въ которыхъ буквально тонули красивые дрожки Ф.

— Богатый городъ, а мы дышемъ болотными миазмами, развивающими холеру и лихорадку! ворчалъ онъ, снимая пальцемъ съ лица комки грязи, обдававшей насъ съ головы до ногъ.

Несмотря на блестящія экономическія условія Астрахани, хозяйство ея ведется плохо, что видно изъ статистическихъ данныхъ за 1872 годъ, — въ которомъ обыкновенные городскіе доходы дали: 236,808 р. 57 к., а чрезвычайные 26,727 р. 94 к. Слѣдовательно всего: 263,536 р. 51 к!.

263,536 р. на почти 50-ти - тысячное населеніе города, въ которомъ считается 1,326 каменныхъ и 6,986 деревянныхъ зданій, и въ томъ числѣ 47 заводовъ, обдѣлывающихъ животные, растительные и ископаемые продукты на сумму 1,005,875 р. ежегодно. Изъ этихъ астраханскихъ произведеній самое видное мѣсто занимаютъ водки, наливки, пиво и медъ, на сумму 700,000 руб., мыло и свѣчи на 143,000 руб. Кромѣ того, жители съ успѣхомъ занимаются огородничествомъ, бахчами (дыни и арбузы), садоводствомъ, разведеніемъ винограда; но главное ихъ богатство составляютъ рыбные промыслы и соледобываніе. Съ введеніемъ въ 1867 г. вольнаго лова, съ развитіемъ пароходства и желѣзныхъ путей рыбный промыселъ быстро усиливается, а благодаря разрѣшенію частнымъ лицамъ заниматься разработкою соленыхъ озеръ, принадлежащихъ казнѣ, соляная промышленность принимаетъ болѣе и болѣе широкіе размѣры. Всѣ эти произведенія рукъ, воды и почвы составляютъ предметъ внутренней торговли Астрахани, а въ азіатской нашей торговлѣ она служитъ транзитомъ и рынкомъ. Черезъ здѣшнюю таможеню, находящуюся въ зданіи, принадлежавшемъ бывшему порту, проходитъ ежегодно товаровъ изъ Персіи и средней Азіи, а равно изъ Россіи туда, слишкомъ на 2 мил. руб.; такъ въ 1872 г. привозъ азіатскихъ произведеній составлялъ сумму 1,766,817 р., а вывозъ нашихъ произведеній туда 912,580 р., что составляетъ всего 2,679,397 рублей.

Въ томъ-же году привезено было въ Астрахань товаровъ каботажомъ изъ русскихъ прикаспійскихъ портовъ на 7,092,522 р., чему благоприятствовало, главнымъ образомъ, развитіе комерческаго флота Каспійскаго моря, который состоялъ тогда изъ 625 парусныхъ судовъ и 16 паровыхъ шкунъ.

— Вы видите, замѣчаетъ Ф., — что наша дума могла-бы извлекать изъ означенныхъ источниковъ для благоустройства города побольше, и если она не можетъ своими средствами вымостить улицы и уничтожить зловонныя лужи на нихъ, то могла-бы отдать это дѣло въ частныя руки. Говорятъ, что уровень Волги во время разливовъ выше нѣкоторыхъ городскихъ мѣстъ, слѣдовательно стоковъ сдѣлать нельзя, но этотъ техническій вопросъ относится къ самымъ несложнымъ; давайте только деньги...

Бесѣдуя о городскомъ хозяйствѣ, мы незамѣтно подѣхали къ

высокому Кремлю, расположенному на легкой возвышенности, называемой „Заячьинъ бугоръ“.

Это сооруженіе, начатое Іоанномъ Грознымъ вслѣдъ за покореніемъ Астрахани, было окончено царемъ Василиемъ Шуйскимъ въ 1582 г. Его высокія—въ 4—5 саж.—и толстыя, двухсаженныя стѣны съ арками и нишами устьяны зубцами наверху, а изъ 8 прежнихъ башенъ сохранились только 4, изъ которыхъ „Крымская“ возвышается на 63 фута. Въ Кремль, занимающій по окружности 730 саж., ведутъ Никольскіе и Пречистенскіе ворота; надъ послѣдними устроена колокольня двух-этажнаго Успенскаго собора, строитель котораго, „мастеръ каменнаго дѣла“, дворовый чело-вѣкъ князя Львова, Дорофей Мякишевъ, получилъ за свой трудъ 100 рублей асигнаціями. Здѣсь вамъ, любознательный или скучающій читатель, покажутъ между прочими вещицами посохи, обложенныя крокодиловою кожей и украшенныя „зміями и среброзраченными яблоками“, а также „опаленную огнемъ и обогренную кровью власяницу“ митрополита Іосифа, въ которой его мучили и убили, 11 мая 1671 г., сподвижники Стеньки Разина.

Далѣе мы направились къ женскому Благовѣщенскому монастырю, стоящему на нѣсколько возвышенной площадкѣ, въ чертѣ города. Прежде здѣсь помѣщался мужской монастырь, упраздненный въ 1706 г. за то, что „братія, во главѣ съ своимъ архимандритомъ Рувимомъ, приняла участіе въ стрѣльцкомъ бунтѣ“. Миѣ говорили, что когда вышло распоряженіе назначать изъ этого монастыря монахинь на дежурство въ госпиталь, то мать-игуменья долго качала въ задумчивости головою. Между тѣмъ скучающія монахини были рады-радешеньки услуживать и ухаживать за больными, и, какъ говорятъ, выполняютъ эту обязанность съ большимъ усердіемъ и вниманіемъ. Всѣхъ православныхъ часовень и церквей—23, но объ нихъ нечего сказать, точно также, какъ и объ 6 армяно-грегоріанскихъ, въ одну изъ которыхъ мы заглянули мелькомъ; внутренняя обстановка ея сходна съ нашими церквями; то-же изобиліе иконъ, но вмѣсто царскихъ вратъ здѣсь занавѣсъ и церковъ раздѣлена низкими перилами на двѣ части: впереди становятся мужчины, а сзади—женщины.

Изъ двухъ евангелическо-лютеранскихъ церквей одна построена при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1754 г., а изъ трехъ римско-католическихъ одна сооружена патеромъ Ромуальдомъ въ

1762 г., который рассчитывалъ на успѣшное распространіе здѣсь латинства.

Отсюда мы направились къ мусульманскимъ кварталамъ. Изъ слишкомъ пятитысячнаго мусульманскаго населенія Астрахани, имѣющаго здѣсь 17 мечетей, персы слѣдуютъ шитскому толку, а ногайцы и вообще, какъ ихъ здѣсь называютъ, татары — сунитскаго толка. Персы появились въ Астрахани съ прошлаго столѣтія, а въ началѣ текущаго, вслѣдъ за паденіемъ значительныхъ торговыхъ домовъ хивинцевъ и индійцевъ здѣсь, овладѣли торговлею ея вмѣстѣ съ армянами.

Персидское духовенство, муллы, получаетъ десятину изъ доходовъ правовѣрныхъ шитовъ, не всегда добровольно приносимую ими, а чаще — взимаемую отъ нихъ разными угрозами; кромѣ того, духовенство занимается обученіемъ дѣтей въ медресахъ, а иногда и гешефтами.

Персидская двухъ-этажная каменная мечеть, построенная въ 1859 г., обнесена желѣзною рѣшеткою, съ маленькимъ садикомъ внутри, колодцемъ и отхожимъ мѣстомъ; на куполѣ мечети изображеніе лица въ сіяніи — это солнце, а по бокамъ 4 башенки или минарета, откуда выкрикивается азонъ или призывъ къ молитвѣ; на переднемъ фасадѣ табличка съ надписью изъ корана, прибитая здѣсь по случаю пріѣзда шаха въ Астрахань.

Мы долго поджидали Хаджи-ага, обѣщавшаго пріѣхать сюда и сопровождать насъ по мечетямъ, но его нѣтъ, что неудивительно, ибо для персидской важности обѣщать и не исполнить обѣщанія — такая-же потребность, какъ для честнаго человѣка — исполнить его. Ф. попросилъ показать намъ мечеть высунувшагося изъ-за дверей ея муллу съ дряблою, скотскою фізіономіею, съ рыжей, крашеною бородою, въ туфляхъ на голую ногу, пятки которой, какъ и ногти на рукахъ, тоже выкрашены въ темно-оранжевый цвѣтъ, въ широкихъ шароварахъ и въ ситцевомъ архалукѣ. Онъ ввелъ насъ въ медресе; это — низенькая, совершенно голая комната, на полу которой на циновкахъ сидѣло рядомъ семеро дѣтей, отъ 6 — 8-лѣтнаго возраста, поджавъ подъ себя ноги и держа въ рукахъ кто книжку, кто лоскутъ бумаги; тутъ-же около нихъ на полу лежали пеналы или чернильницы съ письменными принадлежностями, а у противоположной стѣны — ихъ туфли и длинный, толстый пруть, для внушеній. Всѣ дѣти были въ мѣховыхъ шапкахъ, босы и подкрашены.

Бесѣдуя съ Ф., учитель держалъ себя сдержанно, но говорилъ громко, самоувѣренно, съ жестиами, недопускающими возраженій.

— Онъ считаетъ себя мудрецомъ, замѣтилъ Ф., передъ которымъ тотъ хвалился успѣхами своихъ питомцевъ и для доказательства приказалъ лучшему изъ нихъ показать свои искусство въ чистописаніи; тотъ, положивъ доску съ бумагой на выставленное впередъ одно колѣно, красиво вывелъ нѣсколько завитушекъ тростниковымъ перомъ.

— Можно посмотрѣть коранъ? спросилъ я.

Учитель замаялся.

— Здѣсь нѣтъ корана, убѣждалъ онъ Ф., но тотъ, указавъ ему на нѣсколько книгъ, прикрытыхъ платками, замѣтилъ мнѣ:

— Это кораны; я пообѣщаю ему гривенникъ — покажеть. — И, дѣйствительно, учитель согласился показать намъ священную книгу, но съ условіемъ: не дотрогиваться до нея. Вся она была испещрена разноцвѣтными аллегорическими рисунками, украшающими многочисленныя изреченія пророка.

Дѣти учатся съ 5 часовъ утра и до 5 часовъ вечера, съ часовымъ перерывомъ на обѣдъ.

— 11 часовъ зубрятъ коранъ, замѣтилъ Ф., выходя изъ медресе въ узенькій, сквозной коридоръ, отдѣляющій ее отъ зимней молельни, представляющей большую, пустую комнату, въ одномъ углу которой, на полу, устланномъ циновками, валялся большой старикъ. Лѣтняя-же молельня занимаетъ верхній этажъ, гдѣ въ узенькой галереѣ, высматривающей на дворикъ своими разноцвѣтными стеклами, правовѣрные пьютъ шербетъ и бурятъ кальянъ въ промежуткахъ молитвы; отсюда дверь идетъ въ прихожую, гдѣ они снимаютъ туфли, и входятъ въ обширную молельню, осмотрѣть которую намъ дозволили въ сапогахъ, но она, какъ и вообще мусульманскія обыкновенныя мечети, не представляетъ никакого интереса: пустая комната съ устланнымъ циновками поломъ, гдѣ стоятъ или сидятъ правовѣрные лицомъ къ большой нишѣ въ передней стѣнѣ, служащей мѣстомъ для муллы; наверху-же противоположной стѣны рѣшетчатые хоры, занавѣшанные тюлемъ, дабы скрыть молящихся здѣсь женщинъ отъ взоровъ мужчинъ; влѣво примыкаетъ къ стѣнѣ возвышеніе или эстрада съ нѣсколькими уступами въ видѣ лѣсенки, на которой въ настоящее время сушились цѣлыя ворохи розовыхъ листьевъ, употребляемыхъ для

шербетовъ и другихъ надобностей, а въ „страстные“ дни, т. е. втеченіи 10 дней „Махорема“, когда правовѣрные, облачившись въ черные костюмы, соврушаются о своихъ грѣхахъ и страданіяхъ своихъ святыхъ—Гуссейна и пр.,—это мѣсто украшается коврами, шалами, разными драгоценностями, а также лампами и часами...

Въ одномъ углу стоятъ три значка или хоругвія,—это древко съ изображеніемъ наверху руки, кажется, Али или Гуссейна. На стѣнахъ два-три изреченія изъ корана или имени святыхъ, — вотъ и все.

Отсюда мы отправились въ ногайскій кварталъ, въ сунитскую „Агъ-Мечеть“ (бѣлую мечеть), построенную въ 1810 г. вмѣсто бывшей на этомъ мѣстѣ деревянной, просуществовавшей 130 лѣтъ.

Сторожъ мечети, тощій ногаецъ съ оттопыренными ушами и десяткомъ волосковъ вмѣсто усовъ и бороды, наотрѣвъ отказался впустить насъ туда, если мы не сбросимъ сапоговъ. Ф. послалъ за знакомымъ ему муллою, но собравшаяся толпа ногайцевъ объявила намъ, что и мулла тоже не позволитъ, а вотъ если-бы мы пріѣхали въ калошахъ, тогда можно было-бы, сбросивъ ихъ, войти въ мечеть въ сапогахъ. Ф. остался на дрожкахъ, а я, къ нескрываемому торжеству зѣвакъ, снявъ ботинки въ преддверіи модельни, пошелъ въ чулкахъ за сторожемъ, рискуя схватить насморкъ, потому что полъ, хоть и устланный циновками и частью коврами, все-таки былъ очень холодный. У сунитовъ въ мечетяхъ еще пустыньѣ, чѣмъ у шиитовъ, и стѣны совершенно голы.

— Гдѣ молится мулла? кричалъ я на ухо глухому сторожу; ему, вѣроятно, послышалось: какъ молятся? и онъ, приставивъ большіе пальцы рукъ къ ушамъ, принялся махать ладонями.

Мѣсто муллы въ стѣнной нишѣ, что прямо противъ галереи, гдѣ стоятъ женщины, и подъ балдахиномъ, на маленькомъ возвышеніи, у правой стѣны. Узенькою и пыльною лѣсенкою мы взобрались на минареть. Ф. предлагалъ мнѣ съ дрожекъ взглянуть на домовую синагогу евреевъ, но такъ-какъ она не представляетъ особеннаго интереса, то я предпочелъ ознакомиться съ учебною частью Астрахани, гдѣ насчитываютъ до 40 училищъ, съ 2,313 учащимися (1,558 муж. и 755 жен.), а именно: губернская гимназія съ благороднымъ пансіономъ, на 242 воспитанника; женская гимназія съ пансіономъ, на 203 воспитанницы; духовная семинарія

на 60 воспит.; мужское духовное училище на 133 воспит. и женское духов. училище на 70 воспит.; пансіонъ казачьяго войска, на 30 воспит.; уѣздное училище, на 159 учениковъ; 5 мужскихъ приходскихъ школъ съ 346 учен. и 2 женскихъ — съ 117 учен.; два частныхъ училища съ 49 учен.; женское ремесленное училище и нѣсколько еще низшихъ школъ; кромѣ того: армянское агабабовское училище на 44 воспитанника; калмыцкое женское училище на 22 воспит. и мужское съ 50 штатными воспитанниками на полномъ содержаніи; сюда поступаютъ, по выбору начальства, лучшіе ученики изъ улусныхъ школъ. Оно открыто въ 1849 г., для надобностей управленія калмыцкимъ народомъ, и находится подъ главнымъ наблюденіемъ и руководствомъ главнаго попечителя его, и, нужно добавить, довольно грязновато. Когда наши дрожки осторожно вѣхали на маленькій дворикъ, покрытый лужами, окна этого двухъ-этажнаго невзрачнаго училища были облѣплены скуластыми и черномазыми калмычатами, большею частью, съ едва виднѣющимися прорѣзами глазъ.

Пришелъ смотритель, добродушный старичекъ, и, заинтересовавшись узнать: „кого онъ имѣетъ удовольствіе видѣть?“ повелъ насъ сперва въ опустѣлый по случаю каникулъ верхній этажъ, съ затхлымъ воздухомъ въ спальняхъ, съ желѣзными кроватями, съ грязными тюфяками и еще грязнѣйшими подушками, а отсюда — въ классы съ длинными столами, двумя большими досками, двумя географическими картами и портретомъ государя императора.

При нашемъ приходѣ три калмыченка, рывшіеся въ ворохѣ рваныхъ книгъ, всвочили съ своихъ мѣсть; на ихъ одутловатыхъ лицахъ, со складками подъ узкими глазами, выражалась смертельная тоска по стенамъ и вѣчный апетитъ дурно кормленныхъ дѣтей, что Ф. осторожно и замѣтилъ смотрителю.

— Каждому ученику полагается въ сутки на пищу 8 к., обѣсилъ тотъ;—ну, что вы въ наше дорогое время сдѣлаете на нихъ? Дая имъ калмыцкій чай, который они предпочитаютъ нашему, даю кашу и щи,—вотъ и все; одѣты они плоховато по той-же причинѣ... Учатся они плоховато, неохотно, потому что ихъ гложетъ тоска по улусамъ; вообще они питаютъ отвращеніе къ осѣдлой жизни.

— Можетъ быть, потому, что она складывается для нихъ далеко не сладко? замѣтилъ Ф., на что смотритель промолчалъ.

— Обучаютъ ихъ русскому и калмыцкому языкамъ, русской и краткой всеобщей исторіи, географіи, чистописанію и гимнастикѣ, продолжалъ смотритель.—По окончаніи курса они поступаютъ учителями въ улусныя школы или толмачами въ управленіе. Лучшіе-же воспитанники поступаютъ въ губернскую гимназію, но они живутъ здѣсь-же, подѣ моимъ надзоромъ, составляя особое отдѣленіе въ 15 человекъ съ содержаніемъ въ годъ по 150 руб. на каждого. Въ гимназій они съ трудомъ справляются съ славянскимъ и нѣмецкимъ языками, а потому взаимнѣ ихъ разрѣшено преподавать имъ татарскій и калмыцкій языки, и вообще допускаются нѣкоторыя облегченія при пріемныхъ экзаменахъ въ низшіе классы гимназій. Въ настоящее время одинъ или два калмыка поступили даже въ университетъ.

Бесѣдуя со смотрителемъ, мы вошли въ лазаретъ, занимающій одну маленькую комнату съ кумирней у одной стѣнки и нѣсколькими кроватями у прочихъ. Изъ больныхъ остался здѣсь только одинъ, а прочіе вмѣстѣ со здоровыми развѣхались по улусамъ. Кумирня состояла изъ двухъ деревянныхъ маленькихъ полокъ, изъ которыхъ верхняя—въ бахромѣ, а на нижней стоялъ мѣдный кубическій футлярчикъ съ запертымъ въ немъ „бурханчикомъ“, взглянуть на котораго намъ не удалось, такъ какъ ключъ отъ футляра хранился у духовной особы, наѣзжающей сюда изъ улусовъ три-четыре раза въ мѣсяцъ. По бокамъ стояли маленькіе стеклянные сосуды, кажется, рюмки, наполненные рисомъ и фасолью; это—жертвоприношеніе; а подѣ подставкою, на полу, старая валоша съ угольями и стеклянка съ масломъ, которое жжется передѣ бурханчикомъ во время молитвы. На стѣнѣ висѣла занавѣшенная картина, изъ Тибета или Китая,—не помню; „это—жены бурхана“, объяснялъ намъ смотритель; рядомъ пестрился яркими красками рай и адъ съ чудовищами и черноокиими китайцами съ китаянками, а надѣ кроватями больныхъ висѣла конская сбруя. На угловомъ столикѣ стояли двѣ стеклянки отъ лекарства. Училище не имѣетъ своего доктора, а между тѣмъ больныхъ, въ особенности оспю, случается не мало. Въ такомъ случаѣ приглашается сюда частный врачъ.

Смотритель говоритъ, что здѣсь еще есть отдѣленіе на 12 человекъ, обучающихся фельдшерскому искусству при астраханскомъ военномъ госпиталѣ, послѣ чего ихъ разсылаютъ по улусамъ. Од-

ному калмыку привелось даже обучаться въ медико-хирургической академіи на стипендію, выдаваемую ему изъ суммъ калмыцкаго народа

Отсюда мы, заглянувъ мелькомъ въ городскую бібліотеку, состоящую изъ 9,071 томовъ книгъ, и осмотрѣвъ каналъ, соединяющій Волгу съ р. Кутумомъ, называемый Варваціевскимъ, потому что, начатый правительствомъ, онъ былъ оконченъ чиновникомъ Варваціемъ на свой счетъ, и при томъ очень плохо, что ведетъ къ немалымъ затратамъ ежегодно на ремонтъ его, — мы направились къ „военно-исправительной ротѣ“, помѣщающейся въ бывшемъ училищѣ для дѣтей канцелярскихъ служителей, проданномъ городу приказомъ общественнаго призрѣнія; но было-бы человѣчнѣе, если-бы „общественное призрѣніе“ сожгло это зданіе, расположенное въ самой лихорадочной мѣстности. Несчастные арестанты, попавшіе сюда, можетъ быть, за ничтожный проступокъ, караются ужасно, выходя отсюда искалѣченными на всю жизнь ревматизмами, лихорадками и тому подобными болѣзнями, снабжающими ихъ болотными ядами. Многие, какъ слышалъ я, не выносятъ своего постоянно болѣзненнаго состоянія и именно вслѣдствіе этого умышленно дѣлаютъ новыя преступленія, чтобы только вырваться отсюда и попасть хоть-бы въ Сибирь...

Говорятъ, что неоднократно заявлялось попечителю тюремъ о необходимости перевести военно-исправительную роту въ болѣе здоровую мѣстность, но до сихъ поръ безъ соотвѣствующихъ послѣдствій.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ Астрахани лихорадки особенно сильно свирѣпствуютъ осенью, и тогда самая ничтожная простуда сопровождается ими.

Адмиралтейство и портъ, куда мы пріѣхали, заложены въ 1726 г. Здѣсь находится маленькое одноэтажное зданіе, окруженное цвѣтникомъ; въ немъ хранится *плезиръ-яхта* и *верейка*, въ которыхъ Петръ Великій, отправляясь въ персидскій походъ, осматривалъ виѣстѣ съ императрицею Елизаветиною окрестности Астрахани.

Въ 1868 г. портъ переведенъ отсюда въ Баку, а всѣ заведенія, находящіяся въ немъ, виѣстѣ съ механическимъ заводомъ, ежегодный оборотъ котораго въ настоящее время „доходитъ до 40 тыс. р., переданы на 15 лѣтъ пароходному обществу „Кавказъ и Меркурій“.

На обратномъ пути домой по отдаленнымъ улицамъ съ деревянными, большею частью ветхими домами, намъ бросался въ глаза *позоръ женщинъ*, т. е. сплошь и рядомъ выпачканные дегтемъ ворота. По словамъ моего спутника, мѣстные негодяи пачкаютъ ворота въ отместку тѣмъ женщинамъ, которыя не соглашаются войти съ ними въ связь, а моралисты изъ мѣщанъ позорятъ жилье женщины за дѣло, но нравственное чувство астраханокъ не развито еще на-столько, чтобы требовать за оскорбленіе законнаго удовлетворенія, и онѣ ограничиваются только тѣмъ, что молча выскабливаютъ замаранныя мѣста воротъ...

Вообще практическая мораль здѣсь довольно оригинальна: напр. порядочная женщина или считающая себя за таковую не поѣдетъ днемъ на извозчикѣ одна, ибо это позволяютъ себѣ только мѣстные „бабочки“, контингентъ которыхъ довольно значителенъ.

Въ 6 ч. вечера мнѣ необходимо было заняться корреспонденціею, но не могъ: жгучая духота въ воздухѣ и какая-то необъяснимая, безпричинная тяжесть и тоска на душѣ, — не передъ грозой-ли? И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ разразилась гроза съ ливнемъ, что освѣжило и городъ, и обывателей...

Затѣмъ слѣдующіе два дня были посвящены на знакомство преимущественно съ азіатскою торговлею города, и осмотръ начался съ Гостиного двора, въ которомъ много лавокъ стоятъ пустыми. Дума, возвысивъ на нихъ цѣны, побудила купцовъ перенестись отсюда въ частные дома, на неудобныя мѣста; обѣ стороны упорствуютъ до сихъ поръ и, безъ сомнѣнія, теряютъ. Похвальная твердость думы!

Здѣсь расположены, между прочими, хивинскіе и бухарскіе ряды съ халатами и прочими товарами, ходкими въ средней Азіи, а въ армянскихъ лавкахъ, гдѣ съ особенною любезностью принимали своего собрата Ф., найдется всего вдоволь: и русскихъ, и персидскихъ, и среднеазіатскихъ произведеній. У одного армянина, относившагося къ Ф. даже съ подобострастіемъ, были наволоты на одной рукѣ *голубъ* и *крестъ*, а на другой—*звѣзда* и *комета*; это—вишніе знаки іерусалимскихъ пилигримовъ, накалываемые тамошними мастерами по 15 р. за штуку.

Другой армянинъ, залпвшій жиромъ, хозяинъ мѣхового магазина, увѣрялъ меня, что въ окрестностяхъ Астрахани водятся горностаи, но достоинствомъ ниже сибирскихъ. Онъ ведетъ торговлю съ Персією, куда посылаетъ хорьковые и бѣличьи мѣха, и съ Хивою, куда идутъ: котикъ, цѣною отъ 5 — 30 руб., лисьи лапчатня 7—50 р., выдра, завойчатые мѣха и отчасти песцовыя лапы; а изъ Персіи онъ получаетъ тигровыя шкуры, одною изъ которыхъ, громадныхъ размѣровъ, но съ испорченною мордою, устанъ полъ. „Если-бы мурло не было попорчено, объяснилъ онъ намъ,—то за эту шкурку можно было-бы взять 30 р. и дороже“.

Персидскіе ряды, расположенные противъ губернаторскаго дома, выглядываютъ грязными и темноватыми чуланчиками, безпорядочно заваленными ящиками, мѣшками или бочками съ разными сухеными фруктами: кишмишъ, сливы, дули; пресованная слива, вмѣстѣ съ косточками, грязна и неприятно-кислаго вкуса, по 4—5 к. за фунтъ; фисташки, миндаль, простые и грецкіе орѣхи; тутъ-же въ маленькихъ мѣшечкахъ продается *хна*, растительная краска для окрашиванія волосъ, ладоней рукъ, пятокъ ногъ и ногтей въ красноватый цвѣтъ; другая краска для черненія волосъ; зелье для вывода волосъ на шаловливыхъ мѣстахъ у правовѣрныхъ и розовое масло; простые и красиво вышитыя туфли тамбурной работы, комки мазандаранскаго (персидскаго) сахара, грязно-желтаго цвѣта и отвратительнаго вкуса, тоненькій тростникъ, которымъ пишутъ персы; рисъ, въ который Ф. пристально всматривался.

— Что вы тамъ ищете? спросилъ я.

— Кажется, со вшами,—значить, на персидскій взглядъ, это лучший сортъ. У меня валялось нѣсколько мѣшковъ сарацинскаго пшена (рису), въ которомъ завелись вши; я его выбросилъ. Узнавъ объ этомъ, знакомые мнѣ персы упрекнули меня: „зачѣмъ бросилъ? мы-бы купили его: *въ дурномъ пшени въшь не заведется*“.

Тутъ-же продавались бумажные и жестяные пеналы константинопольской работы, въ которыхъ помѣщается чернильница, перо, ножикъ, персидскіе ножницы съ однимъ кольцомъ, зубочистка и пр. мелочь. Каждый грамотный персъ носитъ такой пеналь и маленькіе свертки кусочками нарѣзанной бумаги въ кармагъ. Наши перья они не употребляютъ, ибо формальная религія опредѣлила разъ на всегда рамку для всѣхъ дѣйствій правовѣрныхъ, открыто выйти изъ которой считается смертельнымъ грѣхомъ, что, однако, не

иѣшаетъ болѣе развитымъ изъ нихъ, какъ это мы увидимъ ниже, тайно нарушать ее.

Осмотрѣвъ прочія лавки съ мануфактурными и другими товарами, мы, по предложенію Хаджи-ага, свернули къ нему на шербеть въ караванъ-сарай, расположенный тутъ-же. Это замкнутое, четырехугольное, въ два этажа, каменное зданіе, съ дворомъ внутри, служить мѣстомъ складовъ персидскихъ товаровъ, гостинницею для прїѣзжихъ и конторою или, вѣрнѣе, биржею для мѣстныхъ персидскихъ купцовъ. Здѣсь встаетъ упомянуть, что хотя въ Астрахани, для облегченія комерческихъ сдѣлокъ, и открыта съ іюля 1870 г. биржа и даже составленъ биржевой комитетъ, но, съ одной стороны, персидскіе купцы, не сойдясь съ русскими рыбопромышленниками, не заглядываютъ туда, а съ другой стороны, и русскіе дѣльцы предпочитаютъ биржевать на вольномъ воздухѣ, гдѣ-нибудь на волжскомъ берегу или по трактирамъ на Косѣ, и рѣдко посѣщаютъ ее, ибо: „въ биржѣ нельзя быть по душѣ, не разгуляешься, а въ трактирѣ и покричать можно, даже встряску задать одинъ другому; потомъ поцѣлуешься и сверъшишь рѣшенное дѣло выпивкой... Словомъ, вольготнѣе здѣсь“. Для болѣе-же успѣшнаго хода торговли въ Астрахани имѣются: отдѣленіе государственнаго банка, отдѣленіе волжско-камскаго комерческаго банка, астраханское общество взаимнаго кредита, городской общественный банкъ и конторы разныхъ акціонерныхъ обществъ, между которыми „Русскій лойдъ“, судя по объявленію, боится товаровъ по уменьшеннымъ преміямъ. Всѣми этими благами персы пользуются изрѣдка, и то большею частью посредствомъ своего перваго дѣльца Хаджи-ага, въ номерѣ котораго мы теперь сидимъ.

Высокіе нары, служащіе мѣстомъ сидѣнья, отдыха и конторкою, занимали собою половину комнаты, устланной циновками (изъ соломы болотныхъ персидскихъ растений) и коврами; передняя стѣна украшается большою алегорическою картиною, изображающею пророка съ закрытымъ лицомъ, ѣдущаго на чудовищѣ съ мордою женщины, лошадинымъ туловищемъ, заканчивающимся павлиньимъ хвостомъ, съ святыми и надписями вмѣсто золотисто-зеленыхъ кружковъ.

— Отчего Магометъ изображенъ безъ головы? спросилъ я.

— Мы недостойны видѣть лицо пророка, сказалъ съ своею обычною улыбкою Хаджи-ага, усѣвшись на корточки.

Угли комнаты и маленькій чуланчикъ, примыкающій къ ней, завалены вилами персидскихъ ковровъ, туфлями, тюками товаровъ и кучами кашемировыхъ старыхъ шалей, вышедшихъ у насъ изъ моды и стоящихъ прежде 400—1,000 р., а теперь скупаемыхъ имъ въ Россіи по 40—60 р. для продажи въ Персію по 120—160 р. за штуку.

Хаджи-ага вручилъ мнѣ списокъ ходкихъ въ Персіи нашихъ мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній, а также фактуры, т. е. счета съ фабрикъ и магазиновъ на покупаемые имъ на ярмаркахъ товары для отправки въ Персію; фактуры—это важные матеріалы, знакомящіе не только съ ходкими въ Персіи товарами, но также указывающіе на популярность тамъ той или другой фабрики и торговой фирмы.

Сообщивъ намъ только-что полученныя имъ благопріятныя свѣденія изъ Персіи, въ которой послѣ неурожайныхъ годовъ, благодаря снѣжной зимѣ и весеннимъ дождямъ, насталъ повсемѣстный урожай, мы всѣ вмѣстѣ отправились въ кухню съ разставленною по полкамъ европейской и персидской посудой, чисткою которой занимался красивый мальчишка-слуга.

— Вы замѣчаете, проговорилъ Ф.,—отсутствіе здѣсь женщинъ, которыхъ во всемъ замѣняетъ мужская прислуга...

Хаджи-ага, улыбнувшись своею сладкою улыбкою, принялся за приготовленіе шербета; сваривъ сиропъ изъ сахара съ уксусомъ, онъ подаль его мнѣ, а мальчишка принесъ стаканъ съ водою, куда, по вкусу, кладется немного сиропу; мнѣ онъ положительно не понравился: слишкомъ отдаетъ уксусомъ, но такой именно шербетъ составляетъ любимый прохладительный напитокъ шаха; иногда къ нему прибавляется померанцевая или вербовая вода.

— Вы жаловались на разстроенный Касаткинымъ вашъ желудокъ, обратился ко мнѣ Ф.,—пейте шербетъ—помогаетъ...

— Я уже запаса другимъ лекарствомъ—кахетинскимъ виномъ.

— Здѣсь не достанете хорошаго кахетинскаго; я вамъ пришлю 8-ми-лѣтняго, съ своего собственнаго погреба, гдѣ у меня найдутся и 20-ти-лѣтнія вина русскаго и заграничнаго производства. По нашему армянскому обычаю, я въ день моей свадьбы положилъ въ погребъ нѣсколько сотенъ бутылокъ, которыя разопьются на свадьбѣ моихъ дѣтокъ... А на этотъ разъ съ удовольствіемъ нарушу обычай.

Простившись съ Хаджи-агой, пригласившимъ насъ на вечерній чай къ себѣ на домъ, мы заглянули въ открытые номера, гдѣ правовѣрные занимались большею частью кальяномъ и кейфомъ. Было жарко, а потому многіе сидѣли безъ шапогъ и даже ермолокъ; старики—съ совершенно бритыми головами, мужчины среднихъ лѣтъ и молодые щеголяютъ двумя прядями волосъ, зачесанныхъ съ висковъ за ухо, а середина головы, въ видѣ широкаго прохода, выбривается; у маленькихъ-же дѣтей волосы большею частью вьющіеся и окрашенные слегка въ рыжеватый цвѣтъ.

Въ 5 ч. вечера мы отправились на домъ къ мѣховщику-армянину, у котораго утромъ видѣли испорченное „мурло“ тигровой шкуры, осмотрѣть его коллекцію древнихъ монетъ. Окна его деревяннаго домика были закрыты.

— Вѣрно спать, обратился я къ Ф.

— Нѣтъ, это отъ жары; видѣли, какой онъ пузырь жиру: еле еле говорить.

Мы вошли въ прихожую, наполненную ароматомъ сушившихся здѣсь розовыхъ листьевъ; изъ дверей кухни выглянули двѣ длинноносыя женщины съ черными повязками на головахъ и опять скрылись. Въ полутемной залѣ встрѣтилъ насъ запыхавшійся, одутловатый хозяинъ дома, приглашая то на диванъ, то на кресло, и въ то-же время раскрывая ставни, откуда полился солнечный зной.

— Знаешь, ѣхалъ я на пароходѣ и со мною ѣхалъ русскій попъ, началъ онъ съ одышкой, поминутно отирая съ лица потъ, и рассказалъ намъ о томъ, какъ онъ долго-долго спорилъ съ попомъ, доказывая тому, что „на свѣтѣ есть чортъ“ и что онъ его два раза видѣлъ, на что попъ „крѣпко разсерчался“, ибо „чорта могутъ видѣть только угодники Божіи, а не армянскіе кушцы“. Споръ зашелъ такъ далеко, что попъ угрожалъ сослать его въ Сибирь за распространеніе „ереси“ о чортѣ.

Послѣ этого длиннаго и трудно-выносимаго разказа, армянка, жена его, внесла блестящій и пыхтѣвшій самоваръ, а также разныя варенья и печенья; я занялся осмотромъ довольно значительной коллекціи древнихъ монетъ. Снявъ на всякій случай снимки,

между прочими и съ армянскихъ монетъ царя Аршана, какъ говоритъ Ф., и калифовъ Омара и Османа, я не въ силахъ былъ болѣе выносить ни жары, ни вторичнаго разсказа о чортѣ, протислся съ хозяиномъ, который просилъ не забывать его, если устроится у Г. въ Персіи какое-нибудь торговое предпріятіе.

— Оттого-то онъ васъ такъ радушно и принялъ, что рассчитываетъ на будущую добычу, шепнулъ Ф.; — человекъ онъ добрый, но невѣжественный: кромѣ комерціи и разсказа о чортѣ ни о чемъ болѣе не умѣетъ говорить.

Отсюда мы поѣхали къ Хаджи-ага, который кромѣ конторы въ караванъ-сараѣ нанимаетъ цѣлый домикъ, имѣетъ экипажъ, лошадей и секретаря, встрѣтившаго насъ, по персидскому обычаю, у воротъ, между тѣмъ какъ самъ хозяинъ привѣтствовалъ насъ съ внутренняго крылечка дома. Черезъ залу, устланную, по-персидски, коврами, но безъ мебели, мы вошли въ его кабинетъ, убранный уже по-европейски: вокругъ стола посреди комнаты стоятъ стулья, у стѣны диванъ, у окна столъ съ персидскими подсвѣчниками, украшенными хрустальными привѣсками, и двѣ вазы; на стѣнахъ фотографическія карточки двухъ русскихъ военныхъ генераловъ, одного статскаго совѣтника и трехъ мѣстныхъ камелій. Секретарь внесъ на подносѣ чай; Хаджи-ага нарѣзалъ лимонъ и угощалъ насъ сигарами, папиросами и кальяномъ; затянувшись послѣднимъ, мой ротъ наполнился водою, а такъ-какъ въ комнатѣ плевательницы не было, то я плюнулъ на полъ, что смутило хозяина, но онъ съ дурно скрытымъ чувствомъ безразличности продолжалъ улыбаться, и вообще втеченіи всей нашей бесѣды онъ былъ сдержанъ и по-восточному подозрителенъ.

— Плюнуть у персовъ считается нарушеніемъ приличія, но плюнуть христіанину на полъ правовѣрнаго—это значить опоганить его, шепнулъ мнѣ Ф.

Табакъ въ кальянѣ оказался очень слабымъ, а сигары хозяина — плоховатыми; я предложилъ ему свой портсигаръ, въ которомъ оставалось 13 гаванскихъ сигаръ, но тотъ съ улыбкою, недопускающей вторичнаго приглашенія, отказался и закурилъ свою вонючку длинными разноцвѣтными спичками изъ Константинополя, которыя подаются только гостямъ.

— Отчего онъ отказался отъ моихъ сигаръ? обратился я къ Ф.

— Оттого, что онъ своими быстро шныряющими глазами уже

успѣлъ сосчитать число ихъ; а для перса 13 — самая несчастная цифра; онъ на нее ничего не купитъ, — словомъ, онъ съ нею не имѣетъ никакого дѣла, даже не произноситъ „тринадцать“, а чтобы выразить это число, говоритъ: *не тринадцать—четыринадцать*.

Въ кабинетъ вошелъ босякомъ маленькій, хорошенькій сынишка хозяина съ подкрашенными, вьющимися кудрями, съ шелковым ермолкою на макушкѣ, одѣтый въ атласъ; я хотѣлъ — было приласкать его, что замѣтно взволновало отца и тотъ что-то шепнулъ своему секретарю, который отвелъ его въ сторону.

— Вотъ, родился, кажется, въ Россіи и находится постоянно въ сношеніяхъ съ нами, а все еще считаетъ насъ нечистыми, шепнулъ Ф. и указалъ мнѣ на противоположный домъ, въ окнахъ котораго видѣлись пугливо-любопытствующія лица персіанокъ; какъ только я взглянулъ туда, онѣ быстро скрылись подъ чадрами (покрывалами). — Здѣсь персидскій кварталъ, но персіанку не только съ открытымъ лицомъ, но и вообще рѣдко увидите; онѣ взаперти, по домамъ сидятъ.

Я спросилъ Хаджи-ага, приготовилъ-ли онъ обѣщанныя мнѣ письма въ Персію.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — когда моя одинъ сидитъ дома, въ 11 часовъ...

— Значитъ, когда передается вечернему кейфу, перебилъ его Ф.

— Тогда, продолжалъ Хаджи-ага, — моя умная голова все сдѣлаетъ тебѣ: напишетъ письма.

— А насчетъ переводчика? допытывалъ я, на что онъ какъ-то загадочно улыбнулся, а Ф. нашептывалъ мнѣ: „Я уговаривалъ его уступить вамъ своего секретаря, вотъ этого самаго черномазаго, что прислуживаетъ намъ; онъ былъ-бы вамъ подходящимъ и по-русски сносно пишетъ: вотъ взгляните на образчикъ его письма.“

И Ф. подаль мнѣ листокъ почтовой бумаги, на которой было нацарапано сквернымъ почеркомъ слѣдующее:

„Милостивый Государь Мамедъ-али шкуна Бака пришла и фотагенъ въ грузила вчера отправилъ Бондарней доски надеюсь надняхъ нагрузица и отъ правица впутъ болие нечива писать“.

— Пишетъ, дѣйствительно, сносно, но отчего-же онъ не уступаетъ его мнѣ?

— Говорить, что самому нуженъ... Впрочемъ, онъ намекнулъ мнѣ, что если-бы вы выхлопотали ему медаль, тогда онъ уступилъ-бы... Все его тщеславіе ограничивается желаніемъ получить медаль: это его единственная мечта!

Ужасное положеніе, когда васъ безвинно принимаютъ за особу, да еще изъ Петербурга, а меня они видимо принимаютъ за ону! Безъ сомнѣнія, подобнаго рода сдѣлка между нами состояться не могла, и я, пообѣщавъ Хаджи-ага сдѣлать подарки за его услуги, простился съ нимъ. На другой день Ф. познакомилъ меня съ однимъ семейнымъ персомъ, здѣшнимъ уроженцемъ и купцомъ, III — ъ, владѣющимъ русскимъ, персидскимъ и даже арабскимъ языками. Это былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ подь сорокъ, съ щетилистыми усами на дробломъ лицѣ, съ низкою мѣхвою шапкою на головѣ, въ казакинѣ съ открытою грудью, узкихъ шароварахъ, башмакахъ, съ приниженностью въ пріемахъ и вѣдостью во всей фигурѣ.

— На какихъ условіяхъ вы желаете ѣхать со мною? обратился къ нему я. Онъ взглянулъ на Ф., который заговорилъ вмѣсто него:

— Онъ положился на меня: какъ я рѣшу, такъ и будетъ хорошо; это безусловное довѣріе по-персидски называется „*оскиль*“.

— И мать моя тоже говоритъ: сдѣлай такъ, какъ скажетъ Иванъ Егорычъ, проговорилъ III.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ мы сошлись на 60 р. въ мѣсяцъ и полномъ содержаніи ему втеченіи всего путешествія, о чемъ я немедленно телеграфировалъ въ Петербургъ Г — му, отъ котораго, вопреки моему съ нимъ условію, получилъ отвѣтъ, связывающій мнѣ руки, что могло затормозить все дѣло. Его телеграмма гласила, что хозяйственная часть поручается повѣренному при торговомъ караванѣ Грошеву, который прибудетъ сюда съ товарами изъ Москвы не ранѣе, какъ черезъ $\frac{1}{2}$ мѣсяца, точно выборъ переводчика относится къ хозяйству! Такимъ образомъ, я, вопреки условію, остаюсь безъ переводчика, и поставленъ въ зависимость отъ прикащика Г — аго, который говорилъ мнѣ въ Петербургѣ: „Рана не дозволяетъ мнѣ предпринять такое дальнее путешествіе, и вы ѣдете вмѣсто меня“. Отсюда слѣдуетъ, что я, замѣняющій лицо Г — аго, буду подь ферулою его сидѣльца... Вотъ логика!

Но въ моемъ карманѣ 550 руб., чего достаточно будетъ на первое время путешествія, — и я, не теряя времени, покончилъ дѣла въ Астрахани и рѣшился ѣхать въ Персію одинъ, а Ш — ву оставилъ письмо на имя Грошева.

Губернаторъ, къ которому я зашелъ проститься, показалъ мнѣ только-что полученное имъ отъ Г — аго письмо, въ которомъ говорилось, что въ торговой экспедиціи, отправляемой въ Персію и далѣе, Грошеву поручается торговая часть, а мнѣ *все остальное*. Все остальное! — какая ширь и потемки! Я призадумался. А не заявить-ли мнѣ претензію на его миліонъ? Отдать или не отдать его онъ мнѣ? — вотъ вопросъ, надъ которымъ... не призадумаетесь! Безъ сомнѣнія, если я получу фирманъ на украшеніе своего пиджака Львомъ и Солнцемъ 1-й степени, то охотно уступлю его ему, но если мнѣ случится съ помощью двухъ револьверовъ покорить Персію, Афганистанъ и тутъ-же встать прихватить центральную Азію, со всѣми халатниками, Г — ой, участвовавшій своими пятаками въ моемъ побѣдномъ шествіи, заявить претензію на корону этого мусульманскаго міра, то не подлежать сомнѣнію, что препятствій къ тому съ моей стороны не предвидится, ибо сколь много соорудилъ-бы онъ ярмарокъ и какъ-бы шла къ нему тубетейка?

— О чемъ вы задумались? перебилъ мою мысль губернаторъ.

— Сокрушаюсь о томъ, чтобъ нашъ меценатъ изъ Ташкента не остался-бы въ одномъ ночномъ колпакѣ.

Я шучу: губернаторъ не спрашивалъ, о чемъ взгрустнулось мнѣ, но охотно согласился хранить у себя всѣ матеріалы, которые придется собрать мнѣ на пути, впредь до моего возвращенія въ Россію, и снабдилъ меня заграничнымъ паспортомъ, на который въ Персію, безъ сомнѣнія, никто не взглянетъ, кромѣ нашего-же консула, если только я заѣду къ нему, а заѣхать придется.

Наконецъ, выполнивъ послѣднюю формальность, т. е. взявъ изъ полиціи, впервые видѣвшей меня, свидѣтельство на безпрепятственный выѣздъ мнѣ за-границу, я сдалъ излишнія вещи на сохраненіе въ канцелярію губернатора, который снабдилъ меня письмами къ начальнику астрабадской морской станціи Зайкину и нашему астрабадскому консулу Бакулину, и простился съ нимъ и его виднымъ правителемъ канцеляріи — красавцемъ-армяниномъ съ невыразимо-обольстительными усами и ногтями, подчищая которые,

онъ проникающимъ въ душу голосомъ говорилъ мнѣ объ излишнемъ, по его мнѣнію, либерализмѣ земства.

„Это ужасно, ужасно!“ думалъ я, спѣша домой уладываться въ путь — дальнюю дорогу, куда я беру съ собою большіе сапоги, ботинки, фуфайку, 4 пары бѣлья, одѣяло, пиджакъ, брюки и широкополую шляпу, компасъ, термометръ и записныя книжки. Мнѣ хотѣлось поскорѣе стряхнуть съ себя городскую пыль, всюю душою отдохнуть въ тиши, на просторѣ, всюю грудью подышать свѣжимъ воздухомъ, и я отправился на баржу „Арагву“, гдѣ буду ночевать, а завтра она доставитъ пассажировъ, ѣдущихъ въ порты Каспійскаго моря, на пароходъ, ожидающій ее, по причинѣ мелководья здѣсь Волги, въ 90 верстахъ отсюда, на 9-футровой глубинѣ.

На пристани общества „Кавказъ и Меркурій“ мнѣ не выдали билета ни 1-го, ни 2-го класса, потому что очередной пассажирскій пароходъ „Михаилъ“ испортился, а замѣнившая его паровая шкуна „Армянинъ“, приспособленная къ перевозкѣ грузовъ, имѣетъ только 3-й классъ, т. е. палубный; впрочемъ, управляющій пароходствомъ обѣщаль позаботиться объ удобномъ помѣщеніи меня тамъ.

Устройство баржи „Арагвы“, по которой я подъ звѣзднымъ небомъ расхаживаю одинъ-одинешенекъ, элегантно, но сухая пыль персидскаго порошка, которымъ изобильно посыпана моя постель въ каютѣ отъ клоповъ, сильно бьетъ въ носъ... Безъ таракановъ и клоповъ россіянину никакъ не живется!

П. Огородниковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПОДРУГЪ.

(Съ венгерскаго.)

Да не смутить тебя, мой другъ, мой голубъ ясный,
Что иногда мнѣ взоръ туманить скорби слѣдъ,
Что ждешь ты отъ меня безпечныхъ ласкъ напрасно,
Что у меня въ душѣ къ веселью силы нѣтъ.

Не думай съ горечью въ подобныя мгновенья,
Что эта злая скорбь навѣяна тобой...
Нѣтъ, ты не можешь быть источникомъ мученья,
Единственный мой другъ, хранитель лучшей мой.

Не предъ тобой, повѣрь, лицо мое блѣднѣетъ,
Не предъ тобой во мнѣ мгновенно стынеть кровь,—
Нѣтъ, нѣтъ! Передо мной могильный призракъ рѣетъ,
Изъ тьмы прошедшаго являясь вновь и вновь.

Напрасно я прошу, напрасно умоляю,
Чтобъ онъ исчезъ на вѣкъ... Онъ глухъ къ моимъ мольбамъ,
И если онъ на мигъ скрывается,—я знаю,
Что завтра онъ пойдетъ за мною по пятамъ.

Къ запекшимся устамъ я подносилъ порою
Сладчайшимъ нектаромъ наполненный бокаль,—
Но онъ являлся вновь—и дрогнувшей рукою
Я влагу чудную на землю проливалъ.

Тотъ призракъ роковой—мое воспоминае
О дивныхъ ужасахъ давно прошедшихъ грозъ;
Оно, какъ вѣчное орудіе терзанья,
Судьбою создано изъ жгучихъ адскихъ слезъ.

Ему исполнѣ во власть я отданъ небесами:
Когда оно встаетъ изъ тьмы нѣмыхъ гробовъ,
Пугая бѣдный умъ суровыми рѣчами,—
Я чувствую тогда, какъ леденѣетъ кровь.

Въ подобныя часы не говори со мною:
До сердца не дойдетъ прѣвѣтной ласки звукъ.
Спокойно пережди, когда само собою
Пройдетъ мгновеніе щемящихъ сердце мукъ.

Въ холодномъ ужасѣ я жду ихъ приближенья,
Въ оцѣпененьи я смотрю на этотъ сонъ,—
Да, это только сонъ,—и все-жь до пробужденья
Мнѣ кажется живой дѣйствительностью онъ.

М. Н.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВПЕРЕДЪ ИЛИ НАЗАДЪ?

(„Новая азбука“ графа Л. Н. Толстаго. Москва, 1875 г.—„Руководство къ русской азбукѣ“. Составилъ В. Водовозовъ. Изданіе первое. Спб. 1875.)

I.

Графъ Толстой, издавая азбуку для всѣхъ, задался особенною цѣлью; но разрѣшилъ-ли онъ задачу и можно-ли ее разрѣшить?

Гр. Толстой, какъ извѣстно, не придаетъ особеннаго значенія тому или другому способу обученія грамотѣ; онъ считаетъ всѣ способы одинаково хорошими и думаетъ, что по какому-бы способу народъ ни учился, лишь-бы онъ умѣлъ читать. По словамъ графа Толстаго, задача хорошей азбуки въ томъ, чтобы за наименьшую цѣну дать учащимся наибольшее количество матеріала, чтобы этотъ матеріалъ былъ расположенъ въ правильной постепенности, отъ простаго и легкаго къ сложному, и чтобы именно постепенность эта и служила главнымъ средствомъ обученія чтенію и письму по какому-бы то ни было способу. Такимъ образомъ, задача азбуки гр. Толстаго въ томъ, чтобы она учила грамотѣ въ рукахъ всякаго учителя.

Задавшись такой задачей, гр. Толстой говоритъ, повидному, новое слово. Педагоговъ высшей школы, такихъ пионеровъ грамотности, какъ гг. Вунаковъ, Евтушевскій, Водовозовъ, у насъ счетовъ всего три-четыре человѣка; пионеровъ недостаетъ у насъ даже для дворянскихъ школъ, а для народныхъ объ нихъ и думать нечего. И вотъ, чтобы учить народъ грамотѣ, поневолѣ

приходится довольствоваться пономарями, отставными солдатами, грамотными бабами, и каждый такой учитель хороше, если онъ можетъ научить читать. Такъ-какъ въ рѣшительномъ большинствѣ нашихъ народныхъ школъ учителями являются не Бунаковы и Евтушевскіе, а солдаты да пономари, то если вопросъ сводится весь къ тому, чтобы научить народъ какъ можно скорѣе читать и писать,—ясно, что приходится довольствоваться доморощенными учителями, а доморощеннымъ учителямъ нельзя давать для руководства ни Бунакова, ни Водозова, ни Корфа — имъ нужно дать нѣчто другое, сподручное, подходящее, доступное и легкое.

Такимъ образомъ, гр. Толстой является творцомъ новой примирающей мысли; онъ, такъ-сказать, поканчиваетъ споръ о методахъ обученія, считаетъ всѣ способы хорошими, предоставляетъ каждому учить какъ онъ знаетъ, и въ видѣ всероссійскаго руководства, пригоднаго для всякой школы и въ рукахъ всякаго учителя, даетъ свою всеобщую „новую“ азбуку. Итакъ, гр. Толстой даетъ азбуку для всѣхъ, азбуку, по которой можетъ учить и Бунаковъ, и старая просвирня, и вдова-попадья, и отставной солдатъ, и писарь, и дьячекъ. Это очень заманчивая мысль,—заманчивая до того, что когда гр. Толстой напалъ на школьный нѣмецкій педантизмъ, который наши ученые педагоги старались водворить въ русской школѣ, то передовые органы печати пришли въ ликующій восторгъ и Россія почувствовала, что съ ея глазъ сняли повязку.

Не отнимая отъ гр. Толстаго заслуги печатнаго изобличенія, ради сохраненія безпристрастія мы замѣтимъ, что заслуга эта вовсе не такъ велика, какъ она показалась петербургскимъ литераторамъ. Бунаковская катехизація и его метода развитія дѣтей по нѣмецкому способу вопросами въ родѣ того: „курица покрыта перьями, а лошадь?“ съ самаго начала не вводили въ недоразумѣніе ни учителей нашихъ семинарій, ни даже болѣе толковыхъ учителей народныхъ школъ. Метода эта, осмѣянная еще до изобличенія ея въ печати, практиковалась больше въ руководствахъ и азбукахъ, чѣмъ въ школахъ. Отрипаніе ея, правда, существовало въ ограниченномъ кругѣ учителей, и потому заслуга гр. Толстаго была не относительно этихъ лицъ, а относительно такъ-называемаго „общественнаго мнѣнія“, которое учится пе-

чать. Наше общественное мнѣніе, какъ и во всемъ, не знало ничего о школьныхъ методахъ г. Бунакова и другихъ и объ ихъ смѣшной катехизации. Гр. Толстой точно открылъ Новый Свѣтъ своимъ разоблаченіемъ, хотя въ то-же время влиянію его слова много помогла популярность автора. Имя гр. Толстаго пользуется полнымъ сочувствіемъ не за одни его романы; гр. Толстой извѣстенъ какъ искренній патриотъ, какъ народникъ, какъ человѣкъ, отдавшійся искренно дѣлу народнаго образованія, и въ общественномъ мнѣніи имя гр. Толстаго является чистымъ, незапятнаннымъ, даже окруженнымъ ореоломъ. И со стороны искренности противъ гр. Толстаго нельзя сказать ни одного слова. Гр. Толстой любитъ народъ, онъ желаетъ ему счастья, онъ хлопочетъ объ его просвѣщеніи, онъ относится всегда къ нему тепло и сочувственно; наконецъ, онъ своими романами и статьями умѣетъ всегда согрѣть читателя и дѣйствовать на хорошія, доброжелательныя чувства. Но этотъ розовый оттѣнокъ симпатіи, которую питаетъ публика къ гр. Толстому, нисколько не объясняетъ его какъ человѣка мысли, а даетъ лишь его какъ человѣка добрыхъ намѣреній. Съ подобными-же добрыми намѣреніями гр. Толстой выступилъ еще разъ въ своей новой азбукѣ, и публика, конечно, накинется на нее, не разбирая, хороша или дурна азбука и на какую дорогу хочетъ вывести Россію гр. Толстой, руководимый однимъ доброжелательствомъ.

Итакъ, читатель, станемте на точку зрѣнія гр. Толстаго и вывѣстъ съ нимъ скажемъ, что дѣло не въ томъ, по какой методѣ учится народъ, а въ томъ, чтобы онъ выучился. Но въ такомъ случаѣ для чего гр. Толстой издалъ свою „новую“ азбуку? Если только для того, чтобы соединить всѣ методы, то вѣдь не Богъ вѣсть какое онъ учинилъ соединеніе и не Богъ-же вѣсть какое онъ отстранилъ отъ народа несчастіе. Гр. Толстой ставитъ въ заслугу своей азбукѣ дешевизну, но есть азбуки, которыя стоятъ всего двѣ копейки, наприимѣръ, азбука Столянского; азбука гр. Толстаго оказывается въ семь разъ дороже. Слѣдовательно, дешевизна вовсе не преимущество „новой“ азбуки. Если гр. Толстой думаетъ, что онъ далъ руководство для *всѣхъ*, то и тутъ его педагогическая заслуга меньше въ дѣйствительности. Соединеніе гр. Толстымъ трехъ методовъ заключается въ томъ, что онъ пишетъ азбуку въ такомъ видѣ:

а	бе	ве	ге	де	ье
А а	Б б	В в	Г г	Д д	Е е
А	бъ	въ	гъ	дъ	е
Азъ	Букн	Вѣди	Глаголь	Добро	Есть и т. д.

Для чего это нужно и на-сколько такое распредѣленіе буквъ служить дѣйствительно руководящимъ матеріаломъ для всякаго учителя? Дайте обыкновенную азбуку, съ однѣми большими и маленькими буквами, и каждый учитель, который станетъ ею пользоваться, будетъ пользоваться, конечно, по собственному методу. Такъ если въ азбукѣ стоитъ б, то отставной солдатъ, тыча пальцемъ ученика въ лобъ, заставитъ его произнести: *буки*; послѣдователь новой метода ласково, гуманно, вѣжливо, но холодно скажетъ ученику, что это *бз*; а гр. Толстой, слѣдующій буквослагательной методѣ, заставитъ произнести *бе*. Неужели для этого слѣдовало издавать особенную примиряющую азбуку, съ обширнымъ матеріаломъ для чтенія? Если примиреніе заключается въ томъ, чтобы расписать способъ произношенія, какъ это дѣлаетъ гр. Толстой, то онъ могъ-бы ограничить всю азбуку одной страницей, а для перваго упражненія приложить чтеніе односложныхъ, двухсложныхъ и т. д. словъ. Тогда азбука могла-бы стоить одну копейку и была-бы дѣйствительно самой дешевой. Дешевизна, провозглашаемая гр. Толстымъ, оказывается еще болѣе оптической, когда авторъ признаетъ необходимымъ присоединить къ азбукѣ еще кое-что, чего онъ не даетъ. Такъ гр. Толстой не даетъ прописей, потому что, по его словамъ, прописи можно купить за три копейки. И вотъ къ 14 копейкамъ нужно прибавить еще 3 и получится 17. Далѣе гр. Толстой считаетъ совершенною роскошью картинки; онъ даже думаетъ, что картинки развлекаютъ вниманіе учениковъ и мѣшаютъ умственнымъ упражненіямъ учителя съ учениками. Съ точки зрѣнія дешевизны это, конечно, такъ, но въ такомъ случаѣ гр. Толстому не слѣдуетъ говорить объ умственномъ упражненіи и дѣтскомъ вниманіи. Если вамъ нуженъ авторитетъ, потому что вы сами никогда не занимались дѣтьми и не знаете, на-сколько картинки дѣйствуютъ возбуждительно на дѣтское вниманіе, бодрятъ ихъ и прогоняютъ школьную скуку, то мы сошлемся на Песталоцци. Песталоцци зналъ дѣтей хорошо, онъ смотрѣлъ на мертвящую школу какъ на каторжную работу и сравнивалъ дѣтей съ маленькими

дикарями. До сихъ поръ свободный и независимый, вѣчно жившій рефлексами и свободно отдававшійся своимъ впечатлѣнiямъ и ощущенiямъ, маленькiй дикарь внезапно очутился въ четырехъ стѣнахъ скучной школы; ну какъ ему не почувствовать себя въ одиночномъ заключенiи! Вы уже и такъ заперли душу маленькаго дикаря въ темный переулочекъ, а тутъ еще хотите отнять отъ него послѣднюю возможность жизни чувствомъ и даете ему чисто-механическое головное упражненiе. Но не вы-ли сами находите худую сторону классицизма въ томъ, что онъ дѣйствуетъ на одно механическое развитiе мысли? Не о томъ рѣчь, какими путемъ оно достигается; можно воспитывать мысль механически латинскимъ языкомъ, греческимъ, математикой, грамматикой, даже исторiей и географiей—и поступать точно такъ-же, уча грамотъ. Въ этомъ случаѣ гр. Толстой является истиннымъ классикомъ и назначаетъ свою азбуку исключительно средствомъ головного, механическаго развитiя, превращая ее въ исключительный матерiалъ для чтенiя. Ратуя за народную душу и возставая противъ педантовъ, гр. Толстой повторяетъ, однако, то, чѣмъ укоряетъ другихъ. Нѣтъ, картинки не роскошь, онѣ именно необходимая принадлежность азбуки. Если нѣкоторые педагоги пересолили съ картинками, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что нужно кинуться въ другую крайность и уйти въ скучный, сухой букварь, въ который гр. Толстой и превратилъ свою азбуку. Что гр. Толстой дѣйствуетъ именно какъ классикъ и превращаетъ свою азбуку въ такой-же механическiй букварь, по которому изъ *букв-азы* выходило *ба*, легко убѣдиться изъ того, что „Новая азбука“ вовсе не стѣсняется въ выборѣ словъ для чтенiя и даетъ только слова, а не понятiя. Такъ гр. Толстой рассказываетъ, „что сталъ левъ старъ“, или „у одной обезьяны были два дѣтеныша...“, или „орелъ свилъ на деревѣ гнѣздо...“ А что такое левъ, что такое обезьяна, что такое орелъ? Конечно, картинки—роскошь, конечно, онѣ развлекаютъ вниманiе, и, конечно, гораздо проще, если ребенокъ будетъ читать о львахъ, пантерахъ, гиенахъ, обезьянахъ, крокодилахъ и заучить голыя имена, не имѣя за ними никакого представленiя. Но нѣтъ, это не то, гр. Толстому нужна не такая грамота; онъ не вовсе-же отрицаетъ пользу картинокъ, а въ такомъ случаѣ одно изъ двухъ: или въ „Новую азбуку“ совсѣмъ не слѣдовало включать такихъ словъ, смыслъ которыхъ

для ребенка безъ картинки не понятенъ, или-же придется купить въ дополненіе къ прописямъ еще и картинки, а въ такомъ случаѣ къ прежнимъ 17 копейкамъ прибавить еще не мало копеекъ, и тогда дешовизна, которую гр. Толстой считаетъ достоинствомъ своей азбуки, сдѣлается совсѣмъ фиктивной. Такимъ образомъ, достоинства дешовизны за азбукою гр. Толстаго вовсе не оказываются, и съ тѣми дополненіями, которыя для нея нужно сдѣлать, азбука обойдется въ 40—50 копеекъ.

Третье качество „новой“ азбуки, сообщающее ей достоинство примирающей всеобщности, заключается въ томъ, „что она даетъ наибольшее количество *понятнаго* матеріала, расположеннаго въ такій правильной постепенности отъ простаго и легкаго къ сложному, чтобы постепенность эта служила главнымъ средствомъ обученія чтенію и письму по какому-бы то ни было способу“. Все это подлинныя слова гр. Толстаго. Чтобы достигнуть своей цѣли, составитель азбуки подбираетъ, какъ онъ говоритъ, все слова *понятныя*, „всѣ произносящіяся такъ, какъ они пишутся, и всѣ расположенныя по ударенію, для того, чтобы ученикъ узнавалъ значеніе каждаго прочитаннаго слова и могъ-бы писать ихъ подъ диктовку; потомъ составлены соединенія изъ самыхъ простыхъ словъ, потомъ болѣе сложные слова и болѣе сложные соединенія изъ нихъ, переходящія въ басни, сказки и рассказы. Рассказы, басни и сказки составлены такъ, чтобы ученикъ могъ безъ наводящихъ вопросовъ рассказать прочитанное, и потому статьи эти могли-бы быть употребляемы для упражненія учениковъ въ самостоятельномъ чтеніи и для диктовки“. Въ этихъ словахъ дѣйствительно видно желаніе сдѣлать „Новую азбуку“ всеобщей и примирить петровскій букварь съ требованіями новыхъ педагоговъ. Составитель хочетъ расположить слова въ постепенности отъ легкаго къ трудному, къ чему, если и не съ такимъ усиліемъ, стремилась и старинная азбука, начинавшаяся, какъ извѣстно, со складовъ; но затѣмъ составитель желаетъ дать матеріалъ понятный, и понятный до того, чтобы ученикъ безъ наводящихъ вопросовъ могъ рассказать прочитанное. Посмотримъ!

Съ третьей-же страницы, гдѣ начинаются первыя слова, гр. Толстой заставляеть ученика читать: Аня, чѣки, фертъ, херь, эти, Феня, Упа, лжи, ржи, тку, ржа, объ, Провъ, чинъ, рабъ, сѣръ, ноль, шаль, тежь, земь, франтъ, бантъ, кантъ,

скорбь, злѣй. Всѣ эти слова совершенно непривычны для дѣтскаго уха и совершенно новы. Конечно, народный языкъ отличается малымъ количествомъ словъ и въ лексиконѣ русскаго простолюдина едва-ли наберется ихъ больше 400. Ясно, что претендовать на то, чтобы деревенскому мальчику давались все слова понятныя, невозможно, и грамота, знакома ребенка съ новыми словами, вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить его съ новыми понятіями. Но вѣдь въ новыхъ словахъ должна быть извѣстная постепенность, извѣстный порядокъ въ ихъ доступности. Исполняется-ли это гр. Толстой и точно-ли отъ простаго и легкаго онъ идетъ къ сложному и точно-ли у него подобраны уже *сначала* слова все понятныя? Гр. Толстой думаетъ, что у него слова расположены такъ, что ученикъ узнаетъ значеніе каждаго. Но что значить *Аня*, что значить *чеки*, что значить всѣ остальные слова, которыя мы выписали? Чтобы не ставить ребенка въ затрудненіе, гр. Толстой даетъ на нѣкоторыя слова объясненія. Такъ ребенокъ, прочитавъ непонятное для него *Упа*, читаетъ затѣмъ— „*Упа рѣка*“. Прочитавъ—*лжи*, ребенокъ находитъ пояснительную фразу—*Не ми и не ври*; но прочитавъ *ржи*, *тку*, *ржа*, ученикъ не находитъ никакихъ объясненій, не находитъ его и на *чти*, хотя на *рви*, *ти*, онъ читаетъ: *Я рву дули, я тку липу*. На слова *обз*, *Провз*, *чинз*, *рабз* „Новая азбука“ не даетъ никакихъ соответственныхъ поясняющихъ фразъ. Если ребенка учить отставной солдатъ, по старой петровской методѣ, то, конечно, ученикъ не посмѣетъ спросить своего профессора, что значить *обз*, *Провз*, *рабз*, а если-бы и отважился, то получилъ-бы объясненіе развѣ только на слово *чинз*. Но такъ-какъ букварь гр. Толстаго назначается для всеобщаго примиряющаго употребленія, и учитель, слѣдующій бунаковской методѣ, или мать, учащая сама своего ребенка, позволяютъ дѣлать вопросы, то дѣтское желаніе узнать, что значить *обз*, *Провз*, останется конечно, неудовлетвореннымъ, а относительно отвлеченнаго понятія *чинз* объясненіе будетъ, конечно, недостаточно. Слово *младз* гр. Толстой объясняетъ такимъ нравоученіемъ: „Не то дурно, что дѣдъ старъ и слабъ, а то дурно, что внукъ *младз* и глупъ“. Слово *спрз* осталось необъясненнымъ. *Ноль*, *шаль*, *тежь*, *земь* „Новая азбука“ тоже не поясняетъ, хотя слова рядомъ съ ними стоящія и несомнѣнно ясныя ею пояснены: руби *пень*, *кинъ*

сѣтъ. *Франтъ, бантъ, кантъ, скорбь* остались тоже необъясненными; тоже и съ словомъ *зай*, а на *чей* ребенокъ читаетъ: „Ты *чей*? Я *свой*“. Или *чей* менѣе понятно, чѣмъ *скорбь*?

Составителю „Новой азбуки“ всѣ слова кажутся, конечно, простыми и доступными, и если онъ не дѣлаетъ поясненія на каждое слово, то только потому, что предоставляетъ объясненіе учителю; но едва-ли это возможно: отставной солдатъ и грамотная попадьа или не позволяютъ ребенку пускаться въ вольнодумные вопросы, или сами не поймутъ словъ, заключающихъ въ себѣ отвлеченныя мысли, а если ихъ поймутъ и объяснить, то не поймутъ ихъ объясненія дѣти. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ пояснять дѣтямъ, особенно деревенскимъ, понятія отвлеченныя и слова, выражающія чувства, дѣтямъ еще недоступны. Конечно, въ „Новой азбукѣ“ найдется множество словъ, которыхъ поясненіе не встрѣтитъ особенныхъ затрудненій, напримеръ *бантъ, франтъ, кантъ*, но и съ этими объясненіями слова эти все-таки не представятъ для дѣтей никакого интереса. Зачѣмъ-же такія слова?

Вообще отъ азбуки гр. Толстаго вѣдетъ какинъ-то классическимъ стоицизмомъ, сухостью и скукой. Фразы, которыми начинается первое чтеніе, конечно, всѣ болѣе или менѣе понятны, напримеръ: „мука была *сыра*“, „дуга была *тута*“, „Пана мыла *щеки*“; но всѣ эти фразы необыкновенно скучны и однообразны, нѣтъ въ нихъ ничего оживляющаго, нѣтъ ничего, дѣйствующаго на дѣтское чувство, вызывающаго улыбку, затрогивающаго душу. Цѣлыхъ 15 страницъ выполнены у гр. Толстаго фразами въ родѣ слѣдующихъ: „У Маши ноги *были босы*“, „У гуся лапы *были сини*“, „Вася и Таня *были малы и были милы*“, „у Тани *было горе*“, „Бусы *были милы*“, „При намъ я *была мила три дня*“. Ужъ не говоря о томъ, что злополучное *были* вовсе не русскій оборотъ и народомъ вовсе не употребляется, но мы не можемъ понять, въ чемъ интересъ подобныхъ фразъ и что узнаетъ ребенокъ, прочитавъ: „Было *лѣто, пала зима*“, „Я *жму руку*“, „И я *иду туда*“, „У Кати силы *болтъ*, а у Вани силы *нѣту*“, „Я *вижу сны про Машу*“. Если-бы гр. Толстой хотѣлъ дать дѣтямъ дѣйствительный матеріалъ, то, конечно, онъ не затруднился-бы присканіемъ его и не заставлялъ-бы деревенскихъ 8-лѣтнихъ мальчиковъ читать: „Были

у кувын юбки, кофты, чулки, платки, были даже гробни, щетки, бусы". Онъ не рассказывалъ-бы имъ, что „служанка вышела горницу, кухарка варила яйца“, „Одинъ годъ весь вѣкъ заѣлъ“, „Богачу жалко корабля, бѣдняку жалко костыля“. Просматривая понятныя и доступныя слова азбуки гр. Толстаго, мы рѣшительно недоумѣваемъ его злополучному подбору словъ, выраженій и понятій. Гр. Толстой, этотъ чистый народникъ, ратующій за народъ и въ своихъ романахъ, и своихъ статьяхъ, точно отрещивается отъ того-же самаго народа, которому онъ столько лѣтъ служилъ, и даже не хочетъ писать простыми народнымъ языкомъ, которымъ такъ хорошо владѣетъ. Гр. Толстой, обличившій педагоговъ и поднявшій ихъ на смѣхъ за нѣмецкій педантизмъ, самъ поступаетъ едва-ли не хуже. Пусть катехизация глупа и смѣшна; но неужели гр. Толстой не знаетъ, что она въ народныхъ школахъ вовсе не практикуется? Давал свою „Новую азбуку“, гр. Толстой жалалъ, конечно, противодѣйствовать затуманивающему влiянiю нѣмецкаго педантизма; и что-же графъ далъ для оживленiя дѣтскаго вниманiя, что онъ даетъ для развитiя понятiй? Онъ даетъ не больше, какъ старинный букварь, необыкновенно монотонный и однообразный, надъ которымъ заснетъ всякiй ребенокъ. Да, картинки—роскошь! Такая-же роскошь, конечно, и интересное чтенiе, а не роскошь только скука. А между тѣмъ чего стоило гр. Толстому воспользоваться пословицами и поговорками хотя извѣстнаго ему сборника Дала? Въ сборникѣ есть масса постепенныхъ короткихъ фразъ, всегда живыхъ и вѣстныхъ, которыя могли-бы служить превосходнымъ матеріаломъ для чтенiя. У насъ нѣтъ подъ руками Дала и мы вовсе не ручаемся за то, что поговорки, которыя мы приведемъ на память, наиболее подходящiя для первоначальнаго чтенiя. Мы укажемъ на нихъ только для того, чтобы читатель самъ убѣдился, на-сколько русскiя пословицы и поговорки служатъ лучшимъ матеріаломъ для чтенiя, чѣмъ фразы гр. Толстаго. Вотъ фразы „Новой азбуки“: „Я мажу дядѣ рану на рукѣ, я лечу ему рану“, „Мнѣ дали чаю, а для тебя нѣту“, „Саян были на низу“ и т. д. А вотъ поговорки Дала: „Изъ-за куста и ворона остра“, „И куликъ на своемъ болотѣ великъ“, „Коси коса, пока роса“, „Не поле кормить—нива“, „Сова и по полету такова“, Зелена трава—недалеко вода“, „Носъ

дологъ, голосъ звонокъ (кошаръ)“, „Красна ягода, да на вкусъ горька (рябина)“, „Ловить волкъ, ловятъ и волка“, „Не для лѣта изба рубится—для зимы“, „Трясетъ козелъ бороду, такъ привыкъ съ молоду“, „Осина и безъ вѣтра шумитъ“, „Тихъ, да лихъ“, „Дали орѣховъ бѣлѣ, когда зубовъ не стало“, „И муха укуситъ, такъ вспухнетъ“, „Щетинку въ вудри не завьешь“, „Стоитъ бычище, проклеваны бочища“, „Грачъ соколу добыча, а лягушка воронѣ“, „Кошку что больше гладить, то больше хвостъ дереть“. Есть-ли что-нибудь подобное въ фразахъ гр. Толстаго? Отъ его матеріала вѣтъ не Русью, а тою-же самой нѣметчиной, за которую онъ укоряетъ педантовъ-педагоговъ, съ тою только разницею, что гр. Толстой, точно намѣренно, изобличивъ другихъ, даетъ самъ чисто не русскій матеріалъ. Какая разница съ „Роднымъ словомъ“ Ушинскаго! Конечно, въ „Родномъ словѣ“ много роскоши, потому что если въ немъ помѣщается рассказъ о лвъ, то левъ и нарисованъ, если рассказывается про обезьяну, то обезьяна и нарисована. Въ „Родномъ словѣ“ нѣтъ непонятныхъ словъ, нѣтъ ни *ми*, ни *ржи*, ни *Провъ*, ни *младъ*, ни *злѣи*, а если попадаются непонятныя слова, то за ними слѣдуютъ понятныя объясненія, которыя, несмотря на то, что азбука составлена не по *новой методѣ*, могутъ быть объяснены всякимъ солдатомъ, всякой грамотной бабой, потому что всѣ эти фразы и слова чисто-русскія, народныя, доступныя и понятныя. „Родное слово“ Ушинскаго дѣйствительно родное слово; что онъ объясняетъ, то онъ и даетъ. Ушинскій считаетъ родной языкъ центральнымъ знаніемъ,—знаніемъ, которое, такъ-сказать, залагаетъ въ ребенкѣ чувство родины и одухотворяетъ его народность. Поэтому Ушинскій, даже пользуясь и иностраннымъ матеріаломъ, всегда умѣетъ придать ему чисто-русскій оттѣнокъ. Всякая фраза говоритъ или чувству, или уму; въ ней есть всегда интересъ; она всегда возбуждаетъ вниманіе, и дѣти, учащіяся читать по „Родному слову“, чувствуютъ себя легко и весело, они оживлены, въ нихъ является охота. Но „Новая азбука“ гр. Толстаго наводитъ необыкновенную скуку, ибо представляетъ матеріалъ исключительно механическій; и въ этомъ отношеніи она почти ничѣмъ не отличается отъ прежнихъ азбукъ, не отличается отъ нихъ даже и складами, которые вы найдете на 4-й страницѣ.

Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что все, что мы го-

ворникъ, извѣстно гр. Толстому не хуже насъ, и если онъ все это знаетъ, то ясно, что ему нужно было дать не то, о чемъ мы говоримъ, а нѣчто другое. Гр. Толстому хотѣлось въ своей азбукѣ примирить всѣ методы обученія, и ему показалось, что для этого достаточно написать азбуку съ обозначеніемъ произношеній по существующимъ тремъ методамъ. Но мы уже говорили, что подобныя примиренія не примиряютъ ничего, что каждый учитель, указывая на букву, заставитъ ребенка произнести ее такъ, какъ она произносится по практикуемому учителемъ методу; поэтому ясно, что въ принятомъ гр. Толстымъ распредѣленіи произношеній нѣтъ никакой нужды. Для удешевленія азбуки гр. Толстой не помѣстилъ въ ней никакихъ картинокъ и называетъ ихъ роскошью; но въ такомъ случаѣ гр. Толстому не слѣдовало помѣщать словъ непонятныхъ, а если онъ ихъ помѣстилъ, то оказывается или непослѣдовательнымъ, или заставляетъ купить еще и картинки, что составляетъ вторую непослѣдовательность. Для того же удешевленія гр. Толстой не помѣщаетъ прописей, потому что ихъ можно купить за 3 копейки. Но если на нихъ неизбѣжно истратитъ 3 копейки, зачѣмъ гр. Толстой не присоединилъ ихъ къ 14 и не далъ азбуки съ прописями? Такимъ образомъ, преимущества „новой“ азбуки, указываемыя гр. Толстымъ, оказываются неисполненнымъ обѣщаніемъ. А здѣсь-то именно, то есть на дешевизнѣ и, такъ-сказать, на внѣшней сторонѣ азбуки гр. Толстому было легче всего примирить старую Россію съ новой и соединить петровскій букварь съ новой азбукой.

Но большое мѣсто „Новой азбуки“ не въ этомъ. Ея большое мѣсто начинается тогда, когда гр. Толстой хочетъ примирить понятія. Слова и механизмъ примирить еще можно, тѣмъ болѣе, что ихъ и примирять-то не нужно; но понятія примирить труднѣе и петровской азбукой не удовлетворишь новѣйшимъ требованіямъ. Петровская азбука не идетъ дальше простой грамоты и механическаго обученія и не разбираетъ того, что читаетъ ребенокъ, только-бы онъ складывалъ и читалъ. Новѣйшая метода требуетъ прежде всего *развитія*. И вотъ, приирая, гр. Толстому пришлось искать точку для компромиса и онъ, увы! этой точки не нашелъ. Наши педагоги нѣмецкой школы, конечно, больше смѣшавъ своими попытками *развивать*; но если гр. Толстой умѣлъ такъ хорошо изобличить ихъ, если онъ такъ хорошо понимаетъ,

что употребляемый ими методъ совсѣмъ не отвѣчаетъ ни русскому складу ума, ни русскому здравому смыслу, то вѣдь онъ, конечно, понимаетъ, что въ этомъ виновато не теоретическое требованіе педагогики, а виновата неудачная практика и неумѣлость. Поэтому гр. Толстому представляется прекрасный случай дать въ замѣнъ механической катехизаціи педагоговъ - педагоговъ что-нибудь такое практическое и примиримое, что дѣйствительно развивало-бы понятіе дѣтей и что вѣсть съ тѣмъ дало-бы нашимъ народнымъ школамъ новое развивающее, всеобщее доступное и всеобщее полезное чтеніе. Вмѣсто того, чтобы дать подобный матеріалъ, гр. Толстой обходитъ пословицы, поговорки, загадки, точно ихъ и нѣтъ на свѣтѣ, точно онѣ не матеріалъ для чтенія, точно онѣ не представляютъ жизненнаго и понятнаго дѣтямъ интереса, и вмѣсто подобнаго матеріала даетъ матеріалъ космополитическій. Тутъ одно изъ двухъ: или гр. Толстой, не раздѣляя мнѣнія новыхъ педагоговъ, особенно накиннувшихся на пословицы и поговорки, желалъ дать что-нибудь *свое*, на другія азбуки рѣшительно непохожее, или-же онъ считалъ пословицы, поговорки и загадки матеріаломъ неподходящимъ. Въ первомъ случаѣ составитель азбуки изъ нежеланія идти чужимъ путемъ всталъ на старую дорогу и даетъ букварь, составленный по той теоріи, которая не знала новаго матеріала, даетъ букварь по образцу всѣхъ издававшихся раньше; а во второмъ случаѣ, то-есть не признавая пословицъ матеріаломъ, гр. Толстой едва-ли смотритъ на вопросъ правильно.

Нѣтъ, загадки, пословицы и поговорки — не вздоръ. Если у гр. Толстаго есть опытъ, то и мы можемъ сослаться на подобный-же. Весьма вѣроятно, что, съ своимъ педагогическимъ тактомъ, гр. Толстой, уча лично, сумѣетъ возбудить вниманіе дѣтей, сумѣетъ ихъ согрѣть и воодушевить и заставить полюбить грамоту. Подобнымъ-же педагогическимъ тактомъ можетъ обладать и всякая мать, потому что она любитъ своего ребенка и умѣетъ и поберечь его, и приласкать, и занять. Но обыкновенные школьные учителя вовсе не такіе педагоги; у. отставнаго солдата и у пономаря нельзя надѣяться найти педагогическій тактъ; едва-ли онъ найдется и у каждаго изъ народныхъ учителей, учившихся въ учительскихъ семинаріяхъ. Большинство учителей даже самое интересное чтеніе сумѣютъ сдѣлать скучнымъ и возбужда-

нѣтъ дѣтское вниманіе не столько интересно, сколько принужденіемъ и страхомъ. Единственнымъ противѣсомъ подобному строгому личному отношенію учителя является интересъ самаго матеріала; а въ такомъ случаѣ тотъ міръ идей, понятій и чувствъ, которыя возбуждаютъ народныя поговорки, пословицы и загадки, ужь, конечно, выше интереса матеріала, предлагаемаго „Новой азбукой“. Мы не отрицаемъ, что матеріалъ азбуки понятенъ. Ребенокъ, прочитавъ: „Люби, Ваня, Машу“, „Люби, Маша, Ваню“, „Руби эти ели“, конечно, пойметъ, что онъ читаетъ; будетъ ему понятно и то, что „тетя била Петю“. Но читая цѣлые десятки страницъ подобныхъ фразъ, ребенокъ, наконецъ, положительно захочетъ звать, потому что во всей этой монотонности нѣтъ рѣшительно ничего, что-бы щекотало, возбуждало и интересовало дѣтскую мысль. Одолевъ съ великимъ трудомъ 16 страницъ подобнаго чтенія, хотя и *понятнаго*, но не дающаго никакихъ понятій, ребенокъ будетъ чувствовать себя въ такомъ-же положеніи, въ какомъ чувствуетъ человѣкъ, просидѣвшій цѣлый вечеръ въ обществѣ болтуновъ—говорилось много, повидному, обо всемъ, но въ концѣ-концовъ результата никакого и остается впечатлѣніе одного безсодержательнаго шума.

Можно даже подумать, что гр. Толстой намѣренно выстраивалъ то, что новыя школьныя педагоги зовутъ развитіемъ. Онъ какъ-бы боялся, что бузварь его въ рукахъ отставнаго солдата и пономаря или другого подобнаго учителя можетъ послужить поводомъ къ какому-нибудь ошибочному, личному, произвольному или одностороннему вліянію. Гр. Толстой, сколько мы знаемъ его по его романамъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые въ народѣ видятъ самостоятельную силу, развивающуюся правильно и безошибочно изъ своихъ собственныхъ, повидному безсознательныхъ основъ. Мысль эта, конечно, правильная, если ее освободить отъ того отбѣна мистицизма и фатализма, который ей придаютъ послѣдователи теорій, раздѣляемой гр. Толстымъ. Чтобы по-возможности предохранить дѣтей отъ подобнаго насильственно вѣдряющаго вліянія, гр. Толстой даетъ матеріалъ, лишаящій учителей возможности мѣшать самостоятельному воспитанію ребенка фатализмомъ окружающей его среды. Можетъ быть, мы ошибаемся, дѣлая подобное заключеніе; но, во-первыхъ, оно не противорѣчитъ общему взгляду гр. Толстаго на народъ; а во-

вторыхъ, оно является подъ общимъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ „Новой азбукой“. Во всѣхъ фразахъ азбуки ребенокъ находитъ только *дѣйствиіе* и ничего, затрагивающаго его мысль и чувство. „Иди, Митя уже у мамы на печи“, „Не шуми, Ваня, не буди дядю, а сиди тихо“, „Батя дала руку Ванѣ“, „У Кати силы болѣ, а у Вани силы нѣту“, „Сини съ полки шапку“, „Мужики ходили далеко на работу“, „Барыня купила у мужика чернаго пѣтуха“, „Купчиха наняла мужика въ кучера“, „Мужики убили вилани одного волка“. И все въ этомъ родѣ. Конечно, изъ подобнаго матеріала самый тенденціозный педагогъ не выжметъ ничего развивающаго; но вѣдь за то и дѣти не внесутъ никакого новаго знанія и прочитаютъ букварь гр. Толстаго, хотя и приобретутъ механическое знаніе чтенія, но другого свѣта не внесутъ.

Но возможно-ли миновать развитіе? Мы просимъ понимать это слово не въ томъ смѣшномъ смыслѣ, какой придали ему педагоги-педагоги, развивающіе дѣтей вопросы въ родѣ того, что „курица покрыта перьями, а лошадь?..“ Мы знаемъ, что дѣтскую душу, какъ и душу взрослого человѣка, нельзя размежевать на клѣточки; это можно сдѣлать логически, но нельзя сдѣлать психологически. Логически можно изолировать и человѣческія способности, и разсуждать какъ объ отдѣльныхъ, независимыхъ силахъ о воображеніи, о памяти, объ умѣ. Въ живомъ человѣкѣ всѣ его способности связываются въ одно неразрывное цѣлое, что и формируетъ такъ-называемую душу. Слѣдовательно, какой-бы матеріалъ ни воспринималъ ребенокъ, во всякомъ онъ найдетъ психологическій моментъ и во всякомъ будетъ заключаться для него какое-нибудь психологическое приобретеніе. Вотъ это и есть развитіе. Его нельзя ни миновать, ни устранить, его нѣтъ дѣтская душа, и если она еще на-столько слаба, что неспособна дѣлать выводовъ, то, конечно, почувствуетъ себя въ какомъ-то узкомъ и темномъ переулкѣ и заскучаетъ отъ однообразнаго, невозбуждающаго ее впечатлѣнія. Такого рода всѣ фразы гр. Толстаго, которыхъ мы приводили уже довольно; но приводимъ еще разъ: „Катѣ дали мыло“, „Она мыла лицо и шею“, „Суши ноги на печи“. Это, такъ-сказать, констатированіе извѣстныхъ фактовъ, изъ которыхъ нельзя еще сдѣлать никакого логическаго вывода, потому что они заключаютъ въ себѣ лишь

первую логическую посылку и потому силогизмъ оказывается невозможнымъ. Не сбѣйтесь, что мы говоримъ о силогизмѣ, свершающемся въ дѣтской головѣ. Даже г. Чистяковъ въ своемъ „Курсѣ педагогики“ призналъ его законность и даже приводитъ нѣсколько примѣровъ бессознательнаго дѣтскаго мышленія, путемъ чистыхъ рефлексовъ.

Если-бы гр. Толстой былъ послѣдователемъ и хотѣлъ-бы спасти деревенскихъ дѣтей отъ всякаго произвольнаго внѣдренія въ ихъ душу такъ-называемыхъ *развивателей*, то ему слѣдовало-бы остановиться на первыхъ послышкахъ. Никакое развитіе не было-бы тогда возможно, потому что для него не существовало-бы логическаго матеріала. Конечно, буквварь гр. Толстаго служилъ-бы тогда исключительно для одной грамоты, но за то и все то, что говорить гр. Толстой о достоинствѣ своего букввара, было-бы вполне неоспоримо. Въ такомъ матеріалѣ для чтенія и картинки оказались-бы роскошью, и прописной шрифтъ ненужнымъ, азбука занимала-бы всего какихъ-нибудь 20 страницъ, стоила-бы копеекъ 5 и служила дѣйствительно матеріаломъ для чисто-механическаго чтенія. Конечно, она была-бы еще скучнѣе, чѣмъ теперь, но за то противъ нея нечего было-бы сказать. Но гр. Толстой, не допуская развитія, въ то-же время не устоялъ на своей мысли и, не ограничившись первыми послышками, пошелъ дальше и этимъ самымъ далъ матеріалъ для дѣтскаго мышленія и матеріалъ для развитія. Какой-же это матеріалъ? Гр. Толстой называетъ свой матеріалъ *понятнымъ* и *хорошимъ* и достоинство его видитъ въ томъ, что ученикъ безъ наводящихъ вопросовъ можетъ рассказать прочитанное; но вѣдь рассказать можно то, что понимаешь, а понимать—значить усвоить какія-нибудь ясныя представленія. Въ азбукѣ есть простой фактичекій рассказъ о томъ, какъ дѣти задумали пустить змѣй. Взяли они клей, дражки, склеили змѣй и пошли въ поле; но въ полѣ вѣтра не было; Ваня было-побѣжалъ со змѣемъ, но змѣй вверхъ не пошелъ. Дѣти стали дуть подъ змѣя, а змѣй сѣлъ на землю и ни съ мѣста. Будете вы развивать или не развивать ребенка, заставите его рассказать этотъ случай со змѣемъ какъ простой фактичекій рассказъ—это рѣшительно все равно и очень многія дѣти, рассказывая, не уйдутъ дальше голаго изложенія фактовъ. Но ужь, конечно, найдется на половину дѣтей, которыя, рассказывая,

и подумаютъ. А подумавъ, ребенокъ рѣшитъ, что для змѣя нуженъ вѣтеръ. Можно-ли поэтому выстраить при чтеніи развитіе, можно-ли заставить людей не думать, когда думается? И оставаясь послѣдовательнымъ и не довѣряя никакимъ педагогамъ, ни новымъ, ни старымъ, гр. Толстой могъ-бы помѣстить рассказы, которые, служа въ одно время матеріаломъ чтенія, вмѣстѣ съ тѣмъ служили-бы и фактическимъ матеріаломъ для голыхъ выводовъ чистаго знанія. Но подобныхъ рассказовъ у гр. Толстаго, кажется, всего одинъ. Всѣ остальные покушаются болѣе или менѣе зализать въ дѣтскую душу, затрогиваютъ ее съ разныхъ сторонъ и служатъ такимъ матеріаломъ, что съ ними уже и самъ гр. Толстой является тенденціознымъ развивателемъ. По словамъ гр. Толстаго, его рассказы, басни и сказки составлены такъ, что ученикъ безъ наводящихъ вопросовъ можетъ рассказать прочитанное, и служить голымъ матеріаломъ для упражненія учениковъ въ самостоятельномъ чтеніи и диктовкѣ. Мы-же думаемъ, что матеріалъ этотъ самъ по себѣ, по своему содержанию, приводитъ неизбежно извѣстное точное впечатлѣніе, а потому и долженъ вести къ опредѣленнымъ, точнымъ представленіямъ. Представленія эти могутъ быть иногда сбивчивы, иногда неясны, иногда неточны и невѣрны, но они всегда есть и неизбежны. Вотъ Маша, очень маленькая дѣвочка, вздунала угощать гостей чаемъ. „Она взяла чайникъ, ручка была горяча. Маша уронила изъ рукъ чайникъ и разбила его, и себя, и другихъ обожгла“. Правоучительный выводъ, который сдѣлаетъ ребенокъ, если онъ способенъ на обобщеніе, будетъ тотъ, что маленькимъ дѣтямъ горячихъ чайниковъ брать нельзя. Старый дѣдъ полѣзъ на печку и не могъ; внуку это стало смѣшно. „Не то дурно, что дѣдъ старъ и слабъ, а то дурно, что внукъ младъ и глухъ“. Правоучительный выводъ дѣлаетъ уже сама азбука, а ребенокъ получаетъ готовое умозаключеніе.

Была гроза. Саша со страху залѣзъ въ шкапъ. Въ шкапу было темно и душно и Саша не слышала, прошла-ли гроза. „Сиди, Саша, всегда въ шкапу за то, что ты трусъ“. Опять готовое правоученіе.

У Миши былъ кнутъ. Кнутомъ онъ билъ всѣхъ и разъ билъ имъ конку няни. „Пришла няня, взяла у Миши кнутъ и била Мишу за то, что онъ билъ золь“. Этой морали мы не пони-

наемъ. На ту-же тему есть разсказъ о зломъ быкѣ. Мимо злого быка никто не смѣлъ идти. Разъ дѣдъ гналъ быка въ стадо. Быкъ сбиль дѣда и смаль. Послѣ этого дѣдъ скоро умеръ. „Тогда взяли быка, свели на дворъ и били быка по лбу до тѣхъ поръ, пока быкъ палъ“. Мораль ясна, но неужели гр. Толстой хотѣлъ сказать, что злыхъ дѣтей и быковъ слѣдуетъ бить?

Мышь грызла полъ и прогрызла щель. Мышь прошла въ щель и нашла много ѣды. Но мышь была одна и ѣла такъ много, что у ней брюхо стало полно. „Когда спалъ день, мышь пошла къ себѣ, но брюхо было такъ полно, что она не прошла въ щель“. Умный ребенокъ только подумаетъ, что мышь была глупа, а гр. Толстой хотѣлъ не этого.

У Вари жилъ въ клѣткѣ чижъ и ни разу не пѣлъ. „Пора тебѣ, чижъ, пѣть“, сказала Варя птицѣ. „Пусти меня на волю, на волѣ буду весь день пѣть“, отвѣчалъ чижъ. Или худой волкъ ходилъ подлѣ деревни и встрѣтилъ жирную собаку. Разговорившись съ нею, онъ узналъ, что собаку кормятъ за ея службу. И вотъ ему захотѣлось идти къ людямъ, чтобы служить. Сталъ волкъ уже въ ворота входить и увидѣлъ у собаки стертую шею, и узналъ, что это отъ дѣви. „Не пойду къ людямъ жить. Пускай не такъ жиренъ буду, да на волѣ“, сказалъ волкъ и ушелъ. Это очень старая мораль изъ очень старыхъ басенъ. И мораль ни къ чему неведущая. Истиннаго понятія дѣтямъ о волѣ вы не дадите, а сказочное дается давно, да только ни къ чему не ведетъ. Въ томъ-то и задача дѣтскаго воспитанія, чтобы не затрогивать такихъ понятій, которыя дѣтямъ недоступны, и говорить съ ними только о томъ, что они могутъ вполне усвоить. Болтуновъ, говорящихъ одними красивыми словами, мы воспитали довольно и въ нашей интеллигенціи. Оставьте въ покоѣ деревенскихъ дѣтей и не кормите ихъ ненужными баснями.

Гр. Толстой смотритъ на басню нѣсколько иначе. Конечно, вопросъ о пользѣ басни еще не рѣшенъ ни старыми, ни новыми педагогами, хотя бесполезность ихъ правоученія была разоблачена еще Жанъ-Жакомъ Руссо. Есть всѣмъ извѣстная сказка о „Стрекозѣ и муравьѣ“. Она написана для того, чтобы показать, насколько трудолюбіе выше праздности. Но какъ всякая палка о двухъ концахъ, то и съ басней о „Стрекозѣ и муравьѣ“ случилось то-же, что съ разсказомъ гр. Толстаго о жадной мышѣ.

Конечно, позорно быть лѣнливой стрекозой, но ужь будто такое достоинство быть жестокосерднымъ муравьемъ! Мышь гр. Толстаго оказалась жадной; но если-бы она прогрызла дырку побольше, ее въ жадности никто-бы не обвинилъ. Слѣдовательно, мышь была только непредусмотрительна. Человѣчество читаетъ басни со временъ Эзопа, но никто отъ нихъ не сдѣлался еще умнѣе. Педагоги думаютъ, что басни—интересное чтеніе и что онѣ вліяютъ моральнымъ образомъ на дѣтей. Но есть кромѣ книжной морали, дѣйствующей правоученіемъ, живая мораль, которую не признаютъ книжники. Живая мораль дѣйствуетъ своимъ общимъ тономъ, производя хорошее душевное впечатлѣніе, и ее не создашь такими баснями, какъ рассказъ о бѣлкѣ и волкѣ, приводимый гр. Толстымъ. Волкъ спросилъ бѣлку, отчего она всегда такъ весела, и бѣлка ему отвѣтила: „Тебѣ злость сердце точить, а мы веселы потому, что добры и никому зла не дѣлаемъ“. И вы думаете, что дѣти станутъ отъ этого добрѣе? Для чего-же вы привели этотъ рассказъ? И такихъ басенъ съ чисто-правоучительною цѣлью у гр. Толстаго не мало. Но что удивительнѣе всего, гр. Толстой пользуется иностранными источниками. Такъ, пришла разъ мышь въ гости къ лягушкѣ. Мышь ползла въ воду и на-силу жива вонъ вылѣзла. Казалось, и ясно-бы, въ чемъ дѣло; но мораль басни гласитъ: „Никогда не ходи въ гости къ чужимъ людямъ“. Дрались два пѣтуха у навозной кучи. Одинъ побилъ другого и сталъ послѣ этого хвастать. Прилетѣлъ орелъ, сбилъ пѣтуха и унесъ въ свое гнѣздо. „Не хвастай“. „Стало мышамъ жить плохо отъ kota...“ И затѣмъ слѣдуетъ извѣстный рассказъ о томъ, какъ мыши хотѣли подвязать коту боловольчикъ. Мы боимся обременять читателя и не приводимъ больше примѣровъ, потому что и этихъ довольно для того, чтобы видѣть, на-сколько „Новая азбука“ страдаетъ какими-то старымъ духомъ и, устраниаясь отъ того матеріала, которымъ пользовались Ушинскій, г. Водовозовъ и даже г. Паульсонъ, даетъ матеріаль какой-то европейскій, переводный, нѣмецко-французскій и даже космополитическій.

„Новая азбука“ помѣщаетъ, между прочимъ, у себя извѣстную французскую сказку о Красной Шапочкѣ. Эта сказка извѣстна всѣмъ образованнымъ дѣтямъ и до сихъ поръ миновала еще народную школу. Гр. Толстой хочетъ ввести ее и туда. Скажите,

для чего? Въ чемъ соль и нравоученіе этой сказки? Самъ гр. Толстой на 58-й страницѣ заставляетъ дѣтей читать: „Про вѣдьмъ только слышать, а никто ихъ не видитъ“, и въ то-же время въ „Красной шапочкѣ“ рассказываетъ такую исторію, которая хуже всякаго суевѣрія. „Красная шапочка“ сказка французская, очень во Франціи популярная и очень нравится дѣтямъ; но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ и создавать ей популярность между русскими дѣтьми нѣтъ никакой причины. Въ сказкѣ этой, какъ всѣмъ извѣстно, рассказывается о волкѣ, который заѣлъ бабушку, а самъ надѣлъ ея платокъ на голову и легъ въ постель. Красная Шапочка не сумѣла отличить волка отъ бабушки и погибла. Вотъ и все. Маленькихъ дѣтей „Красная шапочка“ очень пугаетъ, нервныя дѣти положительно ея не выносятъ, какъ они не выносятъ страшныхъ сказокъ, такъ роскошно изданныхъ г. Полевымъ. Мы знаемъ случаи, когда даже десятилѣтніе мальчики послѣ страшныхъ сказокъ не могутъ спать и обливаются холоднымъ потомъ. Впрочемъ, вопросъ о вредѣ страшныхъ сказокъ на-столько рѣшенъ, что подымать его и говорить о немъ серьезно, а тѣмъ болѣе пространно, едва-ли нужно. Мы изумляемся только гр. Толстому, которому, конечно, извѣстенъ сборникъ сказокъ Афанасьева, сказокъ со смысломъ, сказокъ дѣйствительно интересныхъ, а главное—вполнѣ русскихъ, въ чисто-народномъ духѣ. Въ сравненіи съ сказками Афанасьева „Красная шапочка“—чистое безобразіе, и среди другихъ рассказовъ „Новой азбуки“ является какой-то ненужной заплаткой. Мы не думаемъ, чтобы гр. Толстой могъ доказать логическую необходимость „Красной шапочки“ въ его „Новой азбукѣ“.

Не желая, конечно, воспитывать народъ въ суевѣрія, гр. Толстой въ то-же время рассказываетъ объ одной женщинѣ, у которой умерла дѣвочка Анночка. Мать съ горя не пила, не ѣла и три дня и три ночи плакала. На третью ночь мать уснула и видитъ во снѣ, что къ ней вошла Анночка съ кружечкой въ рукѣ. „Зачѣмъ это у тебя кружечка?“ спрашиваетъ мать. „А я въ эту кружечку, мамочка, всѣ твои слезы собрала, отвѣтила дочка.—Видишь, кружечка верхомъ полна, не плачь больше. Если ты еще по мнѣ плакать будешь, то лишнія слезы черезъ край на землю падутъ и тогда мнѣ на томъ свѣтѣ дурно будетъ“. Гр. Толстой, подумайте, что вы говорите! вѣдь на вашу мысль

можно написать цѣлую статью въ опроверженіе. Какой смыслъ у нея? Что мать не должна плакать о своемъ ребенкѣ, и за то, что она плачетъ, дитя попадетъ въ адъ? Или-же не слѣдуетъ плакать потому, что слезами горю не поможешь? Но такъ-какъ не всякаго убѣдишь этимъ доводомъ, то реакціей противъ бесполезно убивающагося горя вы выставляете чувство страха? Но развѣ это не суевѣріе? Развѣ ваша постановка вопроса оказывается правильной и съ точки зрѣнія православнаго ученія? Зачѣмъ-же эта путаница? Ужъ если рассказывать о томъ, что иногда видится во снѣ, то гр. Толстому слѣдовало-бы рассказать и „Красную шапочку“ въ видѣ сна, какъ это онъ дѣлаетъ о дядѣ Семенѣ. Дядя Семенъ поѣхалъ разъ въ лѣсъ, а погода была дурная: снѣгъ шелъ и мело. Погналъ Семенъ лошадь, а выѣзду все нѣтъ. Но вотъ онъ слышалъ недалеко бубенцы и увидѣлъ тройку саврасыхъ: гривы заплетены лентами, бубенцы свѣтятся и въ саняхъ сидятъ двое молодцовъ. Молодцы посадили Семена къ себѣ. Саврасые кони завились — только снѣгъ столбомъ! У Семена духъ захватило. Смотритъ онъ впередъ — гора крутая-прекрутая, а подъ горою пропасть. Семенъ испугался, приподнялся, схватился за суекъ и повисъ. Оказалось, что Семенъ видѣлъ страшный сонъ и ухватился руками вмѣсто сука за полати... Если въ дѣтяхъ нужно возбуждать свѣтлое настроеніе, то, конечно, ужъ лучше рассказывать имъ побольше житейскіе, - обыкновенные сны, потому что они разсмѣшаютъ да и научатъ кое-чему, чѣмъ рассказывать о „Красной шапочкѣ“ или о „Матери и ея дочери Анночкѣ“.

Вообще гр. Толстой не обнаруживаетъ особенной разборчивости въ выборѣ матеріала для чтенія и его были, басни и сказки всѣ очень похожи на небывлицы. Такъ „Новая азбука“ рассказываетъ, что въ одной деревнѣ жила одна старушка съ внучкой. Онѣ были очень бѣдны и ѣсть имъ было нечего. Пришло Свѣтло-Христово Воскресенье. Народъ радуется. Всѣ купили себѣ разговѣться, только старушкѣ съ внучкой разговѣться нечѣмъ. Поплакали онѣ и стали Бога просить, чтобы онъ имъ помогъ. И вспомнила старушка, что въ старину, во время француза, мужики деньги въ землю зарывали. Старушка и говоритъ внучкѣ: „Возьми ты, внучка, лопатку и иди на старое селище, помолись Богу и порой въ землѣ. Можетъ, Богъ и пошлетъ намъ что-

иногда". Внучка пошла, порыла и отрыла кубышку, полную серебряныхъ рубленыхъ копеекъ. „И бабушка съ внучкой купили себѣ въ празднику чѣмъ разговѣться, и корову купили, и благодарили Бога, что онъ услышалъ ихъ молитву“. Разсказъ этотъ озаглавленъ „Находка“, а въ скобкахъ стоитъ— „быль“. Конечно, подобный случай могъ быть, и гр. Толстой, разумѣется, понимаетъ, что еще не довольно помолиться Богу, чтобы найти кладъ. Самъ-же гр. Толстой на 60-й страницѣ разсказываетъ, какъ плыли рыбаки въ лодкѣ и сдѣлалась буря и рыбакамъ стало страшно и они бросили весла и стали молиться Богу, чтобы онъ ихъ спасъ. Тогда старшій рыбакъ сказалъ: „Что весла бросили? Богу-то молись, а къ берегу гребись“. Если дѣти захотѣли-бы примирить эти два противоположные руководящія разсказа гр. Толстого, то любопытно знать, какой онъ далъ-бы имъ отвѣтъ и въ которомъ-бы указалъ искать правду.

Есть въ „Новой азбуцѣ“ сказки, въ которыхъ рѣшительно не доберешься причины, почему гр. Толстой нашелъ необходимъ ихъ помѣстить. Въ такомъ, напримѣръ, принадлежитъ басня „Ноша“, въ которой разсказывается, какъ умный и глупый мужики шли вмѣстѣ, и умный, находя все лучшее, бросалъ то, что было хуже; наконецъ, найдя золото, бросилъ серебро, которое нашелъ раньше, и сдѣлался богатъ. Глупый-же, найдя шерсть, все тащилъ ее, и когда пошелъ дождикъ и намочилъ ее, онъ бросилъ тушь и пришелъ домой ни съ чѣмъ. Или разсказъ о дѣвочкѣ и разбойникѣ, или сказка „Орѣховая вѣтка и три медвѣдя“. По прочтеніи ихъ чувствуешь какое-то недоумѣніе и рѣшительно не знаешь, для чего онѣ были разсказаны, тѣмъ болѣе, что, конечно, никто не мѣшалъ гр. Толстому пользоваться чисто-народными сказками, въ которыхъ всегда есть и смыслъ, и юморъ, и реальное содержаніе. Но гр. Толстой точно боялся этого. Онъ даже не хотѣлъ и тому, что разсказываетъ, придать народный оттѣнокъ. Мы говоримъ о народномъ оттѣнкѣ вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ его авторы народныхъ легендъ въ Солянскомъ городкѣ. Мы не говоримъ о поддѣлкѣ, а о томъ осмысленномъ и живомъ народномъ словѣ, о томъ складѣ мысли, которымъ отличаются пѣвотворные разсказы Даля и сказки Афанасьева. Конечно, гр. Толстой говоритъ языкомъ простымъ и по-

натымъ, языкомъ образованнымъ, но за то и до того безцвѣтнымъ и бѣднымъ, что вы не найдете въ его рассказахъ ни одной оживляющей, игривой мысли, ни ироніи, ни шутки, ни смѣха, ни задушевности, точно съ вами бесѣдуетъ засохшій школьный учитель. Подумаешь, что гр. Толстой именно задался мыслію быть какъ можно скучнѣе.

Даже и правду гр. Толстой рассказываетъ въ видѣ сказокъ, точно онъ боится всего дѣйствительнаго, практическаго, реальнаго. Такъ онъ говоритъ о двухъ крысахъ, которыя нашли яйцо и хотѣли его уже дѣлать и ѣсть, но видятъ, что летитъ ворона и замышляетъ отнять яйцо. Стали думать крысы, какъ яйцо отъ вороны стащить. Нести? Не схватишь. Катить? Разбить можно. „И рѣшили крысы вотъ что. Одна легла на спину, схватила яйцо лапками, а другая повезла ее за хвостъ, и какъ на саняхъ стащили яйцо подъ полъ“. Этотъ рассказъ принимаетъ у гр. Толстаго характеръ басни или сказки, а дѣйствительная правда исчезаетъ. А между тѣмъ гр. Толстымъ сообщается фактъ. Крысы дѣйствительно такъ воруютъ яйца и увозятъ ихъ къ себѣ въ норы, и подобный случай однимъ наблюдателемъ нравовъ крысъ былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ естественныхъ наукъ“ Рудье. Въ видѣ такой-же сказки гр. Толстой рассказываетъ о томъ, какъ лисичи освобождаются отъ блохъ. Для этого, какъ извѣстно, лисича погружается постепенно въ воду. Но зачѣмъ тутъ понадобился волкъ, который захотѣлъ сдѣлать лучше—прыгнулъ въ рѣку, нырнулъ глубоко и сидѣлъ долго подъ водою, думая, что блохи всѣ на немъ помрутъ? Тотъ-же оттѣнокъ сказочности находимъ мы въ рассказѣ о царѣ и мужикѣ. Основаніемъ этой сказки служить дѣйствительный фактъ, и гр. Толстому, конечно, извѣстенъ процессъ Фридриха Великаго съ мельникомъ. Дѣйствительная исторія заключаетъ въ себѣ и не одинъ подобный фактъ, и, конечно, если-бы гр. Толстой пользовался дѣйствительными случаями, мы не думаемъ, чтобы его азбука отъ этого проиграла. Почему-же гр. Толстой этого не дѣлаетъ? Мы думаемъ, что у гр. Толстаго были для этого причины, но, въ сожалѣнію, мы не сумѣли подмѣтить и найти основанія, которыми составитель азбуки руководствовался. Изъ собственныхъ словъ гр. Толстаго видно только, что онъ желаетъ примирить всѣхъ и дать азбуку для всѣхъ. Мысль, конечно, хорошая; но что она

совершенно неосуществима — гр. Толстой, конечно, убѣдится и самъ, если отнесется къ своей азбукѣ съ объективнымъ безпристрастіемъ. Примирить старое съ новымъ нельзя, какъ нельзя молиться въ одно время двумъ богамъ. Изъ попытки примиренія вышло то, что гр. Толстой ушелъ больше назадъ, чѣмъ впередъ, что онъ, не желая подражать ни Ушинскому, ни Бунакову, ни Водовозову, и желая дать *свое*, въ сущности далъ то, что именно и вызвало протестъ противъ старой школы. Главный недостатокъ всѣхъ разсказовъ гр. Толстаго въ томъ, что въ нихъ нѣтъ реального прагматическаго содержанія, что они отличаются какими-то сказочнымъ и басеннымъ отгѣнкомъ и что даже дѣйствительная правда непохожа въ нихъ на правду. Пользуясь этимъ матеріаломъ, учитель, желающій удовлетворить любознательность учениковъ и уберечь ихъ отъ суевѣрія, долженъ давать имъ читать съ выборомъ, или-же ему пришлось-бы поправлять гр. Толстаго и объяснять дѣтямъ, что „Новая азбука“ говорить зачастую не дѣло. Но, какъ видно, гр. Толстой не признаетъ за учениками никакого права на развитіе и никакого права на вопросы. Въ предисловіи онъ говоритъ только о томъ, что ученики должны прочесть и разсказать прочитанное. Другого права онъ ученикамъ не предоставляетъ; онъ не позволяетъ имъ дѣлать вопросовъ, онъ не позволяетъ имъ даже думать и требуетъ одного механическаго мышленія, а не критическаго и любознательнаго. Если нашъ выводъ вѣренъ, то въ азбукѣ гр. Толстаго остается видѣть только очень полный букварь, но букварь тѣмъ-тѣмъ не впередъ, а назадъ, — букварь не для тѣхъ школъ, гдѣ учать учителя изъ учительскихъ семинарій, а для тѣхъ, въ которыхъ учать по-преимуществу самодѣльные грамотѣи, у которыхъ въ школахъ не позволено ни разсуждать, ни спрашивать. Для новыхъ школъ азбука гр. Толстаго не идетъ еще и потому, что по ней нельзя вести параллельно чтеніе, наглядныя бесѣды, грамматическое знакомство съ языкомъ и арифметическія упражненія. Азбука гр. Толстаго не больше, какъ азбука, но азбука не педагогическая, а матеріаль для механическаго чтенія. Если подобный матеріаль долженъ быть сухъ и безразличенъ по содержанію и по вліянію, то въ такомъ случаѣ гр. Толстой достигъ вполне своей цѣли, и азбука его, можетъ быть, и пройдетъ въ народъ, какъ руководство для тѣхъ учителей, къ

которымъ до сихъ поръ еще приходится обращаться за неизвѣстнѣмъ другихъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же гр. Толстому было говорить о примиреніи и предлагать это примиреніе въ такой формѣ, въ какой онъ его дѣлаетъ? Зачѣмъ гр. Толстой не далъ другого матеріала, матеріала болѣе полезнаго, поселяющаго знаніе и интереснаго? Мы думаемъ, что если-бы гр. Толстой попридержался другой программѣ, онъ-бы скорѣе совершилъ примиреніе, чѣмъ теперь, и его азбука, получивъ интересъ, конечно, явилась-бы конкурирующей силой и могла-бы замѣнить азбуки Ушинскаго, Водовозова, Бунакова и другихъ. Теперь-же азбука гр. Толстаго положительно ниже этихъ азбукъ, и ни одна мать, которая слѣдитъ за правильнымъ психическимъ развитіемъ своего ребенка, не купитъ азбуки гр. Толстаго, чтобы не дѣлать путаницы въ дѣтской душѣ. Гр. Толстой, давая голый матеріалъ для механическаго чтенія, точно забылъ дѣтскую душу и составлялъ азбуку не для дѣтей, а для взрослыхъ парней, которые учатся грамотѣ точно ремеслу, точно они работаютъ. А между тѣмъ, дѣлая уступку новому, гр. Толстой кое-гдѣ не забылъ пословиць, поговорокъ и даже загадокъ. Такъ на 59-й страницѣ мы находимъ: „Заря деньгу даетъ“, „Два кольца, два конца, посередѣ гвоздь“, „Съ годъ на годъ беззубая старушка-Маврушка кости жуетъ“ (малка). На 67 стр.: „Нужда и по воскреснымъ днямъ постится“, „Морскихъ топить море, а сухопутныхъ горе“, „Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника“. Есть и чисто-народныя фразы: „Рада-бы курица на свадьбу идти, да за крыло сволокли“. Наконецъ, есть и теплые рассказы такого характера, которые дѣти любятъ и надъ которыми они даже плачутъ. „Птица свила гнѣздо на кустѣ. Дѣти нашли гнѣздо и сняли на землю. „Гляди, Вася, три птички!“ На утро пришли дѣти и гнѣздо уже было пусто. Жалко было!“ И просто, и хорошо, и грѣтъ. Но подобныхъ рассказовъ, кажется, всего одинъ; пословиць, поговорокъ и загадокъ тоже не больше, чѣмъ мы привели, и затѣмъ все остальное... Характеръ остального читатель уже знаетъ, и мы боимся, что уже и такъ утомили его вниманіе. Но если-бы мы говорили о заурядномъ писателѣ, мы говорили-бы, конечно, меньше. Гр. Толстой не заурядный человѣкъ и не заурядный педагогъ. Вотъ почему къ нему, съ одной стороны, слѣдуетъ относиться стро-

же и требовать больше, а съ другой — говорить и доказательнѣе, и болѣе осторожно въ выраженіяхъ. Мы думаемъ, что мнѣніе о гр. Толстомъ, какъ о художникѣ и какъ о мыслителѣ, на-столько установилось, что, признавая въ немъ художественный талантъ, никто не заблуждается относительно его, какъ мыслителя. Въ этомъ еще разъ приходится убѣдиться по „Новой азбукѣ“, въ которой гр. Толстой не только не является мыслителемъ, но не является даже педагогомъ. Его азбука въ сущности протестъ противъ тѣхъ новыхъ азбукъ, которыя, претендуя на развитіе, вводятъ смѣшную катехизацію и въ сущности не развиваютъ, не сообщаютъ ни понятій, ни знаній, а приучаютъ къ голому, механическому мышленію. Но протестъ остался протестомъ. Отринувъ старое, гр. Толстой не только не далъ ничего новаго, но составилъ что-то смѣшанное, безразличное, отвѣчающее какъ-бы всякимъ понятіямъ и требованіямъ, но больше всего тяготящее къ старому, а не къ новому. „Новая азбука“ вовсе не шагъ впередъ и вовсе не такое приобрѣтеніе для народныхъ школъ, въ которомъ-бы онѣ нуждались. Представьте себѣ, что „Новой азбуки“ нѣтъ. Никакой бѣды отъ этого не случится. Грамотность и обученіе пойдетъ точно такъ-же, какъ оно шло, и отсутствія „Новой азбуки“ никто не замѣтитъ. Предположите опять, что „Новая азбука“ есть въ каждой школѣ. Какой отъ этого вытрышь? Опять никакого, а скорѣе школа проиграетъ на матеріалѣ для чтенія, потому что въ выборѣ его гр. Толстой далеко отстаетъ и отъ Ушинскаго, и отъ Водовозова, и отъ Паульсона уже однимъ тѣмъ, что даетъ необыкновенно сухое, не оживляющее чтеніе и вовсе не дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ ни на вниманіе, ни на чувство, ни на воображеніе. Мы думаемъ, что азбука гр. Толстаго, если-бы она попала въ школы, была-бы для нихъ скорѣе потерей, чѣмъ приобрѣтеніемъ.

II.

Въ томъ, что гр. Толстой говоритъ — по какой-бы методѣ народъ ни учился читать, лишь-бы выучился, нельзя не признать правильной мысли. Но мысль эта правильна только въ томъ отношеніи, что указываетъ на мелочность спора о преимуще-

ствахъ того или другого метода. Въ сущности, конечно, тотъ способъ будетъ лучше, который учить скорѣе и съ меньшимъ трудомъ. Значить, ясно, что не все равно, какимъ способомъ учить. Спросите объ этомъ матерей и онѣ вамъ скажутъ. Но вопросъ получаетъ другое значеніе, когда три-четыре педагога поднимаютъ каждый шумъ и крикъ изъ-за своего способа и превращаютъ школьный вопросъ въ базаръ, гдѣ каждая торговка старается залучить къ себѣ покупателя и увѣряетъ, что у нея только товаръ настоящій. Такой именно характеръ и приняли споры нашихъ педагоговъ. Мы не станемъ предполагать, что нашими педагогами руководили какія-нибудь затаенныя соображенія, хотя въ то-же время нельзя не допустить, что тысячи рублей въ годъ, которыя даетъ „Родное слово“, конечно, очень заманчивы и имѣютъ привлекательность для самаго безкорыстнаго педагога. Когда споръ принялъ такіе шумные размѣры, что народная школа пришла, наконецъ, въ недоумѣніе, не зная кого слушать, кому слѣдовать и по чьей методѣ учиться, пришлось поневолѣ махнуть рукой на базаръ и сказать то, что сказалъ гр. Толстой.

Но, должно быть, и голосъ гр. Толстаго не особенно оказался убѣдительнымъ и общественное мнѣніе еще тоже не порѣшило съ вопросомъ о выборѣ той или другой методы, потому что въ одно время съ „Новой азбукой“ гр. Толстаго явилось „Руководство къ русской азбукѣ“ г. Водовозова. Въ вступленіи г. Водовозовъ говоритъ, что „прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, мы укажемъ въ порядкѣ на самыя предметы занятій, причемъ пояснимъ, въ чемъ заключается отличіе нашей системы отъ системы упражненій въ наиболѣе употребительныхъ изъ сходныхъ съ нашею азбукъ Ушинскаго, Паульсона и Бунакова“.

Мы знаемъ г. Водовозова, какъ человѣка вполне искренняго, какъ человѣка, всецѣло отдавашагося педагогическому дѣлу; но въ то-же время, признавая всю правильность теоретическаго рѣшенія вопросовъ, которымъ онъ придаетъ такую важность, мы думаемъ, что различіе, о которомъ онъ хочетъ говорить, вовсе не такъ важно, и что шумъ больше изъ пустяковъ. Главная ошибка нашихъ педагоговъ въ томъ, — прибавимъ въ скобкахъ, что даже г. Чистяковъ подсмѣивается надъ ними, а ужь, кажется, онъ вовсе не педагогическое свѣтило первой величины, —

итакъ, ошибка нашихъ педагоговъ въ томъ, что они отнимаютъ отъ дѣтей всякую самодѣятельность мысли и переходъ отъ „извѣстнаго“ къ „неизвѣстному“ доводятъ до такого смѣшного педантизма, что лишаютъ ребенка всякой умственной самостоятельности. Они примѣняютъ къ дѣтскому воспитанію ту экономическую систему раздѣленія труда, при которой голова для работника становится вещью ненужной. Гг. педагоги забываютъ при этомъ одно, что каждый человѣкъ мыслить и развивается по-своему и что психическіе процессы—процессы субъективные. Вотъ, напримеръ, г. Водовозовъ, задумавъ написать свою азбуку, садится за столъ, обдумываетъ, отправляется въ нутро своей собственной души, выслѣживая свои собственные логическіе процессы, записываетъ порядокъ, въ которомъ дѣйствуетъ его познавательная способность, и затѣмъ порѣшаетъ, что и всякая дѣтская голова должна не только думать такъ, какъ думаетъ его голова, но и непремѣнно сознавать все, что она думаетъ, и, такъ-сказать, проходить тотъ-же самый путь мысли съ отчетливою сознательною ясностію, съ какою мыслить самъ г. Водовозовъ.

Нормальнымъ закономъ мышленія г. Водовозовъ признаетъ такой порядокъ. Прежде всего учитель долженъ вести бесѣду „о назначеніи предмета, объ его употребленіи, и въ связи съ этимъ о другихъ его качествахъ и дѣйствіяхъ, относящихся къ матеріалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, къ его *цвѣту, формѣ, положенію*“. Г. Водовозовъ велитъ начинать съ частей комнаты и дома, съ учебныхъ вещей; о платьѣ, о посудѣ, о земледѣльческихъ орудіяхъ онъ позволяетъ сказать только „кое-что“. Г. Водовозовъ требуетъ наглядности не по картинкамъ, а по дѣйствительнымъ и живымъ предметамъ. Что, напримеръ, представляетъ цѣльнаго хотя-бы метода Шлимбаха, который велитъ начинать съ *сучка, стола, совы, печки, серпа, кровли, дома, осла, ежа, лѣтницы, гуся, пера, мѣсяца, дерева, креста* и т. д.? Какая связь между этими предметами? спрашиваетъ г. Водовозовъ. И прослѣдивъ въ своей головѣ сходство и различіе приведенныхъ предметовъ и не найдя его, г. Водовозовъ утверждаетъ на мысли, что нужно начинать съ дѣтми съ предметовъ, имѣющихъ ближайшее внутреннее сродство. Г. Водовозовъ весьма убѣдительно и подробно указываетъ, что Шлимбахъ ошибается, что между *сучкомъ, столомъ* и *лѣтницей* нѣтъ ничего

общаго, что сообщить объ нихъ дѣтямъ что-нибудь занимательное невозможно и что поэтому нужно начинать съ *дома*. Возьмите, на примѣръ, *столъ, печку, кровлю, домъ*; всѣ эти предметы сводятся къ одному генеральному представленію о *домѣ*, и потому каждая азбука, основанная на психологическомъ знакомствѣ съ дѣтской душой, должна начинаться бесѣдой о *домѣ*. Кажется, мы вѣрно поняли мысль г. Водовозова и, во всякомъ случаѣ, не можемъ не согласиться съ нимъ, что въ частности ошибаются и Шлимбахъ, и Бенеке, и Гразеръ, и Жакото, и Фогель, и Вѣме, котораго придеживаются гг. Паульсонъ и Бунаковъ, и что безошибочнѣе всѣхъ думаетъ г. Водовозовъ. Впрочемъ, мы не отрицаемъ, что г. Водовозовъ разсуждаетъ правильно, что онъ совершенно вѣрно указываетъ и на недостатки г. Бунакова, и на недостатки Ушинскаго. Онъ даже очень ловко призадѣваетъ г. Бунакова за его „осу“, и все, что онъ говоритъ о томъ, что нужно давать дѣтямъ, совершенно вѣрно.

Въ нашихъ азбукахъ, дѣйствительно, все валится въ одну кучу, подобно тому, какъ свалилъ свой матеріалъ для чтенія въ подобную-же кучу гр. Толстой. Г. Водовозовъ дѣлаетъ совершенно вѣрный отзывъ о „Родномъ словѣ“, въ которомъ идетъ вначалѣ группировка учебныхъ вещей, игрушекъ, мебели, посуды, платья и бѣлья, орудій, сруи, зданій, экипажей. „Это все предметы, конечно, очень удобные для первоначальныхъ дѣтскихъ наблюденій, говоритъ г. Водовозовъ,—но что касается полной ихъ группировки, то она болѣе умѣстна въ связи съ бесѣдой о человѣкѣ и его способностяхъ. Иначе не видно будетъ причины, почему рядомъ съ мебелью и посудой мы поставимъ платье, орудія, а, на примѣръ, не цвѣты, не камни: вѣдь и цвѣты, и камни могутъ быть въ комнатѣ...“ Затѣмъ г. Водовозовъ весьма странно говоритъ о мелочахъ, чтобы доказать недостатокъ въ „Родномъ словѣ“ логической связи въ матеріалѣ для чтенія, и заканчиваетъ рекомендаціей своей собственной азбуки. „Родное слово“, говоритъ онъ, признавая необходимыми извѣстныя умственные упражненія, однако, помѣщаетъ слова, ведущія къ группировкѣ предметовъ преимущественно съ цѣлью дать матеріалъ для чтенія и письма. „Я-же, наоборотъ, рекомендуетъ себя г. Водовозовъ,—помѣщая статьи, которыхъ чтеніе ведетъ къ группировкѣ предметовъ, и въ отдѣлѣ „бесѣдъ“ представляю вопросы,

служащiе къ той-же цѣли“. Затѣмъ г. Водовозовъ не менѣе пространно доказываетъ, что если заставить дѣтей произносить *ес-те-ер-а-ха* и потомъ требовать, чтобы они изъ этого составили *страх*, это все равно, если-бы сказать: „свѣчка круглая и длинная а—изъ чего-же сдѣлана свѣчка?..“ Опровергнувъ такимъ образомъ всѣ другiе методы, и преимущественно г. Бунакова и гр. Толстаго, г. Водовозовъ переходитъ къ бесѣдамъ и даетъ образцы уроковъ.

Преподаватель на первый разъ предоставляетъ ученикамъ садиться какъ угодно и отвѣчать какъ случится и только потомъ указываетъ, какъ все дѣлать въ лучшемъ порядкѣ. Такъ-какъ самое правильное логическое развитiе начинается знакомствомъ дѣтей не съ *сучкомъ, осломъ, ежомъ, лѣстницей*, какъ это предлагаетъ Шлимбахъ, и не съ знакомства съ „*осою*“, какъ считаетъ это необходимымъ г. Бунаковъ, а съ *дома*, въ чемъ собственно и заключается новая метода развитiя г. Водовозова,—то учитель спрашиваетъ дѣтей, что они дѣлали дома и зачѣмъ они это дѣлали, и, такимъ образомъ, незамѣтно вкрадываясь въ дѣтскую душу и заводя ее своимъ логическимъ ключемъ, учитель наводитъ дѣтей на мысль, что они, по мѣрѣ ихъ силъ, помогали родителямъ въ работѣ. Устроивъ такую ловушку, учитель спрашиваетъ внезапно: „А сюда зачѣмъ вы пришли?“ И дѣти уже безъ затрудненiя отвѣчаютъ: „Учиться читать, писать, считать“. После этого г. Водовозовъ велитъ сказать учителю: „Хорошо“. И затѣмъ, если у учителя не довольно сильная память, то, по руководству г. Водовозова, предложить рядъ такихъ вопросовъ. Одному ученику онъ долженъ сказать: „Вотъ ты приглядывалъ за младшимъ братишкой, когда мать ходила на работу“; другому: „Ты смотрѣлъ за лошадей, возилъ хворостъ изъ лѣсу“; третьему: „Ты загонялъ скотъ“; четвертому: „Ты собиралъ грибы и ягоды“. „Всѣмъ этимъ всякій изъ васъ помогалъ отцу, матери, да и самому себѣ помогалъ, и тебѣ хорошо было: пропади корова—и тебѣ не пить-бы молочка“... Дѣти, развѣсивъ уши, по своей дѣтской наивности, конечно, не подозрѣваютъ, въ какую сѣть учитель ихъ теперь ловить. Они уже расположились слушать о молокѣ и о коровахъ, но внезапно надъ ними разражается вопросъ: „а чѣмъ-же тебѣ будетъ хорошо или твоему отцу и матери, когда ты научишься грамотѣ?“ Ошеломленные

дѣти „даютъ на-угадъ нѣсколько отвѣтовъ,—нѣкоторыя, можетъ быть, и довольно сознательно“. Г. Водовозовъ, впрочемъ, и самъ зналъ, что это такъ и должно быть; но такъ-какъ у него былъ другой умыселъ, то учитель, не пускаясь въ объясненія ошибокъ, сдѣланныхъ дѣтьми, рассказываетъ имъ сказку о мальчикѣ Костѣ. Костя былъ славный мальчикъ. Уже шести лѣтъ онъ все тянулся что-нибудь дѣлать, и если ему не удастся, то онъ начиналъ ревѣть. Но вотъ случился грѣхъ — отца Кости пришибло бревномъ. Что дѣлать? Костя былъ тогда еще маленькій мальчикъ и работать не могъ. Матери стало жалко его и она пошла въ работницы къ богатому мужику. Костѣ хозяинъ платилъ мало. „Кабы былъ грамотный, такъ, точно-бы, далъ хорошую плату, а то какъ оставить одного въ лавѣ?“ говорилъ хозяинъ. И неграмотность чуть не погубила Костю. Разъ хозяинъ послалъ его съ товаромъ къ портному Антонову, а Костя вмѣсто Антонова отнесъ товаръ Курилкину. Курилкинъ отперся, что получилъ товаръ, и Костѣ было великое горе: сначала хозяинъ хотѣлъ прогнать его, а потомъ смилостивился и вычелъ за мѣсяцъ жалованье. Вотъ разъ приходитъ письмо Костѣ отъ матери, а Костя прочесть его не можетъ; измучился бѣдняга, отыскивая грамотѣя, и тутъ только Костя понялъ, что значитъ быть грамотнымъ. Онъ принялся усердно за грамоту и въ три мѣсяца умѣлъ читать и писать. „Глядь, черезъ полгода онъ уже матери самъ и письмо написалъ. Барыня, у которой его мать служила, отвѣчала ему: „Добрый ты сыночекъ, что такъ трудишься; сама-бы я хотѣла имѣть такого сына. А мать только тобою и хвалится и величается, всёми только и толкуетъ: мой-то, мой-то! Вѣдь ужъ грамотѣ знаетъ!“ Послѣ такого правоучительнаго разсказа дѣти проникаются страстнымъ желаніемъ посѣщать школу и сдѣлаться грамотными.

На второй урокъ предполагается, что дѣти бросились въ классъ, какъ стадо барановъ; учитель говоритъ имъ: „Вотъ вы всѣ нынче разомъ бросились въ классъ, затолкали другъ друга, двое чуть не подрались—ловко-ли это?“ Послѣ нѣсколькихъ объясненій преподаватель указываетъ, что для дѣтей-же будетъ лучше, если они будутъ входить не всѣ вдругъ, разомъ, а по скамейкамъ. Въ то время, какъ учитель дѣлаетъ дѣтямъ это объясненіе, ученикъ *Федя* долженъ потерять свой грифель и ер-

зять по полу, чтобы отнестъ его. Учитель немедленно пользуется этимъ случаемъ и указываетъ, какъ слѣдуетъ класть на столъ доску и на нее грифель. Наконецъ, начинается бесѣда о „ножѣ“. У учителя должны быть непременно перочинный и столовый ножики, какая-нибудь тонкая желѣзная полоска, деревянная рѣзакъ, игла, тонкая деревянная палочка, тонкій и длинный кусочекъ камня. Преподаватель показываеъ дѣтямъ перочинный и обыкновенный столовый ножики и спрашиваетъ: „что это такое?“ Дѣти отвѣчаютъ: „ножи“. „Для чего они нужны?“ спрашиваетъ учитель. „Для того, чтобы рѣзать“, отвѣчаютъ дѣти. „А вотъ, посмотрите, у меня такая полоска, говоритъ учитель,—развѣ ею рѣзать нельзя? Попробуемъ!“ (Преподаватель третъ крайъ полоски о дерево.) О, лукавый г. Водозовъ! Онъ велитъ непременно тереть о дерево, потому что если-бы учитель, по недогадливости, вздумалъ разрѣзать бумажку, то весь второй урокъ, назначенный для объясненія дѣтямъ понятія *острый*, погибъ-бы, какъ французъ въ двѣнадцатомъ году. Итакъ, дѣти изъ второго урока должны узнать, что такое *острый*... На третьемъ урокѣ продолжается бесѣда о ножѣ, топорѣ, иглѣ, шилѣ, серпѣ, косѣ. „Ножъ рѣжетъ, говоритъ учитель,—а вотъ, говорятъ тоже: рѣзкій голосъ, рѣзкій стукъ, рѣзкій свистъ. Что это значитъ? Значить, такой сильный голосъ, свистъ, стукъ, который какъ-будто-бы рѣжетъ ухо. А развѣ нельзя ножомъ рубить?“ спрашиваетъ внезапно учитель... И этимъ ловкимъ маневромъ дѣлаетъ переходъ къ топору. Топоръ понадобился для того, чтобы объяснить дѣтямъ, что такое *треугольный, широкій, тяжелый, толстый*. Серпомъ пользуется учитель для того, чтобы объяснить, что такое изогнутый. Затѣмъ отъ серпа уже недалеко до косы, а отъ косы прямой переходъ къ травѣ. Для оживленія вниманія дѣтямъ предлагается загадка: „Ѣла траву, зубы притупились; стала ѣсть песокъ—наострились“. Дѣти смотрятъ въ глаза учителю съ недоумѣніемъ и не находятъ отвѣта. „Ѣсть кто? спрашиваетъ учитель, наводя дѣтей на разгадку. — Ѣсть человекъ траву?“ „Нѣтъ“, отвѣчаютъ дѣти. „Кто-же ѣсть траву?“ „Овца, корова“, отвѣчаютъ дѣти. „Но вѣдь здѣсь дальше говорится: Ѣла песокъ“... Послѣ цѣлаго ряда ловкихъ вопросовъ учитель, наконецъ, заставляетъ дѣтей догадаться, что рѣчь о косѣ. Когда дѣти прониклись вполне сознательнымъ понятіемъ о *толстомъ*,

остромъ и трехугольномъ, учитель въ концѣ урока долженъ сказать имъ вотъ что: „Острое полѣно разрубило толстый топоръ. Поправьте это. Игла укололась о палець. Взялся ручкою за руку двери. Какъ надо сказать?“ Дѣти поправляютъ и затѣмъ стрелглавъ бѣгутъ домой.

Четвертый урокъ посвящается объясненію, что такое изба. Въ заключеніе урока учитель дѣлаетъ испытаніе дѣтямъ и говоритъ имъ: „Стѣна косая, потолокъ выпуклый, полъ горбомъ, окно за печкой, дверь на потолокъ. Такъ-ли это должно быть и почему не такъ?“ Дѣти угадываютъ и затѣмъ опять стрелглавъ бѣгутъ домой.

Въ пятый урокъ имъ дается понятіе о *чистомъ, тепломъ, холодномъ, прозрачномъ, вязномъ, мутномъ, жидкомъ, гладкомъ*. Въ седьмомъ урокѣ дѣтямъ объясняется, что такое *твердое, жидкое, воздушное*. Въ восьмомъ — продолжается бесѣда о *твердомъ, жидкомъ и воздушномъ* и различаются предметы по *запаху и вкусу*. Въ десятый урокъ дѣлается сравненіе воды съ огнемъ. Въ двѣнадцатый объясняются противоположныя свойства: *гладкій и шероховатый, острый и тупой, крепкій и твердый, шибкій и ломкій*. Въ шестнадцатый и семнадцатый — объясняются цвѣта *красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій, фіолетовый, бѣлый, черный, сѣрый*. Въ 18 и 19 — положеніе предметовъ: *впереди, сзади, вправо, влево, сбоку, сверху, снизу, выше, ниже, дальше, ближе, вдоль, поперекъ, вкось*. Въ 20, 21 и 22-й — форма предметовъ: *длина, ширина, толщина, высота, ровный, плоскій, выпуклый, круглый, четырехугольный, трехугольный, грань, ребро, уголъ, прямой, острый, тупой, плоскость, вертикальный, горизонтальный, наклонный*. Въ 23-й урокъ описываются предметы по признакамъ: *ложка въ сравненіи съ ножомъ и вилкой*. Въ 24-й — описывается чайникъ. Въ 26-ой урокъ сравнивается *ножикъ* съ *ножницами* и *стаканъ* съ *ведромъ*. Въ 27 и 28-ой сравнивается *лошадь* съ *коровой*, съ *курицей*. Въ 29-ый — *ель* съ *березой*. Въ 30 и 31-ый — *волкъ* съ *медвѣдемъ*. Въ 32 и 33-ий ведется бесѣда о *ракѣ*. Въ слѣдующихъ урокахъ дѣтей постепенно доводятъ до понятія: *церковь, школа, судъ, отечество, польза, умѣлость, неумѣлость*, и послѣдніе 59 и 60-й уроки заканчиваются объясненіями нравственныхъ качествъ человѣка.

Учитель читаетъ дѣтямъ проповѣдь на тему: „Люби ближняго, какъ самого себя“.

Не правда-ли, какъ это смѣшно и на-сколько былъ правъ гр. Толстой, когда смѣялся надъ г. Бунаковичемъ, хотя въ то-же время онъ не подиѣтилъ самой слабой стороны, которою погрѣшаетъ, какъ кажется, больше всѣхъ г. Водовозовъ. Главная ошибка г. Водовозова и подобныхъ ему развивателей исключительно въ томъ, что они или объясняютъ восьмилѣтнимъ дѣтямъ то, что знаетъ всякій четырехлѣтній ребенокъ, или-же требуютъ того, чего не понимаетъ и учитель. И обо всемъ этомъ толкуется такъ добродушно, съ дѣтскою наивностью и невинностью, и даже съ отѣнкомъ какой-то святости, точно съ вами бесѣдуетъ блаженный. Чтобы доказать дѣтямъ пользу грамотности, рассказывается сказка о Костѣ, и рассказывается она не тѣмъ, кого нужно убѣдить въ пользѣ грамотности, а тѣмъ, кто уже пришелъ учиться. Да вѣдь они пришли, что-же имъ толковать? пришли—значить, знаютъ, что имъ нужна грамотность, а иначе-бы и не пришли. Затѣмъ чуть-ли не цѣлыхъ десять уроковъ дѣтямъ толкуютъ, что значить острый, тупой, кривой, косой, верхъ, низъ, спереди, сзади, свѣтлый, прозрачный и т. д. И всѣ эти толкованія дѣлаются не въ смыслѣ объясненій физическихъ явленій или законовъ свойства тѣлъ, какъ-бы стала трактовать физика, а совершается просто путемъ какого-то переспапанія изъ пустого въ порожнее, какой-то томительной, безцѣльной и скучной болтовней о томъ, что каждый ребенокъ очень хорошо знаетъ. Скажите ребенку, что ножъ чѣмъ острѣе, тѣмъ лучше, и будетъ довольно, а, пожалуйста, и этого не говорите: каждый деревенскій мальчикъ и самъ знаетъ, что тупымъ ножомъ нельзя рѣзать; но къ чему эта безконечная канитель и метафизика, упражняющая собственно не мысль и способность мышленія и дающая не понятіе, а только нѣчто въ родѣ ненужной гимнастики мысли? Ребенокъ, отлично изощрившійся въ опредѣленіи *остраго* и *тупого*, *кривого* и *косого* и явившійся съ такими познаніями домой, развѣ приобретаетъ какія-нибудь познанія? Какъ онъ былъ глупъ, такъ и останется глупъ. Школа приучить его только къ болтовнѣ, къ разговору словами, и познакомить его только съ приемомъ чистаго механическаго мышленія, которое хорошо для метафизиковъ-софистовъ и юристовъ, а для деревни вовсе не годится. Г. Водовозовъ.

зову кажется, что г. Бунаковъ дѣлаетъ необыкновенно-глубокую ошибку, начиная съ „осы“, а Шлимбахъ ошибается еще больше, начиная съ „сучка“. Но пусть г. Водовозовъ докажетъ, что „оса“ и „сучокъ“ менѣе пригодны для развитія, чѣмъ *острый, тупой, вкось, вверхъ* и т. д. О, педагогическое добродушіе! Только въ четырехъ стѣнахъ кабинета, проникнувшись нѣмецкимъ педантизмомъ и замертвивъ въ себѣ всѣ живыя практическія требованія, можно вообразить, что русскій земледѣлецъ безъ діалектическаго разсужденія объ „остромъ“ и „кривомъ“, „толстомъ“ и „тонкомъ“ останется темнымъ человѣкомъ. Да вѣдь вы темнаго дѣлаете еще темнѣе и просто незнающаго превращаете въ незнающаго педанта! Что за дичь, напримѣръ, употребить двадцать пять уроковъ на такое подготовительное развитіе мысли, чтобы на двадцать шестой предложить ученикамъ сдѣлать сравненіе *стакана съ ведромъ!*

Когда г. Водовозовъ, — мы беремъ г. Водовозова только какъ представителя цѣлой педагогической системы, — переходитъ къ предметамъ, окружающимъ ребенка, и къ его практической жизни, онъ и тутъ остается на той-же метафизической почвѣ и упражняетъ школьниковъ въ одномъ механизмѣ мышленія. Такъ въ 26-мъ и 27-мъ урокахъ дѣлается сравненіе *лошади съ коровой*. И г. Водовозовъ, какъ истинный метафизикъ, начинаетъ сравненіе съ *существенныхъ и случайныхъ* признаковъ. Вопросъ: „Всегда-ли лошадь служитъ человѣку для возки, для ѣзды; всегда-ли корову держать для молока? Всегда-ли у лошади грива, у коровы рога? Всегда-ли корова и лошадь очень большія, всегда-ли онѣ пѣгія или бурныя? Всегда-ли у нихъ хвостъ и четыре ноги?..“ Помилосердуйте, г. Водовозовъ, помилосердуйте! вѣдь отъ вашихъ вопросовъ, отъ вашихъ *существенныхъ и случайныхъ* признаковъ у каждаго здороваго человѣка сдѣлается головокруженіе. И на такую ненужную болтовню вы заставляете тратить время, и воображаете, будто-бы развиваете дѣтей! Да вѣдь отъ вашей школы убѣжишь Богъ знаетъ куда? Виѣсто того, чтобы разсказать дѣтямъ, какая польза отъ коровы и лошади, для чего онѣ служатъ въ крестьянскомъ быту и въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ ихъ слѣдуетъ держать, кормить, какъ пользоваться ихъ силами, показать дѣтямъ разницу между хорошо-содержимымъ и дурно-содержимымъ скотомъ и научить обращаться съ домашними живот-

ними, вы посвящаете всю лекцію тому, что пѣгота есть случайный и несущественный признакъ. Мы нисколько не отрицаемъ того, что дѣтей нужно приучить находить сходство и различіе и дѣлать сравненія, что дѣтей нужно приучить къ наблюдательности. Но для чего это нужно? Всѣ силы дѣтскаго ума и дѣтскаго воображенія г. Водовозовъ направляетъ на то, чтобы находить сходство и различіе именно несущественныя. Цѣлый урокъ онъ твердитъ, что кура сѣрая, а гусь бѣлый, у утки плоскій клювъ, а у голубя острый, у ласточки длинныя крылья, а у воробья короткія. Что съ этими виѣшними признаками дѣлать ребенку? И точно-ли въ немъ разовьется способность сравненія, если онъ будетъ быстро отвѣчать на вопросы учителя, чѣмъ рыба несходна съ птицею и летаетъ-ли она или нѣтъ? Во всѣхъ этихъ сравненіяхъ нѣтъ никакого живого содержанія. Не на наблюденіе голыхъ виѣшнихъ признаковъ нужно направить дѣтскую способность, а на наблюденіе существеннаго, содержательнаго, практически-полезнаго и необходимаго. Но что вы толкуете ребенку о томъ, что камень твердъ, а дерево крѣпко? Это онъ и безъ васъ знаетъ. Что вы заставляете его сравнивать крупный песокъ съ мелкимъ и камни съ деревьями? Нѣтъ, заставьте его лучше наблюдать, что такое почва, отчего у суглинка одни свойства, а у песка другія; отчего суглинистая почва холодная, а песчаная теплая. Виѣто загадокъ о серпѣ и косѣ, — загадокъ, которыя можно говорить при другихъ, болѣе полезныхъ загадкахъ, дайте лучше крестьянскому мальчику пословицы и поговорки, въ которыхъ выразилось народное сельско-хозяйственное міровоззрѣніе и которыми народъ какъ-бы закрѣпилъ свой вѣковой агрономическій опытъ. У Дала есть цѣлая масса подобныхъ практическихъ правилъ, которыя народъ заучиваетъ на память, да не всегда понимаетъ ихъ смыслъ. Напримѣръ: „Топчи овесъ въ грязь — выйдетъ князь“, или: „Овесъ и сквозь лапоть проростетъ“. Вы заставляете дѣтей сравнивать иглу съ топоромъ, а лучше-бы было, если-бы вы ихъ заставили разъяснить поговорку: „Иглою да бороной деревня стоять“. Минувъ, такимъ образомъ, предметы наглядныя и практическія и не указывая на ихъ живую связь съ дѣтскимъ міромъ и съ деревней, вы толкуете имъ о предметахъ *естественныхъ* и *искусственныхъ*, вы задаете имъ, напримѣръ, такой вопросъ: „Человѣкъ принадлежитъ къ природѣ или нѣтъ?“

хотите заставить восьми-лѣтняго ребенка почувствовать то, что не въ состояніи почувствовать большой. Легко сказать—заставить ребенка понять: „Люби ближняго, какъ самого себя“. Мы не споримъ, головой онъ это пойметъ, онъ повторитъ и всѣ слова учителя на эту тему, но душой и сердцемъ онъ этой заповѣди Христа не почувствуетъ, потому что и для нравственныхъ понятій и чувствъ есть такая-же постепенность, какъ и для понятій умственныхъ. Но г. Водовозовъ хочетъ своимъ курсомъ азбуки исчерпать весь міръ и заставить ребенка въ какіе-нибудь два года узнать и увидѣть все — и небо, и землю, и физику, и химию, и солнце, и планеты, сдѣлаться и христіаниномъ, и гражданиномъ, и моралистомъ, и философомъ, и метафизикомъ, и юристомъ. Въ сущности-же г. Водовозовъ учитъ однимъ словомъ, пустымъ, бессодержательнымъ словомъ, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла и которыя не даютъ ни знаній, ни новыхъ понятій, ни новыхъ чувствъ, а только пріучаютъ къ одному вредному механическому мышленію вмѣсто того, чтобы давать матеріалъ для мышленія положительнаго и реальнаго.

Вотъ почему во всѣхъ азбукахъ и руководствахъ, подобныхъ разбираемому, является существенно-необходимою катехизація, надъ которой сами господа педагоги подсмѣиваются, если имъ приходится бранить чужой товаръ и хвалить свой. Катехизація эта дѣйствительно неизбѣжно-необходима. Какому здравомыслящему и свѣдущему человѣку придетъ въ голову упражнять дѣтей въ сравненіяхъ курицы съ лошадыю, пѣтуха съ топоромъ, трактовать о существенномъ и несущественномъ. Для этого прежде всего нужно самому преисполниться метафизической несодержательности и отказаться отъ всего живого. Читая игру въ вопросы и отвѣты гг. Водовозова и Бунакова, можно, пожалуй, подумать, что необыкновенныя подробности, въ которыя они вдаются, рассчитаны на людское непониманіе и на неспособность школьныхъ учителей. Но это только кажется. Въ дѣйствительности непониманіе только на сторонѣ педагоговъ. Дайте живые и практически полезныя рассказы, которые-бы познакомили дѣтей съ ихъ бытомъ, хозяйствомъ, земледѣліемъ—и не потребовалось-бы никакой игры въ вопросы и отвѣты. Ребенку рассказали-бы, почему корова нужна въ сельскомъ хозяйствѣ, рассказали-бы, что уходъ за ней долженъ быть такой-то, рассказали-бы ему хотя по Врему о жизни

лошадей, собакъ, кошекъ, и ребенокъ слушалъ-бы эти рассказы наостривъ уши и, конечно-бы, ихъ понялъ; а понявъ, онъ-бы и рассказавъ ихъ. Теперь-же, когда все развитіе заключается въ одной игрѣ словъ, неизбѣжно показать подробность игры, потому что кому придетъ въ голову толковать цѣлые четыре часа о томъ, что такое *впередъ*, *сзади*, *справа* и т. д. „Вотъ здѣсь у меня стулъ. Это какая его сторона?—Задняя.—А вотъ я поверну стулъ задкомъ къ вамъ: какая теперь это будетъ его сторона?—Передняя?—Развѣ передняя? Вѣдь это въ стулѣ задокъ. Этотъ задокъ только передъ вами, теперь спереди, а въ стулѣ онъ все-таки остается задкомъ. Какъ-же надо сказать?—Передъ нами спереди задняя сторона стула. — Вотъ картинка. Гдѣ ея правая, гдѣ лѣвая сторона? Гдѣ моя правая рука? Если я на картинку буду смотрѣть такъ, сзади и сверху, какою стороною картинки будетъ вотъ эта, которая была лѣвою? — Правую. — Развѣ это такъ? Въ картинкѣ лѣвая сторона все-таки и останется лѣвою; только эта лѣвая сторона теперь отъ меня вправо. Смотрите, я передъ вами переверну картинку вверхъ ногами. Какая это сторона картинки? Это правая сторона картинки; только она отъ насъ влѣво“. Такъ велитъ г. Водовозовъ вести учителю пояснительную бесѣду съ дѣтьми. Будь человекъ семи пядей во лбу и заставьте его толковать битыхъ три часа на тему вверхъ, внизъ, сбоку, сзади, ему-бы никогда не пришло въ голову то, что ухитрился измыслить г. Водовозовъ. И послѣ этого наши педагоги утверждаютъ, будто-бы народъ не хочетъ учиться, будто-бы онъ чуждается грамоты и будто-бы его силой нужно загонять въ школы. Будьте только безпристрастны. Вообразите, что вашихъ дѣтей пытаются такимъ образомъ въ школахъ, что имъ не даютъ никакихъ понятій и знаній, а упражняютъ ихъ исключительно въ головной гимнастикѣ. Согласились-ли-бы вы подвергать ихъ такой бесполезной пытке, и что-бы вы сказали про школу; которая умственную эквилибристику выдаетъ за науку и знаніе? Конечно, лучше простая механическая грамота, ничего не дающая, но за то и нераздражающая мозга, чѣмъ подобное развитіе, въ сущности затупляющее и убивающее здравый смыслъ.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ явился вопросъ о народной школѣ, наши педагоги употребили ровно двадцать лѣтъ на то, чтобы выработать лучшую методу грамоты, и ничего еще до сихъ поръ не выработали. Понятно, что людямъ съ простымъ здравымъ смысломъ, наконецъ, надоѣла эта безрезультатная игра, и они, подобно графу Толстому, въ отчаяніи проклинали новыхъ боговъ и обратились къ старымъ. Гр. Толстой явился Юліаномъ отступникомъ и совершенно искренно думалъ спасти міръ старой вѣрой. И вотъ онъ даетъ для этого „Новую азбуку“ и придумываетъ новую мистическую теорію народнаго саморазвитія и непосредственнаго воспитанія понятій и знаній помимо всякаго вѣдренія школьныхъ педагоговъ. Если гр. Толстой думалъ такъ, имѣя передъ глазами вліяніе гг. Бунаковыхъ и Водовозовыхъ — онъ правъ. Но вѣдь его протестъ не больше, какъ личный протестъ противъ двухъ-трехъ людей. Протестъ его не разрѣшаетъ вопроса, точно также какъ его „Новая азбука“ не даетъ ничего. Народная школа по-прежнему остается сирой и безпріютной. Она остается по-прежнему безъ всякаго содержанія и по-прежнему, особенно подъ указкою гр. Толстаго, ведетъ въ міръ суевѣрія, бабьей болтовни, знахарства, но не даетъ ничего, чего народъ хочетъ отъ грамоты, просить и ждать отъ нея.

Наше злополучіе, на которое мы такъ давно жалуемся, что наши жалобы уже всѣмъ пріѣлиси и стали банальны, заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ людей. Каждую область мысли, каждымъ дѣломъ овладѣютъ у насъ всегда два-три человѣка и распоряжаются имъ самовластно, точно своимъ собственнымъ царствомъ. Педагогическимъ царствомъ овладѣли у насъ три представителя педагогической мысли и къ нимъ въ новѣйшее время присоединился еще четвертый—гр. Толстой, который внесъ еще большую сумятицу. И почему въ такой важной области, какъ народное воспитаніе, властвуетъ педантизмъ, слѣпое подражаніе нѣмцамъ, механическая дрессировка и затупленіе вмѣсто развитія, въ то время, какъ сами педагоги требуютъ и хотятъ только его? Да, нѣтъ людей! Люди лучшихъ способностей и свѣтлаго здравого смысла, люди понимающіе куда-то исчезли, расплылись какъ рыба

въ водополе, и теоретическая педагогика осталась въ рукахъ посредственностей, наводнившихъ Россію своими бездарными учебниками и превратившихъ народное образованіе въ выгодную для себя спекуляцію. Теперешняя школа съ ея потребностями — тотъ-же былой откупъ. Явился Бокоревъ школьнаго дѣла, создалъ систему, за нимъ выступило еще три-четыре человѣка — и уловили въ свою сѣть почти всю Россію. О, благодѣтели! Двадцать лѣтъ вы владѣете безраздѣльно своимъ педагогическимъ откупомъ и ведете войну съ здравымъ смысломъ. Но здравый смыслъ сила непобѣдимая. Онъ можетъ замолчать на время, но потомъ скажется, и царство педагогическаго откупа рухнетъ, наконецъ, точно такъ-же, какъ и виннаго. Пользуйтесь пока временемъ спекуляторы-педагоги, печатайте въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ свои *развивающія* азбуки, заполняйте ими школы, спѣшите, спѣшите, потому что на горизонтѣ является уже легкое облачко и скоро оно разрестется въ грозную тучу и очнувшійся здравый русскій смыслъ и практическія требованія жизни слуютъ васъ со всѣми вашими книжками, такъ что и слѣда вашего не останется. Противъ вашей школьной педагогики пошла уже сама жизнь съ ея практическими требованіями, которыхъ вы удовлетворить не могли, и ваши учебники и ваши азбуки скоро смѣнятся другими учебниками и другими азбуками, по которымъ народъ и начнетъ учиться.

Первый протестъ, еще мало извѣстный, явился въ вятскомъ земствѣ. Комисія, высочайше утвержденная для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи, объясняетъ повсюдное печальное состояніе русскаго земледѣлія отсутствіемъ какого-бы то ни было реальнаго сельско-хозяйственнаго знанія и недостаткомъ кредита и капитала. Практическіе земскіе люди, близко стоящіе къ народной школѣ, знаютъ все это и согласны въ томъ, что теперешнее народное образованіе не имѣетъ никакого пракческаго содержанія. Книжки и азбуки нашихъ педагоговъ учатъ только кое-какъ грамотѣ, письму и счету, затѣмъ нѣкоторымъ молитвамъ, развиваютъ дѣтскія понятія на томъ, что значитъ „вверхъ“ и „внизъ“, „сбоку“ и „сзади“, и дальше этихъ знаній не ведутъ. Про такую школу народъ совершенно справедливо говоритъ, что „грамота ни къ какому ремеслу не требуется, а забывается скоро“. Земство нѣкоторыхъ губерній вторитъ народному отзыву и въ своихъ журналахъ уже высказывало, что одна грамотность безъ прак-

тическихъ знаний, необходимыхъ земледѣльцу, не ведетъ ни къ чему, да, пожалуй, и не нужна. Сильнѣе всѣхъ подобное критическое отношеніе къ школѣ, *развивающей* по учебникамъ и азбукамъ гг. Ушинскаго, Водовозова, Бунакова — сюда-же присоединимъ гр. Толстаго, — сказалось въ вятскомъ земствѣ. Земство вятской губерніи, какъ извѣстно, отличающееся простотой нравовъ и практическимъ здравомысліемъ, первое основало учительскую семинарію для приготовленія такихъ учителей, которые-бы могли преподавать въ начальныхъ школахъ естествовѣденіе и сельское хозяйство. При учительскихъ семинаріяхъ вятское земство устроило и начальную школу. Предполагалось, что она будетъ служить образцомъ для подобныхъ школъ и что школы по этому образцу будутъ со временемъ открыты по всей губерніи. Въ уставѣ, проектированномъ вятскимъ земствомъ, новыя школы должны были, кромѣ общаго начального образованія, давать сельско-хозяйственныя, техническія и ремесленныя знанія, имѣющія прямое отношеніе къ сельскому быту въ данной мѣстности, и готовить сельскихъ хозяевъ. Семинаріи и училища открылись, но дальнѣйшее развитіе проекта вятскаго земства, къ сожалѣнію, встрѣтило довольно серьезное препятствіе. Попечительный совѣтъ казанскаго округа нашелъ невозможнымъ осуществленіе задуманныхъ вятскимъ земствомъ школъ. Причины, выставленныя попечительнымъ совѣтомъ, заключались въ слѣдующемъ: „Во-первыхъ, *множество предметовъ*, исчисленныхъ въ проектѣ устава, которые преподаются въ этихъ школахъ; во-вторыхъ, полную *невозможность обученія* этимъ предметамъ для дѣтей, поступающихъ въ школы грамотности; въ-третьихъ, *неимѣніе учителей* для такихъ школъ, такъ-какъ первый выпускъ воспитанниковъ вятскаго земскаго училища для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаний и приготовленія учителей, изъ которыхъ избираются учителя, можетъ быть не ранѣе 1877 г.; въ-четвертыхъ, *несовмѣстимость начальной школы съ сельско-хозяйственною фермою*, которая, можно сказать, навѣрное останется безъ работниковъ, такъ-какъ родители учениковъ будутъ привлекать ихъ на свои работы и не согласятся лишиться рабочихъ рукъ ради только фермы“.

Министерство народнаго просвѣщенія согласилось съ мнѣніемъ попечительнаго совѣта, тѣмъ болѣе, что вопросъ о соединеніи въ

курсѣ начальныхъ народныхъ училищъ предметовъ общаго образованія съ сельско-хозяйственными и техническими знаніями неоднократно былъ возбуждаемъ въ министерствѣ и всякій разъ былъ рѣшаемъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Хотя министерство и не нашло возможности дать вятскому проекту широкое практическое примѣненіе, но тѣмъ не менѣе вопросъ о „новой“ школѣ поднятъ и поставленъ. Явится-ли эта школа сегодня или завтра, но очевидно, что теоретической педагогической системѣ гг. Бунаковыхъ и Водовозовыхъ приходитъ конецъ и надъ народной школой, хотя еще едва замѣтно, но уже загорается новая заря.

Конечно, создать изъ народной школы разсадникъ такихъ основательныхъ практическихъ сельско-хозяйственныхъ знаній, чтобы каждый крестьянинъ сдѣлался агрономомъ, требовать нельзя. Даже гимназія, если-бы въ нее превратилась народная школа, была-бы не въ состояніи создавать агрономовъ. Но дѣло на первый разъ вовсе и не въ этомъ. Дѣло въ томъ, чтобы народная школа не плодила суеверія и суесловія, чтобы она не *развивала* по педагогической методѣ гг. Бунакова и Водовозова и не вводила въ суевѣрія и въ до-петровскія понятія по методѣ гр. Толстаго. Познанія, которыя было-бы возможно, даже и при теперешнемъ состояніи народной школы, водворить въ ней, мы назвали-бы рецептурными и полагаемъ, что ихъ на первый разъ было-бы совершенно достаточно. Познанія эти могли-бы сообщаться ученикамъ на наглядныхъ бесѣдахъ, о которыхъ мечталъ еще Ушинскій. Теоретики тогда подняли большой шумъ и доказывали, что образованіе путемъ наглядныхъ бесѣдъ, въ томъ видѣ, какъ это было желательно, неосуществимо. Прекрасно! Но что-же осуществили своими наглядными бесѣдами гг. Бунаковы, Водовозовы и т. д.? Что даютъ „предметные уроки“ г. Перевлевскаго или Шальдона? Деревенскому десяти-лѣтнему мальчику толкуютъ о растяжимости, о скважности, прозрачности, упругости, объясняютъ ему разницу между мѣдью, серебромъ и золотомъ на кусочкѣ проволоки или на мѣдныхъ копейкахъ, показываютъ веревку и затѣмъ объясняютъ всѣ физическія свойства ея, показываютъ гусиное перо и заставляютъ его сравнить съ перомъ желѣзнымъ. Эта-ли наглядность требуется для школы, это-ли предметные уроки, и то-ли нужно знать деревенскому мальчику? Господа педагоги новой си-

стемы свели наглядность къ физикѣ и къ свойствамъ тѣлъ, потому что кромѣ четырехъ стѣнъ школы они не видятъ ничего. Толкуя объ избѣ, они видятъ въ ней *домъ* и пускаются въ архитектуру, тогда какъ та-же самая изба могла-бы быть для ребенка цѣлымъ новымъ миромъ. Ребенку начинаютъ толковать о свойствахъ стекла, когда въ той-же избѣ ему-бы гораздо полезнѣе познакомиться съ тараканами, пауками, клопами, блохами, вшами, узнать какіе это звѣри, чѣмъ они полезны и вредны; ему полезнѣе было-бы познакомиться съ курицей, не изъ сравненія ея съ лошадыю, а изъ хорошо рассказаннаго образа ея жизни, нрава, привычекъ, правилъ ухода за ней; пусть онъ то-же самое узнаетъ и о собакахъ, и о лошади, и о кошкѣ, и о коровѣ; пусть онъ услышитъ разумную и дѣльную рѣчь о громѣ, молніи, о дождѣ, о землѣ какъ почвѣ, о лѣсѣ, о свойствахъ растущихъ деревъ и т. д. Миръ сельской жизни безконеченъ, и если умѣть говорить о немъ съ ребенкомъ, не вдаваясь въ педантизмъ и сухую системативу, то начальная школа можетъ имѣть громадное воспитательное вліяніе на сельское подростящее населеніе.

Правда, для сельскихъ учителей до сихъ поръ еще никто не издалъ матеріала для подобныхъ наглядныхъ бесѣдъ и всѣ усилія нашихъ педагоговъ направлены лишь на ненужныя руководства, въ родѣ изданнаго нынче г. Водовозовымъ. Въ сущности въ подобныхъ руководствахъ нѣтъ никакой нужды. Они слишкомъ мертвы для того, чтобы познакомить учителей съ педагогическими приѣмами, и возможны, пока еще не организовались у насъ правильные педагогическіе курсы. Живымъ словомъ нужно готовить учителей, а не букварями, какъ думаютъ достигнуть этого наши *ученые* педагоги.

И въ этомъ отношеніи надъ нашей школой занимается тоже новая заря. Недавно обнародованы „правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ“. Правила эти хотя изданы и не въ законодательномъ порядкѣ, но они все-таки являются общей мѣрой и если не формулируютъ самаго способа подготовленія учителей, то, во всякомъ случаѣ, ставятъ дѣло на практическую почву. Сколько намъ извѣстны учительскія семинаріи, дѣла ихъ вовсе не такъ плохи, какъ это можно думать, судя по руководству г. Водово-

зова. Есть у насъ и очень хорошіе директоры, есть и очень толковые учителя, и между учениками учительскихъ семинарій не мало дѣйствительно толковыхъ людей, желающихъ и учиться, и учить. Все это такіе благопріятные признаки, которые позволяютъ уже прозрѣвать свѣтлое близкое будущее нашей народной школы, лишь-бы она только избавилась отъ педагоговъ-медантовъ и педагоговъ-самородковъ.

Н. Языковъ.

ПЕЧАТЬ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

I.

На долю девятнадцатаго вѣка, какъ послѣдняго изъ всѣхъ вѣковъ, пережитыхъ человѣчествомъ во весь историческій циклъ своего существованія, безспорно должно было выпастъ рѣшеніе, если не практическое, то хотя теоретическое, многихъ міровыхъ вопросовъ, которые не могли быть рѣшены предшествовавшими поколѣніями; отчасти потому, что для рѣшенія ихъ не было накоплено историческою жизнью народовъ достаточно рѣшающаго матеріала, отчасти же и потому, что многими изъ такихъ вопросовъ и не могло задаваться предшествовавшее намъ человѣчество, за неимѣніемъ ихъ въ програмѣ жизни предшествовавшихъ вѣковъ; явились же они какъ продуктъ современной жизни и ея требованій, и, какъ вопросы дня, сами ищутъ теперь практическаго, жизненнаго рѣшенія.

Въ числѣ особенно выдающихся вопросовъ, привлеченныхъ къ рѣшенію современной жизнью, конечно, долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, каковыя пути должна идти исторія развитія печати—подчинится ли она закону централизаціи, одному изъ неизмѣнныхъ общественныхъ законовъ, совместно и, повидному, равномерно управляющихъ духовною и физическою жизнью всего живущаго и двигающагося, органическаго и неорганическаго, т. е. силъ центростремительной, силъ тяготѣнія; или, напротивъ, другому изъ этихъ двухъ законовъ — закону децентрализаціи, силъ центробѣжной? Должна ли печать составлять достояніе по преимуществу и почти исключительно интеллигентныхъ, міровыхъ

и государственныхъ центровъ, или-же будущее ея принадлежить, если не въ одинаковой, то въ соотвѣтственной мѣрѣ всему, что хотя и не составляетъ главныхъ центровъ, но является средоточіемъ интеллигентной и экономической жизни мелкихъ территоріальныхъ единицъ, какъ, напр., болѣе или менѣе крупныхъ провинціальныхъ городовъ? Прошедшая исторія не могла рѣшить этого вопроса главнымъ образомъ потому, что самая печать, въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ наше время, и съ тѣми задачами, рѣшеніе которыхъ она беретъ на себя, есть исключительно продуктъ послѣднихъ вѣковъ исторіи человѣчества; а та печать, которая считаетъ свое существованіе вѣками, хотя въ существѣ и была отчасти тѣмъ-же оружіемъ въ рукахъ человѣчества, каковыя она окончательно стала въ послѣднее время, однакожь, приемы исполненія ея своей миссіи были далеко не тѣ, что въ наше время. Если-бы для насъ не существовало опыта девятнадцатаго вѣка, то на основаніи одного опыта прежнихъ вѣковъ можно было-бы даже положительно сказать, что вплоть до восемнадцатаго и даже до девятнадцатаго вѣка печать не подчинялась первому изъ указанныхъ выше нами естественныхъ законовъ—закону централизаціи, а, напротивъ, проявляла жизнь вездѣ, гдѣ только имѣлась соотвѣтствующая почва, и главнымъ образомъ тамъ, гдѣ она находила факторовъ, необходимыхъ для поддержанія ея существованія—дѣятелей слова и типографскія средства.

Но девятнадцатый вѣкъ едва-ли не положительно, хотя, надо полагать, временно, рѣшаетъ вопросъ о печати въ смыслѣ абсолютной централизаціи; для рѣшенія этого вопроса въ противоположномъ смыслѣ современная жизнь представляетъ, можно сказать, непреодолимая, органическія препятствія, источники которыхъ не въ регламентаціи, а въ самомъ складѣ жизни, и чѣмъ дальше, тѣмъ, повидимому, препятствія эти становятся неизбежныѣе, такъ что то, что мы разумѣемъ подъ понятіемъ „печать въ провинціи“, едва-ли имѣетъ близкое будущее при данномъ складѣ общественной жизни. Сказанное нами въ равной мѣрѣ относится какъ къ европейской, такъ и къ нашей русской провинціальной печати; а что касается провинціальной печати Новаго Свѣта, то тамъ явленіе централизаціи печатнаго слова выказывается еще ярче, еще абсолютнѣе, при отсутствіи притомъ всякой регламен-

таціи, всякой репрессіи, хотя опять-таки явленіе это должно быть временнымъ, переходящимъ.

Еще недавно у насъ возлагались большія надежды на провинціальную печать, да и въ настоящее время едва-ли не господствующимъ мнѣніемъ остается то, что провинціальная печать имѣетъ свое будущее, и даже очень близкое; что временныя, чисто-механическія препятствія задерживаютъ ея развитіе насильственно; что, несмотря на эти препятствія, ростъ провинціальной печати хотя довольно медленъ, однако, носитъ въ себѣ всѣ зачатки жизни и развитія; что въ концѣ концовъ, какъ грамотность, образованіе и развитіе должны сдѣлаться болѣе или менѣе общими достояніемъ съ поднятіемъ уровня экономическаго благосостоянія всѣхъ классовъ общества; что какъ въ городѣ прочный сапогъ вытѣсняетъ обдерганный мочальный лапотъ, такъ вытѣснить онъ эту допотопную, каменнаго вѣка обувь и изъ деревень, — точно такъ и печать разольется вездѣ, куда только она въ состояніи проникать, и разливаясь будетъ не изъ центровъ, въ видѣ готоваго, уже читательнаго матеріала, отлитаго въ литературную, ученую, публицистическую и иную форму печати, но въ видѣ самаго типографскаго станка съ его дѣятелями и факторами — литераторами, учеными, публицистами и т. д. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи все, повидимому, говорило въ пользу мнѣнія о децентрализациі печати, о томъ, что дальнѣйшее развитіе ея, казалось-бы, должно пойти путемъ центробѣжной силы, путемъ циркуляціи крови отъ сердца къ прочимъ частямъ тѣла и ко всѣмъ его живымъ оконечностямъ; мнѣніе это отчасти подтверждалось такими провинціальными изданіями, какъ „Камско-Волжская Газета“ въ Казани, газета „Донъ“ въ Воронежѣ, „Азовскій Вѣстникъ“ въ Таганрогѣ, „Филологическія Записки“ въ Воронежѣ, „Сибирь“ въ Иркутскѣ, „Новороссійскій Телеграфъ“, „Кіевскій Телеграфъ“, „Кіевлянинъ“, „Кавказъ“, „Донская Газета“ въ Новочеркасскѣ, „Саратовскій Справочный Листокъ“ и т. д. Кроме того, не одна періодическая провинціальная печать могла утверждать въ томъ мнѣніи, что провинціи, подобно столицамъ и большимъ центрамъ, заговорятъ своимъ независимымъ языкомъ, подадутъ свой собственный голосъ въ общемъ представительствѣ человѣческаго слова, и голосъ этотъ будетъ имѣть такое-же рѣшающее значеніе въ пред-

ставительствѣ мысли, какъ и голосъ центровъ-монополистовъ печатнаго слова; въ провинціи годъ отъ году, и притомъ съ каждымъ годомъ чаще, стали появляться такія прекрасныя изданія, какъ труды нижегородскаго статистическаго комитета, подъ редакціею неутомимаго борца провинціальной печати, борца-децентралиста, какъ онъ самъ себя понимаетъ, г. Гацискаго, или труды кievскихъ ученыхъ и литераторовъ, какъ изданія гг. Антоновича и Драгоманова, изданія г. Чубинскаго изъ области, такъ-сказать, серьезной письменности, скромные труды гг. Трирогова и Воскобойникова въ Саратовѣ и т. д., и цѣлая масса чисто-литературныхъ изданій на украинскомъ языкѣ, какъ, напр., сочиненія даровитаго малорусскаго писателя Нечуя, переводы г. Старичкаго и т. д., и т. д. Мало того, съ вопросомъ о провинціализмѣ печати самымъ законнымъ и естественнымъ образомъ былъ связанъ другой вопросъ, болѣе широкій въ этнографическомъ, національномъ и общечеловѣческомъ смыслѣ,—вопросъ о законности и исторической неизбежности существованія самостоятельной малорусской литературы и малорусскаго литературнаго языка.

Бъ сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя порыванія провинцій такъ, кажется, покуда и должны остаться порываніями, потому что питаемыя ими надежды и заявляемыя ими притязанія на равную съ крупными интеллигентными центрами долю участія въ общечеловѣческой работѣ печатнаго слова почти не имѣютъ подъ собою реальной почвы и положительно не оправдываются тѣмъ направленіемъ, какое принимаетъ жизнь современныхъ цивилизованныхъ народовъ, и притомъ едва-ли не помимо ихъ собственной воли, какъ помимо собственной воли растетъ дерево, журчитъ ручей и проч., а подъ обаяніемъ какой-то невѣдомой, повидимому неизмѣнной, роковой силы—собственно союза двухъ силъ: интеллигентной и экономической, которыя все болѣе и болѣе влекутъ человѣчество изъ окраинъ, изъ провинцій (въ обширномъ смыслѣ этого слова) къ немногимъ, почему-то излюбленнымъ ими центрамъ. Подобно тому, какъ онѣ создали монополію капитала и тысячи монополій почти во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности человѣческой, такъ создаютъ теперь монополію центровъ, монополію крупныхъ городовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и монополію проявленія интеллигентныхъ силъ человѣчества, монопо-

лію ума, монополію генія человѣческаго, наконецъ монополію печати.

Стоитъ только взглянуть на ужасающій ростъ большихъ городовъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, чтобы видѣть, что многія изъ прежнихъ иллюзіи человѣчества должны разлетѣться въ прахъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи девятнадцатый вѣкъ представляетъ какое-то новое, небывалое явленіе въ жизни всего человѣчества. Что-то поражающее представляетъ ростъ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ и нѣсколько городовъ Новаго Свѣта: населеніе ихъ считаютъ уже миліонами, а богатствомъ своихъ капиталовъ они въ состояніи купить себѣ весь шаръ земной, какъ какую-нибудь помѣщичью усадьбу; все, что только есть живого и дѣятельнаго въ остальномъ населеніи страны, гдѣ завелся такой гигантъ-городъ, городъ-монополистъ, городъ-банкиръ, городъ-геній, городъ-деспотъ,—все это притягивается неудержимо къ этому обаятельному центру и все исчезаетъ въ немъ, какъ въ безднѣ,—и хорошее, и злое, и гениальное, и до безчеловѣчности безумное. Въ то время, когда естественный приростъ всего остального населенія страны въ извѣстный періодъ времени не даетъ и 15%, приростъ этихъ чудовищъ-городовъ доходить до 100, до 200 и болѣе процентовъ. Въ Лондонѣ, на небольшой клочкѣ земли, скучилось уже болѣе 3 миліоновъ душъ населенія—это больше, чѣмъ на всемъ безлюдномъ сѣверѣ Россіи. И при этомъ ужасающемъ ростѣ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ, Берлинъ и др., замѣчается странное, также небывалое явленіе: жизнь въ малыхъ городахъ дорожаетъ, средства заработка если не уменьшаются, то не возвышаются пропорціонально съ возрастаніемъ потребностей жизни, а между тѣмъ жизнь въ большихъ городахъ становится и сравнительно дешевле, и несравненно болѣе представляетъ удобствъ и средствъ для заработка. Естественно, что все изъ провинцій тянется къ центрамъ, въ эти чудовищныя пасти большихъ городовъ, гдѣ или погибаетъ, если не носитъ въ себѣ зачатки жизни, такъ-сказать, большого полета, или находитъ удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, богатѣетъ, а иногда и благоденствуетъ, добивается славы, почестей, могущества.

Возьмите, напр., города обыкновенные, города джунинности, рядовые, такъ-сказать, города гдѣ-бы то ни было—въ Европѣ или

у насъ въ Россіи—и поставьте ихъ рядомъ съ городами-титанами, съ городами геніями своего рода, съ городами, которыхъ ждетъ участь центровъ; города дюжинности, какъ сто лѣтъ назадъ имѣли 5—6 тысячъ жителей, такъ и теперь дошли развѣ до 10 — 12 тысячъ, и то нѣкоторые немногіе; выросли изъ цифры 25 до 50 тысячъ; а города-богатыри разомъ, въ нѣсколько десятилѣтій, перерастаютъ стотысячное населеніе. У насъ, хотя въ маломъ размѣрѣ, такими городами являются Петербургъ, Одесса, Саратовъ; европейскихъ городовъ и городовъ Нового Свѣта мы не перечисляемъ. Гдѣ-же причины этого поражающаго роста центровъ на счетъ своихъ окраинъ и всего болѣе или менѣе отдаленнаго отъ центра? Почему человѣкъ въ этомъ случаѣ такъ всецѣло отдается обаянію одной изъ силъ, управляющихъ міромъ,—силѣ центростремительной, силѣ центрального тяготѣнія, а не силѣ центробѣжной, силѣ децентрализаціи? Почему онъ повинуется силѣ, повидимому, убивающей равенство, хотя въ принципѣ признаетъ не только законность существованія, но право первенства въ этомъ существованіи за силою центробѣжною, за силою децентрализирующею? Мишель Триго остроумно объясняетъ это естественными законами жизни и развитія, неотразимое воздѣйствіе которыхъ въ одинаковой мѣрѣ чувствуетъ на себѣ и крупный звѣрь, находящій для себя соотвѣтственную жизненную арену только въ крупныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, и громадный китъ, могущій свободно жить и дышать только въ океанѣ, и, наконецъ, человѣкъ, ищущій арену для своей дѣятельности соотвѣтственно своему удѣльному вѣсу—силѣ духовной во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. „Какъ все живущее, говоритъ Триго,—человѣкъ находится въ прямой зависимости отъ окружающей его среды; онъ измѣняется сообразно съ преобразованіями, въ ней совершающимися. Физиологическія и психологическія условія, въ которыя поставленъ горожанинъ большого города, различны отъ условій, вліяющихъ на бытъ жителей селъ и небольшихъ городовъ. По изслѣдованіямъ натуралистовъ оказывается, что виды, населяющіе огромный континентъ Азіи, больше ростомъ соотвѣтствующихъ видовъ, живущихъ въ Африкѣ и Европѣ. Для большихъ рыбъ необходимы океаны, моря и очень большія рѣки. И въ царствѣ микроскопическихъ животныхъ дѣйствуетъ тотъ-же законъ. Извѣстный ученый Пуше, наблюдавшій инфузорій, гово-

рять, что болѣе рослые экземпляры ихъ могутъ родиться и расти только въ сосудахъ болѣе емкости, наиримѣръ въ стаканахъ, но не въ рюмкѣ. Дали, забавлявшіеся золотными рыбками, хорошо знаютъ, что очень маленькія рыбки, помѣщенныя въ маленькой стеклянной вазѣ, производящія крошечныхъ экземпляровъ, начинаютъ производить болѣе рослыхъ, какъ только ихъ переведутъ въ вазу болѣе величинны. Точно также извѣстныя человѣческія личности, характеры и темпераменты чувствуютъ себя въ своей сферѣ только при извѣстной окружающей обстановкѣ. Людей честолюбивыхъ, съ выдающимися способностями, людей талантливыхъ естественно притягиваетъ къ себѣ большой городъ, такъ-какъ только здѣсь они находятъ возможность принѣсти свои знанія, свою ловкость. Все, выдѣляющееся изъ ряду, все первосортное въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ—артисты, ученые, государственные люди, теологи, профессора, адвокаты, авантюристы, самые ловкіе мошенники, кокетки, всякія чрезмѣрныя фیزیологическія уродливости, въ родѣ овцы о двухъ головахъ и барана о шести ногахъ,—все это стремится въ столицы и очень большіе города. Высшее дарованіе и крайній порокъ могутъ проявляться только въ столицѣ. Не надо забывать, что столицы далеко еще не достигли того положенія, какое онѣ могутъ занимать. Теперь онѣ пока еще столицы національныя; что-же будетъ, если нѣкоторыя изъ нихъ обратятся въ международныя? До какой непомѣрной цифры можетъ дойти тогда ихъ населеніе?“ (Дѣло, 1875, кн. 7).

Вотъ гдѣ та страшная сила, которая грозитъ провинціямъ еще большимъ измелчаніемъ ихъ интересовъ, ихъ дѣятельности, которая налагаетъ и на ихъ будущее что-то оцѣняющее, отнимаетъ у нихъ надежды на равную съ крупными центрами долю участія на пиру избранныхъ всего человѣчества и, наконецъ, подрываетъ вѣру въ возможность того идеальнаго равенства, о которомъ такъ много когда-то говорилось: вездѣ монополія крупной единицы, вездѣ преобладаніе выдающейся силы надъ массами и полное отрицаніе въ жизни идеальнаго принципа равенства. Эта-же страшная сила налагаетъ свою руку и на будущее провинціализма во всѣхъ его видахъ—провинціализма національнаго, сепаративно-этнографическаго, сепаративно-политическаго и литературнаго. Въ свою очередь, и печать—отраженіе нравствен-

наго роста человѣчества—неизбѣжно должна пойти туда, куда поведетъ ее человѣкъ, а человѣка неотразимая сила влечетъ изъ „глуши“, изъ „деревни“, изъ „Саратова“ къ центрамъ, къ большимъ городамъ, и влечетъ съ поражающею быстротою. Ясно, что и печать виѣстѣ съ человѣкомъ будетъ тяготѣть къ центрамъ, городамъ, а провинціи должны оставаться вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ.

Но что-же, наконецъ, остается этимъ бѣднымъ провинціямъ, маленькимъ городамъ, селамъ, озерамъ, маленькимъ рѣкамъ, когда все крупное уходитъ въ крупные центры, въ большіе города, въ моря, въ океаны и когда, по неизмѣннымъ законамъ роста и развитія, все живое, осужденное жить въ стаканѣ или въ рюмкѣ, въ „глуши“, не только само не развивается, но губитъ и свое непосредственное поколѣніе, свой родъ, который мельчаетъ и суживаетъ свою дѣятельность, умаляетъ свои рабочіе и производительные органы, конечно интеллигентно, и, какъ неизбѣжное слѣдствіе всего этого, уменьшаетъ, можетъ быть, силу своихъ творческихъ способностей, суживаетъ объемы мозга и предѣлы его отправления? Вѣдь если допустить абсолютное примѣненіе этой безотрадной теоріи, теоріи большихъ городовъ, во всему, то можно дойти до ужасающихъ выводовъ: все населеніе обоихъ полушарій, за исключеніемъ нѣсколькихъ счастливыхъ пунктовъ въ видѣ крупныхъ городовъ или городовъ-чудовищъ, должно быть обречено на вѣчную зависимость по отношенію къ этимъ счастливымъ точкамъ на земномъ шарѣ, на рабство экономическое и духовное и, наконецъ, на какую-то вѣчную дужинность, изъ среды которой все лучшее и выдающееся, все сильное умомъ и предприимчивостью, все даровитое и честолюбивое будетъ высасываться этими исполненными спрутами—центрами; даже выдающіяся аномаліи, рельефныя уродства въ ширѣ физическомъ и нравственномъ, самыя яркіе представители добра и зла, добродѣтели и порока,—все это будетъ отливать къ центрамъ, а весь остальной шаръ земной долженъ будетъ играть роль отсталого провинціала съ его вѣчными, но бесполезными порываніями къ децентрализаціи.

Но между тѣмъ, принимая съ крайней осторожностью эту, по-видимому, парадоксальную теорію, которая, однакожь, надо сказать правду, въ сущности и не теорія, а живой фактъ, бьющій въ глаза, явленіе, замѣчаемое вездѣ, хотя, можетъ быть, явленіе

случайное, какъ временное социальное уродство, ничѣмъ не отличающееся отъ множества другихъ подобныхъ социальныхъ уродствъ, навязанныхъ намъ прошедшею исторіею человѣчества и разросшихся до поразительныхъ размѣровъ благодаря такимъ уродствамъ нашего общественнаго строя,—принимая это явленіе какъ временно-неизбѣжное зло, мы найдемъ, что и при такомъ неблагоприятномъ положеніи дѣлъ жизненныя задачи провинцій остаются все-таки благодарными, а будущее ихъ едва-ли можетъ быть такимъ безотраднымъ, какимъ его рисуетъ теорія большихъ городовъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что центры всегда и вездѣ жили болѣе или менѣе заимствованною жизнью, хотя въ нихъ самихъ, повидимому, жизнь впитѣла ключомъ, что вездѣ и всегда центры не сами создавали свою силу, а при помощи того матеріала и тѣхъ рабочихъ силъ, какъ въ физическомъ, такъ и духовномъ смыслѣ, которыя къ нимъ приливали большею частью извнѣ, изъ „глуши“, изъ „деревень“, изъ „Саратова“, что, наконецъ, вездѣ и всегда они питались жизненными, экономическими и духовными соками тѣхъ величинъ, средоточіе которыхъ они составляли. И полусказочный Вавилонъ съ его висячими садами, и такая-же почти сказочная Ниневія съ ея поражающею роскошью, и поэтическая Пальмира, и изящныя Афины съ чудесами классическаго искусства и поэзіи, и страшный Римъ съ его желѣзными легіонами и безумнымъ развратомъ,—всѣ эти города-чудовища тоже питались соками своихъ провинцій, и когда эти соки изсыхали, изсыхла и жизнь самихъ чудовищъ. На провинціяхъ, такимъ образомъ, лежитъ вѣчная забота—питать свои центры и, въ свою очередь, питаться отъ нихъ тѣмъ, что даетъ пріятившееся въ центрахъ совокупное творчество всѣхъ лучшихъ силъ страны, всѣхъ наиболѣе выдающихся дарованій, творчество ума, знаній и союзника ихъ, а иногда врага, тоже всегда избирающаго своимъ мѣстопробываніемъ центры—капитала. Вѣдь Лондонъ справедливо называютъ денежнымъ сундукомъ обоихъ полушарій и банкиромъ всего міра, и выбрасываемый ежедневно изъ лондонской типографіи огромный газетный листъ съ подписью „Times“ едва-ли не приравниваютъ къ небывалой „шестой части свѣта“, безоружныя арміи которой не менѣе сильны, какъ и вооруженныя арміи всего міра, вѣстѣ взятыя, потому что эти бе-

вооруженныя арміи вмѣстѣ съ другими союзными, безоружными-же войсками, разсѣянными на обоихъ полушаріяхъ, изъ своихъ казармъ-типографій руководятъ общественнымъ мнѣніемъ всего міра. Поэтому только при извѣстномъ равновѣсіи между центрами и провинціями возможна жизнь и тѣхъ, и другихъ, а развитіе или упадокъ послѣднихъ неизбѣжно должны отражаться самымъ роковымъ образомъ на первыхъ, и притомъ въ несравненно большей степени, чѣмъ упадокъ первыхъ: центры, непитаемые провинціями, неизбѣжно погибнуть, несмотря на всѣ сокровища свои, несмотря на всѣ собранныя въ нихъ силы ума, таланта и творчества, тогда какъ провинціи, и не будучи питаемы духовною пищею и продуктами творчества центровъ, еще могутъ продолжать свое скромное существованіе, и продолжать его до безконечности, хотя-бы центры и погибли окончательно. И въ 1612, и въ 1812 годахъ Москва, считающаяся сердцемъ Россіи, значить болѣе еще, чѣмъ простымъ центромъ, была, повидимому, на смерть поражена, но Россія продолжала жить, несмотря на пораженіе центра. То-же было и съ Франціей, когда Парижъ поразили нѣмцы.

II.

Обращаясь, послѣ всего сказаннаго, непосредственно къ печати въ провинціи, мы считаемъ необходимымъ не только уяснить себѣ то положеніе, въ которомъ она находится у насъ въ настоящее время, опредѣлить по-возможности сумму, такъ-сказать, невещественныхъ цѣнностей, которую провинціальная печать приложила и прилагаетъ къ суммѣ такихъ-же цѣнностей, принесенныхъ и приносимыхъ странъ печатью центровъ, но и понять, если возможно, какія именно задачи должна-бы по своему положенію взять на себя провинціальная печать и вполнѣ-ли она сознательно выполняетъ свою историческую миссію.

Едва-ли кто станетъ отрицать тотъ, повидимому, нѣсколько странный парадоксъ, что, при всемъ кажущемся богатствѣ историческаго и жизненнаго опыта, которымъ могли-бы похвалиться мы, русскіе, изучающіе и прошедшее, и настоящее нашего отечества, при всей массѣ, безспорно очень и очень почтенной, печатнаго статистическаго, этнографическаго, бытоваго, земскаго и всякаго

много матеріала, при всей совокупной многолѣтней работѣ разныхъ ученыхъ обществъ, официальныхъ и частныхъ изслѣдователей, путешественниковъ, правоописателей и проч., и проч.,—мы все еще почти не знаемъ или очень мало знаемъ Россію. Одинъ изъ самыхъ видныхъ и самыхъ полезныхъ представителей нашей провинціальной печати, г. Гацискій, неутомимой и послѣдовательной дѣятельности котораго наше отечествовѣденіе обязано драгоценными свѣденіями, преимущественно о нижегородскомъ Поволжьѣ, вотъ что, между прочимъ, говоритъ по поводу нашего отечествовѣденія: „Интересуясь разнообразными условіями жизни нижегородскаго Поволжья, въ которомъ пришлось мнѣ жить самому, и, слѣдовательно, радоваться его радостями и печалиться его печальми, я, конечно, прежде всего обратился къ знакомству съ нимъ при помощи тѣхъ печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ для изученія, которые могъ добыть, и такимъ путемъ, казалось, приобрѣлъ достаточный запасъ знаній о прошедшемъ и настоящемъ нижегородскаго Поволжья. Для пополненія, однако, своихъ свѣденій объ его настоящемъ, я рѣшился повѣрить ихъ личнымъ наблюденіемъ; полагая свою кабинетную подготовку достаточно полною, я сталъ предпринимать, съ осени 1870 года, поѣздки въ различныя мѣстности нижегородскаго Поволжья, и—о, ужасъ!—пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію, открылъ, что почти ничего о немъ не знаю, и, профанируя Фауста, убѣдился на опытъ, что зачастую мы убѣждаемся,

Путемъ обиднаго сознанья,
 Что мы не знаемъ ничего,
 Что только стоило-бы знанья...“

Дѣйствительно, если такой дѣятель провинціальной печати, какъ г. Гацискій, много лѣтъ изучавшій одинъ только маленькій клочекъ Поволжья, и изучавшій его съ такою-же упрямою энергіею, какъ какой-нибудь нѣмецкій гелертеръ всю жизнь изучаетъ одну излюбленную имъ инфузорію, или, какъ нашъ знаменитый Миклуха-Маклай, для изученія „губки“ убиваетъ свою молодую жизнь то въ ужасномъ климатѣ Аравіи втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то еще въ болѣе ужасныхъ климатахъ Новой Гвиннеи, подъ ежечаснымъ страхомъ смерти или отъ гнилой лихорадки, или отъ стрѣлъ враждебнаго, глупаго дикаря-папуаса, —если г. Гацискій добросовѣстно сознается, что онъ все еще не знаетъ

своего поволжскаго клочка и упорно изучаетъ его, колеса и въ зной, и въ слякоть отъ Ветлуги и Керженца до Тешы и отъ Красной Рамени до Внесы и Починокъ,—то ужъ относительно всей Россіи, этого всероссійскаго клочка вселенной, можно смѣло сказать, что ея никто еще не знаетъ и что даже *естъ* ея не знаютъ.

Знаніе — вотъ та сила, въ союзѣ съ которою, и единственно только съ нею, провинціи въ состояніи будутъ выдержать предстоящую имъ борьбу съ центрами, въ полномъ смыслѣ слова борьбу за существованіе. Знаніе, польза знанія—конечно, это азбучная истина, и говорить о ней—значило-бы повторять всѣ азбучныя истины, въ родѣ „познай самого себя“, „не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь“, „будь честенъ“ и т. д. Но въ примѣненіи къ затронутому нами вопросу это будетъ далеко не азбучная истина, и вотъ въ слѣду какихъ историческихъ соображеній.

Всѣ народы, такъ-называемые „историческими“ или „великими“, или, наконецъ, „безсмертными“, не даромъ получаютъ эту приставку къ своему имени. Историческое безсмертіе и величіе древнихъ грековъ основано единственно лишь на томъ, что они сдѣлали, т. е., другими словами,—что они сами сказали о себѣ, о своей странѣ, о своихъ дѣяніяхъ, героическихъ и постыдныхъ, о своихъ великихъ и мелкихъ людяхъ, о своихъ хорошихъ и дурныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, о своемъ искусствѣ, о своей поэзіи, о своемъ величіи и, наконецъ, о своемъ паденіи. До настоящаго времени весь міръ наполненъ славой именъ древней Греціи, и имена эти передаются изъ рода въ родъ, и человѣчество знакомится съ этими именами почти съ колыбели, потому что имена эти стали какъ-бы родныя намъ, какъ имена людей намъ близкихъ, болѣе или менѣе дорогихъ намъ, которыхъ мы знаемъ лично. Весь этотъ классическій міръ становится для насъ безсмертнымъ, потому что мы *знаемъ* его. Рефлективное безсмертіе, въ силу *знанія*-же, отразилось и на погибшей Троѣ, о которой мы хотя и знаемъ только то, что о ней сказалъ безсмертный старикъ Гомеръ, а между тѣмъ эти Приамы, Гекторы, Андромахи, Патроклы, весь этотъ „священный“ Иліонъ и эта „затуманившаяся“ Ида,—все это какъ-бы родныя намъ имена, наши дорогіе покойники, потому что мы ихъ также нѣсколько *знаемъ*,

потому что нравственный обликъ героевъ и самая мѣстность погибшаго города неизгладимо нарисованы на нашей памяти, на нашемъ воображеніи. Но кромѣ роковой осады Трои и ея паденія, мы ничего не знаемъ объ этомъ полумифическомъ городѣ, потому что самъ онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ своего существованія, ничего не сказалъ о себѣ, на чемъ послѣдующія поколѣнія могли-бы основать свои знанія относительно судьбы Трои и ея обитателей, подобно тому, какъ весь образованный міръ знакомъ съ прошедшею жизнью Греціи, съ ея великими людьми, съ нравственнымъ обликомъ Солона, Дракона, Перикла, Аспазіи, Алкивиада, Демосфена, даже Терсита и цѣлой массы другихъ дѣятелей древняго міра, съ общественной жизнью этого бессмертнаго историческаго народа, съ его забавами, даже играми, съ произведеніями его искусства и т. д. Туманною представляется намъ историческая жизнь Карфагена, пѣкогда могущественнаго соперника еще болѣе могущественнаго Рима. Исторія Карфагена — это какой-то обрывокъ картины, доскутъ полотна, непощаженаго временемъ, но съ яркими слѣдами картины, изображающей послѣдніе дни этого города. За то Римъ, какъ и Афины, знакомъ намъ по своей рельефной, героической и легендарной жизни едва-ли не болѣе, чѣмъ прошлое нашего собственнаго отечества, и опять-таки оттого, что Римъ много о себѣ сказалъ, и на основаніи этого сказаннаго имъ мы можемъ воссоздать его прошлую жизнь въ мельчайшихъ подробностяхъ, представить себѣ живыми лица, дѣйствовавшія за двѣ и болѣе тысячи лѣтъ до нашего времени, можемъ повторять ихъ бессмертныя изреченія, ставшія пословицами всего міра; а между тѣмъ мы едва-едва въ состояніи представить себѣ туманные образы нашихъ, какъ ихъ называетъ добрый Карамзинъ, „великановъ сумрака“ — Святослава, „вѣщаго“ Олега, Мономаха, Игоря, Ольги, хотя наши „великаны сумрака“ жили сравнительно съ греческими и римскими великанами еще такъ недавно, — и все это потому, что мы о своемъ прошломъ, какъ и о своемъ настоящемъ, мало знаемъ, — о прошломъ потому, что благочестивые лѣтописцы слишкомъ скудно повѣдали намъ о томъ, что дѣлалось за стѣнами монастырскихъ келій, въ тогдашнихъ „провинціяхъ“; о настоящемъ-же потому, что наша центральная печать, печать большихъ городовъ, слишкомъ исключительно занятая, подобно

древнимъ лѣтописцамъ, своими кельями и знаменіями, т. е. своими собственными, преимущественно центральными интересами, мало заглядываетъ въ далекія захолустья, въ какую-нибудь Красную Рамень, на холодную Печору, въ завожскія степи, въ забываемую Украину.

Въ виду всего сказаннаго для насъ понятнымъ становится, какимъ образомъ совершалось, такъ-сказать, постепенное нравственное омертвѣніе цѣлой половины Россіи, той половины, которая когда-то жила усиленною жизнью, которая и много дѣлала въ борьбѣ за свое политическое и гражданское существованіе, и много сама о себѣ сказала, которой прошлое представляетъ поразительные образцы классическаго геройства, точно это дѣйствовали полумифическіе греки и римляне, которой дѣятели, какъ и герои классическаго міра, становились для насъ близкими и дорогими почти съ колыбели, а образы ихъ смѣшались у насъ съ дѣтскими родными воспоминаніями, — и все это потому, что у этой половины Россіи была своя эпопея съ глубоко-поэтическою рѣчью слѣпыхъ Гомеровъ въ лаптяхъ, своя разрушенная Троя, свой священный Иліонъ, Гекторъ и Андромаха, свой деревянный конь, погубившій неразумную Трою. Мы говоримъ о Малороссіи. Ея славное, хотя смутное прошедшее стало бессмертнымъ, ярко памятнымъ въ исторіи русскаго народа; ея дѣятели и ихъ дѣла перешли въ народную память, обезсмертились народнымъ творчествомъ и творчествомъ современной поэзіи, а равно современной исторіею. Какой-нибудь дѣпровскій островокъ, на которомъ была Сѣчь, стоитъ въ памяти всякаго образованнаго русскаго радомъ, на одной страницѣ исторической памяти, этого историческаго поминальника объ усопшихъ — радомъ съ Троею, съ ея священнымъ Иліономъ, съ седьмиколеннымъ Римомъ и Авентинскою горою; какія-нибудь утлыя лодченки, на которыхъ запорожцы побивали въ Черномъ морѣ турецкія галеры, стоятъ въ исторіи и въ нашей памяти радомъ съ испанскою „непобѣдимой армадою“; какіе-нибудь горемыки-казаки, „братья-невольники“, убѣгающіе изъ Азова, такъ-же близки намъ и еще ближе, чѣмъ „шильонскій узникъ“, вздыхающій о своей тюрьмѣ, и дорогой намъ всѣмъ потому собственно, что мы узнали его по Байрону. Наливайко, Острица, Пивтора-Кожуха, Перевѣйность, Желѣзнякъ и Гонта—все это знакомыя намъ лица и далеко не

чужія намъ. А отчего? Оттого, что мы ихъ знаемъ, что судьбою ихъ мы интересовались, въ ихъ давно отжитую жизнь положили частицу своего сердца, своей мысли, своей жизни. И послѣ всего этого для такой дорогой всѣмъ намъ половинѣ Россіи начинается постепенное омертвѣніе, нравственная летаргія, продолжающаяся, повидному, и до настоящаго времени. А кто виноватъ въ этомъ? Никто или всѣ. Скорѣе всѣ, потому что всѣ обратились къ этому поэтическому, славному прошлому и забыли прозаическое настоящее: поминишь только ту степь, по которой гарцовали казаки на веронихъ коняхъ, на которыхъ „ревѣли гарматы“, а не знаемъ той степи, на которой „жито зеленіе“, какъ говоритъ Шевченко. То, что прошло, мы знаемъ, а то, что теперь, мы не знаемъ и знать, повидному, не хотимъ. Вотъ гдѣ источникъ омертвѣнія—въ нашемъ незнаніи, въ нашемъ игнорированіи жизни, въ неслышаніи ея плачущаго голоса. Мы не знаемъ, какъ Малороссія горшки дѣлать, ложки да миски дѣлаетъ; мы долго не хотѣли этого знать, потому что это такъ непривлекательно—гетманская булава и горшокъ, запорожская Сѣчь и армарка въ Борисполь, на которой распоряжаются евреи, какъ они не смѣли распоряжаться въ Сѣчи. Мы не хотимъ знать требованій жизни, потому что, подобно женѣ Лота, постоянно оборачиваемъ голову назадъ, на дорогое прошлое; а это оборачиванье головы назадъ извѣстно, что сдѣлало съ женою Лота. Требования жизни имѣютъ свои великія права и ими пренебрегать нельзя, потому что въ извѣстное время глина простого глинянаго горшка имѣетъ свою цѣну рядомъ съ воссозданіемъ нравственнаго образа историческаго героя, а умѣнье шить чоботы, не прибѣгая къ москалю за шиломъ и дратвою, едва-ли не равносильно самостоятельности малорусскаго литературнаго языка и самостоятельности малорусской литературы, если даже не важнѣе жизненно. Когда для Гарибальди отошла пора освобожденія Италіи отъ иноземнаго владычества и объединенія ея въ одинъ народъ, онъ занялся,—чѣмъ-бы, можно было думать?—составленіемъ акціонерной компаніи для осушенія болотъ въ своей дорогой Италіи, въ той Италіи, которую не умѣли избавить отъ болотъ ни Гракхи, ни Цезари, и приходится избавлять все тому-же Гарибальди, сплотившему во-едино разодранныя части „аппенинскаго сапога“ и снявшему его съ ноги чужеземныхъ

властителей. — Только недавно молодые дѣятели Малороссіи, по-видимому, поняли жизненныя задачи своей родины и принялись за изученіе не одного археологическаго, архивнаго и могильнаго прошлаго, столь поэтическаго, столь возвышающаго духъ и сознаніе лучшихъ представителей страны, но и живого настоящаго, правда, далеко по внѣшности не привлекательнаго, далеко не героическаго и не поэтическаго, въ родѣ экономическаго художества и другихъ болячекъ на живомъ, хотя болѣзненномъ организмѣ прекрасной страны, въ родѣ отсутствія кустарнаго дѣла въ Украинѣ, въ родѣ вялаго промысловаго и торговаго движенія и многихъ другихъ злобъ дня, очень некрасивыхъ, однако требующихъ въ такой-же мѣрѣ къ себѣ вниманія и горячаго сочувствія, какъ и то далекое, красивое, но невозвратное прошлое, и ждущихъ отъ современныхъ дѣятелей такой-же дружной, энергической работы, какъ и задуманное героемъ Гарибальди осушеніе болотъ Кампаньи.

III.

Въ чемъ-же, наконецъ, должны заключаться задачи провинціальной печати—въ чемъ она можетъ почерпнуть свою силу для утоленія помянутыхъ злобъ дня и для борьбы за свое собственное существованіе, за право *быть*, для борьбы, въ концѣ концовъ, съ тѣми страшными центрами, которые, по теоріи большихъ городовъ, грозятъ высосать изъ провинцій всѣ лучшія духовныя и экономическія силы и обречь ихъ на безцвѣтное существованіе въ качествѣ служебнаго и питательнаго матеріала?

Посмотримъ прежде, какъ понимаетъ свои задачи сама провинціальная печать. Цѣльнѣе и опредѣлительнѣе всѣхъ объясняетъ задачи провинціальной печати и присущія ей внутреннія силы одинъ изъ наиболѣе достойныхъ ея представителей, о которомъ мы уже упоминали, именно г. Гацискій. Пусть-же его устами и говоритъ пока сама за себя провинція.

Г. Гацискій, сообразно своему взгляду на предметъ, дѣлитъ всю печать на два разряда — на печать центровъ и на печать провинцій, и вслѣдствіе этого отдѣляетъ дѣятельность и характеръ этой дѣятельности „писателей-централистов“, какъ онъ называетъ ихъ, отъ „писателей-децентралистов“, представите-

лей печати въ провинціи. Онъ находитъ, что задачи тѣхъ и другихъ — не однѣ и тѣ-же, хотя дѣло ихъ общее. По его словамъ, напримѣръ, „этнографъ-централистъ живетъ на широкую ногу: если ему извѣстны, положимъ, свадебные обычаи въ общихъ чертахъ, то его уже мало интересуетъ какая-нибудь мелкая мѣстная особенность; интересуясь крупными отличіями великорусской, малорусской жизни, онъ непрочъ отъ изученія оттѣнковъ и въ каждой изъ нихъ, но во всякомъ случаѣ девизомъ его служить: „большому кораблю большое и плаванье“. Это опять-таки вѣрно по теоріи большихъ городовъ — кораблямъ море, лодкамъ-душегубкамъ — озера въ провинціи. — „Насъ-же (говоритъ г. Гацискій) интересуетъ мельчайшая этнографическая особенность и мы готовы печатать все, что народный обычай выработалъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ, хотя-бы это было извѣстно относительно быта костромичей или владимірцевъ. Насъ интересуетъ собственная фizioномія нижегородскаго Поволжья; мы уже видимъ ее, но только еще не ясно. Для того, чтобы видѣть ее ясно, намъ нужно собрать всѣ черты, обрисовывающія мѣстность, а для этого намъ нужно знать, что у насъ свое, что костромское, что у насъ мордовское, что русское, что исконное русско-нижегородское, что внесено новгородцами, какъ костромское, мордовское или даже татарское переработалось у насъ въ свое или осѣло цѣлкомъ... Мало того, намъ нужно знать не только то мѣсто, которое занимаетъ нижегородское Поволжье въ Поволжьѣ вообще и въ Россіи, намъ нужны мельчайшія черты въ самомъ нижегородскомъ Поволжьѣ; намъ нужно знать, чѣмъ отличается каждая отдѣльная мѣстность: чѣмъ закудемскій житель отличается отъ жителя по сю сторону Кудмы и почему по сю сторону рѣки „закудемскій“ считается даже браннымъ прозвищемъ; намъ нужно знать, почему за Волгой посидѣнники не обходятся безъ парней, а въ Горахъ — и чѣмъ глубже, тѣмъ строже — соблюдается обычай изгнанія парней съ посидѣнокъ до того, что присутствіе ихъ даже срамомъ считается, и т. д., и т. д. На этомъ пути мы никогда не сойдемся съ этнографомъ-централистомъ, не потому, конечно, чтобы мы были враждебными другъ другу сторонами, наоборотъ — мы тѣснѣйшіе союзники, но только задачи наши хотя и сходны, но не однѣ и тѣ-же; другими словами, мы идемъ къ одной и той-же

цѣли—отечествовѣденію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова,— но только различными путями: централистъ-этнографъ требуетъ печатанія однихъ новыхъ матеріаловъ, находя, что печатаніе уже извѣстныхъ только увеличиваетъ его собственный трудъ, заваливая его массой лишняго матеріала... Мы же съ готовностью издали-бы, если-бы кто намъ доставилъ, сборникъ, напр., всѣхъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ, хотя-бы $\frac{9}{10}$ изъ нихъ были давно изданы, такъ-какъ намъ важно то, что представляетъ именно нижегородское Поволжье, которое мы считаемъ себя призванными изучать. Въ такомъ сборникѣ мы много-много что ограничились-бы однѣми ссылками только относительно пѣсенъ черезчуръ извѣстныхъ, да и то едва-ли: какъ не помѣстить въ сборникъ пѣсенъ нижегородскаго Поволжья пѣсню „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“, несмотря на ея общераспространенную извѣстность, доходящую даже до избытости,— извѣстность, прибавимъ между прочимъ, далеко не соразмѣрную съ достоинствами пѣсни, такъ-какъ есть много волжскихъ пѣсенъ несравненно выше ея какъ по содержанію, такъ и по напѣву, и въ особенности по характеристичности ихъ, наприм. „Не боюсь я Волги-матушки валовъ“... „Нижег. сборн., т. V, 1875 г., XII—XIII).

Безспорно, такое отношеніе къ задачамъ провинціальной печати нельзя не признать правильнымъ. Мысль, развиваемая г. Гацискимъ, давно уже созрѣла, и если провинціальная печать не успѣла еще проявить вполнѣ своихъ силъ, то это потому, что силы ея разъединены, а между тѣмъ объединяющее ихъ встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе хотя-бы, напр., въ томъ, что провинціальная печать не обладаетъ издательскими средствами и притомъ, по спеціальности своихъ изданій, должна ограничиваться самымъ ничтожнымъ кругомъ читателей. Мысль Гацискаго можетъ уже опереться на опытъ прежнихъ лѣтъ. Такъ, малорусская печать, которая по отношенію къ общей русской печати можетъ быть названа провинціальною, доказала, что въ состояніи вызвать къ жизни даже то, что уже исторически покончило свое существованіе: вся исторія и этнографія Малороссіи, всѣ эти цѣльные историческіе типы изъ прошлаго украинскаго народа, всѣ эти Наливайки, Дорошенки, эта богатая поэзія южно-русскаго народа, которая не безъизвѣстна и западной

Европѣ,—все это болѣе или менѣе продуктъ провинціальной, малорусской печати. А между тѣмъ тутъ, рядомъ съ запорожскими казаками, почти въ одно и то-же время жили и дѣйствовали донскіе казаки да и до настоящаго времени продолжаютъ свое историческое существованіе, какъ характеристическая особь въ государствѣ; при всемъ томъ и нравственный, и историческій, и этнографическій обликъ этой особи какъ всегда представлялся намъ въ туманѣ, такъ и теперь остается въ туманѣ. Подобно Украйнѣ, Подонью, безспорно, могло-бы указать не на одну такую личность, которая прославлена или ярко освѣщена малорусскою печатью, ея исторію, ея народными думами. Донъ, также какъ и Днѣпръ, имѣетъ свою исторію и свою историческую фізіономію. Постоянный напоръ этого воинственнаго товарищества на югъ, борьба съ турками, внутреннія встряски этой безпокойной казацкой артели, оканчивавшіяся часто походами на Русь, на Волгу,—все это могло-бы дать много рельефнаго для исторіи Дона и онъ-бы съ большимъ правомъ перешелъ на страницы историческаго безсмертія. Но самъ Донъ ничего почти о себѣ не сказалъ. Его прошлое извѣстно на-столько, на-сколько оно могло быть доступно и интересно издали исторіеку-централисту. Поэтому Донъ такъ и остался почти мертвою страницей въ исторіи. Никто не записалъ ни его историческихъ и бытовыхъ пѣсень, ни прошлаго, ни встоящаго строя его жизни; никто не обрисовалъ нравственной и общественной фізіономіи его сыновъ и дочерей, говоря высшимъ слогомъ; никто не раскопалъ даже его архивовъ. Вообще Дону не посчастливилось. Занятый своими военными рѣшѣніемъ до послѣдняго времени, онъ не могъ выдѣлать изъ своихъ сыновъ ни одного извѣстнаго писателя, представителя дѣловой печати и донской интеллигенціи, подобно тому, какъ это сдѣлала Малороссія, которая, напротивъ, выставила цѣлый контингентъ писателей, и централистовъ, и децентралистовъ, начиная отъ историковъ, поэтовъ, этнографовъ и кончая послѣдними могилокопателями: и прошлое, и настоящее Малороссіи, дѣйствительно, представляетъ почтенный контингентъ работниковъ въ пользу историческаго безсмертія малорусскаго народа. Маркевичъ, Вантышъ-Каменскій, Ригельманъ, Бодянский, Срезневскій, князь Цертелевъ, Квитка-Основьяненко, Гулакъ-Артемовскій, Нарѣжний, Гоголь, Гребенка, Метлинскій, Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко,

Антоновичъ, Драгомановъ, Руссовъ, а еще раньше — Кописскій, Величко, Марковичъ и т. д., и т. д., — цѣлая масса дружно работающихъ силъ, которыя и вынесли на своихъ плечахъ и прошлое, и настоящее Малороссіи на Божій свѣтъ, не дали ему покрыться паутиной и пылью забвенія, какъ покрыто забвеніемъ прошлое Дона, а настоящее — невѣденіемъ. На то-же забвеніе осуждено было и прошлое Поволжья. Изрѣдка историки-централисты, какъ, напр., С. М. Соловьевъ, касались Волги и ея историческаго прошлаго, когда уже совершенно нельзя было его обойти: упоминали о дѣйствовавшемъ на Волгѣ Ермакѣ, покорителѣ Сибири, о Стенькѣ Разинѣ, о Заруцкомъ немного, тогда какъ все остальное погружено было во мракъ. Но когда истинные работники печати разрыли уцѣлѣвшіе отъ огня и мышей архивы Поволжья и вывели на свѣтъ Божій забытыхъ атамановъ и добрыхъ молодцовъ понизовой вольницы, — то и прошлое Поволжья нѣсколько рельефнѣе выдвинулось изъ сумрака забытой старины, и оказалось, что связь прошедшаго съ настоящимъ должна была выработать именно это настоящее Поволжье, какое мы видимъ, а не другое.

Уясняя далѣе задачи провинціальной печати, г. Гацисскій говорить, что при такомъ взглядѣ на провинціальную печать, какой онъ высказалъ вообще, онъ „вполнѣ понимаетъ и цѣнитъ“ такіе чисто-научные приемы, которые практикуются, напр., гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ въ изданномъ ими недавно первомъ томѣ „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“. „Мы только находимъ (поясняетъ онъ), что рядомъ съ такими трудами, какъ сейчасъ названный, имѣютъ право на существованіе и такіе, за которые мы стоимъ... Централисту-этнографу извѣстенъ, напр., обычай „запоа“ невѣсты, и если онъ истинный централистъ, онъ доволенъ тѣмъ, что знаетъ о существованіи въ Россіи этого обычая; если онъ централистъ-Маниловъ, онъ сокрушается своимъ знаніемъ и при случаѣ скрываетъ или идеализируетъ его... Намъ важно знать, нѣтъ ли какого различія или сходства въ этомъ обычаѣ въ глухой Лукояновщинѣ, тяготеющей къ тамбовской губерніи, и въ понзювьяхъ Оки, въ оленинской волости. Централисту-этнографу извѣстна „самокрутка“, обычай жениться „уводомъ“, — намъ важно знать, переходитъ-ли онъ съ лѣваго берега Волги на правый и гдѣ проходятъ границы его распространенія на югъ, въ Го-

рахъ. Централистъ-этнографъ, услыхавъ, напр., пословицу на Уралѣ и внеся ее въ свою записную книжку, не особенно настораживаетъ ухо, если услышитъ ее на Волгѣ. Намъ важно, что извѣстная пословица, а также и поговорка, или наговоръ, или повѣріе извѣстны въ селѣ Вередѣвѣ и неизвѣстны въ Семети; намъ важно знать, какія изъ общихъ русскому народу пословицъ, поговорокъ, наговоровъ, повѣрій составляютъ полную собственность нижегородскаго Поволжья и всѣхъ его составныхъ частей, какія принадлежатъ ему исключительно, какія нижегородское Поволжье передѣлало на свой ладъ,—для того, чтобы смотрѣть на все это выраженіе народнаго міросозерцанія нижегородскаго Поволжья не какъ на простую забаву, а какъ на матеріалъ для сужденія о фізіономіи мѣстности, о складѣ ума его населенія, вообще о складѣ, положимъ, его трудовой жизни; напр., извѣстная въ Горахъ поговорка, которую, какъ мы догадываемся, разнесли здѣсь, вѣроятно, заволжскіе (семеновскіе) шерстобиты — „наши за Волгой давно спятъ“ — намекаетъ на существующій за Волгой обычай кончать работу и ложиться спать ранѣе, чѣмъ въ Горахъ“...

Развивая далѣе свою мысль, писатель-децентралистъ, писатель-провинціалъ продолжаетъ: „Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы мысль наша была ясна, т. е. чтобы было понятно, въ какомъ смыслѣ стремимся мы къ изученію фізіономіи нашей мѣстности, такъ-какъ только для поверхностнаго наблюдателя кажется, что мужикъ—вездѣ мужикъ, потому что на немъ вездѣ заплатанный, съ характеристическимъ запахомъ чипанъ, и вездѣ онъ безграмотенъ или полуграмотенъ, что одинъ городъ у насъ ухо-въ-ухо похожъ на другой, потому что въ каждомъ изъ нихъ есть по дворянской улицѣ, по клубу и полицмейстеру, и въ каждомъ не хватаетъ шкель, и въ нихъ одинаково жить скучно; но стоитъ только поближе подойти къ этому сѣрому мужику, стоитъ только поближе всмотрѣться въ народную, а не въ клубную жизнь этого будто-бы скучнаго города съ казеннымъ видомъ отъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы увидать, что нижегородскій мужикъ вовсе не такъ похожъ на тамбовскаго, а ужъ Нижній и вовсе не похожъ на Тамбовъ, не похожа даже Пенза на Калугу, несмотря на то, что безъ дворянской улицы они все-таки немнслимы“.

Наконецъ, провинціальный писатель старается уяснить тѣ отношенія, въ которыя провинціальная печать должна стать къ печати центральной. Онъ говоритъ, что для подробнаго изученія фیزیономіи мѣстности необходимы такіе матеріалы, какіе онъ предлагаетъ въ своемъ изданіи, на которые, конечно, нельзя смотрѣть какъ на цѣль, но только какъ на болѣе или менѣе пригодное средство. Только собравши массу такихъ матеріаловъ, можно будетъ основательно судить о фیزیономіи мѣстности, и только собравши массу такихъ матеріаловъ о *всѣхъ* разнообразныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, можно будетъ судить о фیزیономіи *всего отечества* нашего. Кропотливое собраніе и печатаніе такихъ матеріаловъ должно быть главнѣйшей и почетнѣйшей обязанностью провинціальной литературы. Въ ясномъ сознаніи нужды и обязанностей провинціальной печати, пока еще не пришло время говорить о правахъ ея, должна заключаться вся ея *сила*. Только въ этомъ сознаніи, только въ добросовѣстной работѣ надъ своимъ дѣломъ и долженъ заключаться весь протестъ противъ централизаціи литературы въ немногихъ крупныхъ городахъ; — протестъ мирный, протестъ дружнаго соратника, имѣющаго только свою спеціальность рядомъ съ общими интересами; — протестъ, неимѣющій ничего общаго съ оппозиціоннымъ ворчаньемъ въ Москвѣ на Петербургъ особы, оказавшейся „не удѣлъ“, и тѣмъ менѣе общаго имѣющій съ тѣми литературными протестантами въ провинціи, которые находятъ въ ней лишь одну тишь да гладь въ сравненіи съ якобы вавилонскимъ значеніемъ Петербурга, и потому представляютъ нѣкоторую, преимущественно жалкаго вида, пародію на московскихъ славянофиловъ прежняго пошиба, лаявшихъ на „гнилой“ Западъ. „Мы, продолжаетъ этотъ упрямый провинціалъ, — мы, понятно, ни въ чемъ не упрекаемъ централистовъ-литераторовъ; мы только находимъ, что у нихъ свои задачи, у насъ — свои, кромѣ, конечно, тѣхъ общихъ задачъ, которыя одинаково принадлежатъ и имъ, и намъ; если же мы не пользуемся и тѣми благами, которыми пользуются централисты-литераторы, то въ этомъ, конечно, всего менѣе виноваты послѣдніе; они, или, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ первые порадовались-бы большому простору въ дѣятельности провинціальной печати въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. той печати, которая, подобно „Нижегородскому сборнику“, имѣетъ дѣло пре-

„Дѣло“, № 9.

иниущественно съ сырьемъ, и той, которая въ будущемъ получить назначеніе обобщать и служить точной выразительницей провинціального сознанія... А пока, повторяемъ чуть не въ десятый разъ, мы даже не особенно торопимся подводить итоги; пока мы даже зачастую намѣренно воздерживаемся отъ обобщеній, надѣясь, что они придутъ сами собою гораздо естественнѣе; такъ какъ они иногда до сихъ поръ намъ являлись, незачѣмъ намъ стремиться къ нимъ во что-бы то ни стало... Кроме того, со временемъ эти обобщенія будутъ солиднѣе и потому, что наступитъ когда-нибудь болѣе лучшіе дни и для провинціальной печати, когда она не будетъ говорить то-и-дѣло оглядываясь по сторонамъ, какъ, бывало, говаривали „люди“ въ людской“...

Такъ говорить провинція о задачахъ *своей* печати. Такъ можетъ говорить только молодость, когда старость не вывела серебра изъ-подъ черепа на порѣдѣвшіе кудри, оставивъ подъ черепомъ одно неокисляющееся золото и — испаряющійся фосфоръ. Посѣдѣлые центры такъ не скажутъ. Что сказали-бы центры съ серебромъ на головѣ — мы это узнаемъ впоследствии.

IV..

Опредѣливъ по-возможности словами самой провинціи главнѣйшія задачи ея печати, мы не показали, однако, какими силами она располагаетъ для того, чтобы дѣло ея не умерло, чтобы не исполнилась страшная угроза, которая слышится въ теоріи большихъ городовъ, — угроза, обрекающая провинцію на какое-то духовное убожество и, можетъ быть, на смерть.

Сами провинціи того мнѣнія, что рабочія интеллигентныя силы ихъ огромны, но что имъ не дадутъ будто-бы ходу. Онѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о рано погибшей „Камско-Волжской Газетѣ“ и о другихъ такихъ-же попыткахъ, кончавшихъ несвоевременною смертью. Но едва-ли мы ошибемся, если преждевременную смерть этихъ органовъ провинціальной печати объяснимъ тѣмъ, что они не сдѣлавъ или, какъ говорится, не выдувъ себѣ зубковъ, стали питаться несвойственною младенческому желудку пищею, т. е., что они, не обладая тактомъ подобныхъ-же центральныхъ изданій, касались вопросовъ, съ которыми вообще печать должна об-

ходиться осмотнительнѣе. Что можетъ вполне прилично высказать болѣе или менѣе шлифованный языкъ публициста-централиста, то совершенно иначе выразить шероховатая, далеко не отполированная еще рѣчь писателя-провинціала: если у Тита Ливія „патавинскаго“ (patavinus) полированные римляне находили въ языкѣ шероховатость „провинціализма“, patavititas, нѣчто отдающее, съ нашей точки зрѣнія, Поволжьемъ, поволжскимъ raitois, то еще легче этотъ общественный патавинизмъ въ настоящее время подмѣчается въ приѣмахъ рѣчи Поволжья или хотя бы Малороссіи. Титъ Ливій, чтобы быть безсмертнымъ и полезнымъ своей странѣ, всей своей великой отчизнѣ, а не умереть скоро-забываемымъ провинціальнымъ писателемъ, долженъ былъ насильственно задавить въ себѣ свой родной патавинизмъ, негармонировавшій съ общимъ строемъ жизни вѣчнаго города. И онъ сдѣлалъ это такъ, какъ, по теоріи Дарвина, птица мѣняетъ цвѣтъ своего пера, а звѣрь—цвѣтъ шерсти, смотря по тому, гдѣ они должны жить—въ зеленыхъ и цвѣтущихъ лѣсахъ или между полярными льдами и снѣгами. Чтобы спасти свою жизнь отъ болѣе сильныхъ особей, птица доводитъ невѣдомо какими путями свое перо до цвѣта того лѣса и до яркости тѣхъ лѣнанъ, среди которыхъ ей приходится жить, какъ, напр., райской птичкѣ или какаду, такъ что въ этомъ лѣсѣ и въ этихъ лѣнахъ она дѣлается невидима издали, вполне гармонируя съ окружающею ее природою и жизнью; у сѣраго и буряго медвѣдя, живущаго въ борахъ средней Россіи, между бурой сосной и сѣрой березой, шерсть вырождается въ бѣлую, въ шерсть полярнаго, бѣлаго медвѣдя, когда ему приходится жить между полярными льдами и бѣлыми снѣгами. Такъ и у писателя-централиста всѣ литературные приемы и языкъ по-необходимости гармонируютъ съ окружающею его жизнью, и всякій Титъ Ливій, попавъ изъ Патавіи въ Римъ, перестаетъ быть провинціаломъ-патавинцемъ или, говоря по-современному, поволжанномъ или украинцемъ, а дѣлается римляниномъ, civis romanus, только съ маленькимъ напоминаніемъ въ языкѣ о томъ, что онъ изъ Патавіи, съ Волги, съ Днѣпра. Это даже не компромисъ, сколько-нибудь неблагоприятный, бросающій на человѣка тѣнь въ шаткости его нравственныхъ принциповъ или общественныхъ идеаловъ; это даже не уступка, не поддѣлыванье, а это—неотразимый процессъ жизни и

воздѣйствіе этой жизни на всякій индивидуумъ, подобно тому, какъ бурый медвѣдь самъ не закѣчаетъ, какъ съ теченіемъ времени на сѣверѣ его бурая шерсть превращается въ бѣлую, а нашъ сѣреный поволжскій ремезъ превращается въ золотистую райскую птичку. Слѣдовательно, „Камско-Волжская Газета“ и другіе подобныя ей органы не могли быть долговѣчны въ провинціи, потому что райской птичкѣ не по климату жить въ Поволжьѣ, а болтливому какаду на Днѣпрѣ: ихъ мѣсто въ Новомъ Свѣтѣ или гдѣ-либо вообще въ дѣйственныхъ лѣсахъ.

Понятно, что въ провинціальной печати только такое дѣло можетъ быть долговѣчно и принести свою пользу, какое практикуется издательскою дѣятельностью г. Гацискаго на Волгѣ и нѣкоторыми изъ молодыхъ провинціальныхъ дѣятелей на Днѣпрѣ. Оба эти дѣла идутъ дружно и хотя, повидимому, преслѣдуютъ нѣсколько различныя цѣли, но въ концѣ-концовъ результаты должны выйти изъ всего этого одни и тѣ-же, только, конечно, не тѣ, которыхъ такъ опасаются совершенно никому невѣдомый г. А. и нѣсколько болѣе вѣдомый г. Гогоцкій въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; ужъ г. Гацискаго едва-ли можно заподозрить въ „поволжскомъ сепаратизмѣ“ и въ „поволгофильствѣ“, какъ приднѣпровскихъ дѣятелей провинціальной печати сидятся заподозрить въ украинскомъ сепаратизмѣ или какомъ-то злостномъ украинофильствѣ.

Относительно силъ, какими располагаетъ въ настоящее время провинція и какія при данномъ положеніи дѣлъ могутъ быть удобоприложимы къ дѣлу, мы тоже находимъ указаніе въ провинціальномъ изданіи, именно въ „Сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго сѣзда 1870 года“, изданномъ въ 1875 году.

Въ предисловіи къ этому выпуску, составляющему какъ-бы продолженіе изданнаго въ 1872 году секретаремъ витобскаго статистическаго комитета г. Семеновскимъ такого-же „Сборника“ въ память сѣзда, издатель, между прочимъ, говоритъ о тѣхъ сомнѣніяхъ вообще, какія возникали въ провинціи относительно возможности самостоятельнаго существованія провинціальной печати. „Намъ указывали, замѣчаетъ онъ, — на сомнительность успѣха изданія, въ виду малочисленности силъ, собранныхъ въ первомъ выпускѣ его... Мы твердо стояли на одной случайности въ этомъ

отношеніи, на томъ, что, быть можетъ, г. Сементовскій слишкомъ довѣрился обѣщаніямъ и не особенно настойчиво напоминалъ объ ихъ исполненіи. Намъ затѣмъ указывали на *малочисленность*, и, что еще того хуже, на *внутреннюю слабость провинціальныхъ литературныхъ силъ вообще* (а именно на провинціальныхъ мы и рассчитывали), какъ на неодолимое препятствіе, слѣдствіемъ котораго должна явиться безцвѣтность изданія... Мы ссылались на нѣкоторое свое знакомство съ наличнымъ контингентомъ провинціальныхъ литературныхъ силъ, который представляется намъ далеко не такимъ слабымъ, ни количественно, ни качественно, чтобы нельзя было на него рассчитывать... Дѣло провинціальной печати стоитъ не за скудостью провинціальныхъ силъ, такъ обильно питающихъ и наши литературные центры, а за другими, неблагоприятными для проявленія ихъ, препятствіями, которыя, однако, рано или поздно неизбѣжно устранятся... Да и вообще мы въ подобныхъ случаяхъ припоминаемъ мудрую нѣмецкую пословицу: *Ich will was ich kann, und ich kann was ich will...* Намъ, наконецъ, выставляли на видъ, что, при сомнительности успѣха изданія, лучше-бы и не приниматься за него, тѣмъ болѣе, что однимъ сборникомъ монографій по отечествовѣденію (да еще неизвѣстно, какого достоинства) больше, однимъ — меньше, не все-ли равно?.. На это мы отвѣчали, что дѣйствительно если-бы дѣло остановилось на настоящемъ выпускѣ, пожалуй и не стоило-бы хлопотать о немъ; но мы задумали продолженіе предпріятія г. Сементовскаго на неопредѣленное время, не ограничивая изданія извѣстнымъ, опредѣленнымъ числомъ выпусковъ... Главное-же возраженіе наше на этотъ пунктъ заключается въ томъ, что если вообще пристально и усердно задаваться вопросомъ: „стоитъ-ли?“ — всего вѣрнѣе, что никогда ничего не сдѣлаешь, такъ-какъ, начиная какое-бы то ни было дѣло, всегда можно подыскать болѣе шансовъ неудачи, чѣмъ удачи. Усердно умозаключая на этой наклонной плоскости, немудрено дойти чуть не до факирской невозмутимости, такъ-какъ для того, чтобы быть Гамлетомъ, достаточно именно не обладать силой его: нужно только родиться въ шигровскомъ уѣздѣ“.

Относительно того, что провинціи нуждаются не въ одномъ „легкомъ чтеніи“, обильно рассылаемомъ центрами печати, издатель-редакторъ провинціального сборника продолжаетъ: „Мы, по-

вторлемъ, надѣмся, что изданіе „Сборника въ память статистическаго съѣзда 1870 года“, какъ сборника, посвященнаго печатанію всевозможныхъ матеріаловъ по отечествовѣденію, не останется на настоящемъ выпускѣ, такъ-какъ несомнѣнно „чувствуется потребность въ подобномъ провинціальномъ изданіи: столичный рынокъ сбыта матеріаловъ, подобныхъ предлагаемымъ въ настоящей книгѣ, далеко не удовлетворяетъ размѣрамъ предложенія и спроса на нихъ“. Такъ-называемые „толстые“ журналы, по характеру своему, часто не могутъ печатать статьи съ несомнѣнными достоинствами только потому, что совершенно основательно, съ своей точки зрѣнія, считаютъ ихъ черезчуръ истинными именно для своей публики, или мало удовлетворяющими цѣлямъ популяризаціи знаній вообще, или, наконецъ, недостаточно-литературно изложенными. Всевозможные „Труды“, „Записки“, „Извѣстія“ и т. п. нашихъ ученыхъ обществъ завалены матеріалами и преслѣдуютъ также или преимущественно общіе интересы, или, наоборотъ, исключительно спеціальныя. Съ другой стороны, чисто-провинціальное изданіе, которое мы имѣемъ въ виду, крайне необходимо въ цѣляхъ соединенія разбросанныхъ по всей странѣ, разединенныхъ, единичныхъ литературныхъ силъ... По временамъ приводится читать въ газетахъ, что умеръ въ Базани или Иркутскѣ такой-то провинціальный писатель, всю жизнь усердно и почти безвѣстно работавшій по изученію своего угла... Масса подобныхъ писателей даетъ пищу составителямъ руководствъ по географіи, всевозможнымъ компиляторамъ, часто даже не ссылающимся на источникъ, изъ котораго они черпаютъ свои компиляціи... Эти-то кропотливые труженники и составляютъ наши провинціальныя литературныя силы, далеко не такія слабыя, какъ обыкновенно о нихъ думаютъ. Подъ этими литературными силами мы, конечно, не разумѣемъ дышащихъ обыкновенно одною теплотою чувствъ фельетонистовъ и публицистовъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ и многихъ „Листковъ“, отличающихся отъ „Вѣдомостей“ только тѣмъ, что издаются они не губернскимъ правленіемъ“.

Наконецъ, провинціальный издатель говоритъ, что не одни они, провинціалы, такъ думаютъ о назначеніи провинціальной печати, а потому „чувствуютъ за собой и извѣстную силу“; что вмѣстѣ съ ними думаютъ такъ и писатели-централисты, кото-

рыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ „своему брату“, ибо де провинціальная печать для нихъ — вовсе „не свой братъ“. По этому случаю онъ приводитъ отзывъ о провинціальной печати („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1874 года), гдѣ говорится между прочимъ: „пусть всякій, у кого есть досугъ и охота, оглянется вокругъ себя, правдиво запишетъ, чѣмъ и какъ живетъ около него копошащееся человѣчество. Ни литературнаго языка, ни глубокихъ научныхъ познаній тутъ не нужно. Нужно только умѣть подмѣтить факты и добросовѣстно записать ихъ въ свою лѣтопись. *Люди науки съумѣютъ найти имъ надлежащее мѣсто въ общей картинѣ человѣческаго житья-бытья и объяснить ихъ значеніе и связь съ другими фактами; талантливые государственные люди воспользуются ими для блага народа. Не бойтесь подробностей: ненужныя ступаются въ общей картинѣ сами собой, а полезныя, безъ вашего вѣдома, сдѣлаютъ свое дѣло. Помогите только странѣ познать себя“.* — „Провинціальная печать, говоритъ отъ себя уже издатель-провинціалъ, — стремясь къ такому познанію страной самой себя, должна, по нашему мнѣнію, тоже „faça da se“.

Итакъ, всѣ задачи провинціальной печати, въ томъ положеніи, въ какомъ она возможна при данныхъ условіяхъ, сводятся къ азбучной, но тѣмъ не менѣе вѣчной и неизмѣнной истинѣ: „познай самого себя“.

Эта-же скромная провинціальная печать разоблачаетъ передъ нами и наше собственное невѣжество, громко вопіющее о томъ, что надо-же намъ, наконецъ, „познать себя“.

Наши современные географы, по которымъ молодое поколѣніе изучаетъ свое отечество, много говорятъ о Волгѣ хорошаго, и въ памяти не только учащагося юношества, но и у людей уже дѣла остается до сихъ поръ непоколебимымъ убѣжденіе, что Волга — это наша питательная артерія, что миліонныя грузы, переносимыя этою артеріею, даютъ жизнь, довольство и богатство поволжскому населенію, о которомъ, по выраженію г. Гацискаго, „такъ много вздору натолковали наши наивные географы“. Вѣдь въ концѣ-концовъ провинція сама теперь открываетъ намъ, что всѣ географіи слѣдуетъ передѣлать, всѣ центральные учебники объ отечествовѣденіи бросить въ огонь, какъ Гоголь бросилъ туда своего несчастнаго „Ганса Кюхельгартена“, а бросивъ въ

нечь негодные учебники, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ передѣлать и убѣжденія наши относительно многого, что казалось такимъ яснымъ, пока мы не дошли до самопознанія хотя въ самыхъ скромныхъ разиѣрахъ. „Взглянувъ, говорить этотъ писатель-провинциаль, — на миллионныя грузы, покрывающіе эту пресловутую „артерію“, эту поэтическую „кормилицу“ (Волгу-матушку), кормящую дѣйствительно весьма усердно главнымъ образомъ и безъ того сытые желудки; взглянувъ на длинный перечень всевозможныхъ промысловъ, существующихъ въ нижегородскомъ Поволжьи; прослышавъ о склонности нижегородскаго жителя къ торговлѣ, развитой до того, что въ селѣ Воскресенскомъ, на Ветлугѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, покупаютъ только для того, чтобы купить, продаютъ только для того, чтобы продать, не имѣя въ виду никакого барыша; прочитавъ въ какомъ-нибудь географическомъ учебникѣ, что нижегородская почва производитъ и рожь, и пшеницу, и дубъ, и сосну, и капусту, и чечевицу, и даже кукурузу; прочитавъ въ томъ-же учебникѣ, что изъ звѣрья водится здѣсь и лисица, и лось, и олень, и водился во время оно даже бобръ, — поверхностный наблюдатель можетъ даже придти въ нѣкоторый восторгъ и воскликнуть: „вотъ гдѣ молочныя-то рѣки текутъ съ кисельными берегами!“

Но это только *такъ* говорится: это — эпическій приѣмъ. Это то-же, что вы слышите, входя въ самую бѣдную лачугу, какъ полунищенка мать, качая своего ребенка, завернутаго въ тряпки и положеннаго въ люльку изъ стараго рѣшета, поетъ заунывно:

У кота, кота, кота
Колыбелька золота,
А у Ванюшки мово
Еще лучше тово...

И вы очень хорошо знаете, что это — эпическій приѣмъ, что это поется *такъ*, что у кота, и особенно у крестьянскаго, никогда не бываетъ золотой колыбельки, а равно и у Ванюшки не бываетъ „лучше тово“. Равнымъ образомъ и Ванюшка впоследствии, когда выростетъ, вспоминая, какъ мать надъ его рѣшетомъ-колыбелью пѣла — „будешь въ золотѣ ходить и онучушки носить все шелковыя“, пойметъ очень хорошо, что это пѣлось только *такъ*, по любви материнской... Этотъ эпическій приѣмъ сохранился и во многихъ отзывахъ нашихъ учебниковъ по оте-

чествоуденію. „Стоитъ взглянуть въ дѣло попристальнѣе, говоритъ писатель-провинціалъ, — чтобы увидѣть, что щедрая „кормилица“ щедра только для крупнаго пароходовладѣнія“; что „разнообразные промыслы и земля порядочно кормятъ только всевозможныхъ провинціаловъ — „наборщиковъ“, „скупщиковъ“, „кулаковъ“, „маклаковъ“, „собильщиковъ“, „пушниковъ“, „праховъ“ и т. п., которые, въ свою очередь, служатъ очень вкусной пищей для торговыхъ тузовъ вышшаго полета, застѣвающихъ въ Нижнемъ, въ Москвѣ, въ Рыбинскѣ, въ Петербургѣ; что „развитая мелкая торговля живетъ грошами“; что „лось съ оленемъ и лисицей доставляютъ пріятное времяпровожденіе членамъ нижегородскаго общества охоты“; что „бобры находятся въ потомственномъ, безспорномъ владѣніи нижегородскихъ историковъ“.

И оказывается, что это только въ пѣснѣ поется о золотой колбелкѣ у kota и о шелковыхъ онучкахъ у Ванюшки: это поетъ материнская любовь.

„Наши географы (говоритъ далѣе писатель-провинціалъ въ нижегородскомъ статистическомъ „Сборникѣ“), прослышавъ, что въ нижегородской губерніи есть село Лысково, съ значительнымъ подвозомъ къ нему хлѣба (кстати замѣчу — не изъ нижегородской губерніи по-преимуществу, а изъ казанской и сибирской), съ златоглавыми церквями, съ каменными домами, окрещиваютъ Лысково въ „богатое“ село, тогда какъ если оно и было когда-нибудь богатымъ, что, однако, подлежитъ еще спору, то въ настоящее время оно бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ днемъ. А со-близнившись Лысковымъ и подобными ему пунктами, переносятъ богатство на все нижегородское Поволжье... „Богатство ветлужскихъ береговъ неистощимо“, говорится, напр., въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ и добросовѣстнѣйшихъ географическихъ источниковъ (Фроловскомъ „Магазинѣ“), питающемъ, однако, слишкомъ много нашихъ современныхъ географовъ, путающихъ географію съ исторіей и имѣющихъ слабость подкрѣплять недостатки собственныхъ знаній современности ссылками на современность, отошедшую уже въ область прошедшаго; но стоитъ поставить собственную ногу, напр., на берега этихъ „неистощимыхъ богатствъ“, чтобы тотчасъ смекнуть, какъ они истощимы, истощимы до того, что во многихъ мѣстахъ по Ветлугѣ, за недостаткомъ матеріала, совершенно прекратилось нѣсколько лѣсныхъ промысловъ. Огром-

ную на бумагѣ цифру лѣсовъ въ нижегородской губерніи (самш-комъ 2 миліона десятинъ на 4 миліона десятинъ всего пространства губерніи) можно если не отождествить, то нѣсколько уподобить бывшему въ судебной практикѣ дѣлу объ одномъ лѣсничемъ, у котораго для ревизій существовалъ одинъ планъ лѣсныхъ дачъ, находящихся въ его завѣдываніи, а въ дѣйствительности—другой, конечно, вовсе непохожій на первый“.

Слѣдовательно, и здѣсь эпическій пріемъ народнаго творчества— у кота золотая колбелка и у Ванюшки шелковыя онучки... Это опять поетъ материнская любовь—поетъ надъ колбелкою изъ рѣшета, а серебряныя слезы сквозъ невидимое, но воображаемое золото капаютъ на дорогія, хотя дырвыя пеленки ребенка... За что-же винить добрую мать, за что Ванюшкѣ плакаться на нее? И онъ не плачется... „На нашихъ добросовѣстныхъ географовъ, впадающихъ въ ошибки помимо ихъ воли и добраго желанія, конечно, особенно плакаться нельзя (поясняетъ писатель-провинціалъ): не отъ нихъ зависитъ, что они въ большинствѣ случаевъ принуждены заниматься лишь переплетнымъ мастерствомъ, шивая нитками тотъ разбросанный печатный матеріалъ, въ большинствѣ случаевъ имѣющій значеніе хлама, который имъ подъ руку попадаетъ; предпринимать личныя изслѣдованія всей Россіи они, само собою разумѣется, не въ состояніи, а серьезныя мѣстныя работы стали появляться недавно и ихъ, сравнительно, еще очень мало; но что сказать о тѣхъ изслѣдователяхъ, которые систематически и сознательно преслѣдуютъ принципъ „все обстоитъ благополучно“ и даже нагло изволятъ гнѣваться, если встрѣчаютъ противорѣчіе и готовы при этомъ разбить зеркало, ни въ чемъ не виноватое?“ (Нижегородскій сборникъ, изд. нижегородск. губерн. статист. комитетомъ, подъ ред. А. С. Гацискаго, т. V, 1875 г., и Сборникъ въ память перваго рус. статистич. съѣзда 1860 года, тоже изд. нижегор. стат. комитета и подъ тою-же редакцію, вып. II, 1875 г.).

Д. Мордочевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

РОЛЬ МЫСЛИ ВЪ ИСТОРИИ.

(„Опытъ исторіи мысли“. Т. I, вып. 1, изд. журнала „Знаніе“.)

(Статья первая.)

I.

Насъ, русскихъ, очень часто обвиняють въ верхоглядствѣ и легкомысліи, говорятъ, будто мы совсѣмъ неспособны къ усидчивому труду, къ терпѣливой кропотливости, къ солидной основательности, будто мы рубимъ все съ плеча, до всего хотимъ дойти вдругъ, а потому больше полагаемся на собственный разумъ, на якобы природенную намъ смѣтку, чѣмъ на чужой опытъ, на чужой авторитетъ,—что мы, однимъ словомъ, и въ наукѣ, какъ и въ жизни, всегда являемся (или чувствуемъ склонность являться) истыми ташкентцами, безшабашными наѣздниками. И, нечего грѣха таить, у насъ есть не мало ученыхъ, украшенныхъ учеными дипломами, достигшихъ высшихъ степеней (не тоюмо по ученой, но и по инымъ частямъ), много публицистовъ, журналистовъ и пр., которые вполне оправдываютъ это нелестное о насъ мнѣніе враговъ нашихъ.

Однако, хотя я и не принадлежу къ числу защитниковъ „русской мудрости“, „русского духа“ и „русской почвы вообще“, хотя я не питаю симпатій къ гг. Страховымъ и Данилевскимъ съ К°, но все-же по чувству безпристрастія я никакъ не могу согласиться съ нашими зоилями. Они черезчуръ односторонни и ихъ взглядъ насчетъ отсутствія у насъ солидности и основательности показываетъ только, что у нихъ у са-

михъ эти почтенныя качества развиты въ слишкомъ умѣренной степени. Правда, если судить о русскомъ человѣкѣ по тому, что иногда болтаетъ его языкъ, то, дѣйствительно, можетъ показаться, что онъ, т. е. не языкъ, а русскій человѣкъ, весьма и весьма легкомысленъ. Но вѣдь за то у насъ и пословицы есть: „языкъ мягокъ, безъ костей“, „языкомъ болтай — руками воли не давай“. Въ этихъ мудрыхъ пословицахъ выражается нашъ ультра-солидный и основательный взглядъ на нашъ языкъ. Мы глубоко убѣждены, и ни минуты въ этомъ не сомнѣваемся, что у насъ отъ слова до дѣла, отъ „болтанья языкомъ“ до „воли рукъ“ всегда лежитъ дистанція огромнѣйшихъ размѣровъ. Языкъ, „слово“ во всей нашей жизни играетъ такую ничтожную роль, что, право, мы были-бы очень легкомысленны и очень наивны, если-бы стали придавать ему какое-нибудь серьезное значеніе. Что-же удивительнаго, если въ тѣ рѣдкія минуты, когда намъ приходится пользоваться этимъ „орудіемъ человѣческой мысли“, мы позволяемъ себѣ городить такія вещи, которыхъ у насъ и въ мысляхъ-то никогда не было? Вѣдь мы знаемъ, что мы никогда не сдѣлаемъ и не захотимъ даже дѣлать того, что говоримъ, такъ отчего-же и не поговорить? Я знаю, что наши враги (правда, они прикидываются друзьями, но „старого воробья на мякинѣ не проведешь“, а мы 'всѣ — старые воробья), обвиняютъ насъ за это въ лицемеріи, въ торговлѣ словомъ и убѣжденіемъ, въ циническомъ индифферентизмѣ, въ малодушной апатіи и во многихъ другихъ прегрѣшеніяхъ. Но какое-же тутъ лицемеріе, когда и самъ говорящій, и тотъ, кому онъ говоритъ, отлично знаютъ, что „языкъ мягокъ, безъ костей“, и что слово „на вороту не виснетъ“. А что касается до какой-то торговли „словомъ и убѣжденіемъ“, то какъ возможно торговать вещами, которыя у насъ и цѣнности-то никакой не имѣютъ, да и не спрашиваются никѣмъ? Опять-таки, что такое эта апатія и этотъ индифферентизмъ? Вѣдь въ нихъ-то именно и выражается наша солидность и основательность. Легкомысленные на словахъ, мы очень тяжеловѣсны въ дѣйствіяхъ. Недаромъ у насъ и пословица есть: „десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь“. Вѣрные этому мудрому правилу, мы все примѣряемъ да примѣряемъ, а отрѣзывать-то и забываемъ. Говорятъ, будто это происходитъ отъ на-

ней трусости и нерѣшительности,—пусть такъ, но развѣ эта трусость и нерѣшительность не есть послѣдствіе нашей утрированной основательности и солидности? Мы, подобно извѣстному англійскому судѣ-юристу (юристу не въ мѣру основательному), не можемъ рѣшить ни одного дѣла, потому что на каждое рго у насъ сейчасъ-же является contra, а на contra опять рго. Наше знаменитое: „съ одной стороны, нельзя не согласиться, хотя, съ другой, нужно признаться“—развѣ оно не выражаетъ нашей солидности? Наша любовь къ „золотой серединѣ“, наше постоянное желаніе такъ поступать, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы,—развѣ это не доказываетъ нашей основательности?

Нѣтъ, что-бы ни говорили наши зоилы, но основательность и солидность—это одна изъ нашихъ неотъемлемыхъ добродѣтелей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть въ мирное теченіе жизни. Могла-ли-бы она, въ самомъ дѣлѣ, течь такъ мирно и спокойно, если-бы мы отличались хотя-бы даже малою дозою той вѣтренности и легкомысленности, въ которой насъ иногда упрекаютъ?

А такъ-какъ литература есть отраженіе жизни, то было-бы весьма странно предполагать, будто въ первой нѣтъ того, что есть въ послѣдней. Если въ практической дѣйствительности мы блистаемъ „солидными добродѣтелями“, то понятно, что и въ области теоріи намъ отъ нихъ не отдѣлаться. Понятно также, что основная сущность этихъ добродѣтелей и тамъ, и здѣсь должна быть одинакова, хотя она и выражается въ различныхъ формахъ. Въ жизни она заставляетъ насъ топтаться на одномъ мѣстѣ, дѣлая при этомъ видъ, будто мы куда-то идемъ. Въ теоріи мы съ успѣхомъ достигаемъ того-же результата, спутывая и затемняя всякую рѣзкую мысль, втискивая каждое положеніе въ неизмѣнную формулу: съ одной стороны, нельзя не согласиться, а съ другой—нужно сознаться... Въ жизни мы десять разъ примѣряемъ, обдумываемъ, соображаемъ, справляемся, собираемъ свѣденія, и въ концѣ-концовъ все-же ни на что не рѣшаемся. Въ теоріи, въ области отвлеченнаго мышленія съ нами случается сплошь и рядомъ то-же самое; мы обкладываемся книгами, заручаемся матеріалами, обдумываемъ, соображаемъ, пыжимся, копаемся, потѣмъ—и въ концѣ-концовъ или ничего не производимъ,

или разрѣшаемся цѣлыми томами печатной бумаги, — томами, исполненными глубочайшей основательности и фундаментальнѣйшей солидности. Тутъ, что ни слово, то цитата, что ни мысль — то заимствованіе съ указаніемъ источника. Тутъ каждый вопросъ разбирается такъ всесторонне, что, въ большинствѣ случаевъ, оказывается неразрѣшимымъ или разрѣшеніе его окутывается такимъ туманомъ, въ которомъ всѣ видимые предметы сливаются въ безразличное и безформенное „нѣчто“.

Я знаю, что наши зоицы и въ этомъ несомнѣнномъ проявленіи нашей основательности видятъ совсѣмъ не основательность, а лишь постыдную трусость и умственное убожество. Но, разумѣется, они это видятъ только потому, что они зоицы. Будь они людьми благомыслящими, они не преминули-бы понять, что то, что имъ угодно называть „трусостью“, совсѣмъ не трусость, а только благоразумная неувѣренность въ здравости и истинности нашихъ собственныхъ измышленій, похвальное и всякаго поощренія достойное смиренномудріе. Мы не рѣшаемся открыто высказать самую простую и ординарную мысль — въ родѣ, напр., того, что безъ пищи жить человѣку трудно, — если эта мысль не находится подъ защитою какого-нибудь ученаго авторитета и если мы не можемъ подтвердить ее двумя или тремя дюжинами цитатъ. Что-же тутъ предосудительнаго? Жизнь на каждомъ шагу разочаровываетъ насъ въ истинѣ самыхъ непреложныхъ, повидимому, истинъ; на каждомъ шагу она учитъ насъ, что на свой умъ полагаться не слѣдуетъ, что собственному разуму довѣрять опасно. Мы на него и не полагаемся, мы ему и не довѣряемъ, — развѣ это не доказываетъ нашей основательности?

Что-же касается до обвиненія насъ въ умственномъ убожествѣ, въ вороньемъ желаніи наряжаться въ чужія перья и казаться не тѣмъ, что мы есть, то, во-первыхъ, если-бы даже обвиненія эти были и вѣрны, если-бы мы дѣйствительно были небогаты умомъ и чувствовали нѣкоторое пристрастіе къ павлиньимъ перьямъ, — все-таки это еще ничего не говоритъ противъ нашей основательности, напротивъ, скорѣе ее подтверждаетъ; во-вторыхъ... Да, впрочемъ, что тутъ разсуждать: зойцовъ лучше всего побивать фактами (можетъ быть, не мѣшало-бы и камнями). Мы умственно убоги, говорятъ они. Умственно убоги!

А Страховъ, а Данилевскій, а Симоненко, а Стронинъ, а Владиславлевъ, а Соловьевъ (философъ), а цѣлая клика московскихъ, харьковскихъ, казанскихъ, одесскихъ, ярославскихъ и иныхъ професоровъ? Неужели въ виду этого полчища патентованныхъ и непатентованныхъ ученыхъ можно сомнѣваться въ богатствѣ и обширности нашихъ научныхъ познаній? Пожалуй, впрочемъ, зоиля и въ этомъ усомнятся, — они вѣдь во всемъ сомнѣваются: они и Ціона отрицаютъ, и надъ Бутлеровымъ смѣются, и въ Березинѣ не видятъ энциклопедиста. Ну, хорошо, такъ вотъ-же передъ нами лежитъ книга, которая должна ихъ устыдить и въ авторѣ которой они не могутъ не признать если не учености, то, по крайней мѣрѣ, большой начитанности. Я говорю объ „Опытѣ исторіи мысли“. Ужь это-ли не солидная и не основательная книга? Любой нѣмецкій гелертеръ (а ужъ нѣмецкіе гелертеры на что основательные люди!) съ удовольствіемъ подписалъ-бы подъ нею свое имя. А между тѣмъ ея автора нельзя, повидимому, упрекнуть ни въ одномъ изъ этихъ проступковъ, въ которыхъ зоиля обвиняютъ нашихъ патентованныхъ ученыхъ; слѣдовательно, между нашею основательностью съ одной стороны и вышеозначенными проступками — съ другой, не имѣется никакой неизбѣжно-необходимой связи; слѣдовательно, наши зоиля... „Постойте, однако, прервутъ меня, пожалуй, зоиля: — да вѣдь прежде, чѣмъ дѣлать относительно насъ какіе-нибудь выводы, вы должны доказать, во-первыхъ, что „основательность“ „Опыта исторіи мысли“ дѣйствительно принадлежитъ къ разряду тѣхъ „основательностей“, которыми обыкновенно отличаются наши доморощенныя исторіи, философіи, психологіи, юриспруденціи, социологіи и пр., и, во-вторыхъ, что эта основательность, безъ особыхъ натяжекъ, можетъ быть объяснена одними тѣми свойствами русскаго характера, на которыя вы указывали“. — О, доказать это очень нетрудно. Знаете-ли, если-бы я даже не зналъ, что книга эта написана по-русски, если-бы я ее читалъ по-англійски или по-французски, я все-таки, ни минуты не колеблясь, сказалъ-бы вамъ, что она составлена моимъ соотечественникомъ, что этотъ соотечественникъ принадлежитъ къ такому-то классу нашего общества и т. п., — до такой степени „Опытъ исторіи мысли“ запечатлѣнъ „россійскимъ духомъ“, съ такой рельефностью отража-

ются въ немъ основныя свойства нашего національнаго характера, т. е. нашихъ національныхъ добродѣтелей.

II.

Кому, напр., неизвѣстно, что русскій человѣкъ, задумавъ что-нибудь сдѣлать, никогда не приступаетъ къ дѣлу сразу: онъ начинаетъ сперва готовиться, и готовится онъ такъ долго, что нерѣдко за приготовленіемъ забываетъ и самое дѣло. Въ научной его дѣятельности эта любовь къ приготовленіямъ выражается обыкновенно въ томъ, что авторъ прежде, чѣмъ подойдетъ къ главному предмету своихъ изслѣдованій, считаетъ своею обязанностью протомить и себя, и читателей длиннѣйшими приступами, предисловіями и введеніями. Онъ нарочно отходитъ какъ можно дальше отъ своей цѣли и затѣмъ приближается къ ней тихо, постепенно, шагъ за шагомъ. Конечно, это большая добродѣтель, — добродѣтель столько-же пріятная, сколько и полезная, ибо, во-первыхъ, всѣмъ извѣстно, что наибольшую сумму удовольствій человѣкъ получаетъ не тогда, когда цѣль достигнута, а тогда, когда она только еще достигается; во-вторыхъ, если-бы мы всего хотѣли скоро достигнуть, то запасъ достижимыхъ для насъ предметовъ истощился-бы весьма быстро. Лучше потихоньку, да по-маленьку, да издалека: оно и надежнѣе, и безопаснѣе. Да, это великая добродѣтель. Правда, благодаря ей, намъ очень рѣдко, т. е. почти никогда, не удается кончать начатаго, ну, да это бѣда небольшая: лучше совсѣмъ не кончать, чѣмъ кончать скоро, — таковъ нашъ девизъ.

Вѣрный этому девизу, глубоко проникнутый нашею національною добродѣтелью, авторъ „Опыта исторіи мысли“ начинаетъ свою исторію, подобно благочестивымъ хроникерамъ среднихъ вѣковъ, подобно нашимъ монахамъ-лѣтописцамъ, ни дальше, ни ближе, какъ съ мірозданія. Зачѣмъ, почему? Авторъ хочетъ оправдать этотъ отдаленный приступъ нѣкоторыми логическими соображеніями, но его логическія соображенія ровно ничего не оправдываютъ; очевидно, тутъ дѣло совсѣмъ не въ логикѣ, а въ натурѣ человѣка, въ свойствахъ его характера...

Мы знаемъ, что каждое звено той безконечной цѣпи явленій, которыя составляютъ въ цѣломъ то, что мы называемъ космосомъ, было подготовлено предшествующимъ ему звеномъ, и всѣ эти звенья находятся между собою въ причинной связи. Но что изъ этого слѣдуетъ? Обязаны-ли мы, изслѣдуя какое-нибудь одно данное звено цѣпи, перебирать всю цѣпь сначала? Очевидно, что подобная обязанность никоимъ образомъ не можетъ вытекать изъ несомнѣнно существующей зависимости данныхъ явленій. Положимъ, вамъ нужно опредѣлить природу явленія А, относительно котораго вамъ извѣстно, что оно обуславливается другимъ явленіемъ В; В, въ свою очередь, обуславливается С, С—D, D—Е и т. д. Если вы захотите изучить В столь-же всесторонне, какъ вы изучаете А, тогда, конечно, вамъ придется обратиться къ С, а если вы и съ С пожелаете ознакомиться такъ-же досконально, какъ ознакомились съ А и В, вы должны будете взяться за D, и т. д.; ваша любознательность никогда не встрѣтитъ себѣ предѣла, но вы совершенно выйдете изъ условій своей первоначальной задачи. Первоначально вы задались мыслию изучить одно лишь А, а не В, не С, не D и т. д.,—слѣдовательно, для васъ могло быть важно только то, что непосредственно произвело А, и лишь настолько важно, насколько оно участвовало въ этомъ произведеніи. Безъ сомнѣнія, причина, непосредственно произведшая А, явилась не какъ *Deus ex machina*; она была вызвана и подготовлена цѣлымъ рядомъ другихъ причинъ, но вамъ имѣть и не можетъ быть до этого никакого дѣла. Вы берете В, какъ продуктъ уже готовый, и ограничиваетесь только изслѣдованіемъ его отношеній къ занимающему васъ продукту А. Такъ поступаетъ всякій изслѣдователь, ясно и точно опредѣлившій цѣль своего изслѣдованія, и только такимъ образомъ, ограничивая поле своихъ изысканій, онъ можетъ рассчитывать на удовлетворительное рѣшеніе своей задачи. Положимъ, что кто-нибудь захотѣлъ написать вашу біографію или, лучше сказать, исторію вашей мысли. Ваша мысль есть продуктъ двухъ факторовъ: во-первыхъ, предрасположеній, унаслѣдованныхъ отъ родителей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отъ другихъ родственниковъ по восходящей линіи; во-вторыхъ, той обстановки, той общественной среды, въ

которой вы росли и развивались. Вашему біографу, слѣдовательно, необходимо прежде всего остановиться на этихъ факторахъ и проанализировать ихъ вліяніе какъ на возникновеніе въ васъ извѣстнаго настроенія, такъ и его дальнѣйшую исторію. Если онъ этого не сдѣлаетъ, онъ не въ состояніи будетъ выполнить свою задачу, онъ не дастъ намъ полной картины вашей умственной жизни. Но въ состояніи-ли онъ будетъ выполнить свою задачу, если онъ сдѣлаетъ болѣе этого? Представьте себѣ, что онъ, подобно автору „Опыта исторіи мысли“, будетъ разсуждать такимъ образомъ: общество, въ которомъ вы живете, и ваши родственники подготовлены людьми, населявшими землю въ до-историческій періодъ жизни ихъ обуславливалась явленіями въ органическомъ мірѣ вообще, и т. д.; разсуждая подобно автору „Исторіи мысли“, онъ дойдетъ, наконецъ, до геологическихъ и космическихъ переворотовъ. Слѣдовательно, скажетъ онъ, прежде, чѣмъ я возьмусь за исторію вашей мысли, я долженъ прослѣдить всѣ тѣ космическіе, астрономическіе, геологическіе, органическіе и социальнo-историческіе процессы, которые обусловили и породили ту общественную и семейную среду, въ которой вы росли и развивались.

И вотъ онъ начнетъ вашу біографію съ изслѣдованія самыхъ общихъ законовъ матеріи, опишетъ затѣмъ возникновеніе нашей солнечной системы, обособленіе въ ней нашей планеты, расскажетъ ея исторію, прослѣдитъ развитіе органической жизни, и дойдя, наконецъ, до человѣка, займется изученіемъ исторіи послѣдовательной смѣны общественныхъ формъ и т. д.,—какъ вы думаете, скоро онъ доберется до васъ и до исторіи вашей мысли? Тутъ, конечно, могутъ имѣть мѣсто два случая: если онъ, т. е. вашъ біографъ, человѣкъ добросовѣстный, если онъ захочетъ серьезно и сколько-нибудь основательно прослѣдить всю длинную цѣпь факторовъ, подготовившихъ ваше появленіе на Божій свѣтъ, онъ никогда до васъ не дойдетъ. Если-же онъ человѣкъ недобросовѣстный, если онъ будетъ пользоваться астрономіею, геологіею, химіею, біологіею и пр., только для того, чтобы напустить читателю пыли въ глаза, то, разумеется, онъ можетъ добраться до васъ довольно скоро. Но, спрашивается, какой смыслъ будетъ имѣть тогда этотъ обзоръ „съ птичьяго полета“ безконечной цѣпи міровыхъ процессовъ?

Вы скажете, что я привелъ неудачный примѣръ, что исторію мысли единичной личности невозможно сравнивать съ исторіею мысли всего человѣчества.

Почему-же нельзя? Вся разница только въ томъ, что въ подготовкѣ мысли человѣчества участвовало большее число звеньевъ цѣпи, чѣмъ въ подготовленіи вашей единичной мысли. И, конечно, никто не станетъ сомнѣваться, что та естественная, географическая, климатическая и т. п. обстановка, среди которой росъ и развивался человѣкъ, упала не съ неба; безъ сомнѣнія, ее подготовилъ цѣлый рядъ космическихъ, астрономическихъ, геологическихъ и иныхъ процессовъ, но развѣ, внося изслѣдованіе этихъ процессовъ въ исторію мысли человѣчества, историкъ поступаетъ разумнѣе и фактичнѣе того біографа, который вздумалъ-бы приклеить ихъ къ вашей личной біографіи?

Конечно, второму пришлось-бы перебрать меньшее количество звеньевъ, чѣмъ первому. Но вѣдь тутъ дѣло не въ числѣ остающихся звеньевъ, а въ томъ, умѣстно или неумѣстно вообще-то ихъ разбирать: будь ихъ хоть мало, хоть много—все равно. Серьезный изслѣдователь никогда не станетъ смѣшивать своего предмета изслѣдованій (своего звена) съ предметами изслѣдованій (другими звеньями) своихъ товарищей; напротивъ, онъ всегда постарается разграничиться съ ними какъ можно опредѣленнѣе и какъ можно яснѣе; онъ понимаетъ, что разъ эта граница сотрется, разъ смѣшаются въ одну кучу и исторія, и геологія, и зоологія и т. п., ему уже трудно, т. е., говоря правильнѣе, почти невозможно будетъ ограничиться предѣлами своей задачи. Онъ, быть можетъ, создастъ какую-нибудь новую всеобъединяющую философскую систему, но онъ не дастъ намъ „исторіи мысли человѣчества“.

„Такъ что-же это: вы утверждаете, что чѣмъ рѣзче разграничены различныя отрасли знаній, обособленнѣе одна наука отъ другой, тѣмъ успѣшнѣе каждая изъ нихъ будетъ разрабатываться. Но вѣдь всѣ-же науки, какъ и всѣ явленія познаваемого нами міра, такъ тѣсно связаны между собою, что въ дѣйствительности прогрессъ въ одной какой-нибудь отрасли знаній неизбежно влечетъ за собою прогрессъ и во всѣхъ осталь-

нихъ. Зачѣмъ-же воздвигать между ними китайскія стѣны? Обособляя науку, вы ее обезсиливаете...”

Все это совершенно вѣрно. Но вѣдь единство и взаимная зависимость наукъ не есть еще ихъ смѣшеніе. Безъ сомнѣнія, успѣхи исторіи или соціологіи находятся въ связи съ успѣхами наукъ біологическихъ; успѣхи наукъ біологическихъ — съ успѣхами химіи и физики и т. д. Безъ сомнѣнія, изслѣдователь, изучающій явленія высшаго порядка, т.-е. явленія болѣе сложныя (напр. біологическія), обязанъ быть знакомымъ съ науками, изучающими явленія низшаго порядка, т.-е. явленіями менѣе сложными. Но отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы историкъ, біологъ и т. п. предпосылали своимъ историческимъ, біологическимъ и т. п. работамъ — астрономическіе, геологическіе и иные обзоры. Очень можетъ быть, что и астрономическія, и геологическія свѣденія оказали-бы ему много помощи въ его историческихъ и біологическихъ изслѣдованіяхъ, но это нисколько не даетъ ему права вводить эти свѣденія въ его спеціальныя труды по біологіи и исторіи. Пусть они остаются въ черновыхъ тетрадкахъ, читателямъ его спеціальныхъ трактатовъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

Ну, подумайте, въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть дѣло человѣку, желающему ознакомиться съ исторіею человѣческой мысли, съ исторіею человѣческой цивилизаціи, до вашихъ свѣденій о томъ, какъ образовалась земля, какія на этотъ счетъ существуютъ гипотезы, какии геологическимъ переворотамъ она подвергалась до появленія человѣка и т. п.? Да и притомъ, какія свѣденія можете вы ему объ этомъ сообщить, вы, который занимаетесь спеціально не астрономіею, геологіею, біологіею и т. п., а общественною исторіею? Конечно, только самыя поверхностныя, заимствованныя изъ популярныхъ книжекъ. Къ чему они ему могутъ пригодиться? Можетъ быть, они годились вамъ при вашихъ работахъ, но вы вѣдь сами дѣлали ваши астрономическія, геологическія и иные выдержки, вы сами прочитывали книги, изъ которыхъ вы ихъ извлекали, а ему вы предлагаете довольствоваться чужими выписками изъ книгъ, которыхъ онъ, можетъ быть, и не читалъ совсѣмъ. А если онъ ихъ и читалъ, то тѣмъ хуже для васъ: онъ тогда и просматривать не захочетъ вашихъ

компиляцій. Вы будете утверждать, что вы даёте совѣтъ не компиляціи, а „популярный очеркъ космическихъ процессовъ, подготовлявшихъ исторію мысли“. Ошибаетесь, жестоко ошибаетесь. Чтобы дать дѣйствительно популярный и въ то-же время научный очеркъ тѣхъ „космическихъ процессовъ, которые подготовили исторію мысли“, для этого пужно быть основательно знакомымъ съ науками, изучающими эти процессы. А вы вѣдь только дилетантъ въ этихъ наукахъ; ваша спеціальность (если у васъ есть какая-нибудь спеціальность) — исторія. Дилетантъ-же всего менѣе способенъ составлять популярные очерки; все, что онъ можетъ, — это компилировать популярныя книжки. Оставьте-же компиляціи, сохраните ихъ про себя, но не приплетайте ихъ, ни къ селу, ни къ городу, къ вашему „опыту исторіи мысли“. Не говоря уже о неумѣстности и бесполезности этого „приплетенія“, оно имѣетъ еще и очень дурной видъ: вы какъ-будто хотите похвастать передъ вашими читателями, что вы, молъ, человекъ отиѣнно-образованный: и о Прокторѣ знаете, и Котта читали, и съ Веромъ знакомы. Конечно, вамъ дѣлаетъ честь, что вы не брезгаете Котта, Веромъ, Прокторомъ и др., но только намъ-то что до этого?

Авторъ „Опыта исторіи мысли“, въ оправданіе черезчуръ отдаленнаго „подхожденія“ къ цѣли своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, ссылается еще, кромѣ разобраннаго выше аргумента, на авторитетъ Гердера, Бера, Ог. Конта и Котта... По мнѣнію Гердера, цитированному и нашимъ авторомъ, „въ горныхъ хребтахъ, которые природа провела, какъ и въ рѣкахъ, теченіе которыхъ она направила, она набросала грубый, но твердый очеркъ всей человѣческой исторіи и ея переворотовъ“. Беръ формулируетъ ту-же мысль, говоря: „въ физическихъ свойствахъ обитаемой страны какъ-бы предначертана судьба народовъ...“, „поэтому познаніе разнообразной поверхности земли есть необходимая основа изученія всемірной исторіи“. То-же говоритъ и Риттеръ, и многіе другіе. Разумѣется, въ этомъ взглядѣ есть своя доля преувеличенія: исторія человѣческаго развитія, безспорно, въ значительной степени зависитъ отъ тѣхъ физическихъ условій, среди которыхъ живетъ человекъ, но эта зависимость совсѣмъ не такъ фатальна, какъ утверждаютъ Гердеръ и отчасти Беръ. Но

если-бы даже она была еще фатальнѣе, чѣмъ полагають эти мыслители, что-же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что при изученіи исторіи даннаго народа или данныхъ народовъ не должно игнорировать физическія условія той мѣстности, которую народы эти заселяють. Отсюда еще очень далеко до признанія необходимости начинать исторію съ астрономіи и геологіи. Правда, въ одномъ мѣстѣ своихъ „Ideen zur geschichte“ Гердеръ говоритъ, что „философская исторія человѣческаго рода должна начинаться небомъ“; правда, и Бонть утверждаетъ, будто „невозможно понимать дѣйствительную исторію человѣчества отдѣльно отъ реальной исторіи земного шара...“ (Congrs de ph. pos. T. V.) Но очевидно, что тутъ оба автора смѣшиваютъ геологическіе и астрономическіе факторы, болѣе или менѣе вліяющіе на развитіе человѣчества, съ исторією этихъ факторовъ. Если вѣрно, что нельзя вполне понять исторію исключивъ изъ нея анализъ ихъ вліянія, то такъ-же вѣрно и то, что знаніе исторіи ихъ образованія ничего не можетъ прибавить существеннаго, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, къ нашему пониманію человѣческой исторіи.

Я говорю: „по крайней мѣрѣ въ настоящее время“, имѣя въ виду данное состояніе нашихъ знаній. Можемъ-ли мы, въ самомъ дѣлѣ, говорить о вліяніи различныхъ геологическихъ переворотовъ на исторію мысли первобытныхъ людей, когда мы даже съ точностью не знаемъ, въ какой геологической періодъ появился человѣкъ, когда наши свѣденія о бытѣ до-историческаго человѣчества отличаются отрывочностью, неопредѣленностью и весьма проблематическою достовѣрностью?

Но довольно объ этомъ. Посмотримъ теперь на другія свойства россійской основательности, на-сколько эти свойства обнаруживаются въ „Опытѣ исторіи мысли“.

III.

Я говорилъ уже, и, конечно, никто не станетъ меня въ этомъ оспаривать, что одно изъ отличительнѣйшихъ свойствъ русскаго характера, т.-е. характера той среды, которая называется по-

преимуществу русскимъ обществомъ, это — нерѣшительность. Мы постоянно колеблемся, колеблемся не только тогда, когда приходится отъ словъ перейти къ дѣлу, когда приходится выбирать тотъ или другой образъ дѣйствій, но даже и тогда, когда приходится выбирать между тѣмъ или другимъ образомъ мыслей. Поэтому въ нашихъ головахъ весьма мирно и спокойно уживаются обрывки самыхъ, повидимому, противоположныхъ міросозерцаній. Чтобы избѣжать тяжелой для насъ необходимости выбирать, мы всегда стараемся примирять. И наша литература, особенно литература послѣднихъ лѣтъ, является въ большинствѣ случаевъ вѣрною выразительницею и рѣшительной потворщицею этого господствующаго настроенія нашей общественной среды. „Опытъ исторіи мысли“ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, а такъ-какъ въ немъ затрогиваются существеннѣйшіе пункты міросозерцанія всякаго мыслящаго человѣка и по каждому пункту получается въ концѣ-концовъ примирительно-уклончивый отвѣтъ, то на него можно даже смотрѣть, какъ на типическій образецъ нашей современной мысли или, лучше сказать, тѣхъ нашихъ умственныхъ свойствъ, которыя опредѣляются нашей излюбленной формулою: „съ одной стороны, нельзя не согласиться, хотя, съ другой, нужно сознаться...“

Чтобъ читатель могъ нагляднѣе въ этомъ убѣдиться, я покажу ему, какъ рѣшаетъ авторъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ, опредѣляющихъ отношенія автора къ предмету его изслѣдованія.

Какую роль играютъ въ исторіи элементъ „личный“ и элементъ „необходимости“, — разрѣшенію этого мудренаго вопроса авторъ посвящаетъ цѣлую главу. Вамъ, пожалуй, покажется, читатель, что это совсѣмъ и не вопросъ: что элементъ личный (т. е. вліяніе личностей на ходъ историческаго развитія) и элементъ „необходимости“ (понимая подъ необходимостью логически-неизбѣжную связь историческихъ событій) не суть понятія враждебныя или даже прямо противоположныя. Развѣ личность, развѣ личный элементъ не есть продуктъ необходимости?

Повидимому, это такъ; но авторъ не забылъ, что въ средніе вѣка велись длинныя препирательства насчетъ такъ-называемаго „детерминизма“ и свободы воли. Въ основѣ спора лежало простое недоразумѣніе, — недоразумѣніе, основанное на метафизиче-

скомъ пониманіи того психическаго феномена, который принято называть свободою воли. Предполагали, будто эта свобода есть ничто иное, какъ нѣкоторая способность человѣка дѣйствовать самопроизвольно, не подчиняясь повсюду господствующему закону причинности. Правда, метафизическая теорія свободной, т. е. безпричинной воли не могла все-таки окончательно устранить изъ своей концепціи понятіе о причинѣ: такъ она допускала, что „свободныя“ дѣйствія человѣка имѣютъ въ концѣ-концовъ свою необходимую причину и что причиною является человѣческое я. Но это я они представляли себѣ въ видѣ какой-то метафизической сущности, ни отъ кого и ни отъ чего независимой, безусловно самостоятельной, безусловно свободной. Понятно, что въ наше время подобное представленіе немислимо; теперь мы не въ состояніи даже представить себѣ, какъ могли наши праотцы понять, не только что утверждать и признавать подобный абсурдъ. Мы знаемъ, что человѣческое я есть продуктъ длиннаго ряда причинъ, что оно вполне зависитъ отъ среды, въ которой живетъ, что оно связано неразрывными узами со множествомъ другихъ человѣческихъ я, какъ предшествовавшихъ, такъ и современныхъ ему; что ими оно опредѣляется къ дѣйствіямъ, что оно есть, однимъ словомъ, лишь одно изъ маленкихъ звеньевъ въ безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій, — иными словами, одно изъ проявленій той „необходимости“, которую, въ былое время, противопоставляли „свободѣ“.

Сознаніе „свободы дѣйствій“, сознаніе, которое многіе считаютъ какъ-бы присущимъ человѣку, ни мало не противорѣчитъ этому господствующему въ настоящее время взгляду на зависимость человѣческаго я отъ условій времени, мѣста, обстоятельствъ и т. п. Сознвая себя свободными въ своихъ мысляхъ и поступкахъ, мы сознаемъ не болѣе, какъ только то, что всѣ наши мысли и поступки зависятъ и опредѣляются нашимъ я, т. е. совокупностью тѣхъ разнообразныхъ физическихъ и психическихъ причинъ, тѣхъ нашихъ афективныхъ и интеллектуальныхъ состояній, которыя мы согласились называть нашимъ я, нашимъ „характеромъ“, нашею „волею“ и т. п.

Но авторъ „Опыта исторіи мысли“ непременно хочетъ отыскать противорѣчія тамъ, гдѣ они не существуютъ, и, отыскавъ

или, лучше сказать, создавъ ихъ, старается во что-бы то ни стало ихъ примирить.

„Въ наше время, разсуждаетъ онъ, — основное положеніе детерминистовъ: „все имѣетъ свою необходимую причину и свое неизбѣжное слѣдствіе“, есть аксіома естествознанія (почему одного естествознанія, а не всѣхъ наукъ вообще?), недопускающая исключеній. Въ то-же самое время вся наша практическая жизнь, частная и общественная, всѣ наши сношенія, всѣ наши сужденія о людяхъ опираются на столь-же основное положеніе противниковъ детерминизма: каждый человѣкъ ставитъ и долженъ ставить себѣ цѣли; подвергается, можетъ и долженъ подвергаться эти цѣли критикѣ; подлежитъ и долженъ подлежать оцѣнкѣ, смотря по свойству цѣлей имъ поставленныхъ и средствъ имъ употребляемыхъ для достиженія этихъ цѣлей“ (стр. 14, 15).

Между этими двумя основными положеніями детерминистовъ и ихъ противниковъ нашъ авторъ усматриваетъ непримиримое противорѣчіе. Онъ полагаетъ, что если вѣрно положеніе детерминистовъ, то этика невозможна; отвѣтственность человѣка за его поступки уничтожается, „вся наша практическая жизнь становится сознательно-безмысленною совокупностью дѣйствій“. Люди лишаются способности сознательно; „ставить себѣ цѣли и подвергать эти цѣли критикѣ“, нравственный судъ надъ ними превращается „въ субъективную иллюзію“ и становится „недѣльностью“ и т. д.

Стоитъ, однако, только вспомнить, что въ основѣ всѣхъ нашихъ теорій о нравственной и юридической вмѣняемости человѣческихъ дѣйствій, въ основѣ всѣхъ нашихъ воспитательныхъ и исправительныхъ учреждений, въ основѣ нашей этики, юриспруденціи, политики и даже политической экономіи лежитъ именно тотъ самый принципъ детерминистовъ — „все имѣетъ свою необходимую причину и свое неизбѣжное слѣдствіе“, — который, по увѣреніямъ автора, долженъ въ конецъ разрушить нашу этику, упразднить вмѣняемость, перевернуть вверхъ дномъ всю нашу частную и общественную жизнь, — стоитъ, говорю я, все это вспомнить — и всѣ его увѣренія падаютъ сами собою. Мало того, если-бы когда-нибудь этотъ „основной принципъ детерминистовъ“, или, выражаясь точнѣе, эта аксіома всѣхъ аксіомъ, этотъ неустрашимый

постулять всякаго человѣческаго мышленія, если-бы онъ когда-нибудь былъ устраненъ изъ нашей этики, приспруденціи и пр., если-бы мы хоть на минуту могли вообразить себя существами абсолютно и безусловно свободными, то, спрашивается, какой-бы практической смыслъ могли имѣть всѣ наши сужденія о людяхъ, наша нравственная оцѣнка ихъ поступковъ, наши порицанія и наши похвалы, какой-бы практической смыслъ могъ имѣть принципъ возмездія, — принципъ, на которомъ зиждутся на практикѣ всѣ наши частныя и общественныя отношенія?

Однако, какъ-бы то ни было, нашъ авторъ признаетъ, что „аксіома естествознанія“ противорѣчитъ требованіямъ человѣческой нравственности, и что разъ мы внесемъ ее въ практическія отношенія нашей частной и общественной жизни, мы сдѣлаемъ эту жизнь „нравственно-невозможною“, превратимъ ее „въ сознательно-бессмысленную (?) совокупность дѣйствій“.

Но, разсуждаетъ онъ, „если, съ одной стороны, нельзя не согласиться“, что принципъ детерминистовъ долженъ имѣть столь вредныя послѣдствія въ сферѣ нравственно-практическихъ отношеній, то, „съ другой стороны, нужно сознаться“, что отрицаніе этого принципа можетъ повести къ послѣдствіямъ едва-ли даже не болѣе вреднымъ.

„Если-же мы принимаемъ только положеніе противниковъ детерминизма, читаемъ мы все на той-же 15 стр. „Опыта“, — то гдѣ можетъ остановиться вліяніе человѣческаго произвола въ выборѣ цѣлей и средствъ? Неразрывная цѣпь причинъ и слѣдствій, связывающая все сущее, превращается въ ничто, если мы разорвемъ въ ней одно самое маленькое звено. Когда мы можемъ „измѣнить“ хоть на-сколько-нибудь теченіе исторіи, то нѣтъ причинъ, почему, при достаточномъ знаніи и достаточной предусмотрительности, мы не могли-бы измѣнить и всего хода исторіи, а затѣмъ почему-же не измѣнить силою воли и законовъ физики? Дайте самую малую долю вліянія произволу личности — и настоящее естествознаніе не существуетъ; не существуетъ и ни одного неизмѣннаго закона, а слѣдовательно и никакой науки“.

Вотъ такъ задача! Какъ-же тутъ быть? Принимаете вы положеніе детерминистовъ — вы тѣмъ самымъ разрушаете весь строй нашихъ житейскихъ отношеній, перевертываете вверхъ дномъ всю

нашу практическую жизнь, уничтожаете всякую нравственность. Принимаете вы положеніе противниковъ детерминизма—вы совершаете нѣчто еще ужаснѣйшее: вы разрушаете всѣ „законы физики“, всѣ законы вообще, вы уничтожаете всѣ науки.

Нельзя-же, однако, признать, что и детерминисты, и ихъ противники одинаково правы или неправы; что, съ одной стороны, „все имѣетъ свою необходимую причину“, съ другой—что „не все имѣетъ свою причину“,—какъ выйти изъ этого противорѣчія?

По мнѣнію автора, существующія ученія этой „антиноміи“ не разрѣшаютъ и разрѣшить не могутъ. „Позитивисты и матеріалисты столь-же безсильны въ этомъ случаѣ, утверждаетъ онъ,—какъ и защитники свободной воли и юристы, возлагающіе на личность полную отвѣтственность за ея дѣйствія“ (стр. 15). Но чего не могутъ разрѣшить ни позитивисты, ни матеріалисты, ни юристы, ни метафизики, то самъ нашъ авторъ разрѣшаетъ съ поразительною легкостью и простотою,—съ такою легкостью и простотою, что остается только удивляться, какъ это до сихъ поръ никому не приходило въ голову подобнаго рѣшенія.

Однако, какъ ни просто это рѣшеніе, но чтобы понять его, намъ нужно предварительно разъяснить одинъ изъ основныхъ пунктовъ авторскаго міросозерцанія, — пунктъ, имѣющій весьма важное значеніе для опредѣленія точки зрѣнія автора на исторію мысли или человѣческой цивилизаціи вообще.

Авторъ признаетъ, что есть два метода для отысканія истины: субъективный и объективный. Сообразно этимъ двумъ методамъ, существуютъ и два разряда истинъ: истины объективныя и истины субъективныя. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ много толковалось о субъективизмѣ и объективизмѣ; однако, я смѣю думать, что большинству читателей всѣ эти толки мало что выяснили. Защитники субъективизма, оттого-ли, что они сами себя плохо понимаютъ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, нигдѣ и никогда точно и ясно не опредѣлили, что именно они подразумеваютъ подъ своимъ субъективнымъ методомъ, субъективною истинною. Поэтому, не разбирая этого вопроса *au fond* (что завело-бы насъ слишкомъ далеко), ограничимся только тѣми объясненіями, которыя даетъ намъ авторъ по этому поводу въ своемъ „Опытѣ“.

„Объективная истина, говорить онъ (стр. 16),—составляетъ содержание нашего познанія объективнаго міра вообще и науки о природѣ въ ея цѣломъ; для этой науки внѣ объективной реальности нѣтъ ничего и внѣ объективнаго метода познанія нѣтъ средствъ знать истину. Субъективная истина составляетъ содержание нашего эстетическаго вкуса, нашего нравственнаго убѣжденія и тѣхъ наукъ, въ которыхъ эстетическая и нравственная оцѣнка входитъ какъ реальный фактъ, подлежащій изслѣдованію, критикѣ, сравненію и т. д.“

Судя по этому опредѣленію субъективной и объективной истины, можно предполагать, что все различіе между ними заключается въ слѣдующемъ: первая выражаетъ собою не болѣе, какъ извѣстное состояніе чувствъ человѣка, его психическихъ аффектовъ и т. п.; вторая выражаетъ извѣстное состояніе человѣческаго интеллекта,—состояніе, обусловливаемое не нашими чувствами и аффектами, а нашимъ познаніемъ. Когда я говорю: это вкусно, это пріятно, это желательно, мнѣ холодно, мнѣ тепло, мнѣ больно и т. п.,—я высказываю истины субъективныя. Напротивъ, когда я утверждаю: дважды-два—четыре; кислородъ и водородъ, соединенные въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, даютъ воду; колебаніе воздушной волны съ извѣстною скоростью производитъ ощущеніе звука и т. п., я возвѣщаю истины объективныя, подлежащія логическому доказательству и опытной провѣркѣ.

Слѣдовательно, изслѣдовать предметъ по субъективному методу—значить разбирать, анализировать, обсуждать и т. п. предметъ съ точки зрѣнія даннаго состоянія моихъ чувствъ (того, что мнѣ пріятно или непріятно, что для меня желательно или нежелательно и пр.); изслѣдовать предметъ по методу объективному—значить изслѣдовать его такъ, какъ онъ есть (т. е. какъ онъ представляется моему уму), безъ всякаго отношенія къ состоянію моихъ чувствъ.

Такимъ образомъ, какъ критеріи обоихъ методовъ различны, такъ и вопросы, разрѣшаемые съ ихъ помощью, не имѣютъ между собою ничего общаго. Невозможно одинъ и тотъ-же вопросъ разрѣшать и съ точки зрѣнія объективнаго, и съ точки зрѣнія субъективнаго метода. Напр., если намъ данъ вопросъ: „все-ли имѣетъ свою необходимую причину?“, то мы можемъ рѣшить его только

объективно; напротивъ, если насъ спрашиваютъ: желательно-ли для насъ или чувствуемъ-ли мы, что все имѣетъ свою необходимую причину?—то, разумѣется, разрѣшить его мы можемъ не иначе, какъ взявъ за критерій состояніе нашихъ чувствъ, т. е. субъективно.

Но авторъ „Опыта“ полагаетъ, что обоими этими методами слѣдуетъ пользоваться для разрѣшенія одного и того-же вопроса. Понятно, что онъ открываетъ себѣ такимъ образомъ возможность примирять всевозможныя, и дѣйствительныя, и призрачныя, противорѣчія, и притомъ примирять не прибѣгая къ слишкомъ вульгарной формулѣ: „съ одной стороны, нельзя не согласиться, хотя, съ другой, нужно сознаться“. Онъ замѣняетъ ее другою формулою, повидимому, несравненно болѣе научною и основательною: „съ объективной точки зрѣнія, говоритъ онъ,—нельзя не согласиться, хотя съ субъективной должно сознаться“ и т. д.

Эту двойственную, всепримиряющую точку зрѣнія авторъ почему-то называетъ „антропологическою“, и утверждаетъ, что только она одна и можетъ устранить „антиномію“ во взглядахъ детерминистовъ и ихъ противниковъ. „Объективно мы не можемъ, рассуждаетъ онъ,—иначе понимать частную и общественную дѣятельность человѣка, мы не можемъ понимать всю природу въ ея цѣломъ, какъ въ смыслѣ необходимой механической системы“ (стр. 16). Субъективно-же мы должны признать, что человѣкъ имѣетъ свободу (т. е. свободу, понимаемую въ метафизическомъ смыслѣ) выбирать себѣ цѣли, подвергать ихъ критикѣ, воплощать въ жизнь и пр., и пр. (тамъ-же).

Такимъ образомъ оказывается, что и детерминисты правы, и ихъ противники правы. „Основное положеніе“ первыхъ истинно съ объективной точки зрѣнія; основное положеніе вторыхъ—истинно съ субъективной точки. А такъ-какъ „съ антропологической точки зрѣнія“ субъективныя истины на-столько-же реальны, на-сколько реальны истины объективныя, и такъ-какъ всякая реальная истина для насъ обязательна, то и выходитъ, что мы должны, въ одно и то-же время, и признавать, и отрицать нашу метафизическую свободу.

Ну, скажите, какой умъ, кромѣ русскаго ума, склоннаго ко всевозможнымъ и даже совершенно невозможнымъ примиреніямъ,

могъ-бы додуматься до подобнаго рѣшенія одного изъ основнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго міросозерцанія?

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, нашъ авторъ еще съ большою легкостью рѣшаетъ и другой вопросъ, на-столько-же важный для историка, на-сколько первый важенъ для этика.

Зависитъ-ли историческій процессъ развитія общественной жизни отъ вліянія личностей, или, наоборотъ, личности суть не болѣе, какъ слѣпцыя орудія этого процесса? Онъ-ли ихъ создаетъ или онѣ его? Одни рѣшаютъ этотъ вопросъ положительно, другіе — отрицательно; но вы напередъ догадываетесь, какъ рѣшаетъ его нашъ авторъ. Съ одной стороны, т. е. объективно, правы первые, съ другой стороны, т. е. субъективно, правы вторые.

Объективно, т. е. „какъ естественный процессъ, разсматриваемый въ его цѣлости, исторія есть процессъ вполне необходимый во всѣхъ малѣйшихъ частностяхъ и личности не могутъ быть разсматриваемы какъ элементъ, видоизмѣняющій процессъ; какъ-бы мало ни допускали мы это измѣненіе и какъ-бы много научности, разумности и предусмотрительности ни допускали въ личностяхъ, онѣ совершается, увлекая ихъ и дѣлая ихъ только своими орудіями“ (стр. 19).

Субъективно, т. е. „въ сознаніи личностей (?), участвующихъ въ процесѣ исторіи, она есть результатъ мысли и воли личностей, при условіяхъ возможности опредѣляемыхъ природою и общественною средою; соображаясь съ этими условіями, личности обязаны направлять исторію въ смыслѣ своихъ нравственныхъ убѣжденій, подверженныхъ тщательной критикѣ“ (стр. 20).

Итакъ, когда личности сознаютъ исторію, „какъ естественный процессъ, разсматриваемый въ его цѣлости“ и пр., онѣ должны придти къ убѣжденію, что онѣ, личности, ни на одну югу не могутъ измѣнить этого процесса, что онѣ постоянно „увлекаетъ ихъ за собою и дѣляетъ своими орудіями“. Но въ то-же время, когда личности „участвуютъ въ процесѣ исторіи“ (т. е. всегда), онѣ должны сознавать, что исторія есть результатъ ихъ воли, ихъ мысли, и что онѣ не только могутъ, но и обязаны видоизмѣнять ее сообразно своимъ нравственнымъ идеаламъ.

Боже мой, что-же это такая за удивительная штука наша личность? Сознывая, что она процесса исторіи измѣнить не мо-

жетъ, она, однакожь, должна считать себя обязанною измѣнять его. Возможно-ли, чтобы человекъ могъ быть объективно убѣжденнымъ въ одномъ, а субъективно въ другомъ, совершенно противоположномъ? О, русскій человекъ, человекъ „интеллигентнаго меньшинства“, зачѣмъ ты дѣлаешь свою природу, болѣзную, извращенную природу, мѣриломъ и критеріумомъ человеческой природы вообще? Если дуалистическое міросозерцаніе, если діалектическіе софизмы могутъ тебя успокоивать и удовлетворять, то зачѣмъ ты воображаешь, будто они могутъ успокоить и удовлетворить и всякого другого человека, неизощрившаго свой умъ, подобно тебѣ, въ искусствѣ примирять непримиримое и обнимать необъятное? И зачѣмъ, наконецъ, ты самъ, желая постоянно колебаться и балансировать, отыскиваешь противорѣчія и „антиноміи“ тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ и не существуетъ?

Исторія есть рядъ необходимыхъ причинъ и слѣдствій, и съ какою-бы точки зрѣнія личность ни смотрѣла на историческій процессъ, съ субъективной или объективной, она неизбежно приходитъ къ убѣжденію, что понимать этотъ процессъ иначе невозможно, невозможно психически и логически. Но такое пониманіе процесса исторіи нисколько не противорѣчитъ, а, напротивъ, вполне подтверждается другимъ убѣжденіемъ личности — убѣжденіемъ, что она, личность, какъ необходимый продуктъ извѣстныхъ причинъ, есть главный дѣятель этого процесса. Являясь, съ одной стороны, послѣдствіемъ предшествующихъ звеньевъ въ міровой цѣпи причинъ и слѣдствій, она, съ другой стороны, играетъ роль причины для звеньевъ послѣдующихъ. При этомъ, такъ-какъ наша личность опредѣляется не только событіями и условіями предшествующей ей общественной исторіи, но и многими другими событіями и условіями, не входящими въ область „общественной исторіи“, то очевидно, что ея дѣятельность въ этой области нерѣдко порождаетъ такіа послѣдствія, которыя одними лишь фактами и условіями предшествующей исторіи объяснены быть не могутъ. Отсюда личность постоянно вноситъ въ процессъ развитія общественной жизни много такого, что не только не обусловливается, но подчасъ даже рѣшительно противорѣчитъ какъ предшествующимъ историческимъ посылкамъ, такъ и даннымъ условіямъ общественности. На этомъ-то чисто-объективномъ фактѣ

и основывается наше субъективное сознание, что мы, личности, можем вліять на ходъ и развитіе историческаго процесса, что мы являемся въ этомъ процесѣ совѣтъ не слѣпными, страдательными орудіями, а, напротивъ, активными и самостоятельными дѣятелями.

Такимъ образомъ, наше субъективное „сознаніе“ ничѣмъ не противорѣчитъ нашему объективному „познанію“. Сознывая себя и съ субъективной, и съ объективной точки зрѣнія самостоятельными историческими дѣятелями, сознавая въ себѣ способность вліять на теченіе исторіи, мы въ то-же время сознаемъ,—опять-таки и объективно, и субъективно,—что исторія есть рядъ неизбѣжныхъ необходимостей, неразрывная цѣпь причинъ и слѣдствій.

Никогда никакія объективныя изслѣдованія, какое объективное пониманіе исторіи не могутъ привести личность къ убѣжденію (какъ это утверждаетъ авторъ), будто она, личность, не играетъ въ историческомъ процесѣ никакой активной роли. Точно также никогда какое субъективное сознание не можетъ заставить сколько-нибудь развитую личность вообразить себѣ, будто она не есть продуктъ породившихъ ее условій, будто она находится внѣ закона причинъ и слѣдствій.

Слѣдовательно, между пониманіемъ исторіи „какъ естественнаго процесса, разсматриваемаго въ его цѣломъ“, и пониманіемъ исторіи, какъ она отражается „въ сознаніи личностей, участвующихъ въ ея процесѣ“, не существуетъ не только никакого противорѣчія, но даже и никакой разницы.

Но если авторъ непремѣнно хочетъ, чтобы тутъ было какое-нибудь противорѣчіе, то очевидно, что это противорѣчіе ему не устранить никакими „антропологическими“ точками зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, правда, что съ точки зрѣнія объективнаго пониманія исторіи она „есть процессъ вполне необходимый“ и личности не могутъ быть разсматриваемы какъ элементъ, видоизмѣняющій процессъ, а съ другой стороны, правда и то, „что въ сознаніи личностей она есть результатъ ихъ мысли и воли“ и онѣ „обязаны направлять (а слѣдовательно и видоизмѣнять) исторію“, то очевидно, что или наше объективное пониманіе исторіи невѣрно, или сознание личностей ошибочно. Въ первомъ случаѣ, мы обязаны лучше и глубже изучить

и понять объективный процесс истории, во второмъ—мы должны стараться исправить наше невѣрное сознание. Но ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ успокоиваться на признаніи обоихъ этихъ другъ другу противорѣчащихъ фактовъ одинаково „истинными“ и одинаково „обязательными“ для мыслящихъ людей.

Задача разумнаго міросозерцанія должна состоять не въ томъ, чтобы разъединять и противопологать, а въ томъ, напротивъ, чтобы гармонически объединять объективное пониманіе познаваемого нами міра съ фактами нашего внутренняго сознанія. Только такое міросозерцаніе и можетъ удовлетворять потребностямъ мыслящаго человѣка, только оно одно и предохраняетъ его отъ вѣчнаго и мучительнаго разлада съ самимъ собой.

Изъ противоположенія двухъ способовъ отношенія къ историческому процессу: отношенія чисто-объективнаго и чисто-субъективнаго, авторъ выводитъ еще третій способъ: „отношеніе отчасти объективное, отчасти субъективное“.

„Объективное“ на-столько, на-сколько исторія есть „процессъ естественно-необходимый“; „субъективное“—на-сколько „нравственные идеалы“ личностей являются „обусловливающимъ элементомъ“ этого процесса (стр. 20).

Эта объективно-субъективная точка зрѣнія на исторію должна быть, по мнѣнію автора, присуща пониманію „историка“. „Въ пониманіи историка, говоритъ онъ,—исторія есть процессъ, весь интересъ котораго заключается въ сознательномъ приближеніи человечества къ нравственному идеалу историка или въ сознательномъ отдаленіи отъ этого идеала“ (тамъ-же).

Историкъ не можетъ видѣть въ исторіи только „естественный процессъ, вполне необходимый во всѣхъ малѣйшихъ частностяхъ...“ и т. д.; онъ не можетъ относиться къ ней вполне объективно, не можетъ потому, что онъ не только наблюдаетъ историческій процессъ, но и принимаетъ въ немъ участіе, ergo, „въ его сознаніи исторія есть результатъ мысли и воли личностей, обязанныхъ направлять исторію въ смыслъ своихъ нравственныхъ убѣжденій...“ и т. д.

Такова точка зрѣнія автора на задачи и обязанности историка; она составляетъ одинъ изъ основнѣйшихъ пунктовъ его

тодъ, но и главное содержаніе его исторической философіи, его воззрѣнія на роль и значеніе идей, „мысли“ въ историческомъ процесѣ. Поэтому, прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ анализу этихъ воззрѣній, мы должны остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

П. НИКИТИНЪ.

(Продолженіе будетъ.)

РОЗЫ ПРОГРЕСА.

Современный романъ-фельетонъ съ консерваторами, либералами, плутократами, жидами, адвокатами, прокурорами, художниками, журнальными антрепренерами и сотрудниками, спиритами, кокетками, амурами, похищеніями, увеселительными и благотворительными вечерами и спектаклями, поединками, поджогами для полученія страховой преміи, торжествомъ добродѣтели, посрамленіемъ порока и проч., и проч., и проч.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Современный.

— Ффа! нѣтъ, не могу сегодня, голова не работаетъ! проговорилъ вслухъ Аверьевъ, отрываясь отъ чтенія документовъ по дѣлу, которое ему надо было на-дняхъ защищать въ судѣ.

Онъ откинулся на выгнутую спинку кабинетнаго стула, раза два потянулся, лѣниво побряхтывая и улыбаясь подъ мягкими усами, почистилъ безъимяннымъ пальцемъ правой руки вылощенные ногти лѣвой, затѣмъ поднялся и пошелъ въ комнату, сосѣдную съ кабинетомъ.

Въ этой комнатѣ господствовалъ полумракъ. Красноватый свѣтъ горѣвшаго камина освѣщаль только одинъ уголокъ: небольшой вычурный диванчикъ, стоявшій вблизи, матовое съ узорами стекло зерана, отодвинутаго въ сторону, мѣдную рѣшетку, по которой золотыми бликами бѣгало отраженіе трепетавшаго пламени, и затѣмъ пестрые разводы мягкаго ковра подъ диваномъ.

Аверьевъ опустился на диванъ, заботливо пододвинулъ себѣ подъ бокъ шитую разноцвѣтную подушку и, раскинувшись въ живописно-небрежной позѣ, принялся „мечтать“, глядя на каминный пламень.

Онъ именно за тѣмъ и сѣлъ къ камину, чтобы мечтать. У Аверьева такъ это было ужъ заведено: за рабочимъ столомъ нужно работать, передъ каминомъ читать, мечтать, предаваться *fat niente*. Въ качествѣ акуратнаго дѣльца „последней формаци“, онъ составилъ себѣ нѣкоторыя „правила комфорта“, какъ выражался онъ.

„Дѣло не идетъ, буду мечтать, и непременно о томъ, какъ у меня выйдетъ сегодня съ Марьей Алексѣвной, размышлялъ онъ, подбирая поудобнѣе ноги;—теперь еще только десятый... рано, цѣлый часъ еще остается“.

Онъ посмотрѣлъ на часы, приблизивъ ихъ къ огню камина, затѣмъ быстро закрылъ ихъ, съ особеннымъ шикомъ щелкнувъ крышечкой, и спряталъ въ карманъ жилета.

Однакожь, какъ это часто бываетъ, вмѣсто мечтаній о томъ, какъ у него „выйдетъ нынче“ съ Марьей Алексѣвной, Аверьевъ началъ припоминать подробности того, что вышло вчера.

А вчера у него съ Марьей Алексѣвной вышло вотъ что. Онъ встрѣтился съ нею совершенно случайно въ перчаточномъ магазинѣ, потомъ проводилъ ее по Невскому. Онъ ухаживалъ за нею съ самой осени, но все у него какъ-то безуспѣшно выходило. Онъ рѣдко встрѣчался съ нею, она мало обращала вниманія на его ухаживаніе и намеки, и вообще, какъ выражался самъ Аверьевъ, дѣло не клеилось. Но тутъ, при этой случайной встрѣчѣ, она выказала ему неожиданно особенную благосклонность и такъ весело и мило пококетничала съ нимъ, что онъ преисполнился обольстительными надеждами. Въ концѣ-концовъ онъ выпросилъ у ней встрѣчу сегодня вечеромъ, въ клубѣ.

— Вы съ мужемъ будете? спросилъ Аверьевъ, когда она, давъ ему обѣщаніе придти, сѣлась въ сани и просталась съ нимъ.

— Какой вы наивный! Кто-жь пріѣзжаетъ на свиданіе съ мужьями? засмѣялась Марья Алексѣвна, вся сіяя насмѣшкою и обаяніемъ, окидывая его свѣтлымъ взглядомъ и особенно ударивъ на словѣ „свиданіе“.

Аверьевъ что-то хотѣлъ сказать ей, но сани тронулись и она уѣхала, подаривъ его еще разъ улыбкою.

Аверьевъ припоминалъ все это и ему казалось, что онъ слышать ея слова, звукъ ея смѣха; передъ нимъ ясно рисовались черты молодого лица, лукавая улыбка и живые глаза, свѣркающіе изъподъ короткой вуалетки, спущенной едва-едва до полныхъ красныхъ губъ.

„Отлично-бы сойтись съ нею, размышлялъ Аверьевъ, закуривая сигару и поворачивая къ огню плотно обтянутыя панталонами бедра, — хорошенькая, во-первыхъ, и потомъ пизантная и, кажется, знаетъ и любитъ свое дѣло... Къ тому-же свободой полной пользуется и деньжишки, видно, есть... Расходовъ, стало быть, не потребуется, а такъ, раг апоуг... Очень-бы было недурно, право, и удобно... Вотъ мужъ развѣ?... Да что мужъ? Кажется, онъ тамъ какая-то скотинища и больше ничего... чортъ съ нимъ совсѣмъ... Гладенькая интрижка-бы вышла и совсѣмъ кстати: мнѣ моя уважаемая Анна Михайловна надоѣла вотъ какъ, — (онъ мысленно указалъ себѣ на горло) — скислась она совсѣмъ, особенно за послѣднее время. Очень ужъ я вожусь съ нею долго: нестерпимо наскучила. И тронулась она сильно: кожа около шеи точно у курицы ошпаренной. А она еще все „мысикъ“ отъкрытъ норовить... Намедни при Водоносовѣ пришла и съ своимъ мысикомъ противнымъ ему въ глаза суется; а тотъ, подлецъ, чуть не киваетъ мнѣ на сморщенную-то шею... Эхъ, штука стара и бросить пора... Да, а бросишь... обидится, въ претензію вломится... Шутка-ли: пятилѣтніе амурь... Ну, да что-же дѣлать, матушка, пора и честь знать... А вотъ съ Марьей Алексѣвной... гмъ... да! тутъ у насъ пошла-бы музыка совсѣмъ другая... Есть чѣмъ признаться...“

Онъ помуслилъ сигару, медленно втянулъ и выпустилъ дымъ, и на минуту погрузился въ какое-то совсѣмъ бездумное, полудремотное состояніе. Потомъ хотѣлъ-было перейти мыслью на Марью Алексѣвну, но помимо его воли сначала онъ вспомнилъ „студькѣвское дѣло“, которымъ занимался передъ тѣмъ, потомъ какую-то неприятную сцену съ кѣмъ-то, гдѣ онъ игралъ подлую и глупую роль, и былъ уличенъ въ этомъ. Послѣднее воспоминаніе произвело весьма неприятное физическое ощущеніе у него около глазъ и за ушами: онъ зажмурился и даже головою встряхнулъ, какъ-бы желая выбросить изъ нея гадкое воспоминаніе. „А защита по „студькѣвскому“ выйдетъ удачная, снова перебѣжалъ онъ мыслью къ дѣлу, — особенно если въ заключеніе хватить этакъ а ля Спасо-

вичь тираду позабористѣе и потомъ оборвать словами: „я кончилъ“. Хорошо будетъ, да и подѣйствуетъ, подѣйствуетъ... Гмъ, подѣйствуетъ... Ну, а вотъ на Марью Алексѣевну подѣйствуетъ-ли сегодня и выйдетъ-ли...“

Въ это время въ передней раздался звонокъ.

— Кто-бы это могъ быть? Вотъ не во время-то, вздрогнулъ Аверьевъ.—Хорошо, что я Матвѣю не велѣлъ никого пускать...

Онъ поспѣшно вскочилъ, ушелъ въ кабинетъ и сталъ оттуда прислушиваться къ разговору въ передней, разсчитывая по голосу узнать, кто посѣтитель.

— Кого вамъ? услышалъ онъ голосъ своего лакея, предлагавшаго этотъ вопросъ довольно грубымъ тономъ, изъ чего Аверьевъ сейчасъ-же сообразилъ, что посѣтитель изъ мизерныхъ.

— Аверьева мнѣ нужно, отвѣчалъ кто-то рѣзко.

— Ихъ нѣту дома.

— Какъ нѣтъ дома? Это вы брешете, достопочтеннѣйшій, онъ дома: мнѣ швейцаръ сказалъ.

— Дома нѣтъ, говорю—уѣхавши, еще грубѣе и настойчивѣе повторилъ Матвѣй.

— Ну, это онъ, можетъ, для другихъ уѣхавши, а для меня дома, возразилъ вошедшій.—Подите-ка и скажите ему...

— Нечего мнѣ говорить, позвольте... Въ другое время придите, коли надо, нынче нельзя, заняты, не принимаютъ.

— Занять! Ну, это дѣло десятое, коли занять. Это резонъ. Только вы-бы сразу такъ, почтеннѣйшій, и говорили, а не ввали вздоръ... А когда онъ бываетъ свободенъ?

— Я не могу знать... По утрамъ до двѣнадцати по дѣламъ просителей принимаютъ. Тогда вотъ и заходите.

— Просителей принимаетъ... гмъ... вотъ какъ... Ну, ладно. Я завтра. А вы скажите барину, что заходилъ, молъ... да вотъ что лучше: дайте-ка мнѣ бумажки да карандашикъ, я ему самъ все изображу...

„Кто-бы это могъ быть? думалъ Аверьевъ, прислушиваясь къ рѣчамъ неизвѣстнаго посѣтителя;—голосъ ужасно знакомый, а припомнить не могу... Выдти, развѣ, все равно, теперь дѣлать нечего, а до клуба еще время есть...“

— Матвѣй! вдругъ крикнулъ онъ.

Лакей явился.

- Кто это тамъ?
- Не могу знать: васъ спрашиваетъ господинъ.
- Прости-ка сюда.

II.

Отсталый.

Вошелъ человекъ лѣтъ тридцати пяти, широкоплечій, смуглаго типа, съ черными, длинными и нѣсколько включенными волосами и бородой, въ потертомъ узковатомъ сюртукѣ и охотничьихъ сапогахъ до колѣнъ.

— Узнаешь? спросилъ онъ, остановившись въ дверяхъ комнаты и смотря съ какой-то серьезной улыбкою на Аверьева, съ удивленіемъ и любопытствомъ привставшаго ему на встрѣчу.

Аверьевъ секунду внимательно взглянулся въ его лицо; что-то промелькнуло у него въ глазахъ и около рта, не то неудовольствие, не то радость встрѣчи, и затѣмъ онъ поспѣшно претянулъ руку гостю.

— Неужели Аховъ? Богъ мой, откуда... вы... ты? Съ неба, что-ли?

— Именно Аховъ, широко улыбнулся ему въ отвѣтъ, осклаивая бѣлые ровные зубы, гость, — и не съ неба, а изъ самой северной земли во всей російской имперіи: изъ псковской губерніи... Ну, поздороваемся.

Оба хотѣли-было обняться и поцѣловаться по-товарищески, но оба вразъ почему-то оставили это намѣреніе и только крѣпко пожали другъ другу руки.

— Вотъ неожиданно, говорилъ Аверьевъ, усаживая гостя. — Сколько не видались... Ну, ты измѣнился очень, постарѣлъ...

— Еще-бы въ десять-то лѣтъ не постарѣть; постарѣешь, братъ, особенно если жить богъ-вѣсть въ какихъ трущобахъ російскихъ приходилось...

— Ну, а теперь что ты намѣренъ дѣлать?

— Да что, вотъ перво-на-перво къ вамъ въ Питеръ прибылъ: себя показать и старыхъ пріятелей посмотреть.

— Когда пріѣхалъ?

— Сегодня утромъ... Къ тебѣ второму визитъ. У перваго былъ

не призналъ!

— Нейгардтъ?

— Нейгардтъ... Вѣдь, помнишь, въ университетѣ за мной какъ бѣгалъ: собаченкой, привязанность какую-то даже неестественную ко мнѣ питалъ, поклонялся... А теперь... нѣтъ, это я разскажу тебѣ, это презанятно, это просто прелесть... Я, видишь-ли, случайно въ разговорѣ на желѣзной дорогѣ свѣдалъ его адресъ... Ну, прямо изъ номеровъ къ нему. Притекаю... Однако, стой: прислужникъ твой изъяснилъ мнѣ, что ты занятъ? Можетъ, я разводи тутъ развожу, а у тебя что-нибудь слѣшное? Ты, конечно, не стѣсняйся, скажи...

— Да нѣтъ, нѣтъ ничего слѣшнаго. Я потому сказалъ, что бы не принимали никого, что нужно сегодня черезъ часъ съ однимъ лицомъ видѣться... по дѣлу.

— Черезъ часъ? Ну, я къ тому времени тебя освобожу отъ своей особы. А покуда, значить, есть время?

-- Покуда есть.

— Какъ вы, однако, тутъ всѣ заняты: завидно даже, просто. Не то, что мы, грѣшныя, бродяги... Такъ вотъ Нейгардтъ-то... Можешь представить: являюсь я къ нему, встрѣчаетъ меня швейцарице этакой на лѣстницѣ, важности невѣроятной. Ну, само собою, сейчасъ съ вопросомъ: вамъ кого? А Федьку, молъ, Нейгардта. — Генераль, говоритъ, по пятницамъ просителей принимаютъ. — Ну, говорю, пусть его, а я теперь къ нему пройду по-знакомству. — Теперь никакъ невозможно: генераль сейчасъ ѣдутъ, вонъ и карету имъ ужъ подали. — Генераль, карета, — слушаю и ушамъ своимъ не вѣрю просто. Начинаю не на шутку колебаться: идти ужъ, полно, къ Федькѣ? Вдругъ дверь на площадѣ бельэтажа распаивается, сначала выбѣгаетъ благообразный лакей въ бѣломъ галстукѣ, съ портфелемъ, а за нимъ, смотрю, и Федька самъ, и еще благообразнѣе: въ бобрѣ, въ цилиндрѣ, бакены котлетами, скотоподобность во взорѣ такая подлая... Величественно и озабоченно сходить съ лѣстницы, ни малѣйшимъ взглядомъ не удостоивая моей особы; швейцарице опростылю кидается отворять ему двери, Федька шествуетъ, какъ Юпитеръ, и вдругъ... вдругъ я пересѣкаю ему дорогу и хлопаю его по рукаву пальто. Эффектъ! Швейцарице, лакею, а пуще самъ Федька поражены. — Что,

братъ, не узнаешь? выстрѣливаю я прямо въ рожу Федькѣ. — Что такое, что? восклицаетъ онъ; — что это? кто это? — Не кричи, говорю: это я, Аховъ. — Аховъ? какой Аховъ, что такое? — Такъ онъ даже отъ меня, какъ гутаперчевый точно, отскочилъ. — Какой Аховъ? Развѣ забылъ Ахова? — Можешь представить, передернулся онъ весь, подлещъ — очевидно, вспомнилъ, — но вдругъ въ самое лицо мнѣ и говоритъ: „Не имѣю времени, не помню, не имѣю времени“, а самъ впередъ и въ карету, да и укатилъ. Такъ я этикъ былъ офрапированъ, что даже „скотины“ ему вдогонку не пустилъ, ей-богу!.. Только расхохотался потомъ, черезъ минуту, какъ опомнился; такъ расхохотался — швейцарицу и хама въ бѣломъ галстукѣ даже поразилъ, ха, ха, ха!

Аховъ и теперь, при одномъ воспоминаніи о рассказанной имъ сценѣ, не могъ удержать смѣха. Аверьевъ тоже засмѣялся.

— Ты чудакъ, однако, замѣтилъ онъ: — идешь къ Нейгардту не справившись, что теперь такое Нейгардтъ сталъ.

— А что онъ такое? простодушно спросилъ Аховъ, вдругъ переставъ смѣяться.

— Какъ что? Да онъ вѣдь особа давно. Онъ меня теперь встрѣчаетъ — адвоката, солиднаго дѣльца, — такъ и то чуть головой киваетъ. А съ тобой ему прежнія товарищескія отношенія не по вкусу...

— Неужто такъ? Вотъ она какая штука-то выходитъ: Федька особа! Ну, если онъ особой сталъ, такъ и чортъ съ нимъ со всѣмъ!.. Скажи-ка мнѣ лучше, что ты, какъ ты?

— Да ничего, вотъ, какъ видишь, адвокатствую...

— Ну, и что-же, того?

— Что того?

— Насчетъ капиталовъ? Стяжалъ, поди, чай, малую толику? Отложилъ? Вы вѣдь, адвокаты, говорить, по этой части люты!

Аверьевъ слегка поморщился.

— Больше говорить, братъ, только... отвѣтилъ онъ, созерцая собственные ногти съ какой-то солидной смущенностью.

— Ну, однако? Тысячахъ въ пятидесяти обрѣтаешься, а?

— Въ пятидесяти тысячахъ? Экъ ты хватаешь! Въ Петербургѣ вѣдь жить нужно. Тутъ одна обстановка чего стоитъ...

— Что говорить — раззоръ. Что-жь, коней, поди, держишь?

— Держу.

— На что-же мнѣ четверку, помилуй?

— Стало—пару? То-то, молъ, вѣдь не архіерей ты, ха, ха, ха!.. Ну, да и пару хорошо: молодець ты, право. Скоро пошелъ. А потому скоро, что на дорогу настоящую попалъ, — на торную.

— Ну, не насмѣхайся, братъ. Что-жь, все, какъ ты вотъ, по „тернистымъ путямъ“ ходить? Какой толкъ изъ этого?

— Истинно говоришь — никакого. Вотъ хоть-бы на эстоль-ко толку—(Аховъ тронулъ большимъ пальцемъ правой руки ноготь большого пальца лѣвой);—одно пустое времяпровожденіе.

— Ты это серьезно или, по обыкновенію, иронизируешь?

— А какъ ты думаешь?

— Богъ тебя знаетъ. Чего добраго, ты и въ самомъ дѣлѣ остался, какъ былъ, и продолжаешь жить прежними фантазіями.

— Ну, нѣтъ, не сомнѣвайся: фантази-то прежнія я къ чорту отправилъ. Десять лѣтъ этакъ помыкаешься, какъ я, фантази жизнь повыбьетъ, братъ. Это вѣрно. Только все-же я по теченію общему и теперь плыть неспособенъ: привычки не сдѣлалъ.

— Такъ сдѣлай.

— Не могу, душа моя. Старъ сталъ да и не идетъ къ моей фигурѣ какъ-то „дѣлами“ заниматься.

— Хорошо. Что-же ты, однако, намѣренъ предпринять и къ чему себя пристроить?

— Ничего и ни къ чему.

— Какъ-же такъ?

— Очень просто: буду себѣ отсталымъ проживать отъ всего да и баста.

— Гмъ... отсталымъ. Это, конечно, мило, но чтобы отъ всего отстать, нужно...

— Имѣть пенензы, конечно! Справедливо изволите разсуждать, мой благородный другъ, только мнѣ вѣдь оныхъ много не требуется, а малость-то я найду: на-столько, слава-богу, выученъ родителями и учителями.

— Ну, однакожь, чѣмъ ты, безъ шутокъ, будешь жить?

— Чѣмъ жить буду? Видишь, жить-то собственно мнѣ не надо: пожилъ я, довольно. Теперь прозябать стану. А для прозябанія

много-ли требуется? Ну, вот у тебя переписывать дѣла попрошу по гривеннику съ листа: мнѣ и довольно, и слава те Господи. А то литературой займусь: ты знаешь, я не только прозой, стихами писать умѣю и вообще могу быть чѣмъ угодно въ литературѣ: публицистомъ, белетристомъ, поэтомъ. Я даже думаю кромя гонорара славу стяжать... Что такъ-то, въ самомъ дѣлѣ, въ неизвестности таланты свои утаивать; пусть блещетъ и гремитъ на весь міръ имя Никанора Ахова.

— Ты все шутишь... Помилуй, какая теперь литература? Никто теперь литературой не интересуется и ничего она дать не можетъ.

— То-есть какъ ничего? Пару сѣрыхъ, конечно, завести нельзя, французенку-камелью тоже; ну, а со дня на день перебиваться и литературою можно.

— Со дня на день перебиваться... Да неужели тебѣ не надѣло это положеніе? Пора-бы тебѣ приняться за что-либо путное, опредѣленное...

— Радъ-бы въ рай, мой благородный другъ, да грѣхи не пускаютъ. Что будешь дѣлать: я не изъ праведниковъ, а въ современномъ раю російской жизни только праведники одни требуются, грѣшники-же отменяются. Ты вотъ толкуешь: заняться чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, а мнѣ все то, что теперь у васъ „опредѣленнымъ“ именуется,—все это, братъ, мнѣ кажется просто наглымъ вздоромъ.

— Очень лестно слышать такое мнѣніе намъ, живущимъ этимъ вздоромъ, слегка передернувшись, принужденно засмѣялся Аверьевъ.

Аховъ пристально посмотрѣлъ на него: ему послышалась въ голосѣ Аверьева скверная нотка.

— Эге, братъ, да ты никакъ изобидѣлся моимъ замѣчаніемъ? Полно, не слѣдуетъ. Во-первыхъ, я не про тебя, во-вторыхъ, ты знаешь, я изъ теоретиковъ и, стало-быть, для практиковъ не судья, въ-третьихъ, я по-товарищески говорю, въ-четвертыхъ, наконецъ, я вообще не имѣю привычки кого-либо осуждать и обвинять, такъ-какъ знаю, что это дѣлаютъ добровольно люди глухие, а по обязанности — прокуроры.

— Ты напрасно беспокоишься, что я обидѣлся, нѣсколько сухо возразилъ Аверьевъ: — я тебя достаточно знаю и не могу оби-

жаться твоими воззрѣніями. Однакожь, замѣчу одно: вижу, ты ничего не забылъ и ничему не научился; ты остался тѣмъ-же юншей, какимъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Аховъ юмористически вздохнулъ, на губахъ его мелькнула тонкая улыбка и около глазъ появились лучистыя морщинки, сообщившія его взгляду лукаво-насмѣшливое выраженіе.

— Что, братъ, будешь дѣлать! негдѣ было. А науки всякія самой послѣдней формациі тутъ у васъ процвѣтаютъ, какъ извѣстно... Вотъ, Богъ дастъ, поживу въ Питерѣ, наверстаю упущенное, невѣжество свое просвѣщу... Да вотъ, не хочешь-ли, съ тебя опыты просвѣщенія петербургскаго сейчасъ начну.

„Ну, вѣрно денегъ въ долгъ просить хочеть“, промелькнуло въ головѣ Аверьева.

— Ты думаешь: вѣрно сейчасъ въ долгъ просить будетъ, саркастически засмѣялся Аховъ, угадавшій мысль Аверьева по тому серьезно-выжидательному выраженію, которое вдругъ появилось на лицѣ его товарища; — нѣтъ, братъ, не опасайся, покуда еще не о займѣ рѣчь идетъ, а о менѣе существенномъ и, такъ-сказать, гроша для тебя нестоющемъ... Скажи, ты вѣдь навѣрно имѣешь изъ знакомыхъ кого-нибудь, кто-бы былъ знакомъ — тѣфу! я даже отъ связнаго языка отвыкъ, проживъ вдали отъ центра просвѣщенія, — кто знакомъ съ знаменитымъ вашимъ желѣзно-дорожнымъ тузомъ Самсономъ Соломоновичемъ Шнапсомъ?

— Помилуй, да я лично его знаю.

— Право? ну, вотъ и чудесно. И хорошо ты знаешь?

— То-есть какъ хорошо?

— То-есть, на-столько-ли, напримѣръ, ты съ этой скотинницей знакомъ, чтобы дать мнѣ къ ней рекомендательное письмо?

— Рекомендательное письмо тебѣ къ Шнапсу? нѣсколько изумленно переспросилъ Аверьевъ.

— Да, да, мнѣ къ Шнапсу.

— Зачѣмъ это тебѣ, скажи пожалуйста!

— Ну, это ужъ дѣло мое; коли хочешь, это мой секретъ даже. Ты мнѣ позволи этого секрета не объявлять, а, если можешь, просто исполни мое прошеніе.

— Позволь, въ качествѣ чего-же или кого-же я долженъ тебя рекомендовать, какъ ты выражаешься, этой скотинницѣ?

— Въ качествѣ своего университетскаго товарища, положимъ. Рекомендація, словомъ, должна быть въ такомъ вкусѣ: позвольте, моль, найдостойнѣйшій рекомендовать вашему вниманію чудеснѣйшаго смертнаго и моего пріятеля Никанора Ахова, который имѣеть до васъ серьезное дѣло. Finis.

— Хорошо, но какое-же это дѣло?

— Говорю, что это секретъ. Ты только скажи: можешь или не можешь сдѣлать, что я спрашиваю? Можешь — удовлетворишь не-сказанно; не можешь — я кого-нибудь другого попрошу. Отвѣтствуй категорически.

— Послушай, мнѣ, разумѣется, не штука написать письмо. Но штука въ томъ, что ты, можетъ быть, съ этимъ письмомъ придешь къ почтенному Самсону Соломоновичу и...

— И вдругъ его скотиной обзову или въ рожу ему плюну, ха, ха, ха! разсѣялся Аховъ. — Не бойся, благородный другъ, скандала никакого не предприиму, а, напротивъ, такъ ублажу достойнаго Шнапса, что у него слюнки потекутъ. Потому тебя будетъ благодарить, что такого чудеснаго друга ты ему рекомендовалъ. Это я не въ шутку говорю: честное могу дать слово. Ну, что-жь, еще-ли колеблешься? Али мнѣ на мечъ влястесь?

— Чудакъ ты, право, Аховъ; какъ былъ, такъ и остался, насупиваясь замѣтилъ Аверьевъ: — все у тебя, по-прежнему, таинственныя какія-то дѣла, цѣли и намѣренія...

— Что, братъ, дѣлать, съ младенчества таковъ: мамка меня ушибла должно быть, какъ гоголевскаго учителя, и съ тѣхъ поръ отъ меня и отдаетъ конспираторствомъ... Такъ, значитъ, ты согласенъ цидулой-то рекомендательной къ Соломоновичу меня снабдить?

— Пожалуй.

— Ну, вотъ одолжилъ, вотъ это услуга. Благодарю. Такъ ты приготовь мнѣ цидулку: на-дняхъ я забѣгу. А теперь покину тебя, такъ-какъ у тебя вѣдь часъ только свободный: ты куда-то собирался?

— Да нѣтъ, что-же, посиди, мнѣ не къ спѣху. Вотъ чай сейчасъ дадутъ: напейся чаю.

— Чаю я выпью. А потомъ, увидишь, минуты не задержу.

Петербургское увеселительное мѣсто.

Черезъ полчаса Аверьевъ, усѣвшись въ щегольскіе одноѣстные санки и плотно закутавшись медвѣжьей полостью, катилъ въ клубъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ прислушиваясь, какъ его рысакъ широкими взмахами ногъ звенѣлъ по замерзшей мостовой, Аверьевъ въ то-же время раздумывалъ объ Аховѣ и его визитѣ. Нельзя сказать, чтобы думы блистательнаго адвоката объ университетскомъ товарищѣ были лестны для послѣдняго. Если резюмировать сущность этихъ думъ, то, пожалуй, вышло-бы изъ нихъ только два положенія: „вотъ нелегкая принесла“ и „какъ былъ такъ и остался непрактичнымъ и... и чуть-ли не пустымъ малымъ“.

Нелестныя для Ахова думы были прерваны остановкою рысака у подъѣзда клуба. Городовой, увидѣвъ щегольскіе сани, поспѣшилъ подбѣжать и откинуть полость. Аверьевъ быстро, съ особеннымъ шикомъ, выскочилъ изъ саней и почти побѣжалъ въ освѣщенные сѣни. Сбросивъ шубу, съ сіяющимъ, довольнымъ лицомъ Аверьевъ взбѣжалъ на лѣстницу, повертѣлся съ минуту у зеркала, охорашиваясь и приглаживая волосы и бороду, и затѣмъ вошелъ въ залу.

Былъ самый разгаръ вечера. Газовыя люстры ярко освѣщали довольно закопченныя стѣны большой залы, украшенныя во впадинахъ оконъ полотняными пано съ нарисованными на нихъ эффектно декораціями. Въ простѣнкахъ между впадинами виднѣлись на лѣпныхъ кронштейнахъ бюсты писателей и художниковъ, отражавшіеся въ узкихъ зеркалахъ, вдѣланныхъ въ стѣну и обвитыхъ по бортамъ фальшивымъ плющемъ. Въ одномъ концѣ залы помѣщалась сцена, отдѣленная широкою аркой, затѣйливо декорированной лѣпными украшеніями... Занавѣсъ блестѣлъ алегорическими изображеніями трехъ искусствъ, летящихъ на янтарно-розовомъ облакѣ; изъ-за облака показывалась луна, а около луны какой-то старикъ-монстръ съ весломъ или лопатою въ рукахъ. Декорація эта была написана съ притязаніями на шикъ, на размахъ фантазіи, но выказывала скорѣе недостатокъ вкуса у артиста, ее писавшаго. Передъ сценой помѣщался маленькій ор-

вѣстръ, отгороженный барьеромъ отъ залы. Справа и слѣва главной арки, закрытой занавѣсомъ, были двѣ двери, ведущія на сцену и въ уборныя. На дверяхъ красовалась надпись: „Входъ постороннимъ лицамъ воспрещается“.

Публика наполняла всю залу, размѣстившись на стульяхъ передъ сценою и на боковыхъ диванахъ около стѣнъ. Оркестръ игралъ пьесу Литольда; но публика ея не слушала и гулъ рѣчей почти заглушалъ оркестръ.

Но вотъ оркестръ умолкъ, круто закончивъ пьесу громкими звуками контрбаса и тремоло скрипокъ. Поднялся занавѣсъ. Шумъ затихъ. Публика устремила все свое вниманіе на сцену, гдѣ появился одинъ изъ ея любимыхъ „чтецовъ“ и куплетистовъ. Это былъ массивный, похожій на отвормленного борова, господинъ съ заспаннымъ лицомъ, въ какомъ-то сѣромъ казнетовомъ архалукѣ. Его встрѣтили громкими рукоплесканіями. Сонно улыбаясь, онъ началъ читать гнусливымъ теноромъ какое-то стихотвореніе, растягивая слова, по его мнѣнію, юмористическія, и ударяя на нихъ. Соль пьесы состояла въ слѣдующемъ: какой-то человекъ послѣ обѣда читаетъ газету и принимается судить о политикѣ, но у него вдругъ схватываетъ животъ. Каждый куплетъ кончался насчетъ боли живота. Публика неистово хохотала при этихъ припѣвахъ и аплодировала. Чтець одушевлялся привѣтомъ публики и присоединялъ къ выразительному чтенію еще болѣе выразительныя жесты, хватая себя рукою за желудокъ. Наконецъ, онъ прекратилъ остроумные куплеты. Публика требовала повторенія. Чтець улыбнулся и прочелъ что-то еще болѣе плоское. Рукоплесканіямъ не было конца.

Вслѣдъ за чтецомъ появился на сценѣ рассказчикъ сценъ изъ еврейскаго быта. Этотъ, въ противоположность чтецу-борову, былъ маленькій, тощій блондинчикъ съ большимъ птичьимъ носомъ. Войко, съ отвратительнымъ апломбомъ онъ рассказалъ пошлѣйшій анекдотъ о побитомъ жидѣ, причѣмъ утрированно передавалъ жидовскій говоръ и для усиленія комизма бралъ себя за носъ рукою и безпрестанно производилъ неприличное фырканье. Этотъ балаганный приѣмъ приводилъ просвѣщенную публику въ азартъ: рукоплесканія потрясали залу, рассказчика заставили повторить несчетное число разъ его пошлѣйшіе анекдоты.

Когда, наконецъ, тощій блондинчикъ исчезъ со сцены, отвѣсивъ публикѣ десятокъ умиленныхъ поклоновъ, вдругъ изъ-за кулисъ

сто остановился, бросилъ монокль въ глазъ и началъ окидывать шумѣвшую публику строгими взорами, какъ-бы приглашая ее успокоиться. Публика успокоилась. Распорядитель небрежнымъ движеніемъ выкинулъ монокль изъ глаза и громко провозгласилъ, что пѣвецъ NN не можетъ принять участія въ вечерѣ по болѣзни и что его замѣнитъ г. Мохнатый.

Публика захлопала. Въ нервныхъ рядахъ стульевъ что-то громко сказалъ:

— Само собою не можетъ участвовать: я его въ буфетѣ безъ заднихъ ногъ видѣлъ...

Всѣ слышавшіе это замѣчаніе весело разсмѣялись. Между тѣмъ г. Мохнатый вылетѣлъ уже на сцену. Его опухлое, лоснящееся лицо, окаймленное бородой съ просѣдью, его волосы, брошенные живописно-беспорядочнымъ клоккомъ на лобъ и разсыпавшіеся по плечамъ, его гофрированная сорочка и бѣлый галстукъ съ огромными концами, наконецъ, его шапо-клякъ—все это было пронизано какимъ-то рамашистымъ, ухарскимъ шикомъ дурного тона. Онъ остановился у самой рампы, вытянулъ впередъ шею, словно сдѣлалъ стойку надъ будкой суфлера, подождалъ съ полминуты и вдругъ „пустилъ“ стихи. Именно пустилъ: другого выраженія нельзя прибрать этой манерѣ чтенія съ совершенно произвольными, ненужными, невызываемыми смысломъ пьесы ускореніями и растягиваніями словъ, съ замираніями и умиленіями въ мѣстахъ, совсѣмъ не требующихъ замираній и умиленій, съ возвышеніями голоса до дикаго крика Богъ знаетъ гдѣ, наприимѣръ, на предлогахъ и союзахъ, и т. д. Удивительное чтеніе свое г. Мохнатый сопровождалъ однимъ жестомъ: вытягиваніемъ шапо-клякъ впередъ, къ публикѣ, словно онъ подставлялъ тарелку или тамбуринъ, какъ это дѣлаютъ уличные фигляры и пѣвцы, прося денегъ по окончаніи своихъ представленій. Стихотвореніе, которое читалъ г. Мохнатый, было торжественное и патріотическое; въ концѣ даже что-то о небесахъ и Провидѣніи чтоцъ хватилъ такимъ fortissimo, что затряслись кулисы на сценѣ.

— Bravo! Bravo! гремѣли рукоплесканія.— Bis! Bis!

Г. Мохнатый съ улыбкой раскланивался, граціозно помахивая клякомъ. Крики не прекращались. Г. Мохнатый вновь подступилъ къ рампѣ, вновь сдѣлалъ стойку надъ будочкой суфлера, подо-

ждалъ, скорчилъ трактирную улыбку и хватилъ „куплетцы“ одного изъ новѣйшихъ юмористовъ, въ которыхъ безпрестанно повторялся остроумный припѣвъ:

„Всѣ мы любимъ треснуть въ рыло-сь,
Въ душу ближнимъ влѣземъ безъ мыла-сь,
Мило-сь!“

Эти чудесные куплетцы произвели положительно бурю восхищенія въ публикѣ, такъ-что, взволнованная искусствомъ чтеца, она довольно небрежно и холодно просмотрѣла живую картину, изображавшую духа, летящаго „по небу полуночи“.

Живою картиною закончилось „первое отдѣленіе“ вечера. Публика сорвалась съ своихъ мѣстъ съ шумомъ и посыпала изъ большого зала въ сосѣднія гостинныя и столовыя.

IV.

Марья Алексѣевна.

Аверьевъ стоялъ въ коридорѣ, соединяющемъ большую залу съ другими комнатами и носящемъ техническое названіе „предбанника“; урывшись въ амбразурѣ окна, онъ смотрѣлъ на проходящую публику, отыскивая Марью Алексѣевну.

Группы проходили одна за другою, тѣсняясь, толкая другъ друга. Мелькали дамы „всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ размѣровъ, всѣхъ сортовъ“, толстыя и тонкія, красивыя и уроды, декольтированныя до-нельзя и закутанныя сплошь. У многихъ лица были красныя, съ подмазанными глазами и бровями, съ слѣдами притираній на щекахъ. Въ узкомъ пространствѣ коридора стоялъ спертый воздухъ, носился какой-то смѣшанный запахъ пота, пудры, духовъ и пр. Лампы съ красными шарами бросали кровавый отблескъ на лица и зажигали въ глазахъ странные блики. Шлейфы волочились и шелестили. Порой виднѣлись въ рукахъ женщинъ вѣера, которыми онъ усиленно обмахивались. Стоялъ смѣшанный гулъ говора. Слышался смѣхъ, женское хихиканье и быстрые отвѣты, остроты. Иногда вдругъ отчетливо раздавалось какое-нибудь громкое циничское замѣчаніе мужчинъ, относящееся къ какой-нибудь проходившей дамѣ.

Мимо Аверьева прошли многіе знакомые изъ мужчинъ и дамъ. Вотъ художникъ-геній, загребаящій жаръ чужими руками, съ ко-

толстеный провинциальный актер, всегда пьяный и всегда в пьяномъ видѣ толкующій, что онъ призванъ сыграть Гамлета, и объясняющій, какъ онъ намѣренъ его играть. Вотъ другой актеръ, съ такой физиономіей, что отъ нея молоко скисается, знаменитый надрыватель животиковъ. Вотъ чиновникъ-ловелась, недавно попавшійся въ скандальной исторіи, съ оттопыренной губою, съ котлетовидными бакенами и такимъ множествомъ брелковъ, что они гремятъ на немъ, какъ сбруя. А вотъ и дамы знакомыя: всему клубу извѣстная мелкая пѣвица, постоянно сидящая въ коридорѣ или предбанникѣ и потому получившая названіе банщицы. Толстая, съ добродушнымъ русскимъ лицомъ, она поводитъ маленькими глазами изъ стороны въ сторону, очевидно отыскивая какой-нибудь „предметъ“ обожанія изъ красивыхъ мужчинъ, къ которымъ постоянно льнетъ. Вотъ и другая знакомая, такъ-называемая „мордовка“: густо нарумяненная, съ тощею, совсѣмъ открытою грудью дама въ платьѣ, претендующемъ на эффектное сочетаніе цвѣтовъ и сидящемъ на ней, какъ на вѣшалкѣ. Вотъ „маленька“ — дебелая, восточнаго типа камелія, и съ ней двѣ ея очень красивыя дочери, которыми она, какъ извѣстно всему клубу, безцеремонно торгуетъ. Вотъ двѣицы-докторши, барышни съ еврейскими лицами, съ бойкими манерами и вызывающими взглядами...

Иные изъ проходящихъ раскланивались съ Аверьевымъ; инымъ дамамъ онъ кланялся. Одна даже подошла къ нему, сильно ударила его по плечу вѣромъ и, смѣясь, что-то начала ему говорить. Они были на ты. Очевидно, ни она, ни онъ не церемонились другъ съ другомъ. Аверьевъ съ минуту побесѣдовалъ съ этой дамой, тихо взявъ ее за локоть и толкнувъ впередъ.

— Ну, проходи, проходи... Мнѣ некогда, сказалъ онъ.

— А, что я говорила... Вѣрно ждешь кого-нибудь, свиданіе? засмѣялась дама, грозя ему вѣромъ.

— Ну, да, да, жду. Только уйди ты, Христа-ради, нѣсколько нетерпѣливо сказалъ Аверьевъ.

— Животное! бросила ему по-французски дама и ловкимъ, особеннымъ движеніемъ подобравъ свой длинный шлейфъ, прошла впередъ, а за нею сейчасъ-же юркнулъ какой-то маленькій колченогий брюнетикъ и началъ увиваться около нея, какъ вьюнъ.

Публика профильтрировала мимо Аверьева почти вся. Марья Алексѣевна онъ между проходящими не замѣтилъ. Досадливо сдвинувъ брови, Аверьевъ пошелъ въ залу; тамъ рѣдкими кучками собралось нѣсколько дамъ и мужчинъ. Онъ тщательно оглядѣлъ въ пенсенѣ всѣ группы: между ними не было той, кого онъ искалъ.

„Неужели надула, чортъ ее возьми? подумалъ Аверьевъ раздражительно;—зачѣмъ-же тогда я пришелъ сюда?..“

Онъ круто повернулся, поспѣшно двинулся изъ залы къ входу— и вдругъ такъ весь и просіялъ: въ отворенныя двери залы онъ увидалъ Марью Алексѣевну: она, граціозно подобравъ передъ платья, быстро взбѣгала на лѣстницу въ сопровожденіи двухъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, старшій, почти сѣдой, съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на лошадиную морду, мелкими шажками подпрыгивалъ съ лѣвой стороны, держа ея руку и дѣлая видъ, что онъ служитъ ей опорой, тогда-какъ въ сущности она служила ему; другой, лѣтъ сорока, съ темною бородой и свѣтящейся лысиной, шелъ позади и несъ вѣеръ и бѣлую, какъ снѣгъ, пуховую накидку.

Аверьевъ, широко и самодовольно улыбаясь, пошелъ на встрѣчу Марья Алексѣевнѣ и изогнулся передъ нею изящнымъ поклономъ.

— Ахъ, мсье Аверьевъ, полупрезрительно, полудѣшнито усмѣхнулась Марья Алексѣевна, протягивая ему лѣвую руку и вскидывая боковымъ взглядомъ на господина съ лошадинообразнымъ лицомъ; — вотъ неожиданная встрѣча... Какъ это вы надумались сюда?

— Отчего-же, помигуйте... Я иногда бываю...

— Да? Мнѣ не случилось васъ видѣть здѣсь ни разу.

— А вы развѣ постоянно посѣщаете эти вечера?

— Нѣтъ, не постоянно, но часто... Кстати: вы незнакомы? обратилась онъ разомъ и къ Аверьеву, и къ господину, похожему на лошадь.—Аверьевъ, Дмитрій Петровичъ. Афанасій Степановичъ Лухмановъ.

— Много слышанъ, пробормоталъ лошадинообразный старецъ, важно протягивая два пальца Аверьеву.

Аверьевъ съ достоинствомъ окинулъ его взглядомъ, снисходительно ухмыльнулся, произнесъ про себя: „какая, однакожь, свинья“, но пожалъ протянутые ему пальцы не безъ выраженія почтитель-

пяталами.

— А это мой мужъ, произнесла какъ-будто вскользь Марья Алексѣевна, кивнувъ головою въ сторону на господина, державшаго накидку.

— Пріятно, пролепеталъ мужъ, оскаливъ зубы.

— Очень, сказалъ Аверьевъ.

Они пожали другъ другу руки.

— Вы немножко опоздали: первое отдѣленіе ужъ кончилось, съ любезной улыбкой пояснилъ Марья Алексѣевнѣ Аверьевъ.

— Кончилось? Ну, тѣмъ лучше. Я терпѣть не могу этихъ чтеній и пѣній.

— Для чего-же вы ходите сюда?

— Все равно, надо-же гдѣ-нибудь скучать... Пойдемте, однакожь, въ гостиную, господа, здѣсь дѣлать нечего...

Она повернулась къ старцу, который торопливо подавъ ей руку, и пошла впередъ. Аверьевъ и мужъ поневолѣ остались въ качествѣ сопровождающихъ кавалеровъ.

Аверьевъ посмотрѣлъ на мужа и потомъ перевелъ глаза на затылокъ лошадеобразнаго старца, какъ-бы спрашивая: скажи-ка, мужъ, это кто-же такое для твоей супруги? Мужъ, повидимому, уразумѣлъ взглядъ Аверьева, но на его мысленный вопросъ не отвѣтилъ ничего и только потеръ себѣ лысину.

— Вы въ гостиную-съ? сказалъ онъ, когда они прошли коридоръ.

— Да.

— А я того... извините, я не сопутствую вамъ, я въ буфетъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Мужъ переложилъ накидку съ лѣвой руки на правую и кашлянулъ какъ-то условно; Марья Алексѣевна въ пол-оборота вопросительно оглянулась на него.

— Я въ буфетъ, душенька. Тебѣ не надобно будетъ?..

Онъ протянулъ накидку.

— Нѣтъ, можешь идти, пробормотала, не смотря на него, супруга.

Мужъ на цыпочкахъ проворно исчезъ.

Пробившись въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ, толкаясь и скрещиваясь, бродили изъ угла въ уголокъ или сидѣли группы дамъ и

мужчинъ, Марья Алексѣвна поспѣшила усѣсться на одномъ изъ кресель, Лухмановъ сѣлъ рядомъ на другое, а Аверьевъ, такъ-какъ онъ не нашель себѣ свободнаго кресла, помѣстился въ изысканной позѣ за спинкой того, на которомъ сидѣла Марья Алексѣвна. Лухмановъ заговорилъ съ нимъ что-то насчетъ стульбѣвскаго дѣла; Марья Алексѣвна послушала съ минуту ихъ разговоръ и зѣвнула. Лухмановъ, замѣтивъ зѣвокъ, вдругъ затихъ. Водворилось-бы неловкое молчаніе, но въ это время къ Лухманову подошелъ какой-то представительный господинъ съ пухомъ, громогласнымъ голосомъ и солидными манерами. Раскланявшись съ Лухмановымъ и Марьей Алексѣвной, господинъ весьма фамильярно заявилъ ей прямо „всепокорнѣйшую просьбу“ о томъ, что онъ похитить у нея на десять минутъ почтенинѣшаго Афанасія Степановича, ибо имѣеть къ нему важное дѣло. На эту просьбу послѣдовало разрѣшеніе и представительный господинъ увелъ Лухманова въ сторону, на что тотъ согласился, кажется, не особенно охотно.

Какъ только они отошли, Марья Алексѣвна быстро вскинула глазами на Аверьева и, отклонивъ голову назадъ и закрываясь вѣеромъ, чтобы не услышали сосѣди, какимъ-то особеннымъ голосомъ произнесла:

— Ну?

— Что прикажете? отозвался нѣсколько насмѣшливо Аверьевъ, хотя весь такъ и передернулся подъ вліяніемъ ея вызывающаго движенія, голоса и взгляда.

— Это еще что за глупая фраза? сжала она вдругъ брови. — Васъ спрашиваютъ: довольны-ли вы, а вы что-же это такое?..

— Позвольте, чѣмъ-же мнѣ быть особенно довольнымъ?

— Какъ чѣмъ? Ахъ, вы, неблагодарный человекъ! Тѣмъ, что я сдержала обѣщаніе—пришла. Для васъ пришла.

— Гмъ... да, для меня. Однакожь, обѣщали придти безъ мужа, а между тѣмъ не только его, но даже какого-то старца прихватили...

— А что вамъ старецъ? вдругъ расхохоталась Марья Алексѣвна.

— Какъ что, помилуйте... Смотрите, вонъ онъ какъ оглядывается сюда... Экъ его!.. Откуда вы этакого добыли и зачѣмъ, позвольте узнать, привели?

глупыхъ ухаживаній, которыми вы мнѣ надѣдаете.

— Вотъ какъ! Такъ этакое-то rendez-vous вы мнѣ назначили? Зналъ-бы—не пошелъ.

— Неужели? Ахъ, какъ-бы я заплакала, ха, ха, ха!

Она расхохоталась такъ весело, что на ея открытой, полной и бѣлой шеѣ заходила голубая бархатка съ золотымъ медальономъ, а кружева вырѣзки, открывавшей роскошную грудь, поднимались и опускались, какъ пѣна. Аверьевъ покосился на эти движущіяся кружева, стараясь проникнуть за нихъ глазами, и нервная дрожь пробѣжала по немъ. Марья Алексѣевна казалась ему такъ хороша съ своимъ звонкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ, съ своими лукавыми взглядами изъ-за распущеннаго вѣера.

— Ахъ, перестаньте смѣяться, Марья Алексѣевна... Пойдемте-ка лучше въ картинную галерею отсюда.

— Пожалуй. Подождите только Афанасія Степановича.

— А чортъ его возьми, вашего Афанасія Степановича: я отъ него-то и хотѣлъ увести васъ.

— Напрасно стараетесь. Я ему нынче весь вечеръ обѣщала.

— А мнѣ-то что-жь?

— А вамъ... вамъ ужъ въ другой разъ; вы помоложе, надо старости почтеніе оказать.

— Ну, я не изъ почтительныхъ... Безъ шутокъ: что вамъ этотъ старецъ?

— Что онъ мнѣ? Все знать будете, скоро состарѣтесь.

— Нѣтъ, полноте, Марья Алексѣевна, откровенно скажите: въ чемъ тутъ исторія?

Она усмѣхнулась и какъ-будто потупилась.

— А вы сами догадайтесь.

— „Покровитель“, что-ли?

Она кивнула головой и бросила на него взглядъ.

— Вотъ что! неслышно присвистнулъ Аверьевъ. — А мужъ-то какже?

— Какъ мужъ? Вы видѣли вѣдь, какъ.

— Видѣлъ-съ... Такъ дѣло-то такого, значить, рода.

— Такого рода... Ну, узнали, легче вамъ стало?.. Что теперь про меня думаете?

— Что думаю? Думаю, что вы прелестнѣйшая изъ женщинъ и что я разцѣловалъ-бы всѣ ваши пальчики, если-бы мы были одни.

— И если-бы я вамъ позволила, конечно.

— Ну, позволить-то навѣрно-бы позволили... А когда-же это будетъ?

— Что когда будетъ?

— Когда мы будемъ одни и когда вы мнѣ позволите разцѣловать ваши пальчики и прочее?

Онъ смотрѣлъ на нее черезъ ея плечо блестящимъ взглядомъ.

— Когда вы немножко поуменьше себя держать будете, отвѣчала она, чуть-чуть пожавъ плечами, отворачиваясь отъ него и бросая улыбку на встрѣчу Лухманову, который въ это время, оставивъ своего собесѣдника, подходилъ къ ней.

V.

„Нашъ извѣстный художникъ“ Вутербродій и „нашъ извѣстный литераторъ“ Своробрыкинъ.

Аверьевъ съ досады закусилъ губу и въ душѣ произнесъ очень нелестное привѣтствіе лошадеобразному „покровителю“ Марьи Алексѣевны, такъ не во-время подоспѣвшему въ самую интересную минуту разговора, склонившагося - было на настоящую тему. Не желая въ присутствіи старца поддерживать бесѣду съ Марьей Алексѣевной, онъ уже хотѣлъ было, подъ предлогомъ куренія, улизнуть въ буфетъ, какъ вдругъ увидалъ двухъ знакомыхъ субъектовъ, быстро направлявшихся съ любезными улыбками къ Лухманову и его дамѣ.

Первый изъ этихъ субъектовъ представлялъ сутуловатаго человека съ маленькой головенкой, покрытой рѣдкими, очевидно, выкрашенными волосами, которые падали неровными, длинными космами на его плечи и поднимались на лбу какими-то взбитымъ, фантастическимъ хохломъ. Подъ широкимъ и толстоватымъ носомъ человѣчка шевелились усы, заостренные съ концовъ въ иголку, а на подбородкѣ прыгала обдерганная ролялка, какъ и волосы, сильно накрашенная. Человѣчекъ какъ-то неестественно таранилъ глаза, придавая имъ выраженіе не то страстное, не то усиленной пронизательности, и корчилъ мефистофелевскую улыбку на тонкихъ,

растреснутых и блѣдныхъ губахъ. Одѣтъ онъ былъ въ коротенькій бархатный пиджакъ оранжеваго цвѣта, съ необычайно широкии рукавами и крохотнымъ стоячимъ воротничкомъ, вмѣсто пуговиць застегнутый узорными петлями изъ шнурковъ. Сквозь переплетъ шнурковъ видѣлись брызжи накрахмаленной рубашки, выбивавшейся изъ жилета, вырѣзаннаго необыкновенно низко. Вышитые длиннѣйшіе и широчайшіе концы бѣлаго галстука были небрежно раскинуты по бортамъ пиджака. Въ общемъ его наружность напоминала отчасти еврея, отчасти парикмахера-француза, отчасти шарманщика-итальянца. Въ дѣйствительности-же это былъ „одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ“ художниковъ, Аполонъ Аполоничъ Вутербродій.

Спутникъ его по внѣшности былъ не менѣе курьезенъ. На длинныхъ и тонкихъ ногахъ, облаченныхъ въ узенькіе на лѣнкахъ и широкіе внизу панталоны самаго новѣйшаго вѣнскаго фасона, воздымалось нѣчто безпрестанно дергающееся и коверкающееся, жестикулирующее и подпрыгивающее. Голова была такъ коротко выстрижена, что казалась почти бритою. Лицо съ выдающимися скулами, тараканьи усы, подъ нижней губой крохотнѣйшій кусочекъ волосъ. Въ общемъ наружность напоминала отчасти пѣмецкаго коми, отчасти прусскаго улана. На самомъ-же дѣлѣ это былъ „нашъ извѣстный“ литераторъ Поль Скоробрыкинъ.

Скоробрыкинъ подлетѣлъ къ Марьѣ Алексѣевнѣ первый: онъ согнулся, выпрямился, передернулся, изломался, собралъ на лбу морщины, распустилъ ихъ, расцвѣлъ сладостной улыбкой, завялъ и вновь расцвѣлъ — все это въ какую-нибудь секунду времени — и проговорилъ какую-то привѣтственную фразу, изъ которой никто ровно ничего не понималъ, такъ-какъ каждое ея слово начиналось слогами и оканчивалось какимъ-то пофыркиваніемъ и усиленными жестами рукъ и даже ногъ.

Вутербродій тоже въ грязь лицомъ не ударилъ и разшаркался, такъ необыкновенно тряхнувъ ножкой, что Марья Алексѣевна закусилла губы, чтобы не расхохотаться, глядя на него.

Аверьеву Скоробрыкинъ протянулъ афектированно руку, ухмыльнулся и сказалъ: „а, защитникъ вдовъ и сиротъ“; на Лухманова же только покосился и поведъ носомъ по воздуху, будто желая понюхать, чѣмъ, молъ, этотъ тузь пахнетъ. Вутербродій-же передъ Лухмановымъ рассыпался въ поклонахъ и любезностяхъ и сейчасъ-

же начал приглашать посѣтить его мастерскую, гдѣ у него окончена новая картина. Марья Алексѣевна вдругъ заинтересовалась или сдѣлала видъ, что заинтересовалась его картиной. Знаменитый художникъ отъ ея вниманія пришелъ въ такое восхищеніе, что его даже въ потъ брѣсило и хохолокъ его крапленыхъ волосъ на лбу вслѣдствіе этого распустился и скатился почти къ бровямъ.

— А когда можно взглянуть на ваше произведеніе? спросила Марья Алексѣевна.

— Когда вамъ угодно. Я каждый день въ мастерской съ десяти часовъ утра и до трехъ.

— Хотите, Афанасій Степановичъ, завтра соберемся къ мсье Бутербродію?

— Я съ удовольствіемъ, проговорилъ коротко Лухмановъ.

— Ахъ, я буду въ восторгѣ, я весь къ вашимъ услугамъ, разсыпался знаменитый художникъ.

— А вы, господа, не придете-ли тоже? обратилась Марья Алексѣевна къ Аверьеву и Скоробрыкину: — веселѣе будетъ. Отъ нихъ талантъ мсье Бутербродія цѣлымъ комитетомъ. Вы не боитесь, мсье Бутербродій, такихъ строгихъ цѣнителей и судей?..

Мсье Бутербродій просто готовъ былъ растаять отъ чести, которой его удостоивали, и отъ улыбки, которою его любезно наградила Марья Алексѣевна. Разговоръ, однакожь, несмотря на любезности кавалеровъ и старанія Марьи Алексѣевны, какъ-то не пошелъ: всѣ какъ-будто немного стѣснялись присутствіемъ Лухманова и косились на него. Лухмановъ, съ своей стороны, косился на кавалеровъ, и почему-то больше всѣхъ на Аверьева: лошадеобразному старцу сразу показалось, что сей ловкій адвокатъ съ своими настигививыми любезностями не безопасенъ для его фаворитки.

Повертѣвшись и поболтавъ передъ Марьей Алексѣвной, кавалеры вразъ откочевали отъ нея и направились прямо къ буфету.

— Вотъ бабець, такъ бабець, громко воскликнулъ, весь корпусъ и ухмыляясь, Скоробрыкинъ, едва только они отдалились шаговъ на десять. — Я этакой доброячественности и веделѣнности тѣлесъ даже у вѣнокъ не видываль... Что, художникъ, вы какъ по сему предмету судите?

Онъ хлопнулъ по плечу Бутербродія.

нубъ усиленно взглядомъ.

— А ваше мнѣніе, защитникъ вдовъ и сиротъ?

— Мое мнѣніе... ничего, притворно зѣвнувъ, отвѣтилъ Аверьевъ.

— Ничего! Ну, не равнодушествуйте коварно, пасынокъ Фемиды. Поди, чай, давно съ амурами въ несравненной Марьѣ Алексѣевнѣ поддѣживаете. Зрѣлъ я ваше таяніе давеча.

— Что-жь мнѣ поддѣживать понапрасну: мѣсто вѣдь ужъ занято.

— Бѣтъ это? Старца, что-ли, вы разумѣете? Старецъ—не резонъ. Старецъ по части снабженія финансами состоитъ. А для душевнаго удовлетворенія тутъ другое требуется.

— А встать: что такое этотъ старецъ для Марьи Алексѣевны на саможь дѣлѣ? любопытствовалъ Аверьевъ.

— Какъ, вы не знаете развѣ? спросилъ Бутербродій.

— Ничего не знаю.

— Серьезно? Тутъ цѣлая исторія, какже... Я всѣ подробности исторіи знаю.

— Расскажите, потѣшите, вдругъ воскликнулъ Скоробрыкинъ и глаза его засвѣтились литературнымъ любопытствомъ.

— Извольте, только не спросить-ли намъ холодненькаго сначала?

— Отчего-же, спросимте холодненькаго.

Они прокочевали въ столовую и усѣлись.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Оттого-ли мы бѣдны, что глупы, или оттого мы глупы, что бѣдны?“ Когда этотъ афоризмъ былъ высказанъ у насъ лѣтъ пятнадцать назадъ, онъ остался незамѣченнымъ, и отвѣта на него и до сихъ поръ еще не послѣдовало. И въ самомъ дѣлѣ, жизнь становится все дороже и дороже, всѣ плачутся на бѣдность, большинство должно ограничивать свои потребности, а въ то-же время требованія цивилизаціи усиливаются, а цѣна личнаго труда стоитъ все еще на минимумѣ. Экономисты-теоретики утверждаютъ, что такъ должно быть, что въ минимумѣ выражается неустранимый экономическій законъ; но какъ этотъ законъ не можетъ никого успокоить, то стоики начали проповѣдывать теорію самоудержанія, самоотреченія, теорію лишенія. Одинъ изъ русскихъ мыслителей-стоиковъ доказывалъ, что разумный человѣкъ долженъ стремиться къ идеалу экономической середины, и середину эту усматривалъ въ трехъ рубляхъ ежемѣсячнаго дохода. Но если и экономисты, и мыслители приходятъ только къ минимумамъ да къ самоотреченію, то что-же намъ дѣлать съ другимъ, болѣе широкимъ закономъ — стремленіемъ человѣка къ личному счастью? И вотъ бѣдная мысль, запутавшись въ дебряхъ непримиримыхъ противорѣчій, не разрѣшила ничего и надъ задѣльной платой и надъ цѣной личнаго труда тяготѣетъ по-прежнему фатальный, неустранимый законъ и всѣ жалуются на дурные заработки, на дороговизну, на малую плату за трудъ.

Людемъ, занимающимся изслѣдованіемъ экономическихъ законовъ, не мѣшало-бы обратить вниманіе на слѣдующій любопытный

слѣднія 15—20 лѣтъ: въ каждой прибавка шла въ совершенно ничтожной постепенности, точно она не хотѣла знать растущей дороговизны и требованій жизни, которыя увеличивались не соотвѣтственно увеличиванію платы за трудъ. Только тѣ, чей трудъ окупается жалованьемъ, получали иногда значительную прибавку, часто несоотвѣтствующую ни качеству ихъ труда, ни выгодѣ и услугамъ, которыя они оказываютъ. Прибавка въ жалованья соотвѣтствуетъ обыкновенно положенію лица и соображается не съ потребностями вообще, а, такъ-сказать, съ условіями обстановки. Въ государственной службѣ прибавки были еще не очень значительны, но въ частной встрѣчаются должности, гдѣ жалованье, съ процентами на извѣстный доходъ предпріятія, составляетъ иногда до ста тысячъ рублей въ годъ. Вѣдь это сказать страшно! И какими соображеніями руководствуются частныя предпріятія, когда они своимъ директорамъ отваливаютъ такія суммы? Вы думаете, что, напримѣръ, отъ директора банка зависятъ обороты банка? Ничуть. Отъ директора банка могутъ зависеть только безпорядки и честное или своекорыстное управленіе учрежденіемъ. Чѣмъ-же являются эти сто тысячъ, которыя акціонерный банкъ выдаетъ своему директору? Это плата не за трудъ; это премія за честность, за порядочность, за добросовѣстность. Такъ? Конечно, можно сдѣлать и другое толкованіе, но мы пользуемся хорошимъ, и даже при хорошемъ видимъ въ подобномъ непомѣрномъ вознагражденіи одной честности высшую несправедливость. Точно другіе люди не честны, точно они не добросовѣстно исполняютъ свое дѣло и точно только избранныкамъ судьбы позволено имѣть человѣческія потребности, а другіе осуждены жить скотами. Вѣдь это кальвинизмъ! Еще Бентамъ доказывалъ несправедливость существующаго порядка вознагражденія жалованьемъ и требовалъ, чтобы оно было платою за услуги. Пусть каждый, взойдя на трибуну, расскажетъ, что онъ сдѣлалъ полезнаго втеченіи года по своей должности, а собраніе присяжныхъ рѣшитъ, что ему слѣдуетъ дать за его трудъ. Такъ думалъ Бентамъ. Теперь-же жалованье во многихъ случаяхъ не болѣе, какъ синекура. Нерѣдко оно бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ человѣкъ дѣлаетъ меньше, и наоборотъ.

Личный трудъ нѣрѣдко при самой величайшей энергіи и при громадной затратѣ физическихъ и умственныхъ силъ даетъ самый ничтожный и недостаточный для жизни заработокъ. Къ числу подобныхъ трудовъ принадлежитъ у насъ трудъ литературный. Самые даровитые литераторы и белетристы, напримѣръ г. Тургеневъ, если-бы ему пришлось жить одною личною платою за трудъ, былъ-бы не въ состояніи на него существовать. По разсчету того, что г. Тургеневъ написалъ до сихъ поръ и сколько пишетъ теперь, среднее число составляетъ десять печатныхъ листовъ въ годъ. Считая по двѣсти рублей за печатный листъ, весь годичный заработокъ составитъ только двѣ тысячи рублей. Но вѣдь г. Тургеневъ у насъ первоклассный писатель, трудъ его окупается гораздо дороже, чѣмъ остальныхъ белетристовъ, которымъ платится отъ 40 до 50 р. за листъ. Если средній белетристъ напишетъ тоже десять листовъ въ годъ, то онъ получитъ отъ 400 до 500 рублей. На эти деньги нельзя прожить даже одному. А чтобы получить 2,000, ему-бы пришлось написать въ годъ 40 листовъ. Если предположить дѣятельность литератора отъ 20 до 50-лѣтняго возраста, то ему для своего существованія пришлось-бы написать 1,200 листовъ или 40 томовъ или около 15 романовъ. Развѣ это возможно? А между тѣмъ потребности г. Тургенева и посредственнаго белетриста совершенно одинаковы. И выходитъ, что чѣмъ человекъ слабѣе, тѣмъ онъ получаетъ менѣе. Конечно, если это законъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь, то слабо-даровитый или бездарный белетристъ долженъ самъ собою оставить литературный трудъ и перейти къ другимъ занятіямъ. Съ одной стороны, это хорошо, потому что будетъ менѣе бездарныхъ произведеній, а съ другой—не оттого-ли люди нѣрѣдко ищутъ средствъ существованія въ писательствѣ, что не находятъ другихъ кормящихъ дѣлъ?

Положеніе публицистовъ и журналистовъ, повидимому, лучше. Конечно, трудъ ихъ больше чернорабочій, требующій и меньше творчества, и меньше фантазіи. Но вѣдь если-бы публицистъ долженъ былъ ждать минуты вдохновенія, онъ умеръ-бы окончательно съ голоду. Публицистъ, журналистъ долженъ отвѣчать на текущіе вопросы по мѣрѣ того, какъ они являются, и дожидаться его вдохновенія никто не станетъ. Но за то и ничей

трудъ публициста и журналиста. Читателю, подписавшемуся на ежедневную газету, нѣтъ никакого дѣла до того, сколько труда на нее должно быть положено, — ему давай газету каждый день въ извѣстный часъ, давай газету, которая-бы сообщала новости, развлекала-бы его, а подчасъ и учила. Но читатель не знаетъ, что для того, чтобы онъ получилъ номеръ своей газеты въ десять часовъ утра, редація должна сидѣть и работать по двѣнадцати часовъ въ день и ранѣе двухъ часовъ ночи не оставляетъ своего дѣла. Послѣ двухъ и до утра, то-есть всю ночь, работаетъ типографія. А читатель, получивъ еще сырой номеръ газеты, втягиваетъ въ себя запахъ сырой бумаги и добродушно говоритъ: „какъ я люблю запахъ печатной бумаги“, нисколько не подозревая всей ироніи этихъ словъ.

Срочная работа въ ежемѣсячномъ, еженедѣльномъ или ежедневномъ изданіи—все равно—самая страшная вещь. Если вы должны поставлять передовыя статьи, никому нѣтъ дѣла до того, болын-ли вы или нѣтъ, благополучно-ли у васъ въ домѣ или неблагополучно. Поставляете вы фельетонъ—точно также никому нѣтъ дѣла, можете вы его писать или нѣтъ,—давайте въ срокъ. Публицистъ, работающій въ ежемѣсячномъ журналѣ, точно также долженъ дать читателю интересную, содержательную статью. Плохой статьей читатель не удовлетворяется, а хорошая вовсе не такая вещь, чтобы ее можно было всегда взять и выложить, какъ товаръ въ лавкѣ. Публицистовъ, повидимому, выручаетъ то, что имъ нѣтъ необходимости, какъ белетристамъ и романистамъ, работать на умственный капиталъ. Но вѣдь если-бы они стали работать на капиталъ, они-бы умерли съ голоду скорѣе, чѣмъ посредственные романисты. И вотъ публицистъ работаетъ на проценты своего капитала; это значить, что онъ работаетъ нерѣдко пріемомъ, манерой, извѣстнаго рода искусствомъ говорить и привычкой къ слову. Но этотъ механизмъ вовсе не легкій, истощающій; этотъ механизмъ при самомъ гигиеническомъ образѣ жизни истомляетъ мозгъ до того, что 40-лѣтній публицистъ смотритъ почти старикомъ. А сколько у публициста побочнаго подготовительнаго труда! Нужно проглядѣть и большія, и малыя газеты, и столичныя, и провинціальныя, проглядѣть всѣ

выходящія книги, русскія и иностранныя, иногда на трехъ языкахъ. Цѣлый день уходитъ въ какомъ-то торопливомъ, спѣшномъ, лихорадочномъ головномъ трудѣ, а для отдыха, для накопленія силъ времени не остается. Расходъ силъ не окупается ихъ приходомъ. Малая плата за трудъ заставляетъ публициста не брезгать никакой работой, и наиболѣе грустный примѣръ этой необходимости представляетъ Бѣлинскій. Въ его двѣнадцати томахъ, можетъ быть, наберется всего двадцать статей, или 50, ну 60 печатныхъ листовъ, въ которыхъ онъ былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ и могъ быть, а остальные 420 печатныхъ листовъ — не больше, какъ ненужный балластъ, какъ трудъ, иссушавшій его мозгъ и уносившій безслѣдно, безрезультатно, безъ всякой пользы для успѣха русской мысли его силы. Въ этомъ балластѣ онъ долженъ былъ писать въ качествѣ рецензента всякій томившій его вздоръ, и чтобы писать этотъ вздоръ, онъ долженъ былъ читать еще большій вздоръ, разстраивать свою слабую грудь продолжительнымъ сидѣньемъ, раздражаться чтеніемъ всякихъ глупостей, знакомиться съ которыми было для него обязательно, чтобы потомъ, также обязательно, тратить ночь на рецензіи, писать которыя претила душа.

Въ положеніи журналиста, публициста, критика есть нѣчто роковое, неустранимое въ самомъ свойствѣ его труда. Даже при лучшемъ вознагражденіи трудъ этотъ всегда истощающій, томительный, тяжелый и неблагодарный. Если-бы каждый публицистъ отличался нынче даже геніальностью, то трудъ его не оплачивался-бы больше, чѣмъ онъ оплачивается теперь. Въ то-же время публицисты не имѣютъ возможности даже и теперешній свой трудъ возвысить въ качествѣ. Потому, что трудъ вообще оплачивается плохо, публицистъ по-необходимости ищетъ выхода не въ увеличеніи качества своего труда, а въ количественномъ его увеличеніи. Публицистъ долженъ писать много, потому что если онъ будетъ работать мало, ему будетъ нечѣмъ существовать. Условія личнаго труда публициста и журналиста такого рода, что и на литературномъ рынкѣ спрашивается не качество, а количество, ибо плата производится или по строчкамъ, или по листамъ. Если есть отдѣлы, въ которыхъ плата нѣсколько выше, эта высшая плата вовсе не обезпечиваетъ пи-

сателя. Можно даже сказать, что въ денежномъ отношеніи хорошимъ писателемъ быть вовсе не рассчетъ. Конечно, нравственные мотивы являются сдерживающей и вдохновляющей силой, ибо есть умственный уровень, ниже котораго самъ писатель не позволить себѣ опуститься. Но вѣдь это условія личныя, субъективныя, нравственныя, а вовсе не внѣшнія и не экономическія. Экономическія—остаются тѣми-же, и условія писательскаго труда, какъ внѣшняя побуждающая сила, не заключаютъ въ себѣ ничего, что-бы могло заставлять писателя тянуться вверхъ. Причина этого заключается, конечно, въ самыхъ условіяхъ общества. Литература стала простымъ рынкомъ, гдѣ товаръ высокой доброты не требуется, не производится и не оплачивается. Однимъ словомъ, хорошая работа не нужна, невозможна, и, производя товаръ высшей доброты, производитель долженъ будетъ упасть на самый низшій уровень матеріальнаго удовлетворенія. Но литературный трудъ опять такого рода, что въ самомъ его условіи заключается неизбѣжность удовлетворенія очень многообразныхъ личныхъ потребностей. Конечно, и для мускульнаго работника нужна хорошая, питательная пища, въ особенности, когда работа требуетъ большой затраты силы. Условія-же умственного труда гораздо прихотливѣе. Они слагаются и изъ здороваго образа жизни, и изъ хорошаго душевнаго расположенія, и изъ необходимости отдыха, освѣжающаго мысль. Наконецъ, самыя орудія производства, подразумѣвая подъ ними книги и газеты, безъ которыхъ невозможно работать, требуютъ такихъ затратъ, которыхъ въ другихъ областяхъ умственного труда можно избѣгнуть. Такъ для учителя на урокахъ вовсе не требуется такой подъема духа и свѣжести умственныхъ силъ, какъ литератору; ему менѣе нужны внѣшнія, такъ-сказать, моральныя и умственно обновляющія условія жизни. И несмотря на то, что литературный трудъ есть высшій интеллектуальный трудъ и область высшаго проявленія умственныхъ силъ, трудъ этотъ находится въ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для его высшаго развитія и Occupatus на-столько слабо, что не-столько помогаетъ развитію и возвышенію качествъ его, сколько парализуется и оттягивается внизъ. Однимъ словомъ, всѣ условія, въ которыхъ находится литературный трудъ, какъ интеллектуальное представительство умственныхъ

средствъ страны, такого рода, что умственный уровень можетъ не повышаться, а только понижаться. И положеніе это совершенно безвыходно. Литературный рынокъ—такой-же рынокъ, какъ и всякій другой: Спросъ существуетъ не на высшее качество публицистскаго труда, а, напротивъ, на трудъ заурадный. А заурадность понижаетъ задѣльную плату, и литературнымъ предпринимателямъ, также какъ и всякому фабриканту, нѣтъ никакого расчета повышать ее.

Недавно полемика, завязавшаяся между „Кавказомъ“ и „Тифлискимъ Вѣстникомъ“, обнаружила фактъ, прекрасно подтверждающій то, что мы сейчасъ говорили. В. Тресковскій, ближайшій сотрудникъ г. Сталинскаго, редактора „Кавказа“, рассказываетъ вотъ что о томъ, какъ составлялись передовыя статьи газетъ: „Матеріаломъ для нихъ служили петербургскія газеты и мѣстныя изданія ученыхъ обществъ. Иностранныхъ газетъ редакція не получала, а тѣ статьи, на которыя указывала, какъ на переводныя, заимствовала изъ петербургскихъ газетъ, перефразируя ихъ. Различныя брошюры, объявленія и рекламы нерѣдко тоже служили матеріаломъ для передовыхъ статей „Кавказа“. Такъ въ 1872 году „Кавказъ“ поднялъ вопросъ о чайныхъ плантаціяхъ на Кавказѣ и далъ по этому поводу нѣсколько передовыхъ статей. Одна изъ такихъ статей была ничто иное, какъ перефразированная корреспонденція „Одесскаго Вѣстника“, а другая была составлена изъ объявленій и рекламы чайныхъ торговцевъ братьевъ Поповыхъ. Такимъ образомъ фабриковались, да и до сихъ поръ фабрикуются всѣ передовыя статьи газеты „Кавказъ“. По поводу вознагражденія сотрудниковъ г. Тресковскій пишетъ: „Мнѣ г. Сталинскій обязался уплачивать 900 руб. въ годъ, т.-е. 75 р. въ мѣсяцъ. Съ января по май г. Сталинскій мнѣ выдавалъ вмѣсто 75 р. по 25, 30, 40 и одинъ только разъ 50 р., и то не за разъ, а давая по 3 р. и даже по одному рублю. Въ послѣднее время г. Сталинскій позволилъ даже себѣ прислать мнѣ однажды двугривенный! Понятно, что при такомъ порядкѣ выдачи гонорара я не могъ продолжать работать, тѣмъ болѣе, что при послѣдней выдачѣ жалованья за іюнь, на заявленіе мое о неакуратной выдачѣ денегъ, г. Сталинскій сказалъ: „если хотите у меня работать, то вы обязаны подчиняться

„Дѣло“, № 9.

дакція!". Это разоблаченіе даетъ драгоцѣнные факты, которые самымъ краснорѣчивымъ образомъ указываютъ и на уровень читающей публики, и на печальное состояніе литературнаго рынка, которому не нуженъ товаръ хорошій, а требуется только что-нибудь похожее на товаръ. Повидимому, редакторъ „Кавказа“ поступаетъ, какъ самый послѣдній эксплуататоръ-ремесленникъ. Но вѣдь если поближе взглянуть въ его положеніе, то ему поступать иначе и нельзя. Конечно, если вводить деликатные мотивы, то никоимъ образомъ нельзя оправдать присылку двугривеннаго. Но если смотрѣть на вопросъ съ экономической точки зрѣнія, то неужели вы думаете, что г. Сталинскій послалъ этотъ двугривенный, отложивъ въ свой собственный карманъ миллионъ? Ужь, конечно, посылая сотруднику двадцать копеекъ, онъ взялъ себѣ не больше сорока. И порядокъ составленія передовыхъ статей мы тоже оправдываемъ. Точно петербургскія передовыя статьи составляются не тѣмъ-же способомъ! Конечно, онѣ составляются не по русскимъ газетамъ, а по иностраннымъ, но точно также пишутся по готовому матеріалу и точно также отличаются безличностью, безсодержательностью, какъ и передовыя статьи провинціальныхъ газетъ. Законъ тотъ-же, только дѣйствіе его обнаруживается нѣсколько въ иной формѣ. А дѣйствіе его обнаруживается такъ потому, что въ какомъ-нибудь „Кавказѣ“ или въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“ никому - бы и не были нужны передовыя статьи какого-нибудь первокласснаго французскаго, англійскаго или, пожалуй, и петербургскаго публициста. Заурядному читателю требуются только и заурядные писатели, а заурядному писателю полагается и заурядная плата. Конечно, г. Сталинскій могъ-бы работать одинъ, безъ сотрудниковъ, и составлять при посредствѣ ножицъ очень хорошіе номера, какъ напримѣръ, составляетъ ихъ охотно читаемый провинціальной публикой „Сынъ Отечества“. Вотъ почему мы думаемъ, что г. Тресковскій напрасно обрушился на г. Сталинскаго и превратилъ въ личный и нравственный вопросъ то, чего въ сущности нельзя мѣнять такимъ высокимъ аршиномъ. Конечно, литература есть служеніе, конечно, она невозможна безъ высшихъ идеаловъ, конечно, она своего

рода прорицаніе, облагораживающая, влекущая впередъ сила, тотъ нравственный свѣточъ, который... и т. д.

Да, было время увлеченія, когда энтузіасты и чудачки, дѣйствительно, смотрѣли на литературу, какъ на носительницу священнаго огня, какъ на руководящій источникъ безкорыстія и благороднаго, безкорыстнаго служенія высшимъ идеаламъ. Но теперь на рынкѣ вообще, а также и на литературномъ, не требуется товаръ высшаго разбора, и срединному читателю, которому высшій умственный товаръ, пожалуй, и не подъ силу, требуется товаръ легонькій и дешевый. Это неизбежный законъ демократизаціи, подчиняющій предложеніе спросу. А спросъ опредѣляется не высотой мысли и идетъ теперь не въ глубь, а въ ширь. Такимъ образомъ, самыя условія жизни устанавливають тотъ порядокъ отношенія, который существуетъ на литературномъ рынкѣ, гдѣ между предпринимателями и производителями самою силою спроса на товаръ опредѣляются и нравственныя, и экономическія отношенія.

Привилегированное положеніе изъ всѣхъ современныхъ умственныхъ дѣятелей занимаютъ только педагоги. Но ихъ трудъ окупается не за качество—онъ окупается только потому, что составляетъ самый ходкій товаръ. Въ педагогической области дѣйствуютъ не только не высшіе умы, а, напротивъ, люди очень посредственныхъ способностей. Если мы исключимъ Ушинскаго, этого единственнаго пионера въ области русской педагогики, то увидимъ, что все, что за нимъ явилось, не отличается ни геніальностью творчества, ни силой пытливой мысли, ни даромъ новаторства, ни даромъ изобрѣтенія и открытія. Конечно, ничего этого и не нужно. Самый родъ занятій сводитъ мысль изъ высшей интеллектуальной области на очень средній и даже низкій уровень. Чтобы составить азбуку по звуковому методу да подобрать къ ней постепенные рассказы, конечно, не нужно быть ни Огюстомъ Контотъ, ни Фейербахотъ. Во-первыхъ, дорога уже проторена, а во-вторыхъ, ни для Огюста Конта, ни для Фейербаха не могло бы быть дѣломъ жизни составленіе азбукъ для начальныхъ школъ. Вотъ почему этимъ дѣломъ только и будутъ заниматься люди менѣе выдающихся способностей. Но мы уже говорили, что не высшее качество умственного труда оплачивается наиболѣе вы-

годно, а оплачивается только трудъ на ходкій товаръ. А самымъ ходкимъ товаромъ при демократизаціи стремленія къ образованію, конечно, должны явиться азбука и учебникъ.

Но если положеніе составителей книгъ для школы такъ выгодно, то этия несколько не ослабляется сущность условій, въ которыхъ находится вообще русскій интеллектуальный трудъ. Въ трудѣ этомъ все-таки играетъ главную роль спросъ на издѣлія средняго качества, спросъ на товаръ дешевый, а товаръ вышшаго сорта не окупается и премія дается не вышшему умственному фабрикату, а, напротивъ, посредственному, и потому болѣе выгодному и ходкому. Конечно, со временемъ эти условія должны измѣниться; но когда они измѣнятся—предвидѣть еще нельзя, и въ настоящее время литературный трудъ, и по-преимуществу трудъ журнальный, принадлежитъ къ самымъ невыгоднымъ затратамъ силъ и стоитъ на уровнѣ ремесленности, хотя и головной, но все-таки ремесленности.

Мы стали говорить о невыгодности и дурномъ положеніи литературнаго труда собственно потому, что у насъ при сужденіи о мускульномъ трудѣ нерѣдко проглядываетъ сантиментализмъ, а подчасъ мы даже увѣряемъ, что интеллигенція, которую мы себѣ создали, купилась слишкомъ дорогою цѣною. Но противъ исторіи ничего не подѣлаешь. Предположите, что интеллигенція купилась еще болѣе дорогою цѣною, но въ то-же время укажите, у какого народа и въ какія времена купилась она дешевле. Персиль, конечно, обошелся недешево Греціи, если для созданія его требовалось много вѣковъ, требовалось рабство, можетъ быть, миліоновъ народа. Но что-же тутъ дѣлать? Россія тоже многіе вѣка влачила жалкое экономическое и умственное состояніе и путемъ очень большихъ потерь и лишеній пришла, наконецъ, къ той литературной интеллектуальности, въ которой нынче и выражается сила русской мысли. Но мы знаемъ уже эту силу, мы знаемъ качество ея работы, знаемъ качество ея идей, и не можемъ обольщать себя относительно уровня современной русской мысли. Если это фактъ, то вѣдь на него и нужно смотрѣть какъ на фактъ; могло-бы быть иначе—и случилось-бы иначе, а не случилось—значитъ и не могло случиться. „Цѣна прогресса“, конечно, дорога; но если онъ до сихъ поръ не покупался дешевле и необычно-

венно дорогой цѣной пріобрѣлась микроскопическая мысль и очень маленькая умственная сила, то, должно быть, этотъ мелкій товаръ — очень дорогой товаръ и исторія не можетъ выработывать его дешево. Тутъ вопросъ не въ покаяніи и не въ возбужденіи въ интеллигенціи чувства раскаянія, что она выросла на счетъ мускульнаго труда; тутъ вопросъ не въ слезахъ покаянія, не въ филантропіи и сантиментализмѣ, потому что все это совершенно ненужная моралистика, — тутъ вопросъ въ самомъ фактѣ и въ тѣхъ общихъ условіяхъ, отъ которыхъ онъ зависитъ. Купленный такой дорогой цѣной запасъ нашихъ интеллектуальныхъ силъ находится въ такихъ жалкихъ условіяхъ существованія, и умственного, и матеріальнаго, что если приходится разрѣшать вопросъ слезами, то право, не знаешь, надъ кѣмъ больше плакать: надъ положеніемъ-ли мускульнаго производителя и мускульнаго труда или надъ положеніемъ, умственнаго производителя и умственного труда. Подъ давленіемъ новаго движенія мысли наши интеллигентныя силы давно уже заняты изслѣдованіемъ положенія мускульнаго производителя и условіями народнаго труда. Но до сихъ поръ еще не явилось ни одного изслѣдованія относительно положенія умственнаго труда и интеллектуальныхъ производителей. Мы не сводимъ этотъ вопросъ исключительно къ литературѣ; мы сводимъ его къ вопросу вообще русской мысли. Вообще мы очень много говорили о цѣнѣ прогресса и негодовали, что умственное богатство пріобрѣтено нами на счетъ такихъ большихъ потерь; но кто-же и когда изслѣдовалъ наше умственное богатство, опредѣлилъ его размѣры, качества, показалъ всѣ условія, при которыхъ развивалась русская мысль и русскій умъ, показалъ, чего онъ достигъ, что онъ сдѣлалъ и въ какомъ находится положеніи? Разумѣется, этотъ вопросъ не легкій и не особенно удобно поддается статистическимъ изслѣдованіямъ. Но если-бы изслѣдованіе его оказалось возможнымъ, то, конечно, для нашего соболѣзнованія явилось-бы гораздо больше пищи, чѣмъ для соболѣзнованія о трудномъ положеніи мускульнаго производителя. Если умъ есть самая высшая сила и наиболѣе тонкая субстанція, которую только въ состояніи выработать отдѣльный человѣческій организмъ и все человѣчество, то умъ, конечно, эта высшая сила должна привлекать къ себѣ самыя большія симпатіи, а условіями, въ которыхъ она находится

и дѣйствуетъ, можно опредѣлить и самую силу интеллекта страны. Поэтому приходится только жалѣть, что на эту самую дорогую изъ всѣхъ силъ обращается такъ мало вниманія и общія условія, въ которыхъ она дѣйствуетъ, такъ неудовлетворительны, что дальнѣйшій ея ростъ не только не ускоряется, но, пожалуй, даже парализируется.

Экономическія условія во всемъ этомъ играютъ очень важную роль и экономическое положеніе людей умственного труда служить, конечно, причиною, почему русская мысль, даже въ тѣхъ областяхъ дѣятельности, въ которыхъ она могла обнаруживать себя безпрепятственно, не достигаетъ своей высоты и не обнаруживаетъ всей своей силы. Едва-ли нужно доказывать, что, по основнымъ органическимъ условіямъ, умственные работники Россіи обладаютъ не меньшими средствами и возможностями, какъ и европейскіе работники. Нашему интеллигенту приходится совершить гораздо большій путь въ своемъ развитіи, чѣмъ интеллигенту европейскому. Европейскій умственный производитель всѣмъ строитъ практической и общественной жизни и всѣми средствами воспитанія становится чуть-ли не съ перваго дня своего рожденія на европейскій уровень. Нашъ начинается съ уровня значительно низшаго; ему нужно совершить много предварительной работы прежде, чѣмъ добраться до теоретическихъ европейскихъ понятій, и прожить, можетъ быть, четверть жизни для того, чтобы путемъ тяжелаго труда и тяжелаго умственного напряженія достигнуть того, что судьба приподноситъ европейцу въ колыбели въ видѣ готоваго подарка. Но кромѣ этихъ, такъ-сказать, естественныхъ условій и историческихъ препятствій, камнемъ преткновенія стоитъ передъ русскимъ работникомъ мысль и его жалко оплачиваемый трудъ, и печальное экономическое положеніе. Всѣ европейскіе работники и умственные передовики, всѣ люди, прокладывающіе путь новому знанію, въ Европѣ принадлежатъ почти исключительно или къ людямъ съ достаткомъ, или къ людямъ, обезпеченнымъ на-столько, что имъ ради куска насущнаго хлѣба не приходится нести на рынокъ умственного труда легкій, малоцѣнный и спѣшный товаръ. Конечно, и въ Европѣ есть исключенія, и тамъ случалось, что умному бѣдняку приходилось долго выкарабкиваться и бороться съ большими матеріаль-

ными лишеніями; но тамъ подобное положеніе не правило, а исключеніе. Въ Англіи, которой положительныя и общественныя науки обязаны необыкновенно многимъ, умственные производители всегда принадлежали къ людямъ обезпеченнымъ. Возьмите Стюарта Милля, Бокля, Дарвина или второстепенныхъ людей. Развѣ безъ средствъ и обезпеченія Бокль могъ прочесть то, что прочиталъ, и могъ-бы написать то, что написалъ? Если-бы Боклю, подобно русскому журналисту или публицисту, приходилось работать ради куска насущнаго хлѣба и проѣдать сегодня то, что получилъ вчера, развѣ у него нашлось-бы время, чтобы отдать свои силы на серьезный, капитальный трудъ? Дарвинъ работалъ и наблюдалъ ровно тридцать лѣтъ и написалъ всего одну книжечку въ тридцать листовъ. Русскій журнальный работникъ въ это-же время написалъ-бы 1,500 печатныхъ листовъ. Неужели вы хотите требовать, чтобы эти 1,500 печатныхъ листовъ составляли-бы 50 томовъ такого труда, какъ дарвиновскій томъ „Происхожденія видовъ“? И вотъ, можетъ быть, семь десятыхъ силъ русскаго головнаго работника идутъ на выдѣлку баласта, на работу, несоздающую никакого умственнаго приобрѣтенія. Уже давно выяснено и всѣмъ извѣстно, что белетристы сороковыхъ годовъ только потому и могли создавать нѣчто, что пользовались обезпеченнымъ досугомъ. Теперешній-же разночинецъ-писатель — писатель бѣднякъ, писатель пролетарій, писатель, которому прежде всего нечего ѣсть. Это не условіе умственнаго труда.

И въ то-же время въ русскомъ умственномъ производителѣ замѣчается необыкновенная энергія и какое-то упрямство мысли, какая-то назойливая пытливость, охота вдумываться въ явленія окружающей жизни, изучать ее. Несмотря на свое жалкое положеніе, русскій интеллигентъ копошится и роется въ области мысли; несмотря на жалкіе гроши, которые онъ получаетъ за свой трудъ, онъ идетъ упрямо, по инерціи, точно камень, брошенный силою самой судьбы; онъ точно не знаетъ, что онъ дѣлаетъ и для чего онъ дѣлаетъ; но онъ думаетъ и работаетъ, онъ собираетъ и изслѣдуетъ, работаетъ иногда подъ спудомъ, никому неизвѣстный, и упрямо стучитъ все въ одну и ту-же точку. Мы думаемъ, что положеніе подобныхъ интеллигентныхъ труженниковъ заслуживаетъ лучшей участи и въ европейской жизни едва-ли

симся къ положенію русскаго интеллигента вообще съ скептицизмомъ, нерѣдко иронически, точно къ врагу, точно насъ радуетъ, что ему дурно, и точно мы не умѣемъ понять тѣхъ общихъ причинъ, которыя отражаются въ жизни каждаго изъ насъ и мѣшаютъ возможности полнаго проявленія нашихъ умственныхъ силъ.

Если, читатель, вы не наскучили этимъ слишкомъ длиннымъ вступленіемъ, то я вамъ скажу, что его вызвалъ вышедшій недавно „Сборникъ въ память перваго статистическаго русскаго съѣзда 1870 года“, изданный г. Гацискимъ. Мы помнимъ, какъ по поводу маждународнаго статистическаго конгресса въ Петербургѣ русская сатира выпалила холостымъ зарядомъ. Нужно отдать справедливость русской сатирѣ, что, при всей своей талантливости, она отличается великой безсодержательностью и страдаетъ недостаткомъ матеріала. Отъ этого она необыкновенно односторонняя, носитъ какой-то личный характеръ и палитъ, большею частію, не туда, куда-бы слѣдовало. Конечно, она приноситъ пользу общественному сознанію, смѣется надъ тѣмъ, что дѣйствительно смѣшно и заслуживаетъ осмѣянія, но еще чаще смѣется надъ собою. Истинной гражданской жилки въ ней нѣтъ, умственной высоты не существуетъ, познанія ея слабы, фактами наблюденія она не богата и потому служеніе ея по своему содержанію совершенно не соотвѣтствуетъ ея художественнымъ силамъ. Она даетъ въ четверть меньше того, что могла-бы дать при иномъ содержаніи, вмѣсто полной пользы приноситъ четверть, а иногда и положительный вредъ, потому что безразлично хлещетъ и направо, и налѣво, и смѣется нерѣдко надъ тѣмъ, что вовсе не смѣшно. Такимъ-же неудачнымъ образомъ наша сатира воспользовалась и маждународнымъ статистическимъ конгрессомъ, бывшимъ въ Петербургѣ. Въ немъ, конечно, были и смѣшныя стороны, въ немъ было многое, что давало поводъ сатирѣ излить свою желчь, но у сатиры не достало пронизательности заглянуть дальше и глубже, посмотрѣть, такъ-сказать, черезъ статистическій конгрессъ, вдаль, и порѣшить, почему результаты интеллектуальной дѣятельности такіе, а не такіе, почему мелкое мелко и почему смѣшное иногда смѣшно. Сатира не увидѣла за „конгрессомъ“ всей Россіи, которая образовала за нимъ какъ-бы заднюю занавѣсъ; она не раз-

глядѣла тѣхъ мелкихъ копошащихся силъ, работающихъ съ какой-то упрямой натугой и при всемъ томъ производящихъ не грандіозныя, а довольно мелкіе результаты. Сатира не умѣла подумать и понять, отчего это; у нея не достало простого человѣческаго чувства, чтобы признать въ мелкомъ интеллектѣ и въ незамѣтномъ труженникѣ такого-же производителя мысли. Съ аристократическимъ и олимпійскимъ величіемъ сатира ставитъ себя на пьедесталъ самообольщающейся недоступности, точно выдѣляетъ себя изъ общей интеллектуальной жизни, точно она высшій цензоръ и судилище, призванное для того, чтобы раздавать награды и вѣнки и ставить баллы за ошибки мысли. Сатира никогда не считала себя служащей въ томъ-же полку, въ которомъ служатъ и вся остальная русская мысль. Она не умѣла различать своихъ отъ не своихъ, честнаго и скромнаго труда отъ труда продажнаго, не умѣла быть адвокатомъ, а являлась вѣчнымъ прокуроромъ и генераль-аудиторомъ. Оттого-то она такъ неудачно облила желчью всю русскую исторію и не нашла для русскаго народа другого названія, кромѣ „рукосу“. Но между мускульнымъ и умственнымъ производствомъ не существуетъ границы. Границу эту можно создать логически, но не психологически. Сознательно или безсознательно, это все равно, мускульный производитель образуетъ собою такой-же психологическій аппаратъ, какъ и интеллектуальный работникъ. Никакое физическое и мускульное производство невозможно безъ участія умственнаго фактора, какъ ни одинъ умственный трудъ невозможенъ безъ участія физическаго фактора. Во всякой работѣ эти два фактора идутъ рядомъ, съ тою разницею, что въ одной работѣ дѣйствуетъ больше одинъ, въ другой—больше другой. Но вмѣстѣ съ соединеніемъ двухъ факторовъ въ самомъ актѣ труда, является еще третій факторъ, называемый теоретиками-экономистами факторомъ успѣшности труда. Это факторъ исключительно головной; это факторъ, дѣйствующій на мысль и дающій ей первый толчекъ. Каждый производитель стремится къ успѣшному труду и избѣгаетъ труда неуспѣшнаго. Онъ можетъ овладѣть или не овладѣть теоретическими или практическими причинами неуспѣшности, онъ можетъ ихъ сознать или не сознать, но мысль его всегда работаетъ въ этомъ направленіи, и если мысль разъ яви-

ботиниъ переходить постепенно въ работника интеллектуальнаго. Гдѣ возникаетъ начало подобной умственной работы—найти нельзя и разграничить невозможно. Тотъ моментъ, когда она становится очевидной, ясенъ и понятенъ уже далеко послѣ того, какъ мускульный работникъ превратился въ работника умственнаго. Этого работника вы уже видите въ кабинетѣ, какъ онъ сидитъ и строчитъ, но ранѣе, въ его зачаточной формѣ, вы его не замѣчали. Гордые и заносчивые интеллигенты, считающіе себя золотыми плодами и сливками интеллигенціи, забываютъ свое родство съ этой зачаточной формой и даже игнорируютъ свое отъ нея происхожденіе. А между тѣмъ эти темныя, малозвѣстныя силы подобны корнямъ того величественнаго дуба, на которомъ росли изумительные желуди, и которые свинья подрывала своимъ тупымъ рыломъ, не подозрѣвая, что эти корни того-же самаго дуба, который производитъ желуди, ее питающіе. Наша интеллигенція давно уже утратила чутье этой родственности и, пробавляясь моральнымъ мировоззрѣніемъ, усматриваетъ въ личной волѣ то, чего въ ней рѣшительно нѣтъ. Отъ этого вопросъ изъ общаго превращается въ личный, изъ крупнаго — въ мелкій, и является разногласіе и диссонансъ и наши интеллигенты, точно строители вавилонской башни, не только не понимаютъ другъ друга, но даже смѣются, и вмѣсто того, чтобы помогать, только мѣшаютъ одинъ другому. На языкѣ мыслителей такое состояніе называется индивидуализмомъ.

Та-же самая статистика, надъ которой мы привыкли смѣяться, прежде всего указываетъ на необыкновенно богатый источникъ силъ, которымъ мы владѣемъ. Объ этомъ-же говорить и редакторъ „Сборника“. Когда г. Гацискій задумалъ выпустить книгу, ему указывали на сомнительность успѣха изданія въ виду малочисленности силъ, на которыя можно рассчитывать. Известно, что первый выпускъ былъ сдѣланъ г. Сементовскимъ, а г. Гацискій издаетъ второй. На это г. Гацискій возражаетъ, что провинціальныя силы вовсе не малы, вовсе не малочисленны и вовсе не такъ безцвѣтны и что на нихъ рассчитывать возможно. „Дѣло провинціальной печати, говоритъ г. Гацискій,—стоитъ не за скудостью провинціальныхъ силъ, такъ обильно питающихся и наши ли-

тературные центры, а за другими неблагоприятными для проявленія ихъ препятствіями, которыя, однако, рано или поздно неизбѣжно устраняются. Г. Гацискій ссылается, между прочимъ, на „Камско-Волжскую Газету“, эту лучшую провинціальную газету, которая могла убѣдить всѣхъ, что въ нашей провинціальной интеллигенціи кроются силы нисколько не меньшія, чѣмъ въ столицахъ. Между прочимъ, онъ приводитъ слова г. Л. Р—нъ, автора печатавшихся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1874 года статей подъ общимъ заглавіемъ: „Наша провинція“. Авторъ статей даетъ провинціи такой совѣтъ: „Пусть всякій, у кого есть досугъ и охота, оглянется вокругъ себя, правдиво запишетъ, чѣмъ и какъ живетъ около него копошащееся челоѣчество. Ни литературнаго языка, ни глубокихъ научныхъ познаній тутъ не нужно. Нужно только умѣть подмѣтить факты и добросовѣстно записать ихъ въ свою лѣтопись. Люди науки съумѣютъ найти имъ надлежащее мѣсто въ общей картинѣ челоѣческаго житія-бытія и объяснить ихъ значеніе и связь съ другими фактами; талантливые государственные люди воспользуются ими для блага народа. Не бойтесь подробностей: не нужныя ступшуются въ общей картинѣ сами-собой, а полезныя безъ вашего вѣдома сдѣлаютъ свое дѣло. Помогите только странѣ познать себя“.

Этихъ силъ, которыя старается возбудить на дѣятельность г. Л. Р—нъ, у насъ довольно и ими собрана уже громадная масса самаго разнообразнаго статистическаго матеріала. Каждый статистическій комитетъ, которыя, между прочимъ, достается давно и отъ статистиковъ, и отъ не статистиковъ, издаетъ каждый годъ „памятныя книжки“, составляющія въ настоящее время цѣлые вороха статистическаго матеріала. По самому скромному разсчету, втеченіи 20 лѣтъ дѣятельности нашихъ статистическихъ комитетовъ ими напечатано не менѣе 1,500 памятныхъ книжекъ. Если эта цифра преувеличена, если ее можно свести на 500, то и тутъ мы имѣемъ все-таки громадную массу матеріала, который, однако, остался неразработаннымъ, несведеннымъ къ одному и лежитъ безъ выводовъ и заключеній. Г. Л. Р—нъ точно сътуетъ на то, что наши провинціальныя силы лежатъ мертвымъ, непродуцирующимъ капиталомъ, тогда какъ, скорѣе, слѣдуетъ удивляться, что онѣ мертво и бесплодно работаютъ. Кто восполь-

го сдѣлали люди науки? Кто объяснилъ значеніе фактовъ въ общей картинѣ русскаго житія-бытія? Кто воспользовался этими фактами для чего-бы то ни было блага? До сихъ поръ никто. Матеріаль лежитъ въ сыромъ видѣ, копится все больше и больше и ждетъ въ неопредѣленномъ будущемъ человѣка, который за него возьмется. Мы думаемъ, что если-бы умственный трудъ оплачивался у насъ иначе, и оплачивался-бы какъ слѣдуетъ, люди для подобнаго труда нашлись-бы. Слѣдовательно, весь вопросъ снова сводится къ тому, что нашъ интеллигентный трудъ оплачивается не такъ, какъ слѣдуетъ, и въ этомъ заключается та роковая причина, которая мѣшаетъ ему достигнуть высшей напряженности.

Недостаточная оплата личнаго труда обнаруживается во всѣхъ отрасляхъ производства. Земледѣлецъ, ремесленникъ, литераторъ, ученый и каждый, кто зарабатывалъ средства существованія исключительно личнымъ трудомъ, какую-бы разницу цифръ ни представлялъ его заработокъ, не идутъ выше минимума вознагражденія, — минимума, недопускающаго никакихъ накопленій и необеспечивающаго производителя ни на случай болѣзни, ни на старость. Экономическая наука очень мудро возводитъ въ законъ это отношеніе труда къ вознагражденію и гласитъ, что „высшій предѣлъ вознагражденія за трудъ составляютъ количество и качество вырабатываемыхъ имъ продуктовъ; низшій предѣлъ этого вознагражденія зависитъ отъ того количества продуктовъ, которое необходимо производителю и его семьѣ для поддержанія своего существованія“. Но этотъ законъ—не больше, какъ констатированіе факта, въ сущности неразъясняющаго ничего и нисколько не помогающаго ни усиленію личныхъ средствъ производителя, ни вознагражденію за его труды. Однимъ словомъ, констатированіе этого факта не дѣлаетъ бѣднаго богаче и не даетъ ему никакихъ новыхъ средствъ.

Въ массѣ нашего статистическаго матеріала чаще всего констатируется только этотъ фактъ и повсюду и вездѣ мы встречаемся только съ этимъ закономъ. При господствующемъ у насъ направленіи, привлекающемъ наши силы къ изслѣдованію быта народа, нашъ статистическій матеріаль имѣетъ, такъ-сказать, народную тенденцію. Затѣмъ, что не народно, не только часто игнори-

руется, но иногда даже возбуждает враждебность. Но границы между народнымъ и ненароднымъ провести нельзя, какъ нельзя найти раздѣляющую черту между чисто-мускульнымъ и чисто-умственнымъ трудомъ, потому что эта граница не существуетъ. Дѣло не въ антагонизмѣ, а въ вѣрномъ отношеніи къ фактамъ и въ такомъ-же вѣрномъ изъ нихъ выводѣ. Относясь къ явленіямъ жизни такимъ образомъ, мы увидимъ, что законъ минимума распространяется на всѣхъ одинаково и экономическое положеніе каждаго производителя, будь онъ земледѣлецъ, литераторъ, деревенскій или городской житель, тоже одинаково.

Для упрощенія вопроса мы не станемъ обременять читателя сложными статистическими соображеніями и воспользуемся статистическимъ матеріаломъ въ его простѣйшей формѣ. Въ „Сборникѣ“ есть описаніе, „какъ вознаграждается въ тверской губерніи трудъ средней крестьянской семьи“. Тверскую губернію можно признать приблизительно средне-нормальной. Она не чисто-земледѣльческая, не чисто-промышленная, она не обладаетъ ни очень богатой, ни очень бѣдной почвой, въ климатическомъ отношеніи не можетъ пожаловаться на суровость судьбы, потому что удобно устроилась между сѣверомъ и югомъ. По отношенію къ экономическимъ условіямъ жизни населеніе тверской губерніи не находится ни въ особенно печальномъ, ни въ особенно выгодномъ положеніи и тоже не отличается рѣзко отъ другихъ губерній.

Въ тверской губерніи на содержаніе крестьянской семьи въ годъ необходимо 191 р. 50 к., между тѣмъ въ дѣйствительности она пріобрѣтаетъ чисто отъ земледѣлія 122 рубля. Поэтому ей недостаетъ до 70 р., которыми она и должна пополнить дефицитъ. Но какіе для этого существуютъ источники? Источники эти различны: домашняя, ремесленная, фабричная, заводская обработка мѣстныхъ и привозныхъ продуктовъ растительнаго царства, разработка произведеній минеральнаго царства, обработка продуктовъ животнаго царства, извозный промыселъ, разные виды мастерства и т. д. Кто находитъ постороннія занятія дома, остается въ своей губерніи, а если не находитъ, то ищетъ работы въ другихъ мѣстностяхъ. Ненаходящихъ себѣ дѣла дома статистика насчитываетъ 76 тысячъ мужчинъ и 26 тысячъ женщинъ.

Годовое вознаграждение среднего промышленника принимается въ 111 р. 50 к. Это максимумъ. Но большинство рабочихъ прибрѣтаетъ своимъ трудомъ гораздо менѣе, особенно женщины, и потому средній годовой промышленный трудъ нельзя оцѣнить выше 70 руб.

Максимумъ, о которомъ мы говорили, достается на долю немногихъ; большинство-же получаетъ значительно менѣе. Такъ работница-кухарка получаетъ въ уѣздномъ и губернскомъ городѣ отъ 1 рубля 50 коп. до 3 рублей въ мѣсяцъ. Слѣдовательно, отъ 18 до 36 руб. въ годъ. Мужская прислуга цѣнится дороже, но среднимъ числомъ получаетъ не больше 78 рублей въ годъ. Крестьянка, приготовляющая мѣшечный холстъ на продажу, можетъ заработать въ зиму 20 кусковъ холста, по 20 аршинъ каждый. Продавъ этотъ холстъ за 13 р., она получитъ, за вычетомъ стоимости матеріала, 8 р. Тонкій холстъ твять еще невыгоднѣе. За шитье сотни мѣшковъ платять 40 коп., рѣдко болѣе; въ день можно сшить 50 мѣшковъ и, слѣдовательно, получишь 20 коп. За вырубку и вывозку дерева, которое крестьянская лошадь едва можетъ вывезти изъ лѣсу, уплачивается отъ 15 до 30 к., смотря по мѣстности. За четыре мѣсяца этой работы крестьянинъ получить отъ 30 до 60 руб., включая и содержаніе лошади. Въ Осташковѣ сапожный мастеръ, при раздѣленіи труда, можетъ приготовить въ день 3 пары сапоговъ-осташей. За работу получить онъ въ день 1 р. 10 к., изъ которыхъ онъ долженъ выдѣлать 50 к. тремъ помощницамъ. Такимъ образомъ, мастеръ заработаетъ въ день не больше 60 коп., а женщина—отъ 16 до 20 к. Сапожникъ въ Киричахъ получаетъ за шитье пары сапоговъ 60—70 к., а въ недѣлю онъ сошьетъ 4—5 паръ. Годовой заработокъ такого сапожника составляетъ 120 р., а за исключеніемъ стоимости содержанія—84 р. Только лучшие мастера зарабатываютъ болѣе. Гвоздарный кузнецъ въ селѣ Васильевскомъ можетъ заработать въ недѣлю, за вычетомъ расходовъ на уголь, 1 руб. 75 к., въ годъ—91 р., а за вычетомъ содержанія—50 р. Рабочій день—12 ч.

На громадныхъ бумаго-прядильныхъ и бумаго-ткацкихъ фабрикахъ большинство рабочихъ получаетъ въ годъ менѣе 100 р., но какъ городская жизнь дороже сельской, то изъ 100 р. го-

довой платы слѣдуетъ вычесть на содержаніе рабочаго, по крайней мѣрѣ, 50 р. Еще дороже столичная жизнь, а потому средній заработокъ крестьянъ, отходящихъ въ столицы, за вычетомъ расходовъ на содержаніе, на путешествіе, на паспортъ и на потерю времени, достигаетъ не болѣе 75 рублей въ годъ на челоуѣка.

Спеціалисты, какъ плотники, каменщики, слесаря, токари, — словомъ, всѣ рабочіе, хорошо знающіе какую-нибудь мудреную работу, зарабатываютъ въ день отъ одного рубля до двухъ руб. и болѣе. Но такихъ спеціалистовъ слишкомъ мало въ сравненіи съ массой остальныхъ рабочихъ. Впрочемъ, и спеціалисты не всѣ хорошо вознаграждаются. Грамотный крестьянинъ, посвящающій себя по званію великому дѣлу просвѣщенія мѣстнаго деревенскаго юношества, получаетъ въ зиму отъ 5 — 10 руб. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ статьи, тотъ, что средній рабочій едва-ли въ состояніи выручить въ годъ отъ промысловъ болѣе 70 рублей. Слѣдовательно, чтобы не выходить изъ бюджета, приходится ограничить свои потребности, что обыкновенно онъ и дѣлаетъ.

Сущность экономическаго положенія, которое констатируетъ авторъ, заключается въ томъ, что трудъ производителя находится въ такихъ условіяхъ, при которыхъ ему приходится ограничивать свои потребности. Обыкновенно говорятъ, что высокій размѣръ податей и повинностей — главная причина труднаго положенія производителя. Это мнѣніе на-столько справедливо, на-сколько оно касается голаго констатированія факта. Повинности могутъ быть дѣйствительно велики по отношенію къ общему размѣру доходовъ производителя; повинности могутъ быть разложены неравномѣрно. Но и неравномѣрность, и высокій размѣръ ихъ не значили-бы ровно ничего, если-бы трудъ производителя находился въ иныхъ условіяхъ и оплачивался-бы лучше. Американскій плательщикъ платитъ втрое болѣе, но за то и получаетъ вчетверо болѣе. Говорить о пониженіи налоговъ — значитъ требовать положительно невозможнаго. Не возвышеніе налоговъ страшно, и его-бы производитель не боялся, если-бы въ той-же степени возвышалась и успѣшность личнаго труда. Но вознагражденіе за личный трудъ идетъ въ одной постепенности, а платежи въ постепенности болѣе усиленной.

Платежи и налоги уже потому не могутъ быть уменьшены, что на нихъ вліяетъ международная солидарность. Возьмемъ, напримеръ, хотя военный вопросъ. При теперешнемъ общемъ военномъ настроеніи Европы ни одно государство не можетъ отстать отъ другого. Каждому нужно усовершенствованное оружіе, каждому нужны чудовищныя пушки, каждому нужны броненосныя суда и плавучія батареи, каждому нужны и крѣпости новой системы, наконецъ, каждому государству нужно слѣдить за новыми военными улучшеніями и вводить ихъ у себя. Все то, что говорятъ друзья мира, совершенно справедливо и весьма гуманно, и больше объ ихъ хорошихъ желаніяхъ сказать нечего. Но вооружаться государства все-таки должны и ни одно государство въ этомъ отношеніи не можетъ отстать отъ другого, потому что иначе оно утратитъ свое политическое положеніе. Но военное настроеніе современной Европы требуетъ еще и другихъ жертвъ. Можно сказать, что только этому настроенію и служить современный прогрессъ. Какую-бы услугу общему развитію жизни ни оказывали желѣзныя дороги, школы, финансовыя и экономическія улучшенія, всё они въ концѣ-концовъ сводятся къ одному — къ удовлетворенію войнолюбивыхъ стремленій. Подавить, уменьшить, уничтожить это стремленіе невозможно, и потому вопросъ долженъ заключаться не въ этомъ, вопросъ не въ томъ, чтобы ослабить требованія цивилизаціи, а въ томъ, чтобы увеличить силы общества и облегчить ему возможность удовлетворить всѣмъ общественнымъ стремленіямъ.

На-сколько слабы силы современнаго производителя, можно видѣть изъ той коротенькой замѣтки, которую мы привели. Авторъ ея говоритъ, что единственный агентъ, устанавливающій равновѣсіе между потребностями и расходами, есть воздержаніе. Странный агентъ! Казалось-бы, что наиболѣе нормальнымъ агентомъ должна быть активная, противодѣйствующая сила, т. е. соответственное возвышеніе производительныхъ силъ. Въ отвѣтъ на увеличеніе запроса виѣшняго должно явиться увеличеніе силы и улучшеніе качества труда; активному требованію противопоставляется и активный отвѣтъ; но въ дѣйствительности мы видимъ другое. Въмѣсто активнаго возвышенія силъ является пассивное самовоздержаніе и урѣзваніе. Между тѣмъ требованіямъ новѣйшей цивилизаціи можно

удовлетворить только увеличеніемъ производительныхъ силъ, въ какой-бы формѣ онѣ ни выражались, но всякое воздержаніе есть лишеніе, уменьшающее силы. Какъ-же будутъ расти силы, если въ то-же время каждый будетъ ихъ уменьшать въ себѣ? Пониженіе потребностей вредно еще тѣмъ, что разъ человѣкъ опустился на низшій уровень, онъ потомъ съ трудомъ и долго поднимается на высшій; а что хуже всего, онъ какъ-бы уже усвоилъ себѣ привычку уровня низшаго. Если на этомъ низшемъ уровнѣ воспитаются дѣти, то это еще хуже, потому что имъ вовсе неизвѣстенъ болѣе высокій уровень, и потому стремленіе къ нему будетъ уже значительно слабѣе. Привычкой къ низшему уровню объясняется многое въ требованіяхъ людей и въ самомъ положеніи ихъ быта. Не всегда экономическая невозможность бываетъ причиною, что люди не усиливаютъ энергіи труда, а только привычки низшаго уровня. Въ общественномъ смыслѣ болѣе высокій или низкій уровень потребностей играетъ чрезвычайно важную роль, и потому воздержаніе является вовсе не добродѣтелью, а скорѣе зломъ. Конечно, противоположный принципъ уводитъ въ другую крайность, ибо создаетъ излишніа и даже искусственныа потребности. Но и на этотъ счетъ у экономической науки есть теоретическое правило, которымъ легко разрѣшается вопросъ и устанавливается пограничная черта между излишествомъ и лишеніемъ. Если каждаго человѣка разсматривать какъ исключительно экономическаго производителя, то мѣрой потребностей его служить успѣшность его труда. Все, что нужно и необходимо для успѣшности и высшаго качества труда, составляетъ неустранимую потребность. Такъ для мускульнаго производителя нужна непремѣнно благоприятная и здоровая физическая обстановка, хорошая пища и гигиеническіа условія жизни съ соотвѣтственнымъ отдыхомъ и умственными и нравственными наслажденіями. Для интеллектуальнаго производителя нужно все то-же, но, такъ-сказать, съ извѣстными спеціальными приспособленіями къ его интеллектуальному труду. Это, такъ-сказать, минимумъ положенія и пограничная черта. Все, что ниже, будетъ бѣдностію и поведетъ къ пониженію труда въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Все, что выше, будетъ составлять желательное улучше-

ніе личнаго положенія и общественнаго быта, пока не ведетъ къ упадку энергіи и къ ослабленію побудительныхъ причинъ для полезной дѣятельности. Итакъ, иѣрилось удовольствіемъ служить потребности навозможно успѣшной производительности. Теперь сдѣлаемъ сравненіе средствъ интеллектуальнаго и мускульнаго производителя.

Въ тверской губерніи крестьянская семья, по тѣмъ даннымъ, которыми мы пользуемся, тратитъ въ годъ:

На содержаніе, считая продукты по продажной цѣнѣ	118 р.
На обувь и платье, кромѣ шитаго изъ домашнихъ матеріаловъ, на рукавицы и прочее . . .	11 „
На отопленіе избы и овина, при собственной рубкѣ и перевозкѣ дровъ	5 „
На освѣщеніе	3 „
На ремонтъ земледѣльческихъ орудій и повозокъ, на деготь	3 „
На ремонтъ дома и хозяйственныхъ построекъ	5 „
На ремонтъ рабочаго скота	5 „
На арендную плату за землю	7 „ 50 к.
Подати, повинности, земскіе и мірскіе сборы .	24 „ — „
Непредвидѣнные расходы	10 „ — „
Всего	191 р. 50 к.

Въ этихъ расходныхъ статьяхъ есть спеціальныя особенности, прямо зависящія отъ рода занятія производителя. Условія труда интеллектуальнаго производителя, конечно, иныя, но тѣмъ не менѣе сравненіе все-таки возможно. Мы возьмемъ журнальнаго работника, пользующагося сравнительно хорошимъ обеспеченіемъ, а именно фельетониста большой газеты, получающаго за четыре фельетона въ мѣсяцъ 150 р. Нашъ идеальный фельетонистъ живетъ въ Петербургѣ, женатъ и имѣетъ дѣтей. Крестьянская семья, взятая для сравненія, принята въ расчетъ въ 5,75 чело-вѣка, изъ которыхъ трое взрослыхъ, а остальные—малолѣтки и старики. Отъ такой семьи мы избавляемъ нашего идеальнаго фельетониста, ибо при петербургскихъ условіяхъ жизни онъ погибъ-бы съ нею отъ нищеты. Мы предполагаемъ, что у фелье-

тониста, человѣка въ цвѣтѣ силъ, жена и двое дѣтей, оба уже учатся. Начнемъ сравненіе.

У крестьянской семьи душевой надѣлъ $2\frac{1}{2}$ десятины, слѣдовательно, она владѣетъ 10 десятинами, которыя, какъ капиталъ, обезпечиваютъ ея существованіе. Кромѣ этого у крестьянской семьи есть домъ со всѣми хозяйственными пристройками; наконецъ, въ крестьянской семьѣ три взрослыхъ рабочихъ, между которыми и распредѣляется производительный трудъ. Слѣдовательно, основнымъ капиталомъ, кромѣ собственныхъ личныхъ силъ, служитъ земля, а оборотнымъ капиталомъ — домъ, хозяйственныя постройки, земледѣльческія орудія, повозки, скотъ. Такимъ образомъ, весь инвентарь крестьянина съ женою можно оцѣнить почти въ тысячу рублей.

У фельетониста нѣтъ никакой собственности, ни дома, ни земли, нѣтъ у него основнаго капитала, нѣтъ у него подсобниковъ и онъ одинъ-одинешенекъ несетъ на себѣ обязанность содержанія самого себя, семьи и воспитанія дѣтей. Если капитализировать задѣльную плату фельетониста изъ шести процентовъ, то его лично, какъ живой капиталъ, можно оцѣнить въ 30,000 р. Но у этого капитала нѣтъ ничего прочнаго и постояннаго; капиталъ этотъ, такъ-сказать, неуловимый, неосязаемый, фиктивный. Сегодня онъ можетъ стоить 30,000, если приносить свои 1,800 р. дохода, а завтра капиталъ получаетъ отъ редактора записку, что его фельетоны до времени не требуются, и капиталъ изъ 30,000 превращается въ нуль. Мы уже не говоримъ про такія случайныя обстоятельства, какъ болѣзнь. Семья мускульныхъ производителей владѣетъ не фиктивнымъ капиталомъ: его можно видѣть, осязать и ему всегда есть извѣстная цѣна. Въ случаѣ болѣзни одного производителя, дѣло не останавливается, потому что есть другіе работники.

Идеальный фельетонистъ не имѣетъ собственнаго дома, и потому нанимаетъ квартиру, конечно, въ дешевой части города, на дворѣ и довольно высоко. Цѣна такой квартиры не меньше 35 руб., что составитъ въ годъ 420 р. или 24%. У крестьянской семьи этого расхода нѣтъ, а ремонтъ ея построекъ составляетъ всего 5 р. или $2\frac{1}{2}\%$, т. е. фельетонистъ выплачиваетъ на свою квартиру излишекъ $21\frac{1}{2}\%$.

Фельетонистъ, отапливая свою квартиру только шесть мѣсяцевъ, тремя сажеными въ мѣсяць, по 5 р. каждая, расходуетъ 90 р. или 5%, т. е. 2½% болѣе.

Содержаніе, т. е. пища земледѣльческой семьи, стоитъ 118 р. или 62%. Фельетонистъ съ своей семьей питается очень скудными двумя кушаньями и тратитъ на нихъ въ мѣсяць 36 р., а въ годъ 432 р. или почти 30%. Къ этому нужно, однако, присоединить расходы на чай, улучшеніе пищи въ праздники, на что, по приблизительному расчету, полагается 10%, такъ-что все содержаніе обойдется ему въ 40%.

Конечно, положеніе земледѣльческой семьи значительно подрывается податями и повинностями, составляющими 12% общаго расхода. У фельетониста этого расхода нѣтъ. Но за то у него есть расходъ на воспитаніе дѣтей, расходъ на поддержаніе своихъ отношеній или на собственно-литературныя знакомства, безъ которыхъ невозможно обойтись. Если мы оцѣнимъ эти расходы въ 15 р. въ мѣсяць, то они составятъ 10%.

Расходъ на одежду и обувь въ земледѣльческой семьѣ составляетъ 11 р. или 6%. На одежду семьи фельетониста, которая должна, конечно, соответствовать условіямъ и требованіямъ его общественнаго положенія, нужно положить 180 р. или 10%.

Земледѣльческая семья не знаетъ расхода на прислугу, а фельетонисту невозможно обойтись безъ кухарки; полагая ей на жалованье, подарки на праздники, чай и сахаръ по 6 р. или 72 р. въ годъ, получимъ 4½%.

У крестьянской семьи для переѣздовъ на болѣе длинныя разстоянія имѣются собственныя лошади и свои экипажи. У фельетониста ничего этого нѣтъ, а какъ пѣшкомъ ходить не всегда возможно, то мы не сдѣлаемъ преувеличеннаго расчета, если назначимъ фельетонисту и его женѣ 5 р. въ мѣсяць или 3½% на извозчика.

Наконецъ, фельетонисту, какъ интеллигентному производителю, необходимо читать. Предположимъ, что часть матеріала онъ имѣетъ отъ редакціи, но все-таки нельзя-же ему не имѣть и собственной бібліотеки, на которую мы позволимъ ему тратить 3 р. въ мѣ-

сяць или 2%. Если при этомъ фельетонистъ долженъ еще посѣщать театры, общественныя собранія, которыя тоже служатъ ему орудіемъ производства, и если на это мы позволимъ ему истратить только 3 р. въ мѣсяць или 2%, то весь его годовой заработокъ исчерпывается. Но если фельетонистъ захвораетъ, если будутъ болѣны его дѣти, его жена, если, наконецъ явится приращеніе семейства—изъ какихъ доходовъ онъ можетъ дѣлать необходимыя въ этихъ случаяхъ затраты? У него не остается ни копейки. Въ земледѣльческой семьѣ было назначено на непредвидѣнные расходы 10 р. или 5%. У петербургскаго-же фельетониста и этихъ 5% не остается.

Конечно, въ Петербургѣ существуетъ литературный фондъ и въ крайней нуждѣ онъ не оставитъ своей скудной помощи, онъ не оставитъ безъ помощи и бранные останки литературнаго производителя, если ихъ похоронить не на что; но для этого нужно не имѣть ничего и умереть полнымъ нищимъ, оставивъ жену и дѣтей на произволъ Божій.

Конечно, можно утверждать, что земледѣльческая семья, живя исключительно мускульнымъ трудомъ, лишена всѣхъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій и, погразнувъ въ матеріальномъ удовлетвореніи своихъ нуждъ, не заботится ни о чемъ больше. Но развѣ фельетонистъ не точно также тратитъ всѣ свои силы на приобрѣтеніе средствъ матеріальнаго существованія? Развѣ онъ не точно также думаетъ только о заработкѣ, о кускѣ насущнаго хлѣба, и переколачивается изо дня въ день? Правда, онъ пользуется эстетическими наслажденіями, но вѣдь эти эстетическія наслажденія подневольныя, они не отдыхъ, а работа, они не капаиваютъ производительныя силы, а ихъ истощаютъ. Наконецъ, если мускульный работникъ не можетъ улаждать свой досугъ эстетическимъ отдыхомъ, за то фельетонистъ не можетъ улаждать себя мускульнымъ отдыхомъ. Одинъ идетъ въ крайность мускульнаго труда, другой—въ крайность умственнаго труда, и ни тому, ни другому недостаетъ уравновѣшивающаго агента. Отсутствіе этого уравновѣшивающаго агента въ жизни интеллектуальнаго производителя обнаруживается гораздо гибельнѣе на его здоровье, чѣмъ въ жизни мускульнаго производителя. Умственный трудъ

потрясаетъ необыкновенно сильно всю нервную систему, истощаетъ организмъ физически и при малѣйшей впечатлительности возбуждаетъ раздражительность чувствъ и вообще уноситъ много силъ. Недаромъ-же существуетъ повѣрье, что надъ русскими литераторами виситъ какой-то дамокловъ мечъ судьбы и что всѣ они должны умирать рано. Въ большинствѣ случаевъ это совершенно вѣрно. Очень можетъ быть, что и беспорядочная жизнь причиною преждевременной смерти литературныхъ рабочихъ; но вѣдь и беспорядочная жизнь является только потому, что невозможна порядочная. Литературные тузы и генералы всѣ ведутъ порядочную жизнь, а беспорядочную ведутъ только тѣ, кому не на что устроить порядокъ.

Для сравненія мы взяли фельетониста, получающаго 1,800 р. въ годъ. Мы приняли это обезпечиваніе за среднее; но въ дѣйствительности оно вовсе не среднее. Тѣхъ, кто получаетъ больше, очень немного, а тѣхъ, кто получаетъ меньше, гораздо больше. Это большинство спасается отъ недостатка средствъ существованія тѣмъ, что ведетъ холостую жизнь; но, во-первыхъ, имъ въ этомъ отношеніи нельзя позавидовать, а во-вторыхъ, холостая жизнь ставитъ ихъ нерѣдко на такой нравственный уровень, на которомъ желательно, чтобы они не стояли.

Настоящимъ сравненіемъ мы не хотимъ сказать, кому лучше или хуже: хуже-ли мускульному работнику или интеллектуальному; мы только констатируемъ факты, а выводовъ не дѣлаемъ. Факты же говорятъ, что условія и умственного, и мускульнаго труда неблагоприятны для развитія производительныхъ силъ и что интеллектуальному работнику живется относительно ужъ навѣрное не лучше.

И. Ш.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Проба общественнаго мнѣнія. — Король цивилизаціи. — Хитроумный проектъ. — Гениальный способъ покоренія Явы. — Поставщикъ новостей. — Облегченіе труда и задержекъ журналистовъ. — Политическое трасе. — Давленіе „бюро прессы“ на телеграфнаго агентства и „конторы объявленій“. — Проектъ начальника почтоваго вѣдомства. — Значеніе современной политической газеты, какъ промышленнаго предпріятія. — Затруднительное положеніе оппозиціонной прессы въ Германіи. — Вліяніе берлинскаго „бюро“ на австрійскую прессу. — Дѣятельность его корреспондентовъ за границей. — Денежныя средства „бюро“. — „Свинопасы“. — Изобрѣтеніе ложныхъ событій. — Замѣчательный трудъ профессора Вутзе. — Средство для образованія нѣмца послѣдней формаціи. — Опасность „система“. — Унадохъ литературы, въ особенности политической, въ Германіи.

Извѣстныя ноты, адресованныя германскимъ правительствомъ Бельгіи, затѣмъ обмѣнъ объясненій между берлинскимъ и сент-джемскимъ кабинетами заставили Европу обратить вниманіе на состояніе печати въ Германіи, въ особенности на любопытную организацію офиціозной прессы. Во всей Европѣ шли толки о мирномъ настроеніи, о возможности залечить раны, причиненныя войной 1870—71 года, какъ вдругъ прусская пресса поднесла фитиль къ минамъ, зажгла петарды. Прусскія офиціозныя газеты стали увѣрять изумленную Европу, что Франція ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ только о войнѣ, что ея армія (въ то время численностью своей относившаяся къ нѣмецкой арміи, какъ 3 къ 7) готова напасть на Германію; что хитрый Мае-Магонъ страстно жаждетъ сыграть партію съ Мольтве; что во всѣхъ кафе Парижа, Ліона и Марсели раздаются постоянно дикіе, свирѣпыя крики: „воз-

этихъ дѣлахъ возмущая, иеремъ: „Если между французами и нами должна неминуемо возгорѣться война, то пусть лучше она произойдетъ теперь, чѣмъ позже; съ нашей стороны было-бы верхомъ глупости ожидать, чтобы нашъ врагъ успѣлъ освободиться отъ колодокъ, въ которыя мы его заключили“. Не забывайте, что нѣмецкіе бюргеры преспокойно сосали трубки и тащали пиво въ своихъ лавкахъ, когда внезапно былъ отданъ приказъ, чтобы офицеры, находящіеся въ отпуску и за границей, немедленно явились въ свои полки; ремесленники и рабочіе, еще вчера спокойно работавшіе, съ изумленіемъ смотрѣли, какъ сегодня двигаются артилерія и военные снаряды къ Мэцу, на укрѣпленіяхъ котораго въ это время шла усиленная работа; какъ 86 локомотивовъ, направляясь къ Страсбургу, перевозили восьмидесяти-тысячную нѣмецкую армію. Вся Европа съ недоумѣніемъ смотрѣла на Францію, гдѣ, повидимому, все было спокойно, гдѣ никто не думалъ требовать возмездія, понимая, что въ данную минуту Франція не въ силахъ бороться съ своею могущественною соперницею... Нѣмцы, однакожь, повѣрили въ существованіе воинственныхъ стремленій во французскомъ народѣ, потому что объ этомъ нѣсколько дней къ ряду твердили сотни нѣмецкихъ газетъ.

Европой овладѣло безпокойство; война казалась несомнѣнной; небо было покрыто густыми, нависшими тучами и, казалось, сейчасъ грянетъ громъ. Но, къ общему удивленію и радости, тучи разошлись... внезапно нѣмецкія газеты заговорили о мирѣ. Получивъ инструкцію въ извѣстномъ учрежденіи, сотня нѣмецкихъ журналистовъ, наканунѣ взывавшая къ разрушенію, заговорила нѣжнымъ голоскомъ и стала приглашать къ миру и согласію.

Большинство бюргеровъ, конечно, тотчасъ-же успокоилось; эти почтенные представители нѣмецкой интеллигенціи имѣютъ способность легко предаваться страху и представлять себѣ ужасныя картины, но они такъ-же легко успокоиваются за кружкой любезнаго имъ пива. Однакожь, и между бюргерами нашлось не мало такихъ, которые на этотъ разъ призадумались и захотѣли узнать, почему это ихъ любезныя газеты такъ легко мѣняютъ свое мнѣніе: еще вчера онѣ взывали къ войнѣ, а сегодня уже распинаются за миръ. Болѣе рѣшительные изъ національныхъ либераловъ за объясненія ми обратились къ самому Бисмарку и онъ отвѣтилъ имъ съ пре-

небреженіемъ: „Не обращайтесь вниманія; мы сдѣлали маленькую демонстрацію для испытанія общественнаго мнѣнія: мы хотѣли узнать, на кого можемъ разсчитывать въ случаѣ войны. Это только простой маневръ, легенькое испытаніе... Прошу васъ успокоиться, это пустяки!“

Въ этомъ объясненіи, конечно, было очень мало успокоительнаго, въ особенности для французовъ. Каково-бы пришлось Франціи, которую черезъ нѣсколько недѣль послѣ нѣмецкой попытки ознакомиться съ общественнымъ мнѣніемъ постигло наводненіе, если-бы въ это тяжелое время она вынуждена была отражать вторженіе нѣмецкихъ полчищъ Гарона, Тарнъ, Адуръ, всѣ маленькіе рѣчки и ручьи, текущіе съ Пиренеевъ, выступили изъ береговъ и затопили всѣ окрестности. Наводненіе произвело неисчислимыя бѣдствія; потери населенія были громадны. И въ это-то ужасное время Франція могла быть вынужденной справляться съ другимъ, еще болѣе опаснымъ наводненіемъ ея территоріи нѣмецкимъ ландверомъ и ландштурмомъ! И не однимъ французамъ, но и всѣмъ европейцамъ слѣдовало призадуматься надъ поразительнымъ фактомъ могущества Бисмарка. Канцлеръ въ это время отдыхалъ въ Варцинѣ и, казалось, былъ въ самомъ спокойномъ настроеніи; нѣмецкія газеты тоже, повидимому, благодушевствовали. Вдругъ канцлеръ махнулъ рукою; всѣ нѣмецкія газеты разомъ хватили въ воинственномъ тонѣ, и на другой день уже можно было опасаться, что вслѣдъ за этимъ мановеніемъ руки канцлера сорокамиліонная германская нація бросится на 36-миліонную французскую и снова польются потоки крови и станутъ гибнуть плоды честнаго человѣческаго труда. А давно-ли Кобденъ, учреждая „лигу мира“, мечталъ, что на землѣ водворится братская любовь и о насильственныхъ вторженіяхъ въ чужую страну останутся смутныя, непріятныя воспоминанія? Бисмаркъ хочетъ торжественно доказать, что не пришло еще время для осуществленія этихъ благородныхъ мечтаній!

Главнымъ пособникомъ Бисмарку въ подготовкѣ общественнаго мнѣнія въ Германіи является офиціозная пресса, получающая внушенія изъ берлинскаго „бюро прессы“. Это учрежденіе обладаетъ такой силой и пользуется такимъ вліяніемъ, какими подобныя учрежденія не пользовались нигдѣ и никогда. Съ тѣхъ поръ, какъ пресса стала социальнымъ учрежденіемъ, въ каждомъ государствѣ

завелись официальные и официозные органы, но их обыкновенно немного и влияние их не особенно значительно. Такъ было въ прежнее время и въ Пруссiи, гдѣ официальная и официозная пресса имѣла даже меньшее значеніе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и самый ограниченный кругъ читателей. Въ 1840 году одинъ аферистъ представилъ министру Мантейфелю планъ преобразованія официозной прессы по нынѣ дѣйствующей системѣ. Но ни король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, ни Мантейфель не оцѣнили тѣхъ послѣдствій, къ какимъ могло привести осуществленіе предложеннаго проекта. Не говоря уже о томъ, что королю, по натурѣ своей романтику и идеалисту, не совсѣмъ понравилась мысль, вложенная въ основаніе проекта, и онъ, и его министръ пришли въ ужасъ, когда имъ сказали, что съ принятіемъ этого предложенія придется тратить на прессу сотни тысячъ талеровъ. Мантейфель поблагодарилъ составителя проекта, велѣлъ выдать ему десять тысячъ талеровъ въ вознагражденіе за усердіе, а самый проектъ, внесенный во входящій журналъ, занумерованный, поступилъ въ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и былъ отысканъ Бисмаркомъ. Прочтя этотъ проектъ, канцлеръ убѣдился, что изъ него можно многое извлечь, если осуществить его во всей силѣ, систематически, безъ всякихъ колебаній. Онъ приступилъ къ дѣлу съ обычной энергіей. Вскорѣ онъ поставилъ его такъ твердо, что полученные результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія и надежды автора проекта. Прошло нѣсколько лѣтъ — и Бисмаркъ сталъ всемогущъ, онъ сдѣлался королемъ цивилизаціи (Cultur Koenig), какъ выражаются нѣмцы, и гдѣ-же? — въ странѣ, по признанію ея дѣтей, самой образованной и самой интеллигентной въ мірѣ (in dem Intelligenz Staat), т. е. въ Пруссiи.

„Три четверти періодическихъ изданій и пять шестыхъ читателей принадлежатъ оппозиціи, говоритъ авторъ проекта; — необходимо обернуть отношеніе. Сдѣлать это вовсе не трудно. Почему журналисты плохо расположены къ правительству? Потому, что правительство явно выказываетъ имъ свое нерасположеніе, оно относится къ нимъ враждебно, допинаетъ ихъ судебными преслѣдованіями, штрафами, а подчасъ и тюремными заключеніями. Такая система

не достигает цѣли. Когда книгопечатаніе, на которое католицизмъ смотрѣлъ подозрительно, сдѣлалось могучимъ пособникомъ реформаціи и „возрожденію“, римская курія выставила противъ него инквизицію. Инквизиторы жгли рукописи, жгли напечатанныя книги, жгли самихъ авторовъ—и ничего не выиграли... Новое государство, идеаль котораго представляетъ собою Пруссія, должно поступать иначе. Въ рукахъ его находится болѣе дѣйствительное оружіе, чѣмъ всякія репрессивныя мѣры. Это оружіе—деньги. Надо платить журналистамъ, и платить щедро. Повѣрьте, что каждый затраченный талеръ принесетъ пользы на три талера. Вы скажете, что не всякаго можно подкупить; правда, но откажутся отъ денегъ очень немногіе: изъ двадцати одинъ, не болѣе. Конечно, иной удовольствуется талеромъ, а другому и сто покажется ничтожнымъ вознагражденіемъ. Воздайте каждому по той степени пользы, какую онъ можетъ принести вамъ. А какъ только журналистъ получилъ деньги разъ, онъ захочетъ получить и въ другой, а потому самому сдѣлается вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Римская курія своей инквизиціонной системой обратила скромныхъ докторовъ теологіи въ еретиковъ, въ мучениковъ за убѣжденія... но она поступила-бы несравненно раціональнѣе, если-бы предложила имъ доходныя аббатства. Жирная аббатская кухня очень скоро усмирила-бы ихъ расхоловшіеся нервы, ихъ убѣжденія стали-бы несравненно умѣреннѣе, а тамъ уже одинъ шагъ до защиты папства и іезуитовъ. Ту-же ошибку дѣлали свѣтскія правительства, взявшія за образецъ систему, которая практиковалась римской куріей. Мы не должны идти по ихъ стопамъ. Мы знаемъ уже хорошо, что трудно побѣдить оппозицію; воспользуемся-же тѣмъ средствомъ, которое даетъ намъ возможность ее усыпить. Мы будемъ дѣйствовать не на выросшее уже дерево, а на сѣмяна мнѣнія; мы ихъ посадимъ въ теплицу и выростимъ во влажномъ, жирномъ черноземѣ бюджета; затѣмъ помѣстимъ подъ колоколь маленькіе выводки, а когда подойдетъ время, пересадимъ въ нашъ питомникъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы выростимъ деревья, какія намъ необходимы. Сѣмяна, оставленныя на произволь стихіямъ, даютъ такія деревья, какъ Гейне, Берне или Гервегъ,—деревья, правда, могучія, выходящія изъ ряду; наши деревья будутъ заурядныя, ничѣмъ неотличающіяся отъ массы обыкновенныхъ деревьевъ, но они принесутъ намъ ту пользу, какую мы отъ нихъ ожидаемъ,

они прекрасно послужать своему назначенію. Примѣнивъ эту систему, мы приготовимъ преданныхъ намъ журналистовъ, профессоровъ, поэтовъ, мыслителей и пр., сдѣлаемъ ихъ своими слугами, которые будутъ безпрекословно повиноваться нашимъ приказаніямъ“.

Въ этомъ предисловіи къ проекту ясно выражена мысль его автора, которою воспользовался, на-сколько было возможно, князь Бисмаркъ. Самыя подробности проекта мы не излагаемъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыми изъ нихъ воспользовалось „бюро прессы“, дѣятельности котораго посвящена настоящая хроника.

Голандцы завоевали Яву. Пушки и ружья дали имъ легкую побѣду надъ плохо-вооруженными туземцами. Однакожь, побѣдители, занявъ территорію, все-таки не владѣли ею; они могли убивать туземцевъ, сколько имъ заблагоразсудится, но не могли торговать въ странѣ, не могли извлекать изъ нея никакой для себя выгоды. Голандцы уже отчаявались сдѣлать изъ покоренной страны свою колонію; не желая болѣе тратить ни людей, ни денегъ, — которыхъ было затрачено очень много, — они рѣшились было посадить свои войска на суда и оставить островъ въ покоѣ.

Но поднялся гениальный человѣкъ и объявилъ, что онъ обезпечить странѣ обладаніе островомъ Явой, требуя только, чтобы ему были даны самыя широкія полномочія. Онъ прибылъ въ колонію въ качествѣ миротворца, врага насильственныхъ мѣръ, вполне гуманнаго правителя. Тотчасъ-же онъ отправилъ къ туземнымъ предводителямъ тайное посольство, которое должно было увѣрить ихъ, что губернаторъ признаетъ ихъ независимость, не думаетъ отнимать отъ нихъ ни одного изъ ихъ титуловъ, наконецъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ будетъ давать каждому изъ нихъ ежегодно извѣстную сумму денегъ, которую они могутъ получать въ Батавіи; но если-бы кто изъ нихъ не пожелалъ лично явиться за полученіемъ назначенныхъ денегъ, эти деньги будутъ доставляться ему въ его лагерь. Губернаторъ не требуетъ отъ предводителей никакихъ обязательствъ. Назначенный пенсіонъ обезпечивается не только за ними, предводителями, но и за ихъ наследниками на вѣчныя времена, и на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на подарокъ, какъ на знакъ дружбы къ нимъ губернатора.

Прошло нѣсколько времени. Такое неожиданное великодушіе поразило предводителей; предложеніе губернатора было слишкомъ хорошо, такъ-что показалось имъ мало вѣроятнымъ. Они сошлись между собою и порѣшили послать одного изъ своей среды къ этому любезному и великодушному губернатору. Выборъ палъ на самаго старѣйшаго и хитрѣйшаго изъ предводителей, принадлежавшихъ къ партіи независимости. Оставивъ свой лагерь, расположенный въ глубинѣ дѣвственнаго лѣса, онъ пріѣхалъ къ губернатору. Послѣ привѣтствія онъ приступилъ прямо къ дѣлу.

— Вы, голандцы, сказали онъ, — купцы, все покупающіе и все продающіе. Что-же вы хотите получить отъ насъ взамѣнъ вашихъ денегъ?

— Ничего.

— Понимаю, вамъ не нужны теперь наши продукты. Въ такомъ случаѣ, вы, вѣроятно, надѣетесь, что наши войны помогутъ вамъ въ войнѣ съ сосѣдними странами?

— О, нѣтъ, не имѣемъ этого и въ помышленіи. Мы только одного желаемъ: сдѣлать вамъ удовольствіе.

— А-а! произнесъ старикъ, покачивая головою. — Вы возбуждаете во мнѣ страхъ... Скажите, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — ни одинъ изъ предводителей не отказался отъ вашего подарка?

— Ни одинъ.

— А-а! въ такомъ случаѣ принимаю и я.

Благодаря ловкости губернатора, Голандія, имѣвшая населенія менѣе четырехъ миліоновъ, привела въ полное подданство шестнадцать миліоновъ яванцевъ, расу сильную, храбрую и способную, и заставила ее день и ночь работать на своихъ завоевателей. Если-бы какой-нибудь вулканической переворотъ поглотилъ богатую колонію или если-бы она сдѣлалась независимой, на другой день метрополія была-бы принуждена закрыть свою лавочку. Амстердамъ, Роттердамъ и Гага очутились-бы на краю банкротства. Пруссія, конечно, успѣшила-бы воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Нидерландовъ, чтобы присоединить ихъ къ себѣ въ качествѣ прусской провинціи. Одно время даже поговаривали объ этомъ: Бисмаркъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что еще выгоднѣе присоединить вмѣстѣ съ Голандіей и Яву.

Система, такъ удавшаяся знаменитому фон-дер-Бошу и обезпе-

чившая за Голандіей Яву, всеконечно, должна была дать не менѣе блестящіе результаты въ рукахъ Бисмарка; и дѣйствительно, при ея содѣйствіи онъ совершилъ моральное завоеваніе Германіи.

Механизмъ учрежденія съ перваго взгляда можетъ показаться довольно сложнымъ, между тѣмъ онъ простъ, какъ гениальная идея. Заправляющіе этимъ дѣломъ ведутъ его очень осторожно; вначалѣ они ничего не требуютъ; они не предъявляютъ никакого плана, по которому должно быть организовано веденіе газеты; они только желаютъ сойтись съ журналистомъ, съ которымъ переговариваются; они соглашаются на всякіе возможные компромисы; они спѣшатъ удовлетворить существенныя, неотложныя надобности издателя; они всегда своевременно являются на помощь журналисту, чтобы тѣмъ легче забрать его въ руки. Прежде всего они помогаютъ ему въ самомъ важномъ отдѣлѣ ежедневной газеты. Редакторъ газеты болѣе всего хлопочетъ о томъ, чтобы въ его изданіи каждый день сообщалось побольше свѣжихъ новостей; за неимѣніемъ вѣрныхъ новостей, онъ иногда не брезгаетъ сомнительными. Для него важно своевременно сообщить все интересное, что случилось при дворѣ и въ городѣ, всякое происшествіе на биржѣ; онъ долженъ имѣть корреспондентовъ во всѣхъ столицахъ и въ главныхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ. Онъ обязанъ сообщать всѣ театральныя новости; у него долженъ быть фельетонистъ, бывающій на балахъ и вечерахъ у извѣстныхъ лицъ. Онъ не долженъ пропустить никакого важнаго открытія въ наукѣ; даже по части земледѣлія онъ долженъ имѣть знающаго, толковаго сотрудника. Однимъ словомъ, газета должна быть воспроизведеніемъ, полнымъ, вѣрнымъ и занимательнымъ, всего, что дѣлается на свѣтѣ; она обязана сообщать всѣ новости своевременно, стараться, чтобы ее не предупредилъ ни одинъ изъ ея конкурентовъ. Имѣя характеръ энциклопедіи, газета должна располагать составомъ сотрудниковъ, численностью своей равняющимся числу чиновниковъ нѣсколькихъ министерствъ, и бюджетомъ въ нѣсколько миліоновъ, болѣе значительнымъ, чѣмъ располагаютъ теперь самыя богатыя газеты — „Times“ и „New-York Herald“.

Конечно, между такой идеальной газетой и газетами, существующими въ настоящее время, — дистанція огромнаго размѣра. Нынѣшнія газеты еще слишкомъ далеки отъ идеала настоящей газеты, но тѣмъ не менѣе журналистъ долженъ затратить массу труда и

энергіи, израсходовать много денег, чтобы сдѣлать газету интересной для читателей. Трудъ журналиста громадный, едва-ли не самый труднѣйшій изъ всѣхъ видовъ свободнаго труда.

„Новостей! давайте больше новостей!“ хлопочетъ редакторъ. Онъ бросается во всѣ стороны, но новости не легко даются въ руки. Вотъ тутъ-то на помощь редактору является Бисмаркъ. Онъ принимаетъ на себя обязанность поставлять газетамъ новости; однѣ онъ даетъ даромъ, другія по дешевой цѣнѣ. Новости, идущія изъ его министерства, т. е. изъ официального источника, предлагаются даромъ; новости, получаемыя отъ людей и учреждений, находящихся подъ покровительствомъ Бисмарка, т. е. имѣющія оффиціозный характеръ, отпускаются по дешевой цѣнѣ. Въ 1872 году „Deutsche Nachrichten“, руководимое докторомъ Липманомъ, получало отъ правительства пособіе въ 20,000 талеровъ за снабженіе извѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ французскими, англійскими, итальянскими и нѣмецкими корреспонденціями. Эти корреспонденціи составлялись или пространно, или лаконично, смотря по желанію редакціи, которой онѣ были адресованы. Редакторъ не обязанъ былъ печатать ихъ всѣ безъ исключенія: онъ выбиралъ тѣ, которыя ему нравились. При всемъ томъ огромное большинство ихъ являлось въ печати. Новости шли изъ официального и оффиціознаго источниковъ; онѣ получались быстрѣе, чѣмъ можно получить ихъ отъ частныхъ лицъ, а главное—онѣ стояли несравненно дешевле, или же, еще лучше, присылались даромъ. Къ послѣдней категоріи принадлежали всѣ извѣстія, идущія черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ или черезъ полицейское управленіе. Журналистъ, согласившійся получать эти новости, получалъ право пользоваться ими и отъ другихъ министерствъ, въ особенности отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а также съ биржи. Новости всегда отпускались свѣжія, полныя; журналисту давали знать о каждомъ шагѣ, сдѣланномъ посланникомъ или извѣстнымъ генераломъ; ему сообщалось о балахъ въ большомъ свѣтѣ,—однимъ словомъ, обо всемъ, что могло интересовать публику. При этомъ нисколько не стѣсняли убѣжденій редактора. Полученныя сообщенія онъ могъ приподнести публикѣ подъ такимъ соусомъ, какой онъ находилъ для себя болѣе удобнымъ. Не правда-ли, какъ это просто и какъ это удобно, а главное—нисколько не стѣнительно для журналиста? Его не приневоливали; отъ его доброй воли зависѣло печатать или не пе-

чатать присланныя ему новости. Конечно, за любезность, ему рачтосаемую, онъ считалъ своимъ долгомъ платитъ тоже любезностью; къ тому-же ему, какъ журналисту, полезно было ознакомиться съ матеріалами, изъ которыхъ правительство строить свою политику. Разъ ознакомившись, неудобно было умалчивать о нихъ: слѣдовало или одобрить ихъ, или доказать ихъ несостоятельность. А это было все, чего хотѣлъ Бисмаркъ. Для него было чрезвычайно важно во-время пустить въ публику извѣстіе о какомъ-нибудь предположеніи правительства, узнать, какъ она отнесется къ тому или другому проекту. А такъ-какъ люди гораздо болѣе увлеваются словами, чѣмъ сущностью, то достаточно было поставить вопросъ въ надлежащей формѣ, чтобы получить на него желательный отвѣтъ.

Въ суровскихъ магазинахъ, торгующихъ канвой, шерстами и шелками, можно получить трасе, т. е. очертаніе узора, сдѣланнаго шерстью и шелкомъ. Барышня, купившая такое трасе, избавляется отъ необходимости шить по узору; ей нѣтъ уже надобности считать петли; трасе показываетъ ей, какой тѣнью слѣдуетъ зашивать извѣстное мѣсто узора; барышня совершенно довольна, такъ-какъ трудъ для нея значительно облегченъ, ей не нужно думать, она машинально дѣлаетъ стежки по указанію трасе. Работа, правда, идетъ лѣниво, вяло, въ нее не вкладывается никакой энергіи, но тѣмъ не менѣе въ свое время работа будетъ кончена и ею останутся довольны тѣ, для кого она предназначена, а барышнѣ этого только и нужно.

„Бюро прессы“ даетъ подобное-же политическое трасе журналистамъ, которые находятся съ нимъ въ добрыхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ трудъ редактора значительно сокращается, уменьшаются также и расходы на изданіе. Обязательное бюро составляетъ даже передовыя статьи; оно на-столько обязательно, что само проситъ редактора исправлять ихъ: укоротить или удлинить, или подпустить нѣсколько либерализма, — однимъ словомъ, обдѣлать статью такъ, чтобы она пришлась по вкусу публикѣ, читающей эту газету. Но какъ-бы редакція ни исправляла статью, темы она не тронетъ, а въ ней-то все дѣло. Оркестровка выйдетъ богаче, будетъ больше движенія; явится разнообразіе въ единствѣ; каждая редакція дастъ свой оттѣнокъ статьѣ, такой оттѣнокъ, какой требуется для ея публики, но тема во всѣхъ статьяхъ будетъ одна

и та-же. Въ концѣ-концовъ всѣ довольны: и журналисты, и публика, и министерство.

Журналистамъ, необладающимъ талантомъ и достаточнымъ воображеніемъ или сторонящимся отъ работы, бюро прессы посылаетъ вполнѣ отдѣланныя статьи. Эти статьи пишутся по одному шаблону и помѣщаются разомъ въ нѣсколькихъ газетахъ; составители допускаютъ въ нихъ только маленькое разнообразіе, соображаясь съ тѣмъ, куда отправляется статья: въ Померанію, Познань, Рейнскія провинціи, Мекленбургъ или Баварію. Нерѣдко статья, написанная на извѣстную тему, являлась разомъ въ нѣсколькихъ различныхъ газетахъ Германіи, въ Баваріи и Познани, въ Гессенѣ и въ Силезіи. Сперва добродушные бюргеры изумлялись, какъ это журналисты, проживая одинъ отъ другого за сотни верстъ, въ одинъ и тотъ-же день почти буквально говорятъ одно и то-же, умилялись передъ такимъ явственнымъ фактомъ нѣмецкаго согласія и твердили, что этотъ фактъ очевидно свидѣтельствуешь о крѣпости и силѣ ихъ любезнаго фатерланда. Теперь и въ Германіи такихъ проставовъ стало меньше: и тамъ уже извѣстны причины изумительнаго согласія въ убѣжденіяхъ журналистовъ.

Мы видимъ теперь, какъ упрощена работа журналиста и какъ сокращаются расходы на веденіе газеты. Газетка какого-нибудь маленькаго городка обладаетъ теперь множествомъ свѣжихъ новостей. Статьи ея излагаются, правда, нѣсколько вульгарнымъ и жеманнымъ тономъ, но всегда грамотно, а въ до-бисмарковскія времена такіа газетки страдали часто полнѣйшимъ отсутствіемъ грамотности. И публика, читающая подобныя газетки, не въ потерѣ. Какой-нибудь нейвинденскій мелочной лавочникъ, андернахскій мясникъ или бингенскій краснорядецъ за свои шесть пфениговъ получаетъ послѣднее слово политики, знакомится съ тайными предположеніями графа Андраши насчетъ Босніи и Герцеговины, узнаетъ, какіе ковы измышляютъ социаль-демократы, о послѣднемъ скандалѣ въ Парижѣ, о послѣднихъ островахъ Бисмарка. И все это за 6 пфениговъ. Дешево и сердито!

„Бюро прессы“ не остановилось на тѣхъ услугахъ журналистамъ, о которыхъ мы упомянули, — оно пошло далѣе. Оно стало печатать въ Берлинѣ одну, двѣ или три страницы газеты, смотря по заказу, оставляя мѣсто для заглавія газеты, и разсылало отпе-

чало требованіе на этотъ странный товаръ. Редакторъ, получивъ его, выставлялъ заглавіе: „Швабендингенскій Меркурій“, „Крахенвинкельская Ирида“ и т. п., бѣлыя страницы наполнялъ объявленіями и разсылалъ газету своимъ читателямъ. Можно-ли придумать болѣе экономическую и лучше достигающую предположенной цѣли систему? Какъ далеко она оставляетъ за собой мнѣніе, выраженное Наполеономъ I, что слѣдовало-бы издавать только одну газету для всей Франціи, а остальные запретить! Однаковъ, берлинское „бюро прессы“ теперь прекратило печатаніе общей газеты въ Берлинѣ и стало посылать журналистамъ только готовыя статьи.

Такимъ образомъ, прусское правительство сдѣлало все возможное, чтобы облегчить работу журналиста. Всякому желающему оно отдаетъ даромъ или по очень умѣренной цѣнѣ литературный и политическій товаръ,—такой товаръ, который обошелся-бы по дорогой цѣнѣ журналисту, если-бъ онъ вздумалъ изготовлять его собственными средствами. Прусское правительство желаетъ только сдѣлать удовольствіе журналистамъ, оно отъ нихъ ничего не требуетъ взамѣнъ своего одолженія. Журналисты, въ свою очередь, не желая быть неблагодарными, стараются о томъ, чтобы дѣлать угодное обязательному правительству. И между ними царствуетъ сердечное согласіе!

„Бюро прессы“, неупускающее никакой мелочи, должно было обратить свое вниманіе на такія крупныя предпріятія, какъ „телеграфныя агентства“. Оно скоро забрало въ свои руки всѣ частныя нѣмецкія телеграфныя агентства и стало оказывать вліяніе на дѣятельность иностранныхъ агентствъ, имѣвшихъ прямыя сношенія съ Германіей. Собственно говоря, эти агентства, по наружности независимыя, потеряли свободу дѣйствій и распоряжаются такъ, какъ бываетъ угодно берлинскому правительству. Не разъ случилось, что въ силу призыванія, полученнаго изъ Берлина, телеграфныя агентства приостанавливали высылку депешъ той или другой изъ оппозиціонныхъ газетъ, хотя, въ качествѣ коммерческаго учрежденія, они обязаны отпускать товаръ всякому, кто платитъ за него деньги. Между тѣмъ въ наше время ежедневная газета безъ

телеграмъ немислима. И какъ ловко въ этомъ случаѣ подводится мина подъ оппозиционную газету! Редакція ея не можетъ жаловаться, что, отнимая у нея телеграммы, этимъ нарушаютъ свободу прессы: полученіе телеграмъ—сдѣлка коммерческая, до которой нѣтъ никакой заботы министру внутреннихъ дѣлъ; правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ частныя коммерческія сдѣлки, иначе будетъ нарушена свобода торговли, свобода промысла.

Съ подобной-же предусмотрительностію „бюро прессы“ отнеслось къ такъ-называемымъ „конторамъ объявленій“. Извѣстно, что ежедневная газета, это чудо XIX столѣтія, это торжество промышленной и коммерческой спекуляціи, продается подписчикамъ дешевле, чѣмъ она стоитъ самому издателю, считая бумагу, печать, плату сотрудникамъ и всѣ другіе расходы, сопряженные съ изданіемъ газеты. Свой убытокъ отъ продажи газеты подписчикамъ издатель покрываетъ изъ платы, получаемой имъ за объявленія. Изъ этой-же платы затѣмъ очищается колоссальный доходъ, получаемый такими газетами, какъ „Times“ или „New-York Herald“. Такимъ образомъ, газеты, печатающія массу объявленій, правильнѣе называть „Листкомъ объявленій“, къ которому дается политическое и литературное прибавленіе, а не наоборотъ, какъ это дѣлается теперь. Введеніе въ газету объявленій, какъ существеннаго элемента, въ значительной степени измѣнило ея политическій и литературный характеръ и нанесло чувствительный ударъ ея честности. Къ счастью для журнала, онъ остается до сихъ поръ вполне независимымъ отъ объявленій; издатель журнала не поставленъ въ необходимость продавать его дешевле, чѣмъ онъ стоитъ ему самому. Журналъ все еще остается органомъ по-преимуществу человѣческой мысли и принадлежитъ самому себѣ. Но бѣдная газета не можетъ существовать на собственные средства; эти средства даютъ ей рекламы и объявленія; естественно, что она должна подчиняться тѣмъ, отъ кого присылается эта доходная статья, и многія газеты въ западной Европѣ вполне зависятъ отъ банкировъ и биржевыхъ дѣятелей. Биржевики, исходя изъ того убѣжденія, что либеральныя газеты пользуются большей популярностью, чѣмъ консервативныя, а тѣмъ болѣе офиціозныя, стараются завербовать себѣ либеральныхъ журналистовъ. Они обыкновенно помѣщаютъ свои рекламы вслѣдъ за передовыми статьями, т. е. на самомъ видномъ мѣстѣ.

замедлило вступить въ тѣсныя сношенія съ „конторами объявленій“. Послѣдствія понятны. Оппозиціонная газета, противъ которой дѣйствовало „бюро прессы“, получала изъ „конторъ“ все меньше и меньше объявленій. А какъ объявленія составляютъ необходимую пищу газеты, то газета медленно умирала съ голода и, умирая, не имѣла права сказать истинному виновнику своей гибели: „это ты умертвилъ меня!“

Это еще не все. „Бюро прессы“ сошлось съ почтовой администраціей, не только транспортирующей газеты, но и принимающей на нихъ подписку. Почтовая администрація, подъ вліяніемъ „бюро“, отказывается оппозиціонной газетѣ сообщить списокъ ея подписчиковъ, абониравшихся въ почтовыхъ учрежденіяхъ: „присылайте мнѣ требуемое количество экземпляровъ вашей газеты, а куда мы ихъ рассылаемъ, это не ваше дѣло!“ Между тѣмъ журналисту очень важно знать, гдѣ болѣе расходуется его газета: въ мануфактурныхъ или земледѣльческихъ мѣстностяхъ, въ городахъ или селеніяхъ. Суровая въ сношеніяхъ съ оппозиціоннымъ журналистомъ, почтовая администрація очень любезна съ журналистами, пріятными „бюро прессы“: имъ она охотно сообщаетъ не только списки подписчиковъ на ихъ газеты, но также и списки подписчиковъ на оппозиціонныя газеты. Были случаи, что почтовая администрація, по указанію „бюро“, отказывалась пересылать оппозиціонную газету, т.-е. по-просту осуждала ее на смерть. Такъ было поступлено, напримѣръ, вскорѣ послѣ присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, съ французскими газетами, издававшимися въ этихъ провинціяхъ.

Почтами въ германской имперіи заправляетъ Стефенъ, человѣкъ умный и чрезвычайно ловкій, какъ съ технической, такъ и съ политической точки зрѣнія. Онъ мечтаетъ обратить почты въ гигантскую социальную машину и въ могущественное политическое орудіе. Онъ хлопочетъ теперь о разрѣшеніи почтовымъ учрежденіямъ принимать на себя комисію по покупкѣ и доставкѣ книгъ,

т.-е. отстранить мелкую книжную торговлю, служащую посредникомъ между покупателями книгъ въ небольшихъ городкахъ и книжными магазинами въ столицахъ и большихъ городахъ. „Если мы принимаемъ подписку на журналы и газеты, говоритъ Стефенъ, — то почему-же мы не можемъ принимать порученія на покупку книгъ? Мы будемъ покупать ихъ въ большихъ книжныхъ магазинахъ Берлина и Лейпцига и доставлять заказчику по номинальной цѣнѣ гораздо скорѣе, чѣмъ можетъ доставлять теперь книжный комисіонеръ. Покупатель выиграетъ и въ матеріальномъ отношеніи: онъ будетъ избавленъ отъ платежа процента, идущаго въ пользу комисіонера. Выиграетъ и казна, такъ-какъ въ ея пользу останутся 25%о, которые намъ будутъ уступать книгопродавцы съ каждой купленной у нихъ книги. Казна можетъ приобрести нѣсколько миліоновъ новаго дохода“.

Не знаемъ, какъ къ этому предложенію отнесся Висмаркъ, но не говоря уже о мелкихъ книжныхъ торговцахъ, завопившихъ, что ихъ ждетъ полное разореніе, сами бюргеры, пользу которыхъ будто-бы имѣлъ въ виду начальникъ почтъ при составленіи своего проекта, — бюргеры тоже нашли этотъ проектъ для себя неудобнымъ. „Мы вовсе не желаемъ посвящать начальника почтъ въ тайну нашего предпочтенія той или другой отрасли литературы“, говорили они. Впрочемъ, они могли выступить съ еще болѣе вѣскимъ возраженіемъ. Если начальникъ почтъ желаетъ сдѣлаться комисіонеромъ книжной торговли, то почему-же ему не сдѣлаться комисіонеромъ торговли сукнами, хлопчато-бумажными издѣліями, посекательными и всякими другими товарами? Тогда казна несомнѣнно получитъ еще болѣе миліоновъ новаго дохода.

Все это вѣрно, но нисколько не убѣдительно для начальника почтъ, котораго, кромѣ затаенныхъ его мыслей, — проникнуть въ которыя, впрочемъ, очень не трудно, — вѣроятно, прельстили такъ-называемые „Базары для путешественниковъ“. Въ этихъ базарахъ путешественникъ, вѣдущій даже въ Камчатку или Томбуку, найдетъ все, что ему необходимо для путешествія, начиная отъ сапоговъ и кончая книгами и фотографіями, касающимися той страны, куда отправляется туристъ. Такіе-то базары, вѣроятно, желаетъ учредить дѣятельный и неутомимый начальникъ почтъ германской имперіи. Къ тому-же пріймѣръ подобнаго правительственнаго учрежденія не за горами. „Бюро прессы“ открыло

уже давно „центральный базаръ журнализма“, гдѣ журналистъ по сходной цѣнѣ можетъ получить рѣшительно все, и пріятное, и полезное, соображаясь съ своимъ личнымъ вкусомъ. Здѣсь собрано все, что нужно журналисту: телеграммы политическія и биржевыя, изъ полиціи и судовъ, внутреннія и заграничныя; корреспонденціи печатныя, литографированныя и рукописныя. Здѣсь можно получить извѣстія о всевозможныхъ скандалахъ; можно запастись каламбурами, загадками, шарадами и логогрифами; можно купить или получить даромъ теологическія свѣденія, свѣжія новости о модахъ, о балахъ въ высшемъ свѣтѣ, передовыя статьи, просто темы для статей, предварительныя наброски, которые предоставляется обработать уже самому покупщику. Понадобится журналисту сотрудникъ по какому угодно отдѣлу—его тотчасъ-же рекомендуемъ; нуженъ секретарь для редакціи—онъ немедленно явится. Однимъ словомъ, требуйте, чего хотите, ни въ чемъ не получите отказа.

Нѣмецкіе либералы, пожалуй, скажутъ, что нарисованная нами картина нѣсколько смахиваетъ на карикатуру. Къ великому нашему огорченію, мы не можемъ согласиться съ ними. Въ нашей картинѣ нѣтъ преувеличенія, главное основаніе системы изложено нами съ математической точностью. Нѣмецкіе либералы, настаивая на своемъ возраженіи, замѣтятъ намъ, что изъ нашихъ словъ можно заключить, что нѣмецкіе журналисты люди безъ всякихъ убѣжденій, ставящіе барьеръ отъ своего изданія выше всякихъ другихъ соображеній. Мы отвѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, журналистъ, ставящій вѣрность своимъ убѣжденіямъ задачей своей дѣятельности и желающій, чтобы его газета была независимымъ органомъ общественнаго мнѣнія, старается добыть необходимыя для его газеты матеріалы инымъ путемъ, чѣмъ добываютъ ихъ нѣмецкіе журналисты, подчиняющіе веденіе своихъ газетъ чуждымъ внушеніямъ и постороннему влѣшателству.

Такъ-какъ журнализмъ составляетъ самое высшее проявленіе новѣйшей торговли и промышленности, онъ болѣе всякой другой ихъ вѣтви подчиненъ требованіямъ дешевизны. Люди вообще падки на дешевизну; покупщиковъ на дешевый товаръ всегда больше, чѣмъ на дорогой. Издатель газеты по-необходимости долженъ употреблять

всѣ усилія для удешевленія на-сколько возможно своего изданія. Вотъ почему масса нѣмецкихъ журналистовъ съ жадностью кинулась на средства уменьшить расходы по веденію ихъ газетъ, предложенныя правительствомъ Бисмарка. Журналисты, захотѣвшіе остаться независимыми, несутъ двойные, тройные, даже четверные расходы противъ тѣхъ, которые согласились получать новости и сообщенія изъ „бюро прессы“. Независимой газетѣ нужно имѣть массу подписчиковъ (деньги отъ нихъ получаютъ впередъ и помогаютъ обороту), а главное—массу объявленій, чтобы имѣть возможность конкурировать съ газетой, на веденіе которой требуются несравненно меньшіе расходы. Въ журнализмѣ, какъ и во всѣхъ другихъ родахъ промышленности, крупныя капиталы поглощаютъ собой маленькіе капиталы. Нѣкогда мелкіе промышленники, сапожники, портные, сѣдельники, столяры и пр., принадлежали къ буржуазіи, теперь-же масса ихъ сдѣлалась просто пролетаріями, живущими изо дня въ день. Портные, шьющіе платье по мѣркѣ, съ трудомъ зарабатываютъ на свое пропитаніе и квартиру; мало-по-малу они закрываютъ свои мастерскія и начинаютъ работать на огромные магазины готовыхъ платьевъ, основанные на складочныя капиталы въ миліонъ и болѣе, гдѣ кліенты находятъ громадный выборъ всевозможной одежды, спитой по послѣдней модѣ и продающейся дешевле, чѣмъ она продается у мелкихъ промышленниковъ.

Портные раздѣляются теперь на два класса: портныхъ миліонеровъ, имѣющихъ замки, лакеевъ и тысячныхъ упряжныхъ лошадей, и портныхъ бѣдняковъ, на долю которыхъ осталась починка и передѣлка стараго платья. Старинная корпорація буржуа сапожниковъ и башмачниковъ распалась теперь на три отдѣла: первый, состоящій изъ крупныхъ, богатыхъ фабрикантовъ, занимающихъ въ своихъ мастерскихъ, дѣйствующихъ паромъ, отъ 500 до 1,000 рабочихъ. Второй—чеботари, старинное мастерство, когда-то процвѣтавшее, а теперь еле дышащее; можно быть увѣреннымъ, что скоро наступитъ время, когда будетъ дешевле купить новыя башмаки, чѣмъ починить старыя. Третій—торговцы обувью; они покупаютъ на фабрикахъ съ извѣстной уступкой и продаютъ тѣмъ, кто не можетъ имѣть дѣла прямо съ фабрикой. Но это скорѣе торговцы, чѣмъ ремесленники. Точно также мы видимъ, что въ Германіи, уже не говоря о Франціи, Англии и Соединенныхъ Штатахъ, маленькія политическія газетки съ каждымъ днемъ теряютъ

свое значеніе. Кажется, можно навѣрное сказать, что скоро онѣ (мы говоримъ собственно о политическихъ газетахъ) совсѣмъ исчезнутъ, и большія политическія газеты окончательно восторжествуютъ; поле дѣйствія останется исключительно за ними. Слѣдовательно, и на журналистикѣ оправдывается явленіе, замѣчаемое во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства: и здѣсь крупный капиталъ отстраняетъ мелкіе капиталы. Вмѣстѣ съ этимъ журналисты уже появляются на биржѣ; капиталъ многихъ газетъ обращенъ въ акціонерный, акціи получили биржевую цѣнность и ими тамъ играютъ такъ, какъ и всякими другими денежными цѣнностями. Выигрывая въ своемъ значеніи, какъ промышленное предпріятіе, газета, акціями которой спекулируютъ на биржѣ, много теряетъ въ моральномъ отношеніи. Прежде она была личностью, теперь-же обратилась въ вещь.

Такимъ образомъ въ наше время большая политическая газета въ западной Европѣ представляетъ собою крупный капиталъ, значительную собственность; теперь она болѣе промышленное, чѣмъ литературное предпріятіе.

Чѣмъ крупнѣе собственность, тѣмъ легче администраціи дѣйствовать на нее въ своихъ видахъ. Чѣмъ больше расходовъ требуетъ предпріятіе и чѣмъ неопредѣленнѣе съ него доходъ, тѣмъ осторожнѣе дѣйствуютъ его руководители въ отношеніи администраціи; они всѣми средствами стараются избѣжать съ нею размовки. Это прекрасно понялъ князь Бисмаркъ и съ изумительной ловкостью и предусмотрительностью примѣнилъ систему, которую мы изложили выше, и извлекъ изъ нея всѣ выгоды, какія только она могла дать...

Съ тѣхъ поръ, какъ либералы управляютъ судьбами Германіи, о литературныхъ процессахъ болѣе не говорятъ; они стали слишкомъ обычнымъ, зауряднымъ, вульгарнымъ явленіемъ. За то безпрестанно приходится читать въ нѣмецкихъ газетахъ ликованія по поводу существующей тамъ свободы прессы: „Никогда Германія не пользовалась въ такой широкой степени свободой печати!“ твердятъ тѣ газеты, которымъ позволено говорить все, что онѣ хотятъ. Тѣ-же, которыя встрѣчаютъ нерѣдко затрудненія въ свободному заявленію своихъ мнѣній, молчатъ, чтобы не испортить своимъ голосомъ стройнаго хвалебнаго тона. И благо онѣ дѣлаютъ!

Свобода нѣмецкой прессы лучше всего характеризуется слѣдующими двумя фактами:

Графъ Эйленбургъ, по донесенію полиціи, приказалъ конфисковать номеръ одной газеты. Донесеніе это, однакожь, оказалось неправильнымъ. На сдѣланный запросъ въ палатѣ графъ откровенно призналъ ошибку и кончилъ свое объясненіе слѣдующими словами, сказанными добродушнымъ тономъ: „Получивъ донесеніе нашихъ агентовъ (оказавшееся ошибочнымъ, но ошибка ихъ, впрочемъ, извинительна), мы не могли поступить иначе, какъ мы поступили. Какъ правительство, мы можемъ обмануться, но никогда не можемъ быть неправыми“.

Противъ извѣстнаго талантливаго нѣмецкаго журналиста Раша было возбуждено судебное преслѣдованіе за то, что Рашъ въ газетѣ „Berliner Voegeen Courier“, сообщая объ арестованіи извѣстнаго демократа Югана Ялоби, пастора Грота, доктора Эйхгольца, эскиминистра Фишера и нѣсколькихъ ганверцевъ изъ числа приверженцевъ короля Георга, произведенномъ по приказанію генерала Фогель-фон-Фальвенштейна, назвалъ дѣйствія генерала „незаконными и произвольными“. Судъ присудилъ Раша къ 25 талерамъ штрафа, „не за то, сказано въ приговорѣ, — что Рашъ назвалъ дѣйствія почтеннаго генерала „незаконными“, — незаконность ихъ доказана; но за то, что, назвавъ ихъ „произвольными“, онъ оскорбилъ тѣмъ одного изъ высшихъ чиновниковъ государственной службы“. Поймите эти тонкости: по мнѣнію берлинскихъ судей, существуетъ большая разница между незаконными и произвольными дѣйствіями администраторовъ. Рашъ, какъ и всѣ люди, неизощрившіеся въ діалектическихъ тонкостяхъ, почиталъ эти выраженія синонимами и поплатился за свое незнаніе административной грамматики.

Газеты, находящіяся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ „бюро прессы“, могутъ писать все, что угодно; имъ извиняются нѣкоторыя уклоненія отъ нормы и даже позволяются легкія насѣшки надъ сильными міра сего; за то газетамъ, непріятнымъ „бюро“, приходится жутко: на ихъ долю достаются штрафы и тюремныя заключенія. Последнее такъ донимало отвѣтственныхъ редакто-

Напримѣръ, газета „Deutsche Freie Presse“ имѣла у себя нѣятаго отвѣтственнаго редактора, носильщика Петера-Михела Фрааса, № 107, который отлично держалъ себя въ судѣ и, по выраженію нѣмецкихъ газетъ, съ достоинствомъ римскаго сенатора отправлялся въ тюрьму. Въ „Полицейскомъ Листвѣ“ появилось слѣдующее шутовое, но вѣрно характеризующее дѣйствительное положеніе оппозиціонной прессы, объявленіе: „Требуется слуга (Dienstmann) для замѣщенія должности отвѣтственнаго редактора въ демократической газетѣ“.

Съ одной стороны преслѣдованія, выпадавшія на долю независимыхъ газетъ, съ другой—любезность, расточаемая ихъ конкурентамъ, ставили большія затрудненія существованію оппозиціонныхъ газетъ и онѣ одна за другою сходили съ политической арены. Нѣкоторыя изъ нихъ, провлачивъ печальное существованіе, безъ денегъ, безъ кредита, безъ подписчиковъ, умирали медленной смертью; нѣкоторыя были проданы въ другія руки и измѣнили свое направленіе. „Sued Deutsche Presse“ продана за 24,000 талеровъ; какъ только она попала въ руки людей, пользующихся благосклонностью „бюро прессы“, ее стали разсылать даромъ въ гостинницы, трактиры, кафе и постоянные дворы. „Fremdenblatt“ была, какъ говорятъ, продана за 150,000 флориновъ.

Если-же оппозиціонная газета не умирала и не переходила посредствомъ продажи въ другія руки, „бюро прессы“ создавало ей конкурента. Такъ, чтобы повредить газетѣ „Frankfurter Zeitung“, „бюро“ выдало 40,000 талеровъ для основанія „Frankfurter Presse“, которая должна была явиться ей опаснымъ конкурентомъ.

Благодаря такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, число оппозиціонныхъ газетъ значительно уменьшилось въ Германіи. Волѣ замѣчательныя изъ оставшихся слѣдующія: „Frankfurter Zeitung“; издающаяся въ Штудгартѣ „Beobachter“; берлинская недѣльная газета „Wage“, въ которой участвуютъ нѣсколько философовъ и дѣйствительныхъ литераторовъ; это все послѣдователи Канта, вѣрящіе еще въ истину и нравственность, имѣющіе смѣлость говорить: „поступайте, какъ должно; что будетъ, то будетъ“. Такъ-какъ они выше всего ставятъ справедливость и не могутъ при-

мириться съ новымъ порядкомъ вещей, то на нихъ смотрятъ по-дозрительно и обзываютъ „Reichsfeinde“, т. е. противниками новой германской имперіи, проникнутой духомъ и идеями бисмаркизма. Правда, ихъ оппозиція самаго невиннаго свойства, они никогда не досказываютъ своихъ мыслей, но вы чувствуете, что это пишутъ люди безкорыстные, беззавѣтно преданные своимъ убѣжденіямъ и неидущіе на уступки, на которыя такъ падки ихъ собратья нѣмецкіе журналисты. Нечего и говорить, что эта серьезная газета имѣетъ весьма не обширный кругъ читателей. Она читается несправимыми идеалистами, которые никакъ не могутъ согласиться, что „все прекрасно въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ мировъ“. Газету „Wage“ въ матеріальномъ отношеніи поддерживаютъ великодушные идеологи, которыхъ очень немного въ современной Германіи, — идеологи, еще незаразившіеся овладѣвшею всѣми ихъ соотечественниками страстію къ наживѣ и спекуляціямъ; не будь этой безкорыстной поддержки, „Wage“ давно была-бы принуждена закрыться по истощенію денежныхъ средствъ для дальнѣйшаго существованія.

Въ числѣ распространенныхъ оппозиціонныхъ газетъ мы назовемъ „Volkstaat“, органъ социаль-демократовъ, а также „Germania“, органъ католиковъ, о редакторѣ которой, Маюнке, и объ его процессѣ довольно подробно говорено въ статьѣ „Князь Висмаркъ“, напечатанной въ нашемъ журналѣ.

Оппозиціонныхъ газетъ въ Германіи осталось очень немного. Изъ компактной фаланги писателей, въ 1865 году съ энергіей нападавшихъ на Бисмарка, иные умерли, иные замолчали, иные заплѣли дифирамбы въ честь Зигфрида, убившаго дракона Бонапарта, завладѣвшаго сокровищемъ въ пять миллиардовъ, хранимымъ въ глубокихъ подвалахъ французскаго банка, и щедро одѣливашаго золотомъ толпу своихъ друзей и слугъ; въ честь борца за цивилизацію съ мракомъ, воскресителя Германіи и пр., и пр.

Прежняя либеральная оппозиція почти исчезла въ Германіи; кое-гдѣ еще раздается ея слабый голосъ, и если-бы не слышался по временамъ ропотъ социаль-демократовъ и католиковъ, можно было-бы подумать, что вся Германія держится одного мѣтнія. вмѣстѣ съ политическимъ единствомъ германскаго фатерланда установилось, наконецъ, и столь желательное бисмаркистамъ единство моральное. Но втеченіи первыхъ трехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ

еще очень многого. Даже въ нѣдрахъ самой власти не существовало полнаго единства въ направленіи: графъ Эйленбургъ нерѣдко противорѣчилъ князю Бисмарку, наконецъ, канцлеръ, съ своей обычной настойчивостью, одержалъ окончательную побѣду и водворилъ порядокъ. Вся національно-либеральная журналистика, за весьма малыми исключеніями, стала подъ знамя бисмаркизма. Въ числѣ этихъ газетъ много бывшихъ рѣшительныхъ противницъ Бисмарка; какъ прежде онѣ ревностно нападали на него, такъ-же ревностно теперь онѣ стараются выказать свое усердіе, угодить своему милостивцу. Бѣднѣйшіе и менѣе развитые изъ журналистовъ дошли до фанатизма приниженности и лести. Многіе изъ нихъ, получая готовый матеріалъ для своихъ газетъ изъ „бюро прессы“, отучились думать; многіе, по словамъ сатирическихъ листовъ, разучились даже писать, и если рѣшаются иногда посягать на такой головоломный трудъ, то пишутъ не иначе, какъ перомъ и чернилами, присланными изъ „бюро“... Либеральная нѣмецкая журналистика обратилась къ офиціозной и полуофиціозной. Вся она запечатлѣна единствомъ мнѣнія, мѣняющагося по обстоятельствамъ, т. е. по приказанію центрального учрежденія, представляющаго собой общую редакцію всей этой массы газетъ. Подъ вліяніемъ прессы, разумѣется, измѣнились убѣжденія бюргерства, а съ нимъ виѣсть и всего нѣмецкаго народа, подвергнаго пруссифицированію. По временамъ еще раздающійся, какъ диссонансъ въ стройномъ хорѣ, слабый голосъ оппозиціи заглушается звуками дифирамба бисмаркизму, распѣваемого миліонами голосовъ...

„Публика не можетъ составить себѣ понятія о колоссальномъ развитіи у насъ офиціозной прессы въ послѣдніе годы“, сказалъ въ рейхстагѣ депутатъ Рихтеръ. Нѣмецкая публика, вѣроятно, еще менѣе знакома съ развитіемъ нѣмецкой офиціозной прессы за границей. Естественно, что прусское правительство, убѣдясь, какими поразительными успѣхами сопровождалось примѣненіе „системы“ въ Пруссіи и въ присоединенныхъ къ ней мелкихъ нѣ-

ицкихъ государствъ, захотѣло сдѣлать опытъ ея примѣненія въ полу-присоединенныхъ королевствахъ и герцогствахъ Баваріи, Саксоніи, Виртембергѣ и Баденѣ, а также въ имѣющей быть присоединенной (такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ всѣ бисмаркисты) Австріи.

Съ иностранными газетами принята была та-же метода дѣйствій, какъ и съ туземными: предлагалось полученіе новостей бесплатно или за малую цѣну, посылались корреспонденціи, статьи и проч.; наконецъ, если это было необходимо, давались денежные субсидіи. Такъ, на примѣръ, редакторъ газеты „Katholik“, Міарка, получилъ 7,500 талеровъ за то, чтобы нѣсколько понизилъ тонъ своихъ нападокъ; вѣнская газета „Neue Freie Presse“ получила субсидію за то, чтобы втеченіи извѣстнаго времени она относилась съ сочувствіемъ къ Пруссіи; по прошествіи условленнаго срока она снова имѣла право нападать на прусское честолюбіе, на прусскій милитаризмъ и проч. Эта система періодической смѣны восхваленія и порицанія приносила большую пользу Пруссіи, потому что въ глазахъ наивныхъ людей „Neue Freie Presse“ оставалась газетою независимой и безпристрастной и ея мнѣніямъ слѣдовало давать вѣру; долго никто не подозрѣвалъ, что эта газета находится въ интимныхъ сношеніяхъ съ берлинскимъ „бюро прессы“. Разительный примѣръ измѣчивости своихъ убѣжденій „Neue Freie Presse“ особенно рѣзко показала два года тому назадъ. Будучи нѣкоторое время ультра-бисмаркистскимъ органомъ, „Neue Freie Presse“ послѣ скандала съ Вагнеромъ вдругъ заговорила о страшной испорченности Пруссіи. Статьи ея въ то время сдѣлали сильное впечатлѣніе во всей Европѣ; въ кафе нумера ея истребывались до невозможности, — такъ много находилось охотниковъ читать эту газету. Даже посольства обращали на нее свое вниманіе и телеграфами передавали содержаніе ея статей о Пруссіи своимъ правительствамъ. Берлинское „бюро прессы“, разумѣется, поспѣшило принять свои мѣры, такъ-какъ нападенія сдѣлались уже слишкомъ рѣзки: кѣмъ слѣдуетъ была подписана трата и послана въ Вѣну.

Не говоря уже о такихъ вѣнскихъ газетахъ, какъ „Deutsche Zeitung“, оскандализировавшихъ себя ультра-пруссикимъ направленіемъ, можно безошибочно утверждать, что огромное большинство газетъ, издающихся на нѣмецкомъ языкѣ въ Австріи,

пресса": крѣпость уже занята непріателемъ. Отсутствіе патріотизма у этихъ газетъ поразительное. Если судить по нимъ, можно подумать, что Австрія уже не существуетъ; есть вѣгерское королевство, гдѣ королемъ Францъ-Иосифъ, а первымъ министромъ Деакъ; есть также Цислейтанія, нѣмецкая провинція, управляемая канцлеромъ германской имперіи, княземъ Бисмаркомъ. Процессъ Офенгейма слишкомъ очевидно показалъ, какъ испорчены австрійскія газеты, издающіяся на нѣмецкомъ языкѣ; выяснилось, что большинство этой прессы находится на откупѣ у биржевыхъ дѣятелей, что журналисты участвуютъ въ темныхъ дѣлкахъ, какими ознаменовала себя вѣнская биржа. И если австрійская пресса въ литературномъ отношеніи стоитъ выше прусской, то вмѣстѣ съ тѣмъ она испорчена гораздо болѣе, чѣмъ прусская. Въ берлинскихъ газетахъ, по крайней мѣрѣ, не отсутствуетъ политическая идея, онѣ сохраняютъ еще вѣнское приличіе; вѣнскія-же газеты отбросили всякій стыдъ, приличій для нихъ не существуетъ; прогрессъ, цивилизація, общественное благо—все это для нихъ пустыя слова; биржа ихъ кумиръ, ей онѣ подчиняютъ свои убѣжденія, во имя ее, во имя темныхъ дѣлъ, въ которыхъ онѣ охотно участвуютъ,—этихъ продѣлокъ биржевой кулисы, осужденныхъ судомъ общественнымъ и судомъ уголовнымъ,—они готовы втоптать въ грязь все, что люди мало-мальски себя уважающіе и честные привыкли уважать.

Извѣстный талантливый журналистъ, докторъ Фрезъ, авторъ „Этюдовъ о Шекспирѣ“, переводчикъ „Жизни Гете“—Льюиса, вздумалъ издавать въ Вѣнѣ „Oesterreichische Zeitung“. Въ своей газетѣ онъ явился, во-1-хъ, противникомъ Бисмарка, во-2-хъ, обличителемъ испорченности австрійской прессы банократіей. Онъ предложилъ рядъ реформъ и средства къ ихъ осуществленію. Понятно, что противъ него ополчилась вся испорченная пресса, язвы которой онъ смѣло обнажилъ. Восемнадцать мѣсяцевъ Фрезъ мужественно поддерживалъ борьбу, но видя, что его усилія не встрѣчаютъ сочувствія въ обществѣ, деморализованномъ испорченной прессой, онъ рѣшился сойти съ поля и удалился въ Швейцарію. Такъ окончилась честная попытка талантливаго журналиста открыть глаза своимъ согражданамъ. Почти вся австрійская нѣмецкая пресса находится въ рукахъ евреевъ, владычествую-

щих на вѣнской биржѣ и заправляющихъ главными промышленными и коммерческими предпріятіями въ Австріи. Разуется, бороться съ ними не легко.

Обработавъ австрійскую печать, берлинское „бюро прессы“ не оставило безъ вниманія вліятельной періодической литературы въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Такъ-какъ тайна сношеній здѣсь строго сохраняется, то нельзя сказать, какіе результаты оно получило. Надо думать, что и здѣсь оно дѣйствуетъ не безъ успѣха. Извѣстно, что четверть всей суммы, расходуемой „бюро прессы“, идетъ на прессу странъ не-нѣмецкихъ. А берлинское правительство, какъ всѣ знаютъ, не любитъ даромъ тратить деньги.

Берлинское „бюро прессы“ имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу людей пишущихъ, батальонъ зуавовъ, спаговъ и туркосовъ литературы. Большинство ихъ — евреи. Болѣе образованные и ловкіе, чѣмъ нѣмцы, тѣсно сплоченные между собой, евреи мастерски исполняютъ принятія на себя обязанности. Изъ христіанъ поспушаютъ сюда или люди, испытавшіе неудачу на жизненномъ поприщѣ, или университетскія неспособности, или-же, наконецъ, оставшие почтовые чиновники. Способнѣйшіе изъ батальона посылаются обыкновенно въ иностранныя столицы въ качествѣ корреспондентовъ туземныхъ газетъ; нѣкоторые изъ нихъ успѣваютъ пристроиться и въ мѣстныхъ газетахъ и тогда служатъ комисіонерами, извлекающими выгоду изъ привозной и вывозной торговли. Они посылаютъ корреспонденціи въ Берлинъ и взамѣнъ получаютъ изъ Берлина новости, которыя прусскому правительству полезно распространять какъ можно болѣе, что они всегда исполняютъ чрезвычайно ловко. Этыхъ господъ вы непременно встрѣтите въ томъ мѣстѣ, которое въ данный моментъ представляетъ собой особый интересъ. Такъ теперь ихъ нѣсколько послано въ Герцеговину и Боснію. Пріѣхавъ въ городъ, куда они посланы, они прежде всего стараются убѣдить всѣхъ, съ кѣмъ имъ приходится имѣть дѣло, что у нихъ нѣтъ никакого официальнаго порученія; чаще всего они выдаютъ себя за австрійцевъ. Но хотя они дѣйствуютъ чрезвычайно ловко, секретъ непременно открывается: они получаютъ такія свѣденія, которыя рѣшительно недоступны обыкновенному корреспонденту. Однакожь, извѣстія, доставляемыя ими въ какую-нибудь мѣстную газету, бывають такъ важны и инте-

ресны, что редакция охотно ими пользуется. А этого только и нужно ихъ патронамъ. Выборъ газеты всегда предоставляется имъ собственному усмотрѣнію. Берлинскому „бюро прессы“ рѣшительно все равно, устроятся-ли они въ оппозиціонной или министерской газетѣ, только-бы нужны свѣденія попали въ печать. Въ какой мѣрѣ удастся этимъ корреспондентамъ ихъ хитрость—мы не знаемъ; для опредѣленія успѣшности дѣйствій заграничныхъ агентовъ „бюро“ не существуетъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Мы можемъ замѣтить только, что въ „Times“, въ „Daily Telegraph“, въ „Daily News“, въ „Houq“, въ „Journal de Genève“, во многихъ газетахъ Франціи и Италіи помѣщались не разъ свѣденія, въ происхожденіи которыхъ изъ прусскаго источника не могло быть никакого сомнѣнія. Конечно, также не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти газеты получали поименованныя свѣденія не даромъ, не за уменьшенную плату; онѣ, вѣроятно, щедро платили корреспонденту, посланному „бюро“, но или были ловко проведены имъ, или польстились на занимательность и свѣжесть предлагаемыхъ имъ новостей, хотя, надо думать, иногда сомнѣвались въ ихъ безукоризненной достовѣрности.

Изъ этого видно, что берлинское „бюро прессы“, состоящее въ вѣденіи Эгиди и руководимое Лотаромъ Бухеромъ, направляетъ общественное мнѣніе не только одной Германіи, но даже отчасти вліяетъ и на общественное мнѣніе всей Европы. Въ виду этого, въ виду успѣшности дѣйствій прусской дипломатіи, можно призадуматься и спросить себя: не права-ли Пруссія, считая свою дипломатію самой дѣятельной и даже самой способной въ Европѣ, считая свою „систему“ самой результатной и быстро и вѣрно ведущей къ предположенной цѣли? Ни одно правительство съ такою имъ вниманіемъ не слѣдитъ за всемірною прессой, какъ прусское, ни одно не оказываетъ такого рѣшительнаго вліянія на туземную и на заграничную прессу, какъ прусское. Подобно тому, какъ въ военное время ловкими маневрами своихъ уланъ и вообще легкой кавалеріи скрываетъ оно движенія своей главной арміи,—въ мирное при помощи журналистовъ прусское правительство заставляеть общественное мнѣніе высказываться такъ, какъ ему угодно, и именно не такъ, какъ оно высказалось-бы, познакомившись съ его настоящими, а не вымышленными планами. Пять улановъ завладѣли городомъ Нанси; пяти журнали-

стовъ, можетъ быть, будетъ достаточно для покоренія цѣлой провинціи.

Упомянутый нами выше журналистъ Фрезъ рассказываетъ, что, перепечатывая разъ одну официальную бумагу, подписанную Тиле, которую опубликовала прусская „Официальная газета“, онъ замѣтилъ въ ней нѣкоторые отрывки, прочитанные имъ раньше въ „Times'ъ“ и сообщенные прусскимъ телеграфомъ всему міру, какъ выраженіе англійскаго общественнаго мнѣнія. Однимъ камнемъ прусская дипломатія нанесла три удара.

„Бюро прессы“, такъ энергически работающее въ Пруссіи, Германіи и за-границей, должно расходовать огромныя деньги, навѣрное скажутъ люди практическіе.

Безъ сомнѣнія, большія. „Но у насъ дьявольски много денегъ“ (wir haben heidenmaessig viel Geld), говорятъ нѣмцы. На прессу специально назначенъ фондъ, составленный изъ конфискованнаго имущества ганноверскаго короля и гессенскаго курфирста. Кстати объ этой конфискаціи. Она также принадлежитъ къ числу мѣръ „добраго стараго времени“, вышедшихъ изъ употребленія и возстановленныхъ Бисмаркомъ. Лишенные престоловъ итальянскіе государи получили сполна свои личныя имѣнія; бонапартовской фамиліи республиканское французское правительство отдало все ея недвижимое и движимое имущество до послѣдняго сигарнаго ящика. Бисмаркъ, подъ предлогомъ, что экс-государи ганноверскій и гессенскій продолжаютъ свои враждебныя интриги противъ Пруссіи, конфисковалъ ихъ частныя имущества, цѣнностью: у ганноверскаго короля въ 19, у курфирста въ 7 миліоновъ талеровъ. Значительную часть процентовъ съ этой громадной суммы Бисмаркъ рѣшилъ употреблять на поощреніе искусствъ и литературы, — лучше сказать, на поощреніе журналистовъ, пожелавшихъ пользоваться драгоцѣнными свѣденіями, обязательно предлагаемыми „бюро прессы“. Въ предвидѣніи золотого дождя, который долженъ былъ пасть на нее, Даная прессы нашла такое употребленіе денегъ практичнымъ, логичнымъ, моральнымъ и приличнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ употребила всѣ усилія для доказательства, что самая конфискація вполне законна. И дѣйствительно, никто

не протестовала противъ этой мѣры, разумеется, кромѣ государей, ставшихъ ея жертвой. Прусскій ландтагъ въ январѣ 1867 года утвердилъ конфискацію и призналъ, что капиталъ, вырученный отъ нея, долженъ быть перечисленъ въ „секретный фондъ“, отдаваемый въ безконтрольное завѣдываніе министерства. Было выражено предположеніе, что часть доходовъ съ этого капитала пойдетъ „на издержки по уничтоженію подземныхъ интригъ, какими ознаменовываютъ себя враги Пруссіи“.

„Я намѣренъ преслѣдовать извѣстныхъ опасныхъ пресмыкающихся до самыхъ скрытыхъ углубленій въ ихъ норахъ, сказалъ при этомъ случаѣ Бисмаркъ. — Но необходимо, чтобы вы дали мнѣ достаточныя средства для уничтоженія ихъ мрачныхъ замысловъ“.

Отсюда произошло названіе „фондъ пресмыкающихся“ (Reptilien fond), данное берлинскими остряками фонду, составленному изъ конфискованнаго вельфскаго имущества. Теперь этотъ фондъ не имѣетъ другого названія, и, надо признаться, оно чрезвычайно удачно.

Любопытно-бы знать, какаѧ часть этого фонда израсходована безвозвратно и вообще сколько тратитъ ежегодно „бюро прессы“ на *надобности* журналистики. Но по этому поводу публикѣ ничего неизвѣстно: „бюро“ хранить краснорѣчивое молчаніе. Однакожь, все заставляетъ думать, что фондъ нѣсколько порастраели, потому что Бисмаркъ ежегодно требуетъ то у ландтага, то у рейхстага вотированія 30, 40, 50 тысячъ талеровъ на увеличеніе средствъ секретнаго фонда, для какихъ цѣлей—онъ не находилъ нужнымъ пояснять, хотя между строкъ его рѣчей можно было прочесть, что всѣ эти деньги назначаются на приготовленіе искусственнаго общественнаго мнѣнія. Но какъ-бы тамъ ни было, уменьшился-ли капиталъ или остался неприкосновеннымъ, во всякомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что Пруссія ежегодно расходуетъ на прессу сумму большую, чѣмъ расходуютъ всѣ остальные европейскія государства, вмѣстѣ взятыя. Притомъ надо сознаться, что эти деньги расходуются съ необыкновенной ловкостью и предусмотрительностію, съ изумительнымъ знаніемъ дѣла. Скоро минетъ десять лѣтъ, какъ дѣйствуетъ „система“; какіе плоды она принесла—мы уже видѣли.

Однакожь, нельзя сказать, чтобы Бисмаркъ достигъ вполнѣ тѣхъ результатовъ, на которые онъ могъ рассчитывать. Казалось, было предусмотрѣно все до мельчайшихъ подробностей, соображены всѣ могущія встрѣтиться препятствія; не усмотрѣли только того, что трудно будетъ набрать агентовъ, которые-бы искренно, съ преданностью исполняли принятыя на себя обязанности. Личный составъ агентовъ, которымъ располагаетъ „бюро прессы“, оставляетъ желать еще многого. Между ними, правда, много людей способныхъ, но также много съ сомнительной нравственностію и очень мало вполнѣ честныхъ. Въ средѣ, гдѣ имъ приходится дѣйствовать, ихъ мнѣнія поѣтому не могутъ пользоваться необходимой авторитетностію. Самъ Бисмаркъ не разъ жаловался на нихъ. „Мы принуждены иногда пользоваться услугами мерзавцевъ, говоритъ онъ, — хотя они вселяютъ въ насъ отвращеніе. Но что прикажете дѣлать! Откуда взять столько честныхъ людей, сколько ихъ требуется въ дѣйствительности?“

Бисмаркъ, мѣтко дающій прозвища и любящій ругаться, одинъ разъ, въ досадѣ, обозвалъ и руководителей „бюро прессы“, и журналистовъ, ведущихъ съ ними дѣла, „свинопасами“ (Sauhirten). Одна изъ англійскихъ сатирическихъ газетъ, вѣжета „Owl“, сдѣлала такой выводъ изъ этого прозвища: „канцлеръ обозвалъ руководителей „бюро прессы“ и журналистовъ свинопасами; но такъ-какъ въ Пруссіи „бюро прессы“ и журналисты направляютъ общественное мнѣніе, то выходитъ, что пруссаки — „свиньи“. Это ужъ слишкомъ реально! О, какъ далеко ушла Пруссія отъ сентиментализма Шиллера и Жанъ-Поля!“ Журналисты не протестовали противъ даннаго прозвища, можетъ быть, потому, что подобныхъ ругателей, какъ прусскіе журналисты, найдется немного. Они обзываютъ другъ друга такими прозвищами: дермо (koth), дрянъ, собака, скотина, животное и т. д. Нѣмецкіе журналисты ввели въ свою перебранку много новыхъ словъ, заимствовавъ ихъ изъ арго падшихъ, но милыхъ созданій, наполняющихъ берлинскія улицы послѣ 11 часовъ вечера. Приводить эти изящныя выраженія мы не считаемъ нужнымъ — слишкомъ они ужъ грубы и плоски.

Начальникомъ „бюро прессы“ состоитъ теперь Эгиди. По мѣсту и почету. О немъ приходится говорить съ почтеніемъ, такъ какъ онъ каждый день наставляетъ людей мыслящихъ и подсказываетъ имъ, какого убѣжденія они должны держаться; онъ принадлежитъ къ числу самыхъ мужественныхъ поборниковъ борьбы за цивилизацію (Kulturkampf). Всѣ интеллигентные или, по крайней мѣрѣ, считающіе себя интеллигентными, нѣмцы каждый вечеръ повторяютъ то, что устами журналистовъ утромъ сказалъ имъ Эгиди, и, главное, вѣрятъ всему, что онъ сказалъ. Разумѣется, начало полагаетъ самъ канцлеръ. Онъ дѣлаетъ намекъ, который быстро воспринимается мозгами его интимнаго секретаря Лотара Бухера; затѣмъ вышедшая изъ головы Лотара идея канцлера обрабатывается на-черно фактотумомъ великаго человѣка Дельбрюкомъ и передается Эгиди для окончательной отдѣлки. Въ свою очередь, Эгиди, отшлифовавъ ее, вручаетъ журналистамъ, а тѣ внѣдряютъ въ сознание читающей публики. Такимъ образомъ, каждый нѣмецкій бюргеръ средняго развитія (Durchschnittsmensch) представляетъ изъ себя Эгиди въ миниатюрѣ. Онъ думаетъ какъ Эгиди, онъ говоритъ какъ Эгиди, онъ поступаетъ какъ Эгиди. Однимъ словомъ, Эгиди — это коллективный германецъ.

Лучшими помощниками Эгиди въ „бюро прессы“ считаются Брасъ и Гельдъ, которые, подобно Лотару Бухеру, въ мартѣ 1848 года были самыми яркими революціонерами и дрались на барикадахъ, а теперь преобразились въ завзятыхъ бисмаркистовъ.

Когда, послѣ заключенія мира въ 1866 году, спросили Бисмарка, почему онъ ограничилъ прусскія завоеванія линіей Майна, онъ отвѣтилъ: „Потому, что мы не подготовили общественное мнѣніе для дальнѣйшаго похода. Потомъ посмотримъ...“ Потомъ онъ организовалъ журналистику, и общественное мнѣніе являлось къ его услугамъ всегда, когда онъ имѣлъ въ немъ нужду. Журналистика у него всегда состоитъ при арміи во время войны. При главномъ штабѣ прусской арміи уже въ 1866 г. была масса журнальныхъ корреспондентовъ, немедленно сообщавшихъ въ свои

газеты все, что было нужно Бисмарку. Во время французской войны за арміей шло еще большее число корреспондентовъ; большинство ихъ были евреи, потому что между нѣмцами, посвятившими себя журнальной дѣятельности, было мало хорошо говорившихъ по-французски. Корреспонденты, кромя своего прямого дѣла, оказывали пользу и другимъ способомъ. Извѣстно, что въ Реймсѣ и Версали они приняли на себя роль депутатовъ, будто-бы присланныхъ отъ мѣстныхъ жителей съ заявленіемъ признательности побѣдителямъ за ихъ гуманное обращеніе и пр. Для чего только была разыграна эта комедія—понять трудно: побѣдители могли обойтись и безъ нея.

Профессоръ Вутке рассказываетъ, что въ 1866 году, передъ объявленіемъ войны Австріи, прусскія газеты, получивъ отъ кого слѣдуетъ совѣтъ, напечатали крайне высокоумную прокламацію австрійскаго главнокомандующаго Бенедека, оскорбительную для пруссаковъ. Эта прокламація была ложная отъ первой до послѣдней строчки. Въ 1870 году въ берлинскихъ газетахъ было сообщено, что французскій посланникъ Бенедетти позволилъ себѣ говорить непочтительно съ прусскимъ королемъ. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе въ Пруссіи и возбудило пруссаковъ противъ французовъ. И оно также было ложное. Затѣмъ въ прусскихъ газетахъ появилось нѣсколько корреспонденцій изъ Франціи, въ которыхъ передавались похвалы французскихъ генераловъ, обѣщавшихъ разорить города и села въ Баденѣ, Нассау, Виртембергѣ и Баваріи, чрезъ которые имъ придется проходить. Эта выдумка вызвала негодованіе во всей южной Германіи, въ особенности между жителями селъ и деревень. Въ началѣ войны ничтожная перестрѣлка подъ Саарбрюкеномъ была превращена въ ужасное бомбардированіе города, причинившее страшный пожаръ, во время котораго свирѣпыя тюркосы бросали въ пламя несчастныхъ женщинъ и дѣтей. Но скажутъ, можетъ быть, что это старая исторія, что во время войны страсти раздражаются, вызываютъ преувеличенія и пр. Пусть будетъ такъ; обратимся къ болѣе новымъ фактамъ, къ фактамъ мирнаго времени.

Въ началѣ нашей хроники мы говорили уже объ испытаніи общественнаго мнѣнія Бисмаркомъ. Конечно, дѣло шло не объ одномъ испытаніи; очень вѣроятно, что Бисмаркъ думалъ вызвать войну. Иначе къ чему-же было газетамъ, ударившимъ тревогу,

корреспондентами во Франціи, говорить о сосредоточеніи французскихъ войскъ на нѣмецкой границѣ, будто-бы уже совершившемся, о чемъ въ дѣйствительности никто и не думалъ; толковать о томъ, что французскіе іезуиты подготовили ультрамонтанскій заговоръ въ Баваріи и въ Австріи? Ясно, что все это было нужно для возбужденія свирѣпой ненависти въ случаѣ войны. Большинство людей до сихъ поръ еще очень наивно; оно все еще съ какимъ-то суевѣрнымъ почтеніемъ относится къ печатному слову и не можетъ примириться съ тою мыслью, что газеты и книги могутъ намѣренно безсовѣстно лгать. Масса людей въ Пруссіи, считающихъ себя цивилизованными, наивно вѣрять, что Мак-Магонъ только о томъ и думаетъ, какъ-бы вторгнуться въ Германію; что Наполеонъ III былъ единственнымъ виновникомъ послѣдней войны, а Бисмаркъ употреблялъ всевозможныя усилія для сохраненія мира; что Австрія и Данія, также вопреки желанію Бисмарка, сами вызвали войну. „Люди ничего такъ не любятъ, какъ быть обманутыми“, говоритъ поговорка. И Бисмаркъ снова достигъ-бы своей цѣли, т. е. вызвалъ-бы войну и обвинилъ-бы въ честолюбіи и задорѣ французовъ, если-бы, къ счастью, въ немъ не былъ охлажденъ воинственный пылъ...

„Мы не беспокоимся, сказалъ одинъ изъ близкихъ людей Бисмарка, когда ему замѣтили, что послѣдняя неудавшаяся попытка произвела неблагоприятное впечатлѣніе.—Пресса за насъ и чтобы мы ни дѣлали, она всегда будетъ утверждать, что мы правы, а за нею и вся нація повѣрять, что правда на нашей сторонѣ“.

Ну, не вся! Какъ ни слабъ протестующій голосъ, а все-же онъ раздавался и истина всплыла наверхъ.

„Вездѣ, читаемъ мы въ одной вѣнской газетѣ 1 января 1875 года,—пресса представляетъ собою выраженіе общественнаго мнѣнія страны, но только не у насъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ она обратилась въ машину, вырабатывающую общественное мнѣніе. Ей впрочемъ называть черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, если расчеты ея руководителей того требуютъ“.

„Никогда и нигдѣ, говорятъ „*Frankfurter Beobachter*“, — даже во Франціи при Наполеонѣ III, офиціозная пресса не доходила до такой лжи и безцеремонности, какъ у насъ“.

Мы съ намѣреніемъ привели нѣмецкіе источники и ничего не скажемъ о нашихъ собственныхъ наблюденіяхъ, изъ уваженія къ международному приличію. Если намъ, въ качествѣ хроникера, приходится констатировать невыгодные для другой націи факты, то пусть лучше говорятъ ея собственныя дѣти. Вообще вся настоящая хроника составлена по нѣмецкимъ источникамъ, преимущественно по книгѣ професора Вутке: „*Die Deutschen Zeitschriften*“. Вутке — патриотъ, но не шовинистъ; онъ горячо любитъ свое отечество, но еще болѣе уважаетъ истину и справедливость. Если онъ рѣшился обличить существующее зло, то съ единственной цѣлью остановить его развитіе. Еще въ 1865 году онъ говорилъ объ усиливающейся порчѣ нѣмецкой журналистики, но его никто не слушалъ. Теперь, вооруженный массой поразительныхъ фактовъ, онъ раскрываетъ зло во всей его наготѣ.

Его книга показываетъ намъ, что въ политикѣ великаго канцлера дисциплина посредствомъ прессы служить дополненіемъ къ дисциплинѣ посредствомъ школы и дисциплинѣ посредствомъ казармъ. Вотъ три могущественныя средства для производства нѣмца новѣйшей формаціи, для опруссенія Германіи и для достиженія отчасти вліянія и въ цѣлой Европѣ. Специально прусскія газеты, взявшія на себя миссію опруссенія, представляютъ орудіе, можетъ быть, еще болѣе опасное, чѣмъ пушки Круппа и ружья Маузера. Прусская пресса, можетъ быть, болѣе чѣмъ сама армія, утвердила владычество прусскаго правительства въ Германіи. Посредствомъ-же тѣхъ органовъ иностранной прессы, съ которыми оно находится въ пріязненныхъ сношеніяхъ, это правительство утвердило свое вліяніе въ Австріи. Пресса, подвергшаяся опруссенію, представляетъ страшную силу потому, что, вполне дисциплинированная, она повинуется, не разсуждая, мановенію руки рѣшительнаго человѣка, который къ достиженію своей цѣли стремится съ энергіей, поборующей всякія препятствія и ни передъ чѣмъ не останавливающейся. Мы уже привели нѣсколько примѣровъ, какъ онъ умѣетъ направлять прессу по своему усмотрѣнію.

Не можетъ быть сомнѣнія, что эта „система, способная во всякій часъ нарушать общее спокойствіе, рано или поздно долж-

если только предугадать опасность, — для блага своего и для благополучія своей страны вынуждены будутъ покончить съ нею. Пресса прежде всего должна быть органомъ убѣждений, выразительницею общественнаго мнѣнія. Независимая, офиціальная или офиціозная, пресса только объясняетъ положеніе, но не создаетъ его. Пресса можетъ, во имя пользы своей партіи, ратовать противъ выгодъ ея соперницъ, но она не можетъ долгое время идти противъ интересовъ всей націи. Руль государственнаго корабля, она можетъ ускорить или замедлить его ходъ, можетъ направлять его искусно или плохо, но не можетъ заставить его идти противъ вѣтра.

Случается, что бываетъ выгодно обманывать другихъ, пользуясь тѣмъ, что эти другіе менѣе свѣдущи, но, рано или поздно, приходитъ моментъ, когда исчезаетъ это преимущество и обманутымъ останется всегда обманывающій. Таковой конецъ непременно выпадаетъ на долю творцевъ искусственнаго общественнаго мнѣнія. Публика убѣждается наконецъ, что газеты говорятъ ей намѣренную ложь, и начинаетъ держаться противоположнаго мнѣнія тому, какое въ нихъ находить. Легко доказать, что всѣ правительства съ начала этого столѣтія послѣдовательно смѣнявшіяся во Франціи, пали черезъ одну и ту-же ошибку: они извращали органы общественнаго мнѣнія, возводили ложь въ принципъ и кончали тѣмъ, что сами вѣрили тому, въ чемъ хотѣли увѣрить другихъ. Наполеонъ I сфабриковалъ фальшивый сенатъ и фальшивый законодательный корпусъ, которыхъ онъ заставлялъ дѣлать все, что ему было угодно. Онъ погибъ потому, что страна, привыкшая къ тому, что онъ постоянно обманывалъ ее, не повѣрила и тогда, когда онъ говорилъ истину. Карлъ X вѣрилъ только своимъ льстецамъ и камарильѣ, которые ему безсовѣстно лгали. Луи-Филиппъ прибѣгалъ къ посредству прессы для искаженія смысла событій, внесъ порчу въ выборы, и когда составила искусственная палата, неимѣвшая права считать себя представительницею страны, парламентарная монархія пала. Наполеонъ III палъ потому, что создалъ лживую прессу, лживый сенатъ, лживый законодательный корпусъ, прибѣгалъ къ лживымъ плебисцитамъ. Бисмаркъ, опираясь на то обаяніе, которое дали ему необыкновенныя побѣды, можетъ позволять себѣ большія ошибки, но, рано

или поздно, ему придется или изменить „систему“, или же вкушать горечь отъ плодовъ ея.

Плоды „системы“ уже отразились на Германіи. Еще не такъ давно Германія по всей справедливости пользовалась славой, что въ ней несравненно болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, господствуетъ независимое изслѣдованіе по вопросамъ теологическимъ и научнымъ. Теперь со всѣхъ сторонъ раздаются крики объ упадкѣ въ ней искусства, поэзіи, романа, исторіи. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ наукъ ея прежнюю славу поддерживаютъ еще старики, обломки прежняго времени, но они постепенно умираютъ и не замѣщаются никѣмъ изъ новаго поколѣнія. Вездѣ царитъ посредственность. Упадокъ особенно замѣтенъ на политической литературѣ. Перечитывая нѣмецкія газеты, изумляешься, на какомъ низкомъ уровнѣ стоитъ теперь германская политическая пресса,—эта „Wust und Schund Litteratur“ (литература грязи и сора), какъ ее назвалъ австрійскій сатирическій листокъ,—ставшая теперь суетной еще болѣе французской, которую она обвиняетъ въ легкомысліи; при этомъ кстати замѣтимъ, что ея тяжелая и жеманная суетность дѣйствуетъ несравненно непріятнѣе, чѣмъ легкая и пустая суетность французской прессы. Между тѣмъ нѣмецкія газеты расходятся въ миліонахъ экземпляровъ и служатъ моральной и умственной пищей многочисленной нѣмецкой читающей публики. Зависимая литература на столько преобладаетъ въ Германіи надъ независимой, что послѣдняя почти вовсе незамѣтна. Кто-то сравнилъ современную зависимую нѣмецкую газетную литературу съ кушаньемъ изъ кислой капусты съ сильно просоленной ветчиной третьяго сорта. Извѣстный ученый Карлъ Фогтъ сказалъ про нѣмецкую прессу: „Du bist was du isst“, т. е. ты то, что ты ѣшь. Переваривая свою неудобоваримую пищу, германская пресса даетъ своей публикѣ такую ѣшанину понятій, что никакой мудрецъ не разъяснитъ ее. Тутъ смѣсь либерализма съ ретроградствомъ, какой-то странный композъ изъ идей національнаго фрейна, рационализма, милитаризма, піетизма, банковаго и коммерческаго шовинизма. Зибель и Касторфъ; Штиберъ и Момзень; Гельдъ, Брасъ и Оскаръ фонъ-Ред-

Деличъ, Гартманъ, Лотаръ Бухеръ и Гансъ Бломъ,—все это подготавливается подъ однимъ не совсѣмъ пріятнымъ на вкусъ соусомъ. Выдумки, наизобрѣнно распускаемыя нѣмецкими газетами, принимаются за истину читающей публикой. Прежде каждый нѣмецъ имѣлъ свои убѣжденія; теперь читатели и почитатели нѣмецкихъ газетъ, получающихъ внушенія изъ „бюро прессы“, говорятъ и думаютъ такъ, какъ думаетъ Эгиди, а Эгиди выражаетъ только убѣжденія канцлера. Если моральная централизація въ Германіи будетъ дѣйствовать съ такой-же силой, какъ дѣйствовала до сихъ поръ, то въ концѣ концовъ знаменитая „новая эра“ будетъ выражаться однимъ человѣкомъ, одной волей, и сорокъ миліоновъ разумныхъ существъ будутъ стерты съ лица земли. На огромномъ пространствѣ германской территоріи, обратившейся въ моральную пустыню, единственно мыслящимъ и отвѣтственнымъ существомъ останется Бисмаркъ... Но станемъ надѣяться, что „система“ не будетъ доведена до крайняго предѣла и услышится голосъ Вутке, который въ патриотической экзальтаціи восклицаетъ: „О, моя бѣдная родина! Остановись, ты стремишься по дорогѣ, которая должна привести тебя къ гибели!“

И. Триге.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

- Съ сѣвера на югъ. Романъ. (Книга
III, гл. XIII—XXIII.) . . . *Н. Н. Каразина.*
Жница. Стихотвореніе. (Изъ Улан-
да.) *П. И. Вейнберга.*
Исповѣдь старика. Романъ. (Гл. XII—
XIV.) *Иполита Ньво.*
Пѣсня. Стихотвореніе. *Омулевскаго.*
Нѣмецкая нравственность. *В. Т.*
Красавецъ. Романъ. (Гл. XII—XIV.) *Жюля Кларети.*
Въ могилѣ. Стихотвореніе. *И. Сурикова.*
Эпоха преобразованій въ народномъ
образованіи. *А. Михайлова.*
На мосту. Стихотвореніе. *И. Сурикова.*
Основной законъ медицины. *В. О. Португалова.*
На пути въ Персію. II. Астрахань. *П. Огородникова.*
Подругѣ. Стихотвореніе. (Съ венгер-
скаго.) *М. Н.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Впередъ или назадъ? *Н. Языкова.*
Печать въ провинціи. *Д. Л. Мордовцева.*
Роль мысли въ исторіи. *Н. Никитина.*
Розы прогресса *666.*
Внутреннее обозрѣніе. *Н. III.*
Политическая и общественная хро-
ника. *М. Трио.*
-

У КНИГОПРОДАВЦА

Н. А. ШИГИНА.

Въ С.-Петербурѣ, Большая Сад. ул., въ д. Пажескаго корт., № 5

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Два міра. Романъ въ четырехъ частяхъ *Н. Алтвей.* Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

На далекихъ окраинахъ. Романъ *Н. Н. Каразина.* Иллюстрированное изданіе. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Повѣсти, разсказы и очерки. *Н. Н. Каразина.* Иллюстрированное изданіе. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Дѣти вѣка. Романъ *Гейзе.* Переводъ съ нѣмецкаго *Е. С...вой.* 2 тома. Спб. 1873 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пересылкой.

Гибель Цезаря. Современный романъ *Самарова.* Переводъ съ нѣмецкаго *Е. С.* Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Крестъ и мечъ. Современный романъ *Самарова.* Переводъ съ нѣмецкаго *Е. С. Т. I.* Спб. 1875 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. (На-дняхъ поступить въ продажу т. II, около 30 печат. листовъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.).

Горячее время. Романъ изъ послѣдняго польскаго возстанія. Соч. *Л. О. Левандъ.* Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Краковскій замокъ. Историческій романъ XVI столѣтія. Соч. графа *А. Ржевусскаго.* 2 тома. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Законоу и жена. Романъ *Уильки Коллинза,* въ 2 частяхъ. Перев. съ англійскаго. М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Донъ-Карлосъ. Историческій романъ изъ современной жизни Испаніи. *Георга Борна.* 4 т. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

Рукопись надмуазель Камилль. Романъ княгини *А. Кочубей.* Переводъ съ французскаго. С. Мей. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Вторая жена. Романъ *Е. Марлита.* Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес.

1. **Анушернъ.** 2. **Паукъ Парима.** Романы *Ксавьѣ 'де-Монтензъ,* въ 2-хъ т. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к. съ перес.

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЮТСЯ:

СМѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ

НА 1876 ГОДЪ.

Съ отрывающимися листами на каждый день. Календарь содержит: полные святцы; обозначеніе постовъ; крестные ходы въ С.-Петербургъ и Москву; дневникъ историческихъ событий; сколько прошло дней отъ начала года и сколько осталось до конца. Цѣна на кордонной папкѣ 60 коп., съ перес. 80 к.; выписывающіе сразу 10 экз. за пересылку прилагаютъ по 10 к. за экземпляръ. Цѣна въ избѣ ореховаго дерева 2 р. 50 к., съ пересылкою и прочною упаковкою въ ящикѣ 3 руб.

ГЛУШЬ,

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ И СТОЛИЧНЫЕ ОЧЕРКИ

ГЛѢВА УСПЕНСКАГО.

Содержаніе: Останова. — Подворье. — Надо пить — ѣсть! Старикъ. — Подай, подай прошеніе. — Перевозъ. — Кое-что. — Налетовъ. — Несчастіе одного семейства. — Малиникъ. — Помники. — Балканка. — Мъщанинъ Дрыкинъ. — Мальчикъ Кузьма. — Дворникъ. — По черной гз-станцѣ. — Швей. — Обстановка. — Буапи. — Учитель. — Нечаянне го-сти. — Никитинъ. — День. — Отрывки изъ повѣсти. Цѣна 1 р. 50 к.

Ц Ц Ц С А Ц Ц Ц Ц Ц Ц

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ДРОЗА и КАТРЕЛЯ.

Изданіе 2-е. Первое изданіе этой книги называлось „26 Разсказовъ и Очерковъ.“

Оглавленіе разсказовъ и очерковъ Дрозы: Мой первый ужинъ въ холостой компаніи — Душа въ мучахъ. — Великолостыня воспитанница: Проповѣдь. — Каюшиса. — Сновидѣніе. — Лозная трезвота. — За вѣромъ. — Жена ѣдетъ на балъ. — Балъ въ посольствѣ. — Сердечныя печали. — Оскаръ. — Яичница. — Семейство де-Сенъ-Паока. — Вступительная бесѣда отца Z. — Въ мѣри. — Въ церкви. — Мой первенецъ. — Новый годъ въ семействѣ. — Письма молодой матери. — Четыре года слуги. — Ему было-бы сорокъ лѣтъ. — Выходороженіе. — Семья. — Оглавленіе разсказовъ и очерковъ Катрели: 26-е декабря. — Сушильница. — С. Жерменъ и С. Оноре — Соусъ. — Знатный покойникъ. — Последний человекъ и послѣдній эхо. Цѣна 1 р. 50 к.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Историческій романъ изъ современной жизни Испаніи, *Георга Борна*, автора „Изабеллы“, „Евгеніи“ и друг. 4 тома, съ портретомъ Донъ-Карлоса. Цѣна 3 р. 50 к.

ПОХОЖДЕНІЯ ФОМУШКИ ТРУБОЧИСТА

на землѣ и подѣ водою, съ картинами. Цѣна въ папѣ 1 р.

БАБОЛЕНЪ.

Романъ Густава Дроза. Цѣна 1 р. 50 к.

ПЕТЯ НА ШЕѢ.

Уголовный романъ. Э. Габорию. Цѣна 2 р.

Выписывающіе отъ Н. П. Карбасникова, С.-Петербургъ, Басковъ пер., № 7, кв. 21,

за пересылку не платятъ.

**ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА
И МОСКВЫ.**

П Р О Д А Ю Т С Я :

1. БѢДНЫЕ РОДСТВЕННИКИ. Романъ Бальзака. Цѣна 1 руб. 80 коп., съ пер. 2 руб.
 2. ЩЕГОЛИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Романъ Жюля Кларети. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.
 3. ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВОЧКИ. Г-жи Е. С—ой. Одобрено ученымъ комитетомъ женскихъ учебныхъ заведеній. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 руб. 75 коп.
 4. ПОВѢСТИ ГОФМАНА. Для дѣтей старшаго возраста. Т. I. Цѣна 85 коп., съ пер. 1 руб. Т. II. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.
 5. ПРИКЛЮЧЕНІЯ НѢМЕЦКОЙ КОЛОНИИ. Романъ Фр. Герштейкера. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 25 коп.
-

Вышелъ второй томъ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ,

Соч. М. А. ФИЛИПОВА.

Цѣна 1 р. 50 к.; совмѣстно съ 1-мъ томомъ 4 рубля.

Содержаніе второго тома. *Глава I.* Верховные и чрезвычайные суды. Порядокъ преданія суду и самаго суда надъ министрами и членами государственнаго совѣта. *Глава II.* Судъ административный. Порядокъ производства тяжбъ съ казною и по дѣламъ подряднымъ. *Глава III.* Реформа духовныхъ судовъ и бракоразводныхъ дѣлъ, причѣмъ развиваются слѣдующія положенія: Церковь не есть общество, а собраніе вѣрующихъ, поэтому она не можетъ сдѣлаться ни государствомъ въ государствѣ, ни частью государства. Епитимія не есть наказаніе; вѣнчаніе не есть таинство; двойныя наказанія не могутъ, по слову Божію, быть налагаемы, а потому не могутъ быть духовныя наказанія послѣ уголовныхъ. Всѣ бракоразводныя дѣла должны подлежать судамъ свѣтскимъ; разводъ по добровольному согласію долженъ быть допущенъ, равно какъ и брачныя контракты; усновленіе должно быть совершенно свободно. Уголовное уложеніе должно быть перемотрено и должны быть отменены всѣ законы, стѣсняющіе свѣсть, такъ-какъ религія не можетъ быть обращена въ положительный законъ. *Глава IV.* Теорія коллегіальности и единоличности суда. *Глава V.* Общегосударственныя и мѣстныя управленія судебной власти. *Глава VI.* О всеословной волости.

**ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДА-
ЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“:**

ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ,

РОМАНЪ В. ГЮГО.

Въ двухъ томахъ. Перев. съ франц. Изд. Редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 30 к.

*Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за поло-
винную цѣну, т. е. 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 30 к.*

РОМАНЪ ЛУИЗЫ АЛЬКОТЬ:

АМЕРИКАНКА.

Цѣна безъ перес. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

*На всѣ изданія Редакціи журнала „Дѣло“ уступается
подписчикамъ на этотъ журналъ 20%.*

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1876 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) отъ книжнаго магазина Шигина; 4) о выходѣ въ свѣтъ II тома „Судебной реформы“, М. А. Филиппова.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1876 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39) и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова,
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи
Ольхиной, и въ Книжномъ Магазинѣ
для Иногороднихъ, на Невскомъ, въ д.
Льсникава.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева,
на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алек-
сѣева; а также въ книжномъ магазинѣ
А. Л. Васильева, на Страстномъ буль-
варѣ, въ д. Шамардина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества —
20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначеевъ.

Въ настоящемъ 1876 году продолжается подписка на второе полугодіе жур-
нала „ДЪЛО“, съ 7 книжки по 12-ю включительно.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 188